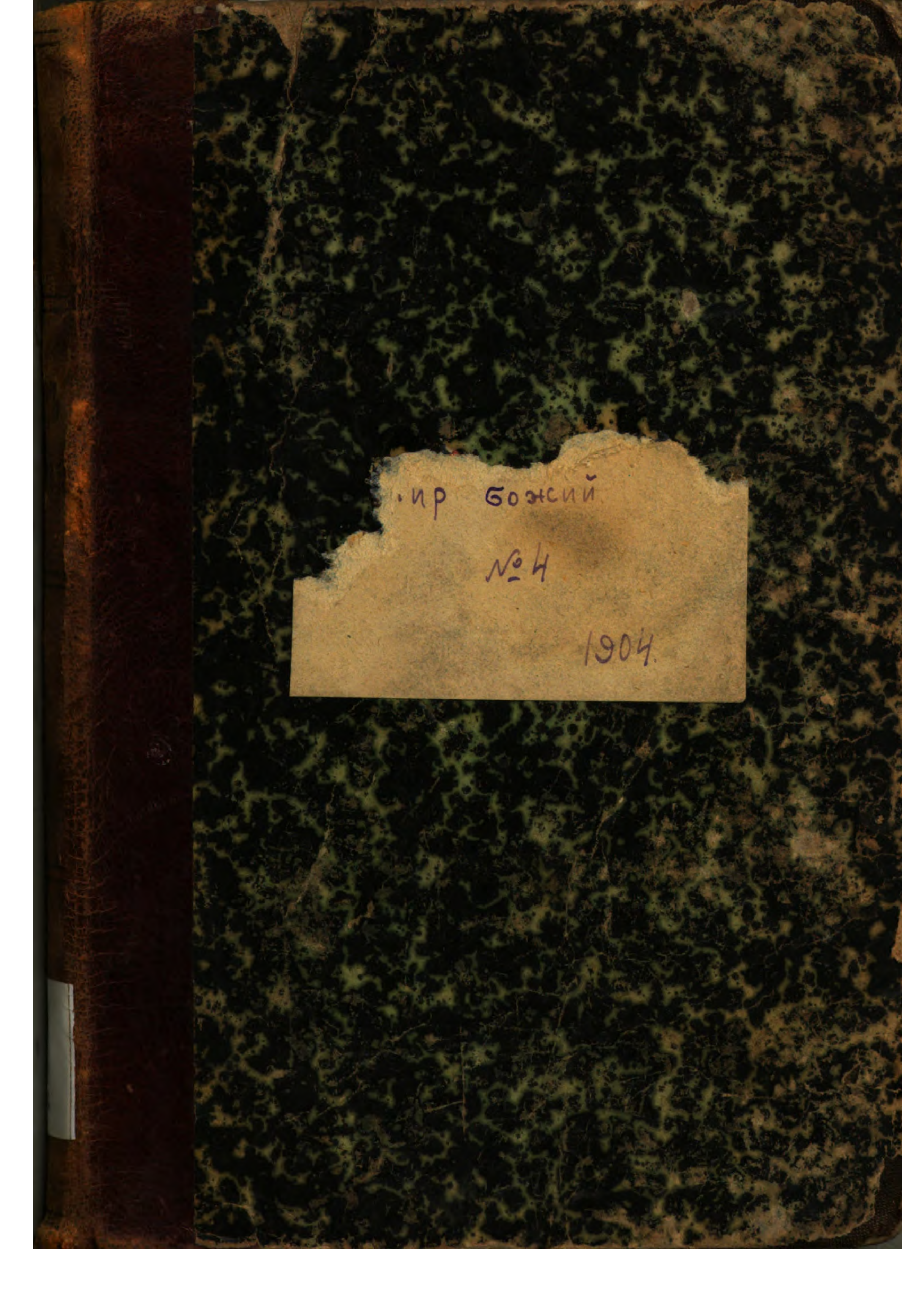
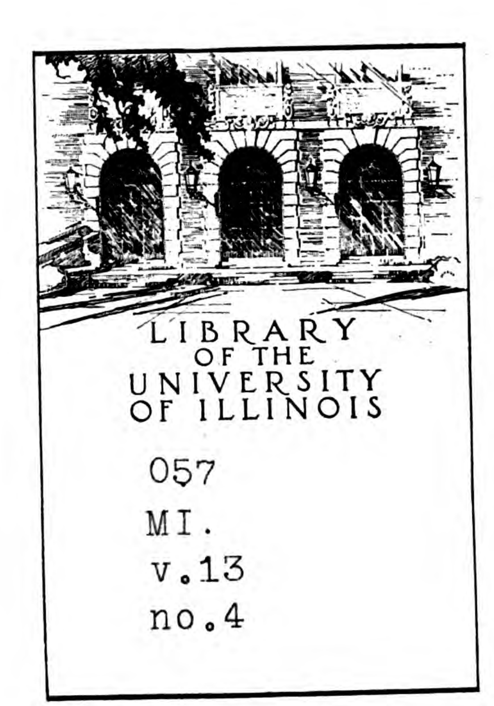


·ир божий
№ 4
1904.









Годъ XIII-й. № 4-й.

МIРЪ БОЖIЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНIЯ.

АПРѢЛЬ.

1904 г.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографiя И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1904.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Годъ XIII-й. № 4-й.

МIРЪ БОЖIЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

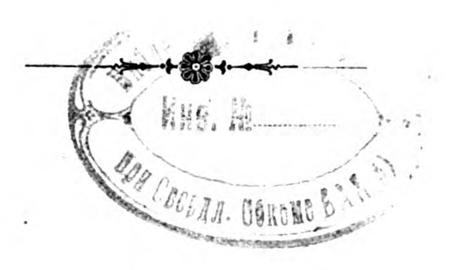
ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНIЯ.



АПРѢЛЬ.

1904 г.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографiя И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1904.

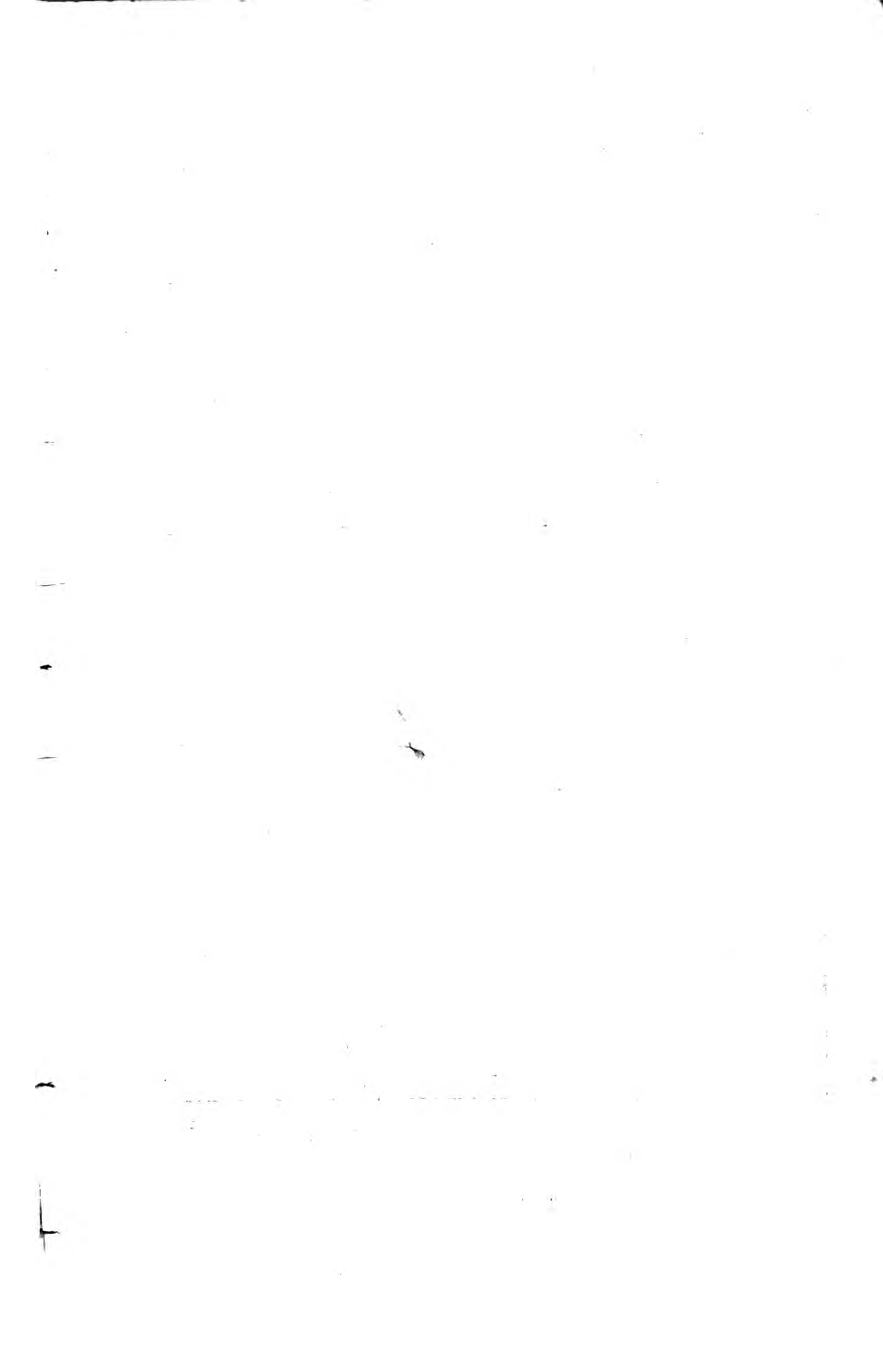
Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23-го марта 1904 года.

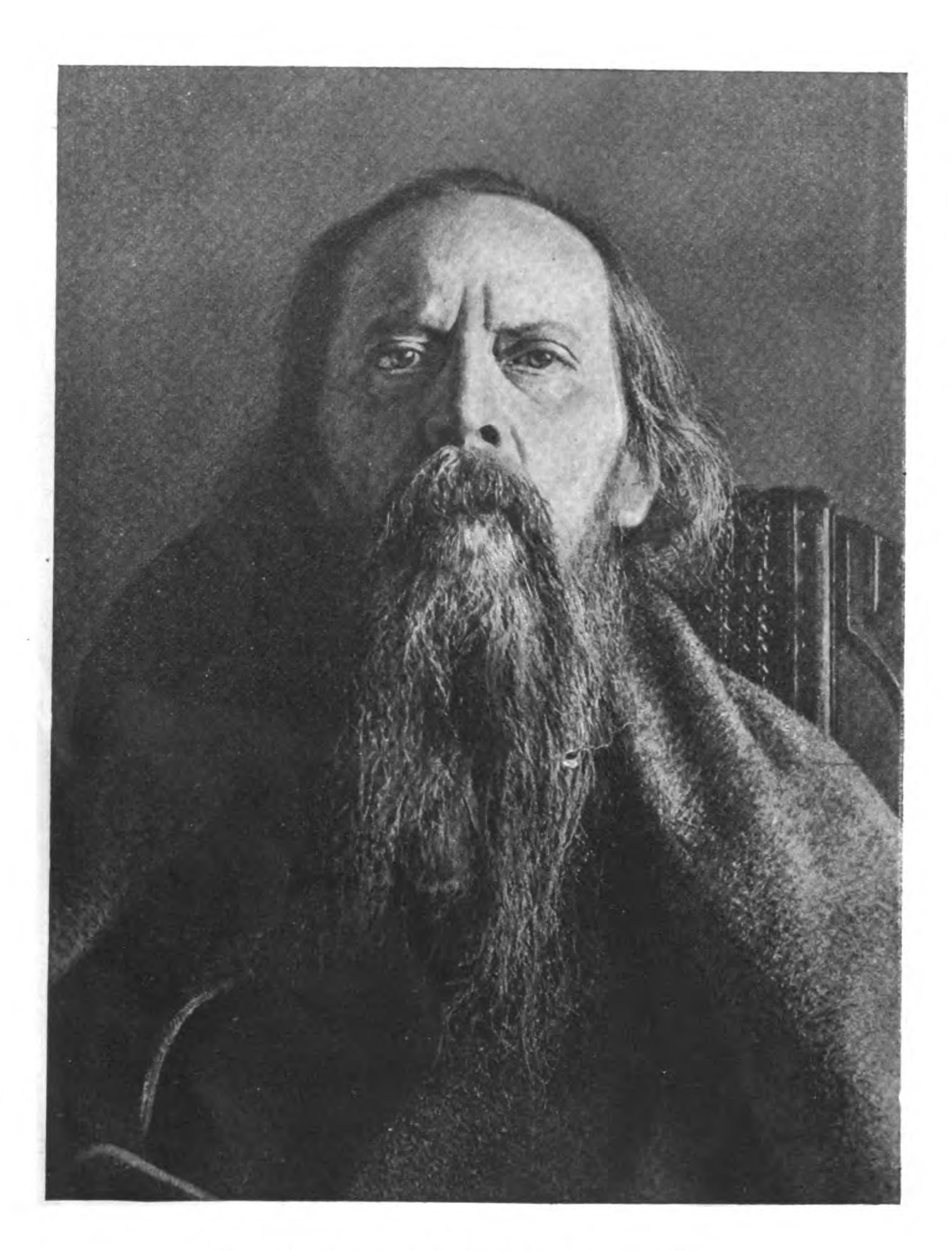
СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.





Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ.

(1826—1889 г.).

М. Е. САЛТЫКОВЪ.

(Н. ЩЕДРИНЪ).

(Опытъ литературной характеристики).

ВВЕДЕНІЕ.

1.

Прошло 15 лѣтъ съ той поры, какъ изъ дрожащихъ рукъ умиравшаго сатирика навсегда выпало перо, выводившее уже неувѣренныя колеблющіяся строки «Забытыхъ словъ», которыя онъ хотѣлъ напомнить читателю-другу, чтобы дать ему новый вдохновляющій лозунгъ въ тяжелой борьбѣ съ современной ему дѣйствительностью. А дѣйстительность эта была суровая, обезцвѣчивающая всѣ краски общественной и индивидуальной жизни, и вспыхнувшему послѣднимъ предсмертнымъ огнемъ взору сатирика она не безъ основанія представлялась въ видѣ однотоннаго, сѣраго, беззвучнаго пространства.

«Сѣрое небо, сѣрая даль, наполненная скитающимися сѣрыми призраками. Въ сѣрѣющемъ окрестъ болотѣ кишатъ и клубятся сѣрые гады; въ сѣромъ воздухѣ беззвучно рѣютъ сѣрыя птицы; даже дорога словно сѣрымъ пепломъ усыпана. Сердце мучительно надрывается подъ гнетомъ загадочной, неизмѣримой тоски.

«Удручаютъ сѣрые тоны, но еще больше удручаетъ безмолвіе. Ни звука, ни шороха, ничего, кромѣ печати погибели...» *).

Разумѣется, за 15 лѣтъ, протекшихъ съ того времени, когда были написаны только что приведенныя строки, многое, если не въ формахъ, то въ содержаніи русской жизни, измѣнилось: однотонная сѣрая даль запестрѣла красками, явственно зашипѣли гады, расцвѣтились и даже запѣли хоры птицъ. Еще больше перемѣнъ въ общественной жизни Россіи произошло за тѣ 53 года, которые протекли отъ начала литературной дѣятельности Салтыкова, или даже за 48 лѣтъ со времени появленія на страницахъ «Русскаго Вѣстника» «Губернскихъ Очерковъ», съ которыхъ принято считать начало щедринской сатиры. И если

---

*) „Забытыя слова". „Полное собр. сочиненій М. Е. Салтыкова", т. I. Замѣтимъ здѣсь, что всѣ цитаты изъ „Полнаго собр. соч." сдѣланы нами по 4-му изданію А. Ф. Маркса, Спб. 1900 г.

подсчитать и учесть всѣ эти измѣненія, происшедшія въ русской общественности за періодъ ея полувѣкового развитія, то въ итогѣ окажется, что многое изъ того, что, годъ за годомъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, добросовѣстно отмѣчалъ нашъ лѣтописецъ-сатирикъ, теперь, въ наши дни, имѣетъ интересъ только историческій. Многое. Но, во-1-хъ, въ томъ огромномъ литературномъ наслѣдствѣ, которое завѣщалъ намъ сатирикъ, это многое является сравнительно лишь малою частью, а во-2-хъ, если бы даже мы могли похвастать счастьемъ радикальнаго разрыва съ наиболѣе темными сторонами нашего недавняго прошлаго, то и тогда разносторонняя сатира этого прошлаго, написанная Салтыковымъ, должна была бы остаться нашей любимой настольной книгой.

Достойно вниманія, что и при жизни сатирика наиболѣе сильно поражали читателя не тѣ картины, которыя онъ писалъ съ живой, истекающей кровью натуры, а тѣ, въ которыхъ онъ рисовалъ явленія, хронологически давно изжитыя и даже какъ бы похороненныя. «Господа Головлевы» и «Пошехонская Старина» недаромъ считаются безсмертными шедеврами русской литературы. Секретъ огромной цѣнности этихъ именно произведеній среди множества другихъ, написанныхъ тѣмъ же перомъ, заключается не въ томъ только, что авторъ, рисуя прошлое, могъ отыскать въ себѣ тѣ запасы объективизма и спокойствія, которые такъ необходимы для художественнаго воспроизведенія жизни, но и въ широкомъ размахѣ мысли, которая въ давно изжитомъ прошломъ умѣетъ отыскать живучіе ростки, цѣпко хватающіеся за будущее и связывающіе мертвое «было» съ еще не народившимся «будетъ» черезъ посредство волнующаго насъ «есть». Только что названныя нами произведенія Салтыкова, трактующія пережитки далекой старины, потому и безсмертны, потому и читаются даже теперь съ захватывающимъ интересомъ, что въ нарисованныхъ тамъ историческихъ картинахъ чувствуется живая современность, которая, въ свою очередь, уже теперь заражаетъ своимъ ядовитымъ дыханіемъ атмосферу будущаго.

«Люди позднѣйшаго времени скажутъ мнѣ, что все это было и быльемъ поросло, и что, стало быть, вспоминать объ этомъ не особенно полезно»,—писалъ Салтыковъ, объясняя появленіе «Пошехонской Старины» спустя слишкомъ четверть вѣка послѣ отмѣны крѣпостного права.—«Знаю я и самъ, что фабула этой были дѣйствительно поросла быльемъ; но почему же, однако, она и до сихъ поръ ярко выступаетъ передъ глазами отъ времени до времени? Не потому ли, что, кромѣ фабулы, въ этомъ трагическомъ прошломъ было нѣчто еще, что далеко не поросло быльемъ, а продолжаетъ и до днесь тяготѣть надъ жизнью? Фабула исчезла, но въ характерахъ образовалась извѣстная складка, въ жизнь проникли извѣстныя привычки... Спрашивается: исчезли ли, вмѣстѣ съ фабулой, эти привычки, эта складка?» *).

---

*) „Пошехонская Старина", т. XII, стр. 46.

Конечно, на этотъ вопросъ Салтыковъ не только въ «Пошехонской Старинѣ», но и цѣломъ рядѣ другихъ своихъ произведеній можетъ отвѣтить только отрицательно. Авторъ «Пошехонской Старины», авторъ «Исторіи одного города», онъ ни на минуту не могъ бы отвлечься въ область историческихъ развѣдокъ, если бы къ этому не влекли его живые интересы современости и даже—скажемъ точнѣе—интересъ текущаго момента.

2.

Страстный, активно-эмоціональный характеръ Салтыкова влекъ его къ постоянному непосредственному участію въ самой гущѣ жизни. Родись онъ въ Западной Европѣ, изъ него навѣрное выработался бы горячій боевой общественный дѣятель, который одинаково свободно чувствовалъ бы себя всюду, гдѣ только представляется возможность широкаго воздѣйствія на политическую и соціальную жизнь страны. Его голосъ раздавался бы въ общественныхъ собраніяхъ, въ судахъ, на парламентскихъ трибунахъ, его убѣжденное слово распространялось бы въ многочисленныхъ памфлетахъ, его жажда практической работы, съ осязательными, учитываемыми результатами, находила бы себѣ, быть можетъ, временное удовлетвореніе на министерскомъ креслѣ и т. д. Въ Россіи Салтыковъ могъ найти приложеніе этой своей неутолимой жаждѣ только въ двухъ областяхъ—въ литературѣ и въ бюрократіи,—и мы знаемъ, что обѣ эти области были имъ использованы, и обѣ онѣ должны быть приняты въ разсчетъ при оцѣнкѣ его интеллектуальной физіономіи.

Хотя долгій опытъ бюрократической дѣятельности привелъ Салтыкова къ категорическому убѣжденію въ полномъ отсутствіи у бюрократіи творческихъ силъ *), но не надо забывать, что сознательная жизнь Салтыкова началась тогда, когда «неусыпающее движеніе административнаго механизма» многимъ казалось «величественнымъ и плавнымъ», когда «въ любомъ указѣ губернскаго правленія предполагалось больше творческой силы, нежели, напримѣръ, въ произведеніяхъ Гоголя», когда даже такіе «заговорщики», какъ Петрашевскій и Тимковскій, мечтали осуществить свои утопическіе планы при любезномъ содѣйствіи все той же всесильной, казалось, бюрократіи. Огромное значеніе бюрократіи прямо противопоставлялось «безсильной литературной стряпнѣ». Въ то время, какъ указъ губернскаго правленія объявлялъ о рекрутскомъ наборѣ, напоминалъ о своевременномъ взносѣ податей, предписывалъ о пополненіи продовольственныхъ запасовъ, предупреждалъ, угрожалъ, понуждалъ, — словомъ, «и прямо и косвенно врѣзывался въ жизнь множества людей». — дѣйствіе повѣстей Гоголя на большинство

*) „Мелочи жизни", т. V, стр. 50.

читателей «ограничивалось только взрывомъ хохота, и только въ рѣдкихъ случаяхъ производило что-то похоже на отрезвленіе». Къ тому же, для того, чтобы почувствовать и оцѣнить это отрезвленіе, надобно было самому быть достаточно трезвымъ. Такое противопоставленіе бюрократической и литературной работы настолько доминировало въ русскомъ обществѣ, что даже Коршуновъ, «человѣкъ всецѣло литературный, жившій одною жизнью съ русской литературой, не знавшій никакихъ интересовъ, кромѣ интересовъ литературы, не вкусившій ни одной радости, которая не имѣла бы источникомъ литературу», даже Коршуновъ долженъ былъ убѣдиться, что «жизнь есть администрація», и, не обижаясь, принять къ свѣдѣнію мнѣніе о ничтожествѣ литературныхъ «интересишковъ»*).

Приставленный къ бюрократической стряпнѣ, сначало независимо отъ собственной воли и желаній, Салтыковъ, кстати сказать, въ своихъ отношеніяхъ къ бюрократіи, до поразительной точности воспроизводитъ біографію своего знаменитаго предшественника Рабле, въ той ея части, которая характеризуетъ отношенія французскаго сатирика къ монашеству. Оба они, и Рабле и Салтыковъ, относятся къ своимъ монастырямъ совершенно отрицательно и притомъ по однимъ и тѣмъ же приблизительно мотивамъ: Рабле въ католическихъ монахахъ, Салтыкова въ дореформенномъ чиновничествѣ, одинаково отталкиваютъ невѣжество, праздность и лицемѣріе, поддерживаемое тамъ іерархіей, здѣсь табелью о рангахъ. Оба они тяготятся окружающей ихъ средой, но остаются въ ней, — одинъ потому, что эта среда представляетъ благопріятную обстановку для его реформаторской работы въ сферѣ «гуманистическихъ» наукъ, культивированіе которыхъ въ эту пору разгара возрожденія признается лучшими умами Франціи единственнымъ живымъ дѣломъ, другой—потому, что эта среда кажется ему лучшимъ поприщемъ для непосредственнаго воздѣйствія на жизнь. Рабле не вынесъ обстановки французскаго монастыря и, преслѣдуемый монахами, которымъ не могли нравиться постоянныя его издѣвательства надъ ними, бѣжалъ. По такимъ же приблизительно мотивамъ оставилъ свою службу по министерству внутреннихъ дѣлъ и Салтыковъ. И того и другого, однако, скоро потянуло назадъ, причемъ оба, впрочемъ, постарались на этотъ разъ нѣсколько измѣнить тяготившую ихъ первоначальную обстановку: одинъ перемѣнилъ орденъ—францисканцевъ на бенедектинцевъ, другой вѣдомство — министерство внутреннихъ дѣлъ на министерство финансовъ,—въ которомъ онъ могъ разсчитывать на бо́льшую самостоятельность. Но если Рабле удалось теперь же, съ перемѣною ордена, уклониться отъ монастырской жизни и отдать себя всецѣло научной и литературной работѣ, то Салтыковъ, вторично поступивъ на государственную

*) „Сборникъ", т. V, стр. 547.

службу, долженъ былъ оставаться на ней еще цѣлыхъ 3½ года, прежде чѣмъ отдаться всецѣло, и уже навсегда и безповоротно, литературной дѣятельности.

Подобно Рабле, воздавъ огромными дозами сарказма и смѣха этой, теперь близко знакомой ему, средѣ, которая такъ жестоко обманула его ожиданія, Салтыковъ какъ бы старается наверстать безплодно убитые въ бюрократической кухнѣ дорогіе годы и принимается за литературную работу съ такой колоссальной энергіей, которая тѣмъ болѣе поражаетъ и количествомъ и качествомъ огромной произведенной работы, что съ средины 70-хъ годовъ здоровье его серьезно расшатывается и требуетъ постояннаго и систематическаго леченія.

Разсматривая теперь «весь міръ лишь постольку, поскольку онъ представляетъ матеріалъ для литературнаго воздѣйствія», Салтыковъ, какъ ни одинъ изъ русскихъ, да, пожалуй, какъ ни одинъ изъ писателей всего міра, со страстнымъ напряженіемъ прислушивался къ откликамъ, которые могли дать на его литературную работу тѣ «прекрасные незнакомцы, ради которыхъ русскій писатель волнуется въ своей конурѣ». Исторія его отношеній къ читателю—это сплошной романъ, всѣ главы котораго, при отсутствіи любовной интриги, переполнены той нервозностью, которая характеризуетъ нервныя отношенія пламеннаго любовника. Онъ не можетъ примириться съ мыслью, что писатель только «пописываетъ», а читатель «почитываетъ». Для него литература—это трибуна, съ которой писатель и читатель должны приходить въ самое близкое, непосредственное соприкосновеніе и вмѣстѣ, рука объ руку, взаимно другъ друга поддерживая, идти къ одной общей цѣли. Недаромъ же въ одной англійской статьѣ, напечатанной въ началѣ 80-хъ годовъ въ «Daily News», Салтыковъ трактуется какъ лидеръ дѣйствующей въ Россіи партіи, очень хитро ведущей свое дѣло. Это была завѣдомая неправда, которую Салтыковъ счелъ необходимымъ опровергнуть особымъ письмомъ въ редакцію англійской газеты. Но эта неправда очень въ то же время характерна по отношенію къ человѣку, который вторгался въ жизнь только съ перомъ въ рукѣ, который поддерживалъ свое непрерывное и страстное общеніе съ внѣшнимъ міромъ, почти не выходя изъ своего кабинета *). За отсутствіемъ всякихъ иныхъ способовъ общенія съ массами общества, сатирикъ въ такой степени высоко оцѣнивалъ значеніе литературы, что къ достоинству ея, послѣ восторженныхъ гимновъ Салтыкова, едва ли можно было бы прибавить хоть одну новую черточку.

---

*) Здѣсь кстати замѣтить, чтоэ та же статья „Daily News“ пустила въ оборотъ быстро распространившійся затѣмъ въ Россіи совершенно фантастическій разсказъ объ обстоятельствахъ произведеннаго будто бы у Салтыкова обыска, которому онъ никогда, однако, со времени ссылки въ Вятку, не подвергался.

3.

Остановившись на литературѣ, въ которой онъ нашелъ теперь лучшее и даже единственное средство для непосредственнаго вмѣшательства въ водоворотъ жизни, отдавъ ей, литературѣ, свой исключительный талантъ и всѣ огромные запасы своихъ силъ, Салтыковъ, въ своей оцѣнкѣ значенія литературы, усиленно подчеркивалъ ея роль въ устроительствѣ будущаго.

«Литература,—пишетъ онъ въ одномъ мѣстѣ,—проводитъ законы будущаго, воспроизводитъ образъ будущаго человѣка. Утопизмъ не пугаетъ ее, потому что онъ можетъ запугать и поставить въ тупикъ только улицу. Типы, созданные литературой, всегда идутъ далѣе тѣхъ, которые имѣютъ ходъ на рынкѣ, и потому-то именно они и кладутъ извѣстную печать даже на такое общество, которое, повидимому, всецѣло находится подъ гнетомъ эмпирическихъ тревогъ и опасеній. Подъ вліяніемъ этихъ новыхъ типовъ, современный человѣкъ, незамѣтно для самого себя, получаетъ новыя привычки, ассимилируетъ себѣ новые взгляды, пріобрѣтаетъ новую складку, однимъ словомъ—постепенно вырабатываетъ изъ себя новаго человѣка». *).

Къ этой мысли о высокомъ значеніи литературы для будущихъ поколѣній и о громадной поэтому важности для самой литературы постановки и разработки идеаловъ, которые на языкѣ Салтыкова называются «утопіями», какъ на языкѣ Ничше—«призраками», сатирикъ на протяженіи своей долгой литературной дѣятельности возвращается много разъ. И это въ высшей степени характерно для него. Неутомимый борецъ противъ зла, поражающаго современность, онъ, подобно Ничше, чувствуетъ себя чужимъ въ «странѣ отцовъ и матерей» и всѣми силами души своей тяготѣетъ къ «странѣ дѣтей». И если бы понадобилось найти эпиграфъ, который долженъ былъ бы украсить полное собраніе сочиненій Салтыкова, мы не могли бы рекомендовать ничего лучше, ничего характернѣе для опредѣленія литературной дѣятельности Салтыкова, какъ слѣдующія слова Заратустры:

«Höher als die Liebe zum Nächsten steht die Liebe zum Fernsten und Künftigen; höher noch als die Liebe zu Menschen gilt mir die Liebe zu Sachen und Gespenstern» **).

Салтыковъ является для насъ типичнымъ представителемъ «любви къ дальнему», въ лучшемъ смыслѣ этого выраженія. И всѣ достоинства, всѣ недостатки, даже самый характеръ его литературной дѣятельности легко могутъ быть сведены къ этому основному тезису.

---

*) „Итоги", т. X, стр. 679.

**) „Выше; чѣмъ любовь къ ближнему, стоитъ любовь къ дальнему и будущему; еще выше, чѣмъ любовь къ людямъ, цѣню я любовь къ вещамъ и призракамъ". „Такъ говорилъ Заратустра".

Еще въ самомъ началѣ своей литературной карьеры Салтыковъ счелъ необходимымъ какъ бы оправдаться передъ читателемъ въ томъ, что изъ всѣхъ видовъ литературнаго творчества онъ остановился именно на сатирѣ. «Много есть путей служить общему дѣлу,—писалъ онъ,— но смѣю думать, что обнаруженіе зла, лжи и порока также не безполезно, тѣмъ болѣе, что предполагаетъ полное сочувствіе добру и истинѣ» *).

Въ такихъ осторожныхъ выраженіяхъ мотивировалъ свое сатирическое отношеніе къ современности Салтыковъ въ 1856 г., а много лѣтъ спустя ту же мысль, но уже въ категорической и дерзки-смѣлой формѣ, устами Заратустры, формулировалъ Ничше: «Не щади своего ближняго!—такъ повелѣваетъ моя великая любовь къ дальнему».

И въ самомъ дѣлѣ, развѣ активная любовь къ дальнему, стремленіе воплотить это дальнее, т.-е. то, что на языкѣ Салтыкова носитъ названіе утопій, въ жизнь, не предполагаютъ сами по себѣ, какъ необходимаго условія, полнаго разрыва съ ближнимъ и даже борьбы съ нимъ? А Салтыковъ уже въ дѣтствѣ вступилъ въ разладъ съ окружавшей его крѣпостной обстановкой во имя евангельскаго идеала, на смѣну которому впослѣдствіи пришли утопическія построенія Фурье и Сенъ-Симона, положившія неизгладимую печать на всю его нравственную физіономію.

4.

Сатирикъ съ первыхъ же, еще неувѣренныхъ шаговъ литературной карьеры, Салтыковъ осуществляетъ это свое, можно сказать, провиденціальное назначеніе въ такой степени послѣдовательно и стойко, что, кажется, онъ нигдѣ не измѣняетъ себѣ. Даже въ частной бесѣдѣ или перепискѣ, даже въ вице-губернаторскомъ креслѣ онъ остается сатирикомъ, острое зрѣніе котораго не можетъ мириться съ противорѣчіями между тѣмъ, что есть и что должно быть. «Противорѣчіями» названа его первая юношеская повѣсть, противорѣчія онъ отмѣчаетъ затѣмъ въ теченіе всей своей послѣдующей жизни, не разбрасываясь въ стороны и не насилуя своего таланта какими-нибудь иными, несродными ему задачами. Быть можетъ, этой послѣдовательной и огромной при этомъ работой въ одномъ неизмѣнномъ направленіи возможно объяснить то удивительное явленіе, что талантъ писателя замѣтно и непрерывно растетъ, растетъ даже тогда, когда физическія силы окончательно измѣняютъ писателю и когда, въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ, самое существованіе его является однимъ сплошнымъ мучительнымъ страданіемъ.

Рано начавшаяся литературная карьера Салтыкова рано же позна-

---

*) „Губернскіе Очерки", т. I, стр. 120.

комила его и съ терніями, которыми щедро усыпанъ путь русскаго писателя. Едва успѣла появиться въ свѣтъ вторая его повѣсть—«Запутанное дѣло», какъ онъ долженъ былъ провести цѣлыхъ восемь лѣтъ въ Вяткѣ, вдали отъ жизни и интересовъ, съ которыми онъ по выходѣ изъ лицея успѣлъ сродниться. Другая сторона литературной карьеры—такъ называемая «слава» писательская—открылась для него, когда онъ началъ, въ 1856—57 годахъ, печатать на страницахъ «Русскаго Вѣстника» «Губернскіе Очерки». Новыя и сильныя слова, которыми заговорилъ «надворный совѣтникъ Щедринъ»—этимъ псевдонимомъ подписывалъ Салтыковъ «Губернскіе Очерки»—произвели сильное впечатлѣніе на широкіе круги читателей. Обратила вниманіе на писателя и и критика, причемъ послѣдняя, въ лицѣ наиболѣе вліятельныхъ въ то время своихъ представителей—Добролюбова и Чернышевскаго—дала Щедрину въ высокой степени сочувственную оцѣнку. Однако положеніе его въ литературныхъ кружкахъ было въ это время далеко не устойчивымъ. Часъ для полной и правильной оцѣнки новаго таланта еще не наступилъ, и сочувственные для Салтыкова отзывы ни мало не мѣшали совершенно отрицательному къ нему отношенію даже со стороны людей одинаковаго приблизительно съ нимъ настроенія и тонкаго художественнаго вкуса.

Тургеневъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, датированномъ 8 марта 1857 г., категорически и рѣзко заявляетъ, что «если г. Щедринъ имѣетъ успѣхъ, то, говоря его словами, писать уже «не для-че». Пусть публика набиваетъ себѣ брюхо этими пряностями.—На здоровье!» *).

Не менѣе ядовитый отзывъ о Салтыковѣ далъ въ этомъ же году (27 іюня 1857 г.) въ частномъ письмѣ къ Тургеневу и Некрасовъ. «Всѣ новооткрытые таланты, о которыхъ доходили до тебя слухи,—писалъ Некрасовъ:—сущій пуфъ. Эти водовозы и проч. едва умѣютъ писать по-русски. Геній эпохи—Щедринъ—туповатый, грубый и страшно зазнавшійся господинъ. Публика въ немъ видитъ нѣчто повыше Гоголя. Противно раскрывать журналы,—все доносы на квартальныхъ да на исправниковъ—однообразно и бездарно» **). Спустя семъ лѣтъ подобные же приблизительно взгляды высказалъ уже въ печати Писаревъ въ своей статьѣ—«Цвѣты невиннаго юмора»,—заглавіе которой въ достаточной степени характеризуетъ ея содержаніе.

Не останавливаясь сейчасъ на вопросѣ о томъ, какіе поводы могъ дать самъ Салтыковъ для такой жестокой оцѣнки его литературныхъ дебютовъ, мы здѣсь отмѣтимъ только, что эти, быть можетъ, самые злые и ужъ, конечно, самые талантливые его критики должны были капитулировать передъ силою его выроставшаго дарованія.

---

*) „Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева". Спб. 1885 г. Письмо къ Е. Я. Колбасину, стр. 50.

**) „Русская Старина" 1897 г., кн. XI: „На зарѣ крестьянской свободы", R.

Всегда чуткій къ «новооткрытымъ» и даже къ неоткрытымъ талантамъ, Некрасовъ капитулировалъ первымъ. Онъ очень скоро понялъ и постарался исправить свою ошибку: такъ неудачно оцѣненный имъ въ 1857 г. сатирикъ съ 1859 г. дѣлается постояннымъ сотрудникомъ его журнала, а въ началѣ 1863 г. мы видимъ Салтыкова уже, рядомъ съ Некрасовымъ, во главѣ «Современника», а затѣмъ, съ 1868 г. во главѣ и «Отечественныхъ Записокъ». Въ томъ же 1868 г. переходитъ въ «Отечественныя Записки» и Д. И. Писаревъ, этимъ фактомъ свидетельствуя о коренномъ измѣненіи своего взгляда на осмѣяннаго имъ раньше писателя, который сталъ теперь руководителемъ журнала. Что касается Тургенева, то объ его абсолютной капитуляціи передъ огромнымъ дарованіемъ сатирика говорятъ намъ его собственныя признанія, сдѣланныя имъ какъ въ частной перепискѣ, такъ и въ печати *). Онъ понялъ, что область, отмежеванная сатирикомъ въ русской словесности, имѣетъ всѣ права на самостоятельное, независимое существованіе и что въ этой области Салтыковъ «неоспоримый мастеръ и первый человѣкъ» **). «Невольно» задаваясь вопросомъ, «отчего Салтыковъ, вмѣсто очерковъ, не напишетъ крупнаго романа съ группировкой характеровъ и событій, съ руководящей мыслью и широкимъ исполненіемъ», Тургеневъ здѣсь же и отвѣчаетъ себѣ: оттого, «что романы и повѣсти — до нѣкоторой степени пишутъ другіе, а то, что дѣлаетъ Салтыковъ—кромѣ его нѐкому» ***).

Одержавъ блестящую побѣду надъ такими мощными супостатами, какими являлись три названныхъ нами писателя, Салтыковъ быстрыми и увѣренными шагами подвигался впередъ, поднимаясь все выше и выше къ тѣмъ высотамъ литературы, съ которыхъ огромное значеніе писателя становится уже безспорнымъ даже для несогласно съ нимъ мыслящихъ жителей долинъ. Правда, и теперь еще изъ литературныхъ подворотенъ выскакиваютъ иногда маленькія, но неистовыя существа, которыя раздраженно тявкаютъ по направленію къ вершинѣ, на которой возвышается огромная фигура сатирика ****). Но существа эти, несмотря на всклокоченность ихъ шерсти, столь малы, слабое тявканіе ихъ столь одиноко и незамѣтно, что въ хорѣ человѣческихъ голосовъ, составляющихъ въ совокупности русскую литературу, они нико-

---

*) Печатный отзывъ о Салтыковѣ Тургеневъ далъ по поводу „Исторіи одного города" въ № 19 англійскаго журнала „The Academy" за 1871 г.

**) „Первое собраніе писемъ". Письмо къ М. Е. Салтыкову 9 апрѣля 1873 г., стр. 217.

***) Ibid. Письмо къ М. Е. Салтыкову 28 октября 1875 г., стр. 267.

****) Для примѣра укажемъ хотя бы на, съ позволенія сказать, „Исторію русской литературы" г. Николая Энгельгардта, гдѣ щедринская сатира обличается въ „совершенно безсодержательномъ зубоскальствѣ" (т. II, стр. 223), „чрезвычайной мелководности" (стр. 224) и въ другихъ тому подобныхъ противъ „Исторіи русской литературы Николая Энгельгардта" грѣхахъ.

имъ образомъ не могутъ быть приняты въ разсчетъ. Фактъ общепризнанности огромного литературнаго достоинства и общественнаго значенія сатиры Салтыкова остается фактомъ, а если въ то же время мы должны считаться и съ тѣневыми сторонами дѣятельности писателя, то это значитъ только, что и на солнцѣ есть пятна.

Къ сожалѣнію, не взирая на эту общепризнанность значенія сатирика, а, можетъ быть, даже благодаря ей, наша литература не дала до сихъ поръ сколько-нибудь исчерпывающей характеристики Салтыкова. Мало того. Чуть ли не ежедневно упоминая имя сатирика и безконечно цитируя его на столбцахъ и страницахъ періодическихъ органовъ, наша литература не приложила никакихъ стараній даже для того, чтобы освѣжить въ сознаніи новыхъ поколѣній самый образъ писателя. Неудивительно поэтому, что въ памяти современнаго молодого читателя рѣзко очерченная литературная физіономія сатирика въ значительной степени потускнѣла и, среди менѣе яркихъ, но ближе къ нему, читателю, стоящихъ новыхъ литературныхъ дѣятелей, какъ-то отодвинулась и затерялась.

Заполнить хотя бы отчасти этотъ серьезный пробѣлъ въ нашей литературѣ и такимъ образомъ побудить читателя вновь протоптать заростающую нынѣ тропу къ величественному памятнику, который воздвигъ себѣ сатирикъ изъ своихъ значительныхъ по размѣрамъ таланта произведеній, и составляетъ задачу настоящей работы.

I.

Автобіографическое значеніе „Пошехонской Старины“ и „Господъ Головлевыхъ“.

Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ родился 15 января 1826 г. въ старомъ дворянскомъ гнѣздѣ, въ селѣ Спасъ-Уголъ, Калязинскаго уѣзда, Тверской губерніи.

О первыхъ и самыхъ, конечно, рѣшающихъ годахъ жизни писателя, проведенныхъ имъ въ тиши деревенскаго захолустья, нѣтъ почти никакихъ извнѣ сообщенныхъ біографическихъ свѣдѣній. Но скудость ихъ въ огромной степени искупается той удивительной по яркости воспроизведенія картиной вскормившей его семейной обстановки, которая дана самимъ сатирикомъ въ «Пошехонской Старинѣ» и частью въ «Господахъ Головлевыхъ». Правда, во введеніи къ «Пошехонской Старинѣ» Салтыковъ на первой же страницѣ проситъ читателя не смѣшивать личности автора съ личностью Никанора Затрапезнаго, отъ имени котораго ведется разсказъ, и утверждаетъ, что автобіографическаго въ этомъ разсказѣ мало, что онъ является просто сводомъ жизненныхъ наблюденій, гдѣ чужое перемѣшано со своимъ и гдѣ въ то же время дано мѣсто и вымыслу. То же приблизительно, какъ передаетъ д-ръ Бѣлоголовый, говоритъ Салтыковъ и о «Господахъ Головлевыхъ», гдѣ, по его словамъ, воспроизведены изъ дѣйствительности только нѣкоторые типы родственниковъ

автора и отчасти нѣкоторые эпизоды ихъ семейной вражды и ссоры, но въ развитіи фабулы повѣсти и въ изображеніи судьбы дѣйствующихъ лицъ допущено много вымысла *).

Эти предупрежденія писателя, особенно по отношенію къ «Пошехонской Старинѣ», можно принять, однако, лишь съ большими оговорками. Вполнѣ понятно, что въ широкихъ картинахъ развернутой въ названныхъ произведеніяхъ жизни правда житейская должна была во многихъ случаяхъ стушеваться и отступить передъ требованіями правды художественной, тѣмъ болѣе, что и задачи, стоявшія передъ писателемъ, были совсѣмъ не таковы, чтобы точность автобіографическаго матеріала можно было бы ставить на первый планъ. Вѣдь какъ никакъ, а «Пошехонская Старина»—все таки сатира, причемъ самая тема этого произведенія, какъ и всѣхъ другихъ, выходившихъ изъ подъ пера сатирика, навѣяна не случайными личными настроеніями автора, а живыми общественными злобами переживаемаго дня. И вдумчивый читатель того времени очень хорошо понималъ, что еще лѣтъ за десять передъ этимъ Салтыкову, вѣроятно, и въ голову не приходило, что онъ сдѣлается лѣтописцемъ «Пошехонской Старины». «Но времена значительно измѣнились—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Салтыковѣ Л. Ѳ. Пантелѣевъ:—что считалось навсегда похороненымъ, да еще съ печатью заклейменія, то вдругъ стало предметомъ реабилитаціи и идеализаціи. Отвѣтомъ на это теченіе и явилась «Пошехонская Старина» **). Такимъ образомъ, вполнѣ естественно предположить, что въ картинѣ дѣйствительной жизни, взятой въ основу этого произведенія, мѣстами должны быть сгущены краски, мѣстами измѣнена перспектива въ размѣщеніи матеріала и т. д.

И тѣмъ не менѣе многое въ этой поистинѣ художественной сатирѣ до такой степени мало отклоняется отъ дѣйствительности, что смѣло, безъ риска сколько-нибудь серьезныхъ погрѣшностей, можетъ быть принято за правдивый автобіографическій разсказъ.

Тотъ же Л. Ѳ. Пантелѣевъ, воспоминанія котораго мы только что цитировали, свидѣтельствуетъ о болѣзненной страстности, съ какою относился писатель къ персонажамъ «Пошехонской Старины».

«— Ахъ, поскорѣе бы кончить,—говорилъ ему сатирикъ, когда «Пошехонская Старина» находилась, такъ сказать, въ процессѣ творчества:—не даютъ мнѣ покоя (персонажи сатиры), все стоятъ передо мной, двигаются; только тогда и перестаютъ, когда кто-нибудь совсѣмъ сходитъ со сцены».

Конечно, это были не отвлеченные продукты фантазіи, такъ властно втянувшіе автора въ интересы своего безплотнаго существованія,—это

---

*) Н. А. Бѣлоголовый „Воспоминанія и другія статьи". М. 1897 г., стр. 229.

**) „Изъ Воспоминаній о М. Е. Салтыковѣ" Л. Пантелѣева, „Сынъ Отечества" 1899 г. №№ 111 и 112.

были живые образы, которые теперь, изъ глубинъ далекаго прошлаго, встали передъ писателемъ и снова крѣпко стянули тѣ давно ослабѣвшія и даже, казалось, порванныя нити, какими когда-то переплеталось ихъ земное бытіе съ радостями, горемъ и страданіями молодой жизни Салтыкова. И дѣйствительно, какъ утверждаетъ Н. К. Михайловскій, близко стоявшій къ Салтыкову въ этотъ періодъ его жизни, сатирика въ это время «посѣтила старческая память, при которой образы и картины прошлаго встаютъ какъ живые во всѣхъ своихъ мельчайшихъ подробностяхъ... Воспоминанія дѣтства, помимо его воли, всплывали на поверхность сознанія и овладѣли имъ съ такою силой, что едва ли могъ бы онъ приняться за что либо другое, не сваливъ предварительно хоть части этого груза на бумагу» *).

Вмѣстѣ съ Михайловскимъ автобіографическое значеніе «Пошехонской Старины» подтверждаютъ и другія лица, которыя лично знали Салтыкова и которымъ такъ или иначе приходилось критически сопоставлять автобіографическія указанія «Пошехонской Старины» съ изустными разсказами сатирика. «Едва ли можно сомнѣваться въ томъ—пишетъ К. К. Арсеньевъ—что «Пошехонская Старина» даетъ вѣрную картину умственнаго и нравственнаго развитія Салтыкова, доведенную, къ сожалѣнію, только до окончанія домашняго воспитанія, т. е. до десятилѣтняго возраста» **). То же самое утверждаетъ и С. Н. Кривенко, по словамъ котораго многое изъ того, что Салтыковъ лично разсказывалъ при жизни воспроизведено имъ съ буквальной точностью въ «Пошехонской Старинѣ» ***). Это послѣднее свидѣтельство г. Кривенки подтверждается и нѣкоторыми опубликованными документами, каковы во 1-хъ воспроизведенное К. К. Арсеньевымъ въ «Матеріалахъ для біографіи» частное письмо Салтыкова къ одному изъ близкихъ его знакомыхъ, датированное 14-мъ января 1887 г. ****) и во 2-хъ, біографическій очеркъ, напечатанный, съ вѣдома Салтыкова, въ VIII выпускѣ «Русской Библіотеки» за 1878 г. Эти документы любопытны для насъ въ томъ отношеніи, что оба они содержатъ нѣкоторыя біо-

*) „Сочиненія Н. К. Михайловскаго“ т. V 235. Спб, 1897 г.

**) „Матеріалы для біографіи М. Е. Салтыкова“ при I томѣ „Полнаго Собранія сочиненій Салтыкова“, стр. 12.

***) „М. Е. Салтыковъ, его жизнь и литературная дѣятельность“. Біографическій очеркъ С. Н. Кривенко. Спб. 1896 г., стр. 12.

****) Вотъ это письмо: „15-го января 1826 года у коллежскаго совѣтника Евграфа Васильевича и жены его Ольги Михайловны Салтыковыхъ родился сынъ Михаилъ. Принимала бабка повитушка Ульяна Ивановна, калязинская мѣщанка. Крестилъ священникъ села Спасъ-Уголъ Иванъ Яковлевичъ Новоселовъ; воспріемниками были: Угличскій мѣщанинъ Дмитрій Михайловъ Курбатовъ и дѣвица Марья Васильевна Салтыкова. При крещеніи Курбатовъ пророчествовалъ: „сей младенецъ будетъ разгонникъ женскій“. По этому случаю приглашаетесь вы съ фамиліей завтра въ четвергъ вечеромъ для присутствованія при всенощномъ бдѣніи въ домѣ № 62, на Литейной“.

графическія указанія, которыя затѣмъ вплоть до собственныхъ именъ дѣйствующихъ лицъ, легко угадываются, а то и прямо повторяются въ «Пошехонской Старинѣ».

Если мы къ этому прибавимъ, что и въ другихъ произведеніяхъ сатирика нерѣдко попадаются отдѣльныя вскользь брошенныя автобіографическія указанія, которыя повторяются и въ «Пошехонской Старинѣ», причемъ здѣсь всѣ они относятся уже къ Никанору Затрапезному, то все это, вмѣстѣ взятое, должно установить для насъ почти полную идентичность личности послѣдняго съ личностью самаго Салтыкова. И такимъ образомъ, пользуясь данными «Пошехонской Старины», подъ контролемъ другихъ безусловно достовѣрныхъ, но менѣе детальныхъ біографическихъ указаній, мы можемъ дать болѣе или менѣе точный очеркъ дѣтскаго періода жизни писателя, до поступленія его въ московскій дворянскій институтъ.

II.

Предки и родители М. Е. Салтыкова.

О предкахъ писателя, съ отцовской стороны, можно, безъ какихъ бы то ни было поправокъ, принять имъ самимъ данную характеристику. Это былъ старинный дворянскій родъ, ничѣмъ особеннымъ себя не проявившій. «Въ пограничныхъ городахъ и крѣпостяхъ не сидѣли, побѣдъ и одолѣній не одерживали, крестъ цѣловали по чистой совѣсти, кому прикажутъ, безпрекословно. Вообще, не покрыли себя ни славою, ни позоромъ. Но зато ни одинъ изъ нихъ не былъ битъ кнутомъ, ни одному не выщипали по волоску бороду, не урѣзали языка и не вырвали ноздрей». Однимъ словомъ, это были настоящіе помѣстные дворяне, люди смирные и уклончивые, забившіеся въ глушь, чтобы здѣсь, вдалекѣ отъ честолюбивой игры знатныхъ дворянскихъ родовъ, безъ шума собирать дани съ кабальныхъ людей и, при помощи этихъ скромныхъ, но зато надежныхъ рессурсовъ, мирно плодиться. Иногда ихъ распложалось множество, и они становились въ ряды захудалыхъ; но, по временамъ, словно моръ настигалъ ихъ расплодившіяся гнѣзда, и въ рукахъ какой-нибудь пощаженной отрасли сосредоточивались имѣнія и маетности остальныхъ. И только вслѣдствіе такихъ чисто стихійныхъ причинъ происходили колебанія въ положеніи Салтыковыхъ среди другихъ помѣстныхъ дворянъ ихъ захолустья: захудалые и зацвѣтшіе они вновь расцвѣтали и играли въ своемъ мѣстѣ видную роль.

Отецъ писателя, Евграфъ Васильевичъ Салтыковъ, имѣлъ несчастье появиться на свѣтъ въ семьѣ, которая, въ силу только что указанныхъ причинъ, должна была только что расцвѣтшихъ Салтыковыхъ снова обезцвѣтить и превратить въ захудалыхъ. Членъ хотя и взысканный фортуной, но многочисленной семьи, онъ, послѣ смерти отца, спустился на степень дворянина средней руки. И такъ какъ Салты-

ковы вообще личной своей энергіей въ устроеніи своей судьбы не участвовали, покоряясь всецѣло капризамъ распоряжавшихся ими случайностей, то и Евграфу Васильевичу не откуда было почерпнуть силъ для борьбы за свое поколебавшееся благополучіе.

Безвольный питомецъ крѣпостного режима, дававшій себѣ единственный трудъ—жевать и глотать то, что подносили ему въ готовомъ видѣ подневольныя руки рабовъ, онъ представлялъ изъ себя, по крайней мѣрѣ, ко времени появленія на свѣтъ Михаила Евграфовича, величину настолько ничтожную и незамѣтную, что въ громадныхъ полотнахъ прошлаго, написанныхъ его сыномъ, ему отведены самыя жалкія по пространству, хотя и яркія по силѣ изобразительности, мѣста. Василій Порфирычъ Затрапезный въ «Пошехонской Старинѣ» и Владиміръ Михайловичъ Головлевъ въ «Господахъ Головлевыхъ»—это два превосходныхъ портрета, написанныхъ съ одной и той же натуры, которой несомнѣнно служилъ для писателя его родной отецъ—коллежскій совѣтникъ Евграфъ Васильевичъ.

По своему времени порядочно образованный, свободно владѣвшій иностранными языками, онъ представлялъ типичную для послѣдняго предсмертнаго періода крѣпостного права фигуру дворянина - идеалиста, тяготившагося своимъ участіемъ въ окружающей его атмосферѣ насилія и наживы. Подавлявшей его реальной обстановкѣ онъ пытался, очевидно, противопоставить свой собственный міръ, созданный его фантазіей на фундаментѣ неясныхъ для него самого порывовъ и стремленій. Но фундаментъ оказался слишкомъ непрочнымъ, и всѣ его порывы, еще съ молодыхъ лѣтъ, принимали формы безалаберности и даже озорства. Онъ велъ жизнь праздную и бездѣльную. Любилъ запираться у себя въ кабинетѣ и тамъ, спрятавшись отъ взоровъ постороннихъ, подолгу предавался занятіямъ, которыя должны были удовлетворять идеальнымъ стремленіямъ его природы, чуждой всякаго практическаго смысла. Онъ подражалъ здѣсь пѣнію птицъ, перечитывалъ старыя газеты, сочинялъ такъ называемые «вольные стихи», причемъ, въ минуты откровенныхъ изліяній, хвастался тѣмъ, что былъ другомъ Баркова и что послѣдній будто бы даже благословлялъ его на одрѣ смерти. Независимо отъ стихотворныхъ упражненій, онъ попивалъ и охотно подкарауливалъ въ корридорѣ сѣнныхъ дѣвушекъ. Рядомъ съ этимъ, съ годами, развивалась въ немъ и mania religiosa, которая, впрочемъ не шла дальше увлеченія формальной обрядовой стороной религіи, а въ отношеніяхъ его къ крѣпостнымъ выражалась предпочтеніемъ, передъ другими видами наказаній, къ эпитиміямъ въ родѣ, напримѣръ, приказанія провинившемуся повару отбивать земные поклоны въ теченіе барскаго обѣда.

Вотъ этотъ-то обезсиленный обломокъ стариннаго дворянскаго рода, задумавъ сдѣлаться его продолжателемъ, остановилъ свой выборъ, къ

несчастью для себя, но къ счастью для слѣдующаго поколѣнія Салтыковыхъ, на юной купеческой дочери Ольгѣ Михайловнѣ Забѣлиной.

Бракъ этотъ былъ результатомъ не сердечнаго влеченія, а соображеній чисто матеріальнаго свойства: Евграфъ Васильевичъ имѣлъ въ виду при помощи богатаго приданаго поправить свои разстроенныя дѣла. Но плохой практикъ, онъ и здѣсь ошибся въ своихъ разсчетахъ и въ итогѣ супружескія отношенія сложились въ одну непрерывную семейную войну, побѣда въ которой оказалась, разумѣется, на сторонѣ «купчихи».

Ольга Михайловна (она же Анна Павловна въ «Пошехонской Старинѣ» и Арина Петровна въ «Господахъ Головлевыхъ») была во всѣхъ отношеніяхъ полной противоположностью своему мужу. Воспитанная въ средѣ, въ которой земныя блага, въ видѣ болѣе или менѣе округленныхъ деревенекъ съ человѣческими «душами», не доставались по праву рожденія, переходя изъ одного поколѣнія въ другое, а добывались цѣною личныхъ трудовъ и усилій, она принесла съ собой въ чужую для нея семью огромный запасъ энергіи и неутолимую жажду дѣятельности. Необразованная, далекая отъ какихъ бы то ни было идеальныхъ порывовъ, она необыкновенно цѣпко хваталась за дѣловую практическую сторону жизни, гдѣ она чувствовала себя въ своей привычной сферѣ. Убѣдившись разъ навсегда, что мужъ ей — не товарищъ, она все вниманіе свое устремила исключительно на одинъ пунктъ: на округленіе имѣнія, и дѣйствительно, въ теченіе продолжительной супружеской жизни она не только привела въ порядокъ разстроенное имѣніе мужа, но успѣла значительно увеличить фамильное состояніе, прикупивъ нѣсколько сосѣднихъ имѣній.

Положеніе ея въ чужой семьѣ въ теченіе первыхъ лѣтъ супружества было до крайности безпомощное и приниженное. При этомъ, къ чести Евграфа Васильевича, домомъ котораго всецѣло управляли его сестры, надобно сказать, что онъ меньше, чѣмъ кто-либо другой, участвовалъ въ созданіи жалкаго положенія своей жены. Въ большинствѣ случаевъ роль его была совершенно пассивна, а если онъ и вступалъ иногда, выведенный изъ себя, въ ряды воюющихъ, то во всякомъ случаѣ для того только, чтобы осадить своихъ не знавшихъ мѣры въ насмѣшкахъ надъ Ольгой Михайловной сестрицъ. Эти послѣднія безпрестанно ставили на видъ Ольгѣ Михайловнѣ и обманутыя надежды на приданое, и невѣжество ея, и «низкое» происхожденіе, такъ что юная «купчиха», какъ ее звали члены семьи, должна была чувствовать себя въ домѣ травленнымъ звѣремъ. Въ довершеніе всего, пользуясь ея молодостью и неопытностью, ее довольно недвусмысленно оттирали отъ единственно доступной и манившей ее сферы хозяйственнаго устроительства, гдѣ только она и могла во всемъ блескѣ проявить свои недюженныя въ сущности силы. Только путемъ медленныхъ и постепенныхъ завоеваній эта властная и въ сильной степени одаренная творчествомъ

женщина подчинила себѣ своихъ домашнихъ враговъ, и въ то время когда началъ себя помнить двойникъ Щедрина—Никаноръ Затрапезный, командиршей въ домѣ была исключительно она одна. «Золовки (причинившія ей въ свое время особенно много горя и непріятностей) были доведены до безмолвія и играли роль приживалокъ. Отецъ тоже стушевался; однако-жъ сознавалъ свою приниженность и отплачивалъ за нее тѣмъ, что при всякомъ случаѣ осыпалъ матушку безсильною руганью и укоризнами. Въ теченіе цѣлаго дня они почти никогда не видались; отецъ сидѣлъ безвыходно у себя въ кабинетѣ и перечитывалъ старыя газеты; мать въ своей спальнѣ, писала дѣловыя письма, считала деньги, совѣщалась съ должностными людьми и т. д. Сходились только за обѣдомъ и вечернимъ чаемъ, и тутъ начинался настоящій погромъ. Къ несчастью, свидѣтелями этихъ сценъ были и дѣти. Инціатива брани шла всегда отъ отца, который, какъ человѣкъ слабохарактерный, не могъ выдержать и первый, безъ всякой наглядной причины, начиналъ семейную баталію. Раздавалась брань, припоминалось прошлое, слышались намеки, непристойныя слова. Матушка почти всегда выслушивала молча, только верхняя губа у нея сильно дрожала... Такія сцены повторялись почти каждый день» *).

Съ этой яркой картиной супружескихъ отношеній, установившихся между отцомъ и матерью писателя, нельзя не сопоставить здѣсь нѣсколькихъ штриховъ, которыми Салтыковъ характеризуетъ послѣдній фазисъ совершенно аналогичныхъ отношеній въ семьѣ Головлевыхъ. Глава семьи, все дальше и дальше уходившій на задній планъ, рисуется тамъ уже дряхлымъ старикомъ, почти не оставлявшимъ постели. «А если изрѣдка онъ и выходилъ изъ спальной, то единственно для того, чтобы просунуть голову въ полурастворенную дверь жениной комнаты, крикнуть: «чортъ!»—и опять скрыться» **). Это вполнѣ естественный эпилогъ, къ которому должны были придти и взаимныя отношенія четы стариковъ Салтыковыхъ, и возможности его ни мало не противорѣчатъ сказанныя Никаноромъ Затрапезнымъ въ другомъ мѣстѣ слова, утверждающія, что въ концѣ концовъ «самъ отецъ, видя возрастаніе семейнаго благосостоянія, примирился съ неудачнымъ бракомъ, и хотя жилъ съ женой несогласно, но вполнѣ подчинился ей» ***).

III.

Общая характеристика положенія дѣтей въ домѣ Салтыковыхъ.

Само собой разумѣется, что разладъ, такъ грубо расколовшій на двѣ враждующія половины отца и мать Салтыковыхъ, не могъ не на-

*) „Пошехонская Старина“, т. XII, стр. 33—34.

**) „Господа Головлевы“, т. II, стр. 12.

***) „Пошехонская Старина“, стр. 9.

ложить рѣзкой печати на всю семью, которая, съ появленіемъ на свѣтъ младшаго члена семейства—Михаила Евграфовича, насчитывала восемь человѣкъ дѣтей, въ числѣ которыхъ было пять сыновей и три дочери. Дѣти, по словамъ того же Никанора Затрапезнаго,—выслушивали возмутительныя выраженія семейной свары съ полнымъ хладнокровіемъ, и она не вызывала въ нихъ никакого иного чувства, кромѣ безотчетнаго страха передъ матерью и полнаго безучастія къ отцу, который не только кому-нибудь изъ дѣтей, но даже себѣ никакой защиты дать не могъ. Да и вообще весь характеръ взаимныхъ отношеній дѣтей къ родителямъ былъ только формальнымъ, державшимся на внѣшней связи другъ съ другомъ, при полномъ отсутствіи искренней, сердечной привязанности. Ни отецъ, ни мать не занимались дѣтьми, почти не знали ихъ. Отецъ—потому, что былъ устраненъ отъ всякаго дѣятельнаго участія въ семейномъ обиходѣ, мать — потому, что всецѣло была погружена въ процессъ благопріобрѣтенія. У нея, какъ выразился Салтыковъ объ Аринѣ Петровнѣ Головлевой, была слишкомъ независимая, такъ сказать, холостая натура, чтобы она могла видѣть въ дѣтяхъ что-нибудь, кромѣ лишней обузы. Она только тогда дышала свободно, когда была одна со своими счетами и хозяйственными предпріятіями, когда никто не мѣшалъ ея дѣловымъ разговорамъ съ бурмистрами, старостами, ключницами и т. д. Среди дѣтей она появлялась лишь въ видѣ грозной карательной власти, — гнѣвная неумолимая, съ закушенной нижней губою, рѣшительная на руку, злая. Неудивительно, что, при такой обстановкѣ, огромная память Михаила Евграфовича, сохранившая отъ раннихъ дѣтскихъ лѣтъ не только факты, но даже имена и названія, начинается — по собственному его признанію—съ того момента, какъ его, тогда еще двухлѣтняго младенца, подвергаютъ жестокой поркѣ. «Помню,—разсказывалъ онъ С. Н. Кривенкѣ, опредѣляя первый, самый отдаленный этапъ своей памяти,—что меня сѣкутъ, кто именно, не помню, но сѣкутъ, какъ слѣдуетъ, розгой, а нѣмка—гувернантка старшихъ моихъ братьевъ и сестеръ—заступается за меня, закрываетъ ладонью отъ ударовъ и говоритъ, что я слишкомъ малъ для этого. Было мнѣ тогда, должно быть, два года, не больше» *).

Въ общей «оргіи битья», практиковавшейся въ домѣ Салтыковыхъ, Михаилъ Евграфовичъ, какъ младшій членъ семьи, принималъ, однако, сравнительно съ остальными, старшими своими братьями и сестрами, значительно меньшее участіе. И только потомъ, когда за воспитаніе мальчика взялась его старшая сестра, Надежда Евграфовна, возвратившаяся въ семью въ 1834 г. по окончаніи московскаго екатерининскаго института, ему за всякую провинность приходилось претерпѣ-

*) „М. Е. Салтыковъ". Біографич. очеркъ С. Н. Кривенко. Спб. 1896 г. стр. 6—7.

вать такія жестокія наказанія, что даже на склонѣ дней своихъ писатель, разсказывая объ этомъ періодѣ своей жизни доктору Бѣлоголовому, не могъ говорить безъ содроганія. Сестра дралась съ такимъ ожесточеніемъ, какъ будто мстила за прежде вытерпѣнные побои. Но если подобные пріемы воспитанія, въ которыхъ тѣлесныя наказанія, во всѣхъ видахъ и формахъ, играли основную роль, и вели къ тому, что Салтыковъ называетъ «подлиннымъ дѣтскимъ мартирологомъ», то онъ вмѣстѣ съ тѣмъ отнюдь не выставляетъ ихъ какъ нѣчто специфическое для своей именно семьи. Нѣтъ, это была цѣлая стройная педагогическая система, выработанная и принятая всей тогдашней жестокой эпохой. И сами создатели дѣтскаго мартиролога отнюдь не сознавали себя извергами, да и въ глазахъ постороннихъ не слыли за таковыхъ. Просто говорилось: «съ дѣтьми безъ этого нельзя», и допускалось единственное ограниченіе: какъ бы не застукать совсѣмъ! Но кто можетъ сказать—добавляетъ къ этому сатирикъ—сколько «не до конца застуканныхъ» безвременно снесено на кладбище? Кто можетъ опредѣлить, сколькимъ изъ этихъ юныхъ страстотерпцевъ была застукана и изуродована вся послѣдующая жизнь? *).

Особенно горько приходилось въ этой оргіи битья «постылымъ», на которыхъ колотушки безъ счета сыпались со всѣхъ сторонъ, тогда какъ «любимчики» могли разсчитывать на нѣкоторое снисхожденіе, по крайней мѣрѣ впредь до обличенія ихъ въ болѣе или менѣе серьезныхъ проступкахъ противъ установившагося домашняго обихода. Дѣленіе дѣтей на двѣ категоріи — на любимыхъ и постылыхъ — очень строго проводилось въ семьѣ Салтыковыхъ. Этимъ съ поразительной наглядностью освѣщалась тѣсная связь семейной обстановки со всѣмъ современнымъ режимомъ, гдѣ неравенство было возведено въ принципъ, значеніе и власть котораго осязательно чувствовались даже въ самыхъ, казалось бы, неуловимыхъ проявленіяхъ соціальной жизни.

Наиболѣе существенныя преимущества любимыхъ надъ постылыми проявлялись, главнымъ образомъ, за обѣдомъ. Это объясняется тѣмъ, во-1-хъ, что высшее счастье въ этомъ ординарномъ помѣщичьемъ домѣ полагалось въ ѣдѣ, и во-2-хъ—тѣмъ, что дѣти здѣсь постоянно находились въ состояніи полу-голода. И это не значитъ, что хозяйство Салтыковыхъ было недостаточнымъ. Напротивъ, всевозможныхъ заготовокъ производилась обыкновенно такая масса, что значительная часть ихъ неизбѣжно въ концѣ концовъ подвергалась порчѣ—покрывалась плѣсенью, истлѣвала, загнивала. Но въ домѣ царила не то чтобы скупость, а какая-то непонятная «алчность будущаго», благодаря которой хоть цѣлая гора съѣдобнаго матеріала лежитъ передъ глазами человѣка, а все ему кажется мало. Утроба человѣческая ограничена, а жадное воображеніе приписываетъ ей размѣры несокрушимые, и

*) „Пошехонская Старина“, стр. 36.

въ то же время рисуется въ будущемъ грязная перспектива... Думалось, что хотя «часъ» еще и не наступилъ, но непремѣнно наступитъ, и тогда разверзнется таинственная прорва, въ которую придется валить, валить и валить. Отъ времени до времени производилась ревизія погребовъ и кладовыхъ и всегда оказывалось, что порченнаго запаса почти наполовину. Но даже и это не убѣждало: жаль было и испорченнаго. Его подваривали, подправляли, и только уже совсѣмъ негодное рѣшались отдать въ застольную, гдѣ, послѣ такой подачки, нѣсколько дней сряду «валялись животами» *).

И вотъ, когда полуголодныя дѣти, получившія раннимъ утромъ по чашкѣ снятого синеватаго молока (при сотняхъ стоявшихъ на скотномъ дворѣ коровъ) съ крохотнымъ ломтемъ домашняго бѣлаго хлѣба, являлись къ обѣду, здѣсь для любимчиковъ выбирались куски и побольше, и посвѣжее, а постылые непремѣнно надѣлялись какой-нибудь разогрѣтой и вывѣтрившейся чуркой. Къ тому же и чурки выдавались въ такихъ микроскопическихъ порціяхъ, что сѣнныя дѣвушки, семьи которыхъ содержались на весьма и весьма недостаточной «мѣсячинѣ», нерѣдко изъ жалости приносили постылымъ подъ фартуками ватрушекъ и лепешекъ и тайкомъ давали имъ поѣсть.

Были и другія преимущества любимчиковъ надъ постылыми, но всѣ они вращались, главнымъ образомъ, опять-таки въ области неравномѣрнаго дѣлежа, тайной раздачи лакомствъ и т. п., и всѣ они были такъ осязательны для дѣтей, что изъ-за нихъ въ дѣтской половинѣ дома шла непрерывная взаимная борьба. Какъ одно изъ средствъ этой борьбы, въ широкихъ размѣрахъ практиковалось наушничество. Наушничали не только любимчики, но и постылые, желавшіе хоть на нѣсколько часовъ выслужиться.

Единственное, что̀ объединяло и милыхъ и постылыхъ, что̀ ставило ихъ въ одно одинаково жалкое положеніе — это отсутствіе сердечной родительской ласки. Многимъ могла наградить Ольга Михайловна своихъ любимчиковъ; въ минуты особеннаго къ нимъ расположенія она могла даже, подобно Аннѣ Павловнѣ Затрапезной, допускать ихъ въ святое святыхъ своего храма, въ свою спальню, гдѣ совершались всѣ ея хозяйственныя и денежныя операціи.

«— Войди, посмотри,—говорила въ такія минуты Анна Павловна обращаясь къ тому или иному изъ любимыхъ,—посмотри, какъ мать-старуха хлопочетъ. Вонъ сколько денегъ Максимушка (бурмистръ изъ ближней вотчины) матери принесъ. А мы ихъ въ ящикъ уложимъ, а потомъ, вмѣстѣ съ другими, въ дѣло пустимъ. Посиди, дружокъ, посмотри, научись. Только сиди смирно, не мѣшай».

Любимчикъ садился и застывалъ на мѣстѣ. Онъ былъ безконечно

*) Ibid., стр. 18.

счастливъ, ибо понималъ, что маменькино сердце раскрылось и маменька любитъ его.

Но здѣсь-то и былъ тотъ роковой предѣлъ, до котораго только и могло раскрываться маменькино сердце. Даже такое элементарное проявленіе ласки, какъ глаженье по дѣтской головкѣ, было не въ обычаяхъ этой дѣловитой женщины. И понятно, что маленькій Никаноръ Затрапезный не могъ не расчувствоваться, когда съ этой именно лаской подошла къ нему бойкая и веселая бабушка-повитуха Ульяна Ивановна. Знаменательно, между прочимъ, что для этой доброй женщины, у которой Михаилъ Евграфовичъ нашелъ ребенкомъ, быть можетъ, въ первый разъ въ своей жизни, сердечный привѣтъ и ласку, онъ, вопреки принятому имъ общему правилу, цѣликомъ, безъ всякихъ измѣненій, удержалъ въ «Пошехонской Старинѣ» ея подлинное имя: Ульяна Ивановна, принимавшая Никанора Затрапезнаго, вполнѣ тождественна той же Ульянѣ Ивановнѣ, калязинской мѣщанкѣ, которая принимала Михаила Салтыкова.

IV.

Отсутствіе идеалистическихъ элементовъ въ воспитаніи дѣтей Салтыковыхъ.

Но и помимо ласки, отсутствіе которой такъ больно чувствовалось дѣтьми, семья Салтыковыхъ не давала своимъ маленькимъ сочленамъ вообще ничего, что могло бы смягчить и согрѣть ихъ ожесточавшіяся всей обстановкой сердца.

Начнемъ съ природы, стихійное общеніе съ которой можетъ, по словамъ самого Салтыкова, захвативъ человѣка въ колыбели, наполнить все его существо и пройти потомъ черезъ всю его жизнь.

Общеніе съ природой здѣсь совершенно отсутствовало, какъ это ни кажется страннымъ по отношенію къ семьѣ, которая живетъ внѣ городской черты, живетъ исключительно за счетъ эксплуатируемыхъ, хотя бы и чужими руками, силъ природы. А между тѣмъ, это было именно такъ, и отсутствіе живой связи съ природой было потомъ всю жизнь больнымъ мѣстамъ писателя, который не одинъ разъ съ горечью возвращался къ этой наболѣвшей въ его душѣ темѣ.

«Мнѣ было уже за тридцать лѣтъ,—пишетъ Салтыковъ,—когда я прочиталъ «Дѣтскіе годы Багрова-внука», и, признаюсь откровенно, прочиталъ почти съ завистью. Правда, что природа, лелѣявшая дѣтство Багрова, была богаче и свѣтомъ, и тепломъ, и разнообразіемъ содержанія, нежели бѣдная природа нашего сѣраго захолустья», но, вѣдь, «при наличности общенія, ежели дѣти не закупорены наглухо отъ вторженія воздуха и свѣта, то и скудная природа можетъ пролить радость и умиленіе въ дѣтскія сердца» *). Чувство зависти,

*) Ibid., стр, 46—47.

охватившее писателя при сопоставленіи собственнаго дѣтства съ дѣтствомъ Аксакова, станетъ вполнѣ понятнымъ для насъ, когда мы вспомнимъ, какъ характезировалъ онъ свою домашнюю обстановку. О зимнемъ времени и говорить нечего. Зимою дѣтей положительно закупоривали въ четырехъ стѣнахъ. Ни единой струи свѣжаго воздуха не доходило до нихъ, потому что форточекъ въ домѣ не водилось. Катанье въ саняхъ не было въ обычаѣ, и только по воскресеньямъ дѣтей вывозили въ закрытомъ возкѣ въ церковь, отстоявшую отъ дома саженяхъ въ пятидесяти, но и тутъ ихъ закутывали до того, что трудно было дышать. Это называлось *нѣженнымъ* воспитаніемъ. Лѣтомъ дѣти хоть сколько-нибудь оживлялись подъ вліяніемъ свѣжаго воздуха, но и тутъ собственно знакомство съ природой происходило случайно, урывками, только во время переѣздовъ на долгихъ въ Москву или изъ одного имѣнія въ другое. Ни о какой охотѣ никто и понятія не имѣлъ, даже ружья, кажется, въ цѣломъ домѣ не было. Раза два-три въ годъ всей семьей отправлялись въ лѣсъ по грибы или въ сосѣднюю деревню на ловлю карасей изъ большого пруда—и только. Выходило такъ, что «и звѣрей, и птицъ дѣти знали только въ соленомъ, вареномъ и жареномъ видѣ», и такимъ образомъ дѣти ни откуда не получали импульсовъ для того, чтобы въ душѣ ихъ могъ вспыхнуть сколько-нибудь серьезный интересъ къ «великой тайнѣ вселенской жизни».

Отдѣленныя частоколомъ усадьбы отъ тѣхъ безконечно разнообразныхъ сокровищъ, которыя тутъ же рядомъ, въ лѣсахъ, на поляхъ, на дорогахъ, расточала для всякаго желающаго щедрая, даже и въ Калязинскомъ уѣздѣ, мать-природа, дѣти осуждены были питаться лишь тою скудною пищей узко-матеріальныхъ интересовъ и разсчетовъ, которые входили въ ежедневный обиходъ ихъ семьи. Даже на крыльяхъ фантазіи не могли они выбраться за предѣлы этого частокола, потому что и самыхъ-то крыльевъ лишила ихъ все та же обстановка. «Замѣчательно,—пишетъ Салтыковъ,—что между многочисленными нянькам, которыя пѣстовали мое дѣтство, не было ни одной сказочницы. Вообще, весь нашъ домашній обиходъ стоялъ на вполнѣ реальной почвѣ, и сказочный элементъ отсутствовалъ въ немъ. Дѣтскому воображенію приходилось искать пищи самостоятельно, создавать свой собственный сказочный міръ, не имѣвшій никакого соприкосновенія съ народной жизнью и ея преданіями, но зато наполненный всевозможными фантасмагоріями, содержаніемъ для которыхъ служило богатство, а еще болѣе генеральство. Послѣднее представлялось высшимъ жизненнымъ идеаломъ, такъ какъ всѣ въ домѣ говорили о генералахъ, даже объ отставныхъ, не только съ почтеніемъ, но и боязнью» *).

---

*) Ibid., стр. 24.

Даже предразсудки и примѣты были здѣсь въ полномъ пренебреженіи, но не вслѣдствіе свободомыслія, которое отнюдь не допускалось въ этомъ домѣ, а потому, что слѣдованіе имъ требовало возни и безплодной траты времени. Такъ что если, напримѣръ, староста докладывалъ о томъ, что хорошо бы рожь начать жать съ понедѣльника, но при этомъ высказалъ опасенія насчетъ «дурного дня», то ему неизмѣнно отвѣчали: «начинай-ка, начинай! Тамъ что̀ будетъ, а коли, чего добраго, съ понедѣльника рожь сыпаться начнетъ, такъ кто намъ за убытки заплатитъ?» Допускались къ свободному обращенію въ домѣ лишь тѣ предразсудки, которые не приносили ущерба дѣлу.

Не бо̀льшимъ авторитетомъ пользовалась въ домѣ и религія, отъ которой принята была въ обиходъ одна лишь внѣшняя, обрядовая сторона. По воскреснымъ днямъ ходили аккуратно къ обѣднѣ, наканунѣ большихъ праздниковъ въ домѣ служили всенощныя, причемъ строго слѣдили, чтобы дѣти крестились и клали земные поклоны. Но всѣ эти внѣшніе признаки благочестія—эти крестныя знаменія, сгибавшіяся колѣни и стукавшіеся объ полъ лбы—совершенно не отражали внутренняго настроенія домашнихъ, сердца которыхъ оставались пусты и нѣмы. Къ тому же и съ внѣшней стороны далеко не все было благополучно, если принять во вниманіе полупрезрительное отношеніе помѣщиковъ того времени къ духовенству, которое они держали обыкновенно въ черномъ тѣлѣ. Церковь, какъ и все остальное, была крѣпостная, и попъ при ней—крѣпостной да часто еще и не вполнѣ грамотный. Поэтому никого не удивляло, если помѣщикъ прерывалъ церковную службу для того, чтобы поправить священника или даже сдѣлать ему публичное внушеніе, если по окончаніи службы попъ выходилъ на амвонъ, становился на колѣни и кланялся помѣщику въ ноги, прося у него прощенія за свои вольныя и невольныя предъ нимъ прегрѣшенія.

Такова была обстановка этого дома, гдѣ избѣгалось все, что могло дать пищу воображенію и любознательности, гдѣ вся атмосфера была насыщена и дышала крѣпостнымъ правомъ. Крѣпостнымъ правомъ опредѣлялись всѣ взаимныя отношенія домашнихъ; отъ него, какъ отъ основного источника жизни, все исходило; къ нему, какъ рѣки къ океану, стекались всѣ помыслы, всѣ чаянія, всѣ опасенія людей, захваченныхъ этой крѣпкой системой «унизительнаго безправія, всевозможныхъ изворотовъ лукавства и страха передъ перспективой быть ежеминутно раздавленнымъ».

Вспоминая эту обстановку полвѣка спустя, Салтыковъ «съ недоумѣніемъ» спрашиваетъ себя: «Какъ могли жить люди, не имѣя ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ иныхъ воспоминаній и перспективъ, кромѣ мучительнаго безправія, безконечныхъ терзаній поруганнаго и ни откуда незащищеннаго существованія?—и, къ удивленію, отвѣчаешь: однако-жъ, жили!» Жилъ въ ней и самъ писатель, первыя дѣтскія

впечатлѣнія котораго и составилъ этотъ тяжелый сплошной кошмаръ крѣпостного режима.

V.

Особое положеніе М. Е. Салтыкова въ семьѣ и его увлеченіе Евангеліемъ.

Какъ младшій изъ дѣтей, Михаилъ Евграфовичъ пользовался въ домѣ нѣкоторыми и даже весьма значительными привилегіями. Въ то время, когда его старшіе братья и сестры учились и когда изъ классной комнаты, вслѣдъ за щедро раздававшимися колотушками, раздавался неумолкаемый плачъ, маленькій Михаилъ ни къ какому дѣлу не былъ приставленъ и только прислушивался и приглядывался, почему память его и сохранила достаточно яркія впечатлѣнія. Не менѣе серьезной привилегіей его возраста было и то, что онъ находился внѣ воюющихъ лагерей постылыхъ и любимчиковъ, такъ какъ не состоялъ «ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ». Онъ жилъ какъ-то незамѣтно, не любилъ попадаться на глаза и былъ въ домѣ не столько дѣйствующимъ лицомъ, сколько внимательнымъ наблюдателемъ.

Одинокій и безпризорный, онъ еще больше почувствовалъ свое тоскливое одиночество, когда весь выводокъ старшихъ дѣтей отправленъ былъ учиться въ Москву, и безмолвіе дѣтскихъ комнатъ какъ-то сразу распространилось во всемъ домѣ жуткой тишиною могилы. Правда, одиночество и отсутствіе надзора предоставляли мальчику бо̀льшую сумму свободы, нежели старшимъ дѣтямъ, но эта свобода, какъ утверждаетъ писатель, не привела за собой ничего, похожаго на самостоятельность, или, по крайней мѣрѣ, самостоятельность пріобрѣталась только внѣшняя, кажущаяся. «Надо мной,—пишетъ Салтыковъ,—тяготѣла та же невидимая сила, которая тяготѣла надъ всѣми домочадцами и которой я, въ свою очередь, подчинился безусловно. Этой силой была не чья-нибудь рука, непосредственно придавливающая человѣка, но вообще весь домашній укладъ. Весь онъ такъ плотно сложился и до того пропиталъ атмосферу, что невозможно было, при такой силѣ давленія, выработать что-либо свое. Предстояло жить, какъ живутъ всѣ, дышать, какъ всѣ дышатъ, идти по той же стезѣ, по какой всѣ идутъ. Только внезапное появленіе сильнаго и горячаго луча можетъ, при подобныхъ условіяхъ, разбудить человѣческую совѣсть и разорвать цѣпи той вѣковѣчной неволи, въ которой обязательно вращалась цѣлая масса людей, начиная съ всевластныхъ господъ и кончая какимъ-нибудь постылымъ Кирюшкой, котораго не нынче—завтра ожидала «красная шапка» *).

О томъ, каковъ именно былъ этотъ горячій лучъ, осіявшій дѣтскую совѣсть Салтыкова, мы скажемъ нѣсколько ниже. Здѣсь же нельзя

*) Ibid., стр. 94.

не отмѣтить, что самая возможность проникновенія луча въ атмосферу окружавшаго мальчика мрака необходимо должна была предполагать извѣстную отдаленность отъ этой атмосферы, одиночество, замкнутость, т.-е. тѣ именно условія, которыя мы причислили къ привилегіямъ маленькаго Михаила. Кромѣ того, для воспріятія этого луча требовалась извѣстная доля сознательности, интеллектуальная подготовка, къ характеристикѣ которой мы и переходимъ теперь.

Болтать по-французски и по-нѣмецки мальчикъ выучился довольно рано, около старшихъ братьевъ и сестеръ, и Салтыковъ припоминаетъ, что въ дни именинъ и рожденій родителей, заставляли его говорить поздравительные стихи, одинъ образецъ которыхъ онъ и воспроизводитъ въ «Пошехонской Старинѣ». И хотя здѣсь же писатель утверждаетъ, что до семи лѣтъ онъ ни читать, ни писать ни по-каковски, даже по-русски, не умѣлъ, но можно думать, что французская грамота составляла въ данномъ случаѣ исключеніе. На эту мысль настойчиво наводитъ, по крайней мѣрѣ, то обстоятельство, что французскіе поздравительные стихи, воспроизведенные въ «Пошехонской Старинѣ», найдены и среди бумагъ Салтыкова, послѣ его смерти, причемъ здѣсь они оказались написанными дѣтскимъ почеркомъ и имѣли подпись: «ecrit par votre très humble fils Michel Soltykoff, le 16 octobre 1832» *).

16 октября 1832 г. Салтыкову было всего лишь 6 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ, а между тѣмъ и автобіографическія указанія «Пошехонской Старины» и біографическія данныя «Русской Библіотеки» совершенно сходятся въ томъ, что первый урокъ *русской* грамоты данъ былъ Салтыкову крѣпостнымъ человѣкомъ, живописцемъ Павломъ, когда мальчику исполнилось семь лѣтъ. Павелъ, несчастной семейной исторіи котораго, разыгравшейся все на той же почвѣ крѣпостного режима, Салтыковъ посвятилъ въ «Пошехонской Старинѣ» отдѣльную главу («Мавруша-Новоторка»), очень быстро сравнительно, при своемъ архаическомъ методѣ («азами»), прошелъ съ мальчикомъ азбуку, и такъ какъ самъ онъ зналъ только печать гражданскую, писать же могъ лишь полууставомъ, насколько это требовалось для надписей къ образамъ, то былъ отстраненъ отъ роли учителя. Въ 1834 г. обученіе Салтыкова было поручено только что окончившей институтъ сестрѣ его Надеждѣ Евграфовнѣ и ея товаркѣ по институту, Авдотьѣ Петровнѣ Васильевской, поступившей въ домъ въ качествѣ гувернантки. Кромѣ того, съ мальчикомъ занимались священникъ села Заозерья Иванъ Васильевичъ, обучавшій его Закону Божію и латинскому языку по грамматикѣ Кошанскаго, и студентъ Троицкой духовной академіи Матвѣй Петровичъ Салминъ, котораго два года сряду приглашали въ имѣніе на лѣтнія вакаціи.

---

*) „Матеріалы для біографіи", собранные К. К. Арсеньевымъ и приложенные къ I т. „Полн. собранія соч. М. Е. Салтыкова", стр. 12.

Помимо урочныхъ занятій, которыя не стоили Салтыкову почти никакихъ усилій, онъ, по собственному почину, перечитывалъ оставшіеся послѣ старшихъ дѣтей учебники, и скоро почти наизусть зналъ «Краткую всеобщую исторію» Кайданова, «Краткую географію» Иванскаго и проч. Даже въ синтаксисъ заглядывалъ и не чуждался риторики. Роясь въ учебникахъ, онъ наткнулся однажды на «Чтеніе изъ четырехъ евангелистовъ»; книга эта и оказалась для него тѣмъ животворящимъ лучомъ, о которомъ мы упомянули выше.

Принимаясь за чтеніе Евангелія, Салтыковъ имѣлъ въ виду вполнѣ опредѣленную практическую цѣль: книга эта значилась въ числѣ учебныхъ руководствъ и знакомство съ ней требовалось для экзаменовъ. Но уже первое чтеніе этой книги пробудило въ немъ тревожное чувство.

«Прежде всего,—разсказываетъ онъ,—меня поразили не столько новыя мысли, сколько новыя слова, которыхъ я никогда ни отъ кого не слыхалъ. И только повторительное, все болѣе и болѣе страстное чтеніе объяснило мнѣ дѣйствительный смыслъ этихъ новыхъ словъ и сняло темную занавѣсу съ того міра, который скрывался за ними... Главное, что я почерпнулъ изъ чтенія Евангелія, заключалось въ томъ, что оно посѣяло въ моемъ сердцѣ зачатки общечеловѣческой совѣсти и вызвало изъ нѣдръ моего существа нѣчто устойчивое, *свое*, благодаря которому господствующій жизненный укладъ уже не такъ легко порабощалъ меня. При содѣйствіи этихъ новыхъ элементовъ я пріобрѣлъ болѣе или менѣе твердое основаніе для оцѣнки какъ собственныхъ дѣйствій, такъ и явленій и поступковъ, совершавшихся въ окружавшей меня средѣ. Словомъ сказать, я уже вышелъ изъ состоянія прозябанія и началъ сознавать себя человѣкомъ. Мало того: право на это сознаніе я переносилъ и на другихъ. Доселѣ я ничего не зналъ ни объ алчущихъ, ни о жаждущихъ и обремененныхъ, а видѣлъ только людскія особи, сложившіяся подъ вліяніемъ несокрушимаго порядка вещей; теперь эти униженные и оскорбленные встали передо мной, осіянные свѣтомъ, и громко вопіяли противъ прирожденной несправедливости, которая ничего не давала имъ, кромѣ оковъ...» *).

Какъ бы изъ опасенія быть ложно истолкованнымъ, Салтыковъ тутъ же прибавляетъ, что онъ не хочетъ этимъ сказать, что сердце его сдѣлалось «очагомъ любви къ человѣчеству», но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ полнымъ правомъ могъ утверждать, что моментъ этотъ имѣлъ несомнѣнное вліяніе на весь позднѣйшій складъ его міросозерцанія.

Что же касается непосредственныхъ результатовъ этой огромной для ребенка работы пробужденнаго, подъ вліяніемъ евангелія, сознанія, то они сказались въ томъ, что съ этихъ поръ его «обращеніе съ домашней прислугой глубоко измѣнилось, и что подлая крѣпостная номенклатура, которая дотолѣ оскверняла его языкъ, исчезла навсегда».

---

*) „Пошехонская Старина“, стр. 97.

То «свое», которое съ такой силой внезапно заговорило въ немъ, пробудило въ немъ въ то же время ясное сознаніе, что и *другіе* обладаютъ такимъ же равносильнымъ «своимъ».

VI.

Типы дворовыхъ людей, „братецъ—Ѳедосъ“ и сверстники М. Е. Салтыкова.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что эти признанія, сдѣланныя отъ имени Затрапезнаго, исходятъ ни отъ кого иного, какъ отъ личности самаго писателя. Для этого достаточно сослаться на выведенные въ той же «Пошехонской Старинѣ» типы дворовыхъ людей, на данную здѣсь удивительно проникновенную психологію подневольнаго человѣка, которой ни до ни послѣ Салтыкова не имѣла наша литература. Здѣсь больше всего поражаетъ читателя тонкое умѣніе автора подслушать и уловить въ душѣ крѣпостного раба тѣ часто смутныя для него самого формулы, въ которыхъ онъ, этотъ безправный объектъ помѣщичьей власти, пытался опредѣлить себя, какъ самоцѣнную индивидуальность, имѣющую всѣ права на образъ и подобіе божества. И въ данномъ случаѣ мы должны будемъ признать одинъ изъ плодотворнѣйшихъ результатовъ озарившаго мальчика просіянія, подъ вліяніемъ котораго онъ ближе подошелъ къ рабу и сдѣлалъ счастливую попытку отыскать въ немъ то «свое», которое онъ только что обрѣлъ въ своей собственной душѣ. Здѣсь кстати отмѣтить, что попытки эти относятся исключительно къ дворовымъ людямъ, а не къ крестьянамъ, которыхъ мальчикъ, по условіямъ своей жизни, ограниченной предѣлами помѣщичьей усадьбы, могъ наблюдать лишь издалека и случайно.

Представительницей наиболѣе распространенной идеологіи, созданной крѣпостными, Салтыковъ называетъ Аннушку, принадлежавшую собственно не семьѣ писателя, а «тетенькамъ-сестрицамъ», которыя, вмѣстѣ съ ней, часто и подолгу гостили у своихъ родственниковъ. Аннушка была простодушнѣйшимъ существомъ, съ виду нѣсколько строптивымъ, но внутренно преисполненнымъ доброты и жалѣнія. Малорослая, приземистая, съ некрасивымъ, усѣяннымъ крупными бородавками лицомъ, она не казалась однако безобразной, благодаря тому выраженію убѣжденности, которое было разлито во всемъ ея существѣ. Чувствуя на себѣ тяжелое иго рабства, она несла его безъ ропота и была, такъ сказать, рабомъ *по убѣжденію*. У нея даже сложился свой рабскій кодексъ, котораго она не скрывала. Кодексъ этотъ былъ немногосложенъ и имѣлъ въ основаніи своемъ афоризмъ, что рабство есть временное испытаніе, предоставленное лишь избранникамъ, которыхъ за это ждетъ вѣчное блаженство въ будущемъ.

«— Христосъ-то для черняди съ небеси сходилъ,—говорила Аннушка,—чтобы черный народъ спасти, и для того благословилъ его

рабствомъ. Сказалъ: «рабы, господамъ повинуйтесь, и за это сподобитесь вѣнцовъ небесныхъ».

Доктрина эта — поясняетъ писатель — въ то время была довольно распространенною въ крѣпостной средѣ, и повидимому, даже подтверждала крѣпостное право. Но помѣщики чутьемъ угадывали въ ней нѣчто злокачественное (въ понятіяхъ пуристовъ - крѣпостниковъ самое «разсужденіе» о послушаніи уже представлялось крамольнымъ), и потому если не прямо преслѣдовали адептовъ ея, то всячески къ нимъ придирались. Доставалось частенько и Аннушкѣ за ея проповѣди, тѣмъ болѣе, что суровая дѣйствительность не всегда позволяла ей оставаться исключительно на теоретическихъ высотахъ, и сквозь общую ноту послушанія нерѣдко все-таки просачивалась мысль, что и господа имѣютъ извѣстныя обязанности относительно рабовъ, и что тѣ, которые эти обязанности выполняютъ, и въ будущей жизни получатъ облегченіе. Наказаніе хотя бы и облегченное, само собою подразумѣвалось, какъ нѣчто неизбѣжное, даже для милостивыхъ господъ.

« — Повинуйтесь! повинуйтесь! причастницами свѣта небеснаго будете!» — безпрестанно твердила Аннушка въ дѣвичьей во время всякой ѣды и приводила примѣры изъ евангелія и житій святыхъ. А такъ какъ и безъ того въ основѣ установившихся порядковъ лежало безусловное повиновеніе, во имя котораго только и разрѣшалось дышать, то всѣмъ становилось какъ будто легче при напоминаніи, что удручающія вериги рабства не были дѣйствіемъ фаталистическаго озорства, но представляли собою временное испытаніе, въ концѣ котораго обѣщалось возсіяніе въ присносущемъ небесномъ свѣтѣ». Такъ встрѣчала проповѣдь Аннушки масса, но и среди нея находились, конечно, личности, для которыхъ это убѣжденныя рѣчи представлялись праздной болтовней, которая могла лишь раздражать. Къ числу такихъ лицъ принадлежала, напримѣръ, постоянная антагонистка Аннушки ключница Акулина. Она, «какъ истая саддукеянка», видѣла въ рабствѣ фаталистическое ярмо, къ хозяевамъ котораго она и относилась безъ критики, безъ разсужденій, съ покорностью преданной собаки, и такъ какъ подъ ея отвѣтственнымъ надзоромъ находилась вся дѣвичья, то не разъ она считала своимъ долгомъ доносить на Аннушку за ея «соблазнительныя» рѣчи.

Подобно Аннушкѣ, обзавелась своимъ кодексомъ и «Мавруша-Новоторка». Новоторжская мѣщанка, она добровольно закрѣпостила себя, вышедши замужъ за живописца Павла (перваго учителя Салтыкова), когда тотъ работалъ на оброкѣ въ Торжкѣ. Ни Павелъ, ни тѣмъ меньше Мавруша не предвидѣли тогда, что ихъ могутъ снять съ оброка и вызвать для домашнихъ работъ въ деревню. А между тѣмъ это именно и случилось, причемъ отъ Мавруши потребовали такой же подневольной работы, какую выполняли и другія дворовыя женщины. И по мѣрѣ того, какъ Мавруша погружалась въ обстановку рабской

жизни, ей становилось ясно, что, отказавшись ради эфемернаго чувства любви, отъ воли, она тѣмъ самымъ предала божій образъ и навлекла на себя «божью клятву», которая не перестанетъ тяготѣть надъ нею не только въ этой, но и въ будущей жизни, если она какимъ-нибудь чудомъ не «выкупится». И къ этому выкупу устремились ея завѣтнѣйшія мечты, а пока что, она рѣшилась, разъ и навсегда, отказаться отъ какой бы то ни было подневольной работы. Даже если ее истязать будутъ, она и истязанія приметъ, ради изведенія души своей изъ тьмы, въ которую ее погрузила «клятва». И она дѣйствительно приняла истязанія, приняла ихъ даже, по барской прихоти, отъ рукъ безумно любившаго ее и глубоко страдавшаго изъ-за нея мужа, но отъ подневольной работы упорно отказывалась. И хотя героическимъ упорствомъ своимъ она отвоевала себѣ значительныя уступки— на нее махнули рукой и перестали неволить работой,—но, въ глазахъ несчастной Мавруши, положеніе вещей отъ этого ни мало не измѣнилось. И до побѣды она была раба, и послѣ побѣды осталась рабою же—только бунтующейся. Выхода не было, и она предпочла окончить жизнь самоубійствомъ.

Такая же мысль, но въ нѣсколько иной формѣ, овладѣла сознаніемъ «Сатира-скитальца». Съ молодыхъ лѣтъ Сатиръ рѣзко выдѣлялся изъ массы дворовыхъ. Въ дѣтствѣ онъ урывками научился разбирать церковную печать и пристрастился къ чтенію божественныхъ книгъ. Ни къ какому другому занятію онъ призванія не чувствовалъ, и всѣ попытки пристроить его къ какому-нибудь ремеслу разбивались о полную его неприспособленность къ самому простому дѣлу. Нѣсколько разъ бывалъ онъ въ бѣгахъ, причемъ каждый разъ возвращался съ болѣе или менѣе крупной суммой, собранной имъ во время скитаній на церковь. Одно время подозрѣвали, что Сатиръ находится въ общеніи съ сектою бѣгуновъ, которую помѣщики называли не иначе, какъ «пакостною», потому что въ число ея догматовъ входило, между прочимъ, и отрицаніе помѣщичьей власти. Но эти подозрѣнія были несправедливы. Хотя Сатиръ, точно также какъ и бѣгуны, относился къ крѣпостному праву отрицательно, хотя онъ, подобно бѣгунамъ, ни за что не хотѣлъ запасаться для своихъ скитаній паспортомъ, но отъ властей онъ не скрывался, подаяніе на церковь собиралъ открыто, появляясь для этого съ книжкой въ самыхъ людныхъ мѣстахъ, и, наконецъ, время отъ времени онъ все-таки возвращался назадъ, отдавая и себя, и собранныя имъ на церковь деньги въ полное разпоряженіе помѣщика. Очевидно, что на свою скитальческую жизнь Сатиръ смотрѣлъ, какъ на подвигъ, которымъ онъ подготовлялъ себя къ окончательному освобожденію отъ великаго, обременявшаго его совѣсть, грѣха, грѣха— быть рабомъ. По его словамъ, крѣпостные, бывшіе раньше вольными, сами продали свою волю, изъ-за денегъ господамъ въ кабалу отдались, и за это и сами они и ихъ потомки должны будутъ отвѣтить на страш-

номъ судѣ. Потому что «нѣтъ того грѣха тяжеле, коли кто волю свою продалъ. Все равно что душу». И умирая, Сатиръ мечтаетъ о томъ, какъ онъ поправится и, съ разрѣшенія господъ, уйдетъ въ монастырь, гдѣ съ него снимутъ, наконецъ, рабскій образъ, и онъ въ ангельскомъ чинѣ предстанетъ на «вышній судъ».

Чтобы покончить съ этой замѣчательной портретной галлереей людей, съумѣвшихъ создать нѣчто оригинальное, «свое» въ нивеллирующей обстановкѣ крѣпостного права, назовемъ здѣсь еще «Ваньку-Каина» изъ той же дворовой среды и «братца-Өедоса»—изъ помѣщичьей.

«Ванька-Каинъ», онъ же Иванъ Макаровъ, при несуразной внѣшности, обладалъ какой-то особенной проказливостью нрава и беззавѣтнымъ и довольно-таки утомительнымъ балагурствомъ. Онъ никакъ не могъ войти въ предопредѣленную ему отъ рожденія роль раба: оброка не платилъ, никакой работы по дому не дѣлалъ и въ то же время никому, даже самой барынѣ, не давалъ спуску ни въ одномъ словѣ, отвѣчая дерзкими выходками на каждое сдѣланное ему замѣчаніе. Онъ такъ мало былъ приспособленъ къ рабьему званію, что только солдатчина могла помочь помѣщицѣ отдѣлаться отъ непокорнаго крѣпостного.

«Братецъ-Өедосъ»—фигура гораздо болѣе сложная. Онъ въ одно и то же время продуктъ дворянскаго разоренія и предвѣстникъ новыхъ народническихъ теченій въ дворянской средѣ. Выйдя изъ разоренной помѣщичьей семьи, Өедосъ обнаруживалъ какое-то инстинктивное тяготѣніе къ крестьянской массѣ, которую онъ идеализировалъ и съ которой онъ сливался всѣми своими привычками. Попавъ на короткое время, такъ сказать, на перепутьи, въ родственную ему семью Салтыковыхъ, онъ произвелъ на дѣтей сильное впечатлѣніе. Свое личное настроеніе онъ очень образно заповѣдалъ дѣтямъ, когда однажды, тайкомъ отъ родителей, пришелъ къ нимъ играть въ лошадки.

«— Я по-дворянски ничего не умѣю дѣлать,—говорилъ онъ имъ, развязывая принесенныя для игры веревки,—сердце не лежитъ!—то ли дѣло къ мужичку придешь... «Здравствуйте!» — Здравствуй! — «А какъ тебя величать?»—Еремой.—«Ну, будь здоровъ, Ерема!» Точно вѣкъ вмѣстѣ жили! Станешь къ нему на работу — и онъ рядомъ съ тобой, и коситъ, и молотитъ, всякую работу сообща дѣлаетъ; сядешь обѣдать—и онъ тутъ же; тѣ же щи, тотъ же хлѣбъ... Да вы, поди, и не знаете, какой такой мужикъ есть... такъ, думаете, скотина! Анъ нѣтъ, братцы, онъ не скотина! Помните это: человѣкъ онъ! У Бога есть книга такая, такъ мужикъ въ ней страстотерпцемъ записанъ... Давайте же по-крестьянски въ лошадки играть».

Пускай—повторяю—художественная правда этихъ характеристикъ нѣсколько заслонила или украсила лежащую въ основѣ ихъ правду реальную, но для насъ остается несомнѣннымъ тотъ фактъ, что, благодаря озарившему мальчика просіянію, ему удалось подмѣтить и кру-

гомъ себя тѣ идеалистическія настроенія, которыя создавались и росли въ глубинахъ народнаго сознанія на почвѣ крѣпостного режима. Надо думать, что эти подмѣченныя имъ настроенія, въ свою очередь, оказывали вліяніе и на него самого, хотя бы въ смыслѣ укрѣпленія его въ тѣхъ принципахъ, которые онъ почерпнулъ изъ евангелія.

Дѣтская среда крѣпостного крестьянства была, очевидно, для маленькаго члена помѣщичьей семьи запретнымъ міромъ, совершенно недоступнымъ не только для непосредственнаго съ нимъ общенія, но даже и для наблюденія со стороны. Поэтому крѣпостныя дѣти въ воспоминаніяхъ Салтыкова никогда не имѣютъ самодовлѣющаго интереса, а появляются лишь въ качествѣ болѣе или менѣе яркихъ иллюстрацій жестокости крѣпостного режима. Такова, напримѣръ, въ «Пошехонской старинѣ» Наташа, съ которой писатель знакомитъ насъ въ моментъ выполненія надъ нею наказанія, больше похожаго, впрочемъ, на казнь: у конюшни, на кучѣ навоза, стояла она подъ знойными лучами солнца, привязанная локтями къ столбу, и рвалась во всѣ стороны; рои мухъ поднимались изъ навозной жижи и облѣпляли ея лицо, уже покрытое ранами, изъ которыхъ сочилась сукровица... Таковы, напримѣръ, въ «Невинныхъ разсказахъ» маленькіе герои трагическаго повѣствованія «Миша и Ваня», доведенные до самоубійства жестокостями своей барыни, впрочемъ, веселой и даже доброй въ своемъ кругу.

Что касается сверстниковъ Салтыкова изъ помѣщичьей среды, съ которыми могли бы быть дозволены болѣе или менѣе близкія отношенія, то изъ нихъ мы можемъ указать на одного Сергѣя Андреевича Юрьева, бывшаго редактора «Русской Мысли», родившагося въ селѣ Воскресенскомъ, въ семи верстахъ отъ родины Салтыкова. По словамъ г. Алексѣя Веселовскаго *), здѣсь началась дружба Салтыкова и Юрьева, которая еще болѣе скрѣпилась въ дворянскомъ институтѣ въ Москвѣ, гдѣ оба они учились. О характерѣ ихъ дѣтскихъ отношеній ничего въ сущности не извѣстно, но о тѣсной сердечной ихъ близости другъ къ другу въ этотъ періодъ можно судить по тому, что ихъ дружба стойко выдержала цѣлый рядъ испытаній, которыя могли бы совершенно оборвать отношенія менѣе связанныхъ между собою людей. Пути двухъ друзей разошлись съ дворянскаго института, откуда Салтыковъ перешелъ въ царскосельскій лицей, а Юрьевъ—въ московскій университетъ. Затѣмъ служба будущаго сатирика въ Петербургѣ и годы ссылки въ Вяткѣ еще дольше, казалось, развели ихъ. Однако, первыя же встрѣчи ихъ, послѣ многихъ лѣтъ разлуки, опять скрѣпили старыя отношенія, и Салтыковъ, несмотря

*) Сборникъ „Въ память С. А. Юрьева". М. 1890 г. См. „Отрывки изъ старой переписки съ поясненіями Алексѣя Веселовскаго".

даже на раздѣлявшую ихъ разницу во взглядахъ, до послѣднихъ дней своихъ сохранилъ необыкновенно ласковое, даже нѣжное, отношеніе къ другу своего дѣтства. Иной разъ и на его счетъ вырывалась у него шутка, вспоминался какой-нибудь анекдотъ, но въ нихъ выступали лишь сильная впечатлительность, сказочная разсѣянность, обильное краснорѣчіе и неистощимая способность Юрьева увлекаться идеею, и въ остроумной шуткѣ слышалось сочувствіе мечтателю. Это замѣтно и въ письмахъ Салтыкова, откровенный тонъ которыхъ показываетъ, какимъ близкимъ человѣкомъ былъ ему Юрьевъ.

Нѣсколько разъ, мимоходомъ, Салтыковъ выводилъ, по его же словамъ, нѣкоторыя черты Юрьева въ своихъ произведеніяхъ (напр. въ «Пестрыхъ Письмахъ» въ лицѣ Семена Семеновича, въ «Пошехонской Старинѣ»—въ героѣ разсказа Валентинѣ Бурмакинѣ), хотя многія обстоятельства здѣсь съ умысломъ измѣнены и расходятся съ дѣйствительностью. Когда друзья Юрьева задумали изданіе сборника, посвященнаго его памяти, то Веселовскій обратился къ Салтыкову съ просьбой написать хоть нѣсколько отрывочныхъ воспоминаній о школьныхъ годахъ въ дворянскомъ институтѣ. Въ первыхъ числахъ февраля 1889 г. Веселовскій вошелъ въ кабинетъ сатирика и засталъ его одиноко сидѣвшимъ въ глубокомъ креслѣ; ноги были заботливо закутаны плэдомъ, на столикѣ виднѣлось нѣсколько стклянокъ съ лекарствомъ, на исхудавшемъ лицѣ, въ недвижномъ взорѣ застыло неотвязное, безсмѣнное страданіе. Ни души въ сосѣднихъ комнатахъ, ни звука: все было уныло и мертво. Но какъ только рѣчь зашла о Юрьевѣ, на страдальческомъ лицѣ мелькнула добрая улыбка. Нѣсколькими штрихами обрисовалъ онъ тутъ же харакеръ умершаго товарища, хотя отъ писанія отказался за совершеннымъ своимъ нездоровьемъ.

VII.

Московскій дворянскій институтъ и Царскосельскій лицей.

Мы старались съ возможною полнотою исчерпать матеріалъ, характеризующій обстановку, въ которой Салтыковъ провелъ первыя десять лѣтъ своей жизни, и которая должна была и затѣмъ, въ школьный періодъ его жизни захватывать его своимъ многообразнымъ и сильнымъ вліяніемъ въ каникулярные мѣсяцы, которые онъ проводилъ въ семьѣ.

Какъ ни безалаберно складывались подготовительныя къ школѣ занятія, но, благодаря способностямъ мальчика и его огромному прилежанію, поощряемому полнымъ одиночествомъ въ семьѣ, оказалось, что къ десяти годамъ онъ не только былъ вполнѣ подготовленъ въ III-й классъ шестикласснаго московскаго дворянскаго института, но многое прошелъ самостоятельно сверхъ программы. Разумѣется, всѣ

эти свѣдѣнія, быстро усваивавшіяся имъ безъ системы, въ формѣ одиночныхъ, не связанныхъ между собой фактовъ, не представляли, по собственному признанію Салтыкова, устойчивыхъ элементовъ, изъ которыхъ могла бы выработаться способность къ логическому мышленію. Слишкомъ ужъ нестройной была та груда книгъ, которыя достались мальчику по наслѣдству отъ старшихъ дѣтей. Среди всѣхъ этихъ многочисленныхъ грамматикъ, синтаксисовъ, риторикъ, исторій, географій, арифметикъ и т. п., которыя одна за другой глотались мальчикомъ, не было, напримѣръ, ни одной книги, которая дала-бы хоть приблизительное понятіе о существованіи русской литературы. Ни хрестоматіи, ни даже басенъ Крылова не существовало, и мальчикъ, почти до самаго поступленія въ школу, не зналъ ни одного русскаго стиха, кромѣ тѣхъ немногихъ обрывковъ, безъ начала и безъ конца, которые были помѣщены въ учебникѣ риторики, въ качествѣ примѣровъ фигуръ и тропъ.

Съ такимъ хаосомъ свѣдѣній въ головѣ мальчикъ въ августѣ 1836 года былъ отвезенъ въ Москву, гдѣ и принятъ былъ въ III-й классъ института.

Московскій дворянскій институтъ, преобразованный незадолго до поступленія въ него Салтыкова (въ 1833 г.) изъ университетскаго пансіона, представлялъ нѣчто въ родѣ гимназіи съ пансіономъ, задача которой, какъ иронически вспоминаетъ писатель въ «Недоконченныхъ Бесѣдахъ», состояла «преимущественно въ подготовленіи питомцевъ славы». Институтъ, впрочемъ, замѣчаетъ писатель, имѣлъ хорошія традиціи и пользовался отличной репутаціей. Во главѣ его почти всегда стояли если не отличнѣйшіе педагоги, то люди, обладавшіе здравымъ смысломъ и человѣчностью. Салтыковъ съ уваженіемъ и любовью вспоминаетъ, напримѣръ, стараго моряка, С. Я. У., который былъ директоромъ института въ первый годъ пребыванія въ немъ писателя. Особенно пріятныхъ подробностей объ институтѣ однако въ воспоминаніяхъ Салтыкова нѣтъ. Напротивъ, такъ какъ толчкомъ для этой экскурсіи въ область далекаго прошлаго послужило изобрѣтеніе нѣкіимъ Кунцомъ «гигіенической кушетки», то мысль писателя исключительно и останавливается на роли «средней части тѣла» въ педагогической системѣ института. Онъ не припоминаетъ, чтобы лично много страдалъ отъ розги, но свидѣтелемъ того, какъ терпѣла «средняя часть тѣла» за дѣйствія и поступки, совсѣмъ не по ея иниціативѣ содѣянные, бывалъ неоднократно *).

Институтъ пользовался привилегіей отправлять каждые полтора года «отличнѣйшихъ» учениковъ въ царскосельскій лицей, куда они поступали на казенное содержаніе. Хотя Салтыковъ былъ оставленъ въ III-мъ классѣ института на второй годъ, но такъ

*) „Недоконченныя Бесѣды“, т. VI, стр. 645.

какъ это случилось не вслѣдствіе дурныхъ отмѣтокъ — учился онъ, попрежнему, хорошо—а только по малолѣтству, то на второй годъ своего пребыванія въ институтѣ въ число «отличнѣйшихъ» избранниковъ попалъ и онъ. Разсказывая объ этомъ д-ру Бѣлоголовому, Салтыковъ очень жалѣлъ, что ему не удалось кончить курсъ въ дворянскомъ институтѣ и поступить въ университетъ. Винилъ онъ въ этомъ своего дядьку, который былъ присланъ изъ деревни родителями для ухода за нимъ. Въ это время было въ обычаѣ, что многіе баричи поступали въ институтъ со своими дядьками изъ крѣпостныхъ, и дядьки эти дѣлались какъ бы комнатными сторожами, получая казенное содержаніе отъ института въ 25 руб. ассигнаціями въ мѣсяцъ. Когда вышло распоряженіе о переводѣ изъ дворянскаго института двухъ лучшихъ воспитанниковъ въ царскосельскій лицей, то директоръ назначилъ для перевода и Салтыкова, но тотъ отказался, мечтая о поступленіи въ московскій университетъ. Тогда дядька увѣдомилъ о происшедшемъ родителей, и мать, сильно разсердившаяся на сына за этотъ отказъ, принудила его перейти въ лицей *).

Царскосельскій (а съ 1844 г. Александровскій) лицей, куда теперь, въ 1838 г., перешелъ Салтыковъ, открытъ былъ въ 1810 г. съ цѣлью «образованія юношества, особенно предназначеннаго къ важнымъ частямъ государственной службы». Онъ состоялъ изъ двухъ курсовъ, начальнаго и окончательнаго, изъ которыхъ каждый проходился въ теченіе трехъ лѣтъ, обнимая предметы, «приличные важнымъ частямъ государственной службы и необходимо нужные для благовоспитаннаго юноши». Окончившіе курсъ воспитанники выпускались съ правами на чинъ, смотря по успѣхамъ, отъ XIV до IX класса.

Воспѣтый когда-то Пушкинымъ царскосельскій лицей теперь, ко времени поступленія въ него Салтыкова, представлялъ изъ себя далеко не тотъ образцовый разсадникъ знанія, какимъ онъ былъ или, по крайней мѣрѣ, стремился быть въ первые послѣ его основанія годы. Теперь въ немъ измѣнилось все, начиная съ вѣдомства, имъ управлявшаго. Съ 1822 г. лицей изъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія перешелъ въ военное вѣдомство. Духъ царившей въ немъ свободы, которая, въ связи съ хорошо поставленнымъ дѣломъ преподаванія, развивала въ лицеистахъ чувство человѣческаго достоинства и стремленіе къ самообразованію, давно вывѣтрился. Свободу смѣнила субординація; Куницина, о которомъ съ благодарностью вспоминалъ Пушкинъ *), смѣнилъ Гроздовъ, о которомъ Салтыковъ могъ бы вспом-

*) Н. А. Бѣлоголовый. „Воспоминанія и др. статьи“, стр. 229—230.

**) А. П. Куницинъ читалъ въ лицеѣ логику и нравственныя науки до 1821 г., когда онъ былъ уволенъ въ отставку за мнѣнія, „явно противорѣчащія истинамъ христіанства и клонящіяся къ ниспроверженію всѣхъ связей семейныхъ и государственныхъ“. Вліяніе Куницина на лицеистовъ отмѣчено Пушкинымъ въ слѣдующихъ словахъ: „Куницину дань сердца и вина! Онъ создалъ

нить только съ негодованіемъ. Неудивительно, что сатирикъ не любилъ касаться этой лицейской страницы своей жизни, а если мимоходомъ и затрагивалъ ее, то, во всякомъ случаѣ, не для того, чтобы помянуть ее добромъ. «Помню я школу, — говоритъ онъ въ одномъ изъ очерковъ,—но какъ-то угрюмо и непривѣтливо воскресаетъ она въ моемъ воображеніи. Нѣтъ, я сегодня настроенъ такъ мягко, что все хочу видѣть въ розовомъ свѣтѣ... Прочь школу!» *).

При всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ для развитія учащихся условіяхъ, «пушкинскія традиціи» продолжали жить въ лицеѣ, настойчиво поддерживаемыя и защищаемыя старшимъ курсомъ. Такъ, каждый выпускъ лицеистовъ, считалъ необходимымъ имѣть непремѣнно своего собственнаго Пушкина, и хотя это почетное имя или званіе присваивалось по нуждѣ не всегда съ одинаковымъ тактомъ, не всегда по заслугамъ и талантамъ мѣстныхъ лауреатовъ, но уже само по себѣ взятое это стремленіе выдвинуть изъ своей среды и вознести на извѣстную высоту литературный талантъ предполагало въ лицеистахъ значительную степень уваженія къ интеллектуальной, кристализующейся въ литературѣ, работѣ. И дѣйствительно, вліяніе литературы было тогда, повидимому, очень сильно въ лицеѣ. Воспитаники старшаго курса, даже въ тяжелыхъ условіяхъ тогдашняго чуть ли не казарменнаго режима лицея, отстояли за собой право выписывать за свой счетъ журналы, и во времена Салтыкова въ лицеѣ получались «Отечественныя Записки», «Библіотека для чтенія», «Сынъ Отечества», «Маякъ» и «Revue Etrangère». Журналы читались лицеистами съ жадностью, причемъ особенно замѣтны были популярность и вліяніе «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ въ то время писалъ свои критическія статьи Бѣлинскій.

Пристрастился къ чтенію книгъ и Салтыковъ, чему, между прочимъ, способствовало и то обстоятельство, что преподаваніе предметовъ велось тогда въ лицеѣ такъ поверхностно, что ему, прекрасно подготовленному, первые годы приходилось удѣлять собственно учебнымъ предметамъ очень мало времени. Отсюда явилось полупрезрительное отношеніе къ программнымъ занятіямъ, которое поддерживалось затѣмъ самой системой преподаванія, и Салтыковъ, въ сущности никогда не утрачивавшій пріобрѣтенной имъ въ раннемъ дѣтствѣ огромной трудоспособности, уже во все время пребыванія въ лицеѣ учился плоховато и шелъ въ числѣ посредственныхъ по успѣхамъ воспитанниковъ. Вмѣстѣ съ чтеніемъ явилась и страсть къ стихотворству, настойчиво преслѣдуемая учебной администраціей, но еще болѣе настойчиво культивируемая воспитанниками лицея, гдѣ рѣдкій мальчикъ, сколько нибудь талантливый, не лелѣялъ мечту сдѣлаться продолжателемъ или даже замѣстителемъ Пушкина. Рано проснувшіяся въ мальчикѣ обѣ

насъ, онъ воспиталъ нашъ пламень... Поставленъ имъ краеугольный камень, имъ чистая лампада возжена“.

*) „Губернскіе Очерки“, т. I, стр. 384.

эти страсти причиняли Салтыкову въ лицеѣ, начиная съ младшихъ классовъ, не мало непріятностей. За чтеніе книгъ и особенно за стихотворство его преслѣдовала не только администрація лицея, до гувернеровъ включительно, но и—даже въ большей степени—учитель русскаго языка Гроздовъ. Правда, лицейское творчество юнаго поэта не всегда замыкалось въ чертоги чистаго искусства, и это обстоятельство должно было особенно обострять его отношенія къ лицейскому начальству. Тщетно пряталъ мальчикъ произведенія своей музы въ рукава куртки, за голенища сапогъ, контрабанда извлекалась изъ этихъ потаенныхъ мѣстъ, за чѣмъ неукоснительно слѣдовала кара со сбавкаю балла изъ поведенія. Эти столкновенія приняли настолько систематическій характеръ, что впродолженіи своего пребыванія въ лицеѣ Салтыковъ, при 12-ти-балльной системѣ, почти никогда не получалъ изъ поведенія свыше 9 балловъ, не исключая и послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ передъ выпускомъ, когда обыкновенно всѣмъ выставлялся полный баллъ. Къ концу лицейскаго искуса дѣла Салтыкова въ этомъ отношеніи даже ухудшились. По крайней мѣрѣ въ выданномъ ему аттестатѣ значится: «при довольно хорошемъ поведеніи», а это—на условномъ языкѣ лицея—показываетъ, что средній баллъ въ поведеніи воспитанника за поведеніе два года былъ ниже восми. Такую низкую расцѣнку поведенія Салтыкова въ лицеѣ нельзя, однако, цѣликомъ приписывать провинностямъ его юношеской музы. Извѣстную роль сыграла здѣсь царившая въ лицеѣ казарменная субординація, которой молодой лицеистъ не хотѣлъ, а, можетъ быть, и не умѣлъ подчинить себя. Отсюда и происходятъ тѣ такъ называемыя «грубости и шалости,» которыя ставились на видъ непокорному лицеисту: то пуговица оказывалась разстегнутою или совсѣмъ потерянною, то треуголка надѣта съ поля, а не по формѣ, которая, кстати сказать, составляла особую и необыкновенно трудную науку, то юноша былъ пойманъ съ папиросой во рту или уличенъ въ другихъ подобныхъ преступленіяхъ.

VIII.

Поэтическая карьера Салтыкова.—Выходъ изъ лицея.

Въ оцѣнкѣ поэтическаго дарованія Салтыкова начальство лицея сильно расходилось съ товарищами молодого поэта. Въ то время, когда первое квалифицировало талантъ Салтыкова попросту, какъ дурное поведеніе, товарищи провозгласили его ни мало, ни много, какъ Пушкинымъ своего, XIII-го выпуска. *). Обѣ стороны сильно увлекались и были пристрастны.

---

*) Для характеристики того, въ какой степени оправдывалась впослѣдствіи оцѣнка лицеистами ихъ лауреатовъ, напомнимъ, что Пушкинымъ XI-го выпуска былъ В. Р. Зотовъ, оказавшійся во мнѣніи лицеистовъ выше дѣйствительно даровитаго своего товарища Мея, Пушкинымъ XII-го выпуска—Н. П. Семеновъ,

Самъ Салтыковъ впослѣдствіи вспоминалъ о своихъ лицейскихъ поэтическихъ опытахъ, и особенно о неоконченной героической трагедіи «Коріоланъ», съ большимъ сарказмомъ. Еще въ лицеѣ оставивъ свои мечты сдѣлаться вторымъ Пушкинымъ, онъ не любилъ потомъ, какъ передаетъ г. Скабичевскій, чтобы кто-нибудь напоминалъ ему о стихотворныхъ грѣхахъ его молодости. Онъ хмурился въ этихъ случаяхъ, краснѣлъ и всячески старался замять непріятный для него разговоръ. Однажды онъ высказалъ даже парадоксальную мысль, будто бы всѣ поэты — сумасшедшіе люди. «Помилуйте, — объяснялъ онъ,— развѣ это не сумасшествіе,—по цѣлымъ часамъ ломать голову, чтобы живую, естественную человѣческую рѣчь втискивать, во что бы то ни стало, въ размѣренныя рифмованныя строчки! Это все равно, что кто-нибудь вздумалъ бы вдругъ ходить не иначе, какъ по разостланной веревочкѣ, да непремѣнно еще на каждомъ шагу присѣдая» *).

Въ устахъ такого тонкаго цѣнителя литературы, какимъ былъ Салтыковъ, это общее замѣчаніе о поэзіи было, конечно, не болѣе, какъ парадоксомъ. Но въ примѣненіи къ его юношескимъ поэтическимъ упражненіямъ здѣсь есть, повидимому, своя доля правды. Очевидно, стихотворная форма давалась юношѣ съ трудомъ, и, вкладывая плоды своего вдохновенія въ размѣренныя строчки, онъ лично могъ, дѣйствительно, испытывать ощущеніе человѣка, прохаживающагося по разостланной веревочкѣ. По крайней мѣрѣ всѣ извѣстныя намъ его лицейскія стихотворенія не только ничего не говорятъ о поэтическомъ дарованіи автора, но даже не свидѣтельствуютъ и о томъ, чтобы авторъ въ теченіе своей, очень непродолжительной впрочемъ, поэтической карьеры сдѣлалъ какіе-нибудь успѣхи въ умѣніи овладѣть формой **).

Тѣмъ не менѣе его стихотворенія печатались и даже имѣли нѣко-

---

впослѣдствіи сенаторъ, членъ редакціонныхъ комиссій по крестьянскому дѣлу, XIV-го—В. П. Гаевскій, авторъ статей о Дельвигѣ и Пушкинѣ, много лѣтъ бывшій предсѣдателемъ литературнаго фонда.

*) „Исторія новѣйшей русской литературы“ А. М. Скабичевскаго. Спб. 1891 г. стр. 292.

**) Наиболѣе удачнымъ по формѣ слѣдуетъ признать переводъ изъ Гейне „Рыбачкѣ“, написанный Салтыковымъ въ 1841 г.

О, милая дѣвочка! быстро
Челнокъ свой направь ты ко мнѣ!
Сядь рядомъ со мною и тихо
Бесѣдовать будемъ во тьмѣ.
И къ сердцу страдальца ты крѣпко
Головку младую прижми—
Вѣдь морю себя ты ввѣряешь
И въ бурю и въ ясные дни.
А сердце мое то же море—
Бушуетъ оно и кипитъ
И много сокровищъ безцѣнныхъ
На днѣ своемъ ясномъ хранитъ.

торый успѣхъ. Первое его стихотвореніе «Лира» было напечатано въ 1841 г. въ «Библіотекѣ для чтенія» (томъ 45-й) за подписью «С—въ». Въ слѣдующемъ году появилось въ томъ же журналѣ (т. 50-й) другое его стихотвореніе «Двѣ жизни», помѣченное только первой буквой его фамиліи. Остальныя стихотворенія, счетомъ семь пьесъ, напечатаны были, за полною его подписью, въ «Современникѣ» въ 1844 и 1845 гг., уже по выходѣ его изъ лицея. Вѣроятно, эти стихотворенія, или, во всякомъ случаѣ, часть ихъ, сданы были въ редакцію журнала гораздо раньше ихъ напечатанія и тогда уже обратили на себя вниманіе Плетнева, бывшаго въ то время редакторомъ «Современника». По крайней мѣрѣ, Плетневъ, какъ разсказывалъ Салтыковъ Бѣлоголовому, былъ настолько заинтересованъ своимъ юнымъ сотрудникомъ, что однажды пріѣхалъ даже въ лицей на экзаменъ. При этомъ едва ли, по словамъ Салтыкова, онъ составилъ хорошее представленіе о поэтѣ, который на экзаменѣ отвѣчалъ плоховато по обыкновенію.

Какъ бы тамъ ни было, но всѣ эти плоды вдохновенія молодого поэта не лишены значенія. Для Салтыкова они были полезны въ томъ смыслѣ, что на нихъ онъ подвергъ первому испытанію свои творческія силы; для насъ они интересны тѣмъ матеріаломъ, какой они даютъ для опредѣленія настроенія писателя въ его юношескіе годы.

Любопытно, что расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ стихотворенія Салтыкова начинаются и заканчиваются указаніями на два просвѣта, которые только и признавала его въ общемъ мрачно настроенная муза. Просвѣты эти—поэзія и природа. Въ стихотвореніи «Лира», которымъ въ 1841 г. дебютировалъ Салтыковъ, онъ довольно нескладно, но искренно выражаетъ по адресу русской поэзіи то благоговѣйное почти настроеніе, которое онъ впослѣдствіи перенесъ на русскую литературу вообще. Намекая на поэзію Жуковскаго и Пушкина, онъ пишетъ:

> На русскомъ Парнасѣ есть лира;
> Струнами ей солнца лучи,
> Ихъ звукамъ внимаетъ полміра:
> Предъ ними самъ громъ замолчи!

Оцѣнка поэзіи Пушкина здѣсь заслуживаетъ особеннаго вниманія по весьма характерному для тогдашняго настроенія Салтыкова противопоставленію волшебнаго очарованія поэзіи безжизненному холоду дѣйствительности:

> Пѣвецъ тотъ былъ славенъ и молодъ:
> Онъ пѣснею смертныхъ увлекъ
> И міра безжизненный холодъ
> Въ волшебные звуки облекъ.

Въ послѣднемъ своемъ стихотвореніи «Весна», написанномъ въ 1844 г., за два или за три мѣсяца до выхода изъ лицея, Салтыковъ, рисуя картину пробужденія природы, противопоставляетъ ей «нашъ духъ унылый». Онъ привѣтствуетъ весну за то, что она согрѣваетъ сердце человѣка и пробуждаетъ въ немъ порывы къ волѣ.

За исключеніемъ этихъ двухъ пьесъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что бѣдная лицейская душа поэта не оставалась все-таки безъ пищевого довольствія, весь циклъ стихотвореній лицеиста характризуетъ его въ общемъ довольно мрачное настроеніе. Онъ жалуется на свое одиночество, на тоску, на сомнѣнія, на томительное однообразіе существованія, «безъ цѣли, безъ значенія». Не обойдена, конечно, юнымъ поэтомъ пѣснь любви, но и это чувство не вноситъ мира въ его душу:

Моя любовь живетъ страданьемъ
И страшенъ ей покой!

Итоги этого настроенія подводятся въ стихотвореніи «Нашъ Вѣкъ», написанномъ, какъ и «Весна», незадолго до окончанія лицея:

Что-жъ въ жизни есть веселаго? — Невольно
Нѣмая скорбь на душу набѣжитъ
И тѣнь сомнѣнья душу омрачитъ...
Нѣтъ, право, жить и грустно, да и больно!..

При всѣхъ техническихъ недостаткахъ, которыми страдаютъ стихотворенія Салтыкова, они подкупаютъ васъ своей безыскуственной простотою. Въ нихъ нѣтъ рисовки, нѣтъ подчеркиваній. Юноша искренно, не гоняясь за эффектами, отмѣчалъ то, что переживалъ и чувствовалъ. А что мрачность красокъ, характеризующая его поэзію, болѣе или менѣе точно передавала дѣйствительно преобладавшее въ немъ настроеніе, въ этомъ убѣждаетъ насъ разсказъ Головачевой-Панаевой о первыхъ встрѣчахъ ея съ Салтыковымъ - лицеистомъ. Она видѣла его еще въ мундирѣ лицеиста, въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда онъ по утрамъ въ праздничные дни приходилъ въ домъ М. А. Языкова, «чтобы посмотрѣть на литераторовъ», какъ объяснялъ его визиты хозяинъ дома. «Юный Салтыковъ,—пишетъ г-жа Головачева-Панаева,—и тогда не отличался веселымъ выраженіемъ лица. Его большіе сѣрые глаза сурово смотрѣли на всѣхъ, и онъ всегда молчалъ. Онъ всегда садился не въ той комнатѣ, гдѣ сидѣли всѣ гости, а помѣщался въ другой, противъ дверей, и оттуда внимательно слушалъ разговоры». Авторъ воспоминаній только однажды замѣтилъ улыбку на лицѣ всегда сумрачнаго лицеиста. Это случилось во время дѣйствительно курьезной исповѣди нѣкоего К., извѣстнаго всему кружку хвастуна, котораго въ это утро распекалъ Бѣлинскій, въ присутствіи Панаева и другихъ гостей Языкова.

«— Господи, зачѣмъ я вру!—патетично воскликнулъ К.

«— Мамка васъ въ дѣтствѣ зашибла,—замѣтилъ ему Бѣлинскій».

При этихъ словахъ на лицѣ Салтыкова изобразилась та единственная улыбка, которую Головачева и отмѣтила въ своихъ воспоминаніяхъ *).

Въ маѣ 1844 года Салтыковъ окончилъ курсъ лицея съ чиномъ X-го класса, съ которымъ, между прочимъ, раньше вышли изъ лицея Пушкинъ, Дельвигъ и Мей. Въ выпускѣ 1844 года Салтыковъ ока-

---

*) „Русскіе писатели и артисты". Воспоминанія А. Я. Головачевой-Панаевой. Спб. 1890 г., стр. 425—426.

зался по списку семнадцатымъ изъ 22 воспитанниковъ, въ числѣ которыхъ двѣнадцать было выпущено съ чиномъ IX-го класса, пять—X-го и пять—XII-го. Въ этомъ же году (23-го августа) онъ былъ зачисленъ въ канцелярію военнаго министра и только два года спустя, 8-го августа 1846 года, получилъ тамъ первое штатное мѣсто помощника секретаря.

Вспоминая объ этомъ, непосредственно за выпускомъ изъ лицея послѣдовавшемъ, періодѣ своей жизни, Салтыковъ пишетъ: «Я былъ, такъ сказать, средній воспитанникъ; изъ ученія имѣлъ баллы не блестящіе, изъ поведенія—и того меньше Мои виды на будущее были болѣе чѣмъ посредственные; отсутствіе всякой протекціи и довольно скудное «положеніе» отъ родныхъ отдавали меня на жертву служебной случайности и осуждали на скитаніе по скромнымъ квартирамъ «съ чернымъ ходомъ» и на продовольствіе въ кухмистерскихъ. Даже послѣднее было не всегда доступно, потому что молодость требовала дорогихъ развлеченій, и иногда, ради билета въ театръ, я вынуждался замѣнять скромный кухмистерскій обѣдъ десятикопѣечной колбасой съ булкой. Старый дядька, который жилъ при мнѣ, и тотъ имѣлъ въ мелочной лавкѣ пищу болѣе сытную и здоровую» *).

Брошенное здѣсь вскользь замѣчаніе о молодости, «требовавшей дорогихъ развлеченій», само собою напрашивается на сопоставленіе съ разсказомъ г. Скабичевскаго о томъ, что Салтыковъ, подобно Пушкину, первые три года по выходѣ изъ лицея очень бурно и разсѣянно справлялъ «праздникъ жизни». «По своей страсти все представлять въ комическомъ видѣ, не щадя и самого себя,—говоритъ г. Скабичевскій,—Салтыковъ разсказывалъ о себѣ нѣсколько анекдотовъ изъ этого періода своей жизни, которые по своей крайней курьезности вполнѣ совпадаютъ съ характеромъ его сатиръ» **).

Анекдотовъ этихъ г. Скабичевскій не воспроизводитъ, да для характеристики Салтыкова они едва ли и могутъ имѣть сколько-нибудь серьезное значеніе. Для бурной и разсѣянной жизни бюджетъ молодого человѣка, который любилъ къ тому же и «пофрантить», былъ слишкомъ скроменъ: какъ самъ онъ разсказывалъ г. Пантелѣеву, онъ получалъ изъ дому отъ матери 1.000 рублей ежегодно, да около 50 рублей въ мѣсяцъ зарабатывалъ рецензіями въ «Современникѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ». На такія средства особенно пышнаго праздника жизни не устроишь, и не въ праздникѣ, во всякомъ случаѣ, лежалъ центръ тяжести первыхъ лѣтъ жизни Салтыкова вслѣдъ за выпускомъ его изъ лицея.

Вл. Кранихфельдъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

*) „Мелочи жизни“, т. V, стр. 399.

**) „Исторія новѣйшей русской литературы“, стр. 292.

ВѢСТЬ ВЕСНЫ.

Въ страны снѣга и жестокихъ холодовъ
Съ юга дальняго, изъ солнечныхъ краевъ
Птичка малая примчалася одна
И пропѣла, что идетъ за ней весна...

Вѣсть прослышали и вздрогнули лѣса.
Улыбнулися сіяньемъ небеса...
Обнажилися вершины хмурыхъ горъ...
Всюду шумъ и гулъ, веселый разговоръ...

Подхватили вѣсть, помчали ручейки,
Донесли ее до скованной рѣки...
Пробудилася могучая, волной—
Вмигъ разбила льда оковы надъ собой...

Заплескалася въ крутые берега;
Затопила всѣ болота и луга,
И, гребнями волнъ бушуя, понеслась,
На степной просторъ далеко разлилась...

Обозлился старый дѣдушка-морозъ,
Заревѣлъ вѣтрамъ: «кто вѣсть весны принесъ?..
Кто осмѣлился нарушить мой покой?—
Занести того мятелью снѣговой...»

Засмѣялися надъ злобой старика:
Бѣлой пѣною игривая рѣка,
Яркой зеленью вершины вѣчныхъ горъ...
Покатился смѣхъ на солнечный просторъ...

Трелью звонкою, серебряной звенитъ,
Пѣсней вольною, стозвучною гремитъ...
Громомъ радости рокочетъ въ небесахъ,
Гуломъ хохота разносится въ лѣсахъ...

Задрожалъ старикъ на тронѣ снѣговомъ
И заплакалъ онъ, поникнувши челомъ:
«О, безумныя, не смѣйтесь надо мной!
Не хранилъ-ли я подъ снѣжной пеленой

Ваши сладкіе, таинственные сны
Отъ мятежныхъ ласкъ волшебницы весны?..»
Такъ промолвилъ онъ съ слезами на глазахъ
И исчезъ, дымясь туманами, въ горахъ...

А пѣснь радости рокочетъ и гремитъ:
Надъ землей весна побѣдная царитъ!

Ѳ. Поступаевъ.

ЕСЛИ ВИДИШЬ, ЕСЛИ СЛЫШИШЬ...

Если слышишь, какъ играетъ бѣгъ потоковъ вешнихъ водъ,
Какъ ликующе смѣется жизни новой хороводъ...

Если видишь, какъ цѣлуетъ Панъ великій грудь земли
И какъ страстно онъ ей шепчетъ сказки сладкія свои...

Если слышишь вздохъ любовный очарованныхъ небесъ,
Какъ хохочетъ громъ безпечный, какъ смѣется старый лѣсъ...

Если видишь, если слышишь,—знаешь тайны жизни ты,
Знаешь радости восторга, силу вѣчной красоты.

Ѳ. Поступаевъ.

„МАЛЕНЬКАЯ ДРАМА“.

Вошла она ко мнѣ робко, поклонилась низкимъ, пояснымъ поклономъ, какъ кланяются монашенки или просительницы изъ простонародья, и сказала съ очень замѣтнымъ еврейскимъ акцентомъ:

— Вы мене извините. Я дѣвушке простая, мало образованна...

И опять поклонилась низко.

Я глянула на лицо ея свѣжее и яркое, сверкающее всѣми красками молодости, красоты и здоровья; на фигуру ея высокую, тонкую, стройную, въ простомъ черномъ платьѣ... главное же, на руки ея глянула, тоже замѣчательныя, необыкновенныя для «простой дѣвушки»: узкія, длинныя, формы нѣжной и благородной, настоящія «породистыя» руки, которыя она сложила на высокой груди, опять же изъ почтительнаго благоговѣнія ко мнѣ, одна на другую, какъ для молитвы, — и мнѣ стало немного досадно на нее за эту ея унизительную робость передо мною и за наивное благоговѣніе.

— Вы меня, пожалуйста, извините... ради Бога!

— Да отлично же!—вскрикнула я нетерпѣливо.—Я очень, очень рада! Честное слово! Чего вы извиняетесь? Пришли и ладно!

И я схватила ее за руку и потащила къ себѣ въ спальню, усадила на диванъ и сама сѣла съ ней рядомъ.

— Я дѣвушке простая, необразованна,—начала она опять голосомъ дрожащимъ, но уже глядя мнѣ въ глаза довѣрчиво, открытымъ и чистымъ дѣтскимъ взглядомъ.—Но и я имѣю умъ мой и душа, и сэрдце мое. И ежели мене трудно подошло и больно, то имѣю я свой право пойти до кого-нибудь и посовѣтоваться?—трепетно вопросила она меня.

И такъ какъ я молчала, она продолжала дальше еще страстнѣе, трепетнѣе:

— Ежели душа у мене болитъ день и ночь, то я и сказала себѣ: «дай, пойду до нихъ...» Потому что всѣ эти дни и ночи я думаю, думаю... Папа зъ мама ничего теперичка не означаютъ для меня... пхе! Что они со мною сдѣлаютъ?.. Папа

пообѣщался вырвать волосы мои, а мама сказала, что умретъ отъ горя, отъ несчастій, и братецъ даже плакалъ... бо братецъ больной и слабый молодой человѣкъ, очень добрый братъ и обожаетъ меня... Но что же я буду дѣлать, Богъ мой?—вскрикнула она уже звонко, отчаянно, ударивъ себя кулачкомъ въ грудь.— Ежели же я хочу жить и своя свобода имѣть и своя личность, и цѣль и смыслъ жизни? А какая же тутъ личность, когда папа дерется... папа добрый человѣкъ, но горячій, паленый человѣкъ... Когда оба они, и папа и мама принуждаютъ мене къ то, чего я не желаю, и запрещаютъ мене то, чего желаю... Глупо живу я, мадамъ, скучно, пошло въ домѣ родителей моихъ, безъ всякой цѣли живу... Да и городокъ нашъ... чего тутъ ждать? Сами вы видите, что за городокъ!.. А родители мои привыкли и довольны. Торговля идетъ хорошо, ну и больше ничего и не требуется. А мене тяжко здѣсь, а мене скучно даже до смерти!.. Лѣсъ кругомъ да болота, да волки въ лѣсу, а въ городѣ люди, какъ волки... Съ кѣмъ тутъ слово сказать? Исправникъ и земскій, и господинъ докторъ мене глазами жрутъ, проходу не даютъ, какъ будто бы я уже и честь своя дѣвическая не имѣю... поцѣлуи пальцами дѣлаютъ и все... А жены ихъ иначе мене не зовутъ, какъ жидовка пархата... Ну и послѣ всего этого сиди тутъ, ѣшь и пей и живи, какъ животный, какъ свинья?! — вскрикнула она съ вызовомъ, сверкнувъ чудесными своими глазами гнѣвно, возмущенно и оскорбленно до послѣдней степени.

Помолчавъ немного, она продолжала уже тихо и вразумительно:— Положимъ, родителей слушаться надо, потому они отъ Бога. Но и умъ мой отъ Бога, и честь, и личность... и сэрдце мое, и идэи, что узнала я отъ умный книга и отъ умный, хорошій человѣкъ, какъ господинъ Самковъ, Егоръ Егоровичъ... И никогда, никогда до самой смерти я уже не уступлю ни одной крошечки изъ того, что имѣю теперичка въ умѣ моемъ и въ сэрдцѣ!—выкрикнула она страстно и съ такою пламенною торжественностью, словно клятву передъ Богомъ давала.

Потрясенная этою клятвою, она смолкла, быстрымъ движеніемъ отвернулась отъ меня въ сторону, помахала обѣими руками въ пылающее лицо свое, точно вѣеромъ. И когда заговорила снова, то въ протяжномъ голосѣ ея вмѣстѣ съ гнѣвомъ и возмущеніемъ зазвучала жалоба, горестная и трогательно-безпомощная, точно жалоба ребенка беззащитнаго.

— И все я одна, все одна сама съ собою, съ думами моими бѣдными и съ тоскою, и съ жаркими, какъ огонь, желаніями, чтобы все оно было по другому, не такъ, какъ есть, а какъ въ книгахъ пишутъ и какъ всякій, который умный и настоящій человѣкъ, желаетъ... Какъ я умныхъ, благородныхъ лю-

дей люблю!.. Ай, какъ люблю, почитаю, уважаю!.. И сколько разъ просила я Егора Егоровича: «познакомьте мене зъ ними!» (это со мною-то). А онъ все обѣщался... наконецъ того, и самъ отъ мене отвернулся!..

— Что вы, что вы!—поспѣшила я успокоить ее хоть на этотъ счетъ.—Егоръ Егоровичъ говорилъ мнѣ о васъ такъ много хорошаго!.. Онъ васъ такъ цѣнитъ, въ такомъ восторгѣ отъ васъ!..

У нея глаза стали громадные, удивленные и восхищенные, словно она вдругъ солнце передъ собою увидала.

— Честное слово?—спросила она негромко, тономъ серьезнымъ, даже строгимъ.—А что же онъ объ мене говорилъ? Какъ отзывался?

И впилась въ лицо мое взглядомъ жаднаго, распаленнаго нетерпѣнія и ожиданія.

— Да много говорилъ онъ о васъ... о вашей грустной жизни дома, о семьѣ вашей и о томъ взаимномъ непониманіи, какое мучитъ и васъ, и родителей вашихъ... И жалѣетъ онъ васъ очень... Между прочимъ говорилъ, что вы очень способная, что книги, которыя онъ даетъ вамъ, вы такъ и «глотаете», съ быстротою невѣроятною и съ пониманіемъ изумительнымъ. Говорилъ онъ мнѣ, что ждетъ отъ васъ въ будущемъ очень много хорошаго,—заключила я, наконецъ, этотъ, быть можетъ, и не совсѣмъ тактичный въ смыслѣ педагогическомъ хвалебный отзывъ о ней, но вполнѣ правдивый, отъ слова до слова такой, какимъ я и слышала его отъ Егора Егоровича.

Она же такъ вся и просіяла.

— Честное слово?—спросила она еще разъ звонко, ударивъ въ ладоши восторженнымъ, дѣтскимъ жестомъ.

Щеки ея, и безъ того розовыя, еще ярче вспыхнули густымъ румянцемъ, засверкали большіе черные глаза и засмѣялись пунсовыя, нѣжныя губы съ характернымъ скорбнымъ очертаніемъ. Неподдѣльнымъ счастьемъ, молодою всезахватывающею радостью даже и на меня отъ нея повѣяло, и я тоже засмѣялась безпричинно и спросила неизвѣстно для чего:

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Восемнадцать... девятнадцатый пошелъ съ ноября...

— Великолѣпно!—сказала я и засмѣялась еще радостнѣе.

Но она вдругъ опять потемнѣла въ лицѣ. Быстро отвернулась отъ меня и, уставившись сразу потухшими глазами въ окно, задумалась такъ крѣпко, что, казалось, забыла, гдѣ она и съ кѣмъ...

Эти внезапные и быстрые переходы въ ней отъ одного настроенія къ другому невольно рождали во мнѣ догадку, что передо мною не просто страстная, порывистая, «огневая» натура, тоскующая и неудовлетворенная и жадная до жизни, но еще и

влюбленная молодая дѣвушка. И я разглядывала ее всю еще съ большимъ вниманіемъ и любопытствомъ.

Откинувшись на спинку дивана, скрестивъ руки на груди, она глядѣла черезъ окно на бѣлую крышу сосѣдняго дома и на метель, что гнала мимо дома откуда-то слѣва громадныя волны снѣжной пыли. Волны эти то останавливались передъ окномъ неподвижною и плотною стѣною, и тогда въ комнатѣ моей дѣлалось темно и какъ будто тише, то быстро срывались съ мѣста и глазамъ снова открывалась бѣлая крыша сосѣдняго дома и высокій сугробъ подлѣ дома, похожій на могилу...

Когда она сидѣла такъ задумавшись, молчаливая и неподвижная, красота лица ея, головы и всей фигуры выступала до того рѣзко, выпукло, что поражала, удивляла, какъ-то странно пронзала до тоски даже и меня, постороннюю женщину. «Боже мой,—думала я,—съ такимъ лицомъ, съ такими глазами жить здѣсь, среди волковъ!» И я разсматривала ее пристально и раздумчиво, точно картину.

Глаза у нея были черные, какъ смола, но выраженіе ихъ было не слѣпое, какъ часто встрѣчается въ черныхъ глазахъ, а, наоборотъ, пронзительно-впивающееся свѣтлымъ и яркимъ блескомъ своимъ прямо въ душу тому, на кого глядѣли. И разрѣзъ ихъ былъ великолѣпный—длинный, миндалевидный. Красоту взгляда ея увеличивали еще густыя рѣсницы, загнутыя мягкимъ и нѣжнымъ полукругомъ, и черныя брови, тоже нѣжныя, бархатистыя. Носъ немного длиненъ, но форма строгая, чистая, и ноздри, вырѣзанныя благороднымъ, энергичнымъ рисункомъ. Пунсовыя губы, полныя огня и жизни въ яркой окраскѣ своей и скорбныя, печальныя въ выраженіи низко опущенныхъ уголковъ. Бѣлая, блестящая кожа — признакъ здоровья. Густые волосы съ массою мелкихъ, упругихъ завитковъ на вискахъ, на лбу и на затылкѣ. На фонѣ этихъ черныхъ, съ матовымъ блескомъ, завитковъ дѣвственно-гладкая шея граціозно сливалась съ округлыми щеками и съ твердымъ, характернымъ подбородкомъ. Крошечные, чуть замѣтные волосики точно легкой черной пудрой покрывали верхнюю губу. Такой же легонькій черный, пушекъ замѣтенъ былъ и вдоль щекъ, что придавало имъ выраженіе мужественное, энергичное. Смѣлостью, мужественной энергіей вѣяло и отъ лба ея, равномѣрно выпуклаго и немного непропорціональнаго съ другими частями лица, широкаго и высокаго. Величину его скрыть легко можно было бы волосами, которые она, словно нарочно, тщательно зачесывала наверхъ, отчего умная, интеллигентная открытость и чистота лба выступали еще рѣзче... И въ то же время все вмѣстѣ взятое давало впечатлѣніе такой обаятельной нѣжности, такого чисто-женскаго очарованія, что было бы странно, неесте-

ственно, если бы сама она красоты своей не сознавала... И сознавая, не чувствовала бы ее въ себѣ не какъ наслажденіе только, но и какъ страданіе...

Минутъ десять сидѣла она неподвижно, какъ изваяніе. И вдругъ вздрогнула всѣмъ тѣломъ, опустила голову, закрыла лицо обѣими руками и заплакала. Тихо заплакала, почти беззвучно. Только слезы крупныя и обильныя градомъ побѣжали между пальцами, смочили грудь, упали на колѣни.

— Что съ вами?—спросила я участливо, тронувъ ее за плечо.

Она обернулась ко мнѣ медленно, глянула глазами скорбными, затопленными слезами и прошептала:

— Ай! Пропала я!.. Ай-ай, что-жъ я буду дѣлать?!

И схватившись за виски и зажмуривъ глаза, она закачалась типичнымъ еврейскимъ движеніемъ впередъ и назадъ, впередъ и назадъ, и разрыдалась уже громко рыданіемъ, похожимъ на сухой кашель.

Я поднялась, прошла до дверей, затворила ихъ плотно, чтобы не услышала плачъ прислуга въ кухнѣ, и опять вернулась къ ней.

— Что съ вами?

Но она не отвѣчала, плакала надрывисто, съ большими усиліями вырывая изъ груди каждый звукъ рыдающій.

И смолкла сразу, пересиливъ себя въ одно мгновеніе. Вытерла лицо сперва платкомъ, потомъ ладонями и сказала:

— На-дняхъ долженъ къ намъ господинъ Айзенштейнъ пріѣхать, свататься до мене. Папаша говоритъ, что молодой человѣкъ этотъ—честный человѣкъ, хорошихъ честныхъ родителей. И образованный... Въ гимназіи учился... Въ Петрозаводскѣ у нихъ большая лѣсная торговля и мелочная лавка въ селеніяхъ... А въ банкѣ до ста тысячъ капиталу. Я ему по карточкѣ очень понравилась... И дядя мой ему обо мнѣ разсказалъ. А папаша, когда былъ въ Петрозаводскѣ, то и порѣшилъ уже съ нимъ обо всемъ, продалъ мене, какъ товаръ... А теперь уже пріѣдетъ, поглядитъ, да и совсѣмъ... Сейчасъ же и свадьба... Потому—карточка понравилась...

Она горестно усмѣхнулась, а потомъ гадливо сморщила носъ какъ будто бы заслышала что-нибудь отвратительное.

— А я же не корова и не лошадь, чтобы меня за деньги продавать... Уже другой годъ борюсь я съ родителями моими о томъ, что замужъ только по любви пойду, а безъ любви—ни за что!... Лучше въ рѣчку, въ прорубь головой, чѣмъ замужъ безъ любви! — вскрикнула она съ дикой энергіей, сверкнувъ глазами рѣшительно и отважно...

— Именно, именно!.. Такъ и надо,—сказала я въ искреннемъ восторгѣ, залюбовавшись ею.

Она же отъ волненія сидѣть на мѣстѣ не могла. Поднялась и, сложивъ руки на груди, стала шагать по комнатѣ взадъ и впередъ, восхищая меня стройной фигурой своей и легкой поступью.

— Не хочу и только!—продолжала она бунтовать:—бей меня, рѣжь меня, кушать не давай, ядомъ корми меня — не пойду и дѣлу конецъ! Сама отъ себя хочу уже жить теперичка!.. Сама своими руками хочу судьба себѣ сковать, какъ кузнецъ желѣзо куетъ... Какъ оно выйдетъ, такъ и выйдетъ, а только чужого мнѣ счастья не надо, а свое не отдамъ.. И свое счастье я буду сама себѣ искать, а не другіе... Не желаю!...

— Великолѣпно!—подбодряла я,—такъ и надо.

— Но только одна у меня забота, одна въ сэрдцѣ заноза больная... Ай, какая больная!..

Она подошла ко мнѣ близко, съ секунду глядѣла въ лицо мнѣ пытливо, раздумчиво и нерѣшительно, словно провѣряла мысленно, можно ли мнѣ сказать то, что хотѣлось сказать ей страстно. И, вѣроятно, убѣдившись, что можно, быстро опустилась на диванъ, наклонилась къ самому уху моему и зашептала, обдавая щеку и шею мою горячимъ, прерывистымъ дыханіемъ:

— Вѣдь я его люблю!.. Егора Егоровича... Съ ума схожу, какъ люблю!.. Онъ некрасивый, но мнѣ кажется лучше всякаго красавца... Потому душа у него, умъ, и понятій и сэрдце, какъ у героя... Это—божество мое!... Я молюсь на него дни и ночи... И влюблена безумно, ужасно!.. Даже и въ лицо его некрасивое, но прекрасное для меня, влюблена до сумасшествій!.. Что же мене дѣлать? — спросила она съ тоскою, нервно хрустнувъ всѣми своими тонкими пальцами, словно разомъ переломить ихъ хотѣла.

И отшатнувшись отъ меня, сидѣла какъ пьяная, съ полузакрытыми, мутными и томными глазами, съ пылающими щеками, съ блуждающей улыбкой на полуоткрытыхъ и слегка оттопыренныхъ, точно для поцѣлуя, губахъ.

Мнѣ ее было и жаль, и чуточку неловко, какъ бываетъ неловко, когда мало знакомый человѣкъ раскрываетъ передъ тобою душу цѣликомъ, точно до-нага раздѣвается.

«Такъ вотъ оно что», подумала я, но удивилась мало, вѣрнѣе, почти не удивилась, такъ какъ еще раньше объ этомъ догадалась. Тотчасъ же припомнился мнѣ діалогъ, который произошелъ у меня съ Егоромъ Егоровичемъ съ мѣсяцъ тому назадъ.

— Гдѣ были?—спросила я его, какъ-то встрѣтивъ на улицѣ.

— У жидовочки.

— Что дѣлали?

— Читали.

— Что?..

— Рабочіе союзы въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.

— Та-а-акъ!—помню, тогда же еще протянула я съ легонькой насмѣшкой, тайно подразумѣвая подъ этими «сѣверо-американскими союзами» другой «союзъ»... союзъ двухъ юныхъ душъ, жаждущихъ любви...

Только никогда не думала я, чтобы въ «союзъ» этотъ было вложено столько красиваго драматизма, силы страсти.

— Ну, что-жъ,—сказала я послѣ нѣкотораго молчанія,—это хорошо.

— Хорошо?! — встрепенулась она, словно отъ сна пробуждаясь.—Нѣтъ, не хорошо!.. Я чувствую, я понимаю, что это не должно, не нужно... потому—люблю только я одна, а онъ же-жъ нѣтъ!.. Ему непріятно... И мене бы очень уже хотѣлось объяснить себѣ всѣ его основанія: почему онъ пересталъ до меня ходить уже окончательно?

— Вы ему признались?

— Ни-ни-ни!.. Боже избави!.. Я молчу и буду молчать, только мнѣ обидно и странно, и непонятно, отчего онъ пересталъ ходить. Затѣмъ и до васъ пришла... Такъ себѣ думаю: дай пойду и поговорю съ ними и узнаю что-нибудь для себя ясное... Не могу уже я терпѣть: горитъ во мнѣ сэрдце и день, и ночь!..

— Что же, мнѣ развѣ спросить его? — вызвалась я первая быть посредницей между ею и предметомъ любви ея.

Она на мгновеніе съежилась, испуганно сжала губы и часто заморгала вѣками, точно надъ нею ударъ заносили. Но только на мгновеніе. И тотчасъ же вся засверкала радостью.

— А ну, будьте таки добры,—попросила она страстно, пылко, глянувъ на меня проникновенно, какъ вѣрующіе глядятъ на икону.

— Хорошо! Я сегодня же у него побываю. А теперь идемте со мною обѣдать!

Но она отъ обѣда рѣшительно отказалась.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я пойду... Дома мене мама ждетъ!

И опять почему-то въ ней проснулась непріятная приниженность, свойственная скорѣе расѣ ея, униженной и оскорбленной, чѣмъ собственной природѣ ея. Она поклонилась мнѣ робко и прошла изъ спальни черезъ столовую на цыпочкахъ, глиссадами, подпрыгивая и присѣдая на ходу, словно танцуя кадриль. И опять мнѣ стало больно за нее, за эту некрасивую робость ея, совершенно не гармонирующую съ общимъ ея стилемъ. И чтобы уже разъ и навсегда уничтожить ея «благоговѣніе» передо мною, я обняла ее фамиліарно за талію, какъ ребенка или какъ подругу свою, привлекла къ себѣ и поцѣловала въ розовую, нѣжную щеку. А у нея слезы налились въ большіе, прекрасные

глаза, и блаженная улыбка еще сильнѣе оживила и расцвѣтила и безъ того живое и цвѣтущее лицо ея.

II.

Пообѣдала я быстро и тотчасъ же собралась къ Егору Егоровичу.

Выйдя за ворота, я глянула вправо, влѣво, прямо передъ собою—всюду одно и то же: снѣгъ, снѣгъ и снѣгъ. Навалило его столько, что, казалось, весь міръ погребсти подъ нимъ можно. Снѣжныя крыши домовъ, занесенныхъ высокими сугробами, тянулись двумя рядами по краямъ широкой и ровной, какъ скатерть, дорогѣ. Вмѣстѣ съ телеграфными столбами дорога эта убѣгала въ даль, въ бѣлое поле, пустынное и жуткое. И въ полѣ и по дорогѣ, тамъ и сямъ, крутилась мятель, то завиваясь въ плотныя бѣлыя облака, которыя подпрыгивали и присѣдали надъ землею, какъ бы танцуя дикій танецъ, то разсыпаясь бѣлою пылью, легкою и прозрачною, какъ кисея...

Я повернула влѣво и поплелась мимо сугробовъ, похожихъ на рядъ могилъ, къ самой крайней избѣ, выходившей въ поле. Здѣсь жилъ пріятель мой, Егоръ Егоровичъ Самковъ, съ которымъ я познакомилась недавно, всего мѣсяца два тому назадъ, но съ которымъ сошлась быстро, чуть не съ перваго разговора. Такъ быстро сходятся только люди, очутившіеся на необитаемомъ островѣ...

По профессіи—мастеровой, токарь по металлу, по развитію—интеллигентъ изъ разряда «идейныхъ», онъ велъ въ тихонькомъ, глухомъ городкѣ этомъ злое и нелѣпое существованіе человѣка, котораго въ самомъ разгарѣ работоспособности оторвали отъ привычнаго труда, отъ живой, полной захватывающаго интереса, осмысленной и плодотворной дѣятельности и зашвырнули въ дремучіе лѣса и болота, на далекій, пустынный сѣверъ, полгода занесенный снѣгомъ, обвѣянный мертвой тишиною безлюдья, бездѣятельности и сонливой, тягучей скуки.

Отъ нечего дѣлать рабочій человѣкъ этотъ дни и ночи читалъ. И чтеніе до того опостылѣло непосредственной, здоровой и дѣятельной натурѣ его, что безъ отвращенія онъ не могъ видѣть печатныхъ строкъ. И въ то же время онъ не только не убѣгалъ отъ книгъ, но, наоборотъ, набрасывался на нихъ съ какою-то лютою, остервенѣлою жадностью, словно нарочно, на зло кому-то хотѣлъ поскорѣе покончить съ собою, отравиться чтеніемъ на смерть.

И когда я говорила ему: «Да бросьте вы читать!»—онъ злобно огрызался: «А что же мнѣ прикажете въ этой чортовой трущобѣ

дѣлать? Становиться на четвереньки и выть на снѣгъ? Но для этой цѣли здѣсь существуютъ волки и собаки...»

И онъ былъ правъ. Дѣйствительно, дѣлать ему здѣсь совершенно нечего было...

По обледенѣлой, накренившейся на бокъ лѣсенкѣ, обсыпанной соломой для того, чтобы не поскользнуться, я вошла въ низенькія, темныя и вонючія сѣни, нащупала мокрую и осклизлую, обитую рогожей дверь, толкнула дверь ногою и вошла въ кухню, такую же вонючую, какъ и сѣни, но освѣщенную маленькой, жестяной лампочкой и жаркую, даже черезчуръ жаркую и угарную отъ сильно натопленной печки.

Изъ кухни низенькая кособокая дверь вела въ комнату Самкова, снимаемую имъ у мѣстнаго городового за два цѣлковыхъ въ мѣсяцъ.

— Здравствуйте вамъ!—сказала я ту же самую фразу, какою и Самковъ имѣлъ обыкновеніе здороваться со всѣми.

— Здравствуйте вамъ!—лѣниво отозвался звучный, но не громкій мужской басъ.

И тотчасъ же съ койки, которая заскрипѣла, поднялась «фигура» съ книгою въ рукахъ.

— Съ книгою?—спросила я, стаскивая съ себя шубу и калоши.

— Какъ водится,—отвѣтилъ басъ.

И въ ту-же секунду злополучная книга полетѣла на койку обратно, стукнулась твердымъ переплетомъ сперва объ стѣну, а потомъ шлепнулась на подушку.

«Фигура» молча подошла къ столу, пошарила на немъ, ища спички.

И «герой романа», наконецъ, предсталъ передо мною во всей своей наличности, ярко освѣщенный лампою безъ абажура.

Это былъ довольно высокаго роста сухой и жилистый человѣкъ, съ фигурою слегка наклоненною впередъ, словно бѣжать собирался, одѣтый въ костюмъ мастерового: синяя нанковая блуза, подпоясанная кожаннымъ ремнемъ, брюки, забранные въ высокіе, смазные сапоги, и черный дешевенькій пиджакъ поверхъ блузы.

Бѣлобрысое лицо его съ маленькими темно-сѣрыми глазами, съ громаднымъ ртомъ и съ незначительными остальными чертами—было самое обыкновенное лицо, скорѣе некрасивое, пожалуй, даже безобразное и ужъ ни въ какомъ случаѣ не изъ тѣхъ лицъ, что нравятся женщинамъ. Въ первый моментъ, по крайней мѣрѣ, въ глаза бросалось даже что-то непріятное, отталкивающее. Въ формѣ бугристаго низенькаго лба и въ волосахъ прямыхъ и жесткихъ, какъ щетина, растущихъ на лбу уродливо, тупымъ угломъ сво-

имъ подходящихъ близко къ переносью и по бокамъ открывающихъ глубокія залысины—было даже что-то животное, напоминающее дикобраза.

Но стоило вглядѣться въ это лицо, привыкнуть къ нему немного, какъ безобразіе его начинало даже нравиться. Въ особенности преображали лицо это мысль, разговоръ, улыбка. Маленькіе, сѣренькіе глазки становились тогда живымъ олицетвореніемъ того, что больше всего нравится въ человѣкѣ, а именно—искренности и правдивости какой-то стихійной, сплошной, безконечной и безудержной, не знающей предѣла и не останавливающейся ни передъ чѣмъ.

Та же стихійная искренность, была и въ улыбкѣ, которая такъ же на первый взглядъ казалась безобразной: громадный ротъ съ блѣдными тонкими губами, разрѣзанными прямымъ, какъ у рыбы, разрѣзомъ, растягивался чуть не до ушей, обнажая типичные мужицкіе зубы, широкіе, четырехъугольные — зубы первобытнаго животнаго. Тѣмъ не менѣе было что-то въ безобразіи этомъ тонко-духовное, влекущее къ себѣ, что грубый поверхностный глазъ, понимающій человѣческую красоту грубо, никогда не способенъ подмѣтить, и что такъ великолѣпно умѣетъ схватить и передать кисть большого художника.

— Садитесь, гостьей будете!—сказалъ Самковъ, освобождая для меня единственный стулъ, заваленный книгами и газетами.— Я всегда на табуретѣ сижу, стуломъ не пользуюсь.

— Сяду,—сказала я весело, вдругъ почувствовавъ себя въ обществѣ этого, сразу мнѣ понравившагося человѣка, легко и пріятно.—Пришла я къ вамъ, сударь, не въ гости... ибо кто же изъ порядочныхъ людей ходитъ по гостямъ днемъ?.. а по дѣлу пришла,—начала я тѣмъ шутливо-фамиліарнымъ тономъ, какой тоже сразу установился между нами.

— О-о?!.. Даже по дѣлу!.. Это любопытно!

— И очень большое дѣло,—продолжала я уже серьезно.— Видите ли, была у меня эта ваша... жидовочка...

— Да?—встрепенулся онъ не безъ тревоги.

— Просила она меня поговорить съ вами... Почему вы къ ней не ходите—тоже велѣла спросить... разсказывала о себѣ много... Между прочимъ, призналась...

— Знаю!—крикнулъ онъ рѣзко, взмахнувъ рукою протестующе.—Не говорите, знаю!..

Онъ нахмурился, спрятавъ озабоченные и недовольные глаза глубоко подъ бѣлесыя брови, круто повернулся и зашагалъ по комнатѣ, громко стуча каблуками и вороша дикобразьи волосы свои обѣими руками взволнованно.

— Приходила къ вамъ и признавалась въ томъ, что влюб-

лена, да?—спросилъ онъ, вдругъ остановившись передо мною и скашивая рыбій ротъ свой въ ироническую улыбку.

— Да,—подтвердила я тихо.—Вамъ, значитъ, извѣстно, что она влюблена? А между тѣмъ, мнѣ говорила, что вы ничего не знаете. Значитъ, соврала.

— Ничуть не соврала!—оборвалъ онъ угрюмо, глянувъ на меня сердито, словно обидѣлся за нее.—Правдива она, какъ дикарь, какъ людоѣдъ... врать не умѣетъ, это знайте! Но наивна иногда бываетъ до глупости, хотя и далеко не глупая особа. Просто, вѣроятно, вообразила, что узнать можно только тогда, когда она «признается». А я вотъ безъ всякихъ признаній взялъ да и порѣшилъ все... Визиты свои оборвалъ и конченъ балъ!..

Онъ опять зашагалъ, чему-то злобно усмѣхаясь въ рыжеватые тараканьи усы.

Я глядѣла на его не совсѣмъ стройную, но быструю, со стремительнымъ наклономъ впередъ фигуру, легкую, подвижную, съ какою-то прирожденною хищническою, какъ у пантеры, граціей, и ждала, что будетъ дальше.

— Сказано—бабье!—сталъ онъ бросать слова злымъ и отрывистымъ, какъ лай собаки, звукомъ, презрительно улыбаясь однимъ угломъ большого рта.—Къ нимъ подходишь съ однимъ, а онѣ тебѣ норовятъ вывести оттуда совсѣмъ другое. И получается, чортъ знаетъ, какой кавардакъ!.. И правъ Ничше, побей меня Богъ!.. сто разъ правъ, когда говоритъ: «женщины пока еще не люди. Это—кошки, птицы, обезьяны, въ лучшемъ случаѣ, коровы»... Да какъ же, помилуйте!—рванулся онъ въ мою сторону.—Ей, примѣрно, всячески толкуешь о томъ, какъ люди на свѣтѣ живутъ, какъ имъ жить не должно и какъ жить надлежитъ, а она: «люблю!..» И ужъ тебѣ млѣетъ и горитъ, и пышетъ... Пожарище, да и только!.. Чортъ знаетъ, что за ерунда!..

Онъ даже сплюнулъ въ уголъ громко, и бугристый лобъ его наморщился еще сильнѣе и сталъ безобразнѣе.

— Однако,—засмѣялась я,—хорошій же изъ васъ «любовникъ» получится!

— Никогда имъ не былъ, да и не буду: не мое амплуа!—рванулъ онъ, ожесточенно вращая бѣлками глазъ.

Злился онъ съ каждой минутой все сильнѣе, а я, сама не знаю почему, злости этой не вѣрила, она меня не смущала и не огорчала ни капельки. Наоборотъ, какъ-то глупо и безпричинно веселила, забавляла. И я продолжала зубоскалить.

— Оно и видно!.. Какой ужъ тутъ любовникъ!.. Дикарь и грубіянъ!.. Но, однако, погодите!.. Она-то васъ, вѣдь, любитъ! Какъ же съ этимъ быть?

— А я почему знаю?

Онъ бросилъ въ уголъ окурокъ и принялся набивать новую папиросу.

— Любитъ—ну, и пусть себѣ съ этою почтенною любовью своею справляется, какъ знаетъ!.. А по мнѣ—такъ и справляться то особенно нечего!.. Ерунда все это!..

— Любовь—ерунда?

— Да, то что-жъ? Нешто дѣло? — спросилъ онъ громко, насмѣшливо оскаливъ четырехъугольные зубы свои.—Ха-а!.. Кабы поменьше такихъ дѣловъ на свѣтѣ было, люди сразу бы поумнѣли... А то—дураки дураками!

— Оригинально! Это отчасти мнѣ нравится,—засмѣялась я.— Скажите: неужели васъ ни капельки не волнуетъ красота ея? Вѣдь красавица рѣдкостная, ей-Богу!

Онъ вспыхнулъ, какъ институтка, и этимъ выдалъ себя съ головою. И хотя бѣлесыя брови его опять насупились и глаза подъ ними засверкали звѣрски, но я уже ни на іоту не сомнѣвалась въ томъ, что «дѣло тутъ не совсѣмъ чисто».

Какъ-то особенно высокомѣрно ухмыльнувшись, словно ему и самъ чортъ не братъ, онъ бросилъ мнѣ, наконецъ, холодно, медленно, цѣдя слово за словомъ:

— То, что она красавица, какъ утверждаете вы, для мени означаетъ столько же, сколько и то, что я форменный уродъ... Капля въ каплю похожъ на ибсеновскаго «Барсука», какимъ его изображаетъ московскій художественный театръ,—видали Штокмана, небось?.. Ну, вотъ!.. Совершенно одинаково... Хорошъ ли я мордой, али дуренъ—все единственно... Это меня не касается!.. Точно также и писанная красота вышеозначенной особы меня нисколько даже не касается... Н-да-а-съ!.. Что вы на это скажете? — спросилъ онъ, ставъ передо мной въ позу и глянувъ на меня съ озорнымъ вызовомъ.

Я на это только засмѣялась. Онъ же не то догадался, что я ему не очень-то вѣрю, не то вспомнилъ что-то, но только задумался и стихъ и какъ-то разомъ опустилъ крылья. Минутъ пять ходилъ по комнатѣ, заложивъ обѣ руки въ карманы брюкъ и низко уронивъ голову на грудь. И когда заговорилъ снова, то голосъ его гудѣлъ уже на обычныхъ его басовыхъ нотахъ, глухо и монотонно, и глаза свѣтились задумчивой и глубокой, но сдержанной печалью.

— Въ жизни есть много кое-чего пострашнѣе любовныхъ томленій. Бываетъ такъ, что иному человѣку можно разомъ излѣчиться отъ какого угодно романтизма... Я, напримѣръ, однажды видѣлъ, какъ на заводѣ раскаленной до-красна проволокой—вотъ какія на телеграфныхъ столбахъ растягиваютъ—товарища моего пополамъ перерѣзало. Одна половина, гдѣ голова, руки и грудь—направо

упала, а другая, гдѣ животъ и ноги—налѣво. Тихохонько такъ свалилась. Трахъ—и готово! Безъ малѣйшаго даже звука, трахъ—и все! На одно только мгновеніе, когда тѣло-то проволока только что лизнула, раздался на весь заводъ дикій, нечеловѣческій крикъ: «а-а!» и затѣмъ—тихо... Ни звука. Одна половина тутъ, другая тамъ.

Онъ помолчалъ, болѣзненно усмѣхнулся и, не взглянувъ на меня, продолжалъ попрежнему тихо, глухо и монотонно:

— А еще такой случай видалъ. Въ механической мастерской дѣло происходило, на заводѣ Вермеля въ Москвѣ... громадный заводъ... масса станковъ разныхъ, машинъ... колесъ этихъ, ремней, проводовъ, штивовъ—пропасть! Устройства механической мастерской, конечно, не знаете? Очень жаль!.. Коли не видали, представить себѣ вамъ трудно, если бы даже и растолковать... Ну, да однимъ словомъ, въ числѣ прочихъ станковъ было такъ называемое точило. Былъ тамъ человѣкъ одинъ, шорникомъ назывался. На обязанности шорника надлежитъ слѣдить за ремнями: снимать ихъ и надѣвать, исправлять, чинить... Такъ вотъ, сталъ этотъ самый шорникъ у точила съ ремнемъ что-то дѣлать, надѣвать, кажется, да и запутался какъ-то въ ремень... Мигомъ схватило его и перебросило къ приводу... А приводъ-то подлѣ стѣны... трахъ объ стѣну!.. Опять потащило... заколотило о чугунные штивы, опять объ стѣну, перебрасывало съ одного привода на другой; растерзало въ клочья... оторвало на-прочь голову, руки и ноги, расшвыряло во всѣ стороны, а кишки по ремнямъ, по приводамъ размотало... Такая, я вамъ скажу, картина, что—ахъ!..

— Я наблюдалъ эту картину съ четверть часа,—продолжалъ онъ, усаживаясь на стулъ съ видомъ угрюмымъ и недовольнымъ, словно раскаивался въ душѣ, что говорилъ со мною объ этомъ.—Если бы вы видали лица рабочихъ въ этотъ моментъ!.. Я думаю, до самой смерти никто изъ нихъ уже не забудетъ этихъ размотанныхъ, какъ клубокъ веревокъ, кишекъ по ремнямъ, оторванной головы съ выкатившимися глазами. Представляете теперь, сколько ночей я долженъ былъ не спать, чтобы думать объ этомъ?.. все думать, все думать! А вѣдь я не изъ чувствительныхъ... Совсѣмъ даже напротивъ... какъ вообще рабочіе люди, служащіе на фабрикахъ, заводахъ, въ шахтахъ, въ рудникахъ и въ прочихъ серьезныхъ мѣстахъ. Содранная, напримѣръ, кожа тамъ, что ли... вырванные клочки мяса до костей, пальцы оторванные, даже иной разъ кисти рукъ и ступни ногъ—все это уже и за событіе не считается... Просто мелочь, о которой никто и не говоритъ. Отскочитъ палецъ—сосѣдъ даже еще засмѣется. «Такъ!—скажетъ,—не зѣвай!..» Ну, а послѣ шорника весь заводъ распустили, никто

работать не могъ... Разошлись по домамъ, какъ мертвецы бѣлые!.. Н-да-а-съ!. Такъ вотъ вамъ и любовь!..—заключилъ онъ совершенно неожиданно непріятнымъ выкрикомъ и разсмѣялся ненатурально, короткимъ, нервнымъ смѣшкомъ.

И мнѣ стало не по себѣ. Словно тѣнь какая-то пробѣжала по душѣ моей, подымая во мнѣ что-то нудное. Въ груди вдругъ стало стѣснительно, тоскливо, похоже на то, когда легкія болятъ.

— Ну такъ какъ же?—спросила я, вспомнивъ, что вѣдь надо же мнѣ завтра, или когда тамъ, отвѣтить жидовочкѣ опредѣленно на ея вопросы.

— Что «какъ же?»—переспросилъ онъ уже весело, глядя на меня насмѣшливо и добродушно.

— Да насчетъ нея же... насчетъ этой миленькой и бѣдненькой влюбленной въ васъ дѣвушки... Погодите,—остановила я его, замѣтивъ, какъ бугристый лобъ его опять вдругъ наморщился и глаза сумрачно спрятались подъ брови.—Надо же ее пожалѣть! надо поговорить о ней, я затѣмъ, собственно, сегодня и пришла.

Онъ метнулся разъ-другой по комнатѣ, опять сѣлъ на кровать такъ, что ноги не доставали до полу, и, пуская въ воздухъ табачный дымъ колечками, сказалъ съ безпечною бравадою, которая опять же показалась мнѣ напускною, неискреннею.

— А что-жъ о ней говорить? Пусть она сама о себѣ говоритъ, а мы послушаемъ... да и то въ томъ только случаѣ, если коротко и не очень скучно. Смерть не люблю чувствительныхъ, романтичныхъ женщинъ, даже и въ книгахъ, гдѣ онѣ всегда рисуются въ сто кратъ интереснѣе, чѣмъ въ жизни!

И опять дымъ колечками и игривое безпечное болтаніе въ воздухѣ ногами.

Меня, наконецъ, взорвало. Не за жидовочку только стало обидно, а вообще за женщину, и я набросилась на него змѣйкою.

— А знаете что?

— Что?

— Это свинство!.. Подлость и гадость форменная!

— Да почему-жъ такое?—спросилъ онъ, нагло скаля зубы и разводя руками съ невинностью младенца.

— Да потому!—запальчиво крикнула я.—Самъ же дѣвушкѣ вскружилъ голову, да самъ же и на попятный дворъ... И какъ только вамъ ее не жалко, не понимаю рѣшительно!

— Э-э!—протянулъ онъ уже досадливо, сморщивъ носъ такъ, словно ваксы попробовалъ.—Ну, что значитъ «вскружилъ голову»? Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, что такое «попятный дворъ»? И, наконецъ, въ-третьихъ, что значитъ «жалко» и «не жалко»?.. Сейчасъ вамъ все объясню по пунктамъ.

Онъ глянулъ на меня строго, какъ судья на подсудимаго,

подошелъ поближе, присѣлъ на уголокъ стола и принялся «пункты» свои выяснять обстоятельно.

— Пунктъ первый,—сказалъ онъ, загибая указательный палецъ лѣвой руки. — Головы не кружилъ никому и никогда въ томъ смыслѣ, какой желателенъ вамъ для даннаго случая. Не кружилъ, не кружу и не стану кружить до конца дней моихъ. Ибо не имѣю на это никакихъ данныхъ—ни прирожденныхъ, ни благопріобрѣтенныхъ. Отъ природы есмь я барсукъ большеротый, а отъ жизни—циникъ и сатиръ, озорникъ и надсмѣшникъ надъ всѣмъ, что тонко, поэтично, романтично и вообще архичувствительно. Эстетики не признаю и надъ луною издѣваюсь. Женскую красоту чувствую, какъ нѣкую обузу, данную человѣчеству для того, чтобы только плодить въ немъ суетныя мысли и нездоровыя желанія. И когда подхожу къ женщинѣ, то первый вопросъ, который задаю себѣ, такой: дура ли она сплошная, круглая и ровная, гладкая, какъ пуля или крокетный шаръ, или же есть у нея еще и изгибы мысли, выемки и царапинки ума и разума? Потому что—простите великодушно!—вполнѣ умной женщины, какъ вотъ бываютъ вполнѣ умные мужчины, я еще отродясь не видывалъ. Ежели и встрѣчались, то только съ «выемками», съ «изгибами» и «царапинами». И за то благодареніе Богу!.. Такъ вотъ... подхожу и завожу съ ней рѣчь точно такъ же, на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, на какихъ бесѣдую и съ мужчинами, съ товарищемъ своимъ слесаремъ Гуськовымъ, вообще съ людьми... не болѣе и не менѣе!.. Въ кавалеры никогда не претендовалъ—глупо! Вотъ вамъ первый пунктъ. Второй пунктъ теперь. А хотя бы и на «попятный дворъ»? Что-жъ тутъ свинскаго? Наоборотъ, много человѣческаго. Къ пожару нужно подходить съ водою, съ вилами, съ крючьями или еще тамъ съ чѣмъ, чтобы такъ или иначе загасить его. Ну, а мой «попятный дворъ» для вспылавшей дѣвицы развѣ не та же пожарная кишка?.. Пунктъ третій теперь: «жалко»! Я и жалѣю и даже весьма жалѣю тѣмъ, что огня не раздуваю.

Онъ смолкъ, разомъ оборвалъ рѣчь свою, поднялся и опять зашагалъ задумчивый, хмурый и сосредоточенный.

Мнѣ нечего было ему возразить, до того «пункты» его были основательны, хотя полнаго удовлетворенія отъ объясненія его, такого подробнаго и яснаго, я все же не получила.

И когда попрощалась съ нимъ и вышла, то осадокъ чего-то непріятнаго въ душѣ почувствовался мною еще острѣе. Такъ бываетъ всегда при неискренности: идетъ ли эта неискренность отъ тебя самого, или отъ другого. Но въ то же время разглагольствованія его вспоминала не безъ удовольствія. Несмотря на нѣкоторую неискренность, разглагольствованія эти нравились мнѣ моло-

дою заносчивостью своею, вызовомъ, въ которомъ было что-то свободное, дерзкое и гордое.

Провожать меня онъ не пошелъ, какъ дѣлалъ раньше, и это опять же было подозрительно.

«Ужъ очень хочетъ поскорѣе остаться одинъ,—подумала я съ истинно-женскимъ злорадствомъ.—«Ерунда, ерунда», а самъ нѣтъ-нѣтъ да и потемнѣетъ».

Хотя было всего только шесть часовъ или даже меньше, но городокъ нашъ со всѣхъ сторонъ покрывала уже ночь, глухая и непогодная. Въ темномъ небѣ не было ни звѣздъ, ни мѣсяца. На темной землѣ съ озлобленнымъ воемъ носились мглистыя волны метели. Слѣпой керосиновый фонарь, залѣпленный снѣгомъ, словно фатою черною задернутый, сиротливо и одиноко мерцалъ у порога полицейскаго правленія, указывая мнѣ путь къ моему дому. И я брела противъ вѣтра, ощупью, тяжело и опасливо передвигая ноги, чтобы не наткнуться на сугробы и не завязнуть въ нихъ. Вѣтеръ, рѣзкій и злой, забирался во всѣ щели одежды, кололъ лицо и руки. И такъ какъ мой домъ былъ близко, то мнѣ не страшна была бѣшеная злость вьюги, а наоборотъ, было весело и отъ вѣтра, и отъ темноты, и отъ жуткаго безлюдья...

III.

На другой день едва я только проснулась, какъ прислуга объявила мнѣ, что въ столовой уже съ часъ дожидается меня «жидовская барышня».

На этотъ разъ встрѣтились мы съ нею уже запросто, какъ старые друзья. На мое привѣтствіе она обрадованно закивала головою и вмѣсто вчерашняго низкаго поясного поклона подала мнѣ обѣ руки живымъ и непринужденнымъ движеніемъ.

Опять повела я ее къ себѣ въ спальню, къ тому же самому дивану, на которомъ она и вчера сидѣла.

— Пришла я до васъ рано такъ потому, что уже очень хочется знать поскорѣе, какъ оно тамъ... вѣдь вы вчера были у него, да?..— спросила она, быстро освобождая голову отъ бѣлаго гаруснаго платка и стаскивая съ себя черненькую драповую кофточку.

Мнѣ не хотѣлось ее огорчать сейчасъ же передачей разговора моего вчерашняго съ Егоромъ Егоровичемъ. И я стала придумывать какое-нибудь смягчающее утѣшительное «предисловіе». А пока придумывала, занялась кофеемъ, который прислуга внесла мнѣ въ спальню.

Но она отъ кофе отказалась. И, сидя на диванѣ смирно, глядѣла на меня во всѣ громадные, блестящіе глаза съ нетерпѣніемъ, которое едва скрывала.

Наконецъ, я кончила свой кофе, подсѣла къ ней и начала такъ приблизительно:

— У насъ, женщинъ, любовь занимаетъ черезчуръ громадное мѣсто въ душѣ. И это очень дурно!.. Очень-очень неразумно. Ибо любовь—по крайней мѣрѣ, какъ она проявлялась и проявляется до сихъ поръ у людей—совсѣмъ, совсѣмъ не стоитъ того, чтобы отдавать ей лучшія силы души. Нести на алтарь ея самыя пламенныя мечты и грезы, самые яркіе и благоуханные цвѣты молодости... Совсѣмъ, совсѣмъ не стоитъ того!..

Я начала эту сентенцію съ единственною цѣлью—педагогическою, совершенно забывъ, что если и есть въ ней что-нибудь спасительное, то только для женщины, много любившей и отъ любви уставшей, а вовсе не для дѣвушки, влюбившейся впервые.

Но она все же слушала меня благоговѣйно, затаивъ дыханіе, широко раскрывъ глаза и глядя мнѣ прямо въ ротъ.

А я увлеклась и не замѣтила, какъ къ благоговѣнію этому присоединилось еще и раздраженіе, которое, наконецъ, вырвалось у нея, какъ стонъ, въ самый разгаръ моего краснорѣчія.

— Да погодите же!.. Вы о немъ... объ господинѣ Самковѣ... И онъ такъ же думаетъ?..

Я смутилась и пробормотала:

— Вѣроятно...

— А вчера?.. О чемъ вчера съ нимъ говорили?.. — спросила она шопотомъ, впиваясь въ лицо мое жаднымъ взглядомъ.

— Вчера говорили о вашей любви,—объявила я уже прямо.

— Ну?

Отъ нетерпѣнія она даже толкнула меня въ бокъ, такъ что я инстинктивно попятилась отъ нея.

— Да ему все извѣстно. Онъ давно уже обо всемъ догадался самъ, безъ вашего признанія.

— Оттого и ходить до меняересталъ, да?..

— Вѣроятно,—опять сказала я уклончиво.

— Не любитъ, значитъ, да?..

Я промолчала. А потомъ пояснила:

— Жалѣетъ васъ, почему и не желаетъ чувства вашего раздувать.

Она рванулась впередъ всѣмъ тѣломъ, словно ее изнутри что подбросило, хотѣла было еще что-то не то спросить, не то объяснить, но раздумала. И глянувъ на меня вдругъ измѣнившимся, прищуреннымъ, потухшимъ взглядомъ, разсмѣялась смѣхомъ длиннымъ, тоненькимъ, разсыпчатымъ... Потомъ поднялась съ дивана и сказала, тоже тономъ измѣнившимся, бодрымъ, даже веселымъ:

— Ага! Теперчка я уже буду знать, чего мене дѣлать!.. Ага!..

И заходила по комнатѣ взадъ и впередъ шагомъ твердымъ, рѣшительнымъ, съ видомъ какимъ-то вдругъ обновленнымъ, словно что-то такое въ ней родилось и разомъ измѣнило ее всю и наружно, и внутренно.

— Такъ вамъ, значитъ, и сказалъ, что не любитъ меня, и только жалѣетъ?—еще разъ спросила она, но уже безъ прежняго влюбленнаго трепета, нетерпѣливаго и жаднаго, спросила, какъ бы для того только, чтобы уже покончить съ этимъ разъ и навсегда.

И опять молчаніе мое принявъ за знакъ согласія, она разсмѣялась еще звонче и протяжнѣе, глядя на меня прищуренными глазами насмѣшливо, загадочно и хитро.

Отъ смущенія какого-то безотчетнаго, похожаго на стыдъ, словно я тутъ чѣмъ-то была виновата, я взяла газету и уткнулась въ нее, дѣлая видъ, что читаю. А она стала носиться по комнатѣ мимо меня, какъ маятникъ, взадъ-впередъ, взадъ-передъ, шагомъ тяжелымъ, твердымъ, не похожимъ на ея прежнюю, женскую, чуть-чуть подпрыгивающую и легкую поступь. Изрѣдка, изъ-за газеты я взглядывала на нее бѣглымъ, боковымъ взглядомъ и удивлялась даже до испуга восковой блѣдности лица ея, синевѣ губъ и сухому блеску глазъ, которые все не переставали усмѣхаться усмѣшкой хитренькою, себѣ на умѣ.

И вдругъ она схватила платокъ свой и кофточку, быстро одѣлась и, не говоря ни слова, вѣроятно, забывъ даже совершенно, что она у меня въ гостяхъ и что надо ей попрощаться со мною, повернулась и все тѣмъ же тяжелымъ и твердымъ и рѣшительнымъ шагомъ пошла къ выходу.

— Вы куда? Не хотите даже попрощаться?—окликнула я ее.

Она обернулась, глянула на меня разсѣянно, какимъ-то незрячимъ, отсутствующимъ взглядомъ, слабо усмѣхнулась и сказала съ усиліемъ:

— Теперь уже мене надо пойти... до дому... Прощайте!

Слабо дотронулась до моей руки похолодѣвшими, какъ у мертвеца, пальцами и вышла. Но въ передней опять на мгновеніе остановилась, словно вспомнила вдругъ что-то ужасно забавное, и крикнула весело, даже съ удалью, съ задоромъ:

— Ай, да исторія же будетъ!.. Ай-ай-ай!..

— Что вы такое надумали?—спросила я строго, предчувствуя что-то недоброе.

— А ничего себѣ!.. Такъ оно себѣ!—кинула она мнѣ уже съ явно подчеркнутою озорною насмѣшкою, словно издѣваясь надо мною.

И скрылась съ лицомъ бѣлымъ, какъ воскъ, съ глазами незрячими, отсутствующими и съ улыбкой озорною, хитренькой, себѣ на умѣ...

IV.

Прошло дня три. Егора Егоровича я не видала. Заходила къ нему раза два и не застала. «Жидовочки» тоже нигдѣ на улицахъ не встрѣчала. И впечатлѣніе отъ «романа» начинало понемногу разсѣиваться.

Какъ вдругъ на четвертый или на пятый день прислуга моя Саша, подавая поутру мнѣ газеты и письма, сказала, жеманясь не столько отъ конфуза, сколько отъ своеобразнаго деревенскаго кокетства:

— А у жидовъ дѣвка сбѣжала... Та, что у васъ была третева дни... Розой зовутъ...

Саша качнулась животомъ впередъ, жеманно склонила на бокъ курносое бѣлобрысое лицо и продолжала голосомъ ровнымъ, нараспѣвъ, сливая окончаніе одного слова съ началомъ другого, такъ что рѣчь ея издали слышалась мнѣ, какъ сплошное «вя-а-вя-а-вя-а-а!»

— Жидъ съ жидовкой и всѣ жидената во-о-ють!.. Сусѣди бають, что еще въ пятницу сбѣжала... У васъ была утромъ, а вечеромъ скрылася... А родители спохватилися только два дни спустя... Она ихъ обманула... «Пойду, гритъ, къ аптекаревой Сонѣ баску себѣ шить. Тамъ, гритъ, и ночевать буду».—Мать-то пустила, да и горя мало. Цѣльныхъ два дня прошло. Думали, дѣвка съ подружкою загулялася, анъ, глядь—на третій день мужикъ въ лавку приходитъ, да и подаетъ отъ нея письмо-то... Енъ же и возилъ самъ... Мужикъ-то... Чурилинскій мужичокъ, три версты отседова, Чурилино-то... Ну, она до Чурилина пѣшкомъ подрала, а оттедова наняла мужика до Куркиной, первая станція почтовая... Видно на Петенбурхъ маханула... И въ письмѣ написала, чтобы не искали... Не вернусь, гритъ, ни почемъ... А женихъ изъ Петрозаводска пріѣхамши вчера... Срамота, да и только!..

Саша глупо захихикала, кокетливо закрыла грязнымъ фартукомъ ротъ и продолжала, качаясь животомъ уже во всѣ стороны:

— Жидовка-то, старуха, мамаша ейная, сперва все отъ людей скрывалася... Такъ, плакать-то, голосить все въ байну *) бѣгала. Затворится въ байной-то, плюхнется на полъ, уцѣпится за волосья да какъ заво-о-етъ!.. А робятишки въ окна, какъ воронье на падаль посбѣжалися... Отъ нихъ нешто скроешься?.. А самъ-то жидъ ровно бы помѣшался разумомъ-то, сперва мотнулся было въ погоню, а потомъ вернулся... «Пусть, гритъ, она проклята будетъ, бѣглянка, така-сяка... Нѣтъ ей мово родетельскаго бла-

*) Баня.

гословенья!» Дуже убиваца!..' Все Богу молится... А жанихъ-то въ конфузѣ!.. Съ молодымъ-то жидомъ все ругаца... «Ты, гритъ, такой-сякой, мошельникъ и обманщикъ... Кабы ежели упредилъ меня раньше—не поѣхалъ бы таку даль ни почемъ». А молодой-то ему: «Да нешто я зналъ?.. Нешто она со мною совѣтовалась—сбѣжать ей аль нѣтъ?..» Срамота!.. А что народу подлѣ лавки ихней, народу-то!.. Почитай, што весь городъ сбѣжамши... Мальчишковъ этихъ, дѣвчонковъ—страсть!.. Какъ же, занятно: невѣста сбѣжала!.. Гы-гы-гы-гы-ы!—засмѣялась Саша идіотскимъ смѣхомъ, тупымъ и злораднымъ.

Еще въ началѣ этого сообщенія я вскочила съ постели, какъ отъ удара, а къ концу у меня не было уже ни малѣйшаго сомнѣнія, что все это правда. И эта «правда» ужасною тревогою сказалась въ моемъ сердцѣ.

V.

Прежде всего я побѣжала къ Егору Егоровичу. Но опять не застала его дома.

— Да куда онъ пропадаетъ все?—спросила я квартирную хозяйку его, городовиху.

— А хто-жъ яво знаетъ!.. Чисто волкъ какой бѣгаетъ эти дни: зло-о-ой-презлой!.. И обѣдать не приходитъ. Встанетъ рано, возьметъ хлѣба за пазуху краюху, да и до вечера!.. Гдѣ шляца—неизвѣстно!.. А полицейскій-то надзератель Ефимыча мово окончательно извелъ... «Куда, гритъ, жилецъ-то твой шляца?.. Какъ ты есть хозяинъ яму, то должонъ слѣдить. Потому онъ хошь и на волѣ, а все одно, што арестантъ, острожникъ поднадзорный... И штобы безпремѣнно въ книгу кажинный день расписувался...» А яво нешто заставишь?.. Злой-презлой!.. Бяда!.. Теперь, небойсь, къ ночи яво только и жди!.. Бяда!.. Гдѣ шляца—неизвѣстно!..

Я повернулась, чтобы уйти. Но въ сѣняхъ остановилась и спросила:

— А что тамъ такое у евреевъ случилось, у лавочника, не слыхали?

— У явреевъ-то?—переспросила баба, невинно шмыгая носомъ.

И прежде чѣмъ отвѣтить, уставилась на меня бѣлыми глазами въ упоръ недовѣрчиво, подозрительно, испуганно.

Лицо у бабы было узкое и тонкое, выпяченное долгимъ носомъ впередъ, какъ у щуки, со стесаннымъ подбородкомъ и съ невѣроятно длиннымъ ртомъ, перерѣзывающимъ впалыя щеки пополамъ.

— У явреевъ-то? Да ужъ не безъ грѣха тутъ дѣло-то,—ска-

зала она, таинственно подмаргивая бѣлымъ глазомъ.—Нашъ-отъ Егоръ-то Егорычъ допрежъ шлялся къ нимъ частенько...

Баба раздвинула щучью пасть свою и показала распухшія, кровавыя десны.

— Ужъ не безъ грѣха! Дѣвка была пригожая изъ себя-то, съ морды то-ись!..

— Съ ума вы сошли!..

— Да мы—что-жъ!.. Наше дѣло сторона!.. Народъ баитъ... А только не безъ грѣха!—уже увѣренно и злорадно кинула мнѣ щука въ догонку.

Я направилась въ улицу, гдѣ была еврейская лавочка. «Всего города», какъ увѣряла Саша, не было, но «мальчишковъ» и «дѣвчонковъ» подлѣ лавочки дѣйствительно было пропасть, что ясно свидѣтельствовало о наличности «событія». Я вошла въ лавочку и спросила первое, что на умъ пришло:

— Конверты почтовые есть?

— Не торгуемъ!—какъ-то особенно звонко и обиженно кинулъ мнѣ изъ-за стойки молодой человѣкъ, очевидно братъ Розы.

И тотчасъ же занялся съ мужикомъ, выбиравшимъ себѣ кожанныя рукавицы.

— Тогда сахару два фунта...

— Свѣсь имъ!—приказалъ онъ мальчишкѣ-приказчику съ круглой и синей, какъ рѣпа, глупой рожицей, глядѣвшей на меня почтительно, даже до ужаса.

Пока мальчишка вѣшалъ сахаръ, я разглядывала Розина брата. Онъ былъ очень похожъ на сестру: такъ же строенъ и высокъ, такіе же великолѣпные глаза, брови и рѣсницы, такая же живописная черноволосая голова въ крупныхъ упругихъ завиткахъ, красивой формы носъ и скорбныя, печальныя губы.

Но только очень онъ былъ худъ и блѣденъ и нездоровый, нервный на видъ. Отъ худобы красивая голова его на тонкой шеѣ казалась огромною, плечи и руки костистыми. Отъ нервозности одинъ глазъ—лѣвый—то захлопывался надолго, то открывался, расширяясь больше, чѣмъ правый. И голова дѣлала такія рѣзкія порывистыя, непроизвольныя движенія, словно его все время тянуло обернуться назадъ.

— Послушайте!—обратилась я къ нему тихо, вполголоса, послѣ того, какъ получила сахаръ отъ мальчишки.—Я зашла про сестру вашу узнать. Вѣдь она со мною только что познакомилась и я успѣла ее уже полюбить.

— А вамъ что?—вскрикнулъ онъ враждебно, обиженно и въ то же время испуганно до того, что поблѣднѣлъ еще больше и замоталъ головой подрядъ нѣсколько разъ.

Въ этотъ моментъ дверь въ лавочку распахнулась и съ улицы ворвалась группа любопытныхъ мальчишекъ и дѣвчонокъ.

У несчастнаго юноши глаза засверкали, какъ у волка, онъ всплеснулъ худыми руками, ахнулъ, а потомъ заоралъ благимъ матомъ:

— Пошли вонъ!.. къ чертямъ!.. Собаки!.. Нѣтъ на васъ переводу!.. Звѣри!.. Хамье проклятое!

— Измучили!..—обратился онъ ко мнѣ уже не враждебно, а жалобно, безпомощно, со слезами въ громадныхъ темныхъ глазахъ.

Любопытная юная публика съ пугливымъ, сдержаннымъ хохотомъ шарахнулась на улицу обратно.

А еврей, отпустивъ мужика, который выбралъ, наконецъ, себѣ рукавицы, обратился ко мнѣ уже тихо и все попрежнему жалобно, со слезами въ голосѣ и въ глазахъ.

— Бѣдной мамашѣ поплакать не даютъ, врываются всюду: въ комнаты, въ баню, въ сарайчикъ, въ лавочку... Мамаша—женщина и потому плачетъ въ голосъ, громко... Имѣетъ право женщина плакать на своемъ мѣстѣ громко?—спросилъ онъ опять крикливо, обиженно, возмущенно.—Но звѣри мѣшаютъ... горю вылиться мѣшаютъ... Проклятый городокъ!.. И взрослые, и дѣти, какъ тигры... Но только тигръ разрываетъ на клочки тѣло человѣка, а эти—душу. . Измучили!.. Три дня у насъ эта кутерьма идетъ, и три дня отъ людей отбою нѣтъ...

— Простите, что побезпокоила васъ,—попросила я его, вдругъ почувствовавъ страшный стыдъ передъ этими несчастными людьми, которымъ праздное, пошлое и жестокое любопытство мѣшаетъ страдать, мѣшаетъ «выливать горе»...

И вѣроятно искренность словъ моихъ, горячее сочувствіе мое тронуло его до глубины души. Благодарно глянувъ на меня и прижавъ руку къ сердцу, онъ сказалъ:

— Пойдемте, мадамъ, въ комнаты... на минуточку!..

И тотчасъ же мы вошли съ нимъ черезъ низенькую дверь лавочки въ узкій темный корридорчикъ, съ тяжелымъ кислымъ запахомъ.

— Вотъ сюда, пожалуйста!—велъ онъ меня мимо дверей, открывающихъ какую-то тѣсную и узкую комнату, изъ невидимой глубины которой слышались голоса тоже невидимыхъ людей и несся запахъ печенаго хлѣба и лука.

Пройдя эту комнату, мы очутились съ нимъ въ просторной «залѣ» съ дешевыми кисейными занавѣсками, съ олеографіями и фотографическими карточками по стѣнамъ. Мебель въ «залѣ» была деревянная, съ мягкими сидѣніями, обтянутыми лопастымъ, яркимъ ситцемъ, съ высокими лампами подъ абажурами на столахъ, покрытыхъ яркими репсовыми скатертями...

— Садитесь, мадамъ!.. Вы тоже меня извините, мадамъ!.. Признаться, я не очень-то хотѣлъ разговаривать съ вами. Но вы такъ ласково заговорили объ моей несчастной сестрѣ, что...

Онъ захлопнулъ больной глазъ и схватился обѣими руками за лѣвую щеку, какъ бы силясь придержать рѣзкое отчаянное подергиваніе головы.

— Мы евреи—народъ несчастный, затравленный... Всѣхъ сторонимся и всѣхъ боимся. И бываетъ иной разъ такъ, что думаешь: «этотъ человѣкъ тебѣ врагъ». А потомъ можетъ получиться, что совсѣмъ даже напротивъ. Несчастный, оскорбленный человѣкъ прежде всего обидчивый человѣкъ, подозрительный и, значитъ, склоненъ ошибаться больше, нежели счастливый... не такъ ли, мадамъ?

— Скажите, какъ все случилось?—спросила я нетерпѣливо.

Онъ испуганно и озабоченно взглянулъ на дверь и приложилъ палецъ къ губамъ.

— Ц-ц-съ!.. Будемъ говорить тише!.. Бѣдная мамаша только сейчасъ прилегла,—таинственно зашепталъ онъ. — Папаша все молится Богу, все молится... и втихомолку, чтобы никто не видалъ, плачетъ... А вѣдь онъ человѣкъ сильный, гордый и суровый. Онъ, знаете, поѣхалъ было слѣдомъ за нею, да вернулся... Отъ гордости вернулся. «Какая, говоритъ, она мнѣ теперь дочь, когда она уже переступила всѣ законы божескіе и человѣческіе. Потому законъ Бога требуетъ, чтобы дѣти были въ подчиненіи у родителей. А законъ человѣческій требуетъ дорожить репутаціей семьи... Нѣтъ, говоритъ, теперь у меня дочери... Нѣтъ и нѣтъ!..» Ахъ, мадамъ, какое у насъ въ домѣ теперь горе, какое горе!.. Мамаша, женщина слабая, она едва ли вынесетъ такую утрату... Вѣдь она Розочку обожала!.. Папаша—тотъ, правда, строгій, суровый, страшный фанатикъ!.. И отъ него въ домѣ все скрывалось... То, что ходилъ до насъ Егоръ Егоровичъ—скрывалось всегда... Наверху, въ мезонинчикѣ у насъ комнатка есть—моя комнатка. Такъ вотъ тамъ-то мы съ Розочкой Егора Егоровича и принимали, а папаша не зналъ... Что было бы, если бы папаша только узналъ!..

— Но, можетъ быть, она еще вернется?—опять нетерпѣливо перебила я его.

Хоть и любопытно мнѣ было слушать его, но въ то же время и тяжело глядѣть, какъ онъ волновался, какъ глазъ его то закрывался, то открывался, дергалась голова и щека лѣвая, а иногда и весь онъ дергался, какъ въ пляскѣ святого Витта...

— Что вы говорите!—безнадежно воскликнулъ онъ на вопросъ мой и улыбнулся такъ, какъ взрослые дѣтямъ улыбаются.—Вы не знаете Розочку, если предполагаете, что это не серьезно съ

ея стороны... Очень, очень она серьезная дѣвушка!.. И гордая, и пылкая, и нетерпимая, такая же по характеру, какъ и папаша... Когда, бывало, папаша ее ударитъ, она вмѣсто того, чтобы убѣжать поскорѣе, какъ я дѣлалъ, выпрямится передъ нимъ, какъ струна, сложитъ руки на груди, стиснетъ зубы и глядитъ на него въ упоръ, не мигая... Глядитъ, и въ глазахъ у нея не страхъ, не мольба, какъ у меня, а ненависть... да такая страшная ненависть, что даже папаша, на что ничего не боится, и то испугается, плюнетъ ей въ лицо громаднымъ такимъ плевкомъ и пойдетъ... «Палачъ, говоритъ, ты, а не дѣвушка. Тигрица, а не дочь моя...» Нѣ-ѣ-ѣтъ, она не вернется, не вернется!..—протянулъ юноша отчаянно, охвативши голову руками и закрывши оба глаза.

Отъ тоски, отъ горя сухая, блѣдная кожа на его лицѣ и на костлявыхъ пальцахъ трепетала непрерывною нервною дрожью, даже и тогда, когда мускулы были покойны.

— Знаете, мнѣ Розочку жалко,—началъ онъ снова, подымая на меня скорбные, печальные глаза свои.—Но, я думаю, ей будетъ лучше... оттого я самъ и не убиваюсь такъ, какъ родители мои... Я вѣдь, мадамъ, учился въ петрозаводской гимназіи, до четвертаго класса дошелъ, могу имѣть понятіе... Потому-то Розочку и понимаю... Ей тяжело было жить съ родителями нашими. Знаете, что?

Онъ испуганно оглядѣлся по сторонамъ, словно боялся, чтобы насъ не подслушали.

— Я бы и самъ убѣжалъ, если бы здоровъ былъ и силенъ характеромъ и смѣлъ, какъ Розочка... Но я слабый человѣкъ, больной человѣкъ... Я могу только умныя книги читать и мечтать о свободѣ, только оплакивать рабство свое, жизнь несчастную... Но протестовать на дѣлѣ не могу: слабый человѣкъ я, больной, хоть и очень хорошо все понимаю...

— Исаакъ, Исаакъ!—вдругъ послышался откуда-то сердитый, надсадистый голосъ.

И тотчасъ же въ дверь залы, притворенную Исаакомъ изъ опасенія, чтобы насъ не подслушали, просунулась сгорбленная фигура сѣдоволосаго старика, съ головою, обвязанною полотенцемъ, какъ чалмою, и съ черными глазами, глубоко впавшими въ орбиты.

Молодой еврей опрометью бросился къ старому и что-то объяснилъ ему по-еврейски, съ лицомъ испуганнымъ, подобострастнымъ и фальшивымъ.

Старикъ поглядѣлъ на меня издали сухими, строгими глазами и опять спрятался за дверь.

— Это папаша... Я имъ сказалъ, что вы пришли заказъ сдѣ-

лать на дрова... Мы тоже и дрова поставляемъ на дома,—сообщилъ мнѣ Исаакъ таинственнымъ шопотомъ заговорщика, какъ только вернулся ко мнѣ обратно.

Я встала, чтобы идти. Онъ меня не удерживалъ и тѣмъ же ходомъ повелъ обратно въ лавку, пробираясь впереди меня на цыпочкахъ, осторожно, оглядываясь по сторонамъ опасливо, какъ воръ. Проходя мимо двери комнаты, изъ которой несся запахъ печенаго хлѣба и лука, я мелькомъ увидала старуху, въ парикѣ темно-рыжаго цвѣта, съ лицомъ заплаканнымъ, обрюзглымъ, съ глазами до того красными, кровавыми, словно она не слезами плакала все время, а кровью.

Но въ лавочкѣ я опять невольно остановилась, прикованная новымъ впечатлѣніемъ. Почти слѣдомъ за нами изъ той же двери вышелъ изъ комнатъ господинъ въ шубѣ съ бобровымъ воротникомъ, нараспашку, въ котиковой шапкѣ, небрежно сдвинутой на затылокъ, и, обращаясь къ Исааку, сказалъ:

— Опять началась пѣсня! Пойти по городу пройтись, что ли...

— Мамаша?—въ ужасѣ спросилъ Исаакъ, захлопнувъ лѣвый глазъ, а правымъ глянулъ на меня жалобно и отчаянно до послѣдней степени.

И тотчасъ за стѣной, отдѣляющей лавочку отъ жилыхъ комнатъ, послышался долгій, за душу хватающій, простонародный кликушечій вой.

— Мамаша опять заплакала... Бѣдная мамаша!..

Исаакъ безпомощно опустился на табуретку за прилавкомъ, а господинъ скептически улыбнулся и сказалъ, обращаясь уже ко мнѣ:

— Всякія сцены тогда только вызываютъ сочувствіе, когда онѣ имѣютъ конецъ... Но если онѣ не имѣютъ конецъ—онѣ надоѣдаютъ.

И оставшись, очевидно, доволенъ своимъ изреченіемъ, господинъ, въ знакъ улыбки, лѣниво приподнялъ лѣвый уголъ толстыхъ губъ и правую бровь.

— Это Розочкина знакомая,—сообщилъ Исаакъ господину не безъ гордости, хотя и страдальческимъ голосомъ, указывая глазомъ на меня.

Господинъ приподнялъ шапочку, обнажая совершенно лысый розовый черепъ, и сказалъ съ большимъ достоинствомъ:

— Давидъ Айзенштейнъ... изъ Петрозаводска...

«Такъ вотъ онъ женихъ-то», подумала я и безцеремонно стала разглядывать новаго знакомаго своего съ головы до ногъ.

Это былъ вовсе не «молодой человѣкъ», какъ увѣряли Розу сваты ея, а лѣтъ сорока господинъ, низенькій, толстенькій, пузатый, бѣлый и румяный, съ отвислымъ подбородкомъ и съ «мѣш-

ками» подъ водянисто-голубыми и выпуклыми, какъ у рака, глазами. Самое непріятное было въ немъ, — это улыбка, не сходившая съ толстыхъ, типичныхъ еврейскихъ губъ его, улыбка скептическая и несокрушимо-самодовольная.

Изъ любопытства я заговорила съ нимъ первая.

— Такъ вы изъ Петрозаводска?—спросила я для того только, чтобы что-нибудь спросить.—Далеконько!

— Что будешь дѣлать!.. Забрался, какъ говорится, за тридевять земель!—изрекъ онъ и испустилъ носомъ печальный, меланхолическій звукъ.

— Вы, небось, уже все знаете?—спросилъ онъ меня, презрительно сморщивъ толстый съ сизыми жилами носъ.

На вопросъ его я утвердительно кивнула головою.

Онъ приподнялъ сперва одну бровь, потомъ другую и проглотилъ слюну съ такою гримасою, словно лимонъ попробовалъ.

— Современныя дѣвушки всѣ таковы... Молодое поколѣніе!.. Но одначе нельзя же и стариковъ обижать, такъ я говорю, или нѣтъ?.. И наконецъ, чѣмъ же другіе виноваты?..

Онъ пожалъ плечами и засмѣялся протяжнымъ смѣхомъ, сотрясаясь жирнымъ животомъ и подбородкомъ. Потомъ вынулъ часы, золотые, съ массивною золотою цѣпью, и подъ видомъ освѣдомиться, который часъ, хвастливо показалъ ихъ мнѣ и Исааку.

— Д-а!.. Маленькая драма!. Что будешь дѣлать?.. Ничего не будешь дѣлать!.. Такова современность... Маленькая драма!..

Произносилъ онъ эту фразу «маленькая драма» всякій разъ со снисходительнымъ вздохомъ, по которому я должна была догадаться, что имѣю дѣло съ человѣкомъ вполнѣ просвѣщеннымъ, знакомымъ со словомъ «драма».

— Вы очень огорчены?—спросила я.

Онъ опять пожалъ толстыми плечами, скептически улыбнулся и подкатилъ рачьи глаза подъ лобъ съ такимъ видомъ, который говорилъ: «Да помилуйте! Ну, съ какой стати? Развѣ невѣстъ мало? Одна убѣжала—сотни на мѣсто ея найдутся...»

— Конечно, — сказалъ, наконецъ, онъ, — убытокъ большой... Дѣло бросилъ... Сюда двое сутокъ да отсюда двое, да тутъ вотъ валандаюсь уже вторыя сутки—итого шесть сутокъ... А для человѣка дѣлового время—деньги, не такъ ли я говорю?..

И въ заключеніе онъ глянулъ на меня съ уничтожающимъ сожалѣніемъ, что я такой простой вещи не понимаю.

А мнѣ вдругъ омерзѣли, опротивѣли толстыя губы его со скептической усмѣшкой до тошноты. Я схватила свой сахаръ, пожала руку Исааку, а дѣловому господину слегка только кивнула головою и вышла...

*

VI.

Прошелъ день, прошелъ и вечеръ, а Егоръ Егоровичъ все ко мнѣ не являлся, несмотря на то, что я послала къ нему записку, въ которой просила придти сейчасъ же, какъ только вернется онъ домой.

И вдругъ уже совсѣмъ поздно, въ двѣнадцать или даже въ часъ ночи слышу стукъ въ окно съ улицы,—осторожная такая, легкая и нерѣшительная дробь пальцами о стекло.

Подхожу къ окну, гляжу—Егоръ Егоровичъ... Стоитъ себѣ, опершись о толстую суковатую палку, озаренный бѣлыми лучами мѣсяца, и ждетъ.

Я махнула ему рукою, приглашая въ комнаты, а потомъ прошла въ переднюю и отворила дверь.

Входитъ. Здоровается молча, кивкомъ головы и отрывистымъ рукопожатіемъ.

— Что такъ поздно?—спрашиваю.

— Поздно домой вернулся... въ одиннадцатомъ часу...

Я вопросительно и удивленно взглядываю на него, но молчу, жду, когда онъ самъ объяснитъ.

И онъ объяснилъ послѣ того уже, какъ усѣлся на диванъ и закурилъ папиросу.

— Есть тутъ деревня Вихляевка, въ восемнадцати верстахъ... Ну, такъ сегодня тамъ былъ... А въ прочіе остальные дни въ другихъ мѣстахъ... Каждый день лупилъ верстъ по тридцати восьми, по сорока... Ловко?—спроситъ онъ, кривя ротъ въ уродливую гримасу, долженствовавшую изобразить улыбку.

— Зачѣмъ?

Онъ тяжело завозился на мѣстѣ, насмѣшливо повелъ носомъ и сказалъ:

— А такъ. . чтобы куда-нибудь... У Достоевскаго Мармеладовъ говоритъ: «надо же человѣку куда-нибудь пойти!» Положимъ, у меня есть куда пойти—хотя бы къ вамъ, напримѣръ. И на Мармеладова похожъ я мало, но... надо-жъ и мнѣ куда-нибудь пойти!..

Онъ жадно затянулся папироской и задумался. Тутъ только замѣтила я, до чего онъ осунулся, посѣрѣлъ и пожелтѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ видала я его въ послѣдній разъ.

— Да вы не больны ли?

— А что?—встрепенулся онъ, ободряясь насильно.

— Да похудѣли очень и пожелтѣли.

— Весьма возможно... Уже дней шесть-семь «пѣшешествую», какъ выражаются горьковскіе герои. Ну и къ тому же не жрамши, окромя всего иного прочаго.. Да наплевать!.. не въ томъ дѣло!—оборвалъ онъ самъ себя.—А вотъ... были тамъ?..

Быстрымъ, стремительнымъ движеніемъ онъ обернулся ко мнѣ и глянулъ на меня строго, словно заранѣе предупреждая, чтобы отвѣтила я ему все, что знала.

И я разсказала ему обо всемъ подробно. И о «женихѣ» разсказала, передала всѣ его словечки и гримасы.

— Да-а-съ!—протянулъ онъ съ самодовольной усмѣшечкой, закидывая одну ногу на другую.—Такъ говоритъ—«маленькая драма»? И изубытчился?.. О, чортъ!.. —захохоталъ онъ вдругъ во все горло, вскакивая съ дивана и принимаясь шагать.

— Но, право же это любопытно и весело!.. Изубытчился!.. Здорово она ихъ всѣхъ чертей, мѣщанъ вонючихъ, надула!.. Ха-ха-ха!.. И папашу тоже изубытчила... пятьдесятъ цѣлковыхъ стибрила на дорожку себѣ... Ха-ха-ха!.. Маленькая драма!.. Вотъ смерды-то проклятые, гнусы подлые!..

Онъ хохоталъ громко, злобно и радостно, шагая по комнатѣ быстрымъ, порывистымъ шагомъ. И лицо его костистое, желтое, съ громаднымъ оскаломъ четырехъугольныхъ зубовъ, искаженное злобою и радостью, походило на лицо сатаны.

— Откуда вы о пятидесяти рубляхъ знаете?—спросила я.

Онъ отвѣтилъ не сразу, упоенный сатанинскимъ хохотомъ своимъ. Все бѣгалъ по комнатѣ, какъ звѣрь, взыгравшійся въ клѣткѣ, наконецъ, вынулъ изъ кармана толстый конвертъ и бросилъ его передо мною на столъ.

— Прочитайте, коли охота! Сегодня получилъ... Опущено въ Ладогѣ, но, конечно, она не въ Ладогѣ теперь... Тю-тю!.. Ищи вѣтра въ полѣ!

Онъ ухарски свистнулъ и сѣлъ на диванъ. И какъ только сѣлъ, такъ и притихъ разомъ, словно выкипѣлъ до дна. Голова его прислонилась къ спинкѣ дивана и вѣки утомленно закрылись.

Я развернула длинное, на двухъ листахъ почтовой бумаги письмо и стала читать.

Писала Роза крупнымъ, четкимъ почеркомъ и, къ великому удивленію моему, совершенно правильно по-русски, не только въ грамматическомъ отношеніи, но и въ литературномъ, словно это другая Роза писала, не та, которая объяснялась по-русски, въ особенности, когда волновалась, такъ скверно.

«Я васъ люблю». Такъ начиналось это посланіе безъ обычныхъ обращеній. «Объ этомъ вамъ уже извѣстно. Да и не въ томъ теперь и дѣло совсѣмъ, что я васъ люблю, а въ томъ, что я не желаю оставаться на полдорогѣ и лѣзу уже напроломъ, куда глаза глядятъ. Сломлю себѣ голову—не бѣда, но зато сдѣлаю такъ, что вы останетесь мною довольны. Впрочемъ, погодите-ка.. не вообразите пожалуйста, что я только для васъ одного это и дѣлаю, то-есть, чтобы вы довольны остались. Нѣтъ! Еще и для себя!

Главное—для себя! Слушайте-ка: неужели вы полагали, что начитавшись книгъ о томъ, какимъ долженъ быть настоящій, себяуважающій человѣкъ, наслушавшись проповѣдей вашихъ о томъ, что человѣкъ долженъ имѣть большую цѣль въ жизни, долженъ работать интересную, нужную работу—тогда только онъ и человѣкъ, а не тупое животное, неужели, полагали, возможно послѣ всего этого оставаться въ домѣ, гдѣ тебя бьютъ по щекамъ, плюютъ въ лицо, рвутъ и жгутъ твои книги? Гдѣ тебя продаютъ за деньги, какъ корову или лошадь. Неужели можно? Конечно, нельзя! Вотъ я и утекаю. Куда? А такъ... погляжу тамъ, куда и какъ. Думаю, что хуже не будетъ. Если же и хуже, то все же иначе, не такъ, какъ было, и ужъ это одно хорошо. Что-нибудь найдется и для меня, и я буду искать. Пословица говоритъ: подъ лежачій камень вода не течетъ. И я не хочу быть лежачимъ камнемъ. Одно только мутитъ мой умъ и душу мою, это то, что я на дорогу у папаши изъ шкатулки его пятьдесятъ рублей стащила. Никогда воровкой не была. И я въ одинъ разъ испытала всѣ подлыя, мерзостныя чувства вора. Когда я выскочила въ чуланъ съ зажатыми въ кулакѣ украденными деньгами, то у меня такъ стучало сердце и тряслись руки, и потемнѣло въ глазахъ и было тошно, гадко себя сознавать, что захотѣлось умереть... Кромѣ того и мамашу бѣдную мнѣ жалко и братца. Оба они такіе слабые, несчастные, больные и любящіе. Но тутъ, объ этомъ фактѣ я такъ себѣ думаю: безъ боли, безъ страданія ничего хорошаго въ жизни не бываетъ. Безъ страданія не родится человѣкъ на свѣтъ. У меня въ тетрадочкѣ записано вотъ что изъ книжечки, которую вы давали мнѣ въ послѣдній разъ: «Страданіе—великое, божественное чувство. Мы обязаны ему всѣмъ, что въ насъ есть добраго, что даетъ цѣну и смыслъ жизни». И потомъ вотъ еще слова: «настоящая радость въ самомъ страданіи, подобно тому, какъ цѣлительный сокъ въ самой ранѣ благороднаго дерева». Я заучила эти прекрасныя слова, какъ молитву, и съ ними войду въ новую жизнь мою. Неужели пропаду?.. Чортъ возьми!.. Я молода, здорова, у меня есть умъ мой, и характеръ мой и энергія... Я буду много страдать!.. Ну, что-жъ!.. Это будетъ рана, изъ которой потечетъ живительный сокъ жизни моей... Да здравствуетъ борьба, препятствія, лишенія и страданія!.. Иду на васъ и не боюсь, а наоборотъ, радостно простираю вамъ объятія мои!..»

На этомъ кончалось письмо. И опять ни обычныхъ «заключительныхъ» словъ, ни прощаній, ни даже подписи...

«Иду на васъ»... Меня это до того потрясло, взволновало, умилило и въ то же время всю наполнило такою острою грустью и сожалѣніемъ, что я едва отъ слезъ удержалась. Сло-

жила письмо, спрятала въ конвертъ, подошла къ окну и задумалась, глядя на дорогу, алмазными блестками сверкающую подъ лучами мѣсяца.

Самковъ зашевелился.

— Ну что... каково посланіе?—спросилъ онъ съ выдѣланною безпечностью, зѣвая и потягиваясь.

— Да грустно все же... страшно!

— Страшно?!—какъ-то разомъ возбуждаясь, словно на него кипятку плеснули, взревѣлъ онъ, вращая глазами возмущенно, негодующе.—А гнилая, вонючая тина пошлаго мѣщанства, которая окружала бы ее всю жизнь... всю жизнь до самой смерти, развѣ не страшна?!..

Онъ весь затрепеталъ, вскочилъ съ мѣста и, ероша обѣими руками дикобразью щетину свою, заметался по комнатѣ въ разныхъ направленіяхъ.

— А вѣдь тутъ человѣкъ же цѣлъ остался!.. И какой еще человѣкъ!.. Роскошь что такое!..—восхищенно вскрикнулъ онъ, весь такъ и загорѣвшись влюбленнымъ восторгомъ.—Вѣдь ребенокъ совсѣмъ!.. Восемнадцать лѣтъ всего!.. А какая дерзость!.. Какая вѣра въ себя, въ силы свои, въ жизнь!.. «Да здравствуетъ борьба, препятствія, страданія!.. Иду на васъ, не боюсь»!.. Ха-ха-ха!..—захохоталъ онъ смѣхомъ громкимъ, торжествующимъ, но тотчасъже и оборвался...

Точно рыданія подступили къ горлу его, сдавили и помѣшали говорить.

Минутъ пять ходилъ онъ по комнатѣ, шатаясь какъ пьяный. И когда заговорилъ снова, то скорѣе самъ съ собою заговорилъ, чѣмъ со мною.

— Я вотъ, напримѣръ, съ ума, можетъ быть, схожу въ эти дни... да-а-а!..—бормоталъ онъ, какъ въ бреду.—Ну и, конечно, останусь побѣдителемъ въ борьбѣ съ нѣкоторой стихіей, налетѣвшей негаданно-нежданно!..—Но вѣдь я—мужланъ!.. Мнѣ двадцать восемь лѣтъ!.. Нервы у меня стальные!.. Выдержка дьявольская... Она же—ребенокъ!.. Пламенное дитя... И конечно все у нея острѣе, звонче, пронзительнѣе... Оттого и загорѣлось такъ... Но и она побѣдитъ!.. О-о, я теперь вѣрю въ нее!..

Онъ говорилъ быстро, возбужденно, словно одержимъ былъ лихорадкою. Глаза у него сверкали и смѣялись восхищенно, а губу нижнюю выворачивала судорога, какъ передъ глазами. И все лицо то оживлялось, загораясь страстнымъ влюбленнымъ восторгомъ, то темнѣло, блекло разомъ, потухали глаза и всѣ черты искажались страданіемъ, словно въ груди у него, въ сердцѣ тупой ножъ поворачивали.

— Вѣдь молодость одинъ разъ бываетъ и жизнь дается одна-

жды,—продолжалъ онъ сыпать слова страстной горячечной скороговоркой.—И надо жить... торопитьси жить... Надо искать... Бѣжать, падать, подниматься, опять бѣжать, искать и страдать, страдать безъ конца!.. И страданья не бояться... искать его, жаждать!.. Ахъ, что это было бы за счастье, за огромное лучезарное блаженство, если бы люди вдругъ всѣ до единаго поняли, что страданіе—все!.. Внѣ его для современнаго несовершеннаго человѣка, со всѣхъ сторонъ сдавленнаго желѣзными тисками жизни, нѣтъ исхода, нѣтъ спасенія, нѣтъ другой радости, кромѣ радости, рожденной страданіемъ!.. Ахъ, что бы это было, если бы всѣ поняли и бросились бы въ бездну страданья и перекипѣли бы въ немъ, перегорѣли и закалились, какъ сталь!.. Побѣдили бы разомъ, выросли, созрѣли и упились бы великимъ счастьемъ, великимъ воскресеніемъ!..

Послѣднія слова выкрикнулъ онъ въ какомъ-то экстазѣ дрожащимъ и пресѣкающимся голосомъ. И опять повалился на диванъ и задумался.

Я глядѣла на него, глядѣла... да вдругъ и спросила на этотъ разъ ужъ не отъ простого только любопытства, а отъ глубокой жалости къ нему, нѣжности и сostраданія:

— Скажите—вамъ тяжело очень? Вы ее любите тоже?

И къ удивленію моему онъ отвѣтилъ сразу же, съ готовностью и даже съ радостною, стремительною готовностью, словно того только и ждалъ отъ меня.

— Да... Люблю... Очень... Всѣ эти дни съ ума схожу. Понимаете, какое странное состояніе?.. Разумъ кричитъ все время: «Глупо! Не нужно! Мѣшаетъ! Отдаляетъ отъ цѣли, лишаетъ свободы! Глупо, глупо!.. Человѣкъ въ твоемъ положеніи долженъ быть свободенъ». Такъ кричитъ разумъ. Ну, а что-то другое жжетъ кровь, волнуетъ, сосетъ сердце. Всѣ эти ночи тако ощущеніе, какъ будто бы кто-то стиснулъ мнѣ шею жаркими и цѣпкими, и тяжелыми, какъ желѣзо, объятіями и глядитъ въ глаза взглядомъ сверлящимъ, огненнымъ, отъ котораго все въ головѣ путается. Хочешь стряхнуть съ себя эти цѣпкія объятія и нѣтъ силъ...

Проговорилъ все это онъ тихо, безпомощно и какъ-то странно покорно, почти умиротворенно. Видимо то, что онъ «открылся», разомъ его облегчило, но только не надолго облегчило: не прошло и пяти минутъ послѣ этого, какъ онъ уже раскаялся и опять гаркнулъ бѣшено, возмущенно.

— Э, чортъ! Ерунда все это!.. Пройдетъ!.. Конченъ разговоръ объ этомъ!.. Шабашъ!

И всталъ. Шагнулъ къ этажеркѣ, на которой положилъ свою шапку и сталъ прощаться.

Не видались мы послѣ этого недѣли двѣ. Ни онъ ко мнѣ, ни я къ нему. Я потому не ходила, что тогда же, на второй день утромъ послѣ своего «признанія» онъ прислалъ мнѣ записку, въ которой просилъ не встрѣчаться съ нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ «не перебѣсится».

И когда пришелъ онъ ко мнѣ, я сразу же убѣдилась, что онъ «перебѣсился» вполнѣ: видъ у него былъ ужасный—кожа да кости! Точно послѣ тифа. Но въ глазахъ, глубоко запавшихъ въ темносинія орбиты, и во всѣхъ чертахъ некрасиваго еще больше прежняго, обезображеннаго худобою лица его—сіяла такая радость побѣды надъ самимъ собою, кроткая печать умиротворенія, на которомъ расцвѣтаютъ цвѣты новыхъ надеждъ и мечтаній для того, кто живетъ и полонъ жизни, любитъ жизнь и вѣритъ въ жизнь...

— Здравствуйте вамъ!—сказалъ онъ мнѣ не громко, но живымъ, сочнымъ звукомъ... веселымъ звукомъ выздоравливающаго.

И, спокойно пожавъ мнѣ руку, улыбнулся прежнею своею улыбкою, чуть-чуть насмѣшливою, но доброю, милою, простою и искреннею.

— Здравствуйте вамъ!—воскликнула я радостно.

И тотчасъ же громко и оживленно заговорили мы съ нимъ о книгахъ, по которымъ даже и онъ, ненавидящій чтеніе, за время «бѣсива» своего соскучился, заговорили о Толстомъ и объ его антиподѣ Ничше, объ Ибсенѣ, о Горькомъ... Говорили о жизни, свѣтлой и радостной, о томъ времени, когда земля станетъ лучше, будутъ здоровые, сильные люди, свѣтлыя, смѣлыя пѣсни...

— Хорошо будетъ!—говорилъ Егоръ Егоровичъ, восторженно блестя глазами.—Да и сейчасъ уже хорошо тому, кто это предвкушаетъ, кто живетъ, дышитъ этимъ... Да, я вѣрю! Если бы вы только знали, какъ вѣрю!.. Если бы вы только знали!..

А. Крандіевская.

ИММАНУИЛЪ КАНТЪ.

Рѣчь, произнесенная Алоизомъ Рилемъ въ актовомъ залѣ университета въ Галле, въ торжественномъ засѣданіи по случаю столѣтія со дня кончины Канта.

12-го февраля 1804 года умеръ въ Кёнигсбергѣ, своемъ родномъ городѣ, *Иммануилъ Кантъ*. Ему шелъ восьмидесятый годъ.

Раннимъ утромъ въ этотъ день онъ еще разъ прибрался и затѣмъ остался неподвижнымъ, покойно ожидая кончины. Въ 10 часовъ утра помутились глаза,—глаза, блиставшие нѣкогда подобно голубому пламени эфира, кристально-чистые глаза, со взглядомъ, способнымъ очаровывать людей. Прошелъ еще часъ и сердце перестало работать. Его смерть была постепеннымъ угасаніемъ жизни, а не насильственнымъ актомъ природы.

Его умъ уже нѣсколько лѣтъ былъ помраченъ, его чудная память пропала. Онъ оживлялся нѣсколько, только когда разговоръ заходилъ о научныхъ предметахъ. Характерно, что всего долѣе въ его памяти сохранились предметы физической географіи, естественной исторіи и химіи. Онъ еще проектировалъ важные труды и пытался даже приступать къ ихъ выполненію: снова и снова принимался онъ за нихъ, но все напрасно. Танталовымъ называлъ онъ самъ то страданіе, которое испытывалъ вслѣдствіе невозможности работать. Только въ одномъ остался онъ до конца вѣренъ самому себѣ. За нѣсколько дней до кончины его посѣтилъ его врачъ. Кантъ съ трудомъ всталъ и остался въ такомъ положеніи, почти невыносимомъ для него при его слабости, дѣлая непонятные знаки и указанія: онъ просилъ врача сѣсть первымъ. Послѣ того, какъ догадались, наконецъ, чего онъ хочетъ, онъ произнесъ, собравъ всѣ силы: «Чувство гуманности еще не покинуло меня». Это было однимъ изъ послѣднихъ его словъ. Ничто не могло бы лучше охарактеризовать его существа.

Едва только разнеслась вѣсть о его кончинѣ, какъ всѣ устремились посмотрѣть на скончавшагося. Каждый хотѣлъ получить право сказать впослѣдствіи: и онъ видѣлъ Канта. Много дней продолжалось это паломничество. Только 28-го февраля происходило погребеніе въ склепѣ университетской церкви. Жители Кёнигсберга еще никогда не видали такихъ почестей по такому поводу.

Но не мертвому принадлежитъ наше сегодняшнее торжество—мы посвящаемъ его безсмертному мыслителю и учителю человѣчества, продолжающему жить въ своихъ твореніяхъ.

Только черезъ 100 лѣтъ поймутъ, какъ слѣдуетъ, его произведенія, начнутъ снова изучать ихъ и признаютъ все ихъ значеніе. Этому предсказанію Канта, сдѣланному имъ въ 1797 году, суждено было исполниться раньше. Въ шестидесятыхъ годахъ началось снова изученіе Канта. Сначала это были единичныя попытки, разроставшіяся затѣмъ все шире и шире. Дѣло шло при этомъ не о томъ, чтобы заполнить какъ-нибудь пустоту, которую оставила въ философіи послѣ своего крушенія послѣдняя спекулятивная система первой половины прошлаго столѣтія—система Гегеля. Дѣло было не въ одной только историко-критической работѣ—нѣтъ! Дѣлались попытки привести ученіе Канта въ связь съ успѣхами положительныхъ наукъ, достигнутыми за это время. Именно въ естественно-научныхъ кругахъ прежде всего и пробудилось пониманіе истинныхъ задачъ философіи, какъ изслѣдованія основныхъ понятій и метода познанія. Первымъ, кто еще въ 1855 году заявилъ, что идеи Канта еще живы и развиваются все богаче и полнѣе, былъ *Гельмгольцъ*. Необходимо, какъ бы само собою, естествознаніе должно было за разрѣшеніемъ своихъ философскихъ вопросовъ обратиться къ Канту, какъ къ послѣднему философу, бывшему въ то же время и естествоиспытателемъ. Такимъ образомъ, возвращеніе къ Канту слѣдуетъ разсматривать на самомъ дѣлѣ, какъ прогрессъ. Нити, связующія науку и философію къ ихъ обоюдной выгодѣ, порванныя на время натурфилософіей, были снова закрѣплены. И другое теченіе духовной жизни даннаго времени привело къ Канту съ другой стороны. Въ послѣдней трети прошлаго столѣтія въ наши основныя понятія морали ворвалась радикальная критика. Пусть она была только грозой, повлекшей за собой обновленіе духовной жизни,—тѣмъ не менѣе она требуетъ, какъ и самое это обновленіе, болѣе глубокаго изслѣдованія моральнаго сознанія. Мы снова обратились къ идеямъ практическаго разума. Въ наше время снова и въ морали, и въ философіи права оживаютъ идеи Канта.

Не интересъ простой учености или мода на опредѣленную философскую школу—нѣтъ!—путь научнаго развитія и существенные вопросы жизни такъ приблизили насъ къ Канту, какъ будто мы не отдѣлены отъ него цѣлымъ столѣтіемъ. Мы пытаемся разобраться въ его ученіи, стремимся упростить его и развить дальше. Въ исторіи философіи Кантъ во второй разъ создалъ эпоху; и эту вторую эпоху переживаемъ теперь мы.

Свои академическія занятія Кантъ началъ въ годъ восшествія на престолъ Фридриха II. Основы его образованія лежатъ всецѣло въ вѣкѣ просвѣщенія—въ «*вѣкѣ Фридриха*»: это имя далъ онъ самъ своему вѣку. Его дѣятельность прошла въ періодъ царствованія Фридриха,

и къ концу его (1786 г.) Кантъ уже завершилъ въ существенныхъ чертахъ свой трудъ. Великій король и «искусный и ставшій знаменитымъ благодаря своимъ сочиненіямъ магистръ Кантъ», какъ названъ онъ въ одномъ изъ рескриптовъ короля въ 1766 году, сродны другъ съ другомъ и внутренне. Слова Фридриха—«необходимо не то, чтобы я существовалъ, а то, чтобы я исполнилъ свой долгъ», могли бы находиться и въ критикѣ чистаго разума. Послѣдующій король, врагъ просвѣщенія, не могъ понимать Канта. «Съ вредными сочиненіями Канта нужно покончить», пишетъ Фридрихъ Вильгельмъ II въ одномъ изъ своихъ указовъ, въ мартѣ 1794 года. Намъ извѣстенъ результатъ нерасположенія короля—кабинетскій указъ отъ октября того же года, въ которомъ Кантъ обвиняется въ «униженіи многихъ главныхъ и основныхъ ученій христіанства». Ему грозятъ «непріятными послѣдствіями, если онъ будетъ продолжать упорствовать». Намъ извѣстно также и поведеніе Канта по отношенію къ этому указу. Его душа была глубоко потрясена этимъ; ему пришлось пережить тяжелую внутреннюю борьбу, пока онъ не нашелъ выхода. Не отказываясь отъ своихъ убѣжденій и не измѣняя имъ, онъ обязался не безъ нѣкоторой уловки, должны прибавить мы, молчать, пока будетъ править этотъ король. Повторяемъ, истинной эпохой Канта остается время правленія великаго Фридриха.

Духовное развитіе Канта шло такъ же періодически и размѣренно, какъ и его внѣшняя жизнь. «Я уже заранѣе опредѣлилъ себѣ путь, котораго я хочу держаться. Я вступлю на него и ничто не должно помѣшать мнѣ продолжать его», писалъ 22-хъ-лѣтній юноша въ своемъ первомъ трудѣ («Мысли объ истинной оцѣнкѣ живыхъ силъ»), который онъ написалъ, еще будучи студентомъ. Все его дальнѣйшее развитіе является оправданіемъ и осуществленіемъ этихъ словъ. Свой интересъ съ самаго начала онъ дѣлилъ равномѣрно между естествознаніемъ и философіей. Опытъ и разумъ, два источника, изъ которыхъ черпалъ онъ—изслѣдователь и мыслитель. У него былъ собственно только одинъ учитель. И имя этого перваго и единственнаго учителя Канта, сдѣлавшаго его послѣдователемъ Ньютона и введшаго его въ философію, имя *Мартина Кнутцена* не должно быть забыто.

Окончивъ университетъ, Кантъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ домашнимъ учителемъ въ семействѣ графа Кейзерлинга, проводившемъ впрочемъ большую часть года въ Кёнигсбергѣ. Свой родной городъ Кантъ покидалъ только на короткое время, а провинціи своего города не покидалъ ни разу въ жизни. Въ домѣ графа онъ усвоилъ себѣ тонъ изящнаго обращенія, и этотъ тонъ совершенно гармонировалъ съ его живымъ отъ природы и сознательно культивированнымъ чувствомъ гуманности. Подъ гуманностью онъ понималъ не только «общее чувство симпатіи», но и «способность интимнаго и широкаго общенія съ людьми». О его тонко-воспитанномъ обращеніи, о его умѣніи вести

интересный, оживленный остроуміемъ и юморомъ разговоръ съ большой теплотою разсказываетъ дочь графа, Элиза фонъ-деръ-Реке. «Онъ умѣлъ даже абстрактныя идеи облекать въ привлекательную форму. Ясно развивалъ онъ каждое мнѣніе, котораго держался. Иногда его разговоръ былъ оживленъ легкой сатирой, лишенной, впрочемъ, всякихъ претензій». Кто знаетъ Канта только изъ его твореній—въ особенности послѣдняго періода—тотъ въ сущности не знаетъ его. Кантъ сталъ философомъ, но въ то же время остался свѣтскимъ человѣкомъ. Всего меньше подходитъ къ нему самому его замѣчаніе о философѣ: что̀ онъ знаетъ, то не принято въ обществѣ, а что принято, того онъ не знаетъ. Нельзя было представить себѣ собесѣдника болѣе пріятнаго. Всѣ, кто такъ или иначе соприкасался съ нимъ, были самаго высокаго мнѣнія о его талантахъ свѣтскаго человѣка. Извѣстныя странности въ его жизни выступили рѣзче только съ теченіемъ времени. Все тѣснѣе опутываетъ онъ себя сѣтью правилъ. Постепенно онъ дѣлается человѣкомъ строго размѣреннаго порядка, человѣкомъ правилъ. Необходимо, впрочемъ, присовокупить: тому постоянству, съ которымъ онъ держался за свои правила, онъ обязанъ своимъ здоровьемъ и продолжительностью жизни. Къ тому же никакая размѣренность не могла уничтожить его врожденной простоты. И даже чрезъ усвоенныя манеры просвѣчивало его истинное настроеніе, открытость его характера и присущая ему, какъ и всякому геніальному человѣку вообще, какая-то природная наивность.

Чтобы видѣть его въ полномъ расцвѣтѣ, мы должны перенестись въ 1764 годъ. Кантъ проектируетъ изданіе литературнаго журнала. Онъ читаетъ лекціи по математикѣ и физической географіи для русскаго генерала и его офицеровъ (это было какъ разъ время оккупаціи Кёнигсберга во время семилѣтней войны). Онъ вращается въ круговоротѣ общественной жизни и при этомъ замышляетъ массу работъ—по морали, новую метафизику, извлеченіе изъ своей географіи и еще сотню мелкихъ идей. Такъ рисуетъ намъ его Гаманнъ. И какъ бы литературнымъ отраженіемъ этого свѣтскаго времени являются изданныя въ то время «Наблюденія надъ чувствомъ прекраснаго и возвышеннаго». Они заслужили автору имя нѣмецкаго Ла-Брюйэра. Эта книга, думаетъ рецензентъ того времени, не должна отсутствовать даже на дамскомъ туалетномъ столикѣ.

Его лекціи, начатыя имъ въ 1755 году и продолжавшіяся до 1796 г. въ его лучшую пору не имѣли въ себѣ ничего доктринерскаго. Онѣ походили скорѣе на непринужденный разговоръ и дѣйствовали, по словамъ Гердера, какъ самая увлекательная и интересная бесѣда. У него должны были учиться не «философіи», а умѣнію философствовать. Не готовыя мысли для затверживанія хотѣлъ онъ давать—онъ хотѣлъ учить думать. Самостоятельно мыслить, самостоятельно изслѣдовать, стоять на своихъ собственныхъ ногахъ—вотъ выраженія и совѣты,

которые постоянно встрѣчались у него. Онъ читалъ по тогдашнему обыкновенію по компендіямъ, но при этомъ не держался рабски текста и дѣлалъ частые экскурсы. Особенно умѣлъ оживлять онъ свои лекціи, приводя мнѣнія и новѣйшихъ писателей, главнымъ образомъ Руссо. Всегда, однако, въ концѣ концовъ онъ возвращался опять къ «свободному изученію природы и моральной цѣнности человѣка». Чувственный и нравственный міръ, природа и свобода—между этими полюсами двигалась всегда его мысль.

Въ періодъ, предшествовавшій созданію критической философіи, работы естественно-научнаго содержанія являются первыми, какъ по числу, такъ и по времени. Онѣ содержатъ рядъ счастливыхъ мыслей и предположеній, подтвержденныхъ гораздо позже, отчасти даже только въ наше время. Кантъ зналъ, что движеніе земли вокругъ оси должно испытывать, благодаря противоположному движенію приливовъ, постепенное замедленіе, и вычислилъ количество этого замедленія. Сто лѣтъ спустя эта ясно изложенная Кантомъ причина замедленія была опять найдена астрономической наукой. Кантъ первый формулировалъ законъ вращенія вѣтровъ и почти тѣми же словами, какъ и Довэ въ 1835 году. Но цѣлую массу новыхъ воззрѣній и удивительно тонкихъ предположеній заключаетъ въ себѣ главный трудъ той эпохи, работа 31-лѣтняго ученаго—«Общая естественная исторія и теорія неба». Это—вторая послѣ Декарта попытка физической космогоніи, первая—опиравшаяся на принципахъ Ньютона. Строеніе и механическое происхожденіе вселенной, связанныя воедино, составляютъ предметъ этого труда. «Дайте мнѣ матерію, и я построю вамъ изъ нея міръ!» Представленіе, которое развиваетъ Кантъ о распредѣленіи звѣздной системы въ пространствѣ, блестяще подтвердились изслѣдованіями Гершеля и новыми фотографическими изслѣдованіями неба. Въ млечномъ пути Кантъ видѣлъ скопленіе солнцъ, въ туманностяхъ—далекіе млечные пути. Такимъ образомъ, его духъ проникъ раньше въ міровое пространство, чтобы созерцать въ немъ безчисленныя и безграничныя системы, прежде чѣмъ онъ открылъ обусловленность чувственнаго міра закономъ нашего внѣшняго созерцанія. Его предположеніе, что по ту сторону Сатурна должны находиться еще новыя планеты, стало фактомъ еще при его жизни, благодаря открытію Гершелемъ Урана. Его гипотезы о происхожденіи солнечной системы, знаменитая «небулярная» гипотеза, была сорокъ лѣтъ спустя на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, хотя и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, возобновлена Лапласомъ. При этомъ трудъ Канта отличается популярностью въ лучшемъ смыслѣ слова. Съ могучей силой воображенія, которая всегда свойственна истинному изслѣдователю, показываетъ намъ Кантъ величественную картину горящаго солнца. Его фантазія превосходитъ фантазію Галлера.

Къ началу 60-хъ годовъ XVIII-го столѣтія появляются быстро одно

за другимъ главныя произведенія Ж.-Ж. Руссо—«Новая Элоиза», «Эмиль», «Соціальный договоръ». Ни одинъ писатель до Руссо не производилъ болѣе внезапнаго и глубокаго вліянія на свою эпоху. Онъ внесъ въ нее то, чего ей какъ разъ не доставало,—страсть. Всѣмъ казалось, что они слышатъ новый голосъ—голосъ природы въ разсудочномъ мірѣ. Правда, и Руссо вращается всецѣло въ кругѣ идей вѣка просвѣщенія: равенство людей, природная доброта человѣка, отрицательное отношеніе къ исторіи, сдѣлавшей изъ человѣка природы «человѣческаго человѣка». Но въ этихъ формахъ живетъ все-таки новый духъ, замѣтно новое движеніе—движеніе отъ разсудка къ сердцу, отъ понятія къ ощущенію, отъ цивилизаціи къ природѣ. И это новое влеченіе, этотъ новый духъ были такъ сильны, что въ своемъ страстномъ порывѣ они порвали оковы преданія.

Кантъ тоже увлекся Руссо. Онъ забылъ за чтеніемъ «Эмиля» свою обычную прогулку. А это значитъ гораздо больше того, что какая-то знатная дама въ Парижѣ за чтеніемъ «Элоизы» пропустила придворный балъ. Ньютонъ былъ его путеводителемъ въ физическомъ мірѣ; теперь Руссо сталъ его руководителемъ въ мірѣ нравственномъ. Кантъ сумѣлъ найти даже точку соприкосновенія этихъ обѣихъ, столь разнородныхъ, духовныхъ величинъ. Ньютонъ первый усмотрѣлъ порядокъ и правильность тамъ, гдѣ до него господствовали безпорядокъ и пестрое многообразіе. Подобно ему, Руссо, за всѣмъ многообразіемъ человѣческихъ образовъ первый открылъ глубоко таившуюся природу человѣка и скрытый законъ, слѣдуя которому мы оправдываемъ провидѣніе. Кантъ научился у Руссо новой оцѣнкѣ познанія. «Я самъ изслѣдователь по склонности,—говоритъ онъ,—и понимаю всю глубину стремленія къ познанію. Было время, когда я думалъ, что честь человѣчества состоитъ только въ этомъ, и я презиралъ чернь, не знающую ничего. Руссо поставилъ меня на вѣрный путь. Ослѣпляющее преимущество познанія пропадаетъ,—я научаюсь уважать людей». Онъ считалъ бы себя безполезнѣе простыхъ рабочихъ, если бы только не вѣрилъ, что его занятіе способно дать цѣнность всѣмъ остальнымъ, способно возстановить «права человѣства». Его послѣдующее, граничащее «чуть не съ энтузіазмомъ» увлеченіе великимъ событіемъ его вѣка—французской революціей—было вызвано политическими идеями того же Руссо. Портретъ Руссо былъ единственнымъ украшеніемъ его квартиры.

Очень своеобразно въ этотъ первый періодъ его отношеніе къ чистой философіи или метафизикѣ. Онъ колеблется между увѣренностью и недовѣріемъ. Его судьба—быть влюбленнымъ въ метафизику, хотя, прибавляетъ онъ шутя, она и рѣдко осчастливливаетъ его выраженіемъ своего благоволенія. Метафизическія познанія кажутся ему метеорами, блескъ которыхъ не можетъ быть порукой ихъ долговѣчности. «Они исчезаютъ, а математика остается». Поводомъ къ возник

новенію небольшихъ относящихся сюда работъ служили по большей части какія-нибудь внѣшнія событія; академическіе акты, работа на премію, данная берлинской академіей. Онъ не хочетъ останавливаться окончательно на какой-нибудь области философіи чистаго разума, не хочетъ писать по этому поводу большихъ книгъ, чтобы изъ тщеславія ученаго не быть вынужденнымъ защищать ихъ. Зато его духъ открытъ каждому новому ученію. Онъ включаетъ въ кругъ своихъ мыслей эмпирическую философію — философію Юма, ставшую составной частью и его позднѣйшаго ученія. Наконецъ, онъ пишетъ метафизикѣ прощальное письмо—прелестную сатиру: «Сновидѣнія духовидца, поясненныя метафизическими сновидѣніями». Духовидецъ Сведенборгъ, новый Аполлоній; а подъ метафизическими сновидѣніями мы находимъ и нѣкоторыя изъ его собственныхъ мечтаній, надъ которыми онъ смѣется съ сократовской ироніей. Къ чему эти тщетныя попытки изслѣдовать міръ духовъ? Любопытнымъ, желающимъ узнать при случаѣ о тайнахъ другого міра, всего естественнѣе принять такое рѣшеніе: самое разумное согласиться подождать, пока самъ не попадешь туда. «Развѣ непремѣнно нужно пустить въ ходъ машины съ того свѣта, чтобы здѣсь заставить дѣйствовать человѣка сообразно съ его назначеніемъ?» Разумъ, созрѣвшій съ опытомъ и ставшій мудростью, такъ говоритъ устами Сократа: какъ много есть еще вещей, въ которыхъ я совсѣмъ не нуждаюсь. Задача метафизики—не выясненіе скрытыхъ свойствъ вещей; она—«наука о границахъ человѣческаго разума».— Пока это еще не критика познанія, но мы уже стоимъ у ея порога.

Только открытіе, ходъ и время котораго мы можемъ точно указать, перевели его черезъ этотъ порогъ. Открытіе это состоитъ въ томъ, что пространство и время являются формами воспріятія или созерцанія (anschauen) и поэтому формами не самихъ вещей, а только ихъ явленій нашему чувственному сознанію. Пониманіе чувственнаго міра было благодаря этому совершенно измѣнено. Нужно было только установить отличіе явленій отъ опыта и открыть понятія, посредствомъ которыхъ мы мыслимъ объекты явленій — и основы новой философіи были даны. Кантъ назвалъ ее по ея отношенію къ метафизикѣ *критической* философіей.

Не за письменнымъ столомъ, а во время прогулокъ были набросаны эти первыя идеи. Мы обладаемъ этими первыми набросками. Часто они даже яснѣе, чѣмъ ихъ окончательная формулировка, и намѣренія мыслителя гораздо ярче выступаютъ въ нихъ. Въ процессѣ долголѣтней работы совершалось постепенное завершеніе этого произведенія, хотя окончательная редакція и была дана ему «какъ бы на лету». Лучше убить на работу цѣлые годы, думалъ Кантъ, чѣмъ пускаться во всякія измышленія, чтобы заштопать ими тамъ и сямъ свою систему. Кантъ хотѣлъ добиться полной ясности пониманія, которая совершенно могла бы удовлетворить его—и онъ добился этого.

Еще во время работы онъ получилъ приглашенiе въ Галле: это одно изъ немногихъ внѣшнихъ событiй въ его жизни. Два раза—въ февралѣ и мартѣ 1778 года—запрашивалъ его объ этомъ министръ Цедлицъ: во второй разъ въ довольно настойчивой формѣ. Министръ не хочетъ отказаться отъ желанiя перевести Канта въ Галле. Онъ предоставляетъ ему самыя благопрiятныя условiя. Онъ называетъ Галле центромъ ученой Германiи: теологическiй факультетъ тамъ лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ. Долгъ Канта принести возможно больше пользы, и 1.000 — 1.200 студентовъ въ правѣ требовать отъ него обученiя. Министръ указываетъ также и на лучшiй климатъ, чѣмъ тамъ около балтiйскаго моря.

Кантъ опять отклонилъ предложенiе. Выгода и то значенiе, которыя дастъ ему бо̀льшая арена дѣятельности, говоритъ онъ Герцу, одному изъ своихъ учениковъ, не имѣютъ для него никакой прелести. Мирная жизнь, посвященная попеременно работѣ, размышленiямъ и знакомствамъ, вотъ все, чего онъ хотѣлъ и что получилъ. Его страшило каждое измѣненiе, въ особенности когда онъ какъ разъ работалъ надъ своимъ капитальнымъ произведенiемъ.

Еще разъ, уже двадцать лѣтъ спустя, Кантъ снова вступилъ въ сношенiе съ нашимъ университетомъ. Онъ обратился къ университету за цензурнымъ разрѣшенiемъ для одной части сочиненiя—«Споръ факультетовъ», котораго онъ никакъ не могъ добиться въ Берлинѣ. Оно было, конечно, дано ему.

1781 годъ глубоко знаменателенъ въ исторiи германскаго духа. Въ январѣ шли въ первый разъ на сценѣ «Разбойники» Шиллера, въ февралѣ умеръ Лессингъ, въ мартѣ Кантъ подписалъ посвященiе *Критики чистаго разума* министру Цедлицу. Самъ же трудъ появился въ iюлѣ того же года.

Это одно изъ монументальныхъ творенiй науки и философiи, подобно логикѣ Аристотеля и принципамъ Ньютона. Форма книги кажется намъ устарѣвшей и нѣсколько схоластичной. Кантъ долженъ былъ самъ сознаться, что она написана сухо, темно и растянуто, что изложенiя ея совсѣмъ не походятъ на прiемы генiя. Если перелистывать ее то тамъ, то здѣсь, говоритъ онъ, то ничто не можетъ показаться болѣе педантичнымъ, хотя она и «направлена всецѣло» на уничтоженiе всякой педантичности въ вопросахъ, «касающихся природы души, будущности и происхожденiя всѣхъ вещей». Но въ метафизикѣ надо быть щепетильнымъ, по мнѣнiю Канта. Если бы даже онъ и обладалъ, подобно Юму, всѣми средствами сдѣлать свой слогъ красивымъ, онъ все-таки колебался бы воспользоваться ими: его цѣль уничтожить всякое подозрѣнiе въ томъ, что онъ хочетъ увлечь, уговорить читателя. Къ счастью, онъ самъ еще разъ изложилъ цѣль и результаты своего труда въ гораздо болѣе понятной формѣ. Правда,

и оно не способно увлечь читателя, но зато излагаетъ ученіе самымъ яснымъ образомъ. Я говорю о «Пролегоменахъ».

Содержаніе труда, его предметъ—совсѣмъ новая наука. Даже идея ея была неизвѣстна. Это наука о разумѣ, произносящемъ свое сужденіе о вещахъ независимо отъ опыта: таково значеніе *чистаго* разума. Насколько новъ въ такомъ ограниченіи и выдѣленіи предметъ труда, настолько же новъ и его методъ. Правда, и до Канта въ новой философіи не было недостатка въ попыткахъ объяснить происхожденіе нашихъ представленій и опредѣлить сообразно съ этимъ границы человѣческаго познанія. Начала критики познанія можно найти уже у Локка и Юма. Но всѣ эти попытки разбивались о несовершенство примѣнявшагося метода. Онѣ раздѣляли опытъ и разумъ, какъ двѣ лежащія рядомъ области: одной отводилась область познанія фактовъ, другую ограничивали простымъ разсмотрѣніемъ отношеній понятій. При такой точкѣ зрѣнія оставалось невыясненнымъ, что уже самый предметъ опыта можетъ быть воспринятъ только съ помощью понятій, что, такимъ образомъ, всякій опытъ необходимо предполагаетъ уже участіе разсудка или разума. Стремленіе же построить все познаніе вещей на чистой эмпиріи оканчивалось отрицаніемъ возможности объективнаго познанія. Съ этого пункта, до котораго довелъ философію Юмъ, и началъ ее Кантъ.

Содержаніе «Критики чистаго разума» почти неисчерпаемо. Слова Канта о правильномъ пониманіи его произведеній только черезъ сто лѣтъ относятся прежде всего къ этой книгѣ. Уже выясненіе внутренняго распорядка труда не легко. Съ внѣшней стороны онъ построенъ по образцу логики, со всѣми ея традиціонными отдѣлами и частями. Внутри этихъ рамокъ изслѣдуются отдѣльныя метафизическія дисциплины—раціональная психологія, космологія, теологія. Мѣсто же «онтологіи» заступаетъ теорія опыта. Собственно говоря, трудъ распадается только на два главныхъ отдѣла—на критику метафизики, отъ которой онъ получилъ и свое названіе, и на предпосланное ей обоснованіе опыта. Онъ обращается противъ двухъ противниковъ и борется на два фронта: одинъ направленъ противъ метафизики, другой—противъ чистой эмпиріи.

Уже постановка вопроса у Канта имѣетъ рѣшающее значеніе. Предметомъ его изслѣдованія является не то, какимъ образомъ приходитъ человѣкъ къ опытному познанію и наукѣ, благодаря какимъ процессамъ или свойствамъ своего духа. Онъ изслѣдуетъ, какъ возможна вообще наука и что содержитъ опытъ, какъ таковой. Его вопросъ касается понятія познанія и тѣхъ предположеній, при которыхъ только опытъ и является познаніемъ. Рѣчь идетъ у него не о возникновеніи опыта, а о его содержаніи. Кантъ не разсматриваетъ непосредственно познавательной способности, онъ анализируетъ и изслѣдуетъ родъ познанія. Его путь идетъ не чрезъ психологію и

физіологію сознанія; онъ исходитъ поэтому не изъ чувственныхъ впечатлѣній и воспріятій, которыми несомнѣнно начинается всякое познаніе. Онъ исходитъ изъ точныхъ или раціональныхъ наукъ—математики, общаго естествознанія и изъ понятія опыта. Въ томъ, какъ онъ связываетъ науку и опытъ, и сказывается вся глубина его духа.

Въ природѣ есть математика, сказалъ Кеплеръ. Почему она должна бымъ тамъ—объяснилъ намъ Кантъ. Онъ доказываетъ, что понятія, полагаемыя математикой въ основу ея познаній, т.-е. понятія пространства и времени, являются чистыми воззрѣніями (Anschauungen). Поэтому они выражаютъ общія формы или законы нашего созерцанія (anschauen). Пространство и время, со всѣмъ, чему учитъ насъ объ этихъ понятіяхъ математика, имѣютъ поэтому необходимое значеніе для воспріятія вещей или ихъ явленій нашимъ чувственнымъ сознаніемъ; природа должна самымъ точнымъ образомъ согласоваться съ законами математики,—они суть законы явленій природы.

Явленія мы относимъ въ опытѣ къ предметамъ. Послѣдніе сами уже не явленія, а мыслятся нами, «какъ опредѣляющія причины» явленій. Изъ условій возможности опыта Кантъ выводитъ общіе законы природы. Они являются законами природы, такъ какъ они — законы опыта природы. Открытіе Канта состоитъ въ утвержденіи, что опытъ нуждается въ такихъ принципахъ и основоположеніяхъ, которые лежатъ въ основаніи его возможности, и что эти принципы совпадаютъ съ постулатами естествознанія. Но Кантъ идетъ еще далѣе, еще глубже. Онъ сводитъ законы опыта, а вмѣстѣ съ этимъ и общіе законы природы къ ихъ послѣднему основанію, къ ихъ первому исходному пункту—къ единству мыслящаго сознанія вообще. Нельзя представить себѣ никакого единства объекта безъ абсолютнаго единства мыслящаго субъекта. Только для единаго сознанія, представленія котораго можетъ сопровождать всегда: «я мыслю», и возможно вообще познаніе, а стало быть опытъ. Только для него возможно познаніе предметовъ явленій.

Первое позитивное положеніе «Критики чистаго разума» гласитъ поэтому такъ: опытъ есть познаніе, такъ какъ онъ только и возможенъ по принципамъ мышленія въ соединеніи съ законами созерцанія (anschauen). Что обратное положеніе тоже правильно, т.-е., что познаніе заключается только въ опытѣ, доказываетъ Кантъ во второй части своего труда. Въ этой части онъ ведетъ процессъ противъ метафизики, какъ теоретическаго познанія сверхчувственныхъ вещей и акты этого процесса складываетъ въ архивѣ человѣческаго разума во избѣжаніе будущихъ ошибокъ подобнаго же рода. Если понятія чистаго разсудка или разума наводить на вещи вообще, а не только на вещи, данныя намъ въ эмпирическомъ воззрѣніи, то они будутъ блуждать въ пустомъ пространствѣ и заниматься сами съ собою діалектической игрой. Но

все-таки и «идеи» теоретическаго разума не безцѣльны въ экономіи нашего мышленія. Только онѣ представляютъ не вещи, а задачи или цѣли познанія, поскольку оно стремится къ завершенію, къ систематической законности. Онѣ являются поэтому методологическими понятіями и имѣютъ значеніе только, какъ высшіе руководящіе пункты изслѣдованія.

Такъ ограничиваетъ Кантъ теоретическое познаніе вещей областью опыта. Послѣ тѣхъ ясныхъ доказательствъ, которыя онъ далъ, онъ находитъ безсмысленной надежду узнать о какомъ-нибудь предметѣ больше того, что относится къ возможному опыту о немъ. Но и опытъ пріобрѣтаетъ въ его философіи совершенно другое значеніе, гораздо болѣе глубокое, чѣмъ въ философіи эмпиризма. Онъ является продуктомъ мышленія въ созерцаніи (Anschauung). Поэтому онъ возможенъ только для мыслящаго, обладающаго самосознаніемъ существа. Но для такого существа онъ также и необходимъ. Такимъ образомъ, съ принципомъ позитивизма—не выводить приложенія разума за предѣлы возможнаго опыта—Кантъ соединяетъ другое: «не разсматривать поле возможнаго опыта, какъ таковое, которое ограниливало бы само себя въ воззрѣніи разума».

Критическая философія Канта является въ одно и то же время побѣдой какъ надъ эмпиризмомъ, такъ и надъ догматизмомъ чистаго разума.

«Критически изслѣдованная и методически построенная наука—единственный путь къ ученію о мудрости, хранительницей котораго должна навсегда остаться философія».

Но философію никогда не удовлетворяло быть только ученіемъ о наукѣ или системой познаній разума. Философъ является въ то же время и «учителемъ въ идеалѣ». Правда, такое изображеніе философа само только идеалъ, только образецъ. Но не многимъ удалось въ своей жизни и ученіи подойти къ осуществленію его ближе, чѣмъ это сдѣлалъ Кантъ. Мы причисляемъ и его къ философамъ,—вождямъ жизни. Его моральная философія является въ нашихъ глазахъ сводомъ законовъ нравственной дѣятельности.

Когда слышатъ о моральной философіи Канта, то тотчасъ же начинаютъ думать, конечно, о «категорическомъ императивѣ». Слово это въ популярномъ употребленіи обозначаетъ собою нѣчто повелительное, подобное командѣ. Поэтому обыкновенно говорятъ о ригоризмѣ кантовской этики, противномъ всѣмъ психологическимъ условіямъ человѣческой природы. На самомъ же дѣлѣ категорическій обозначаетъ—только не гипотетическій. Категорическій значитъ не обусловленный, а безусловный. Къ тому же категорическій императивъ является только формулой, которая должна служить распознанію нами въ опредѣленныхъ случаяхъ нашего долга. Онъ не является въ то же время принципомъ моральной дѣятельности. Всѣ возраженія, направ-

ленныя противъ этой формулы (я склоненъ самъ соглашаться съ нѣкоторыми изъ нихъ) не касаются собственно принципа кантовской этики. Этимъ «единымъ принципомъ всѣхъ моральныхъ законовъ» является автономія воли—единство воли и разума. Отрицательное значеніе автономіи—независимость отъ всякой матеріи желанія, независимость отъ желаемаго предмета, независимость воли отъ всѣхъ только чувственныхъ побужденій. Автономія въ положительномъ смыслѣ—собственное законодательство, самозаконность, т.-е. свобода Свобода—принципъ нравственнаго закона. Идея свободы—нравственная идея, какъ таковая. Только нравственный законъ открываетъ свободу. Свобода возможна только, какъ нравственный законъ. Съ точки зрѣнія теоретическаго разума она мыслима: благодаря практическому разуму она становится дѣйствительной. Свобода не является индетерминизмомъ. Она заключается не въ случайности поступковъ, не опредѣляемыхъ въ этомъ случаѣ никакими основаніями. Поступокъ—свободенъ, поскольку онъ опредѣленъ разумомъ. Свободно каждое истинное дѣяніе воли. Достоинство каждаго разумнаго существа, какъ таковового, и состоитъ въ томъ, что оно подчиняется только тому закону, который оно само даетъ себѣ. Въ царствѣ нравственнаго человѣкъ дѣйствительно является тѣмъ, чѣмъ онъ только казался въ государствѣ Руссо—подданнымъ и главою въ одномъ лицѣ.

Склонности мѣняются, оставляя послѣ себя всегда пустоту. Чувства должны производить свое дѣйствіе, пока еще не остыли. Къ тому же они способны вызывать только отдѣльныя вспышки. Одни только принципы неизмѣнно остаются. Нравственный законъ, изъ котораго они исходятъ, законъ свободы,—универсальный законъ для всѣхъ разумныхъ существъ: онъ, подобно самому разуму, вездѣ и всегда одинъ и тотъ же. Мы воспринимаемъ его, мы переживаемъ его внутренне, какъ долгъ. Но это моральное долженствованіе есть наше истинное, наше глубочайшее и сокровеннѣйшее стремленіе. Оно, какъ солнце, проглянуло бы сквозь облака, если бы мы могли только уничтожить противодѣйствующіе ему чувственные порывы. «Долгъ!—восклицаетъ Кантъ.—Долгъ! Ты возвышенное, великое слово, ты не заключаешь въ себѣ ничего пріятнаго, чтобы льстило чувствамъ. Наоборотъ, ты требуешь подчиненія. Но ты не угрожаешь, чтобы побудить волю къ дѣйствію: ты только выставляешь законъ, который уже самъ находитъ доступъ къ чувству и предъ которымъ нѣмѣютъ всѣ влеченія. Какое возникновеніе достойно тебя и гдѣ искать корней твоего благороднаго происхожденія? Его можно искать только въ томъ, что поднимаетъ человѣка надъ самимъ собой, что включаетъ его въ порядокъ вещей, имѣющій весь чувственный міръ надъ собою—его можно искать только *въ личности*».

Поистинѣ, Кантъ является «учителемъ въ идеалѣ». Не формалистична и не абстракта его этика, такъ какъ вся она выливается въ

концѣ концовъ въ полную жизненности, въ возвышенную идею личности. «Возвышенно то, о чемъ одна возможность мысли указываетъ на такую способность духа, которая превосходитъ всякій масштабъ чувствъ». Какъ чувственное существо, человѣкъ подчиненъ природѣ; какъ личность, онъ самъ подчиняетъ себѣ природу. Непоколебимо стоитъ онъ въ ней и имѣетъ ее подъ ногами. Самое внутреннее, самое глубокое и высшее въ человѣкѣ—его личность, человѣческое начало въ человѣкѣ. Отъ нея отказаться онъ не можетъ, не переставъ быть человѣкомъ. Она—единственно сверхчувственное, которое мы знаемъ и которое въ то же время мы можемъ, мы должны осуществлять. Она—тотъ жизненный пунктъ, изъ котораго исходитъ представленіе о чувственномъ мірѣ и который управляетъ міромъ нравственнымъ. Воля къ личности есть истинная воля къ мощи.

Установить связь между природой и необходимостью — задача третьяго критическаго труда Канта—критики силы сужденія.

Гёте видѣлъ въ этомъ произведеніи «сопоставленіе его самыхъ различныхъ занятій—искусства и произведеній природы. И о томъ и о другомъ говорилось въ этомъ произведеніи. Эстетическая и телеологическая сила сужденія взаимно освѣщали другъ друга». Онъ чувствовалъ себя страстно возбужденнымъ этимъ произведеніемъ и тѣмъ быстрѣе пошелъ впередъ по своему пути.

Красота есть цѣлесообразность безъ понятія, свобода въ явленіи. Изящное искусство—это искусство, поскольку оно въ то же время кажется природой. Этимъ указанъ тотъ пунктъ, въ которомъ соприкасаются двѣ такихъ, повидимому, разнородныхъ вещи, какъ эстетика и телеологія. Такъ же понималъ искусство и Гёте, когда требовалъ, чтобы произведенія искусства разсматривались и изображались, какъ произведенія природы. Но самый смыслъ всякаго художественнаго творчества выражаютъ слова Канта о геніи, какъ «о врожденномъ душевномъ дарованіи, посредствомъ котораго природа даетъ искусству правила». И эстетикѣ Кантъ указалъ ея путь. Ея цѣль не регламентація искусства: прекрасному нельзя научить. Ея цѣль—одновременно и субъективное и объективное изслѣдованіе произведенія искусства подобно произведенію природы. Въ эпоху, когда исторія искусства все болѣе и болѣе развивается въ науку объ искусствѣ, руководящія мысли Канта должны пріобрѣсти новое значеніе. Въ особенности это относится къ ученію о свободной красотѣ.

Цѣль, гласитъ главное положеніе телеологической силы сужденія, совсѣмъ не является принципомъ объясненія природы. Она—принципъ разсмотрѣнія извѣстныхъ формъ природы—именно, органическихъ. Она не объясняетъ намъ возникновенія или возможности этихъ формъ: она служитъ только для ихъ описанія. Мы не можемъ объяснить цѣли природы, мы никогда не можетъ наблюдать ея дѣйствій, которыя совершались бы по сознательному плану. Право на механическій только

способъ объясненія всѣхъ произведеній природы—безгранично, но способность обойтись только этимъ ограничена характеромъ нашего разсудка. Строго говоря, организація не имѣетъ ничего аналогичнаго съ какой бы то ни было извѣстной намъ формой причинности. Организмы представляются намъ причинами и слѣдствіями себя самихъ. Они не только организованныя существа; они—существа, организующія самихъ себя. Наша біологія тоже борется съ проблемой формы и Ньютонъ органической природы еще не появился. Предположеніе Канта о томъ, что въ неизвѣстномъ намъ, внутреннемъ основаніи природы физико-механическія соединенія и телеологическая связь могутъ совпадать, возбудило удивленіе Гёте. По мнѣнію Гёте, никакой человѣческій разсудокъ не могъ бы проникнуть дальше той границы, до которой достигъ Кантъ въ своей критикѣ силы сужденія.

Всего болѣе въ духѣ эпохи просвѣщенія, т.-е. въ духѣ чего-то уже прошедшаго, написаны религіозно-философскія сочиненія Канта. Историческую жизнь религіи Кантъ такъ же мало понималъ, какъ и Лессингъ, съ которымъ онъ имѣетъ очень много общаго и въ основныхъ своихъ воззрѣніяхъ на этотъ предметъ. Несомнѣнно, его чистая моральная вѣра не исчерпываетъ сущности религіозныхъ переживаній, такъ какъ при этомъ совсѣмъ не принята во вниманіе ихъ эмоціональная сторона. Но если принципы вѣры и нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ облеченныя въ символы моральныя положенія, то слова Канта остаются все-таки справедливыми: «все, что, кромѣ доброй жизни, человѣкъ надѣется еще совершить, чтобы быть угоднымъ Богу, все это религіозное безуміе. Въ религіи все покоится на дѣятельности». Тотъ, кто создаетъ изъ себя нравственную, автономную личность, тотъ имѣетъ религію.

Кантъ произвелъ въ философіи революцію, подобную той, какую произвели въ астрономіи Коперникъ и въ физикѣ Галилей. Примѣръ этихъ изслѣдователей вставалъ дѣйствительно предъ его глазами во время его труда. Онъ далъ философіи задачу и въ то же время методъ для разрѣшенія этой задачи. Чѣмъ собственно является философія, каково ея значеніе и призваніе въ вѣкъ положительныхъ наукъ все это, можно сказать, первый показалъ онъ. Не замѣнить должна она науку, а дополнить ее, изслѣдуя основанія нашего знанія и выясняя значеніе ея объектовъ.

Но чистая наука, если она даже философски понята и углублена, не можетъ все-таки заполнить нашего духовнаго бытія, нашей жизни. Поэтому-то Кантъ, уничтоживъ теоретическое познаніе метафизическаго, далъ метафизикѣ, какъ природному влеченію нашего духа, практическое значеніе.

Чувственный и нравственный міръ выступаютъ въ его философіи въ такой тѣсной связи, какъ никогда раньше. Одна и та же форма дѣятельности нашего самосознанія, дѣлающая возможнымъ познаніе

внѣшняго міра и соединяющая отдѣльные опыты въ единство опыта или природы вообще, является также и источникомъ нравственнаго закона. Эта форма—единый, одинъ и тотъ же, разумъ. Посредствомъ него мы можемъ, мы должны подняться надъ чувственнымъ міромъ. Форма кантовской системы можетъ разрушиться,—что въ формѣ!—основаніе этой системы, скажемъ мы съ Шиллеромъ, не можетъ быть разрушено никакимъ закономъ измѣненій. Все время, пока существовалъ человѣческій родъ и пока существуетъ разумъ, оно молча признавалось всѣми.

Мы можемъ гордиться, зная, что сегодняшній день празднуется вмѣстѣ съ нами въ широкихъ философскихъ научныхъ кругахъ и за границей. Мы можемъ гордиться тѣмъ, что наша родина дала міру величайшаго философа новаго времени. Но въ то же время это налагаетъ на насъ долгъ и отвѣтственность. Мы должны быть наслѣдниками его духа, должны принять на себя пополненіе его завѣщанія, мы должны продолжать его трудъ и заслужить то, чѣмъ мы въ немъ владѣемъ. Мы можемъ сдѣлать это только въ томъ случаѣ, если мы вмѣсто того, чтобы держаться за его слова, послѣдуемъ неустанно проповѣдуемому имъ принципу самостоятельности мышленія. Мы должны, наконецъ, стремиться подняться на высоту того міросозерцанія, которую Кантъ выражаетъ часто цитируемыми теперь словами:

«Двѣ вещи наполняютъ мою душу все новымъ, все растущимъ удивленіемъ и преклоненіемъ, чѣмъ чаще и настойчивѣе работаетъ надъ ними моя мысль: *звѣздное небо надо мной и нравственный законъ во мнѣ*. Первый взглядъ, брошенный на безчисленное количество міровъ, уничтожаетъ все мое значеніе, какъ творенія, которое должно опять возвратить матерію, изъ которой оно состоитъ, планетѣ—простой точкѣ во вселенной. Второй, наоборотъ, безконечно возвышаетъ мою цѣнность, какъ разумнаго существа, чрезъ мою личность, въ которой нравственный законъ открываетъ мнѣ собственную жизнь, независимую отъ всего чувственнаго міра». Двѣ вещи: безграничность чувственнаго міра внѣ насъ и безконечность духовнаго существа въ насъ.

Перев. съ нѣмец. **Н. Авкс.**

НА КРАЙНІЙ СѢВЕРЪ.

(Въ Русской полярной экспедиціи барона Э. В. Толля).

ЧАСТЬ 2-я.

*(Окончаніе *).*

V.

„Поздняя осень". — Снѣгъ.—Поѣздка къ Розовому мысу. — Ледъ въ лагунѣ.— Работы на суднѣ.—Новые пассажиры.—Перевозка собакъ. — Начало полярной іереміады, или плаванія „Зари" на сѣверъ. — Пакъ.—Еще розовая чайка.—Настроеніе четвероногихъ пассажировъ.—На ледяномъ якорѣ. — Phoca barbata.— Ледяная ванна. — Медвѣдь на льдинѣ.—Тралъ и драга. — Мимо Нерпалаха.— Въ проливѣ.—Малыя глубины.—Драгировка.—Пелагическая сѣть. — Апоѳеозъ науки.—Благовѣщенскій проливъ.—Научныя станціи.—Опять назадъ!—Благосклонность солнца.—Въ „бочкѣ".—Вдоль береговъ Новой Сибири.—Кулинарныя событія. — Высокій торосъ. — Морская фауна. — Стайки розовыхъ чаекъ. — Островъ.—Увѣсистая добыча. — Отлетъ птицъ.—Перемѣна картины.—Неудача послѣдней попытки.—На югъ!

По словамъ Семена и Гаврилы, лагуна очистилась отъ льда 27-го іюля, но въ губѣ ледъ оставался.

Послѣ обѣда я поѣхалъ съ Ф. А. Матисеномъ на косу. Мы прогуляли недолго. Пейзажъ былъ почти зимній или, по крайней мѣрѣ, соотвѣтствовалъ поздней осени, когда «ледъ, не окрѣпшій на рѣчкѣ студеной, словно какъ тающій сахаръ лежитъ». Часть озеръ покрылась льдомъ отъ одного до двухъ сантиметровъ толщиной. Только на сравнительно большихъ озерахъ вѣтеръ мѣшалъ образоваться льду. Тундра изъ-сѣра бѣловатаго цвѣта отъ недавно выпавшаго снѣга. Сиротливо покачивался на тощихъ стебелькахъ полярный макъ, маленькими зелеными оазисами выглядывала еще не покрытая снѣгомъ трава. Птицы, повидимому, начали покидать свои «дачныя» мѣста. Мы встрѣтили лишь пару гагаръ, да какой-то отбившійся отъ стаи куличокъ съ растеряннымъ видомъ торопливо пересѣкъ намъ дорогу... Чайки продолжали летать надъ открытымъ моремъ. Воздухъ такой крѣпкій, живительный. Вотъ ужъ именно «здоровый, ядреный воздухъ усталыя силы бодритъ».

---

*) См. „Міръ Божій", № 3, мартъ 1904 г.

Выпавшій на другой день обильный снѣгъ покрылъ палубу. Тундра совсѣмъ побѣлѣла. Дулъ NW и NNW средней скорости. Потеплѣло.

Наши промышленнини порадовали насъ олениной, которую мы вкушали съ особеннымъ удовольствіемъ послѣ полярнаго режима.

Наши приготовленія къ плаванію начались съ омовенія въ банѣ. Мы поѣхали туда съ Ф. А. Матисеномъ на двойкѣ. Дулъ противный вѣтеръ и мы должны были оба сѣсть въ весла, чтобы выгрести противъ него. А на обратномъ пути насъ до того сильно воротило теченіемъ, что мы долго гребли только правыми веслами.

6-го августа, въ день Преображенія Господня, у насъ была на нижней палубѣ молитва, а въ 3-мъ часу дня я отправился съ А. В. Колчакомъ къ Розовому мысу. Ему надо было поправить знакъ, а я намѣревался пособирать мамонтовы кости вблизи разрушенной поварни Воллосовича, покопаться въ третичныхъ глинахъ и поискать каменный уголь. Выѣхали мы на вельботѣ. Дулъ здоровый нордъ-вестъ, и тяжелый вельботъ, съ двумя гребцами вмѣсто шести, едва двигался съ мѣста, почти не слушаясь руля. Я сѣлъ третьимъ, и мы, наконецъ, достигли берега. На 14-ти собакахъ, запряженныхъ въ нансенскую нарту, съ Алексѣемъ въ качествѣ каюра, отправились мы дальше, напившись предварительно чаю въ урасѣ у промышленниковъ. Съ визгомъ и лаемъ пустились собаки «по первопутку». Сытые, облинявшіе псы стали гладки и красивы, но не обнаруживали большой прыти: на каждомъ бугрѣ, а ихъ встрѣчалось не мало, приходилось вставать. Свѣжаго снѣга на тундрѣ довольно много, въ нѣкоторыхъ ложбинахъ нога по колѣно уходила въ мягкій пушистый снѣжокъ и только кочки тундры оставались голыми: снѣгъ смело.

Когда я подстрѣлилъ пролетавшую вблизи чайку-разбойника, собаки, какъ оглашенныя, набросились на раненую птицу. Пока отбили ее отъ псовъ, одного крыла какъ не бывало.

Становилось холодно. Мела форменная пурга. Солнце только изрѣдка, грустно улыбаясь, выглядывало изъ-за тучъ, словно говоря: «ужъ вы меня, господа, извините, я на минутку».

Поправили знакъ. Наблюденій изъ-за пасмурной погоды сдѣлать не удалось: пока мы доѣхали, небо совершенно заволокло. Спускался туманъ. Нашли позвонокъ и ребро мамонта, черепъ, повидимому, третичнаго оленя. Угля я не нашелъ.

У береговъ мыса было очень много льду въ видѣ самыхъ разнообразныхъ формъ торосовъ, а далѣе вездѣ море казалось свободнымъ ото льда. Мелкія озерца на тундрѣ замерзли, на нѣкоторыхъ даже образовалось два слоя льда. Тундряныя кочки начали промерзать.

Обратно собаки бѣжали проворнѣе. Шелъ снѣгъ. Мело. Рѣзко, какъ въ зимнюю вьюгу, билъ въ лицо снѣгъ. Надъ тундрой съ лающими криками летали чайки-разбойники. Вотъ и коса, а вотъ и двойка съ судна выѣхала за нами.

Во время прилива, въ наше отсутствіе, въ лагуну нанесло много льда; много льдинъ садилось на якорную цѣпь, благополучно развертываясь. Одинъ конусообразный торосъ въ 3½ саж. вышиной сѣлъ на мель недалеко отъ судна; размѣры его подали поводъ къ пари, которое разрѣшилось измѣреніемъ тороса.

Въ 12 часовъ ночи на небѣ всплыла полная луна, которой мы не видѣли нѣсколько мѣсяцевъ. Близились полярныя сумерки.

На суднѣ оживленно шли работы: чинился котелъ, перегружался уголь. Посреди угля въ нижнемъ трюмѣ нашли трупъ пѣтуха. Онъ залетѣлъ туда еще въ Норвегіи. Тогда его не могли найти и онъ, очевидно, погибъ голодною смертью два года назадъ.

NW перешелъ въ N.

Закончивъ работы, команда вымылась въ банѣ. Поварня, складъ провіанта, баня были заколочены. Инородцы изъ вольныхъ промышленниковъ стали пассажирами «Зари». Собаки приняты на бортъ судна Большая канитель была съ перевозкой собакъ, которыя съ самаго начала протестовали противъ морского путешествія. Когда вельботъ съ собаками причаливалъ къ судну, щенки, какъ природные моряки, отважно поднимались по трапу, а старыхъ псовъ—недовольныхъ и грустныхъ приходилось втаскивать на рукахъ.

Наконецъ, счеты съ косой покончены, и утромъ 8-го августа «Заря» снялась съ якоря. Припертая вѣтромъ къ сѣверной косѣ, льдина суживала и безъ того узкій проходъ. Глубина спускалась до 17 ф. при посадкѣ судна въ 16. Однако, выбрались безъ приключеній.

До 5 ч. веч. все шло хорошо. Открытое море, хотя и при противномъ сѣверномъ или сѣверозападномъ вѣтрѣ и небольшомъ туманѣ, окрыляло насъ надеждой дня черезъ два достигнуть Новой Сибири, ближайшей цѣли нашего плаванія, гдѣ дожидался «Зари» А. А. Бялыницкій-Бируля. Достигнуть Беннетта мало было надежды. Курсъ держали на NW, затѣмъ на NO, мимо береговъ Котельнаго, которые скрывались въ туманѣ. Выглянувшее ненадолго изъ тумана солнце освѣтило полуостровъ Огрина, который скоро снова исчезъ въ туманѣ. Миновали станъ Дурново... Стали попадаться отдѣльныя, довольно солидныя, многолѣтнія льдины. Волненія не было, только небольшая рябь, не смотря на порядочный вѣтеръ. Это становилось подозрительнымъ: можно было по близости предполагать ледъ. И, дѣйствительно, скоро началась обычная полярная іеремiада на мотивъ «человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ».

Больше и больше многолѣтнихъ полей, грядами пошли торосы, пришлось оставить курсъ и идти изъ полыньи въ полынью на разные румбы. Покрытыя свѣжимъ снѣгомъ многолѣтнія льдины обыкновенно изрытыя, желтовато-грязноватыя производили обманчивое впечатлѣніе, особенно если онѣ имѣли относительно ровную поверхность и мало возвышались надъ водой. Только натыкаясь на нихъ форштевнемъ.

проникаешься почтеніемъ къ ихъ возрасту. Одинъ толчокъ былъ особенно силенъ. Посуда на столѣ въ каютъ-компаніи задребезжала. Очертанія пака (многолѣтняго льда) чрезвычайно разнообразны. Рядомъ съ довольно ровными, не очень возвышенными полями встрѣчаются тороса самой затѣйливой архитектуры, на 20 и болѣе футъ возвышающіеся надъ поверхностью моря, съ цѣлыми башнями и бастіонами. Иныя поля поднимались отвѣсной стѣной, имѣя подводную часть въ нѣсколько разъ больше надводной: послѣдняя приблизительно въ 6 разъ меньше первой. Когда погода прояснилась, а туманъ остался только на горизонтѣ, освѣщенные солнцемъ ослѣпительной бѣлизны поля и тороса удивительно красиво выдѣлялись на темновато-зеленомъ фонѣ моря. По небу гигантской дугой поднималась туманная радуга.

Пакъ становился все гуще. Положеніе грозило стать серьезнымъ и командиру приходилось заботиться не столько о курсѣ на Новую Сибирь. сколько о томъ, чтобы выбраться изъ пака. Вѣтеръ то заходилъ къ сѣверу, то поворачивалъ къ сѣверо-западу. Снасти обледенѣли...

На огромную льдину сѣла розовая чайка. Чайка-разбойникъ гонялась за какой-то другой, болѣе крупной и обѣ пронзительно кричали.

Собаки вели себя сносно. Было, конечно, между ними нѣсколько потасовокъ, сопровождавшихся гвалтомъ, но въ небольшомъ масштабѣ. Настроеніе ихъ было кислое. Не сладко казалось имъ, послѣ вольной охоты на косѣ за мышами и птицами, быть привязанными къ борту судна и не имѣть возможности бѣгать хотя бы по палубѣ. Нервный Бобка взвизгивалъ, Кочегаръ смотрѣлъ тупо и уныло, Таймыръ сантиментально-задумчиво помахивалъ хвостомъ. Одинъ изъ старыхъ и солидныхъ псовъ обнаружилъ не приличествовавшее его возрасту легкомысліе: захотѣлъ полюбоваться полярнымъ пейзажемъ, съ каковою цѣлью попробовалъ влѣзть на бортъ; но цѣпь оказалась коротковатой, и любитель природы могъ только положить на бортъ переднія лапы. Осталось неизвѣстнымъ, что онъ подумалъ, но на выразительной физіономіи стараго пса можно было прочитать уныніе. Съ разочарованіемъ и отвращеніемъ наблюдатель опустился на всѣ четыре лапы.

Солнце садилось въ туманѣ. До сихъ поръ мы такъ и не имѣли случая видѣть солнечный закатъ во всемъ его великолѣпіи. Взошла луна.

9-го августа, попутавшись среди льда, мы стали на ледяной якорь у огромнаго сильно торосистаго поля.

Большой черный тюлень вылѣзъ черезъ проталину и нѣжился возлѣ нея на льду, не обращая вниманіе на выстрѣлы разгорячившагося охотника. Это былъ phoca barbata—морской заяцъ, какъ его называютъ архангельскіе поморы. Животное чувствовало себя превосходно, что и обнаруживало своей тяжеловѣсно-выразительной мимикой: то голову подниметъ, то ластомъ дрыгнетъ, то на бокъ перевернется. Долго мы наблюдали въ трубу за тюленьими кунстштюками. Наконецъ,

продѣлавъ свои экзерциціи, тюлень нырнулъ въ море. И во время, ибо уже смертоносный маузеръ былъ принесенъ на мостикъ.

Оружіе было обращено противъ кайры, которая плавала слишкомъ далеко для дробовика. Выстрѣлъ былъ удаченъ. Но далѣе вышелъ трагикомическій инцидентъ. Безбородовъ спустилъ байдарку, чтобы достать кайру, заторопился, поскользнулся на трапѣ, опрокинулъ байдарку и самъ упалъ въ воду. Конечно, его сейчасъ же вытащили. Это уже второй случай ледяной ванны, и все съ тѣмъ же Безбородовымъ. Весной, во время охоты, онъ, переправляясь черезъ рѣчку, упалъ, его подхватило быстрымъ теченіемъ и безъ чувствъ выбросило на берегъ. Онъ былъ на охотѣ одинъ, такъ что мокрый долженъ былъ идти, пока не возвратился съ однимъ изъ товарищей, который подѣлился съ нимъ своимъ туалетомъ. Оба раза — ни малѣйшей простуды.

Спустя часъ или полтора послѣ невольнаго купанья, Безбородовъ, уже стоявшій на вахтѣ, докладывалъ: «ваше б — діе, медвѣдь!» На большой торосистой льдинѣ не очень далеко отъ судна плылъ матерый бѣлый медвѣдь. Спустили двойку. Я поплылъ съ Евстихѣевымъ и Безбородовымъ за звѣремъ. Но, увы! только свѣжіе слѣды медвѣжьихъ лапъ, отпечатлѣвшіеся на недавно выпавшемъ снѣгу, свидѣтельствовали о пребываніи медвѣдя; подъ прикрытіемъ торосовъ звѣрь скрылся изъ виду. Тщетно проискавъ его на другихъ льдинахъ, мы возвратились на судно.

Имѣя дѣло съ пакомъ, приходится быть осторожнымъ, а потому не лишнее имѣть хотя небольшой запасъ провіанта подъ рукой. По распоряженію командира, у насъ былъ устроенъ маленькій складъ въ комнаткѣ, прилегающей къ лабораторіи.

Съ начала плаванія я принялъ на себя коллектированіе морской фауны. Для уловленія гадовъ морскихъ употребляются: драга, тралъ и пелагическая сѣть. Драга состоитъ изъ желѣзной рамы, съ острыми краями, и прикрѣпленнаго къ ней мѣшка изъ грубой, довольно плотной матеріи. Волочась по дну, драга загребаетъ своимъ острымъ краемъ грунтъ, который остается въ мѣшкѣ. Тралъ состоитъ изъ болѣе узкой и легкой желѣзной рамы, безъ остраго края; вмѣсто мѣшка, къ этой рамѣ прикрѣплена сѣть. Волочась по дну, какъ и драга, тралъ не собираетъ животныхъ, углубляющихся въ грунтѣ. При вытаскиваніи трала отчасти захваченный имъ грунтъ, если онъ не состоитъ изъ вязкаго ила, промывается сквозь ячейки сѣти. Тралы и драги у насъ были различной величины. Меньшихъ размѣровъ — нуждались не болѣе, какъ въ силѣ двухъ человѣкъ; большіе—вытаскивались при помощи паровой лебедки, а особый индикаторъ показывалъ вѣсъ улова.

Во время стоянки на ледяномъ якорѣ я забрасывалъ съ Желѣзниковымъ ручной тралъ. Вытащили огромное количество изобилующихъ

здѣсь морскихъ таракановъ, актиній съ улитками, съ которыми онѣ находятся въ симбіозѣ, червей, нѣсколько крошечныхъ рыбокъ, красиваго розоваго рачка—бокоплава и т. д.

Барометръ довольно быстро поднимался, но погода стояла скверная. Туманъ, туманъ и туманъ. Добравшись до 75°,58' с. ш., мы снова стали дрейфовать на югъ. Снова знакомыя мѣста мелькали въ туманѣ... Попытка проникнуть къ Новой Сибири съ сѣвера не удалась. Утромъ 10-го августа мы снялись съ ледяного якоря.

Командиръ рѣшилъ попытаться подойти къ мысу Высокому, гдѣ «Заря» должна была снять зоолога экспедиціи, черезъ проливъ Благовѣщенія.

Барометръ сталъ медленно опускаться. Съ обледенѣвшихъ снастей, иногда, какъ градъ, сыпались на палубу ледяные осколки. Противъ Нерпалаха мы встрѣтили значительное количество болѣе или менѣе разбитаго льда. Курсъ былъ взятъ на юго-западъ, и судно прошло въ 8-ми морскихъ миляхъ отъ острова Бѣльковскаго. Въ это время прояснило, и островъ былъ хорошо видѣнъ съ его высокими берегами; неподалеку отъ него возвышается маленькій скалистый островокъ столообразной формы; это островъ Стрыжова.

Въ 8 час. утра 11-го августа мы обогнули мысъ Медвѣжій и вошли въ проливъ между Котельнымъ и М. Ляховскимъ островами, который Ф. А. Матисенъ назвалъ моимъ именемъ. Льду почти не было видно. Судно слегка покачивалось на волнахъ. Глубины малыя, въ 20-ти миляхъ отъ берега 6—7 саж.

Была первая ходовая гидролого-зоологическая станція. Застопорена машина. Команда вызвана наверхъ. А. В. Колчакъ беретъ пробу грунта, воды съ различныхъ глубинъ для количественнаго анализа ингредіентовъ ея, опредѣляетъ температуру глубинъ и поверхности воды. Завели «стрѣлу», при помощи которой поднимаютъ тяжести. Тихій ходъ назадъ, и опущенная въ воду драга нѣкоторое время волочится по дну моря. Стопъ машина! Заработала паровая лебедка, и драга извлечена. Жидкая грязь потекла по палубѣ...

Кромѣ описанныхъ выше трала и драги, я ежедневно пользовался для коллектированія пелагическою сѣтью. Пелагическая сѣть представляетъ изъ себя коническій мѣшокъ со срѣзанной макушкой, въ которую вшитъ небольшой мѣдный обручъ. Мѣшокъ дѣлается изъ матеріи, легко пропускающей воду. Широкій конецъ мѣшка прикрѣпленъ къ большому обручу. Передъ спускомъ сѣти въ воду къ маленькому обручу прикрѣпляется мѣдный цилиндръ, на который надѣвается—вмѣсто дна—плотная матерія, фиксируемая завинчивающимся поверхъ нея кольцомъ.

Теперь ежедневно, часа въ 2 дня или около того, на палубѣ «Зари» можно было наблюдать живую картину—*апоѳеозъ науки*. Сцена — море, слегка волнующееся. Туманъ. Кое-гдѣ бѣлѣютъ и синѣютъ

льдины. На палубѣ суматоха. Машинистъ, очень серьезный, священнодѣйствуетъ у паровой лебедки. У борта, около драги или трала хлопочутъ нѣсколько человѣкъ. Обладающій пытливымъ умомъ, песъ Кёрёмёсь поднимается за заднія лапы и, опираясь передними о бортъ судна, съ видомъ знатока заглядываетъ въ загадочное море.

Всѣ на суднѣ обнаруживали большой интересъ къ количеству и разнообразію улова. Морскія звѣзды, актиніи, гидромедузы внимательно разсматривались. Инородцы, менѣе всѣхъ занятые, подолгу съ любопытствомъ смотрѣли, какъ я промывалъ принесенный драгой или траломъ грунтъ.

— Бу кусаганъ балыкъ! (вотъ плохая рыба) — глубокомысленно замѣчалъ Алексѣй, показывая пальцемъ на крупнаго таракана, но не рѣшаясь къ нему притронуться.

Пробовалъ я приспособить котораго-либо изъ промышленниковъ къ промыванію грунта, но ничего не вышло: даже вымыть палубу они не могли какъ слѣдуетъ; посмотритъ матросъ, и возьметъ швабру въ свои руки. А промывка солоно мнѣ приходилась, когда грунтъ былъ илистый. Для промыванія употреблялись проволочныя рѣшета.

Сталъ попадаться чаще разбитый ледъ. Вечеромъ, 12-го августа, мы входили въ проливъ Благовѣщенія. Солнце показывалось мгновеніями и скрывалось за облаками, еще нѣкоторое время оставаясь замѣтнымъ въ видѣ свѣтлаго пятна на темномъ фонѣ облачнаго неба. Туманъ нависалъ надъ моремъ... Былъ небольшой вѣтеръ.

Въ Благовѣщенскомъ проливѣ мы встрѣтили сильное теченіе и очень малыя глубины. Держась на серединѣ пролива около 6 — 7 саженъ (морская сажень = 6 фут.), онѣ при приближеніи къ берегу, быстро падали на 5, 4 и даже 3 сажени, а ближе 5-ти морскихъ миль мы къ берегу не подходили. Шансы на проходъ къ мысу Высокому, и далѣе, къ острову Беннетта съ самаго начала оказались не важными. Для починки дейдвудной трубы, черезъ которую течь достигала 5 тоннъ въ часъ, пришлось часа на три стать на ледяной якорь. Послѣ завтрака двинулись снова на сѣверъ, но встрѣтили сплошную массу разбитаго льда, совершенно непроходимаго для судна и, не дойдя всего 15-ти морскихъ миль до мыса Высокаго, должны были повернуть на югъ.

Берега Новой Сибири и Фаддѣевскаго острова низменны и, даже, по полярному масштабу, однообразны, именно на протяженіи Благовѣщенскаго пролива. Птицъ мы не встрѣчали, нерпы попадались рѣдко.

Погрузившееся въ море солнце оставило по себѣ золотистую зарю. Мы шли на югъ.

Солнце во время плаванія было очень неласково къ намъ, а потому было особенно пріятно, выйдя послѣ завтрака на палубу, видѣть, какъ разсѣевались облака и оно появилось во всемъ блескѣ

на безоблачномъ небѣ, предоставляя нашимъ астрономамъ рѣдкую возможность сдѣлать наблюденіе. Около четырехъ часовъ небо оставалось безоблачнымъ, потомъ по нему поплыли красивыя перистыя облака. Граціозные «барашки», граничившіе съ болѣе густыми кучевыми облаками, мало-по-малу скрыли отъ насъ солнце. Старый знакомый нордъ-вестъ, какъ «ночной зефиръ», едва-едва «струилъ эфиръ».

На морѣ—легкая рябь. Льду не видно, береговъ не видно. Температура поднималась на солнцѣ выше +10° R.

Гуси пролетѣли на югъ.

Въ 1 ч. дня на юго-западѣ показался ледяной барьеръ. Доносившійся до насъ шумъ движущагося льда напоминалъ гулъ идущаго на всѣхъ парахъ поѣзда. Къ вечеру небо заволокло облаками. Наступили сумерки. Собаки повизгивали. Судно шло полнымъ ходомъ на востокъ миляхъ въ 30 отъ южнаго берега Новой Сибири.

Утромъ, 15-го августа, когда я всталъ, машина была застопорена. Пили чай втроемъ, отъ чего уже стали отвыкать. Въ 10-мъ часу началась научная станція, которая продолжалась до 11.

При попыткѣ идти на NO натолкнулись на ледъ, а главное, на возмутительныя глубины, которыя доходили до 17 фут., такъ что струя воды отъ винта поднимала со дна илъ. Южный берегъ Новой Сибири, какъ и западный, низменъ. Море очень мелкое, въ разстояніи 30-ти миль отъ берега какихъ-нибудь 5—6 саженъ. Чтобы выйти на болѣе надежныя и ровныя глубины, взяли на югъ и шли на разстояніи 40 миль отъ берега.

День у каждаго изъ насъ былъ настолько заполненъ, что «Журналъ каютъ-компаніи» совершенно заглохъ. Вмѣстѣ намъ не приходилось сходиться, и обѣдалъ я, по очереди, одинъ день съ однимъ изъ офицеровъ, другой—съ другимъ.

15-е августа было днемъ для насъ знаменательнымъ по обилію кулинарныхъ открытій. Такъ какъ консервныя щи намъ порядочно надоѣли, то въ этотъ день у насъ появился пирогъ съ мясомъ, заимствованнымъ изъ щей. Кромѣ того, мы переняли у изобрѣтательной машинной команды способъ поджариванія этихъ щей на салѣ, что нѣсколько напоминало селянку. Мало того. Толстовъ отыскалъ завалившіяся гдѣ-то 25 жестянокъ паштета изъ печенки и 30--датскаго рагу изъ мяса!

Къ вечеру спустился густой туманъ. Стали на якорь на глубинѣ 28 фут. Сильное теченіе, повидимому, глубинное. Двигавшійся ледъ скоро заставилъ перемѣнить мѣсто. Пройдя немного назадъ, стали на большей глубинѣ. Простояли до полудня 16-го.

Вскорѣ на горизонтѣ показался огромный торосъ, совершенно напоминавшій высокій скалистый островокъ. Подойдя къ нему ближе, мы увидѣли колоссальную ледяную массу, съ горами и пригорками,

гротами, зубчатыми башнями и грудами ледяныхъ осколковъ. Волны съ глухимъ рокотомъ разбивались о ледяные утесы. Высота тороса, по измѣренію А. В. Колчака, оказалась равною 57 фут. Онъ сидѣлъ на мели на $6^1/_2$ саженяхъ глубины. Это былъ самый большой изъ встрѣченныхъ нами торосовъ; ранѣе мы встрѣчали до 47 фут.

Съ 7-ми часовъ вечера пошли полнымъ ходомъ на сѣверъ. Море было чистое. Небольшой вѣтеръ дулъ съ сѣверо-запада. Порядочная зыбь. У нашихъ промышленниковъ появилось головокруженіе, у Алексѣя даже форменная морская болѣзнь. Съ осунувшейся физіономіей и чрезвычайно плачевной миной стоялъ онъ у борта на шканцахъ, всячески стараясь вызвать къ себѣ сочувствіе: дѣтская черта, свойственная и этимъ «дѣтямъ» природы.

Кислѣе обыкновеннаго чувствовали себя псы во время качки. Болѣе чувствительные изъ нихъ умильно-жалобно взглядывали на каждаго, кто проходилъ мимо нихъ, и умоляюще помахивали хвостами. Другіе забивались въ уголъ и совершенно апатично относились къ ласкѣ. Старые ворчуны спали, свернувшись въ клубки, подавленность мозговыхъ центровъ вызывала у нихъ чрезмѣрную сонливость. А маленькій песецъ «Мальчикъ», какъ бы доказывая, что дѣти не подвержены морской болѣзни, продолжалъ обижать свою сестренку «Машку». Пронзительно-жалобно свистѣлъ осиротѣлый совенокъ. Его братъ, неосторожно перебравшійся съ помощью еще не окрѣпшихъ крыльевъ за порогъ лабораторіи, сталъ жертвой привязанныхъ по близости псовъ.

17-го августа, днемъ, семь розовыхъ чаекъ слѣдовали за судномъ. Остановили машину. Командиру удалось застрѣлить одну изъ нихъ. Всѣ, попадавшіеся намъ экземпляры, были въ первомъ опереніи.

Научная станція въ этотъ день была интересна, хотя и стоила намъ трала, который сломали при подъемѣ. Индикаторъ показывалъ 500 кило. За промывкой этой грязи я просидѣлъ всю ночь, до 4 ч. утра, чтобы съ 9 ч. снова приняться за ту же работу. Результаты были очень любопытны. Наряду съ неизмѣнными тараканами намъ попались и такія «нимфозоріи», какихъ прежде не встрѣчалось. Результатъ гидрологической станціи также оказался довольно неожиданнымъ: температура придонной воды, которая въ Ледовитомъ океанѣ держится около —1° С., на этотъ разъ оказалась почти равной 0°, чѣмъ, вѣроятно, и объясняется большее разнообразіе фауны.

Въ тотъ же день Ф. А. Матисенъ увидалъ изъ «бочки» землю на сѣверо-востокѣ. По его предположенію, это былъ одинъ изъ Де-Лонговыхъ острововъ—Генріетта или Жаннетта, но такъ какъ отъ насъ до этихъ острововъ было около 120 миль, то, можетъ быть, это былъ и какой-нибудь новый островъ. Образовавшійся вскорѣ туманъ и необходимость преслѣдованія прямой задачи, снятія началь-

ника и членовъ экспедеціи, помѣшали командиру направиться къ показавшемуся вдали острову.

Влѣзалъ и я въ бочку, чтобы полюбоваться открывавшимися оттуда полярными перспективами. «Бочка», или «воронье гнѣздо» нѣмцевъ и англичанъ, это—подлинная бочка, укрѣпленная наверху гротъ-мачты. Влѣзая въ нее, закрываешь дно и защищенный до нѣкоторой степени отъ вѣтра—наблюдаешь. Слазить въ бочку для непривычнаго человѣка не легкая задача. Таковой, по крайней мѣрѣ, она мнѣ представлялась, когда я карабкался по вантамъ (веревочнымъ лѣстницамъ), когда я перебирался на марсъ (площадка у гротъ-мачты) и когда я уже былъ близокъ къ цѣли. Съ облегченіемъ вздохнулъ я, когда влѣзъ въ бочку, и только сознаніе необходимости совершить обратный путь нѣсколько отравляло мнѣ наслажденіе широкимъ пейзажемъ полярнаго моря.

Къ вечеру ледъ и сгустившійся туманъ заставили «Зарю» остановиться. Простояли мы цѣлыя сутки, дрейфуя со льдомъ то на сѣверъ, то на юго-востокъ, повидимому, въ зависимости отъ прилива и отлива, такъ какъ былъ почти полный штиль.

Восточный берегъ Новой Сибири—возвышенный, особенно мысъ Каменный. Видѣли хорошую ледяную горку, можетъ быть, принесенную моремъ съ Беннетта, болѣе 3-хъ саженъ вышиной.

18-го августа Желѣзниковъ увидалъ лежавшаго на льдинѣ огромнаго тюленя. Онъ поплылъ къ нему на байдаркѣ. Животное было неподвижно и, вѣроятно, спало. При приближеніи охотника оно слегка приподняло голову. Одинъ моментъ, и мѣткій выстрѣлъ положилъ его на мѣстѣ. Я слѣдилъ съ мостика въ бинокль. Спустили шлюпку и прибуксировали добычу къ судну. На палубу его подняли при помощи паровой лебедки. Это былъ морской заяцъ (phoca barbata), самка, пудовъ въ 25 вѣсомъ, 285 ctm. въ длину и 185—въ обхватѣ. Въ желудкѣ у него я нашелъ массу круглыхъ червей, еще живыхъ, и массу полупереваренныхъ морскихъ таракановъ; въ тонкихъ кишкахъ—множество ленточныхъ глистъ въ 1—2 арш. длиной. При своей огромной величинѣ животное производило странное впечатлѣніе кожаннаго мѣшка, набитаго саломъ. Голова, казавшаяся непропорціально малой, короткіе ласты, сравнительно очень небольшіе зубы—обличали полную беззащитность, скрывавшуюся за толстой броней шкуры и сала. Промышленники съ вожделѣніемъ посматривали на послѣднее. «Зир учуіей, эт-кусаган (жиръ—хорошъ, мясо—плохое). Зир оладьи стряпай можно», говорилъ, захлебываясь отъ удовольствія, Семенъ, перемѣшивая русскія слова съ якутскими и сопровождая свою рѣчь оживленной мимикой.

Вечеромъ была возобновлена попытка продраться къ острову Беннетта, но скоро судно уперлось въ пакъ. И третья попытка проник-

нуть къ острову Беннетта, или, по крайней мѣрѣ, къ мысу Высокому что на Новой Сибири, оказалась тщетной. Ut desint vires, tamen est laudanda voluntas. Пошли назадъ, чтобы возобновить попытку проникнуть къ Беннетту съ запада.

На этотъ разъ командиръ предполагалъ идти западнѣе острова Бѣльковскаго.

Весь день 19-го августа шелъ снѣгъ. Стоялъ густѣйшій туманъ. Перегружали уголь; на палубѣ—грязь и слякоть. Опять видѣли нѣсколько штукъ розовыхъ чаекъ, которыя то съ криками летали около судна, то опускались на воду и плавали. Масса птицъ—гаги, кулики, пуночки пролетали на югъ. Мы стояли до 9 час. въ дрейфѣ.

Мясо бородатаго тюленя, которое вскорѣ фигурировало на нашемъ обѣденномъ столѣ, оказалось сноснѣе нерпичьяго на вкусъ и не такъ черно. Мозгъ и почки, по крайней мѣрѣ, основательно вымоченные въ уксусѣ, почти не имѣли непріятнаго привкуса.

Нашъ обратный путь отъ восточнаго берега Новой Сибири происходилъ при нѣсколько иной обстановкѣ, чѣмъ первое время плаванія. Почти ежедневно шелъ снѣгъ, моросилъ «осенній мелкій дождичекъ». Море—сначала съ рѣдкимъ льдомъ, а потомъ свободное ото льда, снова сдѣлалось «ледовитымъ». Юго-восточный вѣтеръ погналъ съ юга массу разбитаго льда, среди котораго встрѣчались даже многолѣтнія поля, очевидно сдвинутыя на югъ долго дувшими сѣверо-западными вѣтрами и теперь совершавшія обратное путешествіе. Мѣста, которыя при нашемъ курсѣ къ восточному берегу Новой Сибири были чисты ото льда, теперь были далеко отъ него не свободны. Погода стояла еще болѣе туманная и облачная. 22-го августа солнце выглянуло ровно настолько, чтобы дать Ф. А. Матисену взять его высоту для опредѣленія мѣста. Къ вечеру барометръ сталъ сильно падать. Ждали шторма, но все разрѣшилось непродолжительнымъ шкваломъ. Снѣгъ пошелъ гуще и въ теченіе получаса была форменная пурга. Наступившія потемки—ночи становились длиннѣе и темнѣе,—сдѣлали невозможнымъ движеніе впередъ. Застопорили машину.

Утромъ 23-го «Заря» уже шла на югъ.

Если бы даже путь къ Беннетту и былъ проходимъ, намъ не хватило бы угля на плаваніе туда и обратно. Но, судя по развернувшейся передъ нами картинѣ сплошного льда съ полыньями въ немъ, нельзя было не придти къ заключенію, что и эта попытка была бы повтореніемъ трехъ предшествовавшихъ.

*

VI.

Островъ Столбовой.—Хорошая погода.—Открытое море.—Морская болѣзнь.—Заливъ Борхая.—Островъ Мостахъ и губа Тикси.—Сигналы.—Знакъ Бруснева.—Поѣздка на берегъ.—Визитъ Джергили.—Волокъ изъ Тикси въ Быковскую губу.—Верхомъ на оленѣ.—Неводьба.—Окрестности Тикси.—Ручной соколъ.—Птицы.—Пароходъ „Лена".—Торжественный обѣдъ.—Ликвидація дѣлъ.—Несчастный выстрѣлъ.—„Заря" на якорѣ.—Переноска раненаго и отъѣздъ изъ Тикси.—Рѣчная обстановка.—Малыя глубины.—На мели.—Тщетная надежда.—На линіи голодающихъ.—Путешествіе булунскаго засѣдателя по морю, „аки по суху".—Пріятная перемѣна.—Быковскій мысъ.—Острова Лены.—Пески и рыбные промыслы.—Смерть Носова.—Булунъ.—Похороны.—Кесюръ.—Жиганскъ.—Снѣгъ.—Устье Вилюя.—Щуга.—Алданъ.—Пріѣздъ въ Якутскъ.

Солнце давно такъ ярко не свѣтило. Казалось, оно передавало привѣтъ съ далекаго юга намъ, ѣхавшимъ на югъ. Кругомъ попадался еще рѣдкій ледъ. Однолѣтнія льдины преобладали, хотя встрѣчались и размытые остатки старыхъ торосистыхъ полей, иногда прекурьезной формы.

Утромъ 23-го августа была застрѣлена пара птицъ—самка и птенецъ—изъ отсутствовавшаго до сихъ воръ въ орнитологической коллекціи этого лѣта вида кайръ—uria lomvia arra.

Во 2-мъ часу открылся передъ нами островъ Столбовой,—гористый, особенно въ сѣверной его части, съ крутыми обрывами. Онъ уже совершенно побѣлѣлъ отъ снѣга.

Въ первый день нашего плаванія къ материку мы чуть-ли не въ первый разъ любовались закатомъ солнца, обыкновенно скрывавшагося отъ насъ за туманомъ или облаками. Золотистый, оранжевый, пурпурный и фіолетовый цвѣта съ мягкими тонами и полутонами смѣнялись въ облакахъ различныхъ очертаній.

Небо продолжало покровительствовать намъ и на слѣдующій день. Хотя солнце не разъ скрывалось за облаками, хотя и шелъ нѣкоторое время снѣгъ, все-таки мы видѣли «свѣтило дня» и облака не были безнадежно слоистыя, а кучевыя и перистыя преобладали. Барометръ къ вечеру сталъ быстро подниматься. Температура воздуха держалась около 0°, но температура воды была значительно выше: сказывалось вліяніе рѣки Лены.

Съ ранняго утра 24-го августа мы шли по совершенно свободному ото льда морю. При небольшомъ вѣтрѣ зыбь уже была изрядной. Я раза два просыпался отъ качки и узналъ, что Алексѣй страдаетъ морскою болѣзнью. Качка продолжала усиливаться. Къ полудню поднялся вѣтеръ до 12 м. въ секунду. Онъ дулъ намъ навстрѣчу. Скорость судна упала до 2-хъ узловъ въ часъ. Всѣ трое промышленниковъ и нашъ злополучный поваръ представляли изъ себя въ высокой степени жалкое зрѣлище: блѣдныя, вытянутыя физіономіи, полный упадокъ духа, точно ихъ приговорили къ повѣшенію. Семенъ былъ энергичнѣе

остальныхъ. Онъ долго оставался на открытомъ воздухѣ, работалъ и страдалъ менѣе другихъ. Работа на свѣжемъ воздухѣ вылѣчила и Гаврилу. Меня въ каютѣ скоро начинало укачивать, а потому я предпочиталъ оставаться на палубѣ. Все-таки завтракъ изъ тюленьей печонки не пошелъ мнѣ впрокъ; но скоро я оправился.

Кончивъ промывку трала и погулявъ по мостику, чтобы насладиться видомъ открытаго, хотя и желтовато-мутнаго моря, я очень рано легъ спать и скоро заснулъ, убаюканный легкой качкой.

25-го августа утромъ мы входили въ заливъ Борхая. Въ отдаленіи виднѣлись Хараулахскія горы, сѣверные отроги Верхоянскаго хребта. Наполовину покрытыя снѣгомъ горы, изсиня темныя или синевато-бѣлыя, были очень красивы. Ихъ прорѣзывали многочисленныя долины.

По довольно ровнымъ глубинамъ мы прошли мимо острова Мостаха; къ югу отъ него тянется длинная коса, которую пришлось обойти. Островъ Мостахъ (як. прилагательное отъ «мос»—мамонтова кость; означаетъ «содержащій мамонтову кость»), имѣетъ крутые и довольно высокіе берега (мысъ Караульный).

Вечеромъ вывѣшивали электрическій фонарь, чтобы дать знать Брусневу и пароходу «Лена», котораго ждали съ часу на часъ, о прибытіи «Зари».

Утромъ на слѣдующій день судно продвинулось дальше въ губу Тикси (тикси—як. пристань). На берегу бухты мы увидали знакъ, по которому убѣдились въ присутствіи гдѣ-либо по близости Михаила Ивановича Бруснева. Затѣмъ какой-то бѣлый предметъ, пониже знака, привлекъ наше вниманіе. Это оказалась палатка. Позже мы увидали поварню и, наконецъ, людей на берегу. Былъ сдѣланъ салютъ изъ пушки и выкинутъ флагъ. Съ берега отвѣтили залпомъ изъ ружей. Было около 12-ти часовъ—время завтрака. Завтракъ, разумѣется, былъ оставленъ, и я съ А. В. Колчакомъ и четырьмя матросами отправился на берегъ. Дулъ свѣжій попутный вѣтеръ и мы скоро проѣхали 4 мили, отдѣлявшія насъ отъ берега. Промѣръ показалъ, что судно безъ риску можетъ подойти ближе.

На берегу мы нашли М. И. Бруснева съ тремя промышленниками. Послѣ оживленнаго разговора и чая съ плохимъ коньякомъ все народонаселеніе берега было принято на шлюпку и доставлено на бортъ «Зари». Одинъ изъ промышленниковъ—Николай, былъ уже на Котельномъ островѣ, гдѣ видѣлъ «Зарю», а двое его товарищей въ первый разъ въ жизни видѣли судно, и удивленію ихъ не было предѣла. Спутникъ барона Толля въ его прежнихъ экспедиціяхъ,—старикъ Джергили только изъ-за того и взялся сопровождать М. И. Бруснева, что надѣялся повидаться съ барономъ и кстати посмотрѣть диковинную выдумку чужедальнихъ людей—большой домъ, какихъ не бываетъ, удивительный домъ, который плаваетъ по морю, близкому, но невѣдомому для него иначе, какъ подъ толстой ледяной корой морю. Его

сопровождалъ семнадцатилѣтній сынъ Степанъ, уже женихъ, но выглядѣвшій совсѣмъ мальчикомъ. Старикъ Джергили являлся носителемъ старинныхъ тунгусскихъ традицій и юный Степанъ доставлялъ ему не мало огорченій, явно предпочитая якутскую рѣчь и якутскіе обычаи. Не найдя барона, Джергили, когда узналъ, что командиръ его замѣщаетъ, сказалъ по-якутски, обращаясь къ послѣднему: «Табя вижу— все равно, что его вижу», и выразилъ желаніе ѣхать за начальникомъ экспедиціи на оленяхъ, когда замерзнетъ море. Пушка, ракеты, электричество вызывали младенческій восторгъ у старика.

— Настоящіе шаманы,—сказалъ онъ.

У Бруснева мы раздобыли свѣжаго и сушенаго оленьяго мяса и языковъ, такъ что трапеза у насъ была роскошная.

Такъ какъ пароходъ «Лена» не приходилъ и точныхъ свѣдѣній о немъ не было, то командиръ рѣшилъ произвести промѣръ Быковской протоки, чтобы выяснить, не можетъ-ли «Заря» войти въ Лену. Съ этою цѣлью долженъ былъ отправиться лейтенантъ Колчакъ на четверкѣ съ четырьмя матросами.

27-го были приняты подготовительныя мѣры. Командиръ, инженеръ Брусневъ, я и четверо матросовъ отправились на берегъ на вельботѣ съ четверкою на буксирѣ, имѣя въ виду, для сокращенія пути переправить четверку на оленяхъ въ Быковскую губу. На рулѣ въ пустой четверкѣ сидѣлъ Евтихѣевъ. Волненіе было значительное. Незагруженная четверка спускалась съ волны, какъ съ горы, стремительно, прямо на насъ, и одинъ разъ ковырнула-таки вельботъ.

На берегу промышленники поймали оленей и послѣ неудачной попытки войти вглубь маленькой бухты (шлюпка сѣла на мель) связали двѣ нарты и на восьми оленяхъ перевезли четверку черезъ перешеекъ, отдѣляющій губу Тикси отъ Быковской. Старый плавникъ на перешейкѣ указывалъ, что нѣкогда ленская вода—можетъ быть, только въ половодье—находила прямой путь въ Тикси. Быковская губа казалась очень мелкой съ пологимъ дномъ.

Видѣли гусей, пролетавшихъ на югъ. Молодыя — въ первомъ опереніи чайки носились надъ берегомъ.

Мы катались верхомъ на оленяхъ. Примитивное сѣдло довольно слабо держится на оленѣ подпругой. Садиться приходится, опираясь на палку, чтобы не переломить хрупкаго позвоночника, не созданнаго для верховой ѣзды оленя; да и сѣдло иначе съѣзжаетъ на бокъ. Стремянъ не полагается. Сидѣть надо аккуратно, соблюдая балансъ. Сильно искушеніе, когда теряешь равновѣсіе, придержаться за вѣтвистые рога оленя, но тутъ-то паденіе и становится неизбѣжнымъ, такъ какъ олень моментально склоняетъ голову къ землѣ. Боишься, какъ бы рогами не выткнуло глаза. Когда немного проѣдешься на оленѣ, получается впечатлѣніе, что человѣкъ не подъ силу этому животному: онъ такъ тяжело дышитъ, неся свою тяжеловѣсную ношу. А между тѣмъ

олень незамѣнимъ на тундрѣ по своей выносливости и по своей легкости. Онъ вскарабкается туда, куда не взойдетъ ни одна лошадь, пройдетъ по зыбкой почвѣ, въ которой лошадь увязнетъ. Наши маленькіе ростомъ и легковѣсные тунгусы отлично гарцовали на оленяхъ. Падали мы немного. Я одинъ разъ скатился подъ косогоръ, да слѣзая съ сѣдла, потащилъ его за собой — и растянулся.

Мы пробыли цѣлый день на материкѣ и только къ ночи вернулись на судно. Неводили рыбу, да неудачно: попалась только сельдь и небольшіе муксуны. А въ Тикси встрѣчаютъ нельму и даже стерлядь, заплывающихъ сюда изъ Лены.

Окрестности Тикси мнѣ понравились. Гористый островокъ Бруснева, стоящій въ губѣ, виднѣющіяся въ отдаленіи горы материка, мѣстность неровная, съ оврагами и байджярахами значительно отличалась отъ болѣе ровной тундры Ново-Сибирскихъ острововъ, хотя и носитъ тотъ же отпечатокъ. Растительность здѣсь уже роскошнѣе и климатъ нѣсколько теплѣе, чѣмъ на островахъ. Тундра еще была покрыта травой и увядающими цвѣтами, тогда какъ тамъ уже въ первой половинѣ августа все было погребено подъ снѣгомъ. Трава здѣсь выше; незабудки, едва приподнимающіяся надъ землей на островахъ, здѣсь имѣютъ стебель въ 3—4 вершка вышиной. Фауна, въ особенности орнитологическая, богаче.

У М. И. Бруснева мы видѣли небольшого сокола, который былъ взятъ имъ птенцомъ изъ гнѣзда и сталъ совсѣмъ ручнымъ. Пользуясь полной свободой и летая весь день надъ тундрой, онъ прилеталъ на ночлегъ и кормежку къ поварнѣ. Во время прогулки онъ иногда садился на плечо или голову своего хозяина.

28-го августа А. В. Колчакъ поѣхалъ для промѣра къ Быковской протокѣ и вернулся черезъ день съ извѣстіемъ, что «Лена» вышла въ Тикси съ Торгерсеномъ въ качествѣ провожатаго. Былъ штормъ съ SO и OSO и только 30-го утромъ мы увидали пароходъ «Лену», который отштормовался у Мостаха. Къ намъ на судно пріѣхали съ «Лены» представитель фирмы А. И. Громовой В. Е. Гориновичъ, завѣдующій хозяйственною частью на пароходѣ; капитанъ парохода А. Ю. Ершевскій, норвежецъ И. И. Торгерсенъ, бывшій матросомъ на этой самой «Ленѣ» въ экспедиціи Норденшёльда, и булунскій засѣдатель П. А. Квасниковъ, который явился въ полномъ парадѣ. Получивъ предписаніе оказывать всевозможное содѣйствіе экспедиціи, засѣдатель счелъ своимъ долгомъ выѣхать къ намъ навстрѣчу. Господа ленцы были приглашены на обѣдъ. Недостатокъ въ питіяхъ былъ пополненъ изъ погребка «Лены».

Ѳома изготовилъ обѣдъ на славу и блисталъ своимъ безукоризненно бѣлымъ поварскимъ костюмомъ. Старикъ Джергили спросилъ на ухо М. И. Бруснева: «Какъ ты думаешь, долженъ я надѣть свои медали?» и, раздобывъ медали и припрятанную гдѣ-то у него старенькую

фуражку съ бархатнымъ околышемъ, которая была ему совсѣмъ не по головѣ, старый тунгусъ представлялъ изъ себя прекомичную фигуру. День завершился музыкой и пѣніемъ. Хоровое у насъ не спорилось; за то одинъ изъ нашихъ гостей оказался хорошимъ солистомъ.

«Лена» должна была спѣшить, чтобы не застрять по дорогѣ въ Якутскъ изъ-за ледохода, и намъ дали всего три дня на сборы. А по свѣдѣніямъ, полученнымъ съ Лены, — точнаго промѣра не существуетъ,—«Зарѣ» нечего было и думать пройти въ рѣку. Оставалось перегружаться.

А. В. Колчакъ ѣздилъ на «Ленѣ» съ промѣромъ и нашелъ за островомъ Бруснева хорошо защищенную гавань для «Зари». «Заря» была поставлена тамъ на якорь, а «Лена» стала бортъ къ борту къ ней.

Началась перегрузка. Пришлось-таки пороть горячку. Лично мнѣ оставалось докончить укладку библіотеки, уложить коллекціи морской фауны, отчасти орнитологіи и аптеку.

Было рѣшено, что члены экспедиціи пойдутъ на полномъ довольствіи «Лены», а команда—на иждивеніи экспедиціи, только мясо для нея будетъ покупаться на «Ленѣ», что было и лучше, и дешевле. Когда я выдавалъ провизію для команды, я услышалъ глухой выстрѣлъ. Въ помѣщеніи команды произошелъ трагическій случай. Матросъ Безбородовъ, стараясь вынуть патронъ изъ винтовки системы Маузера, произвелъ нечаянный выстрѣлъ и попалъ въ ногу кочегару Носову. Я нашелъ Носова распростертымъ на полу, стонущимъ отъ мучительной боли. Лужа крови стояла подъ раненой ногой. Пуля была съ развертывающейся оболочкой, знаменитая думъ-думъ, о которой столько говорили во время англо-бурской войны. При чрезвычайно маломъ входномъ отверстіи раны выходное достигало 2-хъ вершковъ слишкомъ въ продольномъ діаметрѣ. Видъ раны былъ ужасный. Значительной величины кусокъ большой берцовой кости былъ вырванъ и разбитъ въ дребезги, мышцы—разорваны. Кровотеченіе не было такъ значительно, какъ можно было ожидать, благодаря перекручиванію сосудовъ. Соотвѣтственно обоимъ отверстіямъ раны — въ сапогѣ было ничтожное входное отверстіе и большая рваная дыра въ мѣстѣ выхода пули. Пуля прошла сквозь палубу въ нижній трюмъ, а оболочка ея нѣсколько поцарапала палубу. Ночью у больного были сильныя боли; приходилось мѣнять перевязку. Разумѣется, сборы свои я оканчивалъ кое-какъ, часть вещей перенесъ просто въ охапкѣ.

Отъѣздъ изъ Тикси былъ назначенъ на 2-е сентября. Надо было организовать переноску больного съ «Зари» на «Лену», что представляло нѣкоторое затрудненіе, такъ какъ нелегко было выбраться съ раненымъ съ нижней палубы, не потревоживъ его. Болѣе нашихъ свободные ленскіе матросы сдѣлали носилки. Матросы обоихъ пароходовъ участвовали въ переноскѣ. Чтобы подготовить ихъ, я устроилъ

репетицію со здоровымъ. Съ нижней палубы несли черезъ трюмъ, подняли на шканцы, оттуда по трапу на мостикъ «Лены» и, наконецъ, спустили въ каюту, заранѣе приготовленную. Каюту я выбралъ во 2-мъ классѣ, какъ самую просторную и наименѣе безпокойную во время качки, и старался, по мѣрѣ возможности, превратить ее въ хирургическую палату. Но было тѣсновато,—каюты на «Ленѣ» миніатюрныя, какъ и самъ пароходъ; перевязки во время качки были затруднительны.

Поставленная на якорь «Заря» осталась до замерзанія на попеченіи И. И. Торгерсена, съ которымъ оставались: квартирмейстеръ Толстовъ, самъ вызвавшійся на это, помощникъ машиниста съ «Лены» и четверо инородцевъ. По окончаніи замерзанія, когда течь прекратится, Толстову предстояло выѣхать въ с. Казачье и поступить въ распоряженіе М. И. Бруснева. Однимъ изъ мотивовъ, побудившихъ Толстова остаться, была раздѣляемая всей командой привязанность къ начальнику экспедиціи, которому онъ надѣялся быть полезнымъ при поѣздкѣ на помощь къ нему.

Около 3-хъ часовъ дня «Лена» снялась съ якоря. «Заря» отсалютовала намъ флагомъ. Научныя операціи русской полярной экспедиціи in corpore были закончены, но ученые члены экспедиціи еще работали на крайнемъ сѣверѣ. Мы стали пассажирами «Лены». М. И. Брусневъ, въ теченіи кратковременной стоянки въ Тикси не успѣвшій окончить переговоровъ съ командиромъ, сталъ нашимъ спутникомъ до Булуна.

Вся вздрагивая отъ сильной работы винта, «Лена» шла вдоль берега со скоростью 20-ти верстъ въ часъ. Глубины, несмотря на то, что мы шли все-таки въ нѣсколькихъ верстахъ отъ берега, были очень небольшія. Посадка «Лены» при нагрузкѣ 9 четвертей. Стоявшіе у обоихъ бортовъ на носу парохода «наметчики» измѣряли невѣдомый фарватеръ длинными шестами. Кричали то по-русски, то по-якутски. Капитанъ объяснялъ послѣднее большею отчетливостью въ произношеніи якутскихъ числительныхъ. Но я полагаю, что въ значительной степени это объясняется вліяніемъ лоцмановъ, не знающихъ ни слова по-русски. Ихъ было двое. Откормленные и самодовольные, они очень высоко цѣнили свои лоцманскія способности и играли видную роль на пароходѣ, въ особенности старшій. Младшій былъ сговорчивѣй. Впрочемъ, фарватера устьевъ Лены они не знали, а тѣмъ болѣе прилегающей части моря, такъ какъ обычно плаваніе здѣсь не совершается.

— Четырнадцать!—кричитъ наметчикъ.

— «Онъ-юсь»! (тринадцать)—отзывается другой.

— Один-над-цать,—ударяя на «цать» перебиваетъ его первый.

Ходъ уменьшенъ... но поздно: пароходъ на мели. Снявшись на

этотъ разъ, мы на другой день утромъ устопорились болѣе основательно. Послѣ тщетной попытки сняться съ мели бѣдный капитанъ, слыхавшій, что въ морѣ бываютъ отливы, когда вода сбываетъ, и приливы, когда она убываетъ, утѣшалъ себя нѣкоторое время надеждой, что пароходъ сѣлъ на мель въ отливъ. Но, увы! Эта надежда оказалась тщетной. Пароходъ подтащило вѣтромъ и укрѣпило на днѣ его киль. Сильная качка въ день нашего отъѣзда мѣшала намъ обѣдать и нѣкоторыхъ укачивала. Теперь мы и съ ней были готовы примириться, лишь бы идти впередъ. Оказалось, что мы выскочили на мель въ приливъ. Когда вода сбыла, мы очутились на 5-ти четвертяхъ, затѣмъ былъ отливъ посильнѣе, и пароходъ очутился на сухомъ мѣстѣ, такъ что можно было прогуливаться по вновь образовавшемуся острову, получившему названіе острова «Лены». Море вблизи парохода стало покрываться тонкой ледяной корой. Попытка отослать часть людей на берегъ: у находившагося верстахъ въ 20-ти отъ насъ Быковскаго мыса были жители, между прочимъ семейство Торгерсена, сынишка котораго ѣхалъ туда съ нами на «Ленѣ», не удалась.

Такъ какъ впереди рисовалась печальная возможность замерзнуть въ виду берега, то, пока эта возможность не превратилась въ дѣйствительность, слѣдовало обезпечить себѣ отступленіе. Предстояло добыть съ берега или съ «Зари» провизіи, которой намъ могло не хватить до полнаго замерзанія и установленія сообщенія съ берегомъ по льду, надо было отправить куда слѣдуетъ эстафету. П. А. Квасниковъ (засѣдатель), неожиданно для себя попавшій на полярное положеніе, принялъ на себя эту миссію и во главѣ отряда ленскихъ матросовъ пустился на шлюпкѣ въ плаваніе къ Быковскому мысу. Съ самаго начала выяснилось, что предпріятіе не обѣщаетъ успѣха. По недостатку воды въ морѣ шлюпка не могла идти на веслахъ. Чувствуя подъ собою твердую почву, привычные къ ней ленскіе матросы поволокли шлюпку по дну. Вѣтеръ и теченіе заставили вернуться вспять небольшой отрядъ мореплавателей. Чтобы облегчить шлюпку, одинъ изъ матросовъ посадилъ на себя верхомъ своего предводителя, и нашимъ удивленнымъ взорамъ представилась странная картина: засѣдатель, путешествующій по морю, «аки по суху».

Вѣтеръ или туманъ не позволяли повторить попытку сношенія съ берегомъ въ слѣдовавшіе затѣмъ дни. Такъ какъ провизія у насъ была разсчитана на непродолжительный срокъ, то былъ введенъ общій для всѣхъ 36-ти человѣкъ котелъ и установленъ размѣръ порціи. Общій вѣсъ отпускаемой на каждаго человѣка провизіи былъ опредѣленъ около 2-хъ фунтовъ (мука, сухари, масло, сало и овощи; мяса не было). Провіантмейстеромъ со стороны экспедиціи былъ назначенъ, по случаю осаднаго положенія, лейтенантъ Колчакъ, которому я пе-

редалъ свои обязанности; со стороны «Лены» остался В. Е. Гориновичъ. Для больного я отобралъ наиболѣе питательную и удобоваримую часть провизіи, между прочимъ бульонъ въ плиткахъ, котораго у насъ оставалось очень немного. В. Е. Гориновичъ застрѣлилъ для него утку.

Положеніе Носова въ тѣсной каютѣ, которую онъ долженъ былъ дѣлить съ постоянно дежурившимъ около него товарищемъ и при паровомъ отопленіи, трудно поддававшемся нормировкѣ, было незавидно. Дежурили по очереди всѣ матросы «Зари», аккуратно смѣняясь и исполняя принятыя на себя обязанности очень охотно и добросовѣстно, хотя нѣкоторымъ, болѣе впечатлительнымъ, было очень тяжело присутствовать при перевязкѣ. Бѣдный Безбородовъ ходилъ, какъ въ воду опущенный. Больной его утѣшалъ. Колебанія температуры давали поводъ предполагать септическій процессъ, чему соотвѣтствовалъ и видъ раны, изъ которой иногда приходилось удалять небольшіе секвестры кости.

Два раза вблизи парохода показывались нерпы.

6-го сентября, при NNW вѣтрѣ приливъ былъ болѣе обычнаго. Вновь образовавшійся островъ, на которомъ безпомощно стоялъ нашъ пароходъ, сталъ покрываться водой. Пароходная администрація энергично принялась за дѣло. Всѣ воспрянули духомъ. Кое-кто изъ нашей команды помогалъ въ работахъ. Завезли якорь и при помощи паровой лебедки заворотили носъ градусовъ на 40. Благодаря вѣтру, въ отливъ вода осталась на томъ же уровнѣ, во время прилива нагнало воды еще больше. Гдѣ накапунѣ былъ островъ, ходили волны.

Къ ночи 7-го числа стянулись съ мели. Выйдя на надежную глубину, въ виду ночного времени стали на якорь. Видѣли слабое сѣверное сіяніе. Взошла полная луна.

Утромъ, 8-го сентября, мы огибали Быковскій мысъ. По пароходному свистку вышли на берегъ инородцы. Запаслись дровами и свѣжей рыбой. Съ Ф. А. Матисеномъ и В. Е. Гориновичемъ я съѣзжалъ на берегъ. Быковскій мысъ, довольно высокій, состоитъ, повидимому, изъ третичныхъ отложеній. Маленькія озерца на слегка опушенной снѣгомъ тундрѣ покрылись уже довольно прочнымъ льдомъ, который выдерживалъ тяжесть человѣка.

Начались острова Лены съ ихъ якутскими названіями: Дашкары (Дашкинъ островъ), Кара ары (Черный островъ)... На нѣкоторыхъ островахъ попадались жители, проводящіе здѣсь лѣто и зиму, а къ веснѣ перекочевывающіе выше по теченію рѣки. Урасы и поварни служатъ имъ жилищами. Островъ Дашкары частью состоитъ изъ торфа. Берегъ его, обращенный къ сѣверу—приглубый; выше по теченію рѣки мелко. Ткнулись было на мель, но черезъ $^1/_4$ часа благополучно снялись. Якутскія «вѣтки» подъѣзжали къ пароходу. Жители

очень интересовались, сняла ли «Лена» экспедицію, о чемъ спрашивали съ берега. В. Е. Гориновичъ пріобрѣлъ для нашего довольствія мяса дикаго оленя и стерлядь.

Берега рѣки гористы, особенно правый, по которому тянутся отроги Верхоянскаго хребта. Миновали Атырджяхъ-хая, т.-е. вилообразную гору. Къ вечеру снова видѣли слабое сѣверное сіяніе. Разыгрывался штормъ. Ночевали на якорѣ.

9-го сентября мы прошли мимо острова Столбъ, отвѣсно поднимающагося со дна рѣки. Вблизи этого острова находится могила Де-Лонга съ товарищами. Прошли узкимъ проходомъ между Эбеляхъ-хаята (бабушкина гора) материка и Чайдахъ ары (островъ, покрытый галькой). На горахъ, мѣстами почти отвѣсно спускающихся къ рѣкѣ, лежалъ снѣгъ. Вѣтеръ несъ его прямо въ лицо. На палубѣ было холодновато.

Фарватеръ пролегалъ почти у самаго берега. Попавшіе въ родную обстановку лоцмана сравнительно легко оріентировались, хотя пароходъ шелъ пока по незнакомымъ имъ мѣстамъ.

Миновали отвѣсную, пирамидальную Кереса-Тумса хаята, мысомъ выступающую въ рѣку, миновали мысъ Таба-бастахъ (оленеголовый), прошли Собуль-хая (рысью гору) и вечеромъ были у Титъ-ары.

До Титъ-ары пароходъ «Лена» дѣлаетъ свои обычные рейсы. Въ противуположность островамъ, лежащимъ ниже его по теченію рѣки, Титъ-ары покрытъ лѣсомъ, давшимъ ему его названіе. Это—граница лѣсовъ. Часть этого большого острова образуетъ выступившая изъ подъ воды песчаная отмель, сильно сузившая теченіе могучей Лены, которая стремительно проноситъ къ сѣверу свои воды черезъ эту «трубу». Кромѣ лиственницы, здѣсь встрѣчается ива и другіе кустарники. Полярная ива достигаетъ уже аршина въ вышину. У Титъ-ары прихода «Лены» дожидалась громовская желѣзная баржа.

Въ виду того, что мы задержались пять сутокъ на мели, необходимо было поторапливаться, чтобы пробраться въ Якутскъ до ледохода, а потому громовскій уполномоченный В. Е. Гориновичъ сократилъ въ значительной степени пріемъ грузовъ. Бочки съ засоленной громовской рыбой вкатывали только съ песковъ въ гору, чтобы рѣка не унесла ихъ своимъ весеннимъ разливомъ.

На Комасъ-суртѣ у Громовыхъ находилось 60 бочекъ рыбы. Поставили ее въ надежное мѣсто... Находившіеся здѣсь громовскіе довѣренные Шитовъ и Юргановъ, за неимѣніемъ мѣста на пароходѣ, помѣстились на баржѣ. Мѣстность Комасъ-суртъ, что̀ означаетъ по-якутски песчаное стойбище, очень красива. Довольно высокія горы, наполовину покрытыя уже снѣгомъ, съ лиственичнымъ лѣсомъ по склонамъ ихъ; ютящійся у подножія горы домикъ... рѣка въ этомъ мѣстѣ не болѣе двухъ верстъ шириною...

Рыбные промыслы на Ленѣ поставлены далеко не раціонально. Причиною этого выставляется обыкновенно недостатокъ рабочихъ рукъ при спѣшности заготовки; главную роль, однако, играетъ недостатокъ иниціативы, экономическая и общекультурная отсталость и халатность. Прекрасная ленская рыба, благодаря плохому качеству соли и плохому способу засолки, пропадаетъ. Великолѣпная икра «по недостатку времени» выбрасывается вмѣстѣ съ остальными внутренностями и даже пресыщенные псы ея не ѣдятъ. А приготовленная здѣсь икра имѣетъ горьковатый вкусъ и песокъ хруститъ у васъ на зубахъ, когда вы ее ѣдите. Такая хищническая эксплуатація богатствъ рѣки скоро дастъ себя почувствовать. А между тѣмъ, при обиліи и отличномъ качествѣ рыбы въ Ленѣ и ея притокахъ, здѣсь могъ бы съ успѣхомъ функціонировать заводъ рыбныхъ консервовъ, подобно существующему въ Томскѣ, который перерабатываетъ обскую рыбу; его издѣлія расходятся по всей Сибири, ихъ можно встрѣтить даже у инородцевъ глухихъ угловъ Якутской области. Съ развитіемъ самодѣятельности среди русскаго купечества, и избалованнаго, и стѣсненнаго въ то же время излишней опекой, приложенію капитала на Ленѣ откроются новые пути и питающійся прокисшей въ ямахъ рыбой инородецъ, которому нечего бояться «свариться въ фабричномъ котлѣ»,—настолько онъ иммунизированъ купцами, получитъ возможность жить по-человѣчески. Но... Улита ѣдетъ, когда-то будетъ, а теперь инородецъ вымираетъ.

Прежде рыба доставлялась съ Булуна въ Якутскъ на каюкахъ—большихъ лодкахъ. Въ послѣдніе годы каючный промыселъ если и не совсѣмъ исчезъ, то близокъ къ этому: пароходъ «Лена» дѣлаетъ въ навигацію три рейса къ низовьямъ рѣки, таская за собой очень вмѣстительную баржу. Въ навигацію 1902 г. былъ на Булунѣ и глотовскій пароходъ.

Не малое зло представляетъ истребленіе пароходами лѣса на топливо. Еще въ нижнемъ теченіи рѣки, гдѣ рейсируетъ пока одна «Лена», куда ни шло, а вверхъ отъ Якутска и внизъ до Алдана пароходовъ ходитъ порядочно. Между тѣмъ у Булуна и Жиганска есть мѣстонахожденія каменнаго угля, который лежитъ настолько поверхностно, что хоть сейчасъ грузи на баржу. Проба этого угля была привезена В. Е. Гориновичемъ на «Зарю». Уголь (бурый) найденъ былъ, по испытаніи его на «Зарѣ», хотя и не отличнымъ по качеству, но вполнѣ пригоднымъ для машины.

Берега Лены очень живописны и привлекли бы не мало туристовъ, если бы не были такъ изолированы отъ цивилизованнаго міра. Прорѣзывая въ нижнемъ теченіи—вблизи устья—гористую тундру, рѣка представляетъ зрѣлище мрачной и величественной красоты. То, широко разливаясь между берегами, течетъ она спокойно и плавно, то, ущемленная между высокими и крутыми стѣнами, быстро мчится къ далекому, Ледовитому морю.

Въ $6^1/_2$ час. утра 10-го сентября Носовъ умеръ отъ септицеміи. Трупъ его перенесли въ просторную рубку на верхней палубѣ баржи.

Командиръ кончалъ свои переговоры съ Брусневымъ, которому поручилъ заготовить оленей для барона Толля и въ случаѣ, если тотъ не пріѣдетъ къ 1-му февраля 1903 г. на Чай-поварню,—организацію помощи ему. М. И. Брусневъ, какъ человѣкъ, хорошо знакомый съ краемъ, былъ, конечно, самымъ подходящимъ лицомъ для подобнаго предпріятія.

12-го сентября мы прибыли въ Булунъ. На другой день товарищами были отданы послѣднія почести Носову. Онъ былъ погребенъ на кладбищѣ села Булуна, вблизи церковной ограды. Временно поставленъ надъ его могилой деревянный крестъ, чтобы быть замѣненнымъ памятникомъ, заказаннымъ на деньги, собранныя среди товарищей по экспедиціи.

Расположенное на берегу Лены село Булунъ—самый важный изъ населенныхъ пунктовъ Верхоянскаго округа по своему торгово-промышленному значенію. Рѣчка Булунка, въ устье которой заходятъ небольшіе пароходы, впадаетъ въ Лену возлѣ селенія. Къ нашему пріѣзду она уже замерзла. Торговыя фирмы часть года имѣютъ здѣсь свои резиденціи. Постоянно живетъ здѣсь довѣренный А. И. Громовой и фельдшеръ, состоящій на жалованьи у фирмы. На Булунѣ же—мѣстожительство засѣдателя (станового) и благочиннаго.

Лежащее въ 10-ти верстахъ выше по теченію Лены, на противоположномъ правомъ ея берегу селеніе Кесюръ составляетъ какъ бы филіальное отдѣленіе Булуна.

Въ теченіе кратковременнаго пребыванія въ Булунѣ мы успѣли сходить въ баню. Баня оказалась значительно хуже нашей экспедиціонной и мы были наказаны за довѣріе къ ней: А. В. Колчакъ простудился и заболѣлъ ангиной, которая продержала его нѣсколько дней въ каютѣ и испортила ему прелесть поѣздки по Ленѣ.

Дальнѣйшее плаваніе вверхъ по рѣкѣ обошлось безъ особенныхъ событій. Болѣе шумная жизнь не содѣйствовала веденію дневника, которое я прекратилъ передъ Булуномъ. Поселки на берегахъ Лены, въ нижнемъ ея теченіи, встрѣчаются чрезвычайно рѣдко. Пароходъ останавливался для пріема пассажировъ, обыкновенно ѣдущихъ въ Якутскъ промышленниковъ, которые размѣщались на баржѣ, для нагрузки дровъ. Ночью лоцмана не рѣшались идти, и мы ночевали, гдѣнибудь притулившись у берега. Иногда мы съѣзжали на шлюпкѣ или сходили по сходнямъ на берегъ, уже покрытый снѣгомъ; посѣщали инородцевъ. Незамѣтно миновали полярный кругъ.

Въ «городѣ» Жиганскѣ, какъ водится, мы сдѣлали визиты мѣстнымъ жителямъ. Все населеніе Жиганска состоитъ изъ семей священника, псаломщика и купца. Для совершенія требъ батюшка долженъ

разъѣзжать по очень обширной округѣ. Мѣстный купецъ, подобно всѣмъ купцамъ этого отдаленнаго края, ведетъ кочевую торговлю. Когда-то Жиганскъ представлялъ изъ себя нѣчто бо́льшее, чѣмъ теперь, но его выжгли и разграбили ссыльно-поселенцы, а съ тѣхъ поръ онъ такъ и не могъ оправиться. Въ церковномъ архивѣ, говорятъ, сохранились любопытные документы.

Въ Жиганскѣ мы были около 21-го сентября. Снѣгъ уже толстымъ слоемъ покрывалъ землю.

Съ Жиганска русло Лены, усѣянное многочисленными островами, достигаетъ болѣе 10-ти верстъ въ ширину. Между островами отмѣчу большой островъ Аграфены, названной такъ по имени шаманки, оставившей по себѣ страшную память въ суевѣрныхъ умахъ мѣстнаго населенія.

Къ устью Вилюя долженъ былъ выйти намъ навстрѣчу пароходъ «Громовъ», но было уже поздно и онъ ушелъ обратно. Шла небольшая шуга. Рыбопромышленники, обосновавшіеся здѣсь, уже не надѣялись на приходъ «Лены». Одинъ изъ нихъ сталъ нашимъ спутникомъ.

Проѣхали устье Алдана, прикрытое островомъ, и потому мало замѣтное. Ближе къ Якутску земля еще не была покрыта снѣгомъ.

30-го сентября 1902 г. мы были въ Якутскѣ.

Надежда застать здѣсь пароходъ для путешествія вверхъ по Ленѣ не оправдалась. Экспедиціи пришлось дожидаться зимняго пути, когда она, раздѣлившись на партіи, выѣхала въ Петербургъ.

Заканчивая свои записки, не могу не сказать съ чувствомъ удовлетворенія, что участіе въ экспедиціи оставило во мнѣ свѣтлое воспоминаніе.

В. Катинъ-Ярцевъ.

Конецъ.

ТРУДЪ.

Романъ **Ильзы Фрапанъ.**

Переводъ съ нѣмецкаго **Э. Пименовой.**

(*Продолженіе* *).

Когда человѣкомъ овладѣваетъ упоеніе, какъ ничтожна и малозначуща кажется ему дѣйствительность и, наоборотъ, какъ бываетъ полно значенія для него все неизъяснимое, неуловимое, невидимое!

Іозефиной вдругъ овладѣло страстное желаніе услышать музыку. Она, которая до сихъ поръ относилась къ музыкѣ совершенно равнодушно, теперь жаждала звуковъ. Взявъ Рёсли за руку, Іозефина отправилась съ нею въ соборъ, на концертъ органной музыки.

Тамъ было много студентовъ. Всѣ замѣтили стройную, молодую женщину въ черномъ, которая вела за руку ребенка, одѣтаго въ бѣлое, но она отвѣтила на поклонъ лишь немногимъ; всѣ остальные люди представлялись ей какими-то блѣдными призраками, а не реальными существами, и она не замѣчала ихъ.

Сначала Іозефина заняла мѣсто на длинной скамьѣ, какъ разъ противъ органа, но скамья такъ трещала отъ малѣйшаго движенія, что Іозефина покинула свое мѣсто и усѣлась, вмѣстѣ съ Рёсли, въ углу на стулъ, вдѣланный въ стѣну.

Послышались звуки органа. Іозефинѣ казалось, что эти тихіе и дрожащіе звуки постоянно наростаютъ и разливаются въ воздухѣ и падаютъ, падаютъ мягко и нѣжно, словно теплыя, крупныя дождевыя капли. И Іозефинѣ почудилось, что ея сердце раскрывается и ея жаждущая душа съ жадностью впитываетъ въ себя эти нѣжныя капли жемчужнаго дождя. Но вотъ они сдѣлались рѣже и крупнѣе и каждая изъ нихъ издавала другой звукъ. Наконецъ, паденіе ихъ прекратилось и ихъ замѣнили золотые шарики, которые заиграли въ струѣ внезапно брызнувшаго ключа. Вотъ золотые шарики превратились въ маленькіе звенящіе бубенчики и въ звонкіе большіе колокола. Звуки ихъ чередовались; сначала бубенчики словно нашептывали что-то другъ другу, потомъ раздавался спокойный, мощный звонъ большихъ колоколовъ;

---

*) См. „Міръ Божій", № 3, мартъ 1904 г.

затѣмъ они начинали перекликаться все громче, все настойчивѣе, все язвительнѣе. Звуки все наростали, наполняя собою все пространство, и, казалось, даже башня, въ которой висѣли колокола, принимала участіе въ этой перекличкѣ. Она задрожала, заколебалась, затрещала и вотъ-вотъ готова была рушиться... Но вдругъ все прекратилось, и снова полились мягкіе, нѣжные звуки падающаго теплаго дождя, прогоняющаго бурю. Еще нѣсколько мгновеній трепетно и жалобно, замирая вдали, звенѣли серебряные колокольчики... И опять началась гроза; горы зашатались и треснули, земля задрожала, и изъ всѣхъ ея отверстій раздавался гулъ. Міръ погибаетъ!... Торжественное и чудное спокойствіе царитъ надъ разрушеннымъ міромъ, широкіе лучи свѣта разстилаются надъ безконечною, сверкающею зеркальною поверхностью воды... Слабый, заглушенный стонъ, нѣжный звонъ колокольчиковъ, въ воздухѣ дрожатъ и разливаются звуки... Конецъ!

— Вотъ гдѣ кончаются всѣ прорицанія мудрости! Іозефина ясно ощутила это и ей показалось, будто передъ нею раскрылась великая тайна жизни. Имя этой тайнѣ: красота, величіе и неистощимая любовь.

Возлѣ нея сидитъ Рёсли, скрестивъ свои длинныя ножки въ черныхъ чулкахъ и сложивъ ручки. Она сидитъ смирно и съ удивленіемъ осматривается.

Рёсли первый разъ въ церкви. Она смотритъ на окно, длинное, запыленное и узкое окно и думаетъ: «Вотъ какія окна въ церкви! Небо выглядитъ отсюда такимъ же блѣдноголубымъ, какъ и изъ обыкновенныхъ оконъ». Она переводитъ глаза на старыя каменныя плиты и снова думаетъ: «Какія онѣ, должно быть, холодныя!» Она пальчиками притрогивается къ сѣрой, широкой, четырехъугольной колоннѣ, стоящей передъ нею. Колонна также холодна, но зато коричневое дерево, изъ котораго сдѣланъ ея неудобный стулъ, и маленькая винтовая лѣстница тамъ дальше выглядятъ гораздо болѣе теплыми. Рёсли слѣдитъ глазами за извивающимися ступеньками лѣстницы. Тамъ, наверху, должно быть, хорошо! Еслибъ она могла туда забраться! Ну, а это... что это такое? Это не можетъ быть церковное окно, тамъ напротивъ? Я близорука,—думаетъ Рёсли.—Мама сказала это. Если сощурить глаза, то тогда представляется нѣчто удивительное: мужское лицо, съ усами и трубкой и въ высокой шапкѣ. Этотъ мужчина завернулся въ толстый плащъ и поднялъ воротникъ, совсѣмъ закрывающій ему затылокъ. Онъ неподвижно слушаетъ, музыка такъ хороша! Онъ куритъ, но дымъ не выходитъ изъ его трубки... Рёсли не можетъ отвести глазъ отъ этого мужского лица. Онъ такъ спокойно смотритъ изъ окна, какъ будто бы былъ хозяиномъ этого дома. Вдругъ Рёсли вздрогнула; чувство невыразимой радости и вмѣстѣ страха пронизало ее. Что, если это самъ Господь Богъ? Вѣдь говорятъ, что это Божій домъ! Такъ это, должно быть, Онъ! Рёсли уставилась взорами въ тотъ образъ, который рисовался ей. Онъ смотритъ

такъ ласково, но не такъ, какъ всѣ люди. Его лицо не имѣетъ красокъ, какъ серебро; оно какъ будто прозрачно! Рёсли все болѣе и болѣе убѣждается, что это долженъ быть Онъ! Она складываетъ ручонки, и личико ея выражаетъ восторгъ.

Музыка кончилась. Іозефина встала. Когда онѣ вышли послѣдними изъ церкви, Рёсли крѣпко ухватила мать за руку.

— Мама, знаешь-ли, кто тамъ былъ?—спрашиваетъ она, но мать не слышитъ ея вопроса, и Рёсли нетерпѣливо повторяетъ: ты видала Его, Господа Бога?

— Да,—отвѣчаетъ мать, испуганная и удивленная. Ей страшно и въ то же время такъ пріятно, что ребенокъ раздѣляетъ ея восторгъ..

Елена Бегасъ взяла Іозефину за руку, и съ тревогою заглянувъ ей въ глаза, сказала дружески:—Ты больна, Іози; тебѣ необходимо отдохнуть. Ты такая стала разсѣянная, неровная. Недавно, когда я увидѣла, какъ ты сбѣгаешь съ Рёсли по крутой тропинкѣ, то обрадовалась и подумала: «Вотъ-то молодецъ! Сколько у нея эластичности! Она всѣхъ насъ опередитъ!» Ну, а теперь ты мнѣ не нравишься, совсѣмъ не нравишься.

Іозефина разсматривала свои ногти; выраженіе лица у нея было натянутое.

— Это меня приводитъ въ такое настроеніе психіатрическая клиника,—отвѣтила она.—Сегодня ассистентъ такъ возмутилъ меня, что я просто сдѣлалась больна. Грубый человѣкъ! Такое насиліе надъ интимною жизнью, какое производится въ клиникахъ и нами-врачами, выводитъ меня изъ себя! Я не могу этого вынести!

Она глубоко вздохнула и, бросивъ тревожный, измученный взглядъ на спокойную Елену, сказала:

— Это была такая бѣдняжка! Діагнозъ: первичная меланхолія. Она почти уже выздоровѣла. Онъ привелъ ее въ аудиторію: «Ну, разскажите же намъ вашу исторію». Она сидитъ, тяжело дыша, смущенная и красная отъ стыда. «Но, вѣдь, меня скоро отсюда выпишутъ», говоритъ она тихо. «Это насъ не касается. Разскажите намъ про вашего Эмиля, какъ онъ васъ вездѣ преслѣдовалъ», возражаетъ онъ и при этомъ смѣется и подмигиваетъ и чувствуетъ себя такимъ остроумнымъ, такимъ сильнымъ... О! бѣдная дѣвушка, бывшая служанка, вскакиваетъ. Глаза у нея полны слезъ. «Я здѣсь не для того, чтобы надо мною смѣялись», говоритъ она. «Да мы и не смѣемся надъ вами», возражаетъ докторъ и при этомъ смѣется. «Нѣтъ, вы все-таки разскажите, что вамъ сдѣлалъ Эмиль, Эмиль, часовщикъ, въ котораго вы были влюблены». Дѣвушка молчитъ и склоняетъ голову. Онъ беретъ ее за подбородокъ, поднимаетъ ее и насмѣшливо смотритъ ей въ глаза: «Онъ вамъ говорилъ черезъ печку разный влюбленный вздоръ, правда?» «Я, вѣдь, теперь здорова, что за дѣло

до этого студентамъ!» бормочетъ она. «На самомъ дѣлѣ она знала его только по виду, и онъ, вообще, никогда о ней не думалъ», продолжаетъ ассистентъ, обращаясь къ смѣющимся студентамъ. Какъ вздрогнула больная и еще ниже склонила голову! Это было ужасно! Такъ грубо! Но онъ не унимается: «И вотъ, подъ вліяніемъ влюбленности, она вообразила, что онъ разговариваетъ съ нею черезъ каминную трубу. Или это было черезъ крышу?»обращается онъ снова къ паціенткѣ. «Черезъ печку», шепчетъ больная, а дураки въ аудиторіи громко смѣются. «Онъ говорилъ конечно, что хочетъ на васъ жениться?» забавляется надъ нею нашъ благородный доцентъ. Дѣвушка покачала головой. «Нѣтъ, такъ что же онъ хотѣлъ отъ васъ? Чтобы вы сдѣлались его милой?» Елена, говорю тебѣ, у меня зазвенѣло въ ушахъ. Мнѣ хотѣлось вскочить и крикнуть: «Это выходитъ за предѣлы вашего права, докторъ!» Ахъ, но мы такъ трусливы!..

Елена Бегасъ пожала руку Іозефины:

— Хорошо, что ты удержалась. Мы, бѣдныя женщины, что мы можемъ сдѣлать? Читала ты, каково слушательницамъ въ германскихъ университетахъ? Мы все-таки должны благодарить Бога. Но въ самомъ дѣлѣ это было гадко.

— Нѣтъ, ты послушай, что онъ говорилъ дальше. Онъ сказалъ:

— Но какъ же вы могли считать способнымъ на что-нибудь подобное вполнѣ порядочнаго человѣка?

— Какой лицемѣръ, этотъ докторъ! Какъ будто намъ неизвѣстно, какъ они всѣ поступаютъ! А, вѣдь, всѣ они считаютъ себя порядочными людьми!

Іозефина сжала кулаки:

— И что отвѣчала эта бѣдняжка? Это было такъ грустно, такъ грустно, о!..

— Что же она сказала?

— Она сказала такъ жалобно и такъ чистосердечно: «Оттого что я простая, бѣдная дѣвушка и ничего больше!»

Елена Бегасъ, однако, не согласилась съ нею и нашла этотъ отвѣтъ скорѣе даже успокоительнымъ:

— Видишь ли, Іозефина, такой образъ мыслей для этихъ людей вполнѣ натураленъ; они, вѣдь, чувствуютъ не такъ, какъ мы, эти необразованные люди! Какъ можешь ты всегда отожествлять себя съ первымъ встрѣчнымъ?

— О, что ты говоришь!

Іозефина выдернула у подруги руку и на лбу у нея появились складки гнѣва.

— Ты тоже такъ думаешь? Ты—женщина, а разсуждаешь такъ, какъ тѣ, кто создалъ весь нашъ строй? Мы думаемъ такъ только потому, что намъ это удобно! Но я этому не вѣрю. Эта бѣдная дѣ-

вушка, со своею горячею любовью къ часовщику, который даже ее не знаетъ...

— Да, но, вѣдь, она же немножко сумасшедшая!—возразила смущенно Елена, стараясь ее успокоить.

Іозефина вспыхнула:

— Сумасшедшая? Почему? Она любила его, этого красиваго, тихаго, трудолюбиваго человѣка и никому не говорила объ этомъ, никому не надоѣдала своею любовью. И потомъ она заболѣла, впала въ меланхолію, потому что онъ былъ такъ много выше ея и она не видѣла никакой возможности приблизиться къ нему...

— Нѣтъ!—воскликнула удивленно Елена Бегасъ.—Подобныя романическія идеи и у врача!..

— Всѣмъ врачамъ извѣстно, что разстройства чувствъ могутъ быть вызваны внѣшними причинами. Какъ отдѣлить внѣшнее отъ внутренняго? По крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи мы представляемъ монизмъ, нераздѣльную единицу. Меня просто изъ себя выводитъ, что ты думаешь такъ же, какъ этотъ докторъ, что у бѣдняковъ нѣтъ чувства.

Іозефина вдругъ разразилась слезами.

— Знаешь ли, Елена,—проговорила она,—я рада, что ты не изучаешь медицину. Такихъ, какъ ты, достаточно и среди мужчинъ.

— Благодарю! Merci! Много благодарна,—отвѣчала обиженнымъ тономъ Елена.—Но ты—настоящая женщина, Іози, до такой степени женщина!.. И сама не подозрѣваешь этого!

— Не подозрѣваю?—вскричала Іозефина, широко раскинувъ руками.—Нѣтъ, я знаю это, знаю и благодарю Бога за это.

Елена невольно улыбнулась:

— Ну, хорошо, ты знаешь. Но годится ли такая истая женщина, какъ ты, для ученія—это вопросъ другой!

Лицо Іозефины омрачилось:

— Можетъ быть! сказала она.—Что меня касается! Моя жизнь слишкомъ тяжела!

— Отдохни — сказала ей Елена рѣшительно. — Вѣдь если потомъ свалишься, то какая же польза была такъ трудиться. И вообще, ты такъ близко все принимаешь къ сердцу, я совсѣмъ этого не могу понять. Это не имѣетъ смысла. Ты вдругъ начинаешь удивляться, что люди показываютъ себя такими, каковы они есть на самомъ дѣлѣ. Я болѣе ничему не удивляюсь. Я каждый день радуюсь, съ тѣхъ поръ какъ нахожусь въ Швейцаріи и съ наслажденіемъ пользуюсь тѣми удобствами, которыя мнѣ здѣсь предоставлены для ученія. У насъ тамъ еще царитъ мракъ, темная ночь! Въ нашей дорогой Германіи день еще не наступилъ для насъ, женщинъ. Говорю тебѣ, что это страна готентотовъ, наши студенты настоящіе готентот-

скіе парни, а врачи-людоѣды, по отношеніи къ намъ женщинамъ. Побыла бы ты у насъ годика два! Завтра же тебя бы вышвырнули за дверь, очень просто! А послѣзавтра ты очутилась бы въ ямѣ... Нѣтъ у насъ критиковать не дозволяется. Особенно женщинамъ, которыя вѣдь свободны какъ птицы!

Іозефина недовѣрчиво усмѣхнулась.

— Какъ, у васъ хуже, чѣмъ въ Россіи?—спросила она машинально, потому что не разслышала всего, что говорила Елена.

Елена яростно кивнула головой.—Такъ оно и есть. Гораздо хуже!—воскликнула она.—Студенты или не имѣютъ никакого мнѣнія, или они противъ насъ, а высшія стремленія женщинъ не вызываютъ подозрѣнія, а только презрѣніе. Понимаешь ты? Это большая разница.

— Да, должно бы быть иначе,—замѣтила Іозефина,

— Должно, но никогда не будетъ, никогда, говорю тебѣ! У насъ такъ заведено: кто самъ не притѣсняетъ, тотъ, по крайней мѣрѣ, почитаетъ притѣснителей. Мы, нѣмцы, любимъ покланяться. Мы или деспоты или преклоняемся передъ кѣмъ-нибудь, и какъ часто, то и другое совмѣщается въ одномъ лицѣ. Восхитительная смѣсь! И все это у насъ исходитъ отъ сердца, все bona fide, безъ всякой скрытой насмѣшки надъ самимъ собою, какъ это замѣчается у другихъ націй. Ну, я больше ничего не скажу.

Іозефина смотрѣла въ окно на развивающіяся почки деревьевъ и вдругъ лицо ея покраснѣло.

— Иногда я думаю, и совершенно серьезно, — сказала она,—что мы призваны...

— Кто это мы?

— Мы, женщины...

— Ага!

— Что мы, женщины, призваны произвести родъ пересмотра въ мужскомъ государствѣ,—продолжала задумчиво и смущенно Іозефина.—Мнѣ кажется, что цѣль и смыслъ всего женскаго движенія заключаются именно въ этомъ пересмотрѣ ради служенія человѣчеству, которое хотя и медленно, но все-таки двигается впередъ. Своимъ, такъ много разъ поруганнымъ чувствомъ, мы должны подвергнуть испытанію всѣ ихъ произведенія холоднаго разсудка и посмотрѣть, что держится, а что нѣтъ, что дѣйствительно полезно и что дѣйствительно вредно. Мы должны возстать противъ ихъ педантизма, жажды выгоды, грубости и вступиться за права поруганной, истоптанной человѣческой личности, тамъ, тамъ...

Елена смотрѣла на нее съ удивленіемъ. Она была растрогана помимо воли.

— Позаботься лучше о себѣ, Іози, дитя, большое, безумное, милое дитятко!—Она вздохнула при этомъ и глаза у нея стали влаж-

ными.—Подумай о ближайшемъ, о самомъ близкомъ для тебя. Ты работаешь уже не такъ какъ прежде. Что-то поглощаетъ тебя, мѣшаетъ тебѣ. Я боюсь, что ты не въ состояніи будешь держать въ этомъ году государственный экзаменъ.

Іозефина не отвѣчала. Она все еще смотрѣла на освѣщенную крону яблони, почки которой отливали бронзой. Елена подошла къ ней и положила ей на плечо руку. — Сдѣлай себѣ вакаціи теперь, — сказала она.

Холодно и сердито посмотрѣла Іозефина на свою подругу. — Ты говоришь мнѣ непріятности безъ всякаго основанія. Я работаю. Я не провожу праздно время, за исключеніемъ данной минуты.

Она вскочила со стула, ея глаза покраснѣли и въ нихъ появилось выраженіе глубокой муки.

— Все, все надо превозмочь!—воскликнула она и замѣтивъ устремленный на нее пытливый взоръ Елены, разразилась гнѣвомъ: — Не смотри такъ на меня! Мы здѣсь не въ психіатрической клиникѣ. Я еще владѣю всѣми своими пятью чувствами.

Грустно посмотрѣла ей вслѣдъ Елена, когда она вышла.

Да, она отожествляла себя съ бѣдной, запуганной дѣвушкой, служанкой; она не считала себя высшею расой, какъ это безсознательно дѣлала Елена Бегасъ.

Іозефина почти ежедневно видѣла теперь Хованессіана. А когда она его не видѣла, то онъ все-таки стоялъ у нея передъ глазами. То представлялся онъ ей въ видѣ стройнаго, чернаго кипариса, съ слегка наклоненною верхушкой, съ покрытымъ смолою стволомъ, къ которому она съ радостью прислонилась, обнявъ его обѣими руками и прижавъ къ нему свое жаждущее сердце. То онъ казался ей орломъ, парящимъ въ воздухѣ, надъ всѣми пропастями и могилами земли. Или онъ сіялъ передъ нею какъ звѣзда, загадочно и нѣжно, и былъ такъ чуждъ ей! Ей казалось, что она видѣла его бѣлый мраморный образъ на высокой колоннѣ, воплощеніе человѣчности и доброты. Иногда, послѣ его разсказовъ онъ представлялся ей въ видѣ охотника, который разводитъ костеръ для себя и своихъ товарищей въ далекомъ невѣдомомъ лѣсу и, словно герой Гомера, поворачиваетъ надъ горящими угольями дичь, надѣтую на копье, то она видѣла его рыбакомъ, отправляющимся въ море, гостемъ въ уединенной рыбачьей хижинѣ, прислушивающимся къ морскимъ сказкамъ, или придумывающимъ такую сказку при свѣтѣ сосновой лучины, въ то время какъ луна, тамъ, внѣ хижины, освѣщаетъ разбивающіяся о берегъ волны. Иногда ей казалось, что онъ лежитъ на пестромъ коврѣ, подъ тѣнью тутоваго дерева, въ саду, окруженный смуглыми созданіями. Они поютъ пѣсни о лиліи, о соловьѣ и розѣ и вдругъ вскакиваютъ и принимаются плясать граціозный, пластическій, прекрасный

танецъ, подъ звуки зурны... Но вдругъ картина мѣняется. Безстрашный охотникъ превращается въ робкаго, большеглазаго, босоногаго ребенка, который обѣими руками крѣпко прижимаетъ къ себѣ своего голубя. Онъ такъ горячо любитъ этого голубя, и его отнимутъ у него, чтобы изжарить для отца!.. И образъ его постоянно мѣняется. Голодающій студентъ въ Москвѣ, питающійся только чаемъ, да картофелемъ, но всегда находящій у себя гроши, чтобы подѣлиться съ другими, или для того, чтобы взять билетъ въ театръ, когда пріѣзжаетъ какой-нибудь актеръ. Онъ первый, подъ вліяніемъ взрыва энтузіазма, спѣшитъ выпрячь лошадей изъ экипажа артиста и повезти его; веселый скрипачъ, вдругъ бросающій скрипку, потому что ему приходитъ въ голову, что есть «лучшее дѣло», нежели играть на скрипкѣ; человѣкъ преисполненный братскихъ чувствъ среди міра, въ которомъ господствуетъ самая грубая кулачная борьба; силачъ съ дѣтскою улыбкой на устахъ, для котораго не существуетъ трудностей или онъ не признаетъ ихъ; безстрашный человѣкъ, не боящійся запачкать свои руки, помогая другимъ,—всѣмъ этимъ былъ онъ въ ея глазахъ, и она жила точно въ волшебномъ мірѣ.

Когда упоеніе овладѣвало ею, она становилась ребенкомъ, жаждущимъ чудесъ, вѣрящимъ въ нихъ. Какъ далека она отъ той, какою была раньше! Развѣ въ своемъ несчастномъ бракѣ она не научилась отъ своего несчастнаго мужа считать всѣхъ людей, и себя также, низкими созданіями, которымъ много приходится утаивать? «Человѣкъ имѣетъ дурныя стремленія уже въ дѣтствѣ!..» Такъ думала она, пока не узнала его, и весь ея опытъ, вся ея мудрость были посрамлены. Съ каждымъ днемъ она открываетъ у него новыя качества; она получаетъ новое откровеніе, лобъ человѣка, котораго она любитъ, свѣтится добротой. И какъ простъ, какъ понятенъ ей этотъ человѣкъ, на лбу котораго сіяетъ доброта! Его жизнь—это красота, и Іозефина думаетъ, что для него созданъ міръ, для него и ему подобныхъ...

Но медленно, вмѣстѣ съ восторженнымъ удивленіемъ передъ нимъ, наростало въ ея душѣ страданіе. Она поняла, что значитъ чувствовать себя, ощущать себя больной. Она точно растеніе, оторванное отъ корня, не чувствовала подъ собою почвы. Ее мучила мысль: «Принадлежитъ ли міръ добрымъ? Правда ли это? Но куда же тогда должны бѣжать мы, сами дурные и ожидающіе только дурного отъ другихъ?»

Она начала бояться Хованессіана.

«Мнѣ нечего дѣлать съ тобою, ты слишкомъ яркій свѣточъ для меня! Оставь, не зароняй лучей въ тьму, окружающую меня»,—думала она.

Темныя, бурныя волны катятся вдали. Онѣ несутъ съ собою разломанную льдину. День и ночь плыветъ эта льдина и на ней виднѣются неясные контуры человѣческой фигуры. Іозефина знаетъ кто это. Это ея судьба, судьба, ожидающая ее въ будущемъ, и для нея не существуетъ никакой другой...

— «Уходи, уходи отъ меня, ты прекрасный, ты добрый! Не для меня, не для меня сіяніе окружаетъ твой лобъ! Я вижу тебя. Ты стоишь, упершись стройною ногой на заступъ и крупныя капли пота покрываютъ твой лобъ. Ты сдвинулъ шляпу на затылокъ и изъ-подъ нея развѣваются твои черныя кудри».

Іозефина смотрѣла въ садъ на веселую групппу и глаза ея упивались видомъ любимаго человѣка.

— Я прощаюсь, прощаюсь съ тобой,—прошептала она.

Изъ сада доносился къ ней веселый смѣхъ. Они всѣ бросали другъ въ друга пригоршнями опавшихъ бѣлыхъ вишневыхъ лепестковъ, Цвики, Хованесіанъ, дѣти, Лаура Анаиза... Рёсли, щечки которой раскраснѣлись, была совсѣмъ внѣ себя отъ восторга. Теплый, благоухающій вѣтерокъ качалъ начинающія зеленѣть вѣтви деревьевъ и дрожащія тѣни играли на поверхности посѣрѣвшей, высохшей подъ вліяніемъ майскаго солнца, земли.

Бѣлые цвѣты, золотистая зелень, синева небесъ и дѣтскій смѣхъ!

— Что вы не идете!—зоветъ ее Хованесіанъ и сильнымъ ударомъ всаживаетъ заступъ въ затвердѣвшую землю. — Идите сюда. Прекрасная работа. — Лицо его сіяетъ. — Мы тутъ продѣлываемъ дорогу!

Рёсли подбѣжала къ нему. Онъ нѣжно нагнулся къ ней и курчавые черные волосы его бороды коснулись ея головы. Онъ ласково говоритъ съ ребенкомъ. Когда онъ обращается къ дѣтямъ, то его глубокій голосъ пріобрѣтаетъ какой-то особенно теплый оттѣнокъ.

Малютка радостно смотритъ на него и съ выраженіемъ беззавѣтной преданности слушаетъ его.

«О!—думаетъ ея мать, стоя у окна,—Еслибъ я была такимъ же маленькимъ ребенкомъ, какъ она! Еслибъ я могла такъ стоять и смотрѣть на него вверхъ, какъ Рёсли, мое счастливое дитя, которая видитъ Бога въ церковномъ окошкѣ! О, еслибъ можно было вернуть молодость, вѣру, не имѣть прошлаго, будущаго, никакой вины, никакого страха, никакихъ обязанностей, ничего не знать!»...

Точно почувствовавъ призывъ могучей страсти, овладѣвшей душою Іозефины, Хованессіанъ поднимаетъ на нее глаза, и его веселое лицо становится серьезнымъ. Кровь съ внезапною силой приливаетъ ему въ голову; щеки его разгораются....

Іозефина исчезла.

Въ эту ночь Іозефинѣ снилось, что къ ней вдругъ навстрѣчу вышелъ незнакомецъ, неожиданное появленіе котораго заставило ее убѣжать изъ одного угла комнаты въ другой.

Незнакомецъ былъ въ элегантномъ костюмѣ, точно готовился отправиться въ свѣтское общество. Она ясно замѣтила широкую, бѣлую

грудь крахмальной рубашки подъ накинутымъ на плечи плащомъ, блестящій цилиндръ и новыя, красныя перчатки.

Онъ не говорилъ ничего, но только смотрѣлъ на нее и на его дряблыхъ устахъ виднѣлась таинственная, равнодушная усмѣшка; онъ какъ будто насмѣхался надъ нею. Его золотые очки блестѣли, стекла сверкали такъ, что она не могла разглядѣть его глазъ. И вотъ онъ дѣлаетъ столь знакомый ей жестъ, какъ будто собирается мыть руки; правая ладонь моетъ тылъ лѣвой руки, плечи округляются, онъ какъ будто собирается выговорить слово, котораго Іозефина боится, не хочетъ услышать отъ него.

Онъ смѣется и этотъ смѣхъ становится все болѣе страннымъ. Сверкающія стекла его очковъ направлены на нее. Онъ поднимаетъ руку, изгибаетъ ее дугой, исполненной искусственной граціи, какъ будто приглашаетъ ее, осматривая ее съ ногъ до головы, и насмѣшливо и высокомѣрно смѣется. Его толстыя, блѣдныя губы принимаютъ циническое выраженіе.

— Я васъ не знаю,—говоритъ ему Іозефина.—Прошу васъ, оставьте эту комнату.

Сердце ея какъ будто перестало биться. Ей холодно, но какая то апатрія овладѣла ею, а тамъ, внутри гдѣ-то глубоко, глубоко гнѣздится страхъ, такой страхъ!

Она просыпается: «Это былъ онъ! Георгъ!—думаетъ она.—Я сказала, что не знаю его. Но я его знаю. О!...»

Ужасъ пронизываетъ ее и она остается лежать неподвижно. А мысли вихремъ кружатся у нея въ головѣ.

«Неужели я его любила когда-нибудь? Этого? Любила?... Нѣтъ, нѣтъ! нѣтъ!... Уходи! Я не знаю тебя, ужасный человѣкъ! Я никогда не была твоей! Никогда! Никогда! Слышишь ты? Никогда! Я никогда не цѣловала тебя! Ты чужой для меня. Совершенно чужой. Прочь отъ меня! Ты.... призракъ, ночное видѣніе! Кто тебя выдумалъ! Ты! Ты!...»

Вдругъ она выпрямилась, заломила руки и застонала почти безсознательно:

— Господи! Убей его! Убей его! Убей!...

Послышался тоненькій плаксивый голосокъ въ темнотѣ: «Мама! Мама!»

Іозефина затаила дыханіе. Это проснулась Рёсли.

— Мама, зачѣмъ ты говоришь: убей?—спрашиваетъ ребенокъ.

Одно мгновеніе Іозефинѣ показалось, что темноту ночи пронизало сіяніе звѣзды и что-то зазвенѣло.... Но это продолжалось только мгновеніе.

Безмолвно натянула Іозефина на голову простыню закрывъ ею лицо, стиснула зубы и, сжавъ кулаки, повторила свою страшную молитву: «Всемогущій Господи! Убей его! Убей! Убей!...»

— Я вамъ что-то принесъ. Я принесъ картину,—сказалъ Хованессіанъ, входя къ Іозефинѣ.

Она мелькомъ взглянула на него и на мгновеніе глаза ихъ встрѣтились. У обоихъ было что-то натянутое, грустное въ лицѣ.

— Какую картину?

— Рѣпина, «Бурлаки», вы знаете.

Онъ положилъ картину, раскрашенную литографію, на письменный столъ, передъ Іозефиной и сталъ сзади нея, отойдя на нѣсколько шаговъ, какъ бы для того, чтобы не мѣшать ей.

Іозефина только взглянула на эту ужасную группу, группу бѣдняковъ, которые съ такимъ усиліемъ, съ такимъ напряженіемъ тащутъ свой тяжелый грузъ. Ея взволнованнымъ чувствамъ внезапно открылась почти нечеловѣческая сила той пѣсни, въ которой излилась мука несчастныхъ. Она видѣла впереди гигантовъ труда, съ опухшими, изсиня красными лицами, съ опущенною головой, согнувшихся точно быкъ подъ ярмомъ, для того чтобы со всею силою своихъ плечъ тащить впередъ тяжело нагруженное судно. Позади этихъ сильныхъ, человѣческихъ вьючныхъ животныхъ толпятся худые, жилистые, хрупкіе, вытянувъ свои тонкія шеи, почти лишенныя мускуловъ и, казалось, готовыя лопнуть отъ напряженія. Мышцы у нихъ, напрягшіяся до послѣдней возможности, образуютъ твердые узлы и канаты около угловатыхъ костей. Но среди всѣхъ этихъ, покорныхъ своей судьбѣ, людей, одинъ, молодой, какъ будто готовъ возмутиться. Онъ выпрямился, страданіе и бѣшенство выражаются на его лицѣ. Онъ высоко поднялъ голову и закинулъ ее назадъ, а руку просунулъ подъ ужасный ремень, который врѣзывается въ его обнаженную грудь. Этотъ страшный ремень, на всѣхъ давящій одинаково, проходитъ черезъ всѣ ихъ груди къ грузовому судну, которое они должны тащить за собой. Сколько проклятій застываетъ у нихъ на устахъ. Сколько стоновъ слышется въ ихъ безконечной пѣснѣ! Но послѣдній въ ряду.... О, этотъ уже не проклинаетъ болѣе и не поетъ! Тупо, какъ будто лишенный всякаго человѣческаго достоинства, съ безсильно повисшими руками и поникшею на грудь головою, онъ безсознательно, безвольно бредетъ за другими.... Его лицо обращено къ землѣ. Человѣческое вьючное животное вернулось къ обычной позѣ животныхъ... всему конецъ!

Хованессіанъ услышалъ громкое, неудержимое рыданіе. Передъ самымъ столомъ, закрывъ лицо руками, сидѣла Іозефина надъ картиной. Ея плечи содрогались отъ рыданія. Невыразимая грусть овладѣла ею при видѣ этихъ задавленныхъ страданіемъ людей и она все забыла, себя, Хованессіана, Георга, дѣтей, комнату, въ которой находилась, все! Весь воздухъ вокругъ нея, казалось ей, былъ переполненъ стонами, сердце ея истекало кровью, какъ будто оно было пронзено. Она рукою провела по своей груди: вотъ тутъ давитъ страшный ремень и врѣзывается въ живое, трепещущее мясо!

Гдѣ же крестикъ? Вѣдь тутъ у нея долженъ былъ висѣть на шнуркѣ крестикъ. Она пощупала рукой, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ думала найти на своей груди такой же крестикъ, какой виднѣлся изъ-подъ ремня на груди у молодого бурлака, въ красномъ изодранномъ кафтанѣ, возмутившагося противъ судьбы. Нѣтъ, она ничего не забыла! Она сознавала теперь все яснѣе, чѣмъ когда-либо! Она знала, что это жизнь. Она чувствовала, что и ея жизнь такая же. Именно этотъ символическій смыслъ картины, какъ всякаго такого произведенія великаго искусства, поразилъ ее въ самое сердце, завладѣлъ ею. Всѣ такъ, всѣ, она, Георгъ, дѣти, больные... Только... Нѣтъ, онъ этотъ человѣкъ, съ своею сверкающею улыбкой, не находился среди этой группы! Нѣтъ, Хованессіана тамъ не было, среди страдающихъ...

Она сбоку взглянула на него. Ей хотѣлось посмотрѣть на его лицо, на которомъ не было мѣста страданію... Но какое-то новое чувство пронизало ее, когда она увидѣла, что онъ задумчиво стоитъ въ полъоборота къ ней и крупныя слезы катятся по его щекамъ и исчезаютъ въ бородѣ. Она ощутила присутствіе чего-то таинственнаго, невидимаго въ этой комнатѣ, между этимъ плачущимъ человѣкомъ и собою, и слезы горячимъ потокомъ хлынули у нея изъ глазъ. Она затаила дыханіе и легкое обморочное состояніе овладѣло ею. Въ ушахъ раздавалась громкая, оглушающая музыка, а передъ глазами сверкали искры и звѣзды. Она неслась куда-то быстро, быстро, надъ темною бездной... Потомъ вдругъ она почувствовала чье-то легкое прикосновеніе. Волосы у нея стали дыбомъ, дрожь пронизала ее и она пришла въ себя. Возлѣ стула, на который она безсильно опустилась, стоялъ, нагнувшись, Хованессіанъ и гладилъ ее по волосамъ, шепча ей:

— Теперь ничего подобнаго нѣтъ! Теперь это дѣлаютъ маленькіе буксирные пароходы!

Они улыбнулись другъ другу, сквозь слезы, нависшія на рѣсницахъ, словно двое воскресшихъ людей, недовѣрчиво и изумленно, ощущая какую-то странную полноту неземного блаженства.

— Въ первый разъ мнѣ приходится видѣть, что и вы много страдали,—прошептала Іозефина и пытливо заглянула ему въ лицо, которое находилось отъ нея совсѣмъ близко.—Оттого вы такой...

Она хотѣла сказать: «оттого вы такой красивый», но не могла выговорить это и покраснѣла.

Хованессіанъ держалъ ея руку. Его рѣсницы дрожали, словно крылья черной бабочки.—Въ послѣднее время я много думалъ о женщинахъ,—сказалъ онъ какимъ-то странно звучащимъ голосомъ.

— Что же вы думали?

Онъ сильно поблѣднѣлъ и на его мужественныхъ чертахъ появилось робкое и нѣжное выраженіе. Онъ закрылъ глаза и молча сжалъ ея пальцы, потомъ вдругъ кровь бросилась ему въ лицо; онъ

нагнулся надъ ея рукой и стыдливо, подъ вліяніемъ охватившаго его всесильнаго чувства, прошепталъ:

— Простите меня! Простите меня! Я не думалъ такъ о женщинахъ. Не ставилъ ихъ такъ высоко! Простите меня! Вы научили меня, преобразовали, совершенно преобразовали. Я не надѣялся найти... Я не вѣрилъ! О, простите меня, простите меня!

Онъ упалъ на колѣни передъ нею и спряталъ свое лицо въ складки ея платья, потомъ вдругъ поднялся и быстро, словно потерянный, не говоря ни слова, вышелъ изъ комнаты.

Между душами, которыя притягиваютъ другъ друга, образуется словно тонкая сѣть волоконъ, нѣжныхъ и хрупкихъ, боящихся свѣта, трепещущихъ и ломкихъ, какъ тонкія нити водорослей или волоконца корней, наполненныхъ лучшими соками жизни. Тихонько, скрываясь отъ дневного свѣта, ищутъ другъ други эти слѣпыя нити, нѣжныя волоконца, выростающія изъ его и ея души и тянутся другъ къ другу. А когда наступитъ часъ, нѣжныя устьица прикоснутся другъ къ другу и волоконца сплетутся вмѣстѣ, то выростаетъ чудный, благоухающій и сверкающій всѣми цвѣтами радуги цвѣтокъ, питаемый самыми сладостными, самыми возвышенными мечтами, лучшею кровью сердца. Изъ чашечки этого цвѣтка изливается ароматъ, разносящій жизнь и смерть, нераздѣльныя и такъ тѣсно смѣшанныя другъ съ другомъ, что онѣ составляютъ одно. И жизнь и смерть одинаково сладостны, оба одинаково желательны, возвышенны! Жизнь и смерть!

Этотъ часъ наступилъ и цвѣтокъ зацвѣлъ.

«Умереть! Умереть бы въ эту минуту,—думала Іозефина, оставшись одна.—Ты! Ты! Я не знала, какіе люди живутъ на свѣтѣ. Я не знала, что есть одинъ человѣкъ, въ тысячу разъ выше и дороже всего міра. А ты говоришь обо мнѣ? Что я такое? Какъ ты можешь говорить со мною такъ, какъ ты говорилъ? Вѣдь я живу только съ тѣхъ поръ, какъ узнала тебя! Безъ тебя я ничто! Только черезъ тебя я начала жить, чувствовать, получила душу! Я только теперь сознаю неописуемую красоту земли, неба, жизни! Ахъ, умереть! Теперь, въ эту блаженную минуту! Это слишкомъ хорошо и потому исчезнетъ. Онъ увидитъ меня, какова я на самомъ дѣлѣ, и тогда все пройдетъ! Нѣтъ, умереть, хотя бы въ мукахъ, но ощущая поцѣлуй счастья на своихъ устахъ. Умереть отъ твоей руки, съ тобою вмѣстѣ!»

Вдругъ Іозефинѣ стало страшно; она испугалась за себя:

«Я схожу съ ума! Я и его хочу убить, какъ того, другого, котораго я сегодня ночью, во снѣ, задушила въ его темницѣ. Что за губительныя мысли у меня! И меня, меня онъ можетъ любить!»

Но она не можетъ отогнать отъ себя навязчивой, упорной мысли.

«Неужели это могло бы быть! Умереть вмѣстѣ! Нѣтъ, я должна умереть одна. Онъ долженъ жить! Видѣть потухшими эти глаза, этотъ

лобъ поблѣднѣвшимъ и покрытымъ смертнымъ потомъ? И изъ-за меня? Ахъ! гдѣ взять силы! Кто поможетъ мнѣ въ этой бѣдѣ? — Іозефина заломила руки.—Умирать должны только счастливые, не такіе, какъ я!»

Кто-то постучалъ въ двери. Іозефина вскочила и отперла ихъ. Это былъ посланный изъ женской клиники. Ей надо идти тотчасъ же. Это первые роды, которые ей придется вести самостоятельно. Въ первый разъ возлагается на нее такая трудная задача, а она позабыла объ этомъ. Куда же она годится послѣ этого? Такая безполезная мечтательница! И притомъ какія мечты поглощали ее: О Господи! Не освѣщай своими лучами этого сердца, объятаго мракомъ. Стыдъ! Стыдъ!

Быстро собравъ инструменты, Іозефина крикнула Еленѣ, что уходитъ, и вышла.

Она чувствовала, что теперь на нее готова обрушиться вся тяжесть жизни; она сознавала отвѣтственность, которая лежала у нея на плечахъ.

Надзирательница посмотрѣла на нее нѣсколько удивленно; практикантка Іозефина показалась ей черезчуръ взволнованной. «Извѣстно ли этой практиканткѣ, что отъ нея зависятъ двѣ человѣческія жизни?» подумала надзирательница. Но когда Іозефина сняла шляпу и перчатки, то лицо ея приняло спокойное выраженіе; возбужденіе исчезло и на лицѣ появился отпечатокъ глубокой серьезности и сознаніе тяжелой задачи. У постели кричащей, извивающейся отъ боли женщины Іозефина окончательно вернула свое спокойствіе. Бѣдная служанка молила о смерти подъ вліяніемъ страданій. Іозефина ласково заговорила съ ней, стараясь ее успокоить. Она должна жить, чтобы дать жизнь ребенку! И странный, слѣпой законъ жизни во что бы то ни стало одинаково захватилъ ихъ обѣихъ, какъ роженицу, такъ и врача. Для чего рождается этотъ ребенокъ? Для свѣта и дня или для мрака и жестокаго преслѣдованія? Бѣдняжка-мать не задаетъ себѣ такихъ вопросовъ; она страдаетъ и терпитъ.

Такое же слѣпое стремленіе къ жизни, которое охватываетъ рождающую женщину, придаетъ силы и Іозефинѣ. Ни на минуту она не забываетъ того, что надо дѣлать и, остается возлѣ страдалицы весь вечеръ, всю ночь.

Въ эту самую ночь, когда она такъ желала умереть сама, когда она лишила бы себя жизни, не будь она матерью и врачомъ,—въ эту самую ночь она помогла существу вступить въ жизнь и поддержала другое въ его страданіяхъ.

Когда она возвращалась домой на зарѣ, голодная и озябшая, то все, что она пережила до этого съ Хованессіаномъ, отошло въ область прошедшаго. Тяжелыя, кровавыя человѣческія страданія легли между нею и этимъ прошлымъ и она шла, думая о книгахъ, которыя необходимо проштудировать, о многомъ, чему она училась и что уже успѣла позабыть.

— Хованессіанъ! — сказала она вполголоса и улыбка появилась у нея на лицѣ. — Мой милый другъ, вы слишкомъ высоко ставите меня!

Она посмотрѣла въ сторону. Ей была пріятна мысль, что онъ находится возлѣ нея.

— Слишкомъ высоко! — повторила она. — Въ самомъ дѣлѣ, лучшее, на что я гожусь, это то, что я умѣю подчиняться требованіямъ минуты.

Спокойствіе, какого она давно не испытывала, охватило ее, вмѣстѣ съ ощущеніемъ усталости въ мышцахъ. Она какъ будто неожиданно достигла теперь давно желанной цѣли.

— Онъ цѣнитъ во мнѣ то, что я умѣю работать! — сказала она себѣ, радостно улыбаясь.—Это единственное, что онъ можетъ во мнѣ цѣнить; въ другихъ отношеніяхъ я ничто. Мы сохранимъ эту способность для себя, не правда ли, мой другъ? О, я такъ давно не работала съ полными силами.

Взоры ея съ ласкою устремились къ утренней звѣздѣ, а въ сердцѣ своемъ она чувствовала святыню.

— Какъ ты стараешься погубить себя!—бранила Елена свою подругу.—Эта вѣчная экзальтація. Даже когда ты молчишь, у тебя такой видъ, какъ будто ты сейчасъ готова закричать. И такъ работать до поздней ночи! Знаешь, я читаю теперь Августина. Это очень поучительно! У тебя также бываютъ, вѣроятно, искушенія, какъ у него?

Іозефина ничего не отвѣтила, но густо покраснѣла. Елена вздохнула:

— О, этотъ извращенный свѣтъ! Эти пылающіе святые! Хованессіанъ тоже изъ такихъ. Мнѣ всегда хочется подержать около него спичку, навѣрное она загорится. Ты какъ думаешь?

Не получая отвѣта, Елена продолжала уже серьезно, указывая на рѣпинскую картину, прибитую гвоздиками къ стѣнѣ, вблизи письменнаго стола Іозефины:

— Вчера Хованессіанъ объяснялъ мнѣ эту картину. Она превосходно сдѣлана, не правда ли? Онъ указалъ мнѣ на этого юношу, въ красномъ изодранномъ кафтанѣ, съ крестомъ на груди и сказалъ растроганнымъ голосомъ: «Этотъ еще борется; остальные уже покорились!» И потомъ прибавилъ, совершенно спокойнымъ тономъ: «Вотъ этотъ постоянно напоминаетъ мнѣ вашу подругу Іозефину, такое сходство!» И его глаза такъ уставились въ картину, что, казалось, пронизали ее насквозь.

— Не говори о немъ, — пробормотала Іозефина, но въ тонѣ ея голоса слышалось другое: «Говори еще! Говори больше о немъ!»

Но Елена послушалась словъ.

— Успокойся же, Іозефина, дорогая. Я больше всего желаю тебѣ этого. Къ счастью для меня, я родилась амфибіей и только чисто

случайно стала дѣвушкой... Скажу тебѣ, какъ удобно обладать такимъ темпераментомъ, какъ мой!

Іозефина испытывала минуты страстнаго влеченія къ человѣку, котораго любила. Она ненавидѣла и презирала себя въ такія минуты, но онѣ все таки возвращались. Когда онъ оставался вдали отъ нея, то былъ ея героемъ, ея орломъ, ея стройнымъ кипарисомъ, но близость его, привлекая ее, временами причиняла ей такую муку, что она должна была убѣгать отъ него.

Одна, въ своей комнатѣ, ища спокойствія и самообладанія, она кусала губы и со страстною тоскою ломала руки. И ей было такъ стыдно, такъ стыдно за себя! Но, повинуясь неудержимому влеченію, она возвращалась въ комнату, гдѣ онъ находился, нарочно замедляя шаги и боязливо прижимая руки къ груди. Ей хотѣлось броситься къ нему, хотѣлось зацѣловать его до смерти! Одинъ только разъ!.. Но она робко и медленно входила въ комнату и съ дикою ревностью смотрѣла на Германа и Рёсли, которыхъ онъ держалъ въ своихъ объятіяхъ. Она едва владѣла собою.

Когда Цвики становился возлѣ него и дружески клалъ ему на плечо руку или Елена и Бернштейнъ шутили съ нимъ и заставляли его бѣгать вокругъ стола, гоняясь за нимъ, или когда дѣти и взрослые окружали его тѣснымъ кругомъ, то у нея вдругъ являлось безумное желаніе крикнуть: «Не смѣйте его трогать! Онъ мой! мой! Прочь всѣ! какъ вы осмѣливаетесь прикасаться къ нему».

Въ такія минуты ею овладѣвало сильнѣйшее раздраженіе, которое она съ трудомъ могла подавить. Ее возмущала Лаура Анаиза, которая часто съ наивнымъ восхищеніемъ смотрѣла на Хованессіана и старалась къ нему приблизиться. Въ душѣ Іозефины возникало тогда внезапное отвращеніе къ молодой дѣвушкѣ, противъ котораго она старалась бороться всѣми силами своего разсудка. Послѣ того она всегда такъ страшно негодовала на себя, чувствовала къ себѣ такое глубокое презрѣніе, что ей хотѣлось унизить себя какъ можно больше. У нея являлось желаніе написать Хованессіану, раскрыть ему чувства, которыя бушевали въ ея душѣ, и сказать: «Вотъ какъ сильно ты во мнѣ обманулся! Вотъ какая я дурная!»

Но она не написала ему ничего, такъ какъ, когда она оставалась одна, буря затихала въ ея душѣ и она мысленно становилась на колѣни передъ своимъ кумиромъ. Душа ея снова была чиста и она была счастлива; она не стремилась завладѣть имъ для себя одной—нѣтъ! Онъ долженъ свѣтить всему міру, всѣмъ доставить счастье своимъ существованіемъ, а не ей одной.

«Когда они узнаютъ тебя, то не будутъ больше горевать, не будутъ чувствовать себя одинокими!—думала она.—Они не будутъ знать ни страха, ни униженія, ни пошлости, они перестанутъ мучиться, когда узнаютъ тебя, мое солнце!»

Ея любовь, въ такія мгновенія, казалась ей священнослуженіемъ. Она проливала слезы радости передъ алтаремъ, и мысль, что жизнь хороша, потому что на этомъ алтарѣ находится его изображеніе, наполняла ея душу точно небесная музыка.

Она складывала руки и молилась какъ ребенокъ: «Сдѣлай меня доброй! Очисти меня, чтобы я могла идти за тобою на небо!»

Постоянно терзаемая такими переходами отъ возвышеннаго экстаза къ дикой страсти, измученная и усталая, Іозефина бралась тогда за работу, какъ за всеисцѣляющее лекарство. И только тогда, когда работа поглощала ее, она чувствовала, что живетъ настоящимъ образомъ. Все остальное была какая-то дикая пляска, бурный потокъ, но тутъ, среди труда, она находила равновѣсіе и твердою рукою направляла руль своего корабля, избѣгая подводныхъ камней и утесовъ. Мало-помалу у нея развивалось самообладаніе, глубина взгляда и сознаніе побѣды надъ своими собственными страстями наполняло ее чувствомъ гордости и радости.

«Я люблю его, потому что хочу его любить,—думала она.—Если бы я не хотѣла этого, то могла бы потушить этотъ свѣтильникъ. Тогда наступила бы ночь, но, вѣдь, можно жить и въ темнотѣ».

Такъ прошли два мѣсяца и, наконецъ, наступилъ одинъ вечеръ, роковой вечеръ!

Іозефина долго оставалась въ хирургическомъ отдѣленіи. Ея любимая сидѣлка Ванда была въ отсутствіи, ей дали отпускъ на полдня, съ тѣмъ, чтобы она нашла себѣ замѣстительницу, и Іозефина взялась подежурить за нее.

Было душно. Цѣлый день больныхъ мучили мухи и, несмотря на открытыя окна, въ переполненной больными палатѣ не ощущалось притока свѣжаго воздуха. Рѣзкій запахъ іодоформа, хлороформа и карболки, смѣшанный съ испареніями больныхъ и ихъ ранъ, наполнялъ палату, образуя спеціальную госпитальную атмосферу, къ которой Іозефина никакъ не могла привыкнуть. Особенно ужасно было находиться вблизи молодыхъ дѣвушекъ съ гноящимися ранами костей. Около нихъ пахло смертью и разложеніемъ, а между тѣмъ именно эти несчастныя, безпомощныя больныя, осужденныя на долгое страданіе, нуждались въ особенномъ участіи. Іозефина не могла отказать этимъ несчастнымъ въ радости, которую доставляло имъ ея присутствіе; она садилась около ихъ болѣзненнаго одра и гладила ихъ холодныя, какъ ледъ, и влажныя или пылающія въ лихорадкѣ руки, прислушиваясь къ ихъ затрудненному дыханію, которое, казалось, долетало къ ней изъ глубины могилы. Ей было тяжело находиться возлѣ нихъ, но еще тяжелѣе было слушать ругань двухъ совсѣмъ молоденькихъ дѣвушекъ, которыя жалобными и въ то же время проникнутыми злостью голосами насмѣхались другъ надъ другомъ. Обѣ были больны волчанкой.

— У нея остался только одинъ глазъ, а она все еще желаетъ

прихорашиваться! Для доктора ты и такъ хороша! Не думаешь ли ты, что онъ посмотритъ на такую, у которой вмѣсто лица котлетка? Ха! Ха!

— А ты?—кричала другая, почти плача.—Ты лучше, что ли? Со своимъ искусственнымъ носомъ? Развѣ это носъ? Это клецка. Смотри, хочешь зеркало? Я навѣрно въ двадцать разъ красивѣе тебя.

Первая, повязавшая на свою бѣленькую, гладкую дѣвическую шейку красную ленточку, осторожно, кончиками пальцевъ, притронулась къ странному комочку, придѣланному ей на мѣсто носа врачами, которые воспользовались для этой цѣли кускомъ кожи, вырѣзаннымъ со лба.

— Не такъ ужъ плоха, какъ ты,—проворчала она насмѣшливо.— И вотъ увидишь, я найду себѣ мужа. А ты, какъ бы не такъ! Несчастная слѣпая курица, кто тебя возьметъ.

Полуслѣпая разразилась неистовымъ хохотомъ, который скоро перешелъ въ рыданіе, и вскричала:

— Ты! ты! Мужа?.. Да вѣдь я... я все же лучше тебя! Сестрица, не правда ли? Вѣдь я не такъ ужъ отвратительна? Вѣдь и одного глаза достаточно, чтобы видѣть? Сестрица, скажите же, которая изъ насъ двухъ лучше? Которая можетъ найти себѣ мужа?

— Какъ вамъ не стыдно! Успокойтесь же! Ни одна не получитъ мужа. И такъ проживете!—отвѣчала сестра милосердія Ванда, только что вернувшаяся съ прогулки. Она вошла въ палату раскраснѣвшаяся и веселая, держа въ рукахъ большой букетъ полевыхъ цвѣтовъ.—Вы опять ссоритесь? Это стыдно.

Іозефина ушла. Въ ушахъ ея все еще раздавались сердитые голоса ссорившихся дѣвушекъ и она не могла отдѣлаться отъ этого впечатлѣнія. Наморщивъ брови, она быстро шла по аллеѣ госпитальнаго сада и ей все слышались бранныя слова, которыми обмѣнивались двѣ несчастныя больныя.

Надъ озеромъ сверкала молнія. Небо было покрыто быстро несущимися темными клочьями тучъ. Луна то исчезала, то появлялась снова изъ-за темной завѣсы облаковъ, изливая свой голубоватый свѣтъ на дорогу.

Дойдя до калитки, которая была открыта, Іозефина вдругъ услышала за собою чьи-то легкіе тихіе шаги и чей-то голосъ проговорилъ: «Добрый вечеръ».

Она невольно вздрогнула. Все время, не переставая, она думала о немъ и даже во время ругани больныхъ у нея мелькнула мысль: «Какъ бы ужаснулся Хованессіанъ, еслибъ онъ это услыхалъ!» Она привыкла дѣлиться съ нимъ мысленно всѣмъ, съ чѣмъ ей приходилось сталкиваться и что производило на нее впечатлѣніе. И вдругъ теперь онъ очутился возлѣ нея, онъ какъ будто дожидался ее.

— Хотите прогуляться? Или вы устали?—спросилъ онъ ее тихо, идя съ нею рядомъ.

Оба чувствовали смущеніе и молча прошли нѣсколько шаговъ.

— Очень душно,—выговорила Іозефина съ трудомъ.—Надвигается гроза.

— О нѣтъ, еще нѣтъ. Я бы хотѣлъ... если вы мнѣ позволите... сказать вамъ нѣсколько словъ...

Его дрожащій голосъ выдавалъ его волненіе. Они прошли мимо дома Іозефины и вышли на незастроенную улицу, которая шла въ гору. Молчаніе давило ихъ. Они остановились на минуту и взглянули на сверкавшій огнями городъ, лежащій внизу, на который луна слала теперь съ высоты свой мягкій, серебряный свѣтъ. Какой-то странный, глухой и протяжный звукъ раздался за ними. Это вѣтеръ пронесся надъ краемъ откоса горы.

Хованессіанъ взялъ ея руку, прижалъ ее къ своимъ губамъ и глубоко вздохнулъ:

— Мнѣ такъ тяжело,—сказалъ онъ.—Я не могу больше приходить къ вамъ... У меня такъ натянуты нервы, я такъ неспокоенъ...

— Да,—прошептала Іозефина машинально.—Это правда...

— Я знаю... вы любите... другого. О, я знаю это, знаю!.. И я вашъ другъ... Я бы хотѣлъ... Вы любите его... вашего мужа?.. Ахъ, если бъ я могъ взять васъ и унести отсюда... далеко! Мы бы полетѣли туда, туда, къ прекрасной звѣздѣ... Долженъ я удалиться? Долженъ... Іозефина?

Она посмотрѣла на него умоляющимъ взглядомъ. Ея глаза казалось говорили ему: «Нѣтъ! Нѣтъ!», но дрожащія губы промолвили: «Да!»

Онъ застоналъ. Ея молящій взоръ лишалъ его самообладанія.

Іозефина вдругъ почувствовала, что ее обняли сильныя, могучія, горячія руки и прижали ее къ груди. Ея пересохшія, жаждущія губы обожгло точно огнемъ и никогда еще не испытанное ею чувство страсти охватило ее. Она откинулась назадъ и, протянувъ руки, уперлась въ его широкую, тяжело дышавшую грудь.

— Ты не хочешь быть моей? Не хочешь?—раздавался въ ея ушахъ чей-то страстный шопотъ, и вся кровь, прилившая у нея къ сердцу, казалось, взывала: «Да, хочу!», но уста почти противъ воли, необъяснимымъ образомъ, повторяли: «Нѣтъ! Нѣтъ!»

— Нѣтъ?!

Онъ пересталъ сжимать ее въ своихъ объятіяхъ и громко перевелъ духъ.

— Нѣтъ!—повторяла она.—Нѣтъ! Нѣтъ!

Его руки опустились. Онъ взялъ ея пальцы и поднеся ихъ къ своимъ устамъ, стиснулъ ихъ зубами.

— Я не долженъ больше приходить?

— Нѣтъ!

— И ты меня позабудешь, Іозефина?

Изъ груди ея вырвался стонъ и, задрожавъ всѣмъ тѣломъ, она съ отчаяніемъ прошептала:

— О, еслибъ умереть! Умереть!

Онъ также вздохнулъ:

— Это было бы слишкомъ малодушно для тебя! Ты... будешь... жить!—проговорилъ онъ тихо, но настойчиво.

Закрывъ глаза рукою, онъ простоялъ молча нѣсколько мгновеній Іозефина не шевелилась. Кругомъ воздухъ какъ будто былъ наполненъ вздохами.

Ей казалось, будто она ушла куда-то далеко, далеко, будто она уже умерла.

— А меня ты не спрашиваешь, что я буду дѣлать?—спросилъ онъ съ горечью.

Она торопливо повторила:

— Что ты будешь дѣлать?

Онъ снова заключилъ ее въ свои объятія и началъ нашептывать ей слова на своемъ языкѣ, глухимъ, дрожащимъ голосомъ, съ глазами, полными слезъ. Это была молитва, благодарность, благословеніе. Потомъ онъ сказалъ ей по-нѣмецки:

— Живи! Научи меня переносить! Ты многое сдѣлаешь! Я о тебѣ услышу. Можетъ быть, и ты услышишь обо мнѣ. У насъ есть задачи, ты знаешь... тамъ, на родинѣ!

Вдругъ его тонъ измѣнился, потерялъ свою теплоту. Глаза его расширились и взглядъ его устремился вдаль.

— Между нами лежитъ камень,—сказалъ онъ, нахмуривъ брови. Его руки отпустили ее.—Ты такъ хотѣла!

Молнія, сверкавшая кругомъ, не прекращалась ни на мгновеніе, отливая то краснымъ, то зеленоватымъ свѣтомъ. Надъ озеромъ прокатились первые раскаты грома, но луна продолжала ярко свѣтить по временамъ.

— Убей меня, молнія!—стонала измученная душа Іозефины.—Это больше, чѣмъ я могу вынести.

Она медленно удалилась.

— Единственный другъ,—съ трудомъ проговорила она, идя съ опущенною головою,—прощай!.. Будь счастливъ! Забудь!.. Я... Я... благодарю тебя!..

Она исчезла въ тѣни деревьевъ и ея слова жалобно прозвучали въ шумѣ вѣтвей. Хованессіанъ не удерживалъ ее, но онъ ждалъ, что она вернется, что она, по крайней мѣрѣ, оглянется но него! Но она этого не сдѣлала. Невѣрными шагами, поникшая, она шла впередъ, точно движимая какою-то странною, непонятною силою.

«Если бы ей преградила путь гора, то она бы все же не остановилась», подумалъ Хованессіанъ.

Онъ слѣдовалъ за нею въ нѣкоторомъ отдаленіи. Онъ видѣлъ, какъ она вошла въ освѣщенный кругъ около ея дома, какъ она остановилась и облокотилась, точно въ изнеможеніи, на перила крыльца. Опу-

стивъ голову, стояла она, держа шляпу въ безсильно повисшей рукѣ. Онъ почувствовалъ, что долженъ ее оставить одну, изъ жалости, изъ состраданія и любви, на которую онъ не считалъ себя способнымъ до этой минуты и которая внезапно обрушилась на него съ неба или изъ сердца женщины, гдѣ она зародилась впервые.

«Найдена и потеряна!—подумалъ онъ.—Зачѣмъ все устремляется впередъ? Зачѣмъ все не могло оставаться такъ, какъ было?»

Она исчезла въ домѣ.

— Да хранитъ тебя Богъ! Да хранитъ тебя Богъ!—шептали его уста.

Онъ не вѣрилъ никакому Богу, не вѣрилъ ни въ какую защиту, но въ эту священную минуту его губы невольно повторяли слова, которыя онъ слышалъ отъ своей матери, слова, проникнутыя глубокой, самоотверженною нѣжностью и смиреніемъ.

Всю ночь онъ провелъ на скамейкѣ, на бульварѣ, откуда могъ видѣть ея домъ.

Черезъ два дня онъ уже уѣхалъ изъ города.

А Іозефина продолжала жить въ опустѣлой комнатѣ, въ опустѣломъ домѣ, въ опустѣломъ городѣ!

Міръ для нея превратился въ пустыню.

И она продолжала вести жизнь безъ смысла, безъ содержанія, безъ солнечнаго свѣта и тепла, печальную и исковерканную. Четыре долгихъ, тяжелыхъ и мучительныхъ мѣсяца прожила она такъ. Она не была бездѣятельна, но дѣятельность ея была лишена прежняго воодушевленія. Трудъ, въ который она вкладывала свою честь и свои надежды, снова превратился для нея въ опіумъ, притупляющій ея страданія, усыпляющій ее. Она соткала кругомъ себя непроницаемую сѣть. Все, что происходило снаружи, было такъ ей безразлично теперь! Ни худое, ни хорошее уже больше ее не трогали. Даже ея отношенія съ дѣтьми, не только съ товарищами и посторонними, сдѣлались чисто-внѣшними, поверхностными.

«Изъ одиночества мы пришли, въ одиночествѣ живемъ и къ одиночеству же возвращаемся», думала она и съ удивленіемъ смотрѣла на другихъ людей, которые говорили о солидарности, совмѣстной дѣятельности, о сообществѣ.

Она была одинока!

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ.

Передъ зданіемъ желѣзнодорожнаго вокзала на площади, около красиваго фонтана, толпился народъ.

Серебристыя липы на площади и на выходящихъ на нее улицахъ порѣдѣли и пожелтѣли, но октябрьское солнце еще ярко свѣтило, посылая свои лучи на зеленый, пѣнящійся Лиммать, воды котораго съ шумомъ

устремлялись къ запрудѣ, къ мельницѣ, стоящей внизу, и продолжали дальше свой путь, производя уже однимъ своимъ видомъ освѣжающее, бодрящее впечатлѣніе.

Женщины съ непокрытыми головами, съ корзиночками въ рукахъ, почтенные загорѣлые старики, съ бронзовыми лицами и съ дымящимися трубками въ зубахъ, дѣти въ пестрыхъ лѣтнихъ платьяхъ и молодыя дѣвушки, везущія дѣтскія колясочки—вся эта разнообразная толпа группами тѣснилась подъ аркадами, вблизи выходовъ, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдя за выставляемыми у дверей вокзала щитами, на которыхъ были обозначены приходящіе поѣзда. Въ толпѣ слышался смѣхъ, шутливыя замѣчанія; никто, однако, не тѣснился и не толкалъ другъ друга, всѣ были радостно настроены и находились въ возбужденномъ состояніи, какъ передъ ожиданіемъ чего-то особенно пріятнаго и веселаго.

Площадь все болѣе и болѣе наполнялась людьми, и скоро они покрыли собою все свободное пространство, оставивъ только небольшой узкій проѣздъ для электрическаго трамвая и желтыхъ почтовыхъ повозокъ. Тутъ преобладали мужчины, одѣтые, однако, не такъ, какъ обыкновенно, въ темное городское платье, а въ бѣлыхъ или бѣлыхъ съ голубымъ костюмахъ гимнастовъ, оставлявшихъ обнаженными тонкія, загорѣлыя, мускулистыя руки и шею. Флаги и знамена развѣвались въ толпѣ, и по временамъ раздавались звуки музыки; это игралъ оркестръ, стоявшій у фонтата. Солнечные лучи сверкали въ струяхъ бьющей вверхъ и низвергающейся воды и на мѣдныхъ инструментахъ музыкантовъ. Маленькая группа итальянцевъ рабочихъ, припертая въ углу, распѣвала какую-то веселую пѣсню, отбивая тактъ по панели своими палками. Въ воздухѣ разносились свистки паровозовъ. Церковные часы, а за ними и часы на вокзалѣ громко пробили пять часовъ.

Наконецъ, появился желанный поѣздъ. Матери и отцы поспѣшили стать вблизи двойной двери, а дѣтскія колясочки расположились шпалерами. Двери раскрылись, и дѣти, съ букетами въ рукахъ, въ украшенныхъ виноградными листьями шляпкахъ, ожерельями изъ зеленыхъ вѣтокъ на шеѣ и букетиками дубовыхъ листьевъ, качающимися на верхушкѣ палокъ, веселыя, возбужденныя, выбѣжали въ припрыжку на платформу, ярко залитую солнцемъ. Начались объятія, поцѣлуи, крики, поиски дорожныхъ вещей. Воздухъ наполнился гуломъ веселой, празднично настроенной толпы. Красивыя вѣтви вереска, украшенныя вѣнками соломенныя шляпы, пестрыя гирлянды изъ осеннихъ листьевъ, которыми были окутаны нѣкоторые изъ самыхъ маленькихъ путешественниковъ и путешественницъ отъ головы до самого края ихъ коротенькихъ платьевъ, все это мелькало между трубочками старичковъ, протянутыми руками матерей, отодвигающихъ въ сторону дѣтскія колясочки, преграждавшія дорогу, и исчезало въ толпѣ.

Прежде чѣмъ родители разыскали своихъ дѣтей, разбѣжавшихся въ разныя стороны, пришелъ второй ожидаемый поѣздъ. Открылись другія двери, въ то время какъ поѣздъ съ грохотомъ подкатилъ къ платформѣ. На ступеняхъ лѣстницы показались побѣдоносные гимнасты, съ огромными лавровыми вѣнками въ рукахъ, разукрашенными знаменами, и раздались громкіе крики «ура» и рукоплесканія. Тѣ знамена, которыя держали въ рукахъ ожидавшіе на площади, склонились въ знакъ привѣтствія вновь прибывшимъ. Грянула музыка, за гимнастами показались бронзовыя, мощныя фигуры бернцевъ и фрейбургцевъ въ бархатныхъ безрукавкахъ; двое впереди держали каждый по молодой соснѣ, которую они, казалось, вырвали изъ каменистой почвы горъ и съ торжествомъ несли надъ головами встрѣчной толпы.

Воздухъ дрогнулъ отъ восторженныхъ возгласовъ. Кто-то затянулъ швейцарскую пѣсню, подхваченную тотчасъ же сотнями молодыхъ голосовъ. Пламенныя строки Готфрида Келлера, воспѣвшаго прекрасную швейцарскую родину, разнеслись въ воздухѣ, надъ головами толпы, наполнявшей площадь. Кругомъ царили радость, веселье; всѣ были счастливы, горды, смѣялись, кричали, но ни толкотни, ни торопливости, ни безпорядка, не было и нигдѣ не было замѣтно полиціи, стѣсняющей толпу и обыкновенно вызывающей въ ней смятеніе.

Торжественная встрѣча, устроенная на площади вокзала горцамъ, пріѣхавшимъ навѣстить горожанъ, положила начало импровизированному празднеству, какими вообще такъ богата швейцарская жизнь. Длинный поѣздъ привезъ въ городъ множество посѣтителей, членовъ одного и того же гимнастическаго союза. Нѣсколько частныхъ пассажировъ, попавшихъ въ толпу разукрашенныхъ горцевъ съ загорѣлыми лицами, точно конфузясь своего присутствія, робко пробирались впередъ. Нѣкоторые, впрочемъ, останавливались въ толпѣ ожидающихъ, привлеченные любопытствомъ или увидѣвъ знакомаго горнаго пастуха, или знаменитаго гимнаста, съ радостью привѣтствовали его, гордясь знакомствомъ съ такимъ лицомъ, слава котораго, казалось, отражалась и на нихъ.

Только одинъ человѣкъ среди этой веселой толпы, желтый и больной, безучастно и съ трудомъ прокладывалъ себѣ дорогу между тѣснившимися у входа въ вокзалъ людьми. Онъ былъ въ элегантномъ костюмѣ, который, однако, былъ для него слишкомъ широкъ и бросался въ глаза своимъ старомоднымъ покроемъ. Маленькій, желтый кожаный дорожный чемоданъ, который онъ держалъ въ рукѣ, заставлялъ его сильно склоняться на лѣвую сторону, а цилиндръ, глубоко надвинутый на глаза, странно выдавался среди мягкихъ шляпъ съ отвислыми краями и придавалъ этому незнакомцу что-то экзотическое.

— Билеты, прошу! — выкрикнулъ въ тысячный разъ желѣзнодорожный служащій, стоящій у рѣшетки, и протянулъ руку. Но путе-

шественникъ какъ будто ничего не слыхалъ, ни на что не обращалъ вниманія, поникнувъ головой и прижавъ правую руку къ груди, онъ продолжалъ подвигаться впередъ, слегка охая. Когда сторожъ громко окликнулъ его и загородилъ ему рукою дорогу, онъ вдругъ вскрикнулъ и бросился бѣжать.

— Стой! Билетъ!—крикнулъ сторожъ.

Какая-то рѣшительная женщина схватила за рукавъ бѣгущаго, чтобы остановить его.

— Ахъ! Ахъ!—жалобно вскрикнулъ онъ, словно отъ боли. Его рука, когда онъ началъ вытаскивать требуемый билетъ, такъ сильно дрожала, что билетъ выпалъ. Сторожъ выругался, поднимая билетъ, и пропустилъ пассажира, но тотъ не успѣлъ сдѣлать и нѣсколько шаговъ, какъ зашатался, и его должны были отвести въ залу, чтобы онъ оправился. Сторожъ передалъ его на руки кельнеру, и тотъ, видя передъ собою изящно одѣтаго господина, спросилъ по-англійски его приказаній,

Пассажиръ, однако, отвѣчалъ ему на нѣмецкомъ языкѣ, не открывая глазъ:—«Коньяку! Носильщика! Дрожки!»

Выпивъ рюмку коньяку, путешественникъ нѣсколько оправился, и шаги его сдѣлались гораздо тверже, когда онъ пошелъ вслѣдъ за носильщикомъ, понесшимъ его чемоданчикъ, къ той сторонѣ вокзала, гдѣ можно было найти извозчиковъ. Двѣ прехорошенькія молодыя дѣвушки, въ большихъ шляпахъ и съ затянутыми тонкими таліями, прошли мимо путешественника. Онъ взглянулъ на нихъ и лицо его оживилось:

— Носильщикъ!—спросилъ онъ вполголоса. — Какъ зовутъ этихъ?

Носильщикъ повернулъ къ нему потное лицо и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него. Внезапная перемѣна, происшедшая съ путешественникомъ, поразила носильщика. — Вы вѣрно пріѣхали издалека, не правда ли?—замѣтилъ носильщикъ снисходительно.

Извозчикъ подъѣхалъ, щелкая бичомъ.

— Тридцать сантимовъ, господинъ! — сказалъ носильщикъ, остановившись возлѣ экипажа.—Тридцать сантимовъ!—закричалъ онъ сердито и, не получая отвѣта, побѣжалъ за экипажемъ.

— Тридцать!.. Эй, вы!..—крикнулъ, наконецъ, кучеръ.

— Pardon! Я забылъ.

Носильщикъ получилъ пятьдесятъ сантимовъ, но онъ долженъ былъ собирать ихъ на мостовой, такъ какъ разсѣянный путешественникъ разронялъ деньги.

Спустя полчаса желтый, больной путешественникъ стоялъ у дверей дома «Zum grauen Ackerstein» и читалъ, нагнувшись, стоящее на мѣдной дверной дощечкѣ имя: «Д-ръ Георгъ Гейеръ».

Онъ слышалъ грохотъ колесъ медленно удалявшагося экипажа, который привезъ его, а за дверями раздавался веселый смѣхъ, топаніе чьихъ-то легкихъ ножекъ и въ щели видно было, что кто-то зажигалъ лампу въ сѣняхъ.

Послѣдніе лучи вечерней зари угасали. Путешественникъ посмотрѣлъ на извилистую бѣлую линію дороги, около которой росла узловатая старая яблоня, а затѣмъ перевелъ глаза на стеклянныя двери. Въ узкую щель между пестрыми занавѣсками виднѣлась полоса свѣта отъ горѣвшей за дверью лампы. Смѣхъ и шопотъ ногъ за дверью прекратились.

Громко запѣлъ сверчокъ. Сердце путешественника билось такъ сильно, что, казалось, вторило пѣнію сверчка. Едва держась на ногахъ отъ усталости, стиснувъ зубы, стоялъ онъ у двери, не зная на что рѣшиться. Наконецъ, онъ поднялъ исхудалую, дрожащую руку и нащупала плоскую пуговку звонка въ металлическомъ углубленіи.—Вѣдь прежде тутъ была большая стеклянная кнопка,—пробормоталъ онъ и нагнулся, чтобы хорошенько разсмотрѣть звонокъ. Онъ хотѣлъ засмѣяться, но вдругъ судорога искривила ему ротъ и лѣвое плечо начало подергиваться.

— Ахъ опять!—застоналъ онъ, торопливо растирая рукой лѣвую щеку. Подождавъ немного, онъ нажалъ кнопку, раздался громкій звонокъ, и вслѣдъ затѣмъ послышались шаги и стукъ отворяемой двери.

Передъ путешественникомъ стояла красивая, высокая черноволосая дѣвушка, въ яркокрасномъ передникѣ и съ вязальною иглою въ зубахъ.

— Bona sera,—сказала она.—Кого вамъ нужно?

— Госпожу Гейеръ,—отвѣчалъ незнакомецъ и лицо его снова перекосило судорогой.

Молодая дѣвушка отступила, даже не пытаясь скрыть своего отвращенія.—Госпожи нѣтъ дома, къ сожалѣнію,—сказала она коротко, вынимая вязальную иглу, которую держала въ своихъ бѣлыхъ зубахъ.

— Когда она вернется?—спросилъ незнакомецъ, пристально разсматривая красивое лицо дѣвушки, принявшей угрюмый видъ.

— Къ одиннадцати, а можетъ быть и къ двѣнадцати часамъ ночи,—отвѣчала дѣвушка.

Незнакомецъ застоналъ и покачалъ головой.

— Гдѣ же она остается такъ долго?—спросилъ онъ, и въ голосѣ его слышалось подозрѣніе.

— Гдѣ? Въ клиникѣ. Тотъ, кто служитъ ассистентомъ, долженъ тамъ находиться, не такъ ли?

— Ахъ!—онъ ударилъ себя по лбу и улыбнулся своею ужасною судорожною улыбкой, искривившею лицо.—Кто же дома?

Дѣвушка съ изумленіемъ посмотрѣла на него.

— Дома? Г. Бернштейнъ и фрейлейнъ Елена находятся въ коллегіи, но г. Логиновичъ, можетъ быть, дома. Я пойду спрошу.

Она быстро прошла въ двери, не постучавъ, а когда вернулась, то съ нею вмѣстѣ вышла дѣвочка лѣтъ одиннадцати, съ длинными темнорусыми волосами, свѣшивающимися на лобъ и на спину. Тонкая,

нѣжная фигурка дѣвочки прижималась къ черноволосой дѣвушкѣ, мощная и здоровая наружность которой казалась почти грубой рядомъ съ прозрачнымъ личикомъ ребенка, поражавшимъ мечтательнымъ взглядомъ своихъ огромныхъ, прекрасныхъ глазъ.

— Мама въ клиникѣ,—сказалъ тоненькій, нѣжный голосокъ и щеки дѣвочки покраснѣли.

Но и больное лицо посѣтителя также покраснѣло. Глаза у него точно налились кровью и губы все время подергивались. Онъ поднялъ руки и сказалъ, усиліемъ воли смягчая свой голосъ, не спуская глазъ съ дѣвочки:—Но ты дома!

Онъ рѣшительно переступалъ порогъ, таща за собою чемоданъ.

— Я?—пронзительно вскрикнула дѣвочка и бросилась бѣжать въ открытыя двери кухни.—Лаура-Анаиза! Иди сюда! Иди сюда!

Дѣвочка затопала ногами и принялась плакать. Какимъ-то робкимъ, но въ то же время упрямымъ голосомъ посѣтитель объявилъ, что онъ хочетъ ждать и, точно притягиваемый черною надписью на дверной фарфоровой дощечкѣ, направился къ двери.

Лаура-Анаиза прошла впередъ и открыла двери. Порывъ вѣтра, подувшій изъ открытаго окна узкой комнаты, заставилъ пламя стѣнной лампы вытянуться кверху въ видѣ краснаго острія.

— Извините,—проговорила дѣвушка,—но вѣдь это слишкомъ долго! Ждать? Но, вѣдь, она можетъ придти только къ двѣнадцати. Лучше завтра!

Но посѣтитель сѣлъ на стулъ у письменнаго стола и ничего не отвѣчалъ. Дѣвушка споткнулась о кожаный чемоданъ, который онъ поставилъ на полъ. Она перешагнула черезъ него и рукою дотронулась до плеча назойливаго гостя.—Слушайте вы!—сказала она, кашлянувъ.—Приходите-ка лучше завтра.

— Лампу!—возразилъ на это посѣтитель, не поворачивая головы, но вздрогнувъ отъ ея прикосновенія, точно отъ обжога.—Лампу и стаканъ воды!

Его оханіе наводило ужасъ на дѣвушку. Она выбѣжала изъ комнаты и, какъ вихрь, ворвалась въ комнату Логиновича.

— О! о!—кричала она.—Идите скорѣе. Тамъ сидитъ одинъ... Онъ точно изъ дерева... совсѣмъ деревянный... вошелъ въ комнату и не уходитъ... точно изъ дерева!

Логиновичъ обернулся и съ удивленіемъ взглянулъ на дѣвушку. За ухомъ у него торчало перо, а круглые стекла очковъ блестѣли при свѣтѣ лампы.

— Опять ничего не понимаю!—воскликнулъ онъ и засмѣялся, причемъ его маленькое сморщенное личико покрылось еще болѣе мелкими складками.—Скажите толкомъ, что вамъ надо!.. Тш! Тамъ кто-то плачетъ!—сказалъ онъ вдругъ, прислушиваясь.

Они выбѣжали изъ комнаты. Въ сѣняхъ раздавался чей-то плачъ

и крикъ, и они увидѣли на порогѣ незнакомца, который держалъ въ рукахъ отбивавшуюся отъ него Рёсли и точно безумный цѣловалъ ея лицо и волосы. Его шляпа валялась на полу, а безбородая и безволосая желтая голова напоминала собою черепъ мертвеца. Наконецъ, онъ выпустилъ дѣвочку, которая бросилась къ Лаурѣ-Анаизѣ и, спрятавшись въ складки ея платья, продолжала плакать и кричать. Лаура-Анаиза увела ее съ собой. Это было настоящее бѣгство и еще долго за дверьми кухни раздавались рыданія и крики ребенка.

Логиновичъ принялъ воинственную позу. Онъ былъ багрово красенъ и ругался по-русски, а затѣмъ по-нѣмецки. Онъ кричалъ:—Вонъ! Вонъ! Чего тебѣ надо? Ты хочешь убить ребенка?

Незнакомецъ совершенно безучастно отнесся къ его словамъ. Онъ въ изнеможеніи прислонился къ стѣнѣ и закрылъ глаза, казалось онъ вдругъ заснулъ.

Молодой русскій продолжалъ кричать на него, но вдругъ голосъ его понизился и онъ сказалъ уже другимъ, болѣе участливымъ тономъ: Вы больны? Что вамъ надо? Она не лечитъ мужчинъ, только женщинъ и дѣтей. Идите къ другому врачу.

Что-то дрогнуло въ изможденномъ, безкровномъ лицѣ посѣтителя и онъ съ трудомъ раскрылъ свои темные глаза. Взглядъ ихъ былъ тусклый и какой-то стекляный.—Кто живетъ здѣсь?—прошепталъ онъ, точно спрашивая самъ себя и не ожидая получить отвѣтъ.

Логиновичъ пожалъ плечами и сострадательно засмѣялся:

— Тутъ живетъ много людей. А кого вы хотите видѣть?

— Тамъ на дверяхъ поставлено имя,—замѣтилъ незнакомецъ.

— Мало ли что? Имя тутъ ничего не значитъ. Такого тутъ нѣтъ.

Усталые глаза незнакомца сверкнули.

— Такъ, такъ, его нѣтъ! — сказалъ онъ. — А кто это говоритъ? Имя, вѣдь, стоитъ на дверяхъ. Это противорѣчіе, eo ipso, не такъ ли? Ахъ! Ахъ! Онъ умеръ?—незнакомецъ прищурился, словно ожидая услышать пріятное извѣстіе.—Мнѣ было бы интересно услыхать, что вы о немъ знаете. Видѣли ли вы его мертвымъ, господинъ... не знаю вашего имени.

— Логиновичъ,—проговоривъ русскій.—Что вамъ нужно? Я не понимаю! Умеръ онъ или только отсутствуетъ, — я о немъ ничего не знаю. Меня это не интересуетъ.

— Отсутствуетъ? Вы сказали отсутствуетъ, г. Логиновичъ? Но гдѣ же онъ? Меня это интересуетъ, ради Бога, скажите, гдѣ?

Логиновичъ невольно отодвинулся, когда незнакомецъ обратилъ на него свой пытливый, угрожающій взоръ.

— Мы не знаемъ. Меня это не касается. Можете спросить ее... а теперь уходите!

Онъ открылъ двери, приглашая его выйти.

— Куда? — спросилъ незнакомецъ, вздыхая. Онъ выпрямился и

снялъ свои новыя желтыя лайковыя перчатки.—Я подожду. Я, вѣдь, долго ждалъ. Или вотъ что: ее, вѣдь, можно вызвать. Скажите, г. Логиновичъ, что пришелъ родственникъ. Преемника у него нѣтъ? Или, можетъ быть, вы преемникъ? Нѣтъ! Нѣтъ! Вы говорите, она въ клиникѣ, г. Логиновичъ? Въ какой клиникѣ? Я тоже зналъ клиники; частенько бывалъ тамъ, да, да... Вы видѣли его мертвымъ? Нѣтъ? И нѣтъ преемника? Удивительно! Я былъ увѣренъ, что слышалъ это... Можете вы мнѣ дать стаканъ воды. Я ужасно усталъ. Разговоръ утомляетъ меня, но это такое наслажденіе, истинное наслажденіе! Благодарю случай за такое пріятное знакомство.

Онъ, видимо, дѣлалъ надъ собою усилія, чтобы держаться на ногахъ, и, охая, вытиралъ крупныя капли пота, выступавшія у него на лбу.

— Дайте мнѣ стулъ, а то я упаду,—сказалъ онъ.—Увѣряю васъ мнѣ было пріятно увидѣть васъ. Сначала я думалъ, что вы преемникъ, но нѣтъ, вы, пожалуй, слишкомъ молоды. Я могу сидѣть, гдѣ вамъ угодно. Въ пріемной стоитъ теперь письменный столъ и книжныя полки .. Это, вѣдь, сейчасъ можно видѣть. Живете тутъ очень пріятно? Гм... Да, да, но я настоятельно прошу васъ, г. Логиновичъ, сходите за ней. Какъ можно скорѣе. Это, должно быть, женская клиника, само собою разумѣется! Скажите ей, что родственникъ. Скажите ей: отецъ, который поцѣловалъ своего ребенка. Да, г. Логиновичъ, вы это видѣли... это! Отецъ, цѣлующій своего ребенка. Вѣдь вы ничего другого и не подумали? Позвольте мнѣ представиться вамъ.

Онъ торопливо вытащилъ футляръ съ карточками и, доставъ оттуда одну изъ нихъ, держалъ ее своими длинными, костлявыми, бѣлыми пальцами передъ Логиновичемъ. Тотъ смотрѣлъ на него широко раскрытыми глазами и думалъ въ это время, къ какому клиническому случаю его можно отнести.

— Узнайте, кто я, г. Логиновичъ,—сказалъ посѣтитель глухимъ, театральнымъ тономъ.—На порогѣ своего стараго счастья, — онъ громко всхлипнулъ,—на порогѣ своего стараго счастья стоитъ человѣкъ, который имѣлъ несчастье оскорбить современные предразсудки и за это ему разорвали сердце!—Онъ застоналъ и началъ громко и неудержимо рыдать. Его измученное лицо, взглядъ, полный упрека и обвиненія, и жестъ руки, поднятой кверху, звукъ его голоса, все это производило странное впечатлѣніе, казалось вмѣстѣ истиннымъ и фальшивымъ, безыкусственнымъ и въ то же время заученнымъ, естественнымъ и ложнымъ.

— Вы не артистъ ли?—вырвалось у изумленнаго Логиновича.

Логиновичъ пошелъ въ клинику за Іозефиной. Лаура-Анаиза не показывалась, Рёсли не отпускала ее отъ себя.

Песокъ снаружи заскрипѣлъ и вскорѣ послышались шаги по ка-

меннымъ ступенямъ крыльца. Незнакомецъ выпрямился. Онъ сидѣлъ у стола въ сѣняхъ и выпилъ цѣлый графинъ воды. Его знобило, а приближающіеся шаги только еще усиливали его тревожное состояніе. Онъ дрожалъ и, казалось, искалъ глазами куда бы скрыться, но все-таки остался сидѣть.

Іозефина пришла одна. Она открыла дверь ключомъ и вошла въ сѣни своими обычными твердыми шагами. Въ своей черной блузкѣ и маленькой темной шляпкѣ она казалась особенно моложавой и стройной. Ея тонкое личико точно свѣтилось. Въ рукахъ у нея былъ пакетъ книгъ и коробочка съ вишнями, которыя она купила въ городѣ. Завтра, вѣдь, рожденіе Рёсли!

Логиновичъ ее не встрѣтилъ.

Когда она увидѣла сидящаго за маленькимъ столикомъ худого, желтаго, лысаго человѣка, то осталась стоять какъ вкопанная, держа въ рукахъ принесенныя ею вещи. Только одинъ легкій стонъ вырвался изъ ея стѣсненной груди..

Они посмотрѣли другъ другу въ глаза. Это длилось одно мгновеніе, показавшееся, однако, безконечно долгимъ. Іозефина хотѣла что-то сказать, но голосъ не повиновался ей. Она выронила книги на полъ.

Сидящій у стола какъ-то съежился и прошепталъ:

— Зефина, могу ли я здѣсь остаться?

Его голосъ заставилъ ее вздрогнуть и у нея въ глазахъ потемнѣло. Ей казалось, что передъ нею разверзлась мрачная, глубокая пропасть, и она боялась сдѣлать шагъ впередъ.

— Ты уже свободенъ?—спросила она, не узнавая своего голоса.— Зачѣмъ ты сидишь у дверей? Развѣ ты не хочешь войти?

Она говорила робко, охваченная смертельною тревогой. Но онъ не пошевелился, а только смотрѣлъ пристально на свою жену, слѣдя за каждымъ ея движеніемъ.

— Зефина!—простоналъ онъ.—Дай мнѣ поѣсть! Я ждалъ цѣлый день, чтобы съ тобой поѣсть. У тебя есть хорошее вино? Посмотри, какъ я выгляжу! Взгляни на мои руки. Они мнѣ подарили четверть года, негодяи! Думали, конечно, что пусть я лучше у тебя подохну. Я уже годами страдаю диспепсіей. Найдется ли тутъ что-нибудь поѣсть? Гдѣ я могу прилечь. Я точно мертвецъ. Сюрпризъ не удался, ты не удивилась, Зефина, по крайней мѣрѣ, ты, я вижу, не была пріятно удивлена! Теперь скажи мнѣ, кто этотъ дуралей, который тутъ разыгрываетъ хозяина? Онъ хотѣлъ меня выгнать, этотъ парень! А эта миленькая дѣвушка, кто она? Все чужое, все! Охъ!

Онъ поникъ головой и застоналъ...

— Я долженъ лечиться, пройти правильный курсъ леченія... Ну, конечно, ты не станешь закалывать тельца ради меня, Зефина? Само собою разумѣется! Тутъ живутъ у тебя поляки... Пхе! У тебя нѣтъ вина? Вѣдь мы должны же отпраздновать наше свиданіе, жена? Есть

у тебя деньги? Они меня выставили на улицу съ пятидесятью франками. Остальное все тамъ разошлось. Но все заработано мною да еще какъ! Пхе!

Онъ сплюнулъ на полъ точно извощикъ и угрюмо засмѣялся, потомъ съ трудомъ поднялся и какъ-то сбоку, робко поглядѣлъ на Іозефину.

— Къ кому я пришелъ, скажи, жена? Ты не хочешь меня? Не хочешь протянуть мнѣ руку, привѣтствовать меня? Радость была слишкомъ велика, да, Зефина? Ну, мнѣ все равно! Я не требую такъ много. День и ночь, каждую минуту, каждую секунду я молился только объ одномъ, объ одномъ: дожить до свиданія, лишь бы дожить до него! А что потомъ будетъ—молчаніе. Ну вотъ теперь мы увидѣлись, увидѣлись и...

Онъ сдѣлалъ нѣсколько колеблющихся шаговъ къ дверямъ, охая, какъ дряхлый старикъ.

— Фарисеями обвиненъ, фарисеями осужденъ, фарисеями наказанъ и собственною... собственною... единственною и горячо любимою... до безумія любимою... всегда... собственною женой отвергнутъ!

Ноги у него подкосились. Онъ уперся лбомъ въ стѣну.

— Куда! Куда!—всхлипнулъ онъ.—Не протянула даже руки! Не поздоровалась! Боже, сжалься надо мной!

Іозефина, наконецъ, подошла къ нему. Ея руки дрожали, дыханіе у нея сперло, и голосъ звучалъ холодно, но мягко.

— Ты все получишь, Георгъ,—сказала она.—Отецъ недавно прислалъ вина. Черезъ полчаса будетъ приготовленъ ужинъ. Ты хорошо заснешь послѣ напряженія силъ; ты оправишься. Слова не нужны, ты знаешь, вѣдь, какая я!

Онъ повернулся къ ней. Глаза его были мокры отъ слезъ, и лицо судорожно подергивалось.

— Видитъ Богъ, я буду жить теперь какъ слѣдуетъ,– сказалъ онъ жалобно.—Милость снизошла на меня, душа моя проснулась. Заря занимается. Мы еще будемъ счастливы, Зефина!

Вдругъ его лицо поблѣднѣло какъ полотно, носъ заострился и онъ упалъ въ обморокъ.

Лаура-Анаиза помогла Іозефинѣ отнести безчувственнаго Георга на постель Германа. Онъ былъ такъ легокъ, что онѣ обѣ испугались, когда подняли его. Красивая дѣвушка съ отвращеніемъ посмотрѣла на лежащаго, покачала головой и съ печальнымъ видомъ поцѣловала Іозефину въ щеку.

— Да... но...—начала было она, но Іозефина сдѣлала ей знакъ, чтобы она молчала.

— Смотри, какъ онъ боленъ,—сказала она предостерегающимъ тономъ.—Говорилъ онъ съ тѣмъ? Называлъ себя?

Ея взоръ затуманился и она почувствовала, какъ состраданіе медленно прокрадывалось ей въ сердце, согрѣвая ея похолодѣвшую кровь.

— Держи его руки повыше, Лаура-Анаиза! Положи подушку ему подъ ноги!

Она оттирала его, дала эфиру и сдѣлала все, что нужно было дѣлать въ такихъ случаяхъ. Вначалѣ она была только врачомъ, но постепенно къ ней вернулись другія чувства. Она сдѣлала надъ собою усиліе, чтобы взглянуть на него, и заставила себя погладить его холодный, влажный лобъ.

— Молчи! Молчи еще!—молила ея душа.—Еслибъ ты молчалъ, я была бы другая.

Она старалась всѣми силами привести его въ чувство, но въ то же время въ душѣ желала продлить его безсознательное состояніе, чтобы имѣть возможность жалѣть его, оплакивать его, чтобы не быть вынужденной ненавидѣть его.

Когда онъ молчитъ, то говорятъ за него его впалые виски, безкровныя губы, восковыя уши, все его исхудалое, измученное долгимъ заключеніемъ тѣло, и она чувствовала, что этимъ рѣчамъ она не можетъ противиться, что онѣ проникаютъ въ ея душу и она сознаетъ, что она человѣкъ.

Когда онъ говоритъ: «Кто это такой?» вертится въ мозгу назойливая мысль. «Что мнѣ за дѣло до него? Уходи отъ меня, чужой человѣкъ; у меня нѣтъ ничего общаго съ тобой!»

Глубокое чувство отвращенія, брезгливости охватывало ее при звукѣ его голоса и она думала, ошеломленная ужасомъ:

«Если-бъ онъ упалъ мертвый къ моимъ ногамъ, то я бы ничего не почувствовала!»

Но когда онъ упалъ къ ея ногамъ, не мертвый, но блѣдный, какъ мертвецъ, въ глубокомъ обморокѣ, то чувство человѣчности снова вернулось къ ней.

Въ то время, какъ она заботилась о немъ, она снова видѣла передъ собою только страдающаго, измученнаго человѣка и съ серьезною, чисто-материнскою улыбкою на устахъ она привѣтствовала его первый сознательный взглядъ и могла держать въ своихъ рукахъ его дрожащія руки и позволить ему выплакаться на своей груди.

Несчастнымъ также овладѣло странное волненіе: онъ молчалъ и плакалъ, плакалъ неудержимо, точно хотѣлъ излить ей въ сердце всѣ свои слезы, молча высказать ей свое горе. И то, что минуту тому назадъ казалось Іозефинѣ совершенно невозможнымъ, то случилось. Въ молчаніи и слезахъ къ нимъ вернулась часть прежняго общенія и въ душѣ женщины проснулся весь ея сильный инстинктъ покровительства, заступничества, когда она держала въ своихъ рукахъ жалкаго, опозореннаго человѣка. Сердце ея согрѣлось, глаза прояснились, и лицо приняло то самое просвѣтленное выраженіе, которое казалось такимъ страннымъ ея отцу. Жалкій человѣкъ смотрѣлъ на нее съ тоскою и тревогою. Онъ высвободилъ свою голову изъ ея рукъ и простоналъ:

— Never! Never! Never! *).

Но она, вся еще подъ вліяніемъ своего материнскаго инстинкта, не поняла его отчаяннаго возгласа. Она засмѣялась, засмѣялась, какъ мать смѣется своему больному ребенку, серьезно, ласково, но съ чувствомъ превосходства.

— Ты выздоровѣешь,—сказала она ему, утѣшая его и чуть-чуть прикоснувшись къ его влажному лбу своими губами, спокойно отстранила его протянутыя къ ней руки.

— Если бъ только ты былъ въ состояніи работать,—прибавила она.—Усни немного; скоро будетъ готовъ ужинъ.

И она оставила его, несмотря на его протесты.

Германъ, мокрый и грязный, хотѣлъ проскользнуть въ свою комнату, мимо матери, но она увидѣла его.

— Опять былъ на озерѣ!—сказала она шопотомъ.—Они тебя принесутъ когда-нибудь мертвымъ сюда, мальчуганъ. Ты уже побывалъ въ водѣ, кажется мнѣ,—прибавила она, трогая его мокрое платье.

Онъ строптиво вырвался у нея изъ рукъ:

— Я тамъ не былъ!—сказалъ онъ.

— Не былъ на озерѣ, Германъ?

— Нѣтъ!

— Гдѣ же ты былъ?

Онъ зѣвнулъ, откинулъ назадъ пряди своихъ бѣлокурыхъ волосъ и проговорилъ:

— Ахъ, что это!

— Ты лжешь?—замѣтила мать и посмотрѣла ему въ лицо.

— Пускай!—возразилъ мальчикъ упрямо.

— Ты пилъ вино, я слышу запахъ!—возразила Іозефина, схвативъ его худую руку.—Развѣ ты не знаешь, что это тебѣ вредно?

— Превосходно знаю это; ты достаточно часто проповѣдывала мнѣ это,—проворчалъ тринадцатилѣтній мальчуганъ.

— Отчего же ты не слушаешься, Германъ? Ты знаешь, что ты нехорошій мальчикъ.

— Возможно!

— Это не отвѣтъ! Говори, какъ слѣдуетъ, безпутный мальчишка!

Онъ посмотрѣлъ на нее исподлобья и сказалъ:

— Мать, ты такъ умна; всѣ говорятъ, что ты умна, такъ развѣ ты не знаешь, что нельзя быть хорошимъ?

— Какъ такъ нельзя? Почему?

— Потому что слишкомъ трудно. Очень просто!

Іозефина почувствовала, какъ ее кольнуло въ сердце.

— Да, это трудно,—сказала она тихо и вдругъ склоняя голову,—но... надо пытаться, Германъ, всегда надо пытаться!

---

*) Никогда! Никогда! Никогда!

— Я также пытаюсь, каждый день, и поэтому мнѣ это надоѣло.

Іозефина крѣпко стиснула его маленькую, худую, грязную ручку и потащила его за собою въ свою комнату. Это была прежняя маленькая пріемная, теперь наполненная книгами. Въ ней стоялъ письменный столъ и умывальникъ.

— Я хочу сказать тебѣ кое-что, Германъ. Говори тихо; въ домѣ есть больной.

Ея шопотъ, ея настойчивость испугали мальчугана. Онъ хотѣлъ вырваться и убѣжать, но она повернула ключъ въ замкѣ и стала спиною къ двери. Въ комнатѣ было такъ темно, что они почти не видѣли другъ друга.

— Германъ, папа вернулся, но онъ боленъ и мы не должны его тревожить. Слышишь?

Мальчикъ подпрыгнулъ въ темнотѣ и ощупью приблизился къ матери.

— Папа?—переспросилъ онъ.

— Ну да. Только онъ чувствуетъ себя нехорошо. Не надо его ни о чемъ разспрашивать, не надо его мучить, понимаешь?

— Изъ Африки?—спросилъ послѣ минутнаго молчанія мальчуганъ, страннымъ, подозрительнымъ и почти насмѣшливымъ тономъ.—Или откуда?

«Что онъ могъ слышать? Какими словами уже отравлено его слабое сердце?» подумала съ тоскою мать.

Она чувствовала какую-то злую, враждебную силу, которая отдаляла отъ нея этого богато одареннаго, но лишеннаго внутреннихъ устоевъ мальчика. Въ немъ было что-то такое, что мѣшало ея вліянію, легко раздражало ее и часто огорчало.

— Отъ тебя требуется послушаніе и разсудительность,—сказала она болѣе рѣзко, чѣмъ хотѣла.—Ты достаточно великъ, чтобы знать, что о многихъ вещахъ на свѣтѣ умалчиваютъ. Твой отецъ пережилъ много дурного, его надо поберечь и онъ долженъ найти около себя добрыхъ дѣтей, которыя будутъ стоять на его сторонѣ, а не на сторонѣ тѣхъ людей, которые съ нимъ дурно обращались.

Германъ помолчалъ съ минуту, какъ будто раздумывая о чемъ-то, потомъ вдругъ пробурчалъ, какъ бы съ упрекомъ:

— Но вѣдь ты поклялась однажды, что папа въ Африкѣ, а между тѣмъ въ классѣ говорятъ...

— Довольно!—прервала его мать.—Стыдись повторять то, что болтаютъ наглые уличные мальчишки. Самъ старайся поступать хорошо, Германъ, это главное. Мы не имѣемъ никакого права судить или осуждать, мы не должны,—прибавила она, вздохнувъ.

— Но вѣдь я папу люблю больше всѣхъ на свѣтѣ!—возразилъ ей Германъ съ удивленіемъ.—А, можетъ быть, онъ хорошо знаетъ грече-

скій языкъ, мама? Въ будущемъ году мы начинаемъ учиться по-гречески... Вотъ было бы хорошо!

Восемь дней Іозефина продержала больного въ постели. Вначалѣ онъ противился, сердился и плакалъ и, обращаясь къ стѣнамъ, жаловался на возвращеніе, на свою судьбу, на свое существованіе, но постепенно сталъ спокойнѣе.

Іозефина проводила много времени у его постели, всегда, однако, оставаясь въ роли врача или сестры милосердія, терпѣливая и кроткая, но чужая. Германъ часто приходилъ къ отцу вмѣстѣ съ нею, но одного его она не пускала. Рёсли, однако, нельзя было убѣдить пойти хотя бы только поздороваться съ отцомъ. Она боялась человѣка, который съ такимъ бѣшенствомъ цѣловалъ ее и въ которомъ она не хотѣла признать отца. Она не сохранила объ отцѣ никакихъ воспоминаній и поэтому не хотѣла имѣть «папы». Она цѣплялась за платье матери, стараясь ее удержать, когда та отправлялась въ комнатку Германа, гдѣ лежалъ больной. Однажды она даже стала звать на помощь «дядю Хованессіана» и это былъ единственный разъ, что ея волненіе передалось ея матери... Въ общемъ же Іозефина давно уже не была такъ безнадежно спокойна, какъ теперь.

«Моя судьба рѣшена,—думала она.—Я родилась не для того, чтобы быть счастливой. Но я не хочу очутиться подъ ногами у другихъ. Я хочу быть наверху, пока дышу».

Крикъ ея ребенка, звавшаго исчезнувшаго человѣка, сильно взволновалъ ее. Но и надъ этимъ воспоминаніемъ прошла все сглаживающая волна.

«Я страдала выше человѣческихъ силъ, когда потеряла его,—сказала она себѣ.—Теперь я закалилась. Все, что бы ни произошло, въ сущности, вѣдь, безразлично».

Но потомъ у нея все-таки явилось стремленіе устроить свою жизнь какъ-нибудь, передѣлать ее рукою художника.

«Надо попытаться все устроить,—думала она.—Самое главное было бы найти Георгу какое-нибудь занятіе. Трудъ вылѣчитъ его, какъ вылѣчилъ меня. Я поговорю съ нимъ откровенно».

Однако, она раньше пошла къ Еленѣ Бегасъ.

— Ты съ ума сошла, милая Іози!—воскликнула Елена, изумленная и озадаченная.—Къ чему ты ломаешь себѣ голову! По моему тутъ существуетъ только одинъ выходъ: разводъ. Я не могу отъ тебя уѣхать, потому что жалѣю тебя и потому что тебѣ можетъ понадобиться имѣть возлѣ себя человѣка.

— Еще одинъ вопросъ: какъ ты будешь встрѣчаться съ Георгомъ, Елена? Надо, вѣдь, быть болѣе мягко чувствующей, Лени?—замѣтила Іозефина сухо.

Елена нѣсколько смутилась. Она покраснѣла, частью отъ гнѣва

частью отъ замѣшательства, потому что стыдилась своего благоразумія, которому Іозефина такъ мало придавала значенія.

— Ты имѣешь почти союзника въ Бернштейнѣ,—сказала Елена.— Мы съ нимъ уже поссорились изъ-за тебя и изъ-за него.

— Вы и такъ всегда ссоритесь,—замѣтила, смѣясь, Іозефина.—Значитъ въ Бернштейнѣ я увѣрена.

Однако у Бернштейна вытянулось лицо, когда Іозефина попросила его по возможности отдавать свой досугъ Георгу.

— Эхъ! Мой досугъ! Да откуда онъ у меня?—проворчалъ онъ.—Еще еслибъ мнѣ было интересно говорить съ этимъ человѣкомъ! Но у меня нѣтъ времени. Съ нимъ, какъ мнѣ кажется, надо немного поплакать вмѣстѣ, а у меня нѣтъ на это времени! Это печально, но это такъ. Что дѣлать! Ни у кого нѣтъ времени для больныхъ и несчастныхъ. Поэтому прошу, оставьте меня въ покоѣ, очень прошу, покорнѣйше прошу! Э!

Однако послѣдствіемъ этого было то, что Іозефина, возвращаясь домой, раза два заставала своего пріятеля Бернштейна у постели Георга. Но онъ тотчасъ же уходилъ, съ смущеннымъ видомъ, какъ только она входила.

— Думаю, что этотъ человѣкъ очень боленъ, — говорилъ Бернштейнъ мрачно Еленѣ Бегасъ.—Нервно-больной или что-нибудь въ этомъ родѣ. Ужасно. Онъ не слушаетъ, что ему говорятъ, не интересуется ничѣмъ. Я спрашиваю его: «Чѣмъ вы хотите заняться? Не хотите ли выучиться русскому языку?» Онъ кричитъ на свою жену, что она нехорошая, что она ходитъ въ клинику, что она его совсѣмъ не любитъ, что онъ лучше готовъ сидѣть въ тюрьмѣ... Ужасно!.. А когда приходитъ его жена, то онъ говоритъ ей разныя глупости. Я просто не понимаю, какъ она можетъ выслушивать такія глупости, какія онъ говоритъ. Онъ жалуется, что его отравляютъ, нарочно колютъ булавками... Лаура-Анаиза хочетъ обжечь его чаемъ, дѣти на улицѣ воютъ точно собаки, это значитъ, что онъ умретъ! Его жена хочетъ, чтобы онъ умеръ, а онъ не хочетъ, и т. п. вздоръ. Онъ ненавидитъ Логиновича, я не знаю, почему. Я говорю: «Логиновичъ очень порядочный человѣкъ», а онъ кричитъ: «Нѣтъ, нѣтъ, онъ дурной!» И постоянно онъ говоритъ о добродѣтели, просто ужасно! Я спросилъ: «Гдѣ вы научились этой добродѣтели?»—«Тамъ, гдѣ я всему научился. Надо любить добродѣтель!» отвѣчаетъ онъ, и глаза его становятся совсѣмъ бѣлыми отъ ярости. Я говорю: «Я думаю, что надо заняться чѣмъ-нибудь положительнымъ! Можетъ быть, у васъ есть охота учиться русскому языку?» Онъ складываетъ руки, вотъ такъ, и говоритъ: «Ты меня не любишь? Хорошо! Ты увидишь, увидишь!» Иногда это меня интересуетъ, но порою мнѣ это наскучаетъ и притомъ, вы знаете, у меня нѣтъ времени.

Потомъ Бернштейнъ пересталъ ходить къ Георгу, и тотъ, повидимому, не замѣчалъ его отсутствія.

Логиновичъ перебрался на другую квартиру, уже потому, что мѣста не было, такъ какъ семья увеличилась однимъ человѣкомъ. Съ удивленіемъ замѣтилъ онъ, что Іозефина холодно разсталась съ нимъ. Отвращеніе къ нему Георга передалось, какъ видно, и его женѣ. Она отдалялась отъ каждаго, кто сознательно или безсознательно могъ обидѣть больного. А между тѣмъ, изъ всѣхъ людей, приходившихъ въ соприкосновеніе съ несчастнымъ, только одинъ человѣкъ непрестанно мучилъ его, раздражалъ, огорчалъ, доводилъ до отчаянія—это была именно Іозефина.

Она отчасти понимала, почему, но не хотѣла признавать это, отстраняя всякое размышленіе объ этомъ пунктѣ, какъ нѣчто отвратительное, унизительное, позорное. Съ такимъ же холоднымъ спокойствіемъ, съ какимъ тогда, въ тотъ вечеръ, когда онъ вернулся, она отстранила его руки, обнявшія ее, отгоняла она отъ себя и всѣ размышленія о чувствахъ или желаніяхъ Георга, обращенныхъ къ ней. Въ ея обращеніи со всѣми, даже съ отцомъ, вкрадывалось что-то абстрактное, безличное. Отецъ написалъ ей тотчасъ же по возвращеніи Георга. Его письмо было полно тревоги. Горячая отцовская любовь сквозила между разсудительными словами письма, точно нѣжная зеленая травка, пробивающаяся между каменьями мостовой, Іозефина отвѣчала ему такъ:

«Противъ ожиданія, все идетъ хорошо, дорогой отецъ. Георгъ, со времени своего возвращенія, уже прибавился на три фунта. Дѣятельность сердца у него стала правильнѣе и лучше, и кашель уже не такъ его мучитъ, какъ прежде. Легкія здоровы; съ этой стороны тревожиться нечего. Что настроеніе паціента все еще угнетенное—это вполнѣ понятно, но именно съ этимъ и надо будетъ бороться теперь. Георгъ долженъ заниматься какимъ-нибудь легкимъ физическимъ трудомъ, что подѣйствуетъ на него освѣжающимъ образомъ. Онъ ничего не читаетъ теперь; онъ какъ будто разучился читать и все думаетъ, что въ его состояніи это вредно. Пожалуйста, пришли твой токарный станокъ, маленькій, который тебѣ не нуженъ. Мои славные товарищи, какъ ты ихъ называешь—и вполнѣ правильно!—къ сожалѣнію разъѣхались. Цвики уѣхалъ въ Вѣну; дѣти очень жалѣютъ о немъ. Возможно, что я потеряю и Елену; когда она кончитъ свое ученіе, то, конечно, вернется въ Германію. Свои экзамены я не откладываю, дорогой отецъ, ты этого не бойся. Событія послѣднихъ недѣль именно и заставляютъ меня торопиться съ окончаніемъ ученія. Я не останусь ассистенткой, какъ ты предполагалъ, а тотчасъ же открою у себя пріемную для больныхъ. Трудъ для меня все!

«Твоя благодарная дочь Іози.

«PS. Сердечно благодарю за извѣстіе о томъ, что Улиссъ такъ пре-

красно развивается. Мое маленькое сокровище находится у тебя въ вѣрныхъ рукахъ. Я не могу теперь повидать его, на мнѣ лежитъ слишкомъ много. Его дѣтскія черты напоминаютъ тебя, мой отецъ, это для меня большая радость».

Старикъ Платтнеръ прочелъ это письмо, наморщивъ лобъ и качая головой. Онъ думалъ о томъ, что находилось между строкъ. Вопросы возникали у него въ головѣ, но они оставались безъ отвѣта, и даже то, что стояло между строкъ письма, не могло на нихъ отвѣтить. Но чувство щекотливости воспрещало ему подобные вопросы... Старый Платтнеръ покраснѣлъ до самаго корня своихъ сѣдыхъ волосъ.

Одно мгновеніе онъ думалъ даже самъ поѣхать въ Цюрихъ, отвезти станокъ и повидать Іозефину, но тотчасъ же отказался отъ этого плана. «Между ею и мною стоитъ этотъ человѣкъ,—думалъ онъ съ горечью.—Никогда больше я не переступлю ея порога!»

Потомъ онъ досталъ запыленный станокъ, стоявшій въ углу, и цѣлыхъ полдня провозился, приводя его въ порядокъ. Сердито счищалъ онъ ржавчину, и его гнѣвъ все возрасталъ. «Для кого? Богъ мой, для кого!—ворчалъ онъ, вытирая потъ съ лица.—Вѣдь эдакая упрямая женщина! И вертитъ мною, вертитъ своимъ старымъ отцомъ, точно ниткой! И ее слушаются, поистинѣ ее слушаются!»

Станокъ былъ уложенъ. Отправка его, однако, стоила дорого и вызвала хлопоты, такъ что Платтнеръ, возвращаясь домой, все еще продолжалъ сердито ворчать.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ПРИЗЫВЪ.

Изъ Маріи Конопницкой.

Не приходи, мой другъ, ко мнѣ
Румянымъ утромъ мая;
Не приходи, мой другъ ко мнѣ:
Чужда тебѣ, какъ и веснѣ,
Моя тоска нѣмая.

Приди ко мнѣ въ холодный часъ,
Осеннимъ утромъ рано;
Приди ко мнѣ въ холодный часъ,
И небо пусть укроетъ насъ
Плащомъ изъ волнъ тумана.

Не приходи ко мнѣ, мой другъ,
Когда я жажду боя;
Не приходи ко мнѣ, мой другъ,
Когда цвѣты цвѣтутъ вокругъ,
И слышенъ звонъ прибоя.

Приди, когда послѣдній сонъ
Сомкнетъ мнѣ тихо очи;
Приди, когда послѣдній сонъ
Задушитъ мой предсмертный стонъ
Въ затишьи черной ночи.

Приди въ пріютъ безмолвныхъ думъ
И тишины унылой;
Приди въ пріютъ безмолвныхъ думъ,
Гдѣ слышенъ хмурыхъ сосенъ шумъ
Надъ свѣжею могилой...

Е. Чернобаевъ.

БУНТЪ.

(*Окончаніе* *).

V.

Какъ у громаднаго большинства мужчинъ любовь начинается съ абсолютно физическаго влеченія, такъ у женщинъ она проявляется идеализаціей достоинства мужчины. И чѣмъ женщина болѣе угнетена и обижена нравственно, тѣмъ больше склонна она къ идеализаціи и любви. Если женщины дурного поведенія рѣдко любятъ искренно, то это только оттого, что мужчины подходятъ къ нимъ такъ, что не остается мѣста ни для какого чувства, кромѣ самаго грубаго ощущенія. И у тѣхъ изъ нихъ, которымъ не пришлось любить до своего паденія, именно послѣ него способность къ идеализаціи и любви выростаетъ въ болѣе чистомъ и сильномъ видѣ, чѣмъ у т. н. порядочныхъ женщинъ, ожидающихъ себѣ мужа постоянно и постоянно треплющихъ свою душу въ попыткахъ любить.

Какъ только студентъ принялъ живое, человѣческое участіе въ Сашѣ,—такое, какого ей недоставало въ жизни, такъ сейчасъ-же забитая потребность любви вспыхнула въ ней съ захватывающей силой и вылилась въ безконечно покорное обожаніе этого человѣка, какъ самаго лучшаго въ мірѣ. Все въ немъ, отъ голоса, прически, мундира, до смысла словъ и поступковъ, казалось Сашѣ невыразимо прекрасно, благородно и вызывало въ ней сладкій, умиленный, всю душу вытягивающій восторгъ.

Въ пріемную она вошла, шатаясь, какъ пьяная, все съ тѣмъ же безсмысленно-блаженнымъ лицомъ, почти не слыша, что выговариваетъ ей надзирательница.

— Это чортъ знаетъ, что такое! Вы, кажется, воображаете, что васъ взяли сюда исключительно для вашего удовольствія? Для своихъ любвей можно было и не покидать.. вашего пре-

*) См. „Міръ Божій“, № 3, мартъ, 1904 г.

лестнаго института!—со злобой и насмѣшкой кричала надзирательница.

Въ пріемной по прежнему было много людей, и они опять мелькнули, какъ-то не попавъ въ сознаніе Саши, но когда она уже была въ дверяхъ, раздался такой дикій крикъ, что Саша остановилась, какъ вкопанная.

Все поднялось и засуетилось.

— Подлецъ ты! Подлецъ!—истерически кричала худая и блѣдная, съ отвисшимъ толстымъ животомъ, Полынова.

Ея жидкіе волосики водянистаго цвѣта растрепались, голубая ленточка свалилась на лобъ, а лицо пошло красными пятнами. Въ рѣшительномъ изступленіи она всѣмъ тѣломъ кидалась на приземистаго мужчину въ черномъ сюртукѣ и все вытягивала длинные крючковатые пальцы къ его черноватому лицу съ бѣгающими бойкими глазами. Мужчина въ сюртукѣ слегка отстранялъ ее локтемъ, но вовсе не смущался, хотя и притворялся смущеннымъ, и даже какъ будто былъ радъ скандалу.

— Полегче, полегче-съ... потише, Авдотья Степановна! Помилуйте-съ.. здѣсь не полагается!—насмѣшливымъ говоркомъ произносилъ онъ, отступая къ двери.

— Извергъ!

— Что? Что у васъ такое? Это что за безобразіе? Полынова! Какъ вы... молчать!...—кидаясь къ нимъ, закричала надзирательница.

— Не могу я молчать!—отчаянно завопила Полынова.—Онъ... онъ меня погубилъ, проклятый! Онъ мнѣ самъ говорилъ: „брось эту жизнь, я тебя обзаконю“... деньги взялъ!

— Какія деньги?—вскинулась надзирательница.

Вокругъ стѣснилась толпа, многіе даже на стулья повставали, чтобы лучше видѣть.

Мѣщанинъ въ сюртукѣ немного смутился, носъ у него закраснѣлъ, а глаза забѣгали низомъ.

— Это такъ можно все говорить!—пробормоталъ онъ, оглядываясь кругомъ исподлобья.

— Какія деньги... Мои!.. кровныя триста рублевъ! Какъ одна копеечка...—хлипающимъ голосомъ и все нелѣпо шевеля пальцами передъ лицомъ мѣщанина, точно желая вцѣпиться ему въ бороду, которая была скверно выбрита, вопила Полынова.

— Онъ взялъ у васъ триста рублей? Когда?

Въ толпѣ послышались и смѣющіеся, и негодующіе голоса.

— Онъ, проклятый... жениться обѣщалъ... съ тѣмъ и деньги взялъ! Ты, говоритъ, въ исправительное, чтобы скверну... скверну очистить... а я на эти деньги торговлю... а опосля... Обманулъ!—вдругъ пронзительно закричала Полынова и какъ-то сразу, всплес-

нувъ руками, какъ мѣшокъ, осѣла на полъ къ ногамъ обступившихъ людей.

— Ай, батюшки!

— Вотъ такъ исторія!

— Ты-жъ это что же, голубчикъ!—беря мѣщанина почти за воротъ чернаго сюртука, съ сердитой веселостью спросилъ полный, хорошо одѣтый, съ пушистой, свѣтлой бородой господинъ, тотъ самый, который пришелъ къ Ивановой.

Мѣщанинъ злобно оглянулся и вывернулся движеніемъ скользкихъ тонкихъ лопатокъ.

— Вы не хватайтесъ!—угрожающее пробормоталъ онъ.—Я за ихъ поклепы не отвѣтственъ... Жениться я, можетъ, и точно хотѣлъ... Это что говоритъ... потому какъ питалъ я такое чувство... А... всѣ, значитъ, смѣются: ты на такой женишься!... Мы тоже при своемъ самолюбіи... Намъ тоже не желательно!..

Полынова, сидѣвшая на полу съ тупымъ и ошалѣвшимъ взглядомъ, вдругъ сорвалась и изо всей силы вцѣпилась въ полу его сюртука, но мѣщанинъ ловко отскочилъ и Полынова звонко шлепнула худыми ладонями по гладко крашенному полу.

— Прокл...—прохрипѣла она, стоя на четвереньkахъ.

— Да деньги-то ты взялъ?—настаивалъ господинъ съ бородой.

Но мѣщанинъ вдругъ нахорохорился.

— А вамъ что?—вызывающе ухмыльнулся онъ.—Вы видѣли? А не видѣли, такъ и соваться нечего!.. Да если бы и отдали онѣ свой капиталъ... кому, такъ въ томъ ихъ добрая воля была... Какъ любимши, я имъ, можетъ, больше, чѣмъ на триста рублевъ, денегъ переносилъ...

— Врешь, врешь, подлецъ!—захрипѣла, теряя голосъ Полынова.—Самъ съ меня тянулъ... проклятый!..

Вдругъ она замолчала, стиснула зубы и уставилась на всѣхъ такимъ страннымъ, наивно-удивленнымъ взглядомъ, что отъ нея отшатнулись и даже мѣщанинъ опасливо замолчалъ.

— Чего ты?—спросила Иванова наклоняясь.

Зубы Полыновой стучали, она судорожно разводила руками по полу и вдругъ ухватилась за животъ и заричала тоненькимъ пронзительнымъ голосомъ.

— Да она рожаетъ!—крикнулъ кто-то и совершенно глупо захихикалъ.

Сразу всѣ заговорили и задвигались. Послышались совѣты, сожалѣнія, и кто то побѣжалъ зачѣмъ то за водой. Господинъ съ бородой хотѣлъ опять захватить за шиворотъ мѣщанина, но тотъ плюнулъ, надѣлъ шапку, тутъ же въ комнатѣ, и съ обиженнымъ видомъ пошелъ вонъ.

— Это ужъ Богъ знаетъ, что такое! — возмущенно бормоталъ онъ.

Подымавшійся снизу по лѣстницѣ дворникъ тупо посмотрѣлъ ему въ спину.

VI.

Къ вечеру, когда все мало-по-малу успокоилось, когда зажгли огонь и всѣ разошлись по своимъ комнатамъ, Саша сидѣла на своей кровати съ хорошенькой Ивановой. Сюртукова опять, хоть и не полагалось спать раньше времени, тихо похрапывала, облокотившись головой на столикъ. Рябая неподвижно сидѣла спиной къ Сашѣ, но по ея спинѣ Саша и Иванова чувствовали, что она ихъ слушаетъ. Кохъ въ дальнемъ углу шила что то у свѣчки. Было тихо.

— Мы въ этой палатѣ,—говорила Иванова, смѣясь одними глазами:—все „новенькія", которыя еще къ дѣлу не пристроены, а то у нихъ тутъ скоро... Даромъ кормить не будутъ...

— А вы какъ сюда, душенька, попали? — робко спрашивала Саша и сама удивлялась, какая она тутъ стала тихая и ласковая.

— Да такъ,—весело засмѣялась Иванова, встряхивая волосами:—надоѣло по улицамъ шляться... устала... Поживу тутъ, отдохну... Какъ къ работѣ приставятъ, уйду.

— Куда?—еще робче спросила Саша.

Ей было странно и даже непріятно слышать, что и отсюда уходятъ.

— Да куда... Туда, откуда и пришла!—звонко и нисколько не смущаясь отвѣтила Иванова.

Саша смотрѣла на нее съ недоумѣніемъ.

— Чего-жъ вы удивляетесь? Неужто-жъ мнѣ и вправду здѣсь исправляться?—дѣлая комически большіе глаза, спросила Иванова.

— А зачѣмъ же вы и пришли, какъ не для того.

— Да ужъ не за исправленіемъ!.. Богъ съ ними, что у нихъ святости отбирать... Самимъ имъ она очень пригодится... Васъ кто принялъ?

— Дама... красивая такая... брюнетка... не знаю...

— Фонъ-Краузе, — глухо отозвалась рябая, не поворачивая спины.

— То-то и есть,—засмѣялась Иванова, какъ показалось Сашѣ, даже радостно:—у этой Краузе любовниковъ не оберешься... а тоже... исправляетъ... Ну ихъ къ чорту... Всѣ они одинъ другого грѣшнѣй, коли правда, что есть грѣхъ на свѣтѣ!..

— Ну, — недовѣрчиво протянула Саша, но и пріятно ей было слышать и охотно вѣрилось этому.

— Вотъ и ну!.. Съ ихними же мужьями мы гуляемъ, пока онѣ насъ спасаютъ! У этой Лидки Краузе, что ни туалетъ, то и тысяча, а для спасенія... Ради мужчинокъ же одѣваются да оголяются, а что денегъ за это не берутъ, такъ только потому что свои есть! Спасаютъ... Было бы отъ чего!..

— Да какъ же,—застѣнчиво пожала плечами Саша.

— Что, какъ же?.. Лучше бы отъ голода да отъ тоски спасали, когда я въ магазинѣ платья шила, цѣлый то день спины не разгибая... за четыре рубля въ мѣсяцъ!—со страннымъ для ея мягкаго красиваго личика озлобленіемъ говорила Иванова.

— Я тоже въ магазинѣ была прежде,—съ тяжелымъ вздохомъ проговорила Саша.

Иванова помолчала.

— Исправляться... было бы хоть для чего,—заговорила она, глядя въ сторону:—ну, вотъ я исправлюсь... ну... а дальше что?

— Честная будете,—съ убѣжденіемъ проговорила Саша.

Иванова съ веселымъ озлобленіемъ всплеснула руками.

— Экъ, радость!.. Да я тогда и была честная, когда голодала... Такъ отъ этой честности я и на улицу пошла!.. Потому всякому человѣку жить хочется, а не... Что-жъ, я скажу, правда— и на улицѣ не медъ, я и не радовалась, когда на улицу пошла... А все-таки... Я, вотъ говорятъ, хорошенькая! — улыбнулась Иванова.

— Очень вы хорошенькія—съ умиленіемъ сказала Саша.

— Вотъ... чудачка вы!.. Такъ, вѣдь, красота—даръ Божій, говорятъ... счастье... Что-жъ мнѣ съ этимъ счастьемъ такъ было и сидѣть да думать: сошью вотъ это, а тамъ надо юбку для офицерши перешить, а потомъ лифъ кончать, а потомъ еще... что принесутъ, а тамъ состарѣюсь, все лифы перешивать буду... такъ и до могилы... и въ могилѣ, должно быть, по привычкѣ пальцами шевелить буду... А тамъ на крестѣ хоть написать: честная была, честная померла, извините, что отъ этого никому ни тепло, ни холодно!.. Ха!

Саша молчала. Ей было грустно, точно померкло что, а въ то же время стало и легче на душѣ.

Иванова помолчала опять, а когда заговорила, то голосъ у нея былъ нѣжный и мечтательный.

— Я понимаю, если всю эту муку есть для кого терпѣть... или тамъ задача въ жизни какая есть... А намъ вѣдь только и радости въ жизни—нацѣловаться покрѣпче!..

— Будто?—отозвалась рябая такъ неожиданно, что Саша вздрогнула.

— Да, можетъ быть, у кого и другія радости есть, ну... и слава Богу—его счастье!—радуйся и веселись!.. А какая у меня, напримѣръ, или вотъ у нея, — показала она на Сашу, — или у Кохъ...

Кохъ опустила работу на колѣни и смотрѣла на нихъ тупо и скучно.

— А?

Рябая молчала.

— И кто отъ меня можетъ требовать, что-бы я, дурочка темная, свою одну радость—красоту и молодость засушила такъ... ради спасенія одного? Ты мнѣ укажи, для чего, для кого, дай такое, чтобы я отъ спасенія моего такъ вотъ прямо и радость почувствовала, чтобы мнѣ, спасшейся, жить легче стало! Вотъ... Такихъ, чтобы такъ, для Бога, вериги носили, можетъ, на всемъ свѣтѣ два, три, да и тѣ не здѣсь, а гдѣ-нибудь на Аѳонѣ спасаются... А всѣмъ...

Въ это время отрывисто звякнулъ и задребезжалъ колокольчикъ въ корридорѣ.

И сейчасъ же Кохъ встала, аккуратно сложила шитье и стала стелить постель. Проснулась и Сюртукова, и рябая тоже встала потягиваясь.

— Ну, вотъ и бай-бай!—засмѣялась Иванова.—Черти, электричества жалко!

— А мнѣ спать-то еще не охота,—не понявъ, сказала Саша:—посидите, душенька.

Иванова съ насмѣшкой на нее посмотрѣла.

— Не охота!.. Мало ли чего не охота!.. Такой тутъ порядокъ. Что, не нравится? Ложитесь, ложитесь, а то Корделія наша придетъ!..

— Чего?—не разобрала Саша.

— Корделія, Корделія Платоновна... надзирательница наша,—пояснила Иванова.

— Пора спать,—сказала въ дверяхъ скрипучая дама.

— Сейчасъ,—вяло отозвалась Иванова.

Черезъ минуту уже всѣ лежали подъ несгибающимися твердыми одѣялами. Кохъ сейчасъ же захрапѣла.

— Ишь, дьяволъ добродѣтельный!—со злостью сказала о ней Иванова.—Ско-олько въ ней этой самой добродѣтели!

Электричество разомъ потухло. Раскалившаяся дужка еще краснѣла въ темнотѣ, и слышно было слабое придушенное сипѣніе.

А когда это сипѣніе затихло и воцарилась совсѣмъ мертвая тишина, робкій голосъ, который самой Сашѣ показался страннымъ, произнесъ во мракѣ:

— А если у меня есть для чего... это самое?..

— Дура!—отозвался съ непоколебимымъ презрѣніемъ сиплый и глухой басъ.

VII.

Саша притихла. Опять по давешнему черезъ окна падали на потолокъ полосы колеблющагося свѣта, было темно и тихо.

Саша смотрѣла въ темноту подъ сосѣдней кроватью, а передъ нею роемъ кружились и плавали лица, образы и мысли дня. И уже совершенно опредѣленно и понятно ей дорогимъ выплывалъ образъ студента Дмитрія Николаевича.

„Имячко какое милое, — думала Саша: — Митя... Митенька... А что-жъ, и правда: всѣ мы одинаковыя... и та, что по-французски смѣялась, и Полынова... все одно! У каждаго грѣхъ есть и каждый можетъ свой грѣхъ передъ Господомъ замолить, передъ людьми исправиться... Ну, и была дѣвкой... что-жъ... буду честная, какъ всѣ... не грѣшнѣй! И коли онъ меня и вправду любитъ...“

„А любитъ?“—вдругъ съ испугомъ спросила она себя и поблѣднѣла.

„Не любилъ, такъ и не хлопоталъ бы!.. А можетъ изъ жалости?.. Нѣтъ, самъ говорилъ, что цѣны мнѣ нѣтъ, что—красавица... А что дѣвкой была, такъ я слезами то отмою... кровавыми... А ужъ какъ я любить буду... Миленькій мой, красавчикъ мой золотой!“

И поплыло что-то свѣтлое, радостное. Темнота наполнилась золотыми искорками и кругами, они сбѣжались и разбѣжались, разлилось золотое море. На глаза набѣжали слезы; Саша сморгнула ихъ и все думала, не отрываясь. Все существо ея переполнилось горячимъ чувствомъ безпредѣльной любви и могучаго желанія счастья. Вся она дрожала мелкой дрожью отъ безсознательной силы, красоты и молодости.

Было темно и тихо, и во всемъ громадномъ мірѣ для Саши было только двое: она сама и человѣкъ, котораго она любила. И не было больше ни раскаянія, ни страха передъ людьми, которые что-то старались съ ней сдѣлать, не было прошедшаго, а было только желаніе счастья.

VIII.

На другой день Сашу перевели въ женскую частную лечебницу, куда набирали сидѣлокъ откуда угодно, потому что трудъ ихъ былъ тяжелъ и опасенъ и не давалъ ни радости, ни денегъ.

А дня черезъ три Дмитрій Николаевичъ Рославлевъ ѣхалъ

на извозчикѣ въ эту лечебницу. Ему было холодно и почему-то досадно. Всегда онъ посѣщалъ кафе-шантаны, трактиры, билліардныя и публичныхъ женщинъ, но никто не интересовался его частной жизнью, а исторія съ Сашей вдругъ стала извѣстна всѣмъ и всѣхъ заинтересовала. Тотъ самый господинъ, пожилой чиновникъ, котораго онъ просилъ за Сашу, съ удовольствіемъ разсказалъ объ этомъ при первомъ удобномъ случаѣ. Узнали и его родные. Они были такіе воспитанные въ извѣстномъ направленіи люди, что не сказали ему, и онъ зналъ, что не скажутъ, ни одного слова, но по страдающему лицу матери, по тревожно-любопытнымъ взглядамъ сестры и тому дурному, сосредоточенному молчанію, которое внезапно воцарялось при его появленіи, Дмитрій Николаевичъ видѣлъ, что имъ все извѣстно, и что онѣ недовольны имъ. А всего непріятнѣе было Дмитрію Николаевичу то, что надъ нимъ начали подшучивать товарищи, и, несмотря на свои убѣжденія, онъ чувствовалъ, что это достойно шутки. Конечно, если бы съ нимъ стали спорить, онъ совершенно справедливо отвѣтилъ бы, что не только не смѣшно, но даже очень хорошо, что онъ помогаетъ человѣку выбиться изъ дурной жизни, что это по-христіански, что такъ и слѣдуетъ поступать. Но въ то же время онъ чувствовалъ себя такъ, какъ будто къ нему прилипло что-то грязное и пошлое.

„Надо непремѣнно кончить эту глупую исторію!“—думалъ Дмитрій Николаевичъ, хватаясь за сидѣнье, когда санки забѣгали на поворотахъ.

Оттого, что погода была хороша, свѣтла и морозна здоровымъ, бодрящимъ морозцемъ, всѣ люди имѣли веселый и бойкій видъ, и такой же видъ былъ у самаго Рославлева. Но ему казалось, что въ немъ есть и всѣмъ видно что-то дурное.

„А какъ она мнѣ руку... тогда!“—съ неопредѣленнымъ чувствомъ жалости и сознанія, что онъ былъ достоинъ этого, подумалъ Дмитрій Николаевичъ.

Больница была совсѣмъ старое, мрачное, облупленное зданіе. Старый швейцаръ, почему-то пахнущій канифолью, отворилъ дверь Рославлеву и принялъ его шинель.

— Вамъ кого?—спросилъ онъ, шамкая.—Нынче пріема нѣтъ.

— Знаю, знаю,—заторопился Дмитрій Николаевичъ.—Я по дѣлу, мнѣ нужно видѣть сидѣлку Козодоеву.

— Такой у насъ нѣтъ,—отвѣтилъ швейцаръ и полѣзъ доставать съ вѣшалки его шинель.

Дмитрій Николаевичъ испуганно придержалъ его за рукавъ.

— Она недавно, вы, можетъ быть, не знаете!

— А можетъ и то,—равнодушно отвѣтилъ швейцаръ.—Вы наверхъ пройдите, тамъ скажутъ.

Дмитрій Николаевичъ торопливо поднялся по широкой, но темной лѣстницѣ.

Швейцаръ что-то пробормоталъ.

— А, что?—поспѣшно переспросилъ Дмитрій Николаевичъ, останавливаясь съ приподнятой на ступеньку ногой.

— Много у насъ ихъ тутъ, говорю, всѣхъ-то не упомнишь,— повторилъ швейцаръ равнодушнѣе прежняго.

— Ну, да... конечно,—торопливо согласился Дмитрій Николаовичъ, осклабляясь.

И улыбка у него вышла какая-то подобострастная.

„Чортъ знаетъ, что такое!—съ мукой въ душѣ подумалъ онъ, поднимаясь дальше.—Я, кажется, начинаю бояться всѣхъ... Точно я сдѣлалъ что-то такое, за что у всѣхъ обязанъ прощенія просить. А вѣдь я очень хорошо сдѣлалъ... лучше всѣхъ сдѣлалъ!..“

Онъ прошелъ три площадки и на четвертой столкнулся съ Сашей.

Она видѣла въ окно, какъ онъ подъѣхалъ, и съ замирающимъ сердцемъ, радостно испуганная выбѣжала навстрѣчу.

И оба они покраснѣли разгорѣвшимся молодымъ румянцемъ.

— Не ждали?.. Здравствуйте,—сказалъ тихо, точно заговорщикъ, Дмитрій Николаевичъ.

Онъ почему-то ждалъ, что Саша, какъ и въ первый разъ, заробѣетъ, но Саша легко и радостно взглянула прямо ему въ лицо и отвѣтила:

— Камъ можно... Здравствуйте!

На лѣстницѣ никого не было, швейцаръ тихо копошился внизу, наверху лѣстницы тихо и спокойно тикали часы, раскачивая большой желтый маятникъ.

И вдругъ что-то странное, влекущее протянулось между нимъ и розовыми, слегка раскрывшимися губами Саши, и прежде чѣмъ Дмитрій Николаевичъ понялъ, что онъ дѣлаетъ, онъ уже почувствовалъ, что не можетъ не сдѣлать, и весь замирая отъ невыразимо-пріятнаго, свѣжаго, боязливо-радостнаго чувства, нагнулся и губы его будто сами нашли мягкія, холодноватыя губы Саши и придавили ихъ, раскрывая твердыя ровныя зубы, и что-то горячее отдалось во всемъ его тѣлѣ.

На глазахъ у Саши выступили слезы, но глаза блестѣли, какъ черныя вишни.

— Сюда... пойдемъ,—тихо сказала она, тупясь.

И не онъ, а она уже повела его въ конецъ корридора и посадила на холодный твердый диванчикъ.

— Развѣ можно?—почему-то шопотомъ спросилъ Дмитрій Николаевичъ.

— Можно,—такимъ же дрожащимъ голосомъ отвѣтила Саша.

Въ корридорѣ было такъ же пусто и тихо, какъ и на лѣстницѣ. Только въ сосѣдней палатѣ кто-то тяжело ходилъ взадъ и впередъ, то приближаясь, то удаляясь, шаркая туфлями, и каждый разъ, доходя до двери, звучно плевалъ куда-то.

И опять, точно повинуясь какой-то посторонней, могучей, торжествующей силѣ, Дмитрій Николаевичъ обѣими руками обнялъ Сашу и, весь дрожа и замирая, сталъ цѣловать ее въ губы, вдругъ ставшія такими горячими, что почти жгли. У самаго его лица были ея черные, блестящіе, не то лукавые, не то таинственные глаза, и отъ ея порозовѣвшаго лица, совсѣмъ не похожаго на то накрашенное и сухое лицо, которое зналъ Дмитрій Николаевичъ, пахло чѣмъ-то свѣжимъ и невыразимо-пріятнымъ.

— Этого... ужъ... нельзя... тутъ!..—полушопотомъ, но счастливымъ и лукавымъ голосомъ говорила Саша по одному слову между поцѣлуями и вся тянулась къ нему, прижимаясь упругой грудью и маленькой рукой.

— Можно... можно...—такъ же лукаво повторялъ онъ ея слова.

Кто-то шелъ по лѣстницѣ. Сверху спустилась худая и блѣдная, съ очень ласковымъ и печальнымъ лицомъ, сидѣлка.

На ней было такое же платье, какъ и на Сашѣ. Она прошла, стараясь не смотрѣть, и стала возиться у шкафчика на другомъ концѣ длиннаго корридора. А Дмитрій Николаевичъ только теперь обратилъ вниманіе на Сашинъ костюмъ.

Она была вся въ бѣломъ балахонѣ, закрывающемъ донизу ея черную юбку и гладко обтягивающемъ грудь. И изъ этой бѣлой и чистой матеріи удивительно свѣжее и хорошенькое личико ея смотрѣло точно новое, въ первый разъ имъ видѣнное. И она чувствовала, что хорошенькая, и радостно улыбалась ему.

— Ну какъ вамъ тутъ?—тихо и тоже улыбаясь спросилъ онъ, косясь на сидѣлку.

— Ничего,—радостно отвѣтила Саша.—Работа тяжелая, а... ничего, пусть. Я тутъ долго пробуду... пусть...

— Почему такъ?—любуясь ею и заглядывая ей въ глаза, спрашивалъ онъ.

«Потому что я хочу очиститься этой каторгой; тяжелой и скверной работой, какую ты никогда не дѣлалъ, искупить то дурное, въ чемъ жила раньше и стать достойной тебя!»—сказало ея закраснѣвшееся лицо, но говорить такъ Саша не умѣла. Она только улыбнулась и тихо отвѣтила:

— Такъ!

— Значитъ, вы рады, что ушли?—спросилъ Дмитрій Николаевичъ, не понимая выраженія ея лица. Но зато онъ сейчасъ же догадался, что спрашивать этого не надо было.

Саша потупилась и лицо у нея стало жалкое, дѣтское и виноватое.

«Ты и всегда это вспоминать будешь?»—сказало оно ему и опять непонятно для него.

— Да... какъ же-съ,—прежнимъ робко нерѣшительнымъ голосомъ отвѣтила она и потупилась.

И Дмитрію Николаевичу стало жаль, что у нея лицо померкло, и захотѣлось, чтобы у ней явилось то милое, опять наивно-восторженное выраженіе, съ которымъ она его цѣловала.

— Ну, вотъ...—заторопился онъ,—теперь, значитъ, новая жизнь начнется. Вы тутъ, конечно, будете только пока, а тамъ я устрою васъ куда-нибудь.

И лицо Саши сразу посвѣтлѣло, розовыя губы открылись и глаза довѣрчиво поднялись къ нему.

— Дмитрій Николаевичъ,—вдругъ сказала она съ какимъ-то проникновеннымъ выраженіемъ:—вѣрьте Богу, я не „такая"... и была „такая", а теперь нѣтъ... да и никогда я „такой" не была!

Дмитрій Николаевичъ удивленно посмотрѣлъ на нее.

— Да, конечно...—пробормоталъ онъ;—т.-е., я не то хотѣлъ сказать, а я понимаю, и... вѣрю я...

Онъ путался и мѣшался потому, что хорошо, до самой глубины, понялъ смыслъ Сашиныхъ словъ, и совершенно не могъ имъ повѣрить.

— Козодоева!—сказала, опять выходя въ корридоръ, сидѣлка.— Ваша баронесса уже плачетъ... идите...

И ушла, не глядя.

Саша встала. Она не поняла и даже почти не слышала его словъ, такъ была вся душа ея поглощена тѣмъ великимъ для нея чувствомъ, которое было въ ней.

— Надо идти,—грустно сказала она.

— Какая тамъ баронесса?—и радуясь перерыву и огорчаясь спросилъ Дмитрій Николаевичъ, тоже вставая и съ высоты своего богатырскаго роста глядя на ея потемнѣвшее личико.

— Больная моя,—отвѣтила Саша.—Капризна... страсть! Мочи съ ней нѣтъ. Только вы не думайте, голубчикъ мой,—вдругъ испугалась она,—я не то... я за ней хорошо смотрю... И хоть бы и больше капризничала, пусть!

„Я потерплю", опять покорно сказали ея глаза.

Они стояли другъ противъ друга, точно не рѣшаясь выговорить чего-то. Въ корридорѣ было полутемно и они неясно видѣли глаза другъ друга, но что-то росло и крѣпло между ними. Былъ одинъ моментъ, который Саша помнила уже потомъ всю жизнь, но чего-то не хватило. Дмитрій Николаевичъ опустилъ глаза и сказалъ:

— Жаль... Ну, я потомъ приду... Къ вамъ, значитъ, всегда можно?

Саша вздохнула покорно, но грустно.

— Всегда... Прямо меня и спросите.

— Да я и сегодня спрашивалъ, а швейцаръ сказалъ, что у нихъ такой нѣтъ.

Саша всплеснула руками.

— Ахъ, противный старичокъ какой! Я же ему сегодня сама говорила...

Саша растерялась и засмѣялась своему смущенію.

— Ну, надо идти,—сказала она и не уходила.

— А...—началъ Дмитрій Николаевичъ.

И опять, какъ раньше, что-то потянуло его, и губы его встрѣтились съ Сашиными, показавшимися ему какими-то необыкновенно вкусными.

Саша смотрѣла на него сверху, когда онъ медленно спускался съ лѣстницы. Уже съ нижней ступеньки онъ обернулся, увидалъ бѣлую фигурку, прилѣпившуюся къ прямымъ длиннымъ периламъ лѣстницы, и улыбнулся ей съ внезапнымъ порывомъ нѣжности и влюбленнаго восторга.

IX.

Когда Рославлевъ, все еще весь переполненный смутнаго, пріятнаго и немного недоумѣвающаго чувства, пріѣхалъ домой и прямо прошелъ въ свою комнату, въ дверь къ нему тихо постучалась и позвала его сестра.

— Митя! Можно къ тебѣ?

Рославлевъ очень любилъ всѣхъ своихъ родныхъ, сестру больше всѣхъ. Теперь, когда было такъ весело и хорошо, видѣть сестру доставило ему большое удовольствіе.

— Можно, можно!—закричалъ онъ весело и нѣжно.—Входи, Нюня!

Нюня отворила дверь и вошла. Какъ всегда, что особенно умиляло брата, она была такая чистенькая и свѣженькая, что вся комната какъ будто освѣтилась и наполнилась свѣжимъ, пріятнымъ запахомъ чистоты и молодости.

Но лицо у нея было нерѣшительное и смущенное.

— Что скажешь хорошаго?—спросилъ Рославлевъ, застегивая тужурку. Хотя всѣ они жили очень дружно, но были воспитаны болѣе чѣмъ щепетильно и никто не позволялъ себѣ манкировать костюмомъ при матери и сестрѣ.

Нюня сѣла на кушетку и, поднявъ на брата смущенные, красивые глаза, заговорила съ такимъ видомъ, что было видно, какъ долго и обдуманно она собиралась къ нему.

— Митя, ты не сердись на меня, я хотѣла тебѣ сказать, хотя это, конечно, не мое дѣло, что папа такъ недоволенъ тобою, что я просто боюсь за ваши отношенія,—деликатно смягчая значеніе своихъ словъ, сказала она.

Рославлевъ сразу догадался въ чемъ дѣло и ему стало холодно, какъ будто его поймали въ скверной и мальчишеской продѣлкѣ. Онъ тупо стоялъ передъ Нюней, не смѣя отвести глазъ, и судорожно шевелилъ пальцами лѣвой руки. И Нюня смотрѣла на него, и въ ея глазахъ ясно выражались смущеніе и смутное тревожное любопытство. Она знала, что существуютъ дома терпимости и что ихъ посѣщаютъ всѣ молодме люди, но никакъ не могла представить себѣ, что и братъ бываетъ тамъ. И хотя она была чистая дѣвушка и даже боялась думать о такихъ сторонахъ жизни, инстинктъ тревожилъ ее, подсказывая то, что дѣлалъ братъ, и что-то смутно и интересно волновалъ въ ней.

— Что же, Митя?—вздрагивающиимъ голосомъ спросила она.

И опять Дмитрій Николаевичъ съ недоумѣніемъ подумалъ:

„Да что же это въ самомъ дѣлѣ? Неужели это дѣйствительно гадко, или всѣ такъ опошлились, что уже не могутъ видѣть ничего, кромѣ гадости... даже въ самомъ хорошемъ дѣлѣ!..“

— Видишь ли, Нюня,—заговорилъ онъ такимъ голосомъ, точно заикался на каждомъ звукѣ,—это очень тяжело... что мы съ отцомъ не понимаемъ другъ друга... и что, вообще...

— Ты бы попробовалъ объясниться съ нимъ,—робко предложила Нюня, вдругъ испугавшись, что онъ заговоритъ о томъ, о чемъ ей очень хотѣлось, чтобы онъ заговорилъ.

— Врядъ ли онъ пойметъ меня,—съ горечью сказалъ Дмитрій Николаевичъ, и очень красивою показалась ему эта горечь и ободрила его:—слишкомъ разныхъ взглядовъ мы съ нимъ люди.

— Митя, нашъ папа всегда былъ человѣкомъ передовымъ,—слегка обижаясь за отца, возразила Нюня.—Его взгляды всегда были самые лучшіе, всегда честные... И если то... все это хорошо, то онъ пойметъ...

Чувство нѣжности къ отцу появилось у него; Дмитрій Николаевичъ почувствовалъ слезы на глазахъ и рѣшимость прямо и откровенно сказать все. Онъ подошелъ къ Нюнѣ и, взявъ ее за плечи, простымъ и груднымъ голосомъ проговорилъ:

— Ты права, Нюня... Но ты сама не считаешь меня дурнымъ?

„Вотъ оно!“ съ испугомъ и замирающимъ любопытствомъ подумала Нюня и поднявъ глаза и усиливаясь не покраснѣть, отвѣтила:

— Я знаю, что ты не способенъ ни на что... гадкое...

— Спасибо,—растроганно отвѣтилъ Дмитрій Николаевичъ,

искренно чувствуя въ эту минуту, что не способенъ ни на что дурное, и, не опуская рукъ, сказалъ.—Больно видѣть, Нюня, что именно то, что ты считаешь самымъ святымъ, понимается людьми близкими, какъ... преступленіе,—докончилъ онъ, испугавшись слова „развратъ", которое пришло ему въ голову.

— Митя, пойди къ папѣ!—вдругъ со слезами на глазахъ и съ особеннымъ проникновеннымъ звукомъ голоса сказала Нюня.

Дмитрій Николаевичъ смутился и замялся, но глаза Нюни такъ довѣрчиво и съ такой любовью смотрѣли на него, что онъ, противъ воли путаясь, проговорилъ:

— А онъ дома?

— Дома... онъ въ кабинетѣ и одинъ... Пойди, Митя!—умоляющимъ голосомъ протянула Нюня и взяла его за руки.

— Хорошо... я пойду,—неровно проговорилъ Дмитрій Николаевичъ, медленно подвигаясь къ двери.

— Ты такъ обрадуешъ этимъ маму и меня,—ободряя, говорила Нюня, идя съ нимъ.

Дмитрій Николаевичъ рѣшительно подобрался и пошелъ, но въ дверяхъ остановился и, поддаваясь внезапному влеченію, спросилъ, глядя прямо въ глаза Нюнѣ:

— А ты бы сдѣлала на моемъ мѣстѣ такъ?

— Конечно!—твердо отвѣтила Нюня, потому что была въ этомъ убѣждена.

— Если бы ты видѣла эту дѣвушку,—вспоминая Сашу и испытывая какое-то нѣжное и тревожное чувство, продолжалъ Дмитрій Николаевичъ,—она такая несчастная. И не она виновата передъ обществомъ, а общество передъ нею...

— Да, да,—вдругъ испуганно согласилась Нюня, ей показалось, что онъ хочетъ предложить ей увидѣться съ этой дѣвушкой.

Дмитрій Николаевичъ хотѣлъ еще что-то сказать и не находилъ словъ, а Нюня поспѣшно перебила, чтобы не дать ему высказать:

— Да гдѣ ты узналъ?..

— Да тамъ... товарищи сказали,—весь багровѣя отъ прилившей сразу крови, упавшимъ голосомъ проговорилъ Дмитрій Николаевичъ.—Такъ я пойду...

— Да, иди иди,—также упавшимъ голосомъ и такъ же торопливо сказала Нюня, почти догадываясь и боясь догадаться.

Онѣ осталась въ комнатѣ, а Дмитрій Николаевичъ пошелъ въ кабинетъ отца. И у обоихъ у нихъ осталось такое чувство, точно они оба сказали лживое и злое.

Николай Ивановичъ, отецъ Дмитрія Николаевича, сидѣлъ за работой у себя въ кабинетѣ, хорошо обставленной уютной ком-

натѣ. Онъ былъ писатель, и теперь кончалъ одинъ изъ своихъ разсказовъ. Увидѣвъ сына, онъ отложилъ перо и, избѣгая смотрѣть на него, что вошло ему въ привычку за послѣдніе дни, когда между ними явилось это невысказанное непріятное чувство, встрѣтилъ его притворно-беззаботнымъ возгласомъ:

— А это ты... А я думалъ, ты еще не пріѣзжалъ.

— Давно уже дома,—отвѣтилъ Дмитрій Николаевичъ такимъ же притворно беззаботнымъ голосомъ. Онъ сѣлъ противъ отца и, взявъ со стола пипиросу, сталъ закуривать. Отецъ смотрѣлъ на него искоса съ мучительнымъ и огорченнымъ выраженіемъ. Какъ разъ сегодня онъ говорилъ съ женой о сынѣ и у нихъ было рѣшено деликатно поговорить съ нимъ. Но ему хотѣлось, чтобы сынъ самъ заговорилъ объ этомъ и тѣмъ доказалъ, что онъ вѣритъ ему и уважаетъ его.

„Кажется, я могу разсчитывать на это?“ говорилъ Николай Ивановичъ, намекая не на отцовскіе права, а на свою литературную дѣятельность, въ честности и передовитости которой онъ никогда не сомнѣвался. Ему казалось, что написать три книги такихъ разсказовъ, какіе написалъ онъ, такое хорошее и большое дѣло, что въ правѣ его на уваженіе и довѣріе всѣхъ никто не можетъ сомнѣваться.

И ему было очень пріятно, что сынъ началъ самъ:

— Слушай, папа,—съ усиліемъ заговорилъ Дмитрій Николаевичъ, притворяясь, что небрежно слѣдитъ за клубами дыма:—я замѣтилъ, что ты мною недоволенъ, и знаю, за что, но... только...

Николай Ивановичъ, волнуясь, всталъ и заходилъ по комнатѣ.

— Ну, да... я знаю, я знаю,—перебилъ онъ, мучительно краснѣя,—что-жъ, по существу въ этомъ нѣтъ ничего такого... и если мы съ матерью... то только ради тебя...

Дмитрій Николаевичъ былъ очень радъ, что отецъ говоритъ самъ, и молчалъ, уставившись въ узоръ ковра.

„Но если нѣтъ ничего въ этомъ такого, то отчего же мы всѣ такъ волнуемся?“—невольно пришло ему въ голову.

— Видишь ли,—рѣшившись прямо перейти къ этому вопросу, продолжалъ отецъ,—я самъ былъ молодъ, конечно,—онъ робко улыбнулся,—и не безупреченъ въ этомъ отношеніи... да и никто не безупреченъ, всѣ люди, всѣ человѣки,—опять улыбнулся онъ и заторопился,—это физіологическая потребность, тутъ ничего не подѣлаешь, но зачѣмъ же подчеркивать это? Если ты чувствовалъ себя виноватымъ по отношенію къ этимъ жертвамъ общественнаго темперамента, то ты могъ бы принять такое или иное участіе въ обществахъ... благотворительныхъ, но такъ... право, Митя, выходитъ некрасиво!.. Ты прости меня...

Дмитрій Николаевичъ покраснѣлъ и еще упорнѣе сталъ изучать узоръ на коврѣ. Ему ясно припомнилось, что онъ и самъ чувствовалъ все время что-то грязное въ этой исторіи, и не могъ понять, что именно.

— Я, ты знаешь,—помолчавъ, точно дожидаясь отвѣта и не дождавшись, проговорилъ отецъ,—самъ не мало поработалъ надъ этимъ вопросомъ, лѣтъ десять тому назадъ меня даже звали въ шутку ангеломъ-хранителемъ этихъ дамъ, и врядъ ли не лучшія мои вещи написаны ради уясненія обществу его отвѣтственности передъ этими несчастными!...

Дмитрій Николаевичъ значительно кивнулъ головой. Хотя онъ и говорилъ сестрѣ о томъ, что отецъ врядъ ли пойметъ его, но въ глубинѣ души чрезвычайно гордился отцомъ, какъ писателемъ.

— Ну, вотъ,—обрадовался отецъ,—и я не могу не радоваться тому, что ты сдѣлалъ, по идеѣ... но это надо было не такъ... И, знаешь, разъ уже ты запутался, я готовъ дать тебѣ денегъ... пристрой ее въ какую-нибудь мастерскую... Но самому тебѣ принимать близкое участіе не стоитъ... Невольно у всякаго является мысль о томъ, гдѣ ты съ ней познакомился и какія у васъ отношенія теперь... Хотя я, конечно, увѣренъ, что теперь ничего нѣтъ... Это было бы уже совсѣмъ... нехорошо!—съ искреннимъ чувствомъ сказалъ Николай Ивановичъ.

Какъ и сынъ, онъ не уяснялъ и не могъ бы уяснить, почему именно это нехорошо, но былъ твердо въ этомъ увѣренъ. А Дмитрію Николаевичу показалось, что онъ ударилъ его этими словами. Онъ безпокойно зашевелился и бросилъ папиросу, но въ слѣдующую минуту, какъ и всегда, когда онъ открывалъ въ себѣ что-нибудь дурное, Дмитрій Николаевичъ подыскалъ оправданіе:

„Но вѣдь теперь совсѣмъ не то, тогда было свинство... развратъ, а теперь я... совершенно искренно, я..."

Но это оправданіе испугало его еще больше, чѣмъ слова отца.

И Николай Ивановичъ замѣтилъ это по его лицу и, понимая въ другомъ смыслѣ, заторопился кончить свое объясненіе:

— Я понимаю, что тебѣ это тяжело, и мнѣ самому непріятно... Но ты понимаешь, что я рѣшился только для твоего же блага... Повторяю, исторія, въ основаніи которой лежитъ самое благородное чувство, благодаря обстановкѣ, такъ сказать, принимаетъ некрасивую окраску... Притомъ ты знаешь наши нравы, знаешь, какъ на это посмотрятъ... пойдутъ сплетни и даже, какъ я замѣтилъ, уже и пошли... Объ этомъ постарался Гвоздиловъ, конечно... Ты сдѣлалъ большую ошибку, что заговорилъ съ нимъ... Попросилъ бы лучше Истаманова, что ли.

И желая приласкать сына и затереть въ немъ дурное впечатлѣніе отъ объясненія, Николай Ивановичъ слегка обнялъ его и ласково проговорилъ:

— Мы съ матерью такъ любимъ тебя и уважаемъ, что намъ больно было бы, если бы твое имя хоть однимъ краемъ волочилось въ грязи... А ты знаешь, что для дурныхъ людей этого достаточно...

Въ сосѣдней комнатѣ раздался голосъ его жены и Нюни. И торопясь, Николай Ивановичъ быстро договорилъ:

— Не правда ли, съ этимъ вопросомъ покончено?.. Да вѣдь и сдѣлалъ ты совершенно достаточно! Чего-жъ еще... Передай ей эти деньги и все прекрасно... кончится!

Онъ торопливо отодвинулъ ящикъ стола и, вынувъ, очевидно, заранѣе приготовленную пачку кредитокъ, неловкимъ и боковымъ движеніемъ отдалъ сыну.

— Ты очень добръ!—смущенно пробормоталъ Дмитрій Николаевичъ.

Они пожали другъ другу руки, какъ два друга. Такія отношенія очень нравились имъ обоимъ.

Провожая сына до дверей, Николай Ивановичъ съ нѣжнымъ удовольствіемъ смотрѣлъ въ его еще нѣжное, но уже мужественное, красивое лицо и хотѣлъ сказать:

„А главное, я боюсь, что ты увлечешься этой... такіе благородные, милые юноши легко увлекаются идеей спасенія этихъ тварей, я самъ когда-то чуть не женился на проституткѣ... А это было бы ужасно!“

Но онъ не сказалъ этого и вернулся къ своей работѣ съ умиленнымъ чувствомъ гордости своимъ сыномъ и воспоминанія о томъ времени, когда онъ искренно мечталъ спасти проститутку и возродить ее къ новой жизни.

„Она ушла тогда отъ меня... а то бы... И слава Богу, во время убѣдился, что если кто желаетъ ихъ спасенія, то это спасающіе, а не спасаемыя!“

И закуривъ папиросу, Николай Ивановичъ серьезно и вдумчиво сталъ писать.

X.

Въ тотъ же день къ вечеру Дмитрій Николаевичъ пѣшкомъ пошелъ на Васильевскій Островъ къ одному изъ своихъ товарищей, котораго очень любилъ, съ тѣмъ, чтобы разсказать ему все и попросить совѣта, какъ лучше устроить дѣло съ Сашей. Онъ самъ не зналъ, когда именно пришло ему въ голову такое рѣшеніе, но оно уже было непоколебимо, хотя и мучило его.

Дорогой онъ все вспоминалъ, въ какомъ невѣроятно жизнерадостномъ и даже блаженномъ настроеніи вышелъ онъ днемъ изъ больницы. Все казалось ему хорошо, мило, прекрасно. И санки извозчика, и галки на снѣгу, и городовые съ учтивыми усатыми лицами, и собственное тѣло, въ которомъ было бодрое и куда-то влекущее чувство. Ему было трудно уйти отъ Саши и была одна минута, когда онъ чуть не назначилъ ей свиданіе, но уже выйдя, онъ вспомнилъ и застыдился этого желанія, хотя оно было пріятно ему. И всю дорогу онъ вспоминалъ, какъ медленно и жгуче они цѣловались, и у него кружилась голова и напрягалось желаніемъ тѣло.

Теперь онъ шелъ сумрачный и разстроенный.

„Отецъ говоритъ, что теперь это было бы слишкомъ гадко... И я самъ такъ думаю,—съ удовольствіемъ подумалъ онъ, что думаетъ совершенно такъ, какъ умный и писатель отецъ.—А если теперь нельзя, то какое же право я имѣлъ цѣловать ее?... Какое-то имѣлъ!... Было пріятно и ничуть не стыдно... А теперь стыдно! Неужели я въ нее былъ влюбленъ тогда?... Это глупости... Вѣдь, что тамъ ни говори, она—публичная дѣвка! И.. не могу же я ее любить!“

Но ему было очень пріятно вспоминать каждое слово и каждое движеніе Саши. Ея бѣленькое платье, такое чистое, пахнущее свѣжей матеріей, и такъ къ ней шедшее, такъ и мелькало у него въ глазахъ.

„Просто похоть!“ грубо подумалъ онъ, чтобы успокоить себя, и хотя всегда считалъ похоть дурнымъ чувствомъ, но это объясненіе его успокоило, такъ страшна для него была мысль, что онъ могъ бы влюбиться въ бывшую публичную женщину, какова бы она ни была теперь.

„И надо кончить все это сразу... Папа правъ совершенно! И какой я дуракъ, у другого бы это вышло просто, легко и красиво, а у меня вышло такъ грубо, стыдно. . и самъ я запутался некрасиво!.. Какой я несчастный! Почему мнѣ ничего не удается?... Вѣдь я хотѣлъ самаго хорошаго, а выходитъ грязь!.. А почему грязь?.. Это не потому, что я ее вытащилъ, и не потому, что раньше ходилъ туда... всѣ ходятъ, и не потому, что я ее цѣловалъ въ больницѣ... А почему же?—съ отчаяніемъ подумалъ Дмитрій Николаевичъ.—А потому, вѣдь, что на одну минуту я допустилъ возможность какой-то близости между собой и ею, допустилъ какъ будто... что я могу любить женщину, которая всѣмъ отдавалась... Я съ нею какъ бы сталъ рядомъ, и вмѣсто спасителя сталъ близкимъ ей человѣкомъ!.. Вотъ и грязь!.. А вѣдь она въ меня влюблена!—вдругъ спохватился онъ съ ужасомъ.—О какъ это тяжело все! Надо кончить, надо кончить!.. Конечно, дамъ ей

денегъ на машинку, на прожитіе первыхъ мѣсяцевъ... И больше никто отъ меня не можетъ ничего требовать!"—съ ожесточеніемъ противъ чего-то, что смутно, но упорно-тоскливо стояло у него въ груди, чуть не вслухъ проговорилъ Дмитрій Николаевичъ, подходя уже къ дому, гдѣ жилъ студентъ Василій Ѳедоровичъ Семеновъ.

Семеновъ былъ боленъ чахоткой, а потому всегда сидѣлъ дома и теперь встрѣтилъ пріятеля желтый и сумрачный отъ усилившагося къ вечеру и отъ сырой погоды кашля.

— А, это ты?—сказалъ онъ, отворяя дверь.

Въ его комнатѣ, несмотря на открытый отдушникъ, было сильно накурено табакомъ, отъ котораго Семеновъ не отставалъ, хотя и былъ боленъ грудью.

— Опять куришь!—съ дружескимъ и соболѣзнующимъ чувствомъ сказалъ Рославлевъ, снимая шинель и шапку.

— Все равно...—неопредѣленно махнулъ рукой Семеновъ, и въ его голосѣ не было иного чувства, кромѣ тупого равнодушія.

— Ну..—проговорилъ Рославлевъ, сѣлъ, и закуривая папиросу, сейчасъ же заговорилъ о томъ, что его занимало.

— Я къ тебѣ по дѣлу... а?

— Ну?—равнодушно протянулъ Семеновъ, морщась отъ мучительнаго приступа кашля, который онъ старался, напрягая грудь, удержать. Ему все казалось, что его болѣзнь, и кашель, и то, что онъ выплевываетъ мокроту, и его постоянно окровавленный, заплеванный платокъ возбуждаютъ въ людяхъ не состраданіе, какъ они стараются показать, а брезгливое чувство. Когда онъ кашлялъ или шелъ въ переднюю выплюнуть мокроту, онъ чувствовалъ, что на него стараются не смотрѣть, отворачиваются и самъ себѣ онъ казался тогда грязнымъ, противнымъ, мокрымъ пятномъ, около котораго даже стоять противно. И всегда въ такихъ случаяхъ онъ сознавалъ, что не виноватъ въ болѣзни и въ ея симптомахъ, что имѣетъ право болѣть, плевать, кашлять, что никто не смѣетъ презирать его за это, и все-таки страдалъ и чувствовалъ страшную ненависть ко всѣмъ.

Отъ Рославлева за три шага слышенъ былъ свѣжій, пріятный запахъ холоднаго воздуха, принесеннаго со двора, и молодого, сильнаго человѣка. Этотъ бодрый и сильный запахъ входилъ въ легкіе Семенова и былъ пріятенъ имъ и мучительно тяжелъ и ненавистенъ его, измученному болѣзнью и страхомъ смерти, сознанію.

— Ну?—повторилъ онъ и, не удержавшись, закашлялся, брызнувъ тонкими, запекшимися губами.

— О, чортъ!—съ безконечной ненавистью и къ себѣ, и къ кашлю, и къ Рославлеву прохрипѣлъ онъ.

Рославлевъ, именно съ тѣмъ чувствомъ, которое подозрѣвалъ Семеновъ, съ брезгливой жалостью сильнаго и красиваго къ больному и безобразному, смотрѣлъ въ сторону, но думалъ не о немъ, а о томъ, какъ начать.

Когда Семеновъ пересталъ кашлять, отошелъ отъ плевальницы и сѣлъ на кровать, потирая грудь рукою, Рославлевъ заговорилъ:

— Помнишь, я тебѣ разсказывалъ о той проституткѣ, что...

— Помню,—отвѣтилъ Семеновъ, вовсе не помня. Сказалъ потому, что ему все хотѣлось перебить здоровый и красивый голосъ.—По проституткамъ ходишь...—зачѣмъ-то прибавилъ онъ.

Рославлевъ вскинулъ на него удивленными глазами и, не смущаясь, весело возразилъ:

— Нельзя... всѣ люди...—и уже сказавъ это, вспомнилъ о болѣзни Семенова и неловко замолчалъ.

Молчалъ и Семеновъ, машинально крутя пальцами тощую и маленькую бородку.

— Ну, такъ что?—спросилъ онъ опять.

— Да,—оживляясь, заговорилъ Рославлевъ,—я ее оттуда взялъ и пристроилъ въ пріютъ этотъ... ну, а она... можешь себѣ представить, въ меня влюбилась!

И при этихъ словахъ Рославлевъ вспомнилъ Сашу, такую чистенькую и свѣжую, какою онъ обнималъ и цѣловалъ ее въ больницѣ, и ему стало странно, что это онъ о ней говоритъ „проститутка“ такимъ смѣющимся и легкимъ голосомъ.

— Что-жъ тутъ удивительнаго,—улавливая его презрительный тонъ и почему-то обижаясь за проститутку, точно за самого себя, возразилъ Семеновъ.—Ты ее „спасъ“... спаситель... хм!..

Рославлеву, хотя онъ былъ увѣренъ, что это прекрасно и что онъ точно—спаситель, стало смѣшно.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ,—безпечно смѣясь, говорилъ онъ,—влюбилась...—И прежде, чѣмъ успѣлъ сообразить, прибавилъ:—и, знаешь, она просто прелесть какая хорошенькая!..

— И ты въ нее влюбился?—усмѣхнулся Семеновъ, и усмѣшка у него вышла добродушная.

Рославлевъ сначала улыбнулся, но сейчасъ же и отвѣтилъ:

— Глупости. Какая тутъ можетъ быть любовь! Просто мнѣ ее жалко стало, когда она руку поцѣловала, ну и... вообще, она хорошенькая, и я же ее зналъ и раньше.

— Значитъ, ты и послѣ „спасенія“ съ нею „того“?—спросилъ Семеновъ съ злой насмѣшкой.

— Нѣ-ѣтъ, что ты!—искренно считая это гадкимъ, сказалъ Рославлевъ и покраснѣлъ.

— Чего-жъ ты?

Рославлевъ замялся, съ испугомъ припоминая то, что было между нимъ и Сашей въ больницѣ.

— Да что... Я знаю, что это нехорошо!—довѣрчиво прибавилъ онъ, разсказывая Семенову уже все, что съ нимъ случилось.

Семеновъ молчалъ и слушалъ, все такъ же покручивая тонкіе волоски безцвѣтной бородки и такъ же удерживая кашель. И въ этой комнатѣ съ затхлымъ лекарственнымъ запахомъ, около маленькой и плохой лампы, въ присутствіи молчаливаго больного человѣка, съ озлобленнымъ на все лицомъ, было такъ неумѣстно и странно то, что онъ разсказывалъ, что Рославлевъ замолчалъ и смотрѣлъ на Семенова.

— Василій Θедоровичъ!—позвала тонкимъ голосомъ мѣщанка, хозяйка Семенова, изъ-за перегородки.

— Чего?—отозвался Семеновъ, не поворачивая головы.

— Чай будете пить?

— Давайте.

Послышалось звяканье посуды, скрипнула дверь, и тощая беременная женщина въ платочкѣ принесла синій чайникъ и другой, бѣлый, маленькій, два стакана изъ толстаго стекла и ситный хлѣбъ. Пока она устанавливала все это на столѣ, студенты молчали.

— Сами заварите?

— Самъ,—отвѣтилъ Семеновъ.

Она ушла, натягивая концы платка на тяжелый круглый животъ.

Семеновъ досталъ чай и насыпалъ его въ чайникъ. Рославлевъ внимательно смотрѣлъ на это и въ душѣ у него было недоумѣлое и обидчивое чувство.

„Чего-жъ онъ молчитъ?.. Знаетъ, вѣдь, какъ мнѣ трудно было все высказать, и молчитъ!.. А впрочемъ, чего я отъ него хочу?.. Онъ и не пойдетъ... Лучше просто написать... конечно, лучше написать!“

— Ну, что-жъ ты скажешь?—неловко и противъ воли спросилъ онъ.

— Что?—равнодушно спросилъ Семеновъ.

— Да вотъ... насчетъ всей этой „исторіи“?—притворяясь улыбающимся и уже съ досадой, весь наливаясь кровью и боясь, чтобы Семеновъ этого не замѣтилъ, пробормоталъ Рославлевъ.

— А что я тебѣ скажу?—сердито отозвался Семеновъ.—Глупости все это.

— Какъ?

— Да такъ... Я тебя и не понимаю вовсе: какого ты чорта взялся за это дѣло и чего теперь мучаешься.

— Странное дѣло,—обидчиво возразилъ Рославлевъ.—Чего взялся?.. А ты бы не взялся?

— Нѣтъ,—упрямо сказалъ Семеновъ.

— Тѣмъ хуже для...—усмѣхаясь, сказалъ Рославлевъ.

— Нѣтъ не хуже!—визгливо вскрикнулъ Семеновъ и вдругъ опять мучительно и тяжело раскашлялся. Онъ хрипѣлъ, задыхался, плевалъ и отхаркивался, и все его тщедушное тѣло дрожало и извивалось.

Рославлевъ, не глядя на него, ждалъ, когда это кончится, и ему было досадно отъ нетерпѣнія и невольно хотѣлось крикнуть: „Да перестань ты!..“

Семеновъ, тяжело дыша, замолчалъ, вытеръ наполнившіеся слезами глаза и холодный мокрый лобъ и всталъ.

— Какое ты-то право имѣлъ ее „спасать“?—заговорилъ онъ, задыхаясь.—Подумаешь, спаситель!.. Спасители...

— Когда человѣкъ тонетъ.

— А другой по уши увязъ,—съ насмѣшкой перебилъ Семеновъ.—Скажи мнѣ, пожалуйста, ты-то живешь добродѣтельно?

— Странное дѣло... сравнительно,—почему-то смущаясь, пробормоталъ Рославлевъ.

— Сравнительно!..—визгливо передразнилъ Семеновъ.—Всякій человѣкъ сволочь, и ты сволочь и она сволочь. Ты самъ, какъ и всѣ, такъ же далекъ отъ идеала нравственной чистоты, какъ и она, а небось, если бы тебя спасать вздумали, ты бы даже въ негодованіе пришелъ...

— Ну, это что!—протянулъ Рославлевъ.—Такъ можно все сравнять, а... все-таки она—публичная женщина, а я...

— А ты—человѣкъ, который этой публичной женщиной пользуешься!.. А впрочемъ и не въ томъ дѣло... Скажи ты мнѣ на милость, за что это мы такъ презираемъ эту самую „публичную женщину“? Что онѣ... зло кому-либо дѣлаютъ?.. Вѣдь у насъ воровъ, убійцъ и насильниковъ всякихъ меньше презираютъ... Себя-то презирать трудно, такъ давай другого презирать за свои же... А впрочемъ и это не то,—перебилъ себя Семеновъ, махнулъ рукой и сталъ наливать чай.

— А, что?—глядя на него съ удивленіемъ, спросилъ Рославлевъ.

„Нѣтъ, его нельзя просить объ этомъ!“—сказалъ онъ себѣ со досадливымъ чувствомъ.

— Да что... ни къ чему все это!—грустно проговорилъ Семеновъ и замолчалъ.

Рославлевъ помолчалъ тоже.

— Вотъ ты говоришь, кому онѣ зло дѣлаютъ,—нерѣшительно заговорилъ онъ, подыскивая слова, чтобы высказать свою просьбу, и не находя ихъ:—а сифилисъ развѣ не зло?

Семеновъ вдругъ сдержанно и грустно улыбнулся.

— Болѣзнь, братъ, всякая—зло, самое скверное зло... это я тебѣ скажу! И сифилисъ—зло... но только, если бы я могъ,— вдругъ опять озлобляясь, заторопился онъ, расширяя зрачки,— такъ я бы эту дрянь, которая слюнки распускаетъ за всякой бабой, заражается, а потомъ еще и хнычетъ, и лѣчить бы не сталъ!..

„Нѣтъ, его нельзя просить“,—опять подумалъ Рославлевъ и всталъ.

— Ну, ты, братъ, сегодня какой-то... Пойду я лучше на билліардѣ поиграю...

— И я тебѣ еще вотъ что скажу,—машинально подавая ему руку и не замѣчая, что онъ уходитъ, продолжалъ Семеновъ:— если люди хотятъ и считаютъ нужнымъ исправлять другихъ, такъ это прежде всего—ихъ собственное желаніе... ну, ихъ собственная потребность тамъ, что ли... А въ такомъ случаѣ не ихъ должны униженно благодарить за это, а они должны прилагать всѣ старанія, чтобы еще удостоились другіе исправляться-то по ихнему!..

Рославлевъ, уже надѣвшій шинель и фуражку, безсмысленно посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Къ чему это ты?

— Да ты же вотъ... самъ лѣзешь съ исправленіями и самъ же...

— Да она сама попросила.

— Сама?.. Да ты же разсказываешь, что она въ тебя влюбилась... Она... она у тебя счастья, человѣка искала... ей постоянное животное презрѣніе опротивило... А ты что ей приподнесъ? Добродѣтель картонную... Да развѣ нужна добродѣтель несчастному человѣку? Эхъ, вы!..

— Что ты говоришь, ей-Богу!—съ досадой сказалъ Рославлевъ, уходя.

Но Семеновъ со злобой и съ накипающими почему-то слезами жалости къ самому себѣ пошелъ за нимъ въ темную переднюю. Рославлевъ возился съ калошами, а Семеновъ продолжалъ говорить.

— Неужели ты до сихъ поръ не понимаешь, что добродѣтель нужна и хороша только сытому брюху!

— Слыхали мы это!—пробормоталъ Рославлевъ, котораго начало тяготить это, непонятное ему, озлобленіе и хриплый, тонкій голосъ больного.

— Нѣтъ, не слыхали!—закричалъ Семеновъ со злыми слезами въ голосѣ и размахивая руками.—А это правда!.. Я тебѣ это говорю... Я вотъ умираю и знаю это теперь... теперь меня никто не надуетъ жалкими словами! Счастье нужно, здоровье нужно, не умирать нужно, а не... вотъ...

Рославлевъ взялъ его за пуговицу и, глядя ему въ лицо сверху внизъ, добродушно проговорилъ:

— Ну, счастье... Я тебя и хочу просить... Я больше всего хочу, чтобы она была счастлива...—и лицо у него стало самодовольно—скромное.

— А ты женись на ней... любитъ тебя и женись!.. Вотъ и счастье... пока, на первый случай!..

— Глупости,—искренно и машинально засмѣялся Рославлевъ,—а мнѣ въ самомъ дѣлѣ кажется, что она не на шутку того... Голубчикъ, пойди къ ней завтра... она въ больницѣ теперь сидѣлкой... Отдай ей деньги и скажи, что это отъ меня на машинку и тамъ... А то, ей-Богу, невозможное положеніе получилось... Чортъ знаетъ, что такое... Вѣдь не могу же я на ней въ самомъ дѣлѣ жениться!

Семеновъ молча посмотрѣлъ въ его покраснѣвшее, пухлое и здоровое лицо.

— И какая ты дрянь!—съ страшной ненавистью задавленнымъ голосомъ проговорилъ онъ.

— Что?—спросилъ, не разслышавъ Рославлевъ.

Онъ былъ почти вдвое больше Семенова и отъ всего его здороваго тѣла дышало страшной силой и самоувѣренностью.

— Дрянь ты, говорю!—повторилъ Семеновъ, но противъ воли его голосъ былъ уже шутливый и игривый.

— Ну, пускай!—самодовольно и весело улыбнулся Рославлевъ.—А ты все-таки будь другомъ, устрой это дѣло... а?

Жидкіе волосы прилипли къ холодному лбу Семенова, ему было трудно стоять, жалко себя и стыдно того, что онъ сказалъ.

— Хорошо,—проговорилъ онъ и скосилъ глаза въ уголъ.

Рославлевъ крѣпко и дружелюбно пожалъ ему руку.

— Ну, вотъ спасибо! А теперь я пойду... Такъ сходишь завтра?

— Схожу.

— Ну, до свиданья.

— До свиданья.

Рославлевъ отворилъ дверь и вышелъ на лѣстницу, оборачиваясь и улыбаясь Семенову. Дверь затворилась, и слышно было, какъ онъ медленно спускался внизъ. Семеновъ остался одинъ въ полутемной передней. Съ минуту онъ стоялъ неподвижно и все больше и больше блѣднѣлъ, а потомъ вдругъ сорвался съ мѣста, выскочилъ на холодную лѣстницу и, перегнувшись всѣмъ тѣломъ черезъ перила, сорвавшимся голосомъ, съ невѣроятной злостью и презрѣніемъ изо всѣхъ силъ крикнулъ въ пустоту:

— Сволочь проклятая!

Голосъ гулко задробился въ пустыхъ пролетахъ лѣстницы, а

Семеновъ, дрожа всѣмъ тѣломъ и отъ пронизывающаго холода, и отъ злого возбужденія, долго прислушивался, свѣсившись внизъ, пока ему не стало чего-то жутко въ этомъ пустомъ молчаливомъ мѣстѣ, слабо освѣщенномъ плохими коптящими лампочками.

IX.

Дежурная сидѣлка, измучившаяся за ночь, разбудила Сашу и прошла будить другихъ. Было еще совсѣмъ темно, въ окна проникалъ только слабый, тоскливый и тусклый сѣрый свѣтъ, было сыро и холодно въ огромномъ, остывшемъ за ночь, сыромъ зданіи. Вся дрожа такъ, что зубы дробно стучали, и чувствуя какъ все тѣло сжимается, покрываясь непріятными пупырышками, Саша торопливо одѣлась. На другихъ кроватяхъ тоже молча дрожали смутно видныя въ полусумракѣ сидѣлки. Та, которая будила, не раздѣваясь, повалилась на сосѣднюю кровать и сейчасъ же заснула; Саша видѣла ея блѣдное, казавшееся мертвымъ и синимъ при блѣдномъ свѣтѣ, лицо, съ замученными, впавшими щеками и темными вѣками.

Все еще дрожа и стараясь собственными движеніями согрѣться и удержать дрожь, Саша пошла внизъ, въ столовую для служащихъ. Столовая была въ подвальномъ этажѣ и въ ней было еще холоднѣе и сырѣе и такъ темно, что горѣли электрическія лампочки, подвѣшенныя къ низкому сводчатому потолку.

За такимъ же точно зеленоватымъ столомъ, какіе были въ пріютѣ, Саша, торопясь и обжигая губы, напилась чаю, грѣя лицо и руки надъ горячимъ паромъ.

— Рукъ не отогрѣешь!—проговорила она.

Сидѣвшая рядомъ толстая и старая сидѣлка молча посмотрѣла на посинѣвшія руки Саши и равнодушно отвернулась.

„Экія всѣ непривѣтливыя!“ — подумала Саша. — „Всѣ тутъ такія!“

Она уже замѣтила это и уже поняла, что это оттого, что работа тутъ очень тяжелая, скучная, противная, и живутъ сидѣлки скучно, однообразно, постоянно другъ у друга на глазахъ, среди однообразно мучающихся, тяжело пахнущихъ, капризничающихъ, однообразно умирающихъ людей.

„Ну, и жизнь!“—подумала она, вставая и относя свою кружку на мѣсто.—„Вотъ ужъ ни за что не осталась бы тутъ!.. А вонъ же живутъ, тутъ и старѣютъ.. ни свѣта, ни радости! Господи... Кабы не Митенька, такъ бы и плюнула на все“...

— Козодоева, васъ больная зоветъ!—сказала сидѣлка и прошла, звякая пузырьками.

Саша вздохнула, поправила волосы и пошла опять наверхъ

по пустой, черезчуръ широкой и чистой лѣстницѣ, по которой странно-одиноко отдавались ея шаги.

Въ комнатѣ больной баронессы было душно и не только тепло, а даже парно, какъ въ предбанникѣ. Пахло лекарствами, духами, которыми душили въ комнатѣ, чтобы заглушить нудный, сладковатый и острый запахъ разлагающагося человѣка. Сашѣ даже въ голову ударило, когда она вошла въ эту атмосферу изъ холоднаго корридора.

Баронесса лежала на спинѣ, глядя на дверь запавшими больными и раздражительными глазами; уголки губъ у ней все опускались и она судорожно, болѣзненно-торопливо, перебирала по одѣялу тонкими пальцами. На той груди, которую ѣлъ ракъ, не поддававшійся операціямъ, лежалъ пузырь со льдомъ, обернутый полотенцемъ.

— Господи,—капризнымъ страдающимъ голосомъ встрѣтила она Сашу,—васъ не дозовешься.. Эта дура ничего не умѣетъ... Я всю ночь не спала... Льду дайте .. Поверните меня-а..

Ея слабый, нудный голосъ капризно звенѣлъ Сашѣ въ ухо, когда она, подсунувъ руки подъ странно-тяжелое, вялое тѣло баронессы, поднимала его на подушки.

— Выше.. еще.. Господи, да больно-же.. еще..

Отъ мокрой больнымъ потомъ рубашки ея пахнуло въ ротъ и лицо Саши тяжелымъ запахомъ. Простыни подъ ней сбились и были горячія, противныя.

— Чаю хотите или молока принести?—спросила Саша, запыхавшись отъ усилій и поправляя разбившіеся волосы.

Баронесса не сразу отвѣтила, въ упоръ глядя на нее злыми отъ болѣзни, темными глазами.

— Молока?—повторила Саша.

— Ахъ, да конечно же! Вы же знаете, что я пью по утрамъ!—раздражительно отвѣтила баронесса.

Саша промолчала и пошла за молокомъ.

„И ни чуточки мнѣ ее не жаль,—подумала она о баронессѣ, сходя съ лѣстницы:—она и здоровая, должно, такая же злая была...“

Первый день Саша жалѣла баронессу и ей казалось страшно и странно, что вотъ эта женщина больна, что у нея гніетъ тѣло и она скоро умретъ, но тяжелая и противная забота возлѣ нея скоро притупила это чувство, и, какъ тѣ два сѣдые мужика въ бѣлыхъ фартукахъ, которые равнодушно протащили навстрѣчу Сашѣ бѣлыя носилки для кого то умершаго ночью, протащили, ругаясь между собой изъ-за какой-то простыни, Саша уже совершенно машинально ухаживала за больной, переворачивала ее, носила посуду, кормила, совсѣмъ не думая о ней, а о себѣ.

Молоко уже скипѣло, и Саша пошла назадъ.

— Неужели вы не можете скорѣе... О, Гос-споди,—чуть не скрежеща зубами, встрѣтила ее баронесса, съ ненавистью безконечной зависти больного и несчастнаго человѣка къ здоровому и счастливому тѣмъ.

— Чего ужъ скорѣе,—досадливо пробормотала Саша.

— Не смѣйте грубить мнѣ!—взвизгнула баронесса.

Саша промолчала.

— Опять молоко... сколько разъ кипѣло?

— Два.

— Неправда... врете... скипятите еще разъ.

— Да, ей Богу, два—улыбнулась Саша.

— А я говорю нѣтъ... какъ вы смѣете спорить. Я говорю прокипятите еще разъ...

Саша пошла внизъ.

День понемногу разсвѣталъ и въ корридорахъ стало свѣтло и тепло. Сквозь огромныя окна полились цѣлые потоки солнечныхъ лучей, но больница не замѣчала ихъ, наполненная своею тошной, тяжелой умирающей жизнью. И Саша не замѣчала этого свѣта и тепла, дѣлала тяжелое безрадостное дѣло, поднимала больныхъ, кормила, давала лекарства, потомъ обѣдала внизу въ подвальной столовой.

Послѣ обѣда она поссорилась со своей больной.

— Дрянь!..—кричала баронесса, захлебываясь слезами и безсильной злостью.—Какъ вы смѣете мнѣ грубить! Вы знаете, кто я и кто вы!..

Саша испугалась и обидѣлась. Съ тѣхъ поръ, какъ она ушла изъ публичнаго дома, никто не кричалъ на нее такъ, и ей уже казалось, что и никогда никто не будетъ ее ругать, что никто не имѣетъ теперь на это права.

Въ этомъ рѣзкомъ крикѣ ей вдругъ послышались тѣ же самыя обиды, которыми осыпали ее въ прошлой жизни, и ей показалось на мгновеніе, что она опять сидитъ на полу, закрываясь руками, а на голову и спину ея больно сыпятся удары тетеньки.

И когда вдругъ больная притихла, поблѣднѣла, и, прищуривъ глаза, какъ-то хитро и упрямо толкнула ее костлявымъ и слабымъ кулакомъ въ плечо, Саша сразу заплакала и, закрывая лицо руками, ушла.

— Господи, Боже мой,—прошептала она:—хоть бы ужъ скорѣе вырваться въ настоящую жизнь!.. Что-жъ это такое... Митенька мой милый! Что-жъ ты...

И она сама не знала, чего ждала отъ него.

Такъ прошелъ день, тяжелый и скорбный, и скучный.

Совсѣмъ передъ вечеромъ сидѣлка пришла и позвала Сашу.

— Тамъ васъ спрашиваютъ,—сказала она.

— Пришелъ! А я-то... глупая!—чуть не вскрикнула Саша и почти бѣгомъ, легкая и радостная, вся замирая отъ любви и ожиданія чего-то невѣроятно-радостнаго, свѣтлаго, побѣжала по корридору.

Семеновъ въ худомъ длинномъ сюртукѣ, прорванномъ подъ мышками, и съ шапкой въ рукахъ стоялъ въ корридорѣ.

— Вы Козодоева?—спросилъ онъ сердито, сердясь вовсе не на нее, а на увеличившуюся въ этотъ день отдышку и боль въ груди.

— Я,—отвѣтила Саша съ размаху останавливаясь передъ нимъ.

— Я къ вамъ отъ Рославлева,—сказалъ Семеновъ.

— Ахъ, пожалуйста,—почему-то сказала Саша и покраснѣла.—Они не больны?—тревожно прибавила она.

— Нѣтъ, здоровъ... должно быть,—сердито отвѣтилъ Семеновъ и закашлялся.

Саша молчала.

— Рославлевъ просилъ меня сказать вамъ, что онъ теперь уѣзжаетъ и, вѣроятно, долго не будетъ... то-есть не то, а просто... вотъ вамъ тутъ деньги,—сквозь кашель со злостью выкрикнулъ Семеновъ, не глядя на Сашу и доставая изъ кармана пакетъ, который онъ самъ тщательно склеилъ утромъ,—и если вамъ тутъ не нравится, такъ онъ похлопочетъ... мѣсто въ магазинѣ портнихи, мадамъ Эльзы, что-ли!

Саша молчала. Семеновъ съ удивленіемъ взглянулъ на нее и стоялъ, неловко протянувъ деньги.

Было такъ тихо, что слышно было, какъ ходилъ кто-то, шаркая туфлями и звонко плюя куда-то.

— Возьмите деньги,—сердито повторилъ Семеновъ.

У него кружилась голова отъ слабости и въ ушахъ звенѣло и ему уже не было дѣла ни до кого и ни до чего на свѣтѣ, кромѣ тупой, ноющей боли въ груди.

Саша взяла.

— Больше ничего?—спросилъ Семеновъ.

— Ничего,—только прошевелила губами Саша.

Семеновъ помолчалъ.

— Ну, прощайте.

— Прощайте.

Семеновъ пошелъ прочь, согнувъ спину и покашливая.

Саша долго и тихо стояла и смотрѣла въ спускающуюся съ лѣстницы худую, потертую спину студенческаго сюртука; потомъ положила деньги въ карманъ и пошла въ „дежурную“ комнату.

Тамъ она прилегла на кровать и сжалась въ комокъ, точно стараясь, чтобы никто ее не видѣлъ.

— Больны, Козодоева?—спросила сидѣлка.

— Неможется,—тихо отвѣтила Саша.

— Долго ли тутъ заболѣть!—съ ненавистью къ кому-то проговорила сидѣлка.—Такъ я за васъ поставлю дежурную, а вы полежите. Градусникъ поставьте.

— Хорошо,—покорно отвѣтила Саша.

На этой кровати съ маленькой, жесткой кожанной подушкой, которую она помнила потомъ всю жизнь, Саша пролежала весь вечеръ и ночь.

XII.

Передъ глазами у нея колыхались въ темнотѣ и расплывались золотые круги и какъ будто гдѣ-то внутри глазъ отчетливо освѣщенные внутреннимъ свѣтомъ выплывали, стояли и расплывались одни за другими лица, сцены и люди, и мѣста. Все, что Саша видѣла и слышала за эти дни, вставало передъ нею, и она ясно чувствовала, что оборвалась какая-то выдуманная ею самой связь, что она и теперь такъ же одна, никому ненужная, несчастная, какъ и прежде.

„Ну, что-жъ... не любитъ, такъ не любитъ,—машинально думала она, всматриваясь въ оживающій знакомыми образами мракъ.—Я думала... Мало ли чего я думала... Развѣ такихъ любятъ?.. Знай свое мѣсто!"

Проплылъ передъ нею модный магазинъ, въ которомъ она работала, прежде чѣмъ сбилась на улицу, и Саша будто почувствовала даже ощущеніе тоненькой иголки и боль въ пальцахъ и въ спинѣ. Согнутыя за вѣчной скучной и ненужной имъ самимъ работой, прежнія подруги ея смутно рисовались ей.

„Опять, значитъ, въ эту каторгу!—съ ужасомъ вдругъ, точно просыпаясь, чуть не вскрикнула Саша.—Да за что?.. Развѣ для того я всю эту муку перенесла, чтобы опять всю сначала начать?.. Тутъ оставаться? Всегда за больными ходить... безъ свѣта, безъ радости... Да развѣ я этого хотѣла, когда изъ той жизни ушла?"

Раздался нерѣшительный, подавленный звукъ и потухъ въ темнотѣ.

„А вѣдь это я плачу", мелькнуло у Саши въ головѣ.

Слезы выбѣжали на напряженные глаза, и золотые круги закрутились, исчезли, все пропало, и она уже ясно почувствовала себя и то, что съ ней дѣлается и что встало впереди.

Что-то придавило сначала легонько, а потомъ съ мучительной силой сердце Саши и жалость къ себѣ наполнило всю ее. Она сдѣлала усиліе, чтобы поймать что-то и вдругъ поняла, что ей жаль того свѣтлаго, тихаго и радостнаго умиленія, которое она испытала въ первую ночь въ пріютѣ, когда лежала въ кровати, смотрѣла на сѣрѣющее пятно окна и ждала, что съ завтрашняго дня начнется новая жизнь, какая-то удивительно чистая и счастливая.

„Дура, дура!—съ горькимъ упрекомъ сказала она себѣ:—ничего этого нѣтъ...“

Гдѣ-то далеко провизжала на блокѣ и хлопнула дверь, кто-то, волоча ноги прошелъ по корридору, а потомъ застонала умиравшая въ третьей палатѣ чахоточная.

Саша вспомнила звукъ рояля подъ пальцами Любки, тоскливый и одинокій звукъ, мгновенно родившійся и мгновенно исчезнувшій, и ей представилось, что это не больная стонетъ, а рояль подъ пальцами погибающей Любки.

„И выходитъ, что Любка всѣхъ лучше поступила,—пришло ей въ голову,—умерла и нѣтъ ея... коли нѣтъ счастья, такъ и самой ея нѣтъ!.. И чего я, дура, шла... чего мучилась?.. Коли нѣтъ счастья, такъ не все ли равно, гдѣ жить, какъ жить... „Исправляютъ“!—вспомнила она слова Ивановой:—у, проклятые...“

Кто-то, тяжело ступая, подошелъ къ двери и отворилъ ее. Черная тѣнь заслонила полосу яркаго свѣта, ворвавшагося черезъ всю комнату изъ освѣщеннаго корридора.

— Козодоева... Александра!—позвала фельдшерица, своимъ безнадежно тусклымъ голосомъ, выцвѣтшимъ въ однообразно тяжелой жизни больницы.

— А?—отозвалась Саша и сѣла на кровать.

— Идите ради Создателя къ своей... зоветъ васъ... замучила!—скучающимъ и просительнымъ тономъ сказала фельдшерица.

Саша машинально одѣлась и вышла, щурясь отъ свѣта усталыми, безжизненными глазами.

— Капризничаетъ невыносимо... никто не угодитъ...

Саша смотрѣла на ея молодое и очень некрасивое, безцвѣтное лицо съ сѣрыми волосами, пропитанными запахомъ іодоформа и карболки, съ тусклыми глазами, съ безрадостнымъ выраженіемъ въ уголкахъ опустившагося рта.

„Такой и мнѣ быть!» подумала она съ испугомъ.

И внезапно что-то протестующее, сознающее свое право, сильное и молодое вспыхнуло въ ней.

*

— Всѣ онѣ такія!—сказала она со злостью и пошла по корридору.

Въ комнатѣ баронессы было такъ же душно и полутемно.

Баронесса опять лежала на спинѣ и лихорадочно-блестящими глазами встрѣтила Сашу.

— Чего вамъ?—спросила Саша и сама удивилась своему злому и грубому голосу.

— Сколько разъ я вамъ говорила, что я не могу такъ... не могу!—съ плаксивой злобой, напряженно закричала баронесса.

— Чего?—съ недоумѣніемъ спросила Саша.

— Вы не знаете?.. Ахъ, хорошо! Сколько разъ я говорила вамъ, что не могу, чтобы мнѣ прислуживали разныя... Она ничего не знаетъ! Я требую прислуги, которая бы мнѣ... которая бы знала мои привычки! А это Богъ знаетъ что... Я буду жаловаться!

Саша смотрѣла на нее и что-то странное происходило у нея въ головѣ.

— Куда вы пропали

— Я спала... вѣдь...

Баронесса дернулась всѣмъ тѣломъ.

— Спали? Ахъ, скажите пожалуйста... такъ васъ потревожили?..

Саша вдругъ подошла къ ней близко и нагнулась.

— У меня свое горе случилось, барыня...—проговорила она тихимъ и выразительнымъ голосомъ.

Баронесса удивленно помолчала.

— Какое горе? Что вы говорите?

— Меня любовникъ бросилъ... человѣкъ любимый,—такъ же тихо поправилась Саша, въ упоръ глядя въ глаза баронессѣ.

— Что?.. Да мнѣ какое дѣло?—вскрикнула баронесса.—Скажите, какія нѣжности!..

— А вы вонъ плачете, когда письма читаете,—упорно, точно подхваченная чѣмъ-то, продолжала Саша.

Баронесса поблѣднѣла, въ ея лицѣ мелькнуло то мягкое и растерянно-жалкое выраженіе, какое бываетъ у всѣхъ людей, у которыхъ нѣтъ счастья.

Тѣ письма, о которыхъ говорила Саша, были письма отъ ея мужа, давно не посѣщавшаго больной и скучной жены.

Но баронесса преодолѣла свое чувство, считая унизительнымъ выдать его такому ничтожному человѣку, какъ Саша.

— Вы, кажется, сравниваете меня съ вами? — высокомѣрно проговорила она.

— Все равно,—сказала Саша:—всѣмъ счастья хочется... что вамъ, что мнѣ!

— Счастья... скажите пожалуйста!.. Вы не для счастья здѣсь, а для того, чтобы ухаживать за больными!.. Дѣлайте свое дѣло... Подымите меня!

Саша не тронулась съ мѣста.

— Да вы слышите или нѣтъ?

— А вы бы стали ухаживать за больными?—спросила она.

Баронесса съ испугомъ и ненавистью скосила на нее блестящій больной глазъ.

— Я уже сказала вамъ! Не смѣйте сравнивать меня и себя... Вы... панельная... вы должны быть счастливы, что вамъ дышать позволили!.. Дрянь!—сорвалась баронесса.

— Эко счастье! — усмѣхнулась, какъ въ какомъ-то бреду, Саша.—Дышать вездѣ можно, что на панели, что... дорого-то за дыханье берете... вы!

— Да какъ ты смѣешь со мной говорить такъ!—крикнула въ изступленіи баронесса и прибавила скверное и грубое слово, гдѣ-то слышанное ею.—Я велю вышвырнуть тебя отсюда, несчастная!.. На улицѣ сгніешь!—крикнула она.

Холодное и тяжелое чувство прошло въ Сашѣ и вырвалось рѣзкимъ крикомъ:

— Ну, и пусть! Экъ напугали... Всѣ сгніемъ... вы еще скорѣе меня!

— О...—испуганно и жалко вскрикнула баронесса.

Что-то злобно-веселое подхватило Сашу, и, точно мстя кому-то, она кричала:

— Ну, да... сгніете, сгніете... вы и теперь уже гніете!.. Вы, честная... чтобъ вамъ!..

Баронесса что-то слабо и неясно выговорила, подняла руку и зарыдала. И рыданіе это было такъ безконечно жалко и страшно, что Саша, расширивъ глаза, замолчала, а потомъ съ ужасомъ и гнѣвомъ выскочила въ корридоръ и побѣжала прочь.

На дворѣ уже свѣтало.

Саша подошла къ запотѣвшему окну и, глядя на смутно виднѣвшуюся улицу, взялась за голову и сказала громко и протяжно:

— Всѣ сгніемъ... и я, и всѣ... кабы радость какая! А такъ—все равно! Скучно... ску-учно!..

Мимо окна съ тусклымъ дребезжаньемъ пронеслась карета съ зажженными фонарями. Рослыя лошади стлались по мостовой, и Саша замѣтила важнаго, вытянувшаго руки кучера.

„Съ балу, должно,—подумала она,—такъ ежели бы... а то!..

Что-жъ это?.. Богъ съ ними совсѣмъ... Кучеръ-то, чай, всю ночь сидѣлъ, ждалъ,—почему-то пришло ей въ голову.—Ахъ, ску-учно!.. За что?..“

За окномъ блестѣла мокрая мостовая.

И глаза у Саши стали мокрые, какъ мостовая, и ей показалось, что вся она слилась въ одно съ этой мостовой, сѣрымъ небомъ, сѣрымъ мокрымъ городомъ, будто нигдѣ нѣтъ ничего яснаго, чистаго, живого, а только одна больная, безсмысленно-нудная слякоть.

И это ощущеніе, противное и неестественное въ молодомъ, полномъ силы, красоты и желанія счастья существѣ, прошло только тогда, когда Саша въ новомъ, стального цвѣта, красивомъ платьѣ, купленномъ на деньги Рославлева, въ огромной прелестной шляпѣ вошла въ залъ „Альказара“ и въ зеркалѣ увидѣла то, что любила больше всего: самое себя, красивую, нарядную, прелестную съ ногъ до головы.

И уже когда она была совсѣмъ пьяна, Саша выговорила:

— Чортъ съ вами со всѣми!

Пьяный, веселый господинъ въ блестящемъ цилиндрѣ засмѣялся.

— Что такъ?

Саша безшабашно махнула рукой.

— Поѣдемъ, миленькій... все равно!..

И ночью, въ его объятіяхъ, отъ вина и безшабашнаго угара Сашѣ было пріятно, шумѣло въ головѣ и казалось, что весело.

Утро встало сѣрое, мертвое, безконечно и безнадежно печальное...

М. Арцыбашевъ.

ВСЕНАРОДНОЕ ИСКУССТВО.

(Дж. Рескинъ, Л. Толстой, В. Моррисъ).

(*Окончаніе* *).

Выборъ направленія симпатій Морриса опредѣлялся впрочемъ не только его добрымъ сердцемъ, а также и его взглядомъ на интересы самого искусства. Вмѣстѣ съ Рескиномъ онъ считалъ смертельною болѣзнью искусства современное его состояніе, когда оно производится немногими для немногихъ. Неопровержимо убѣдительными фактами доказывалъ онъ, что искусство существуетъ на свѣтѣ не для украшенія хоромъ праздныхъ людей, что оно задыхается во дворцахъ, и и что въ огромномъ большинствѣ случаевъ дорогія бездѣлушки, наполняющія эти дворцы (въ томъ числѣ и картины, и статуи), могутъ быть названы забавой, утѣхой тщеславія, условнымъ символомъ богатства и господства немногихъ надъ многими, но не въ правѣ называться искусствомъ: «оно, быть можетъ, умреть, но оно не можетъ жить въ рабствѣ у богатыхъ, не можетъ служить символомъ рабства бѣдняковъ» **). Это энергичное заключеніе проистекало у него не изъ этическихъ постулятовъ, какъ у Рескина, а изъ его пониманія генезиса и функцій искусства. По его мнѣнію, назначеніе искусства состоитъ въ томъ, чтобы доставлять людямъ удовольствіе отъ тѣхъ предметовъ, которыми они *должны пользоваться*, а также отъ тѣхъ, которые они *должны производить*. Моррисъ, какъ и Рескинъ, страстно протестуетъ противъ стараго заблужденія экономистовъ, будто человѣкъ можетъ преодолѣть свою лѣность и взяться за трудъ только съ цѣлью обезпечить свое существованіе, устранить грозящую опасность, сдѣлать возможнымъ спокойный досугъ: трудъ есть необходимое зло, отъ котораго человѣкъ старается освободится при всякой

---

*) См. „Міръ Божій“ № 3, 1904 г.

**) „Hopes and Fears for Art“, Five Lectures 1878—1881 гг., London etc 1898, стр. 176. Кромѣ этого сборника публичныхъ рѣчей В. Морриса объ искусствѣ, составленнаго и изданнаго самимъ авторомъ, значительное число его лекцій издано въ посмертномъ сборникѣ: „Architecture, Industry and Wealth“ 1902 г., а также отдѣльными брошюрами: „Art and the Beauty of the Earth“, „Art and its Producers“ и др.

возможности. Моррисъ же считалъ трудъ одною изъ величайшихъ радостей жизни, безъ которой самая жизнь теряетъ всякій интересъ. Однако, само собою разумѣется, что этотъ характеръ свойственъ труду только при условіи, чтобы онъ былъ не чрезмѣрно обременителенъ по своей напряженности, продолжительности, скукѣ или безсмысленности и чтобы онъ совершался въ здоровой и пріятной обстановкѣ. Человѣку пріятно, когда изъ-подъ его рукъ выходитъ *нѣчто*, какой-нибудь предметъ, который онъ можетъ назвать своимъ созданіемъ; этотъ предметъ ему нравится, и онъ старается его украсить, сдѣлать его возможно болѣе привлекательнымъ и для другихъ. Такимъ образомъ, искусство происходитъ тогда, когда человѣкъ получаетъ удовольствіе отъ своей работы: *искусство есть выраженіе удовольствія работника отъ своей работы* *). Отсюда, какъ слѣдствіе, проистекаетъ и другой выводъ: искусство по своему существу должно быть органически связано съ производительной дѣятельностью человѣка; когда художникъ перестаетъ быть ремесленникомъ, когда живописецъ и скульпторъ перестаютъ быть сотрудниками архитектора, тогда искусство перестаетъ исполнять свое назначеніе и становится тѣмъ, чѣмъ оно стало въ наше время: забавой для однихъ, хлѣбной профессіей для другихъ, мучительнымъ призваніемъ для третьихъ— этихъ меньше всего—и предметомъ недоумѣнія и презрѣнія для четвертыхъ—этихъ большинство. Итакъ, и причины, и цѣль искусства находятся не за предѣлами жизни, а связаны неразрывными узами съ этою презираемою обыденною жизнью человѣческаго общества: искусство способно исполнять крупную социальную роль, а когда оно ее не исполняетъ, то общество отъ этого тяжко страдаетъ, а само искусство не только теряетъ право существованія, но и вырождается.

Съ того времени, какъ трудъ сталъ черезчуръ поспѣшнымъ, напряженнымъ, продолжительнымъ, монотоннымъ, съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ работаетъ въ мрачной, вонючей и грязной фабрикѣ и въ большинствѣ случаевъ видитъ только очень малую часть производимаго предмета, онъ не можетъ чувствовать удовольствія отъ своей работы, не можетъ ощущать того особаго рода отеческаго отношенiи къ продуктамъ своего производства, какое свойственно самостоятельному работнику или художнику. Конкуренція и раздѣленіе труда, созданныя капиталомъ и машинами, убили народное искусство и тѣмъ весьма сильно уменьшили радость жизни. Вынужденную работу, безъ интереса къ ней, безъ скрашивающаго ее элемента искусства, Моррисъ, также какъ и Рескинъ, считаетъ самою тяжелою и унизительною изъ формъ рабства и отказывается признать благодѣтельность цивилизаціи, которая

---

*) Блестящее научное подтвержденіе этого мнѣнія, хотя съ совершенно иной точки зрѣнія и для иной группы искусствъ, дано въ извѣстномъ трудѣ *Карла Бюхера*: „Работа и ритмъ".

привела къ такому печальному результату громадное большинство затронутыхъ ею людей, нисколько не улучшивъ при этомъ даже бытъ своихъ немногочисленныхъ баловней. Ибо роскошь, которую цивилизація подставила на мѣсто искусства, никому не даетъ и не можетъ дать радости и только усложняетъ и обременяетъ жизнь. Домъ современнаго Креза, загроможденный безполезными, безвкусными, подражательными вещами, никому не доставляющими удовольствія и увеличивающими лишь работу прислуги и докторовъ, кажется Моррису болѣе дикимъ, чѣмъ краалъ зулуса или снѣжная юрта гренландца *), тамъ искусство живо и исправно выполняетъ свою функцію.

Но если бы оказалось возможнымъ сдѣлать искусство снова народнымъ, т.-е. отдать его снова въ руки простыхъ ремесленниковъ-мастеровъ, приблизить его снова къ пониманію всѣхъ и каждаго, это, можетъ быть, увеличило бы ихъ довольство жизнью, но не пострадало ли бы отъ этого самое искусство? Не должно ли оно было бы отказаться отъ своего техническаго совершенства, достигнутаго цѣлыми вѣками спеціальной тренировки? Популярное искусство, по убѣжденію многихъ современныхъ «жрецовъ» его, означаетъ банализацію средствъ, приниженіе индивидуальности художника. Едва ли можно найти болѣе нелѣпый предразсудокъ. Индивидуальность художника нисколько не выигрываетъ отъ высоко развитой техники, наоборотъ, нерѣдко послѣдняя затмеваетъ не особенно выдающееся дарованіе. Если намъ у современныхъ художниковъ больше бросаются въ глаза индивидуальныя различія, а у старыхъ больше племенныя, то это не болѣе, какъ обманъ зрѣнія: въ чужой странѣ всѣ кажутся на одно лицо; японцу же и теперь кажется, что все европейское искусство представляетъ нѣчто единое, какую-то однообразную массу, въ подраздѣленіяхъ которой трудно разобраться. Главное же, совершенство техники не только не обозначаетъ высоты искусства, но въ большинствѣ случаевъ обратно пропорціонально ей. На этомъ особенно настаиваютъ и Моррисъ, и Рескинъ. Высота искусства опредѣляется искренностью, глубиною и свѣжестью выражаемаго чувства, но такое чувство можетъ выражаться самыми примитивными, неизощренными, бѣдными средствами. Краснорѣчіе профессіональнаго оратора часто имѣетъ цѣлью только симулировать выработанными пріемами сильную эмоцію, которая въ дѣйствительности давно утрачена вслѣдствіе постояннаго повторенія, тогда какъ неподготовленный человѣкъ, охваченный неподдѣльнымъ чувствомъ, одной фразой, часто однимъ возгласомъ можетъ дать вамъ заглянуть до самаго дна своей души. Точно также и въ пластическихъ искусствахъ: символическій «Добрый пастырь» въ римскихъ катакомбахъ, очерченный слабымъ контуромъ, едва напоминающимъ человѣскую фигуру, по глубинѣ вложеннаго въ этотъ контуръ религіознаго

---

*) „Architecture in Civilisation“.

чувства неизмѣримо выше ученой и мастерской иконописи любого профессора живописи нашего времени. Глубоко чувствовать можетъ каждый человѣкъ, и каждый можетъ иногда дать своему чувству яркое и убѣдительное выраженіе. Но вложить чувство въ сложныя, до высокой степени развитыя формы, свойственныя новому европейскому искусству, такъ, чтобы чувство не терялось въ виртуозныхъ компликаціяхъ, и чтобы эти формы служили только средствомъ выраженія, а не цѣлью, можетъ только геніальный художникъ. Но геніевъ во всѣ времена было немного, и сообразно какимъ-то не открытымъ до сихъ поръ законамъ, они распредѣляются крайне неравномѣрно во времени и пространствѣ. Значитъ ли это, что тамъ, гдѣ нѣтъ или мало геніальныхъ художниковъ, не можетъ быть и высокаго искусства? Также какъ въ природѣ, развѣ только величественныя явленія достойны вниманія и удивленія? «Зеленая трава,—говоритъ Рескинъ *),—вотъ что изъ всей природы наиболѣе существенно для здоровой духовной жизни человѣка. Большая часть изъ насъ не нуждается въ красивыхъ пейзажахъ, пропасти и горныя вершины не предназначены, чтобы ихъ созерцали всѣ люди, можетъ быть ихъ могущество сильнѣе всего поражаетъ тѣхъ, кто къ нимъ не привыкъ. Но деревья, поля, цвѣты сдѣланы для всѣхъ и необходимы всѣмъ». И какъ для человѣка, вникающаго въ жизнь природы, ея красота и величіе раскрываются въ каждомъ мѣстѣ, въ каждомъ камушкѣ, въ каждой каплѣ росы не меньше, чѣмъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ, горныхъ стремнинахъ и въ грозовыхъ тучахъ, такъ и въ каждомъ завиткѣ народнаго орнамента, въ каждомъ образѣ народной пѣсни заключенъ такой же (по качеству если не по силѣ) неразгаданный творческій принципъ, какъ въ «Моисеѣ» Микель Анджело и въ «Фаустѣ» Гёте. Подобіе безъ натяжки можно провести еще далѣе. Если не всматриваться въ ткань каждаго стебелька, а окинуть однимъ взглядомъ поле ржи или цвѣтущій лугъ, развѣ эта картина менѣе прекрасна, нежели играющее въ лучахъ солнца южное море? Если разсматривать въ отдѣльности скромные продукты народнаго творчества, они могутъ многимъ казаться незначительными и бѣдными, но если интегрировать эти отдѣльныя безконечно малыя величины и представить себѣ общую картину творчества даннаго народа, то мы получимъ такое же великое искусство, такое же глубокое пониманіе какой-нибудь стороны природы, какъ и въ произведеніяхъ лучшихъ геніевъ человѣчества. Да и кромѣ того, развѣ народное искусство не создавало никогда геніальныхъ въ своей цѣльности произведеній? «Развѣ Вестминстерское аббатство или св. Софію въ Константинополѣ построили Генрихъ III и императоръ Юстиніанъ, какъ пишется въ учебникахъ исторіи,—спрашиваетъ Моррисъ,—а не простые люди, какъ вы и я, ремесленники, отъ которыхъ не сохранилось именъ, да и ничего,

*) „The Nature of gothic“, § 71.

кромѣ ихъ работы?» *). Такое именно искусство Моррисъ называетъ народнымъ и опредѣляетъ его, какъ «кооперацію многихъ умовъ и рукъ, различныхъ въ качествѣ и степени талантовъ, но производящихъ каждый свою долю работы въ надлежащемъ подчиненіи великому цѣлому, безъ малѣйшей утраты своей индивидуальности». «Потеря такого искусства,—говоритъ онъ,—несомнѣнно велика, болѣе того неоцѣнима» **). Утративъ народное искусство, т.-е. утративъ ту организацію труда, при которой онъ былъ не проклятіемъ, а радостью жизни, цивилизованная Европа сдѣлала много цѣнныхъ пріобрѣтеній. «Свободу мысли, приращеніе знаній, безграничное умѣніе пользоваться матеріальными силами природы, кромѣ того относительную политическую свободу, уваженіе къ жизни цивилизованныхъ людей и другія связанныя съ этимъ пріобрѣтенія; тѣмъ не менѣе я сознательно говорю, что... эти пріобрѣтенія куплены слишкомъ высокой цѣной: смерть искусства слишкомъ дорогая плата за матеріальное благосостояніе средняго класса... Мы отдали искусство за то, что намъ казалось свѣтомъ и свободой, но то, что мы купили, меньше, чѣмъ свѣтъ и свобода: свѣтъ показалъ многое тѣмъ изъ самостоятельныхъ людей, которые хотѣли видѣть; свобода сдѣлала достаточно свободными тѣхъ изъ состоятельныхъ людей, которые хотѣли воспользоваться своею свободой, но такихъ въ лучшемъ случаѣ было мало; для большинства людей этотъ свѣтъ показалъ, что имъ не на что больше надѣяться; свобода для большинства людей означаетъ свободу исполнять за жалкую плату первую попавшуюся работу или голодать ***)».

Итакъ, соціальный элементъ искусства опредѣляетъ все его значеніе, по мнѣнію Морриса. Любовь къ красотѣ открыла ему глаза на реальную дѣйствительность. Отсутствіе красоты въ человѣческой жизни было для него равнозначущимъ съ отсутствіемъ счастья. Вопросы искусства привели и Рескина въ соприкосновеніе съ общими бѣдствіями человѣчества, но онъ не видѣлъ въ такой мѣрѣ, какъ Моррисъ, органической связи между искусствомъ и общественнымъ строемъ, оно въ его глазахъ не играло роли конструирующаго соціальнаго фактора. Въ сущности, онъ всегда оставался ближе къ Карлейлю: его интересовали больше всего корифеи искусства и ихъ шедевры, появленіе которыхъ менѣе, очевидно, зависитъ отъ тѣхъ или другихъ общественныхъ формъ; въ такихъ художникахъ, какъ Тиціанъ, Тинторетто и Тернеръ, онъ склоненъ былъ видѣть концентрацію національнаго генія, а мелкое, обыденное художественное производство массъ было для него важно лишь постольку, поскольку оно служило красивымъ пьедесталомъ для «героевъ». Строя воздушные замки идеальнаго общественнаго строя,

---

*) „The lesser Arts“.

**) „Art, Weaeth and Riches“.

***) „Art and Socialism“.

основаннаго на авторитетѣ и іерархіи, онъ удѣляетъ въ немъ мѣсто искусству лишь въ качествѣ украшающаго аксессуара, не безусловно необходимаго для осуществленія нравственнаго идеала въ человѣческомъ общежитіи. Для Морриса будущность искусства отожествлялась съ будущностью народа. Когда онъ пришелъ къ этому убѣжденію, онъ со всею серьезностью сталъ искать средствъ, которыя бы дали возможность надѣяться на преобразованіе современнаго общественнаго строя. Въ этой области онъ радикально разошелся съ Рескиномъ, и конечно, различію ихъ склада убѣжденій въ соціальныхъ вопросахъ нужно приписать, что между ними никогда не было личной близости, несмотря на то, что многое должно было ихъ соединять.

Моррисъ не обладалъ той силой теоретической мысли, которая придаетъ глубокое значеніе критическому анализу Рескина, даже если не придавать значенія его положительнымъ конструкціямъ, но зато гораздо яснѣе понималъ механизмъ общественной жизни и трезво оцѣнивалъ факторы, производящіе въ ней движеніе. «Если я правильно понимаю ваши взгляды,—писалъ онъ одному изъ своихъ корреспондентовъ,—вы думаете, что *индивидуумы* доброй воли, принадлежащіе ко всѣмъ классамъ, если они будутъ достаточно многочисленны и дѣятельны, могутъ совершить желаемыя перемѣны. Я же, напротивъ, думаю, что основа всякой перемѣны должна заключаться, какъ это и было всегда, въ антагонизмѣ классовъ: я того мнѣнія, что, хотя тамъ и сямъ немногіе изъ среды высшаго и средняго класса, движимые своею совѣстью и разумомъ, могутъ и несомнѣнно будутъ дѣлить жребій съ трудящимися классами, все-таки высшій и средній классъ, какъ таковые, по самой основѣ своего существованія, какъ растительная сила, будутъ противостоять уничтоженію классовъ. Я не говорю, что это не имѣетъ печальной стороны, но какъ можетъ иначе быть? Коммерціализмъ, конкуренція безразсудно сѣяли вѣтеръ и должны пожать бурю: они создали пролетаріатъ въ своихъ интересахъ, и ихъ собственное созданіе уничтожитъ и должно уничтожить ихъ: нѣтъ другой силы, которая бы могла это сдѣлать. Что меня касается, я никогда не оцѣнивалъ слишкомъ низко силу среднихъ классовъ: не взирая на встрѣчающуюся въ ихъ средѣ индивидуальную добрую природу и банальность, а считаю ихъ самой страшной и неумолимой силой, и мнѣ кажется возможнымъ, что ихъ противодѣйствіе необходимымъ перемѣнамъ, если начало этихъ перемѣнъ будетъ слишкомъ долго медлить, разрушитъ всякую цивилизацію на время» *). Если въ высшихъ классахъ Моррисъ не видѣлъ такого могущества, какъ въ среднихъ, то онъ былъ не лучшаго мнѣнія объ ихъ способности взять на себя задачи времени. Вѣра Рескина въ предвѣчное дѣленіе людей на рабовъ и господъ была совершенно чужда Моррису. Онъ находилъ, что даже

*) *Mackail*, II, 116—117.

теперь, при деморализующемъ вліяніи капиталистическаго строя, при низкомъ уровнѣ умственнаго уровня трудящихся массъ, только въ ихъ средѣ можно найти здоровый инстинктъ общественной справедливости, не извращаемый вѣковыми предразсудками и классовымъ эгоизмомъ. На практикѣ это стало для него ясно при первомъ же его выступленіи на политической аренѣ во время русско-турецкой войны: въ то время, какъ правительство и буржуазія, въ видахъ защиты своихъ коммерческихъ интересовъ, вели низкую, трусливую политику, покровительствуя звѣрскимъ подвигамъ турокъ на Балканскомъ полуостровѣ, Моррисъ нашелъ только на рабочихъ митингахъ откликъ своему возмущенному чувству гуманности и рѣшимость противодѣйствовать, по крайней мѣрѣ, открытому вооруженному вмѣшательству въ пользу турецкихъ палачей и разбойниковъ. Съ этого момента Моррисъ не порывалъ связи съ рабочими кругами, и когда вскорѣ послѣ этого, впервые въ Англіи, стала организовываться рабочая партія въ качествѣ политической силы, онъ принялъ въ ней самое горячее участіе, пренебрегая оппозиціей своихъ лучшихъ друзей. Правда, онъ не имѣлъ данныхъ для роли вождя подобной организаціи—роли, которая роковымъ образомъ навязывалась ему силою обстоятельствъ, и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ лихорадочно-напряженной дѣятельности долженъ былъ отказаться отъ практической политики, но по чувству и убѣжденію онъ до конца жизни остался соціалистомъ. Этотъ соціализмъ отличался, однако, весьма своеобразными чертами: онъ не питался классовымъ инстинктомъ, потому что Моррисъ не былъ пролетаріемъ, и не вытекалъ изъ теоретическихъ посылокъ политической экономіи, которою Моррисъ хотя и занимался усиленно, но не могъ заинтересоваться и овладѣть, а развился всецѣло на почвѣ эстетическихъ взглядовъ.

Въ этомъ смыслѣ демократическій складъ убѣжденій Морриса представляетъ замѣчательное явленіе. Большинство европейскихъ художниковъ, удостаивающихъ общественные вопросы своего вниманія, всячески стараются выдѣлиться въ новую аристократію, стоящую выше «низменныхъ страстей» и политическихъ стремленій. Правда, всегда встрѣчались отдѣльныя личности и среди художниковъ, которые изъ чувства гуманности пассивно или даже активно становились на сторону трудящихся массъ, но это не соприкасалось со сферою ихъ профессіональной дѣятельности или даже находилось въ противорѣчіи съ нею: тогда они смотрѣли на свое искусство, какъ на слабость или грѣхъ, и порой готовы были совсѣмъ отречься отъ него. Въ литературѣ эта психологія изображена въ «Двухъ художникахъ» Гаршина, а мимоходомъ и въ «Одинокихъ людяхъ» Гауптмана. Таково въ основѣ отношеніе къ своей художественной дѣятельности и у Л. Н. Толстого. Довольно многочисленны, особенно у насъ, художники, которые считаютъ, что только извѣстное идейное содержаніе или извѣстная школа техники (натурализмъ или реализмъ) придаютъ искусству общественное

значеніе и дѣлаютъ его демократическимъ. Не говоря объ общеизвѣстныхъ русскихъ художникахъ и писателяхъ, укажемъ во Франціи на Курбе и на самого Зола, въ Германіи на плеяду быстро выдохшихся натуралистовъ, бурно выступившихъ въ концѣ 80-хъ годовъ. Но идея, что искусство, какъ таковое, независимо отъ школъ, направленій и тенденцій, является самымъ вѣрнымъ союзникомъ демократіи, и обратно, что демократія является единственной средой, въ которой искусство способно жить и развиваться, а не только красиво умирать, была впервые высказана и обоснована Моррисомъ, и до сихъ поръ эта мысль понята лишь весьма немногими *).

Критикуя съ этой точки зрѣнія существующій общественный строй, Моррисъ вслѣдъ за Рескиномъ считалъ главными врагами искусства и демократіи торговую конкуренцію и машинное производство. Относительно послѣдняго, впрочемъ, онъ шелъ на серьезныя уступки. Онъ признавалъ, что значительная часть нужной человѣчеству работы по существу имѣетъ чисто механическій характеръ и не можетъ быть скрашена искусствомъ: къ этой категоріи принадлежитъ вся работа, которая непосредственно не производитъ какихъ-нибудь предметовъ. Сократить эту, такъ сказать, черную работу до минимума и могла бы взять на себя машинная техника. Въ другихъ случаяхъ, впрочемъ, Моррисъ думалъ, что и чисто механическій трудъ, если онъ можетъ быть исполненъ лучше или хуже, и если онъ не черезчуръ продолжителенъ, можетъ доставлять людямъ удовольствіе, и что, если бы онъ былъ подѣленъ между всѣми людьми, а не сваленъ на плечи одного только класса людей, то онъ не представлялъ бы никакого неудобства въ экономіи человѣческаго счастья. Вся же масса труда, производящаго предметы, совмѣстима съ искусствомъ, а слѣдовательно, способна служить источникомъ радости для производителя, какъ и для потребителя; поэтому нѣтъ никакого основанія примѣнять здѣсь механическіе двигатели и вообще техническія «усовершенствованія», кромѣ простыхъ ручныхъ станковъ, если цѣлью производства ставить не накопленіе прибылей, а удовлетвореніе тѣхъ потребностей, для которыхъ предназначается производимый предметъ. На сколько такая форма производства успѣвала бы обслуживать все растущія потребности человѣчества, которыя Моррисъ не склоненъ сокращать до такихъ предѣловъ, какъ Л. Толстой, остается открытымъ вопросомъ. Что касается торговой конкуренціи, составляющей главный нервъ современной жизни, то безусловно справедливо, что она, съ одной стороны, стремится свести къ нулю всякій трудъ, который не приноситъ денежнаго барыша, и слѣдовательно, въ корнѣ враждебна художественной дѣятельности, а съ другой стороны, нисколько не обезпечи

*) Объ этомъ см. этюдъ автора „Интеллигенція и демократія во Франціи", „Міръ Божій" 1903 г., №№ 2 и 3.

ваетъ прогресса въ удовлетворенiи даже чисто матерiальныхъ потребностей общества, ибо соперничество происходитъ не въ улучшенiя продукта, а въ его ухудшенiи путемъ урѣзыванiя оплаты рабочихъ рукъ и въ изобрѣтательности въ сферѣ прiемовъ сбыта, т.-е. въ изысканiи новыхъ искусственныхъ потребностей или въ умѣнiи скрыть недостатки и преувеличить достоинства товара. Во всѣхъ случаяхъ общество отъ этого только проигрываетъ.

Такое анархическое состоянiе производства, по мнѣнiю Морриса, не можетъ продолжаться до безконечности. Лучшiя человѣческiя качества не могутъ не противостать этимъ разрушительнымъ силамъ, ведущимъ европейское общество къ новому перiоду одичанiя. Какимъ путемъ произойдетъ переломъ, надъ этимъ вопросомъ онъ мало задумывался. Онъ вѣрилъ только, что человѣкъ, который заснулъ бы въ концѣ XIX-го вѣка и проснулся бы въ XXI-мъ, нашелъ бы, что Англiя, закопченная дымомъ, обезображенная грязью большихъ городовъ, опозоренная рабствомъ трудящихся массъ, стала цвѣтущимъ садомъ, въ которомъ живетъ и трудится здоровое, красивое и счастливое племя, менѣе изнѣженное, чѣмъ мы, но вмѣстѣ съ тѣмъ не представляющее себѣ существованiя безъ красоты въ природѣ и въ искусствѣ. Такую Англiю Моррисъ описываетъ подробно въ своемъ романѣ «Извѣстiя ниоткуда», переведенномъ на многiе европейскiе языки и содѣйствовавшемъ популярности автора, особенно на континентѣ, болѣе всѣхъ другихъ его сочиненiй *). Побужденiемъ къ этому роману послужилъ извѣстный, также фантастическiй романъ Беллами («Looking Backward»), въ которомъ авторъ старался довести до крайнихъ предѣловъ современную форму культуры: человѣкъ окончательно поработилъ себѣ природу при помощи техническихъ изобрѣтенiй. Въ противовѣсъ этому Моррисъ хотѣлъ видѣть идеалъ жизни въ полной гармонiи между человѣкомъ и природой, такъ, чтобы послѣдняя была не рабой, а другомъ человѣка. Если въ смыслѣ культуры идиллiя Морриса является антитезой романа Беллами, то, какъ соцiальный идеалъ, она является такой же антитезой авторитарнаго государства будущаго, о которомъ мечталъ Рескинъ. Принудительныя, строго разграфленыя отношенiя между людьми, благополучiе поневолѣ замѣняются у Морриса свободнымъ общенiемъ, регулируемымъ исключительно взаимною любовью и добротой членовъ новаго общества. Если Рескинъ въ своихъ общественныхъ идеяхъ можетъ быть названъ ученикомъ Платона (его «Политiи»), то Моррисъ идетъ по стопамъ Томаса Мора и Фурье. Облечь соцiальную утопiю въ художественную форму не удавалось до сихъ поръ ни одному писателю, не удалось и Моррису. Интересъ, присущiй подобнаго рода произведенiямъ, чисто

---

*) См. *Е. В. Аничковъ*. „Вильямъ Моррисъ и его утопическiй романъ“, въ сборникѣ „Литературное дѣло“, Спб. 1902 г.

теоретическій. Поэтому и романъ Морриса имѣетъ значеніе лишь, какъ синтезъ его критики современнаго строя общества. Для насъ цѣнность этого произведенія уменьшается тѣмъ, что Моррисъ не съумѣлъ изобразить здѣсь въ конкретныхъ образахъ психологію производства и потребленія искусства въ тотъ моментъ, когда оно стало всенароднымъ, тогда какъ его лекціи въ этомъ смыслѣ полны широкими перспективами, свидѣтельствующими о истинно художественной наблюдательности надъ самимъ собой и надъ декоративнымъ искусствомъ минувшихъ вѣковъ.

Л. Н. Толстой.

И Рескинъ и Моррисъ отправлялись отъ искусства и довольно сходнымъ путемъ пришли къ глухой стѣнѣ соціальной несправедливости. Сознавая, какое неоцѣнимое благо для нихъ самихъ заключалось въ наслажденіи, доставляемомъ искусствомъ, въ формѣ дѣятельности и въ формѣ воспріятія, они были поражены тѣми условіями, которыя лишаютъ подавляющее большинство современныхъ людей возможности испытывать подобное наслажденіе вмѣстѣ со всѣми его благотворными послѣдствіями. Взгляды Л. Н. Толстого на искусство сложились инымъ путемъ. Онъ сначала заинтересовался міровыми вопросами о смыслѣ жизни, о царствѣ Божіемъ на землѣ, о религіозной основѣ человѣческой справедливости, и затѣмъ уже, съ высоты своего религіозно-соціальнаго міровоззрѣнія, съ высоты идеала общественныхъ отношеній, въ который онъ увѣровалъ, обратился къ вопросамъ искусства, которымъ онъ прежде занимался, не задумываясь. Отсюда дедуктивный, отвлеченный и абсолютный характеръ его эстетической теоріи. Но сквозь эту теорію часто прорѣзываются остатки прежнихъ привычекъ, чувствъ и воззрѣній, впрочемъ также не всегда къ лучшему: иногда не трудно замѣтить консервативный складъ вкусовъ человѣка опредѣленной эпохи, весьма узкой въ смыслѣ оцѣнки искусства; но зато рядомъ съ этимъ, почти неожиданно, мы слышимъ голосъ человѣка, который самъ глубоко пережилъ опытъ художественнаго творчества и не забылъ еще, что выше этой радости не дано испытывать человѣку. Этотъ сложный генезисъ сужденій Толстого вызываетъ многочисленныя противорѣчія, которыхъ онъ самъ не замѣчаетъ. При этомъ онъ съ такимъ пренебреженіемъ относится къ научному способу изложенія, что очень часто утверждаетъ, какъ вполнѣ очевидныя истины, весьма спорныя или неопредѣленныя положенія, не считая нужнымъ выяснить ихъ точное значеніе или обосновывать ихъ логически. Онъ не потрудился также припомнить или поискать, не высказывалъ ли кто-нибудь раньше него тѣ положенія, которыя онъ считаетъ своими открытіями, и взявъ на выдержку нѣсколько старомодныхъ эстетикъ, не задумываясь, заключаетъ, что всѣ

люди, думавшіе и писавшіе объ искусствѣ, старались только дать теоретическую основу современному состоянію искусства, плачевному въ смыслѣ узости сферы воздѣйствія. Когда-то, въ исторіософической части «Войны и Мира», онъ съ такимъ же пренебреженіемъ третировалъ историковъ, утверждая, что они занимаются только біографіями королей, полководцевъ и героевъ, между тѣмъ какъ въ то время исторія давно уже стремилась освѣтить историческій процессъ, какъ интегралъ всей совокупности мелкихъ силъ, дѣйствующихъ на общество и въ обществѣ. Точно также игнорируетъ Толстой въ области эстетики какъ разъ тѣхъ, которые должны были бы особенно привлечь его вниманіе. «Надо надѣяться,—говоритъ онъ («Что такое искусство», стр. 230),—что та работа, попытку которой я сдѣлалъ объ искусствѣ, будетъ сдѣлана и о наукѣ...» Такимъ образомъ, раньше Толстого какъ будто никто не подымалъ вопроса о соціальной роли искусства. «Надо прежде всего поправить обычную ошибку, — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 77),—которую дѣлаютъ люди, приписывая нашему искусству значеніе истиннаго общечеловѣческаго искусства». Послѣ Рескина и Морриса, казалось бы, ничего не оставалось прибавить къ ихъ горькимъ упрекамъ современному искусству въ томъ, что оно не «истинное» и не «общечеловѣческое» *). Также, какъ Толстой, они были убѣждены, что «нельзя заставлять людей подневольно трудиться для искусства, не рѣшивъ прежде вопроса, правда ли, что искусство есть такое хорошее и важное дѣло, что оно выкупаетъ это насиліе» (стр. 13), и рѣшали этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что искусство дѣйствительно есть хорошее и важное дѣло, безъ котораго человѣчеству живется очень плохо, но что оно не нуждается въ подневольномъ трудѣ и насиліи, а напротивъ, есть лучшій признакъ духовной свободы и должно служить для всѣхъ источникомъ «радости навѣки».

Но для насъ важно не то, что Толстой несправедливо игнорируетъ Рескина и Морриса **), а то, что самыя цѣнныя его мысли объ искусствѣ, къ которымъ онъ пришелъ, конечно, самостоятельно, очень часто тожественны съ мыслями этихъ двухъ англійскихъ мыслителей, а иногда выражены почти буквально одними и тѣми же словами. Въ системѣ ихъ взглядовъ есть, конечно, и весьма существенныя различія, но въ этихъ разногласіяхъ правда обыкновенно не на сторонѣ великаго русскаго читателя: большею частью это тѣ случаи, когда онъ

---

*) Нечего говорить, что съ другихъ точекъ зрѣнія многіе отрицали „истинность“ новѣйшаго искусства; между ними такіе, напр., разнородные ученые, какъ Тэнъ и Ѳ. И. Буслаевъ, который, можетъ быть, по всей справедливости названъ русскимъ пре-рафаэлитомъ въ теоріи.

**) Врядъ ли можно думать, что онъ не былъ знакомъ, если не съ Моррисомъ, то, по крайней мѣрѣ, съ Рескиномъ.

умозаключаетъ дедуктивно отъ религіозныхъ основъ своего этико-общественнаго идеала къ искусству.

Искусство, каково бы оно ни было — хорошее или дурное, при современномъ строѣ жизни производится для немногихъ, а народныя массы, которыя оплачиваютъ тяжкимъ трудомъ всю нашу культуру, въ томъ числѣ и академіи, консерваторіи, театры, картинныя галлереи коллекціонеровъ и меценатовъ и т. п., этимъ искусствомъ не пользуются. Стоитъ ли искусство того, чтобы изъ за него приносились такія матеріальныя жертвы и поддерживалась такая несправедливость? Такъ ставитъ вопросъ Толстой и разрѣшаетъ его въ томъ смыслѣ, что то, что теперь называется искусствомъ, въ большинствѣ случаевъ есть поддѣлка подъ искусство, роскошь, забава праздныхъ людей, арена алчности для любителей легкой наживы, а вовсе не искусство, настоящее же искусство,—то, которое могло бы быть нужно всѣмъ, почти вовсе исчезло изъ обихода современнаго европейскаго общества. «Наше исключительное искусство высшихъ классовъ христіанскаго міра пришло къ тупику. По тому пути, по которому оно шло, ему дальше идти некуда... Искусство будущаго — то, которое дѣйствительно будетъ,— не будетъ продолженіемъ теперешняго искусства, а возникнетъ на совершенно другихъ, новыхъ основахъ...» (стр. 211). Тотъ же безпощадный приговоръ новѣйшему искусству,— искусству высшихъ классовъ, то же пророчество о будущемъ искусствѣ мы уже слышали: «Я того мнѣнія, что искусство имѣетъ такую симпатическую связь съ веселой свободой, чистосердечіемъ и реальною жизнью, такъ страдаетъ отъ эгоизма и любви къ роскоши, что оно не захочетъ жить въ такой изолированности и исключительности (какъ теперь). Я пойду далѣе и скажу, что при такихъ условіяхъ я не желаю, чтобы оно жило. Я торжественно утверждаю, что для всякаго честнаго художника позорно наслаждаться такимъ награбастаннымъ для себя одного искусствомъ, какъ позорно для богатаго человѣка садиться за свой изысканный столъ среди голодающихъ солдатъ въ осажденной крѣпости. Мнѣ не нужно искусства для немногихъ, также какъ образованія для немногихъ или свободы для немногихъ». Эти слова сказаны Моррисомъ *) за двадцать лѣтъ (1878 г.) до цитированныхъ выше словъ Толстого, и изъ предыдущаго изложенія мы знаемъ, что это не случайно вырвавшаяся фраза, а содержаніе всей его проповѣди о демократизаціи искусства.

Толстой очень долго останавливается на вопросѣ, почему такое извращенное, фальшивое искусство можетъ быть признаваемо за настоящее, истинное, которое, теперь, пожалуй недоступно народу, потому что онъ забитъ матеріальной нуждой и невѣжественъ, но со временемъ могло бы стать всеобщимъ искусствомъ, когда увеличится благосо-

*) „The Lesser Arts“.

стояніе и распространится просвѣщеніе. Существованіе такого исключительнаго искусства,—находитъ онъ,—содѣйствуетъ укрѣпленію привилегированнаго положенія обезпеченныхъ классовъ, а потому въ ихъ средѣ изобрѣтена ложная теорія искусства, направленная къ тому, чтобы дать законную видимость современному его состоянію. Теорія эта заключается въ томъ, что цѣлью искусства признается *наслажденіе*, а содержаніемъ *красота*. Послѣднее слово, несмотря на безчисленныя попытки дать ему философское опредѣленіе*), по мнѣнію Толстого, можетъ имѣть только одно значеніе: красота это то, что красиво, т.-е. то, что нравится зрѣнію, и вовсе не синонимъ хорошаго. Если въ послѣднее время стали безразлично примѣнять слово «красивый» къ зрительнымъ, какъ и къ звуковымъ впечатлѣніямъ и даже къ нравственнымъ качествамъ, то это извращеніе языка, противорѣчащее народному смыслу, который-де всегда различалъ понятія красиваго и хорошаго. «Сорокъ лѣтъ тому назадъ, въ моей молодости,— говоритъ Толстой,—выраженія «красивая музыка» и «некрасивые поступки» были не только неупотребительны, но непонятны» (стр. 20—22). Слово «красивый», дѣйствительно, въ этомъ смыслѣ есть неологизмъ, но надо замѣтить, что оно и вообще сравнительно новое слово, свойственное только литературному языку (въ народномъ языкѣ ему со отвѣтствуетъ «красовитый»). Однако, несомнѣнно, что во всѣ времена и въ народномъ, и въ литературномъ языкѣ существовало слово для выраженія высокой степени одобренія безразлично при оцѣнкѣ внѣшности, или звука, или нравственнаго качества. Конечно, и въ молодости Л. Н. Толстого всѣмъ понятны и общеупотребительны были выраженія «прекрасная музыка», «прекрасный поступокъ», какъ и «прекрасная картина». Въ народномъ языкѣ этому слову соотвѣтствуетъ «красный», что можно было бы подтвердить многочисленными свидѣтельствами старой письменности и народной поэзіи. Въ народѣ говорятъ «красная дѣвица», но и «красный звонъ». Поговорка «не красна изба углами, а красна пирогами» сопоставляетъ внѣшнюю, зрительную красоту съ радушіемъ, гостепріимствомъ, т.-е. съ нравственными качествами, и обозначаетъ оба эти вида красоты однимъ словомъ. Такимъ образомъ весь этотъ филологическій экскурсъ Толстого представляется простымъ недоразумѣніемъ. Именно въ первоначальномъ пониманіи языка не было строгаго раздѣленія между внѣшними и внутренними достоинствами, и корень слова «добрый» обозначалъ всякаго рода хорошія качества: доброту въ нашемъ смыслѣ, силу (добрый витязь или

---

*) Мы не будемъ здѣсь останавливаться на томъ, что множество цитированныхъ Толстымъ опредѣленій красоты, если взять на себя трудъ вникнуть въ содержаніе разнообразныхъ терминовъ, а не останавливаться на несходствѣ ихъ звуковъ, можно было бы свести къ немногимъ основнымъ группамъ, такъ что впечатлѣніе калейдоскопа, которое вызывается у профана изобиліемъ этихъ цитатъ, есть результатъ внѣшняго способа ихъ сопоставленія.

*

добрый конь), красоту (оздобный—украшенный) и даже пріятный вкусъ (сдобный).

Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что когда теперь говорятъ о красотѣ въ искусствѣ, въ живописи, въ музыкѣ, въ поэзіи и въ архитектурѣ, то имѣютъ въ виду чаще всего только поверхностное пріятное впечатлѣніе, получаемое воспринимающимъ субъектомъ: въ красивомъ домѣ можетъ быть очень неудобно жить, красивая музыка и поэзія могутъ быть совершенно лишены содержанія. Въ пластическихъ искусствахъ пріятное впечатлѣніе зрителя является какъ будто болѣе рѣшающимъ моментомъ, но если глубже вникнуть въ процессъ эстетическаго воспріятія, то не трудно увидѣть, что живопись въ этомъ отношеніи ничѣмъ не отличается отъ всѣхъ другихъ отраслей искусства. Прежде всего объективнаго содержанія понятія красоты нѣтъ и не можетъ быть,—въ этомъ Толстой совершенно правъ. Это чисто историческая категорія, и то, что въ то или другое время, въ тѣхъ или другихъ географическихъ границахъ признается за идеалъ красоты, имѣетъ весьма сложный составъ и подвергается постоянной эволюціи. Искусство въ періоды своего роста до момента полнаго расцвѣта никогда не заботилось о красотѣ. Есть много состояній, которыхъ можно достигнуть лишь тогда, когда, не думая о нихъ, стремишься къ чему-нибудь другому. Если человѣкъ всю свою жизнь будетъ искать счастья, онъ всегда будетъ неудовлетворенъ и разочарованъ; если же передъ нимъ дорогая ему реальная цѣль, къ которой онъ можетъ хоть отчасти приблизиться, то попутно могутъ быть моменты, когда его грудь будетъ расширяться отъ почти физическаго ощущенія счастья. То же самое со здоровьемъ: заботы о немъ несомнѣнный признакъ болѣзни. Точно такъ же пуглива красота въ искусствѣ: художникъ можетъ стремиться служить своими произведеніями религіи, и если онъ, дѣйствительно, способенъ молиться кистью, стихами или звуками, то онъ создаетъ произведеніе искусства, которое въ душѣ воспринимающаго субъекта, если этотъ способенъ сочувствовать художнику, разбудитъ особое, специфическое радостное чувство, выливающееся въ возгласъ: «это прекрасно!» Такъ было съ примитивными живописцами Италіи XIV-го и XV-го вѣковъ, со строителями готическихъ церквей XIII-го вѣка, съ авторами многихъ духовныхъ пѣснопѣній, гусситами, Лютеромъ, Ефремомъ Сириномъ. Художникъ можетъ благоговѣйно преклоняться передъ величіемъ природы, можетъ отдать свою жизнь на изобрѣтеніе средствъ передать подмѣченныя имъ тайны, не думая о томъ, красивы онѣ или нѣтъ, и у зрителя, если онъ способенъ сочувствовать художнику, откроются глаза, и тотъ новый міръ, который откроетъ ему художникъ, покажется ему прекраснымъ. Художникъ, писатель можетъ быть пораженъ царящимъ на землѣ зломъ, несправедливостью и страданіями людскими, изъ-подъ его кисти или пера вырвется крикъ негодованія, или вопль отчаянія, или кличъ ко всѣмъ, у кого «сердце бодрое, руки сильныя», для борьбы съ неправдой

и созданные имъ образы зажгутъ сердца людей, и каждый, кто способенъ сочувствовать художнику, ощутитъ суровую красоту этихъ образовъ. Разумѣется, мы не имѣемъ въ виду исчерпать число чувствъ, достойныхъ художественной обработки: каждая эмоція, которая повелительно побуждаетъ художника къ творческой работѣ, можетъ облечься въ плоть и кровь живого образа; каждое произведеніе, въ основѣ котораго лежитъ такая эмоція, не умираетъ, какъ бы ни измѣнялись технические пріемы. Но вотъ искусство дошло до вершины, какая только доступна въ извѣстномъ направленіи; родилось и умерло поколѣніе художниковъ, которые воплотили доступное людямъ величіе и поразили ихъ воображеніе настолько, что всѣ сошлись въ признаніи ихъ произведеній идеаломъ, дальше котораго идти некуда. Дальнѣйшія поколѣнія художниковъ будутъ развиваться подъ гнетомъ ихъ славы, будутъ сравнивать свои произведенія съ классическими образцами, будутъ подражать имъ или конкурировить съ ними, изучать ихъ пріемы и стараться детальнѣе, утонченнѣе, глубже разработать созданный ими типъ красоты. Красота окаменѣла и стала сознательною цѣлью искусства. Это упадокъ, вырожденіе, старость искусства. Ничего великаго не сдѣлаетъ художникъ, который видитъ свою цѣль не выше своего мольберта, а ограничиваетъ ее амбиціей написать какъ можно болѣе красивую картину. Можно найти натурщицу красивѣе рафаэлевскихъ мадоннъ, но самый тщательный портретъ ея будетъ некрасивъ сравнительно съ ними; самыя красивыя женщины нарисованы на бомбоньеркахъ, но въ художественномъ отношеніи эти хорошенькія личики безобразны. Однимъ словомъ, красота произведенія искусства заключается не въ красотѣ изображенныхъ предметовъ, не въ какой-нибудь опредѣленной комбинаціи линій, красокъ или звуковъ, которая въ данное время соотвѣтствуетъ представленіямъ о красотѣ, а въ непосредственности и силѣ того «паѳоса» по терминологіи Бѣлинскаго, который въ душѣ художника послужилъ источникомъ творческаго процесса.

И Рескинъ, и Моррисъ, и Толстой разными словами, но сходнымъ образомъ изображали очерченный нами выше процессъ подъема, расцвѣта и паденія искусства, и хотя относительно историческихъ формъ этой кривой позволительно съ ними не соглашаться (всѣ трое находятъ, что съ начала XVI вѣка эта кривая непрерывно понижалась до нашихъ дней, тогда какъ въ дѣйствительности болѣе или менѣе крупные частичные подъемы происходили съ той поры неоднократно), но сущность этого процесса они понимали вполнѣ правильно. Припомнимъ, что Рескинъ еще въ молодости видѣлъ источникъ энергіи художника въ его искренности, и этотъ взглядъ онъ сохранилъ на всю жизнь. По мнѣнію Толстого искренность художника, т.-е. испытываемая имъ внутренняя потребность выразить свое чувство, есть главное условіе «заразительности искусства», иначе говоря, она опредѣляетъ силу воздѣйствія художественнаго произведенія на воспринимающаго субъекта (стр. 172). Коренного значенія этого качества, конечно, никто не отри-

цаетъ, но важно понять всѣ вытекающія изъ этого признанія послѣдствія. Когда въ исторіи искусства утрачивается непосредственность, когда художники попадаютъ подъ гнетъ пережитаго идеала красоты, которому они хотятъ дать какъ можно болѣе яркое выраженіе, тогда начинаютъ постепенно изощряться и усложняться техническія средства, техника постепенно получаетъ преобладающую роль надъ психическимъ моментомъ и неизмѣнно вырождается въ безсмысленную, самодовлѣющую виртуозность, изысканность, манерность и фальшь. Мы видѣли уже, какъ Рескинъ и Моррисъ враждебно относятся къ технической утонченности, приписывая этому качеству безжизненность всего новѣйшаго искуства. Точно также и Толстой считаетъ виртуозность смертельною болѣзнью и одною изъ главныхъ причинъ, почему искусство высшихъ классовъ не можетъ быть понятно народнымъ массамъ, противопоставляя ему простоту и неподдѣльную искренность народнаго искусства, какъ дѣлали и Рескинъ, и Моррисъ. Но признавая непосредственность и искренность единственной живительной силой искусства, Толстой самъ разрушаетъ всю силу этого принципа, требуя, чтобы художникъ, а вмѣстѣ съ нимъ и воспринимающій субъектъ, какъ критикъ, такъ и зритель приступали къ художественному произведенію съ твердо установленной нравственно-эстетической теоріей. Такъ изложивъ въ смѣшномъ видѣ два акта «Зигфрида» Вагнера*), въ убѣжденіи, что авторъ только подражаетъ искусству, Толстой прибавляетъ: «смѣло можно рѣшить, что все, что напишетъ такой авторъ, будетъ дурно, потому что, очевидно, такой авторъ не знаетъ, что такое истинное художественное произведеніе» (стр. 151). Но почему же опера Вагнера нравится? Потому что она различными искусственными пріемами гипнотизируетъ «людей, не имѣющихъ яснаго представленія о томъ, чѣмъ должно быть искусство» (стр. 158). Также неосновательно поступаетъ и ученая критика, не прилагающая одной апріорной мѣрки ко всѣмъ произведеніямъ искусства: «Вмѣсто того, чтобы дать опредѣленіе истиннаго искусства и потомъ, судя по тому, подходитъ или не подходитъ произведеніе подъ это опредѣленіе, судить о томъ, что есть и что не есть искусство, извѣстный рядъ произведеній, почему-либо нравящійся людямъ извѣстнаго круга, признается искусствомъ, и опредѣленіе искусства придумывается такое, которое покрывало бы всѣ эти произведенія» (стр. 51—52). Не говоря уже о томъ, что ученые эстетики, къ которымъ обращенъ этотъ упрекъ, совершенно неповинны въ этомъ грѣхѣ, и напротивъ слишкомъ часто приступали къ живымъ явленіямъ искусства съ абстрактной критической теоріей, можно спросить, куда же дѣвалась искренность и непосредственность? Ибо, если художникъ, чувствуя влеченіе дать образъ роящимся въ головѣ его голосамъ, ста-

*) Кстати сказать, замѣчательно сходнымъ языкомъ излагалъ Ничше оперы Вагнера, когда онъ изъ страстнаго поклонника обратился въ ожесточеннаго его врага. См. *Eduard Kulke*. „Richard Wagner und Friedrich Nietzsche“, Leipzig 1890, стр. 56—57.

нетъ взвѣшивать, соотвѣтствуетъ ли то, что онъ собирается создать, здравымъ представленіямъ объ истинномъ художественномъ произведеніи, то несомнѣнно онъ долженъ будетъ, хотя бы безсознательно, подгонять подъ эти здравыя представленія свою живопись, свою музыку или книгу, а слѣдовательно, будетъ неискреннимъ, т.-е. разрушитъ главное, по Толстому, условіе заразительности своего искусства. Если зритель, сидя въ театрѣ, будетъ повторять про себя усвоенный имъ символъ вѣры и провѣрять свои впечатлѣнія незыблемыми догматами, то о непосредственности чувстване можетъ быть и рѣчи. И точно также, если ученый будетъ укладывать явленія искусства на прокрустово ложе своей классификаціи, установленной на основаніи апріорныхъ разсужденій, а не на основаніи того, что ему нравится, то онъ будетъ похожъ не человѣка, который, глядя на какой-нибудь необычный закатъ солнца, находитъ, что онъ неестественъ, ибо ни одинъ художникъ ничего подобнаго не рисовалъ.

То, что какое-нибудь произведеніе искусства нравится, это и значитъ, что оно заражаетъ, — если хотите, гипнотизируетъ воспринимающаго субъекта. Конечно, причина этого зараженія или гипноза часто лежитъ не въ силѣ выраженнаго художникомъ чувства, а въ побочныхъ условіяхъ: въ силѣ привычки, въ нравственномъ давленіи общественнаго мнѣнія, въ совершенно случайныхъ ассоціаціяхъ. Поэтому, то обстоятельство, что какое-нибудь произведеніе пользуется успѣхомъ, далеко не всегда служитъ доказательствомъ его высокаго художественнаго достоинства, если измѣрять его искренностью автора, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самое высокое произведеніе искусства не можетъ никакимъ другимъ путемъ дѣйствовать на воспринимающаго субъекта, какъ только тѣмъ, что оно ему нравится. Какъ зритель можетъ заразиться чувствомъ художника, если произведеніе, въ которомъ это чувство выражено, ему не нравится, т.-е. не доставляетъ ему удовольствія? Онъ можетъ десять разъ заглядывать въ свой эстетическій кодексъ и говорить себѣ: да, это хорошее произведеніе, авторъ зналъ, что такое настоящее искусство; но если это «хорошее» произведеніе не доставляетъ ему удовольствія, то оно его не заражаетъ. Но по мнѣнію Толстого, это будетъ только доказательствомъ извращенности зрителя. «Непонятно дѣйствительно можетъ быть хорошее и высокое художественное произведеніе, но только не простымъ, неизвращеннымъ рабочимъ людямъ народа (этимъ понятно все самое высшее), но настоящее художественное произведеніе можетъ быть и часто бываетъ непонятно многоученымъ, извращеннымъ, лишеннымъ религіи людямъ» (стр. 115). Толстой дѣлитъ человѣчество на двѣ неравныя части: первая часть—это «маленькій кружокъ извращенныхъ людей», «культурная толпа», иначе «люди нашего времени», «люди нашего круга» или «вся Европа»; вторая часть—народъ. Каждая изъ этихъ группъ внутри представляется Толстому вполнѣ однородной. «Для человѣка съ неизвращеннымъ вкусомъ, для рабочаго

не городского, это (распознаніе истиннаго художественнаго произведенія между тысячами поддѣльныхъ) такъже легко, какъ легко животному съ неиспорченнымъ чутьемъ найти въ лѣсу или въ въ полѣ изъ тысячъ слѣдовъ тотъ одинъ слѣдъ, который ему нужно; но не такъ это для людей съ испорченнымъ воспитаніемъ и жизнью вкусомъ. У этихъ людей атрофировано чувство, воспринимающее искусство, и въ оцѣнкѣ художественныхъ произведеній они должны руководиться разсужденіемъ и изученіемъ, и эти разсужденіе и изученіе окончательно путаютъ ихъ» (стр. 163). Между тѣмъ, какъ мы видѣли выше, Толстой самъ предлагаетъ разсудочный критерій для расцѣнки искусства на истинное и фальшивое. «Все, что я писалъ, — говоритъ онъ, разсуждая, напр., о 9-ой симфоніи Бетховена,—я писалъ только для того, чтобы найти ясный, разумный критерій, по которому можно бы было судить о достоинствахъ произведеній искусства. И критерій этотъ, совпадая съ простымъ и здравымъ смысломъ, несомнѣнно показываетъ мнѣ то, что симфонія Бетховена не хорошее произведеніе искусства» (стр. 192). Но это противорѣчіе касается только «небольшого кружка извращенныхъ людей», тогда какъ человѣку «изъ народа» разрѣшается руководствоваться непосредственнымъ чувствомъ. Такъ, напр., слушая «Зигфрида» Вагнера, «я невольно представилъ себѣ,—говоритъ авторъ,—почтеннаго, умнаго, грамотнаго деревенскаго рабочаго человѣка, преимущественно изъ тѣхъ умныхъ, истинно религіозныхъ людей, которыхъ я знаю изъ народа, и воображалъ себѣ то ужасное недоумѣніе, въ которое пришелъ бы такой человѣкъ, если бы ему показали то, что я видѣлъ въ этотъ вечеръ» (стр. 154). Нѣмецкіе эстетики стараго времени (многіе, впрочемъ, и до сихъ поръ), какъ ultima ratio оцѣнки художественныхъ произведеній, имѣли обыкновеніе ссылаться на здравый смыслъ *нормальнаго* зрителя. Если присмотрѣться повнимательнѣе, этимъ нормальнымъ интеллектомъ всегда является сытый филистеръ, который въ свободное время, въ воскресеніе послѣ обѣда, закуривъ сигару, любитъ поговорить о политикѣ, о дороговизнѣ, о добромъ старомъ времени и о Шиллерѣ. Для Толстого такимъ же нормальнымъ субъектомъ является этотъ «почтенный, умный, грамотный деревенскій рабочій человѣкъ».

Представляетъ ли вкусъ этого нормальнаго цѣнителя гарантію правильныхъ эстетическихъ сужденій? Въ то время, когда на Руси еще существовало дѣйствительное единое, всѣмъ близкое и понятное народное искусство, въ томъ смыслѣ, какъ его понималъ Моррисъ, можно было бы еще считать вкусъ перваго попавшагося крестьянина въ извѣстныхъ предѣлахъ среднимъ, если и не единственно рѣшающимъ вкусомъ народа. Но тѣ условія, которыя создали культурную отчужденность высшихъ и низшихъ классовъ у насъ еще больше, чѣмъ въ другихъ странахъ, не только извратили (допустимъ) вкусъ высшихъ классовъ, но почти до основанія разрушили искусство и интересъ къ нему въ средѣ низшихъ классовъ. «Искусство всена-

родное,—говоритъ самъ жеТолстой, — возникаетъ только тогда, когда какой-либо человѣкъ изъ народа, испытавъ сильное чувство, имѣетъ потребность передать его людямъ». Въ такомъ смыслѣ, т.-е. въ смыслѣ творчества, русское народное искусство доживаетъ свой вѣкъ только въ очень немногихъ мѣстахъ, преимущественно въ далекихъ сѣверныхъ трущобахъ. Объ этомъ можно сожалѣть, но этого нельзя отрицать. Какъ всюду въ Европѣ, такъ и у насъ дешевый фабрикатъ вытѣснилъ художественную промышленность. Съ уменьшеніемъ творчества, съ сокращеніемъ производства атрофировался и несомнѣнно также извратился и вкусъ. Настоящее искусство, старинная пѣсня, орнаментъ, рѣзьба сохраняются еще кое-гдѣ въ видѣ мертваго переживанія, въ видѣ археологическихъ памятниковъ, а мѣсто этого искусства узурпировала фабричная или солдатская пѣсня, гармошка, «французскій» ситчикъ, «Бѣлый генералъ» или «Взятіе китайскаго города Хайлара» на лубочной картинкѣ. И эти ужасныя, безвкусныя и большею частью безнравственныя (въ смыслѣ Толстого) произведенія, не выражающія никакого чувства, потому что они создаются не изъ потребности творчества, а изъ-за куска хлѣба дешевыми рабами фабрикантовъ и никольскихъ издателей, эти продукты разложенія нравятся тому почтенному, умному крестьянину, съ которымъ знакомъ Толстой. Это ли искусство хочетъ онъ заставить насъ признать истиннымъ?

Что касается искусства и вкусовъ «культурной толпы», то они вовсе не такъ однородны, какъ это представляется Толстому: «всю Европу» нельзя взять за одну скобку. Опера Вагнера и 9-я симфонія Бетховена имѣютъ, конечно, много поклонниковъ, но еще пожалуй больше противниковъ, между ними многіе музыканты, какъ напр. такіе несомнѣнно извращенные (съ точки зрѣнія Толстого) люди, какъ Чайковскій. Толстой возмущается символической и «декадентской» французской поэзіей *), но всѣмъ извѣстно, какой всеобщій протестъ встрѣтила она повсюду и въ самой Франціи. Ему также антипатичны новыя направленія французской живописи, импрессіонизмъ, символизмъ и т. д., но если бы онъ не судилъ на основаніи свидѣтельствъ весьма невѣжественнаго любителя (стр. 106—108), а захотѣлъ бы самъ ознакомиться съ тѣми художниками, которыхъ онъ такъ огульно осуждаетъ, то, мы увѣрены, онъ нашелъ бы какъ разъ среди этихъ художниковъ такихъ, которые ближе всего подходятъ къ его идеалу истиннаго искусства, одушевленнаго религіознымъ чувствомъ любви къ человѣку; таковъ напр., Пювисъ де-Шаваннъ, Эженъ Карьеръ и др. Но для людей, любящихъ искусство, не какъ праздную роскошь, а какъ высшее проявленіе человѣческаго духа, еще болѣе обидно то, что Толстой сва-

---

*) Между прочимъ, какъ примѣръ безсмыслицы, онъ выписываетъ три пѣсни Метерлинка (стр. 104—105), печатая ихъ безъ перерыва, какъ одно стихотвореніе. Я думаю, что выходитъ безсмыслица.

ливаетъ въ одну кучу то искусство, въ которое художники вкладываютъ свою жизнь, хотя можетъ быть и идутъ по ложному пути, и базарный товаръ, разсчитанный не только на дурные вкусы, но и на дурные инстинкты. Численно онъ, конечно, всюду преобладаетъ и имѣетъ свою обширную, а главное богатую публику, но къ дѣйствительно серьезному искусству эта продажная фабрикація относится такъ же, какъ гармошка и лубокъ съ Никольскаго рынка къ настоящему народному искусству, какъ проституція къ истинной любви. Истинное, глубоко прочувствованное, хотя бы и болѣзненное искусство рѣдко, скромно, и рыночная цѣна ему въ большинствѣ случаевъ дешевая. Тѣ милліоны изъ народнаго кармана, которыми Толстой попрекаетъ искусство высшихъ классовъ, тратятся именно на эти суррогаты искусства. Не нужно быть «нормальнымъ» человѣкомъ изъ народа, чтобы чувствовать негодованіе при мысли, что какой-нибудь примадоннѣ или танцовщицѣ «даютъ 100.000 за сезонъ или живописцу столько же за картину, и еще больше авторамъ романовъ, описывающимъ любовныя сцены» (стр. 201—202). Вспомнимъ только «Политическую экономію искусства» Рескина и его трудовую теорію художественной цѣнности.

Какими же свойствами должно обладать искусство, чтобы стать общенароднымъ? И стоитъ ли вообще заботиться объ искусствѣ? Развѣ люди не могли бы жить по закону евангельской любви, отбросивъ праздную повидимому игру фантазіи? Все, что Толстой мимоходомъ говорилъ объ искусствѣ ранѣе своей книги «Что такое искусство», давало поводъ думать, что онъ склоняется къ утвердительному отвѣту на послѣдній вопросъ. Поэтому, несмотря на столько горькихъ истинъ, а еще болѣе несправедливыхъ упрековъ, высказанныхъ имъ по адресу искусства и его служителей, можно было только радоваться, услышавъ отъ великаго писателя земли русской, что онъ не подвергаетъ ни малѣйшему сомнѣнію великое значеніе художественнаго творчества въ жизни человѣчества. Искусство, говоритъ онъ, «есть необходимое для жизни и для движенія къ благу отдѣльнаго человѣка и человѣчества средство общенія людей, соединяющее ихъ въ однихъ и тѣхъ же чувствахъ... Благодаря способности человѣка заражаться посредствомъ искусства чувствами другихъ людей, ему дѣлается доступно въ области чувства все то, что пережило до него человѣчество, дѣлаются доступны чувства, испытываемыя современниками, чувства, пережитыя другими людьми тысячи лѣтъ тому назадъ, и дѣлается возможной передача своихъ чувствъ другимъ людямъ»... Не будь у людей способности къ общенію въ области мысли, они были бы подобны звѣрямъ. «Не будь другой способности человѣка—заражаться искусствомъ, люди едва ли бы не были еще болѣе дикими и, главное, разрозненными и враждебными» (стр. 60—61). «Какъ бы ни былъ поэтиченъ, похожъ на настоящій, эффектенъ или занимателенъ предметъ, онъ не предметъ искусства, если онъ не вызываетъ въ человѣкѣ того, совершенно особеннаго отъ всѣхъ другихъ, *чувства радости*, единенія душевнаго съ

другимъ (авторомъ) и съ другими (со слушателями или зрителями), воспринимающими то же художественное произведеніе» (стр. 169). Функціи, приписываемыя здѣсь искусству, велики и плодотворны, но это только одна сторона его соціальной роли. Толстой обращаетъ почти исключительное вниманіе на *потребленіе* искусства, тогда какъ оно имѣетъ еще, пожалуй, большее значеніе для человѣчества, чѣмъ *производство*. Если переживать чувства, выраженныя другимъ человѣкомъ, доставляетъ радость, то насколько интенсивнѣе испытываетъ ее тотъ, кто въ состояніи кристаллизовать свое собственное чувство въ формѣ художественнаго произведенія и такимъ образомъ создать причину радости для другихъ. Толстой оставилъ безъ разсмотрѣнія искусство, какъ дѣятельность, конечно потому, что производителей искусства немного, а потребителемъ можетъ быть всякій. Такое соображеніе обнаруживаетъ, что онъ еще слишкомъ крѣпко стоитъ на почвѣ современной организаціи художественнаго производства, когда оно составляетъ профессію сравнительно ничтожной группы людей. Правда, онъ энергично протестуетъ противъ профессіональности въ области искусства, такъ какъ это приводитъ къ обособленности художниковъ, какъ соціальной группы, къ утонченности и исключительности самаго искусства, отчуждаемаго такимъ образомъ отъ пониманія широкихъ массъ народа. Правда, Толстой, также какъ Рескинъ, хотѣлъ бы, чтобы во всѣхъ народныхъ школахъ преподавались элементы рисованія и музыки, съ цѣлью дать возможность развитія каждому творческому таланту, но все-таки онъ представляетъ себѣ, повидимому, что талантомъ къ творчеству всегда будутъ обладать только исключительныя натуры. Мимоходомъ онъ высказываетъ очень любопытное замѣчаніе, что «искусство во всѣхъ видахъ граничитъ, съ одной стороны, съ практически полезнымъ, съ другой—съ неудачными попытками искусства» (стр. 15). Если бы онъ углубилъ эту мысль, онъ пришелъ бы вѣроятно къ тому же выводу, какъ и Моррисъ, что спасеніе отъ неудачныхъ попытокъ для искусства заключается въ томъ, чтобы оно какъ можно сильнѣе укрѣпило свою связь съ практически полезнымъ. Всѣмъ людямъ въ извѣстныхъ предѣлахъ свойственна способность къ художественному творчеству, также какъ всѣ способны болѣе или менѣе чувствовать искусство, только въ настоящее время эти способности глохнутъ отъ отсутствія упражненія. Но не всѣ люди могутъ писать картины, лѣпить статуи, сочинять романы и симфоніи: большинство будетъ всегда строить дома, дѣлать столы и стулья, лѣпить горшки, ткать, ковать и т. д. Поэтому художественныя дарованія должны найти примѣненіе въ этой области, искусство не должно отгораживаться стѣной отъ хозяйственной дѣятельности, оно должно служить выраженіемъ счастливыхъ условій труда, какъ говоритъ Моррисъ, оно должно соединить неразрывными узами художника и рабочаго. И только тогда, когда искусство станетъ народнымъ, какъ производство, оно можетъ сдѣлаться доступнымъ потребленію народному. Какъ производство, оно

должно вносить радость въ работу; какъ потребленіе, оно сдѣлаетъ радостнымъ только досугъ, котораго у человѣчества немного.

Но когда мы говоримъ — радость, удовольствіе, то не ставимъ ли, мы искусству цѣлью доставлять людямъ *наслажденіе*? Удовольствіе, радость и наслажденіе—вѣдь это синонимы, выражающіе только разныя степени одного и того же ощущенія пріятности. Между тѣмъ Толстой приписываетъ всю извращенность современнаго искусства тому, что высшіе классы требуютъ отъ него наслажденія, и утверждаетъ, что искусство, если оно должно стать народнымъ, должно отказаться отъ стремленія доставлять налажденіе. «Вѣдь, разбирая вопросъ о пищѣ, — говоритъ онъ, — никому въ голову не придетъ видѣть значеніе пищи въ томъ наслажденіи, которое мы получаемъ отъ принятія ея» (стр. 53). Точно также искусство, какъ своего рода духовная пища, должно оцѣниваться только по своейпитательности. Дѣло въ томъ, во-первыхъ, что разсужденіе о пищѣ плохо подтверждаетъ мысль автора. Значеніе пищи, конечно, заключается не въ наслажденіи, но самыми точно обставленными опытами доказано, что питательныя свойства пищи только тогда хорошо усваиваются организмомъ, когда принятіе пищи сопровождается удовольствіемъ. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ удовольствіе (наслажденіе испытываютъ только обжоры) является не цѣлью, а средствомъ питанія. Точно также можно сказать, что, если путемъ искусства люди должны что-нибудь усваивать, то средствомъ, которымъ располагаетъ для этого искусство, и притомъ единственнымъ, является удовольствіе. Разница заключается только въ томъ, что пища, введенная въ желудокъ безъ удовольствія, хотя бы насильственно, все-таки съ грѣхомъ пополамъ переваривается и поддерживаетъ питаніе организма, тогда какъ искусство немыслимо, если оно не доставляетъ удовольствія художнику, и не заражаетъ никого чувствомъ художника, если оно не доставляетъ удовольствія воспринимающему субъекту: кто (кромѣ развѣ несчастныхъ рецензентовъ) будетъ читать романъ, если онъ скученъ, хотя бы онъ былъ полонъ самыми христіанскими чувствами? Но мало того: развѣ въ жизни человѣчества такъ много радости, чтобы надо было осуждать дѣятельность, которая стремится увеличить сумму пріятныхъ ощущеній? Что наслажденіемъ злоупотребляютъ однѣ группы общества, иногда до пресыщенія, въ ущербъ другимъ, которымъ достаются однѣ печали, это вопросъ соціальный, а не эстетическій. Искусство разнообразно и многогранно: иногда оно при посредствѣ удовольствія, захватываетъ нетолько чувство, но и мысль, и волю человѣка, а иногда оно ограничиваетъ свою амбицію только тѣмъ, чтобы радовать взоръ или слухъ, дѣлая этимъ человѣка болѣе счастливымъ. Въ томъ и другомъ случаѣ оно одинаково почтенно и желательно. Самъ Толстой впрочемъ не можетъ удержаться на высотѣ своей аскетической теоріи, и мы уже подчеркивали его неосторожное признаніе, что какой-нибудь предметъ можно только тогда назвать произведеніемъ искусства, когда онъ вызываетъ из-

вѣстное специфическое «чувство радости». А отъ радости до наслажденія одинъ шагъ.

Какого же рода пищу должно вводить искусство въ душу человѣка? Отвѣтъ на этотъ вопросъ подсказывается Толстому его общими религіозно-нравственными взглядами. Какое бы чувство ни испытывалъ художникъ, доброе или злое, нравственное или безнравственное, разъ оно дѣйствительно испытывается, а не симулируется, оно можетъ лечь въ основу настоящаго, неподдѣльнаго искусства,—это признаетъ и Толстой. Но онъ настаиваетъ на томъ, что мы должны производить расцѣнку искусства, т.-е. чувствъ, которыя оно передаетъ, на хорошее, дурное или безразличное искусство. Цѣннымъ для жизни, нужнымъ для всѣхъ, а потому народнымъ искусствомъ можетъ быть только хорошее искусство. Мѣриломъ же для расцѣнки искусства служитъ распространенное въ обществѣ религіозное пониманіе смысла жизни. «Всегда, во всякое время и во всякомъ человѣческомъ обществѣ есть общее всѣмъ людямъ этого общества религіозное сознаніе того, что хорошо и что дурно, и это то религіозное сознаніе и опредѣляетъ достоинство чувствъ, передаваемыхъ искусствомъ» (стр. 65). Такъ было всегда и вездѣ. «Вся исторія показываетъ (?), что прогрессъ человѣчества совершался не иначе, какъ при руководствѣ религіи» (въ значеніи сознанія высшаго смысла жизни). «Если же прогрессъ человѣчества не можетъ совершаться безъ руководительства религіи,—а прогрессъ совершается всегда, слѣдовательно совершается и въ наше время,—то должна быть и религія нашего времени» (стр. 177). Но такъ какъ въ дѣйствительности исторія ничего подобнаго не показываетъ, а окружающая дѣйствительность это самымъ нагляднымъ образомъ опровергаетъ, то Толстой бьется въ нескончаемыхъ противорѣчіяхъ, стараясь согласить желательное съ существующимъ. Такъ несмотря на то, что «всегда и вездѣ» цѣнилось и теперь цѣнится только религіозное (въ указанномъ смыслѣ) искусство, оказывается, что въ настоящее время среди извѣстнаго класса людей «стало выростать искуство, расцѣниваемое уже не по тому, насколько оно выражаетъ чувства, вытекающія изъ религіознаго сознанія людей, а только по тому, насколько оно красиво; другими словами—насколько оно доставляетъ наслажденіе» (стр. 67). Несмотря на то, что «вездѣ и во всякое время и во всякомъ человѣческомъ обществѣ» существуетъ будто бы общее всѣмъ людямъ высшее религіозное сознаніе, оказывается, что высшіе классы, въ силу разныхъ историческихъ причинъ, «остались безъ всякаго религіознаго міровоззрѣнія» (стр. 68.). Противорѣчія эти иногда прямо сталкиваются на одной и той же страницѣ. Такъ, утверждается, напр., что общая всѣмъ религія въ настоящее время—христіанство, и что «вся жизнь людей нашего времени проникнута духомъ этого ученія и сознательно и безсознательно руководится имъ», а нѣсколькими строками выше признавалось что «причина болѣзни (современнаго искусства) была непринятіе ученія Христа въ его ис-

тинномъ, т.-е. полномъ значеніи. Исцѣленіе отъ болѣзни только въ одномъ—въ признаніи этого ученія во всемъ его значеніи» (стр. 207). Для всякаго, мало-мальски знакомаго съ фактами изъ исторіи искусства и быта минувшихъ вѣковъ, также очевидна несообразность слѣдующаго утвержденія: «Пока искусство не раздвоилось, а цѣнилось и поощрялось одно искусство религіозное, безразличное же искусство не поощрялось,—до тѣхъ поръ вовсе не было поддѣлокъ подъ искусство; если же они были, то, будучи обсуживаемы всѣмъ народомъ (?), онѣ тотчасъ же отпадали» (стр. 132.) Авторъ, конечно, не могъ бы указать ни одного факта всенароднаго обсужденія произведеній искусства съ точки зрѣнія соотвѣтствія господствующему религіозному сознанію. Если происходили обсужденія и осужденія, разумѣется не всенародныя, то только съ точки зрѣнія традиціи, а въ худшемъ случаѣ съ точки зрѣнія догмы.

Изъ положенія, что въ данное время понятно и цѣнно только то искусство, которое соотвѣтствуетъ религіозному сознанію даннаго времени, логически слѣдуетъ, что искусство прошедшихъ временъ, воплощавшее другіе религіозные идеалы, теряетъ всякую цѣну и интересъ. Толстой не боится этого deductio ad absurdum: «что было велико передъ людьми, стало мерзостью передъ Богомъ» (стр. 180). «Только благодаря критикамъ (которыхъ Толстой считаетъ однимъ изъ главныхъ золъ для искусства), восхваляющимъ въ наше время *грубыя, дикія и часто безсмысленныя для насъ* (курсивъ нашъ) произведенія древнихъ грековъ: Софокла, Эврипида, Эсхила, въ особенности Аристофана, или новыхъ: Данта, Тасса, Мильтона, Шекспира; въ живописи—всего Рафаэля, всего Микель-Анджело съ его нелѣпымъ «Страшнымъ судомъ»; въ музыкѣ всего Баха и всего Бетховена съ его послѣднимъ періодомъ, стали возможны въ наше время Ибсены, Метерлинки, Верлены» и т. д. (стр. 137). «Чувства, передаваемыя искусствомъ нашего времени, не только не могутъ совпадать съ чувствами, передаваемыми прежнимъ искусствомъ, но должны быть противоположны имъ» (стр. 180). Если бы это было дѣйствительно такъ, то искусство имѣло бы чисто временное значеніе, немногимъ больше, чѣмъ значеніе моды. Къ счастью, Толстой и тутъ непослѣдователенъ и изъ собственнаго внутренняго опыта разрушаетъ то, что созидаетъ его тираническая теорія. Мы уже цитировали его глубокую мысль, что благодаря искусству, человѣку «дѣлается доступно въ области чувства все то, что пережило до него человѣчество, чувства, пережитыя другими людьми тысячи лѣтъ тому назадъ...» И когда онъ называетъ нѣсколько произведеній искусства, которыя, по его мнѣнію, могутъ считаться общенародными, то рядомъ съ ничтожными произведеніями, вводимыми имъ въ угоду своей теоріи и своимъ устарѣлымъ вкусамъ (напр., слащавыя картины Жюля Бретона и Дефреггера), онъ считаетъ достойными и нѣсколько старыхъ произведеній, въ томъ числѣ, напр., «Иліаду», и «Одиссею»; а вѣдь въ этихъ поэмахъ, такъ ярко выражающихъ

«религіозное сознаніе» древнихъ грековъ, нѣтъ и слѣда современнаго христіанства, заключающагося, по опредѣленію Толстого, въ сознаніи того, «что наше благо, и матеріальное, и духовное, и отдѣльное, и общее, и временное, и вѣчное, заключается въ братской жизни всѣхъ людей, въ любовномъ единеніи нашемъ между собой» (стр. 177—178).

Истина заключается въ томъ, что нѣтъ критерія для отдѣленія хорошаго искусства отъ дурного. Всякое искусство, достойное своего имени, т.-е. искусство, созданное потребностью художника выразить свое чувство, независимо отъ качества этого чувства, будетъ хорошимъ искусствомъ. Это не значитъ, что искусство стоитъ по ту сторону добра и зла, но эти категоріи устанавливаются только въ сознаніи воспринимающаго субъекта. Очень хорошо, если художникъ стоитъ «на уровнѣ высшаго для своего времени міросозерцанія», какъ требуетъ Толстой (а также и Рескинъ), но, въ общемъ, это встрѣчается крайне рѣдко. Художникъ такой же человѣкъ, какъ и всѣ смертные, и имѣетъ право быть несовершеннымъ. Всякое искреннее чувство, хорошее или дурное, даже порочное и вредное въ общественномъ смыслѣ, имѣетъ свои глубокія причины въ духовной природѣ человѣка и связано тысячами нитей съ окружающимъ міромъ. Закрѣпивъ въ образѣ конкретный фазисъ этого чувства, художникъ открываетъ намъ всегда какую-нибудь новую, имъ впервые открытую сторону своей психической жизни, и если мы находимъ этотъ образъ прекраснымъ, это значитъ, что мы поняли или, по крайней мѣрѣ, почувствовали цѣлую группу явленій, которая соприкасается съ выраженнымъ въ немъ чувствомъ, и уже дѣло наше освѣтить этотъ пріоткрывшійся намъ тайникъ нашимъ собственнымъ идеаломъ или «религіознымъ сознаніемъ», сохраняя выраженіе Толстого. Чѣмъ богаче наше міросозерцаніе, чѣмъ развитѣе наше чувство, тѣмъ большая область искусства доступна нашему пониманію. Мы непрестанно подчеркивали, что произведеніе искусства можетъ быть заразительно только для того, кто способенъ къ его воспріятію. Искусство, которое производило бы одинаковое воздѣйствіе на все человѣчество, хотя бы на всѣхъ тѣхъ, кто не извратилъ своихъ вкусовъ городскою культурою, нельзя себѣ вообразить; это утопія *), и при томъ такая, которая стремится обѣднить и принизить искусство. Искусство не должно и не можетъ спуститься до низшаго интеллектуальнаго уровня, какой только можетъ существовать, но зато человѣчество въ правѣ и можетъ стремиться къ расширенію и обогащенію своего интеллекта, и было бы преступленіемъ поставить ему въ этомъ направленіи предѣлъ, его же не прейдеши. Въ этомъ смыслѣ, потенціально, искусство въ полномъсвоемъ объемѣ не только всенародно, но и общечеловѣчно. Произведеніе искусства выростаетъ изъ чувства художника, какъ растеніе, претерпѣвая всевозможное воздѣйствіе, благотворное или вредное, отъ окружающей среды. Растеніе и

*) Обстоятельное доказательство этого дано *Ѳ. Д. Батюшковымъ*: „Утопія всенароднаго искусства“ („Крит. очерки и замѣтки“, I, Спб. 1900).

само можетъ быть питательно или нѣтъ, цѣлебно или ядовито для человѣческой жизни, но оно всегда прекрасно для того, кто хочетъ и умѣетъ проникнуть въ тайну его жизни и строенія. И, наконецъ, свойства растенія постоянны, а отношеніе человѣка къ нимъ можетъ мѣняться: то, что въ прежнее время считалось цѣлебнымъ, со временемъ можетъ быть признано вреднымъ, и наоборотъ. Такъ и чувства, выраженныя въ произведеніи искусства, могутъ въ одну эпоху считаться благородными и возвышенными, а затѣмъ могутъ казаться разрушительными и безчеловѣчными; другія считались прежде презрѣнными, а послѣ были признаны чистыми и высокими. Но самое произведеніе искусства, если оно имѣетъ такое же органическое строеніе, какъ созданіе природы, а не является только безжизненной поддѣлкой природы, не можетъ потерять интереса и красоты. Вотъ почему неправъ Толстой, утверждая, что искусство высшихъ классовъ такъ же недолговѣчно, какъ ихъ вкусы: то, что восхищало нашихъ предковъ, теперь будто бы чуждо и непонятно. Это далеко не такъ. И въ искусствѣ предковъ, какъ бы ни измѣнились наши воззрѣнія на красоту, какъ бы ни казались намъ устарѣвшими техника и стиль, мы всегда сможемъ открыть человѣческую сторону: она проглядываетъ и сквозь завитки рококо, и сквозь условности Людовика XIV, и сквозь топорныя формы средневѣковой скульптуры, и сквозь упрощенные, схематическіе контуры египетскихъ барельефовъ. Но чтобы раскрыть свою душу для такого универсальнаго пониманія, чтобы умѣть отдѣлять устарѣвшую форму отъ вѣчно юнаго содержанія, нужно сравнительно много знать, нужно имѣть душевную бодрость и досугъ, а главное нужно самому, хоть въ малой долѣ, быть причастнымъ къ художественному творчеству: кто самъ пережилъ процессъ, посредствомъ котораго смутное сначала движеніе души кристализуется въ осязаемую форму, какъ бы результаты этого процесса ни были слабы или даже неудачны, тотъ съ особенною интенсивностью способенъ воспринимать то, что пережилъ другой, создавая свой образъ. Вотъ почему искусство во всѣхъ его проявленіяхъ до сихъ поръ составляетъ достояніе только немногихъ счастливыхъ. Поэтому же самому тотъ, кто говоритъ о возрожденіи народнаго искусства, долженъ искать средствъ, чтобы дать трудящейся массѣ досугъ, душевную бодрость, знаніе и возвратить ей возможность упражнять высшую интеллектуальную способность человѣка — способность художественнаго творчества. Этого требуетъ, по выраженію Морриса, «уваженіе къ жизни человѣка на землѣ: пусть прошлое будетъ прошлымъ, до послѣдней малости, если въ ней нѣтъ болѣе жизни; пусть мертвые хоронятъ своихъ мертвыхъ, а мы обратимся къ тому, что живетъ, и, вооружась непоколебимымъ мужествомъ и надеждою, сколько у насъ ея есть, не допустимъ, чтобы земля осталась безрадостной въ грядущія времена».

Евгеній Дегенъ.

ЗА ОКЕАНОМЪ.

Повѣсть изъ жизни русскихъ въ Америкѣ.

(*Продолженіе* *)

Глава X.

Ѳедоръ Брудный по обыкновенію проснулся на зарѣ и, выйдя на дворъ, накачалъ холодной воды въ ушатъ подъ насосомъ, потомъ неторопливо снялъ рубаху и, перегнувшись внизъ, сунулъ голову и плечи въ воду и оставался въ этой полуопрокинутой позѣ такъ долго, какъ будто рѣшился утопиться въ этомъ ушатѣ съ водой. Вытащивъ наконецъ голову изъ ушата, онъ принялся растирать ее большой и жесткой щеткой съ такой силой, какъ будто чистилъ лошадь. Вычистивъ голову, онъ вернулся въ избу и надѣлъ бѣлую рубаху съ мережанымъ воротомъ, завязаннымъ красной ленточкой, высокіе выростковые сапоги и картузъ съ широкимъ козыремъ, твердымъ и яснымъ, какъ зеркало. Въ будничное время Ѳедоръ одѣвался по-американски, то-есть носилъ шнурованные ботинки, короткій пиджакъ и твердую шляпу, но его праздничный костюмъ хранилъ всю живописность одежды верхнеднѣстровскихъ подолянъ и даже особенности того покроя, который былъ въ ходу въ родномъ селѣ Ѳедора, Озерянахъ, Тарнопольскаго повѣта.

Ѳедоръ Брудный жилъ на американской землѣ, сѣялъ американскій хлѣбъ, получалъ за свою работу американскія деньги, но приходя въ праздничное настроеніе, онъ снова чувствовалъ себя озерянскимъ селякомъ и старался въ одеждѣ и манерахъ подражать своему дѣду по матери, на котораго былъ похожъ лицомъ и который былъ заможнымъ хлопомъ и имѣлъ уволоку пахатной земли и десять морговъ сѣножати.

Ѳедоръ былъ человѣкъ огромнаго роста и мрачнаго вида. Онъ носилъ длинные усы и брилъ щеки осколкомъ старой косы, которую привезъ съ собой изъ Озерянъ и ни за что не хотѣлъ за-

*) См. „Міръ Божій", № 3, мартъ 1904 г.

мѣнить американской бритвой. Онъ говорилъ, что бритва беретъ слишкомъ мягко,—онъ произносилъ *мнягко*,—и что для его «*стерны*» требуется именно коса.

День былъ будній, но Өедоръ еще вчера сказалъ лѣснику, что не придетъ на работу. Онъ собирался отправиться къ Сосновскому, управлявшему дѣлами комитета въ Ноксвильскомъ околоткѣ, по въ высшей степени важному предмету, а именно, онъ хотѣлъ заключить съ нимъ условіе о покупкѣ своего участка съ разсрочкой платы и сдѣлать первый взносъ. Конечно, Өедоръ предпочелъ бы выбрать для этого будущее воскресенье и не терять рабочаго дня, но Сосновскій долженъ былъ уѣхать въ субботу въ Филадельфію и Өедору не хотѣлось слишкомъ долго откладывать этого дѣла. Ноксвильскія земли, наполовину пустыя и мало воздѣланныя, почему-то начали подниматься въ цѣнѣ, и въ городѣ стали поговаривать, что комитетъ разсчитываетъ привлечь новый потокъ еврейскихъ фермеровъ изъ Восточной Европы.

Сосновскій вставалъ не рано и къ нему нельзя было отправиться раньше десяти часовъ, тѣмъ не менѣе Өедоръ съ ранняго утра вырядился въ свой праздничный нарядъ и обрекъ себя на нѣсколько часовъ параднаго бездѣйствія и скуки. Быть можетъ, это была съ его стороны безсознательная жертва богу важныхъ и чинныхъ сдѣлокъ, чтобы онъ оказалъ ему покровительство въ предстоящемъ ему важномъ шагѣ.

Өеня тоже встала и по обыкновенію немедленно отправилась задать кормъ свиньямъ. Однако, на этотъ разъ кормежка окончилась неожиданнымъ эпизодомъ. Молодой кабанъ, которому надоѣло сидѣть взаперти, еще съ вечера усердно занялся подкапываніемъ одной изъ стѣнъ хлѣва. Къ утру ходъ былъ совершенно готовъ, но хитрое животное не хотѣло пропустить завтрака. Теперь, какъ только корыто съ мѣсивомъ и ушатъ съ обрѣзками были очищены, кабанъ, не теряя времени, выбрался на свободу и прямо отправился на огородныя гряды.

— Хру-нга, хру-нга!—кричала Өеня, подражая свиному хрюканью и тщетно стараясь отвлечь вниманіе кабана отъ картофельной разсады. Догнать кабана было не особенно трудно, но онъ былъ упрямъ, и Өеня по опыту знала, что связываться съ молодыми боровами не безопасно. Два года тому назадъ, въ самомъ началѣ ея свиноводства племянной боровъ сѣкачъ бросился на нее съ поднятыми кверху клыками и она насилу успѣла заскочить за изгородь.

— Өедь, кабанъ ушелъ!—закричала она, обращаясь къ своему мужу, какъ къ послѣднему средству.

Өедоръ стоялъ среди двора, собираясь надѣть въ рукава ши-

рокое сѣрое пальто, которое, какъ двѣ капли воды, походило на свитку. Услышавъ крикъ жены и увидѣвъ бѣгущаго кабана, онъ еще постоялъ немного, потомъ быстро снялъ съ себя свитку, жилетъ, рубаху и остался совершенно безъ всего до пояса. Потомъ онъ поспѣшно подтянулъ ремень, поддерживавшій его штаны и продернутый, какъ очкуръ, сквозь особыя петли, и бросился въ догонку за кабаномъ. Его поведеніе было ему продиктовано обстоятельствами. Испачкать парадную одежду было недопустимо, но онъ не хотѣлъ также позволить кабану испортить картошку.

Завидѣвъ подбѣгавшаго хозяина, кабанъ пустился было на утекъ, но онъ былъ жиренъ и не могъ бѣгать очень быстро. Ѳедоръ безъ труда догналъ его своими длинными ногами. Кабанъ вдругъ повернулся, понурилъ голову и принялъ угрожающую позу.

— Тю, на твою голову!—хладнокровно сказалъ Ѳедоръ. Онъ размахнулся правой ногой и внезапно далъ кабану такого пинка своимъ тяжелымъ чоботомъ, что строптивое животное отлетѣло въ сторону шаговъ на пять и растянулось на землѣ.

— А хочешь, такъ зарѣжемъ тебя! — прибавилъ Ѳедоръ съ учительной нотой въ голосѣ. Кабанъ растянулся на бороздѣ и припалъ головой къ землѣ, какъ собака, ожидающая удара. Тяжелый носокъ озерянскаго сапога сразу вышибъ изъ него всякую охоту къ сопротивленію. Ѳедоръ подумалъ немного, потомъ вытащилъ ремень изъ штановъ и захлеснулъ его петлей за шею кабана. Новымъ пинкомъ онъ заставилъ его подняться на ноги и торжественно повелъ его назадъ, одной рукой сжимая ремень, а другой поддерживая свои широкія, какъ море, шаровары.

Ѳеня поглядѣла на странную фигуру своего мужа и такъ и покатилась со смѣху.

— Охъ, ты, грибъ подберезовикъ! — съ трудомъ выговорила она, хватаясь руками за перекладину изгороди.

Ѳедоръ часто выдѣлывалъ на своей усадьбѣ разныя диковинныя штуки. Онъ, между прочимъ, былъ настолько силенъ, что одинъ амбарчикъ, который былъ обращенъ дверью на сѣверъ, онъ сдвинулъ съ мѣста, какъ медвѣдь, и повернулъ его на югъ.

Ѳедоръ посмотрѣлъ на жену съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, но потомъ короткая улыбка проскользнула между его жесткихъ черныхъ усовъ. Собственно говоря, онъ не видѣлъ ничего смѣшного въ своемъ поступкѣ, но женщина смѣялась такъ заразительно, что на минуту и онъ заразился ея веселостью.

Водворивъ кабана на прежнее мѣсто, Ѳедоръ чинно одѣлся и отправился въ избу, гдѣ на вышкѣ рядомъ съ горницей у него была особая комора. Онъ держалъ въ ней разныя вещи, которыя

*

могли понадобиться въ хозяйствѣ: старый хомутъ, все еще ожидавшій лошади, банку съ мазью отъ свиной коросты, кое-какой столярный инструментъ.

Въ этой коморѣ Өедоръ также держалъ свои деньги, по старому дѣдовскому обычаю, въ узкомъ кожаномъ мѣшкѣ, который Өедоръ называлъ чересомъ и вывезъ съ собой изъ Озерянъ. Въ Озерянахъ Өедоръ носилъ его ввязаннымъ въ широкій тканный поясъ, но бѣда была въ томъ, что въ чересѣ почти никогда не было ни копейки. Теперь чересъ былъ набитъ серебромъ и бумажками и Өедоръ пряталъ его въ какомъ-то укромномъ мѣстечкѣ въ глубинѣ своей коморы. Въ этомъ отношеніи супруги избрали разные пути и складывали свои сбереженія отдѣльно. Өеня съ самаго начала стала относить ихъ въ мѣстный банкъ и богатство ея заключалось въ маленькой сѣрой книжкѣ, которую она держала въ сундукѣ безъ особенныхъ опасеній, ибо книжка была именная. Но Өедоръ ни за что не давалъ себя убѣдить положить деньги въ банкъ.

— Еще не отдадутъ!—говорилъ онъ кратко.—Поди, судись съ ними!

Недовѣрчивость русинскаго крестьянина, который долго выносилъ на своей спинѣ и польское и нѣмецкое иго, переѣхала вмѣстѣ съ нимъ чрезъ океанъ и никакъ не хотѣла поддаться американской обстановкѣ.

Когда Өеня стращала его, что его деньги могутъ украсть, онъ только усмѣхался. Его комора была заперта висячимъ замкомъ, тоже привезеннымъ изъ Озерянъ, ключъ отъ котораго Өедоръ носилъ на шеѣ. Ключъ этотъ былъ такъ великъ, что больше всего походилъ на часть желѣзныхъ веригъ, но Өедоръ съ гордостью утверждалъ, что американскіе слесаря не умѣютъ дѣлать такихъ ключей и презрительно прибавлялъ, что американскіе замки маленькіе, дрянь,—онъ произносилъ «дрань»

Впрочемъ, Өеня даже не знала, какъ много денегъ накоплено въ завѣтномъ чересѣ Өедора. Онъ былъ скупъ и скрытенъ и меньше всего любилъ говорить о томъ, куда дѣвалъ деньги, полученныя за работу или за продажу чего-нибудь, что принадлежало къ мужскому хозяйству, напримѣръ, за дрова или за сѣно. Свиньи принадлежали къ женскому хозяйству и доходъ отъ нихъ доставался Өенѣ. У Өени, однако, было больше ста долларовъ въ банкѣ на книжкѣ, и она совершенно правильно разсуждала, что у Өедора должно быть гораздо больше денегъ, ибо онъ работалъ внѣ дома и получалъ лучшую плату, между тѣмъ какъ она должна была заниматься домашней работой. Вчера за ужиномъ Өедоръ совершенно неожиданно объявилъ ей, что идетъ покупать землю и она была совершенно увѣрена, что его сбереженія, должно

быть, достигли значительной суммы, если онъ рѣшается на такой шагъ.

Поднявшись на лѣстницу и проникнувъ въ свою комору, Өедоръ зажегъ огарокъ парафиновой свѣчи, потомъ тщательно заперъ дверь и заложилъ ее изнутри деревяннымъ брускомъ, потомъ попробовалъ, можно ли что-нибудь видѣть сквозь щели косяка, и только тогда сталъ доставать свой чересъ. Онъ былъ спрятанъ въ тайникѣ, искусно вырѣзанномъ на мѣстѣ схожденія двухъ бревенъ, и никому не могло бы придти въ голову искать его въ этомъ темноватомъ закоулкѣ.

Чересъ Өедора раздулся отъ денегъ и былъ очень тяжелъ, но онъ повѣсилъ его на грудь вмѣстѣ съ ключомъ и только тогда снова открылъ дверь и вышелъ изъ коморы.

Өеня поспѣшно отдала ему свою книжку.

— Ну съ Богомъ!—сказала она.—Дай Богъ въ добрый часъ.

И какъ ни въ чемъ ни бывало опять принялась за свои обычныя хлопоты. Катерины не было дома. Она ушла къ докторшѣ домывать бѣлье, которое Өеня оставила вчера въ щелочномъ бучилѣ.

Сверхъ ожиданіи Өедоръ не засталъ Сосновскаго дома. Уполномоченный комитета въ этотъ день всталъ почти такъ же рано, какъ Өедоръ Брудный, и тотчасъ же уѣхалъ изъ дому по нетерпящимъ отлагательства дѣламъ. Ночью онъ получилъ телеграмму отъ одного изъ благопріятелей, который служилъ при городскомъ отдѣленіи комитета. Телеграмма сообщала, что нѣсколько членовъ комитета намѣрены на другой день внезапно посѣтить Ноксвиль. Такія посѣщенія случались довольно часто, особенно лѣтомъ и составляли нѣчто среднее между ревизіей и пикникомъ. Члены обыкновенно пріѣзжали къ завтраку, угощались у уполномоченнаго скромными дарами сельскаго хозяйства, кушали душистый медъ образцовой пасѣки и прекрасные фрукты, взращенные въ плодовомъ саду сельскохозяйственной академіи, потомъ дѣлали краткій обходъ ноксвильскихъ «учрежденій», осматривали академію и нормальную школу, а если посѣщеніе приходилось въ субботу, отправлялись въ Синагогу, посѣщали фабрику Блюменталя и двухъ наиболѣе богатыхъ фермеровъ, потомъ приходили назадъ къ Сосновскому, гдѣ ихъ ожидалъ обѣдъ, уже болѣе изысканный, съ закусками и шампанскимъ, купленнымъ изъ самой большой лавки въ Ноксвилѣ. Впрочемъ, шампанское члены комитета часто привозили съ собою изъ Филадельфіи. Шампанское развязывало языки и кто-нибудь изъ наиболѣе именитыхъ гражданъ Ноксвиля, чаще всего самъ Сосновскій, произносилъ рѣчь, въ которой дѣятельность комитета и преуспѣяніе ноксвильской «идеи» превозносились до небесъ и изображались полными самыхъ

радужныхъ обѣщаній для будущаго. Послѣ обѣда члены комитета уѣзжали обратно въ Филадельфію и Нью-Іоркъ, унося съ собою самое пріятное воспоминаніе о сельской экскурсіи, и ревизія была окончена.

На этотъ разъ, впрочемъ, помимо ревизіи и пикника, члены комитета, повидимому, хотѣли составить противовѣсъ собранію интеллигентныхъ эмигрантовъ, праздновавшихъ свою годовщину, и потому рѣшились явиться въ Ноксвиль, но уже на другой день.

Они считали себя наиболѣе здоровыми и надежными элементами еврейства и ревностно стремились противопоставить свое вліяніе воздѣйствію нечестивыхъ, космополитическихъ и радикальныхъ интеллигентовъ. Къ ноксвильскому «простому народу» они относились въ высшей степени заботливо и постоянно старались оберегать его отъ вредныхъ вліяній, насколько это деликатное и отвѣтственное попечительство допустимо въ безцеремонной и грубой Америкѣ.

Не заставъ Сосновскаго дома, Ѳедоръ было расположился его ждать, но маленькія дѣти Сосновскаго вбѣжали въ комнату и объявили, что папа уѣхалъ въ Ноксвиль, а оттуда поѣдетъ на вокзалъ и вернется только къ полудню.

Ихъ было четверо и старшему было только десять лѣтъ. Населеніе Ноксвиля отличалось плодовитостью и интеллигенты не составляли исключенія! У доктора Харбина и его брата было вмѣстѣ шестеро дѣтей, у Сосновскаго четверо, а у Драбкина цѣлыхъ пятеро. Все это притомъ были люди среднихъ лѣтъ, которые обѣщали въ ближайшіе десять лѣтъ удвоить свое наличное потомство.

Госпожа Сосновская тоже вышла къ Ѳедору и посовѣтовала ему придти послѣ обѣда, когда парадные гости уѣдутъ назадъ.

Это была толстая, совсѣмъ расплывшаяся дама, съ сѣрымъ лицомъ и заспанными глазами. По виду ея никто бы не повѣрилъ, что десять лѣтъ тому назадъ она получила степень доктора философіи, ибо единственная философія, доступная ей въ настоящее время, была житейская и практическая, сводившаяся къ безпечальному житью, мирному потребленію продуктовъ и безостановочному накопленію денегъ.

Ѳедоръ отправился домой въ полномъ разочарованіи. Онъ потерялъ понапрасну рабочій день, ибо переговоры съ Сосновскимъ должны были состояться только ночью. Вернувшись на свою усадьбу, онъ нѣсколько минутъ стоялъ въ нерѣшимости передъ дверью, какъ будто спрашивая себя, не слѣдуетъ ли ему оставаться до вечера въ томъ же неудобномъ и стѣсняющемъ движенія костюмѣ.

Потомъ онъ быстро рѣшился, снялъ съ себя свитку, рубаху

и такъ далѣе, и облачился въ свое обычное рабочее платье. Потомъ взялъ топоръ и корчевальный крюкъ и отправился на лѣсистую половину своего участка, чтобы въ теченіе предстоящихъ свободныхъ часовъ очистить, насколько возможно, отъ лѣсныхъ порослей еще одинъ лишній клочокъ земли.

Глава XI.

Было уже семь часовъ, когда Ѳедоръ Брудный во второй разъ явился къ Сосновскому. На этотъ разъ онъ не захотѣлъ переодѣться. Его сѣрая короткая куртка была вся въ пятнахъ и на лѣвомъ локтѣ была четвероугольная заплата, и башмаки его, цѣлый день топтавшіе только что развороченную землю, были сѣры отъ пыли и стучали по доскамъ крыльца своими толстыми, такъ называемыми дубовыми подошвами, какъ лошадиныя копыта.

Но свою кису съ деньгами и чековую книжку жены Ѳедоръ принесъ за пазухой, твердо рѣшившись не уходить домой, пока не окончитъ своего дѣла.

Поздній обѣдъ только что кончился, но гости сидѣли за фруктами и виномъ. Брудный упрямо тряхнулъ головой и прямо прошелъ въ домъ. Одинъ изъ воспитанниковъ земледѣльческой академіи, которые во время такихъ обѣдовъ прислуживали за столомъ, провелъ его въ узкую комнату, которая служила Сосновскому дѣловой пріемной. Комната эта была рядомъ со столовой и Ѳедору можно было ясно слышать, какъ участники обѣда одинъ за другимъ поднимались и произносили рѣчи столь же импровизированно-парадныя, какъ и самый обѣдъ.

Онъ молча сидѣлъ и угрюмо ждалъ конца, отъ нечего дѣлать прислушиваясь къ обѣденнымъ рѣчамъ. Общій смыслъ ихъ былъ для него понятенъ, несмотря на то, что пирующіе говорили по-англійски, какъ это и полагалось на такомъ офиціальномъ праздникѣ. Трудно было бы объяснить, какимъ образомъ подъ широкій черепъ русинскаго мужика залѣзла такая несоотвѣтственная штука, какъ знаніе англійскаго языка. Самъ онъ никогда не отдавалъ себѣ въ этомъ отчета. Онъ прислушивался къ этимъ несообразнымъ гортаннымъ и носовымъ звукамъ, которые походили больше на птичье курлыканье, чѣмъ на человѣческій языкъ, и въ концѣ концовъ смыслъ сказанныхъ словъ возникалъ самъ собой въ его головѣ и онъ зналъ, чего хочетъ его собесѣдникъ. Дрессированная лошадь почти также прислушивается къ словамъ своего хозяина, но она отгадываетъ его желанія не столько по звукамъ его словъ, сколько по выраженію его глазъ и изобразительности жестовъ.

Людямъ, сидѣвшимъ въ сосѣдней комнатѣ, было гораздо ве-

селѣе, чѣмъ Брудному. Ихъ было человѣкъ пятнадцать. Членовъ комитета было четверо и съ ними было еще двое пріятелей изъ Нью-Іорка, которые пріѣхали полюбоваться на интересное зрѣлище русско-еврейской колоніи. Въ Америкѣ мало зрѣлищъ, особенно для самихъ американцевъ, и каждый изъ нихъ чуть не весь вѣкъ питаетъ въ себѣ мечту увидѣть что-нибудь «экзотическое». Русско-еврейскій поселокъ представлялъ именно такое соединеніе Азіи, Европы и американскаго вліянія, которое могло интересовать американскихъ посѣтителей. Изъ ноксвильскихъ нотаблей были приглашены Блацкій и Драбкинъ, раввинъ Яске, который имѣлъ притязаніе на титулъ доктора іудейской теологіи и утверждалъ, что его родина въ Германіи, «немного восточнѣе Берлина», хотя на дѣлѣ онъ происходилъ изъ мѣстечка Свислоча, Минской губерніи; секретарь Сосновскаго, Бруйда, молчаливый и безцвѣтный человѣкъ, двое учителей академіи, чистокровныхъ американцевъ, которые съ еврейской благотворительностью не имѣли ничего общаго, кромѣ полученія жалованья.

Гости-благотворители рѣзко отличались отъ ноксвильскихъ обитателей своимъ сугубо-американскимъ видомъ. Одежда на нихъ была самаго моднаго покроя, со смѣшными, кругло обрѣзанными полами сюртуковъ и высокимъ двубортнымъ жилетомъ. Галстухи ихъ были заколоты толстыми золотыми булавками, и пальцы рукъ сіяли широкими перстнями съ камнями разнообразныхъ цвѣтовъ. Въ передней на столѣ стоялъ принадлежавшій имъ рядъ цилиндровъ, блестящихъ и отливавшихъ дорогимъ шелковымъ ворсомъ.

Отцы и дѣды этихъ людей происходили изъ Гамбурга или Франкфурта-на-Майнѣ, но они родились на американской почвѣ и считали себя прежде всего природными американцами.

Въ двухмилліонномъ американскомъ еврействѣ существуетъ нѣсколько наслоеній, которыя стоятъ другъ надъ другомъ, какъ черепицы крыши. Старше всѣхъ испано-португальскіе евреи, такъ называемые *сефардимъ*, которые переселились сюда изъ Голландіи и Англіи, и съ гордостью утверждаютъ, что пять испанскихъ евреевъ были въ числѣ первыхъ спутниковъ Колумба, и что Люисъ Торресъ, первымъ вступившій на американскую землю, былъ еврей. Они держатся замкнутымъ кружкомъ, имѣютъ собственную синагогу, особыя благотворительныя учрежденія и клубы и чуждаются остального еврейства.

Нѣмецко-американскіе евреи, называющіе себя «іегудимъ», явились въ Америку позже испанцевъ, но все-таки достаточно давно, чтобы основательно и удобно устроиться. Изъ ихъ среды выдѣлилась богатая буржуазія, банкиры, фабриканты, владѣльцы крупныхъ торговыхъ домовъ, нѣсколько профессоровъ и модныхъ

адвокатовъ, члены конгресса, даже два сенатора и одинъ верховный судья.

Іегуды представляютъ солидный консервативный слой. Они являются ярыми приверженцами американскаго общественнаго строя, который даетъ имъ возможность наживать такіе прекрасные барыши, и самую легкую критику считаютъ потрясеніемъ основъ.

Русское еврейство, бѣдное и многочисленное, составляетъ рабочую массу съ небольшей примѣсью интеллигентовъ, и іегуды относятся къ нимъ вдвойнѣ подозрительно, ибо рабочіе слишкомъ склонны требовать увеличенія заработной платы, а интеллигенты принесли съ собой изъ Россіи привычку относиться непочтительно къ самымъ высокимъ вещамъ.

Благотворители, бывшіе на обѣдѣ, принадлежали съ самому богатому слою буржуазіи іегудовъ. Эти шесть человѣкъ вмѣстѣ могли стоить, по крайней мѣрѣ, шесть милліоновъ долларовъ. Въ своихъ денежныхъ разсчетахъ они являлись осторожными и искусными дѣльцами, но выйдя изъ стѣнъ рабочей конторы, они блѣднѣли и теряли оригинальность. Въ общественномъ отношеніи они являлись скучными копіями шаблоннаго идеала, который выросъ въ Америкѣ на почвѣ грубаго, слишкомъ скоро пріобрѣтеннаго богатства. Они во всемъ подражали христіанамъ, строили роскошныя синагоги съ дорогимъ органомъ, ложами для молящихся и іудейскимъ пасторомъ въ черномъ сюртукѣ и бѣломъ галстукѣ, заводили благотворительныя учрежденія, столь же дорогія, лицемѣрныя и безполезныя, какъ у любыхъ «акробатовъ благотворительности».

Ихъ сыновья и младшіе братья основывали спортменскіе клубы и общества приличныхъ молодыхъ людей, которые собирались по субботамъ, чтобы по-очереди произносить рѣчи на этическія темы.

Какъ всѣ выскочки, они до-нельзя преувеличивали плоскую и лицемѣрную сторону того буржуазнаго строя, приверженцами котораго они являлись. Въ ихъ общественномъ честолюбіи были смѣшныя стороны, какъ у дикарей или неразвитыхъ дѣтей. Напримѣръ, въ большихъ городахъ Америки были нѣкоторыя ультрааристократическія гостинницы, которыя усиленно щеголяли консерватизмомъ по старо-европейскому образцу и поэтому поставили себѣ за правило не принимать евреевъ. Каждый изъ этихъ еврейскихъ богачей охотно заплатилъ бы тысячу или двѣ долларовъ за право занять номеръ въ такой гостинницѣ, хотя бы на одну ночь...

Несмотря на импровизированный характеръ этого деревенскаго праздника, обѣдъ имѣлъ предсѣдателя, которымъ являлся президентъ комитета, банкиръ Кракауръ. Онъ имѣлъ въ своихъ ру-

кахъ лоскутокъ бумаги, на которомъ были написаны по порядку имена всѣхъ предположенныхъ ораторовъ.

Первую рѣчь сказалъ, впрочемъ, онъ самъ. Она содержала нѣсколько комплиментовъ по адресу мѣстныхъ администраторовъ Ноксвиля, и Сосновскій отвѣтилъ въ краткихъ словахъ. Теперь слово принадлежало Габріэлю Абажуру, тоже банкиру, но представителю болѣе молодого поколѣнія. Онъ не состоялъ въ комитетѣ, но былъ однимъ изъ двухъ гостей, и притомъ наиболѣе желаннымъ.

Это былъ человѣкъ сытый и плотный, съ добродушными сѣрыми глазами и улыбкой постоянно хорошо обѣдающаго человѣка. Въ петличкѣ его сюртука былъ продѣтъ бѣлый цвѣтокъ. Несмотря на свой добродушный видъ, Абажуръ имѣлъ среди еврейскихъ банкировъ громкую военную репутацію. Во время испанской войны онъ принялъ дѣятельное участіе въ снаряженіи еврейскаго полка, подобно многимъ другимъ американскимъ богачамъ, снаряжавшимъ полки на собственный счетъ. Онъ самъ тоже поступилъ волонтеромъ, провелъ нѣсколько мѣсяцевъ на Кубѣ, и если не былъ раненъ, то за то захворалъ маларіей, что въ военное время гораздо опаснѣе и хуже.

— Находясь въ центрѣ обширнаго земледѣльческаго округа,— сказалъ онъ,—и послѣ посѣщенія столь прекрасно устроенной земледѣльческой школы, позвольте мнѣ привѣтствовать васъ, какъ главныхъ дѣятелей по возвращенію еврейскаго народа къ такому почтенному труду, какъ земледѣліе. Я надѣюсь, что поселки ваши вырастутъ и умножатся, и что еврейскіе фермеры дадутъ нашему возлюбленному отечеству здоровыхъ сыновей, готовыхъ защищать край, который сталъ для нихъ родиной!..

— Браво!—закричали единодушно присутствующіе.

Кракауръ снова поднялся на ноги и въ прочувствованныхъ выраженіяхъ поблагодарилъ оратора.

Комитетъ до сихъ поръ старательно поддерживалъ фикцію, что еврейскіе поселки въ ноксвильскомъ округѣ являются земледѣльческими.

Подальше Ноксвиля, по линіи желѣзной дороги было расположено еще нѣсколько колоній: Союзъ, Кармелъ, Розенгайнъ. Въ этихъ колоніяхъ почти не было фабрикъ, но фермеры жили скудно и кое-какъ перебивались кукурузой и сладкимъ картофелемъ.

Чтобы поправить ихъ благосостояніе, комитетъ не нашелъ ничего лучше, какъ устройство новыхъ промышленныхъ предпріятій на такихъ же основаніяхъ, что и въ Ноксвилѣ. Проекты такихъ предпріятій уже стали приводиться въ исполненіе и на дѣлѣ весь околотокъ въ концѣ концовъ долженъ былъ быть превращенъ за благотворительный счетъ въ настоящее промышленное царство.

— Слово принадлежитъ Хосандеру!—провозгласилъ Кракауръ.

Членъ комитета Хосандеръ, высокій и тощій, съ лошадинымъ лицомъ и большими постоянно обнаженными зубами, поспѣшно поднялся на ноги, какъ будто получивъ неожиданный толчокъ снизу.

— Мы, американскіе, состоятельные граждане, — сказалъ онъ,—чувствуемъ на себѣ долгъ не только устроить матеріально, но и облагородить нашихъ младшихъ братьевъ. Имъ должно быть внушено уваженіе къ порядку и собственности и стремленіе неослабнымъ упорствомъ своего труда развить основы благосостоянія, заложенныя съ нашей помощью. Только тогда оно будетъ прочнымъ и достойнымъ Америки!..

Другой членъ комитета Жаденеръ, толстый и красный, съ двойной золотой цѣпью, протянутой изъ одного жилетнаго кармана въ другой, напомнилъ, что благодарность есть высшая человѣческая добродѣтель, а неблагодарность—высшій порокъ. Бѣдные жители Ноксвиля должны помнить, чѣмъ они обязаны усиліямъ тѣхъ, которые призвали ихъ сюда и заложили для нихъ среди пустыни основы ихъ общества и въ настоящія смутныя времена всегда становятся подъ ихъ знамя.

Онъ даже прибавилъ, что надѣется, что въ Ноксвилѣ обучаютъ юношество именно этимъ принципамъ.

Драбкинъ слегка усмѣхнулся, но промолчалъ.

Нѣкоторые изъ еврейскихъ благотворителей все-таки считали его не совсѣмъ подходящимъ для роли руководителя школы, назначенной для бѣдныхъ дѣтей. Комитетъ въ трудную минуту призвалъ его, какъ послѣднее средство, но теперь онъ такъ прочно укрѣпился, что могъ смотрѣть довольно хладнокровно на выходки въ родѣ словъ Жаденера. Притомъ же академія получала бо̀льшую часть фондовъ изъ Парижа и не особенно зависѣла отъ щедротъ комитета.

Драбкинъ посылалъ въ Парижъ фотографическіе снимки и лучшія письменныя работы учениковъ. Кромѣ того, онъ зналъ, что парижскіе распорядители фондовъ культурнѣе американскихъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онъ получилъ поздравительное письмо изъ Парижа, которое утверждало, что земледѣльческая академія Ноксвиля является самымъ благоустроеннымъ изъ учебныхъ заведеній, основанныхъ на ихъ деньги.

Сосновскій позволилъ себѣ даже похлопать первой части рѣчи Жаденера, но при намекѣ относительно академіи лицо его немедленно приняло совершенно непроницаемое выраженіе. Это былъ человѣкъ до такой степени обстрѣлянный, что легкимъ измѣненіемъ улыбки и выраженія лица, онъ могъ почти одновременно выразить сочувствіе двумъ совершенно различнымъ и даже оппо-

нирующимъ другъ другу элементамъ. Онъ происходилъ изъ Керчи, побывалъ въ московскомъ университетѣ, потомъ получилъ въ Бернѣ ученую степень. Въ Америкѣ онъ жилъ такъ давно, что почти разучился говорить по-русски. Онъ былъ первымъ человѣкомъ, пріѣхавшимъ въ лѣсистую трущобу, которая должна была превратиться въ Ноксвиль и подъ его наблюденіемъ расчищались заросли и строились дома для переселенцевъ. Теперь въ его рукахъ сосредоточились всѣ оффиціальныя нити по управленію Ноксвилемъ. Онъ продавалъ и давалъ на выплату фермы, давалъ субсидіи фабрикантамъ, распредѣлялъ двигательную силу. Положеніе его было трудное. Онъ долженъ былъ давать обѣды членамъ комитета, выслушивать ихъ рѣчи, иногда уговаривать ихъ, какъ дѣтей, имѣть дѣло съ требовательностью фабрикантовъ, успокаивать портныхъ и слесарей, которые нерѣдко вспоминали, что ньюіоркскіе заработки выше ноксвильскихъ и начинали заговаривать о стачкѣ.

Въ силу необходимости, онъ являлся повсюду миротворцемъ и старался предупреждать столкновенія. Такія новыя, искусственныя и общественныя единицы, какъ Ноксвиль, слишко часто распадаются отъ внутреннихъ несогласій, а для Сосновскаго вся его жизнь и карьера были связаны съ Ноксвилемъ. Несмотря на свой ученый дипломъ, онъ сильно бѣдствовалъ до ноксвильской эпохи, и даже однажды въ теченіе трехъ мѣсяцевъ занимался разносной торговлей, въ качествѣ дешеваго коробейника. Теперь въ его вѣдѣніи находились обороты, достигавшіе ежегодно полумилліона долларовъ. Мало-по-малу онъ развилъ въ себѣ значительное финансовое искусство. Онъ ревниво слѣдилъ, чтобы всѣ части капиталовъ, вложенныхъ въ ноксвильское дѣло, возвращались назадъ безъ всякаго ущерба. Идея отдавать пустыя фермы въ чужія руки принадлежала именно ему. При неуплатѣ очередного взноса за домъ или землю, онъ продавалъ имущество своихъ кліентовъ съ публичнаго торга или сгонялъ ихъ съ участка. Ноксвильскіе евреи съ ѣдкимъ чувствомъ юмора прозвали его бурмистромъ и Іосифомъ въ Египтѣ, приравнивая свое положеніе не къ братьямъ египетскаго министра, но къ тѣмъ египетскимъ мужикамъ, которые должны были отдать свои участки въ казну фараона и дѣлать такіе же очередные взносы, если не деньгами, то продуктами и трудомъ.

Черезъ часъ Өедоръ Брудный во второй разъ ушелъ изъ конторы ноксвильскаго управленія, но на этотъ разъ онъ унесъ съ собой первоначальный актъ на владѣніе своей землей. Ноксвильскій бурмистръ оцѣнилъ участокъ Өедора въ восемьсотъ долларовъ. Цѣна была божеская, но онъ сразу потребовалъ половину. Другая половина должна была быть выплачена въ десять лѣтъ,

по сорокъ пять долларовъ въ годъ, считая капиталъ и проценты. Какъ ни упирался Өедоръ Брудный. но Сосновскій не хотѣлъ отступить ни на іоту отъ своихъ условій. У Өедора, однако, оказалось двѣсти восемьдесятъ пять долларовъ вмѣстѣ съ Өениной книжкой. Сосновскій потребовалъ еще пятнадцать долларовъ въ теченіе недѣли и Өедоръ пообѣщалъ убить пару свиней, хотя сезонъ для свиного убоя еще далеко не наступилъ.

На остающіеся сто долларовъ Өедоръ выдалъ годовую росписку. Такимъ образомъ въ будущемъ году Өедору предстояло уплатить еще сто сорокъ пять долларовъ. Өедоръ крѣпко почесалъ въ затылкѣ, а потомъ припомнилъ, что къ его семьѣ прибавилась еще одна рабочая сила и далъ угрюмое согласіе.

Впрочемъ, если бы условія были гораздо тяжелѣе, онъ всетаки въ концѣ концовъ согласился бы. Ему нужна была собственная земля, такая, которая принадлежала бы ему вполнѣ, какъ дойная корова или какъ любовница. Онъ хотѣлъ сознавать, что имѣетъ право оплодотворять ее, топтать ея черную грудь своими тяжелыми сапогами, разрыть ей нѣдра плугомъ, истыкать ее изгородями, вообще поступить съ ней, какъ только ему вздумается.

Глава XII.

Двойнисъ остался въ Ноксвилѣ еще на сутки. По правилу, вошедшему въ его плоть и кровь, онъ постоянно присматривался къ новымъ людямъ и мѣстамъ и соображалъ, не могутъ ли они послужить благопріятнымъ матеріаломъ для новыхъ вѣтвей союза. Онъ зналъ Ноксвиль довольно хорошо, но на этотъ разъ его заинтересовалъ механикъ Коссъ. Въ Ноксвиллѣ, какъ во всѣхъ американскихъ городкахъ, существовали нѣсколько ложъ различныхъ масонскихъ и масонообразныхъ орденовъ. Коссъ сталъ членомъ самой вліятельной ложи, принадлежавшей къ очень распространенному братству «Сыновей Іакова».

Ложа эта называлась «Ложей невинныхъ» и принимала только молодыхъ людей, не старше двадцатипятилѣтняго возраста. Члены ея набирались среди молодыхъ рабочихъ мануфактуры Блюменталя, ибо фабрика Когана принадлежала къ другому соперничающему ордену, который назывался «Дѣти Сіона» и принималъ въ однѣ и тѣ же ложи людей всякаго возраста.

Въ «Ложѣ невинныхъ» было болѣе семидесяти членовъ. Въ короткое время Коссъ сдѣлался ея президентомъ и получилъ безусловное вліяніе на своихъ товарищей. Двойнису пришло въ голову, нельзя ли использовать это вліяніе въ какомъ-нибудь подходящемъ направленіи.

Коссъ, однако, отказался наотрѣзъ имѣть дѣло съ королемъ портныхъ.

— Я механикъ! — сказалъ онъ въ объясненіе. — Какое дѣло мнѣ до портняжнаго союза?

— А я страховой агентъ!—спокойно возразилъ Двойнисъ.— А вотъ мнѣ есть дѣло!

— Такъ застрахуйте намъ удачу!—сказалъ Коссъ насмѣшливо.—Мы маленькій городъ, зачѣмъ намъ юніонъ?

— Мелкіе города тоже открываютъ вѣтви!—сказалъ Двойнисъ.

— То американскіе козлы, а это еврейскіе бараны!—сказалъ Коссъ.—Уйдутъ они отъ Блюменталя, куда они пойдутъ?

— Мы вамъ поддержку дадимъ,—предложилъ Двойнисъ.

— Куда ее?—сказалъ Коссъ.—Теперь кто уйдетъ отъ Блюменталя, идетъ къ Когану, а то вотъ новую фабрику здѣсь открываетъ. А юніону до другихъ работниковъ дѣла нѣтъ. Или намъ для каждой фабрики заводить новую вѣтвь?..

— Пойдите къ намъ въ члены, Коссъ!—вдругъ предложилъ Двойнисъ.—Я вамъ желаю добра. Отъ насъ многіе люди въ гору пошли!

— А вы погодите немного!—сказалъ Коссъ.

— Ждать нельзя! — настаивалъ Двойнисъ. — Скоро выборы. Послѣ выборовъ будетъ поздно!..

— Тамъ видно будетъ,—сказалъ Коссъ загадочнымъ тономъ.

Двойнисъ хотѣлъ что-то сказать, но въ это время въ окнѣ послышался легкій стукъ.

— Кто тамъ?—съ удивленіемъ окликнулъ Двойнисъ.

Для гостей было уже слишкомъ поздно, и онъ никого не ждалъ къ себѣ.

— Собака, должно быть!—сказалъ Коссъ.

Но черезъ минуту стукъ повторился съ той же осторожностью. Самый звукъ его на этотъ разъ имѣлъ оттѣнокъ таинственности.

— Войдите!—сказалъ Двойнисъ, отодвигая щеколду.

Неизвѣстный посѣтитель поспѣшно вошелъ въ комнату и притворилъ за собою дверь.

Это былъ пожилой еврей, съ широкой, наполовину посѣдѣвшей бородой и такими же полусѣдыми, курчавыми волосами. Два длинные локона, выбившіеся изъ-за ушей, подозрительно смахивали на пейсы, но одежда на немъ была американская и голова его была украшена шляпой котелкомъ. Что-то въ изгибѣ его сутуловатыхъ плечей говорило, что этотъ человѣкъ съ дѣтства занимался шитьемъ одежды и, по всей вѣроятности, принадлежитъ къ поколѣнію наслѣдственныхъ портныхъ.

— Миръ вамъ!—сказалъ онъ по-еврейски голосомъ, такимъ же осторожнымъ, какъ и его недавній стукъ.

— Заприте, пожалуйста, дверь!—тотчасъ же попросилъ онъ.

Двойнисъ подвинулъ задвижку двери на прежнее мѣсто.

— Садитесь!—сказалъ онъ, указывая посѣтителю на стулъ.— Какъ поживаете?

Посѣтитель, однако, остался стоять.

— Вы меня не знаете, господинъ Двойнисъ,—сказалъ онъ съ осторожной улыбкой,—а я васъ знаю очень хорошо!..

— Я васъ тоже знаю, господинъ Лейзеровичъ!.. — отвѣтилъ Двойнисъ.

У него была прекрасная память на лица и имена. Онъ былъ въ Ноксвилѣ только два раза, и, однако, зналъ въ лицо чуть не половину обитателей городка.

Лейзеровичъ опять усмѣхнулся съ польщеннымъ видомъ...

— У меня есть къ вамъ, господинъ Двойнисъ, большое дѣло!..— началъ онъ тѣмъ же пониженнымъ голосомъ.

— Очень хорошо!—сказалъ Двойнисъ хладнокровно — Какое дѣло?

— Я пойду, пожалуй!—сказалъ Коссъ, поднимаясь съ мѣста.

— Пустое!—сказалъ Двойнисъ.—Сидите пожалуйста!

— Господинъ Коссъ знаетъ здѣшнія дѣла!—прибавилъ онъ въ видѣ объясненія, обращаясь къ Лейзеровичу.

Лейзеровичъ посмотрѣлъ на Косса удивленнымъ взглядомъ, но тотчасъ же опять повернулся къ Двойнису.

— Скажите, пожалуйста,—заговорилъ онъ быстро, — зачѣмъ форманъ можетъ насъ ругать собаками и свиньями? Здѣсь Америка,—мы свободные евреи!..

— Какъ разъ сегодня,—продолжалъ Лейзеровичъ,—онъ сказалъ у насъ одному жилетнику: «Зачѣмъ криво шьешь, я тебѣ бороду выдеру!»

Двойнисъ выжидательно промолчалъ.

— Какъ онъ ругаетъ молодыхъ дѣвушекъ!—продолжалъ Лейзеровичъ.—Страхъ!

Глаза Двойниса блеснули негодованіемъ.—А вы терпите и молчите?—вставилъ онъ жесткимъ тономъ.

— Дальше терпѣть нельзя!—согласился Лейзеровичъ.

— Я и то хотѣлъ ему сказать сегодня, — продолжалъ онъ, быть можетъ, неожиданно разоблачая инкогнито жилетника, обруганнаго форманомъ: «Лучше бы твои руки отсохли, чѣмъ драть наши бороды!»

Двойнисъ слегка усмѣхнулся.

— Мы слышали,—продолжалъ Лейзеровичъ,—что былъ такой человѣкъ, еврейскій портной, онъ стоялъ у машины... Но когда форманъ обругалъ еврейскую дѣвушку, онъ поднялъ свою руку и сбилъ формана съ ногъ, какъ Моисей египтянина,—прибавилъ

онъ почти торжественнымъ голосомъ.—А когда судьи велѣли посадить его въ тюрьму, Богъ умягчилъ сердце президента и президентъ велѣлъ его выпустить, ибо въ Америкѣ есть правда!..

Двойнисъ пользовался большой славой даже у самой невѣжественной части рабочаго еврейства. Около его имени сложилась настоящая легенда. Она гласила, между прочимъ, что онъ писалъ президенту письмо, настаивая, чтобы еврейскимъ фабрикамъ разрѣшили праздновать субботу вмѣсто воскресенья, и убѣдилъ нью-іоркскаго мера не трогать уличныхъ торговцевъ, которые торгуютъ съ лотка, мѣстами составляя мелкіе базары и загораживая дорогу прохожимъ.

— Чего же вы хотите?—спросилъ Двойнисъ съ тѣмъ же выжидательнымъ видомъ.

Теперь, когда дѣло шло о практическомъ предпріятіи, онъ сталъ чрезвычайно внимателенъ и остороженъ.

— А почему здѣсь плата меньше?—продолжалъ Лейзеровичъ свои обличенія.—Въ Нью-Іоркѣ жилетникъ получаетъ десять долларовъ въ недѣлю, а здѣсь восемь, сюртучникъ въ Нью-Іоркѣ—двѣнадцать, а здѣсь—десять. Даже бѣдная дошивальница и та получаетъ на долларъ меньше. Та же самая работа!

— Не та же самая!—вставилъ Коссъ.—Здѣшняя работа хуже нью-іоркской!

— Ваша работа, небось, не хуже нью-іоркской, господинъ Коссъ!—сказалъ Лейзеровичъ примирительнымъ тономъ.

— Чего же вы хотите, однако? — повторилъ Двойнисъ. — Я все это знаю и самъ насчетъ платы и ругани!

— Если бы вы намъ велѣли устроить хоро-шій страйкъ,—сказалъ Лейзеровичъ,—мы бы съ радостью послушались!

— А кто вы такіе? — спросилъ Двойнисъ. — Вы говорили съ другими?

— Мы поговорили между собою! — поспѣшно сказалъ Лейзеровичъ.—Если юніонъ намъ поможетъ, мы согласны на все!

— Что же, у васъ комитетъ есть?—спросилъ Двойнисъ.

— О, комитетъ!—сказалъ Лейзеровичъ.—Зачѣмъ евреямъ комитетъ? У каждаго есть собственный комитетъ въ головѣ!

— А вотъ онъ говоритъ, что нужно подождать! — сказалъ Двойнисъ, указывая пальцемъ на Косса.

Лейзеровичъ опять посмотрѣлъ съ недовѣріемъ на молодого человѣка. Ему стало казаться, что мѣсто вождя ноксвильскихъ рабочихъ было уже занято.

— Хорошо тому ждать, у кого крыша не каплетъ!—сказалъ онъ обидчивымъ голосомъ. — Время теперь горячее, начало сезона. Потомъ будетъ хуже...

Двойнисъ на минуту задумался. Такой же самый аргументъ онъ самъ недавно приводилъ въ разговорѣ съ Коссомъ.

— А помните артельное дѣло?—вдругъ сказалъ Коссъ. Лопнуло, небось!

— А какъ же не лопнетъ, когда денегъ нѣту?—резонно возразилъ Лейзеровичъ.—У ноксвильскихъ портныхъ только блохъ собирать въ складчину, прости Господи!

— А кредитъ?—приставалъ Коссъ, поддразнивая.

— А поручитель? — возразилъ Лейзеровичъ угрюмо. — Кто намъ дастъ безъ поручителя?.. Сосновскій, переметная сума, трясця его матери, пообѣщать пообѣщалъ, а потомъ по телефону сообщилъ въ Филадельфію: «Мы, говоритъ, за нихъ не можемъ ручаться,—они, говоритъ, ослушники!..»

Съ годъ тому назадъ въ Ноксвилѣ уже была стачка портныхъ, которые подъ конецъ попробовали завести артель. Но попытка эта лопнула въ самомъ началѣ, благодаря ожесточенному противодѣйствію администраціи комитета.

— Ну вотъ!—сказалъ Двойнисъ.

За окномъ кто-то стукнулъ. Лейзеровичъ вздрогнулъ и испуганно посмотрѣлъ на дверь.

— Эка напугали васъ! — сказалъ Двойнисъ.

— Извините! — сказалъ Лейзеровичъ въ видѣ оправданія. — Узнаютъ, бѣда, отъ мѣста откажутъ, волчій билетъ выдадутъ. А уѣзжать не охота изъ Ноксвиля!

— Значитъ, стачка не можетъ устроиться, — сказалъ Двойнисъ,—потому что тогда, вѣдь, навѣрное узнаютъ, и всѣмъ откажутъ отъ мѣстъ, а уѣзжать изъ Ноксвиля, должно быть, не охота никому.

— Мы будемъ исполнять, что прикажетъ комитетъ!—повторилъ Лейзеровичъ.

— Комитетъ приказываетъ, чтобы не было ни стачки, ни юніона!—сказалъ Двойнисъ.—Если воевать, то надо знать зачѣмъ. А вамъ все равно не выстоять противъ Блюменталя. Для насъ будете вы, какъ тяжелое бремя!..

— Подождите пока, тамъ виднѣе будетъ!—прибавилъ онъ въ видѣ утѣшенія.

Онъ успѣлъ сопоставить аргументы Косса съ тономъ рѣчи ноксвильскаго портного, и его опытность подсказала ему, что въ данномъ случаѣ нѣтъ надежды на успѣхъ, и заставила его внезапно измѣнить свои намѣренія. Двойнисъ имѣлъ инстинктивное чувство политической тактики,—онъ умѣлъ выжидать, отступать назадъ или идти окольнымъ путемъ, если этого требовали интересы дня.

— Ну, я пойду! — сказалъ Лейзеровичъ грустнымъ голосомъ.—Не говорите никому, что я былъ у васъ!

— И я тоже пойду!—сказалъ Коссъ.—Намъ по дорогѣ!

— Подождите до выборовъ! — прибавилъ онъ, обращаясь къ хозяину.—Пословица говоритъ: не спрашивай про мостъ, пока не подошелъ къ рѣкѣ...

Проходя мимо фабрики Бальцера, Коссъ увидѣлъ свѣтъ и движущіяся тѣни въ двухъ крайнихъ окнахъ, граничившихъ съ владѣніями Блоцкаго. Фабрикантъ и инженеръ занимались своимъ новымъ сплавомъ. Бальцеръ устроилъ себѣ въ особомъ углу своей фабрики небольшую мастерскую для опытовъ. Здѣсь была плавильная печь, нѣсколько литейныхъ формъ, небольшой токарный станокъ для работы надъ сталью, динамо-машина для освѣщенія и двигательной силы, и даже маленькая химическая лабораторія.

Станокъ и печь часто служили Бальцеру для обыкновенной работы, ибо онъ находилъ удовольствіе продѣлывать самому всѣ необходимыя стадіи плавильной, литейной и рѣзной работъ, безъ помощи своихъ рабочихъ. Въ общемъ, все-таки это была игрушка, но не очень дорогая и часто дававшая неожиданно хорошіе результаты.

Печь ярко топилась. Вентиляторъ мѣрно жужжалъ, нагнетая воздухъ въ тягу подъ большимъ тиглемъ. Воробейчикъ стоялъ у печи съ длинной желѣзной вилкой въ рукахъ и время отъ времени пріоткрывалъ ею дверцы и заглядывалъ внутрь. При яркомъ свѣтѣ, падавшемъ оттуда, на его лицѣ явственно выступало какое-то безстрастное, совершенно отвлеченное выраженіе.

— Двѣ части хрома, — повторилъ онъ, — двѣ съ половиной части никкеля, коэфиціентъ вязкости *f*, коэфиціентъ твердости *d*. Сила сопротивленія равна двумъ и двумъ пятымъ...

Бальцеръ прислушался къ клокотанью расплавленнаго металла, слабо доносившемуся изъ печи сквозь тонкія стѣнки тигля.

— Готово!—сказалъ онъ, беря въ руки такую же металлическую вилку съ клещами на концѣ, какая была у Воробейчика.— Давайте форму!

Инженеръ быстро подхватилъ узкое чугунное ведро и пододвинулъ его къ устью печи. Вдвоемъ они вынули тигель изъ печи, отбили крышку и съ трудомъ опрокинули его надъ формой.

Огненно-бѣлая струя перегрѣтаго металла мягко хлынула внизъ, наполняя мастерскую короткимъ и ослѣпительнымъ блескомъ.

— Пусть остынетъ!—сказалъ Бальцеръ, отодвигая форму въ сторону своей желѣзной вилкой.

— Каково кашицу сварили, посмотримъ! — прибавилъ онъ шутливо.

Инженеръ взялъ небольшой ковшикъ съ заостренными краями и помѣшалъ имъ въ формѣ, поверхность которой уже покрылась бурымъ налетомъ, потомъ ловко зачерпнулъ съ самаго дна немного раскаленной массы, густой и тягучей, какъ медъ, и неожиданно поднесъ ее къ самому носу Бальцера.

— Хочешь попробовать? — спрашивалъ онъ съ буйнымъ весельемъ.—Ложечку?

Бальцеръ попятился, но инженеръ продолжалъ наступать, упорно направляя ковшикъ въ лицо своему партнеру.

— Дурень ты, дурень!—гордо сказалъ онъ, бросая на полъ ковшикъ съ быстро остывающей красно-бурой массой. — Когда Воробейчикъ говоритъ, ты слушай и молчи! Двѣ части хрома и двѣ съ половиной части никкеля, понимаешь? Я все вычислилъ,—продолжалъ онъ,—твердость и ковкость, и вязкость. Сила сопротивленія равна двумъ и двумъ пятымъ!.. Все на свѣтѣ можно вычислить, — прибавилъ онъ, понизивъ голосъ, — нужно только сдѣлать полный детальный анализъ... Хочешь, я вычислю, какъ и за сколько ты меня продашь съ моей броней?..

— Господь съ вами!—сказалъ Бальцеръ, не на шутку испуганный.—Продадимъ, такъ вмѣстѣ, вмѣстѣ и подѣлимъ!

— Только не продавай той шайкѣ, — прошипѣлъ Воробейчикъ,—доктору, Коцяну, Журавскому!..

Онъ назвалъ рядъ своихъ воображаемыхъ враговъ и опять измѣнился въ лицѣ и даже заскрежеталъ зубами.

— Нѣтъ, конечно, нѣтъ!—успокаивалъ его Бальцеръ.

Онъ поспѣшно вычистилъ тигель и погасилъ всѣ огни, кромѣ одной маленькой лампочки.

— Пойдемте лучше на воздухъ, душно здѣсь!—предложилъ онъ нерѣшительнымъ тономъ.

Но изобрѣтатель уже не обращалъ на него вниманія. Онъ досталъ изъ кармана записную книжку и, стоя у единственнаго рожка, принялся что-то записывать, бормоча алгебраическія и химическія формулы, какъ будто творилъ заклинанія противъ своихъ враговъ.

Глава XIII.

Общество искателей истины собиралось черезъ пятницу два раза въ мѣсяцъ въ первомъ этажѣ гостинницы «Новый Вашингтонъ» на Медисонской аллеѣ. Вихницкій, одно время бывшій ревностнымъ членомъ общества, продолжалъ получать два раза въ мѣсяцъ обычныя гектографированныя повѣстки. Ѣздить изъ Ноксвиля на собранія было довольно далеко, но во время посѣщеній Нью-Іорка Вихницкому иногда все-таки удавалось попа-

дать къ искателямъ. Общество было запечатлѣно духовной оригинальностью, какую рѣдко можно встрѣтить въ фабричной Америкѣ, и юноша, не умѣвшій никакъ приспособиться къ стереотипной формѣ окружающей жизни, чувствовалъ свое духовное родство съ разношерстнымъ кругомъ искателей. Онъ былъ искателемъ, какъ они, и также не зналъ, къ чему стремиться и какъ выбиться изъ окружающей пошлости, хотя, быть можетъ, элементы недовольства и его запросы были иные, чѣмъ у членовъ общества.

На этотъ разъ на очередной повѣсткѣ было приписано женской рукой: «Пріѣзжайте, есть дѣло!»

Почеркъ принадлежалъ Ольгѣ Томкинсъ, которая вмѣстѣ съ своимъ мужемъ была основательницей и руководительницей общества. Изо всего круга искателей Вихницкій болѣе всего уважалъ именно эту чету.

Молодой учитель былъ свободенъ отъ полудня пятницы до понедѣльника, ибо суббота была недѣльнымъ праздникомъ, а въ воскресенье въ школѣ были только практическія занятія. Билетъ изъ Ноксвиля въ Нью-Іоркъ стоилъ недорого и почти всѣ ноксвильскіе интеллигенты ѣздили время отъ времени въ Филидельфію или Нью-Іоркъ освѣжиться.

Драбкинъ далъ Вихницкому нѣсколько мелкихъ порученій въ Нью-Іоркъ, которыя нужно было исполнить въ тотъ же день. Вихницкій поэтому опоздалъ, и когда онъ поднялся по короткой лѣстницѣ и постучался въ широкую стеклянную дверь залы, общество было почти въ полномъ сборѣ. Зала была огромная, какъ манежъ, прохладная и даже сырая, несмотря на лѣтнюю ночь, заглядывавшую въ окна.

Мебель была сборная. У стѣнъ залы стояли кресла въ сѣрыхъ чехлахъ, изъ-подъ которыхъ выглядывали края малиновой бархатной обивки, а черезъ всю средину тянулся рядъ некрашенныхъ столовъ самой грубой работы. Во время обѣдовъ столы покрывались бѣлоснѣжными скатертями, а чехлы съ креселъ снимались прочь и тогда все приходило въ должное соотвѣтствіе. Посреди залы чуть-чуть струился фонтанъ надъ четвероугольной чашей изъ заплесневѣлой бронзы, очень похожей по формѣ на большія лохани, въ которыхъ нью-іоркскія прачки моютъ бѣлье.

Въ залѣ пахло плѣсенью и еще какимъ-то тонкимъ и непріятнымъ запахомъ, призрачно напоминавшимъ жареный лукъ. Быть можетъ, это былъ запахъ безчисленныхъ обѣдовъ, впитавшійся въ эти стѣны и потихоньку испарявшійся въ теплыя лѣтнія ночи.

Въ дальнемъ углу залы стояло фортепіано, за которымъ въ настоящую минуту сидѣлъ молодой безбородый человѣкъ и тихонько наигрывалъ что-то жалобное и простое, но какъ-то не со-

впадавшее съ обычнымъ размѣромъ и тактомъ цивилизованной музыки. Въ залѣ было около тридцати человѣкъ. Они раздѣлились на небольшія группы, сидѣли на закутанныхъ стульяхъ, стояли по угламъ или ходили парами вокругъ длинной линіи столовъ. Искатели не признавали стѣсненій и не имѣли никакой опредѣленной цѣли для своихъ собраній. Они сходились, какъ сходятся сотни другихъ подобныхъ маленькихъ клубовъ въ Нью-Іоркѣ, для того, чтобы не сидѣть дома и не отправляться въ дешевый трактиръ пить пиво, но вмѣсто этого имѣть возможность поговорить о предметахъ, которые болѣе или менѣе интересовали ихъ всѣхъ.

Около Томкинса собралась самая большая группа. Это былъ красивый человѣкъ, стройный, съ высокимъ лбомъ и маленькой русой бородой, пріятно обрамлявшей его чистыя, слегка румяныя щеки. Его большіе голубые глаза глядѣли важно и благодушно, мечтательно и вмѣстѣ насмѣшливо. О Томкинсѣ говорили, что два года тому назадъ онъ достигъ высшей истины, и теперь уже онъ не былъ искателемъ, а обладателемъ новаго философскаго камня. Благодушное выраженіе его лица соотвѣтствовало его дѣйствительному настроенію. Онъ какъ-то сказалъ о себѣ, что теперь онъ счастливъ, какъ ребенокъ, и что съ дѣтьми онъ чувствуетъ себя легче всего.

— Какъ Христосъ!—многозначительно добавляли нѣкоторыя наиболѣе увлекающіяся поклонницы новаго учителя.

Дѣйствительно, мѣсяца три тому назадъ, онъ ѣздилъ въ Оклагому, совсѣмъ новый штатъ, выкроенный изъ лучшаго куска индійской территоріи, которая была оставлена на жительство остаткамъ вымирающихъ индійскихъ племенъ, но теперь постепенно подпадаетъ расхищенію бѣлыхъ переселенцевъ. На границѣ Оклагомы и уцѣлѣвшей индійской территоріи Томкинсъ посѣтилъ праздникъ соединенныхъ индійскихъ школъ, гдѣ сошлось около пятисотъ дѣтей и три дня разговаривалъ съ ними, также непринужденно, какъ съ искателями въ Нью-Іоркѣ. Въ заключеніе онъ предложилъ дѣтямъ написать ему рядъ писемъ о разныхъ предметахъ, что кому придетъ въ голову, и теперь привезъ съ собой въ Нью-Іоркъ цѣлый ворохъ этой оригинальной литературы.

Очень маленькая дѣвушка съ поблекшимъ лицомъ и сѣрыми безнадежно грустными глазами стояла противъ Томкинса и глядѣла ему въ лицо. Разница ихъ роста была такъ велика, что ей приходилось все время задирать голову вверхъ.

— Учитель!—сказала дѣвушка.—Скажите намъ о безсмертіи души.

— Слушаю, миссъ Гленморъ.

Томкинсъ склонилъ голову и заглянулъ дѣвушкѣ въ лицо, чуть-чуть улыбаясь своими насмѣшливыми глазами. Имя учитель

онъ принялъ, какъ нѣчто должное, или не обратилъ на него вниманія.

— Безсмертіе души,—заговорилъ онъ,—должно разсматриваться особо для каждаго отдѣльнаго случая. Въ человѣческомъ *я* сложены пять частей: физическое тѣло, астральное тѣло, умственная личность, нравственная личность и духовная основа. Послѣдняя безсмертна сама по себѣ, первыя двѣ мало существенны. Вамъ, конечно, не интересно перенести въ будущій міръ всѣ ваши тѣлесныя немощи и привычки?—обратился онъ прямо къ собесѣдницѣ.

Миссъ Гленморъ чуть-чуть покраснѣла. Ей было тридцать пять лѣтъ и она имѣла преувеличенное сознаніе о своей физической непривлекательности. Лѣтъ пять тому назадъ она стала сохнуть и худѣть и ея ненависть къ тѣлесности стала разростаться. Она тяготилась отправленіями своего организма и начала избѣгать животной пищи, постепенно выступая на дорогу аскетическаго воздержанія. Тѣмъ не менѣе у ней были мелкія привычки, свойственныя одинокому человѣку и она дорожила ими. Иногда по ночамъ ей снилось, что тѣло ея исчезло, и что она стала совсѣмъ безплотной, но даже въ безплотномъ состояніи она не могла бы обойтись безъ бѣлыхъ занавѣсокъ передъ кроватью, мятныхъ пилюль Пирсонъ и патентованной пудры.

— Остаются, стало быть, еще двѣ части,—продолжалъ Томкинсъ.—Но онѣ тоже сложны. У насъ есть вредныя и безнравственныя побужденія. Важно сохранить только то, что въ насъ есть свѣтлаго и совершеннаго, и продолжить наши лучшія качества за предѣлами этой жизни.

— А какъ ихъ продолжить?—спросила дѣвушка.

— Объективируйте ихъ!—сказалъ Томкинсъ.—Поставьте себѣ цѣль внѣ вашего существа. Вложите въ нее свою душу и ваша душа переживетъ васъ. Когда ваша жизнь станетъ приходить къ концу, думайте не о себѣ, а о вашей цѣли. Тогда вамъ дастся узнать, что ваша духовная личность избѣгла уничтоженія.

— Это трудно сдѣлать!—сказала дѣвушка.

— А я говорю, что всѣ это дѣлаютъ,—сказалъ Томкинсъ,—болѣе или менѣе. Возьмемъ грубый примѣръ. Богатый купецъ жертвуетъ милліонъ на университетъ и частица его существа—его имя остается связано съ этимъ дѣломъ посли смерти. Ученый работаетъ въ этомъ университетѣ для науки и его собственная личность остается жить въ его открытіяхъ. Послѣдній примѣръ: учитель въ томъ же университетѣ вкладываетъ свои силы въ воспитаніе юношей, и его нравственная душа расщепляется на части и внѣдряется въ десятокъ другихъ человѣческихъ душъ.

— А я думаю, что душа недѣлима,—сказалъ высокій молодой человѣкъ съ гладко выбритымъ лицомъ и длинными черными куд-

рями до плечей. Онъ былъ профессоромъ прикладной механики на техническомъ факультетѣ университета Колумбія, но помимо своихъ чертежей и вычисленій интересовался самыми отвлеченными идеями.

— Все на свѣтѣ дѣлимо,—возразилъ Томкинсъ,—кромѣ плана мірозданія, которое катится впередъ, какъ лавина, и никогда не достигаетъ конца!

— Я предпочитаю недѣлимую душу!—упрямо сказалъ профессоръ.—Всю для себя.

— Жадность до добра не доводитъ!—сказалъ Томкинсъ, забавно приподнимая брови.—Душа не денежная рента. Чѣмъ больше отдашь, тѣмъ больше останется.

— Это слишкомъ сложная математика!—сказалъ профессоръ.

— Не умирать страшно!—сказала дѣвушка.—Страшно думать, вотъ ты исчезнешь и тебя не будетъ!

— Но васъ и теперь нѣтъ!—возразилъ Томкинсъ.—Есть человѣчество, совокупность явленій, а не отдѣльные моменты. Я такъ живо чувствую, что меня нѣтъ. Есть мой отецъ и дѣдъ, и мой сынъ, и внукъ, и правнукъ, и вся цѣпь предковъ и потомковъ, они живутъ во мнѣ и растутъ, они ведутъ меня къ великой предустановленной цѣли...

Онъ говорилъ такимъ убѣдительнымъ тономъ, что слушатели на минуту почувствовали, что тайна отношеній между частицей жизни и совокупностью ея явленій стоитъ гдѣ-то совсѣмъ близко, и что какъ будто стоитъ только протянуть руку, чтобы ее ощупать.

— Стоитъ ли думать о себѣ самомъ, о частномъ? — продолжалъ Томкинсъ. — Мотылекъ живетъ одинъ день, а вечеромъ налетитъ на свѣчку и нѣтъ его. Мы не увѣрены, что будетъ съ нами завтра утромъ, но мы совершенно увѣрены, что черезъ тысячу лѣтъ на этой самой Медисонской аллеѣ будутъ такіе же люди. Они будутъ одинаково ходить, разговаривать, чувствовать, какъ мы съ вами, и еще черезъ тысячу лѣтъ опять будутъ такіе же люди, и такъ далѣе безъ конца.

— А въ чемъ планъ мірозданія? -- спросила дѣвушка.

— Планъ мірозданія, — отвѣтилъ Томкинсъ безъ запинки, — лежитъ въ постепенномъ воплощеніи высшихъ духовныхъ началъ. Великіе міровые законы автоматически приспособлены къ осуществленію прогресса. Въ объективномъ мірѣ мы называемъ ихъ дѣйствіе эволюціей, а субъективно сознаемъ его, какъ идеалъ. Это изнанка и правая сторона.

— Если есть прогрессъ,—быстро заговорила сухощавая дама, съ густыми черными волосами и злыми блестящими черными глазами, похожая на итальянку или на цыганку,--скажите мнѣ, зачѣмъ существуетъ зло?..

Руки у ней были небольшія, но безпокойныя. Когда она говорила, они постоянно двигались и шевелили пальцами, какъ будто перебирая воображаемое вязанье.

— Не зачѣмъ, а почему?—поправилъ Томкинсъ.—Потому что міровая идея безконечна, а явленія конечны, и она можетъ просвѣтлять ихъ только со ступени на ступень.

— Нѣтъ, зачѣмъ, зачѣмъ? — настаивала дама.—Зачѣмъ зло, пороки, убійство. Какое просвѣтленіе черезъ ненависть?

— Все это преходяще! — сказалъ Томкинсъ. — Добро вѣчно!

Безпокойные пальцы дамы замелькали въ воздухѣ.

— Я познакомилась съ сирійцами въ Нижнемъ городѣ,— сказала она.—Они говорятъ, что здѣсь есть группа эмигрантовъ, тоже азіатовъ, іезидовъ, которые поклоняются дьяволу.

Среди слушателей пробѣжалъ невольный трепетъ. Обрывки земныхъ народовъ, съѣзжавшіеся со всѣхъ сторонъ въ столицу западнаго міра, приносили съ собой свои обычаи и домашнихъ боговъ, но послѣднее сообщеніе казалось слишкомъ удивительнымъ. Почти половина искателей были коренные американцы, родомъ изъ Новой Англіи и все, что было пуританскаго въ ихъ крови, возмутилось противъ такого кощунственнаго извращенія религіи.

— Говорятъ у нихъ церковь есть,—продолжала дама,—мѣсто, гдѣ они сходятся и отправляютъ служеніе, скрытно, конечно... Но мои сирійцы обѣщали, что, можетъ быть, удастся пробраться къ нимъ.

Мистрисъ Кордиганъ съ ея стремительными манерами и безпокойными руками обладала и талантомъ заводить самыя неожиданныя знакомства.

Съ полгода тому назадъ она удивила искателей, разсказавъ свое посѣщеніе общины махдистовъ, которая тоже оказалась въ Нью-Іоркѣ и даже на своихъ собраніяхъ дѣлала складчину для помощи суданскому безумному муллѣ въ его борьбѣ противъ англичанъ.

— А знаете, почему іезиды поклоняются дьяволу, — продолжала мистрисъ Кордиганъ. — Они говорятъ: зло сильнѣе, чѣмъ добро. Міръ полонъ зла, стало быть, онъ сотворенъ не добрымъ, а злымъ, и зло есть отецъ и господинъ его!

— Съ такой религіей страшно жить! — сказалъ Томкинсъ.

— Міръ тоже страшенъ! возразила мистрисъ Кордиганъ. — Религія соотвѣтствуетъ ему!

— Страхъ себялюбивое чувство! — сказалъ Томкинсъ.

— Можно ужасаться не за себя, а за другихъ, — сказала мистрисъ Кордиганъ.—Напримѣръ, если вы видите маленькихъ дѣтей, страдающихъ и погибающихъ неизвѣстно зачѣмъ!

По лицу ея пробѣжала судорога, и безпокойные пальцы сплелись,

но тотчасъ же расплелись и зашевелились въ пространствѣ. Два года тому назадъ у ней умеръ единственный ребенокъ, и съ тѣхъ поръ эта маленькая, злая женщина поддерживала неутомимую распрю съ міозданіемъ и постоянно спрашивала свои «за что?» или «зачѣмъ?».

— Всѣ умираютъ одинаково, большіе и маленькіе — вставилъ Томкинсъ.

— Помните у Байрона, — быстро продолжала дама, — когда Каинъ спрашиваетъ, зачѣмъ долженъ ягненокъ, ужаленный змѣей, издыхать въ мученіяхъ и искупитъ ли все великолѣпіе будущихъ благъ страданіе одного несчастнаго маленькаго существа?

— Это все-таки себялюбіе, — сказалъ Томкинсъ. — Поскольку кто боится страданій, постольку сострадаетъ и другимъ. Каждый трепещетъ за себя, а не за другихъ.

— Ну, пусть за себя! — сказала мистрисъ Кордиганъ. — Мы тоже ничѣмъ не провинились. Зачѣмъ мы должны жить подъ вѣчнымъ страхомъ смертной казни, какъ осужденные преступники? Это нечестно!

— Попробуйте встать на другую точку зрѣнія! — сказалъ Томкинсъ.—Страданіе общій удѣлъ, необходимая переходная ступень, въ смерти нѣтъ ничего страшнаго. Яумру и другой умретъ, и всѣ люди умрутъ. Почему же не умереть также и ягненку или ребенку?

— Что вы говорите? — воскликнула мистрисъ Кордиганъ. — Эти разсужденія для здоровыхъ и счастливыхъ, а не для больныхъ и несчастныхъ!

Она хотѣла сказать еще что-то, но сдержалась, передернула плечами и отошла въ сторону.

Это было столкновеніе двухъ противоположныхъ системъ мышленія и чувства, между которыми не было ни перехода, ни взаимнаго пониманія.

Для мистрисъ Кордиганъ Томкинсъ, съ его благодушнымъ оптимизмомъ, не могъ быть учителемъ жизни.

Наступила неловкая пауза.

— А что такое астральное тѣло? — спросилъ благообразный человѣкъ небольшаго роста, съ сильной просѣдью въ волосахъ, но съ очень живыми, совсѣмъ юношескими глазами.

Это былъ Джибсонъ, одинъ изъ довольно крупныхъ дѣльцовъ Бруклина, который днемъ занимался сложными желѣзнодорожными и биржевыми операціями, но во время, свободное отъ игры въ повышеніе и пониженіе, тоже предавался исканію истины, хотя и на особый ладъ.

Между искателями были двѣ ступени, какъ ихъ называлъ Томкинсъ.

Верхняя ступень стремилась познать смыслъ жизни и ея нравственную оцѣнку, нижняя ступень интересовалась оккультизмомъ

и добивалась узнать, есть ли связь между міромъ естественнымъ и сверхъестественнымъ, существуютъ ли духи и т. п. Въ Америкѣ множество людей интересуется этими вопросами, и такія ученія, какъ спиритизмъ и христіанскій оккультизмъ, быстро пріобрѣтаютъ милліоны приверженцевъ.

— Астральное тѣло,—сталъ объяснять Томкинсъ—есть сила, физическое тѣло—матерія. Первое управляетъ вторымъ. Это то, что раньше называли низшая душа, *Anima*.

— А откуда извѣстно, что она существуетъ? — настаивалъ Джибсонъ.

— По свидѣтельству мудрецовъ востока, во-первыхъ, — сказалъ Томкинсъ,—которые суть единственные мудрецы міра. А во-вторыхъ, каждый можетъ удостовѣриться собственнымъ опытомъ.

Слушатели притихли. Всѣ лица обратились къ Томкинсу. Всѣ почувствовали, что онъ собирается разсказать нѣчто, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ явленій.

— Есть родъ физическаго упражненія,—сказалъ Томкинсъ,—для него нужна тренировка, какъ для атлетическихъ актовъ, особая діэта, образъ жизни, впечатлѣнія. Нужно научиться сосредоточивать свою волю и относиться къ собственному тѣлу, какъ къ постороннему объекту. Послѣ надлежащей подготовки внезапнымъ усиліемъ воли астральное тѣло отдѣляется отъ физическаго и отходитъ въ сторону. Тогда оно можетъ видѣть свою тѣлесную оболочку лежащею, какъ бездушная глина. Астральное тѣло во всемъ подобно физическому, у него есть черты лица, ноги, руки. Оно можетъ говорить, писать, двигать предметы. Но свойства его отличны отъ матеріи, оно можетъ двигаться съ быстротой мысли, исчезать и проявляться, проникать сквозь запертыя двери и желѣзныя стѣны. Я не совѣтую никому слишкомъ далеко удалять свое астральное тѣло.

— Впрочемъ эти опыты опасны,—прибавилъ Томкинсъ, послѣ короткой паузы.—Физическое тѣло нужно сторожить. Если, напримѣръ, кто-нибудь посторонній повернетъ физическое тѣло, то астральное тѣло уже не можетъ войти назадъ...

Онъ говорилъ объ отношеніяхъ астральнаго и физическаго тѣла такимъ же спокойнымъ и научнымъ тономъ, какъ будто это были мало извѣстные химическіе элементы, которые ему удалось изучить.

— А какъ оно входитъ назадъ? Какъ оно себя чувствуетъ, устаетъ ли оно, куда уходитъ послѣ смерти? — Посыпались со всѣхъ сторонъ вопросы.

— Зачѣмъ оно существуетъ? — спросила миссъ Гленморъ, невольно подражая госпожѣ Кордиганъ.

— Я не знаю зачѣмъ!—сказалъ Томкинсъ съ минутнымъ неудовольствіемъ.

Послѣдній вопросъ, несмотря на свою наивность, нѣсколько озадачилъ его. Дѣйствительно не было никакого достаточнаго основанія, чтобы астральное тѣло существовало.

— Снять бы съ него фотографію! — сказалъ Джибсонъ съ жаднымъ блескомъ въ глазахъ.

— Зачѣмъ фотографію?—возразилъ Томкинсъ своимъ насмѣшливымъ голосомъ.

— Какъ? — горячо заговорилъ Джибсонъ.—Для того, чтобы матеріализировать духъ, найти осязательный фактъ въ мистическомъ и перекинуть мостъ между двумя несоизмѣримыми мірами.

Инстинктъ дѣльца сказался въ немъ и здѣсь, въ этомъ жадномъ стремленіи къ факту и внѣшнему доказательству сверхъестественнаго, между тѣмъ какъ Томкинсъ и вся «верхняя ступень» искали внутренняго мистическаго воспріятія.

— Скажите, пожалуйста, у васъ есть тѣло?—спокойно спросилъ Томкинсъ.

— Ну, есть, положимъ,—неохотно уступилъ Джибсонъ.

— И духъ есть?—продолжалъ Томкинсъ.

— И духъ!—согласился Джибсонъ.

— И они связаны вмѣстѣ?—продолжалъ Томкинсъ.—Ну вотъ, значитъ, и мостъ существуетъ... зачѣмъ же еще фотографіи?..

Вихницкій тоже стоялъ въ группѣ у стола и внимательно слушалъ рѣчи спорящихъ. Конечно, онъ не придавалъ особенной цѣны ученію объ астральномъ тѣлѣ, но во многомъ глава искателей и даже госпожа Кордиганъ высказывали его собственныя мысли.

Особенно слова учителя о великой цѣли, которую каждый человѣкъ обязанъ поставить передъ собой, были какъ будто выхвачены у самого Вихницкаго. Нѣсколько дней тому назадъ, онъ высказалъ почти то же самое въ разговорѣ съ молодой дѣвушкой, пріѣхавшей изъ Бытоміра. Быть можетъ, именно вліяніе Томкинса помогло ему яснѣе и рѣзче формулировать свой душевный вопросъ. Юноша ясно чувствовалъ, что эти мистическіе мечтатели его родные братья и что всѣ они одинаково далеки отъ практическаго матеріализма самодовольной и преуспѣвающей Америки.

Однако спорящіе слишкомъ долго оставались въ области философскихъ умозрѣній. Онъ готовъ былъ вставить свое замѣчаніе по этому поводу, но въ эту минуту къ нему вдругъ долетѣли тихіе журчащіе звуки фортепіано, тѣ самые, которые поразили его слухъ, когда онъ въ первый разъ вошелъ въ залу. Споры искателей внезапно потеряли интересъ въ его глазахъ. Онъ отошелъ отъ стола и подошелъ къ человѣку, игравшему на фортепіано.

Очень высокая женщина, въ просторной фланелевой блузѣ и съ толстымъ вѣнкомъ свѣтлыхъ волосъ на головѣ, стояла поло-

живъ руку на фортепіано и смотрѣла на противоположную стѣну. Во всей фигурѣ ея было какое-то странное чувство неподвижности и по выраженію ея большихъ свѣтлыхъ глазъ нельзя было рѣшить, слушаетъ она музыку или думаетъ о чемъ-то, отдаленномъ за тысячи верстъ отъ этой залы, или, быть можетъ, просто дремлетъ на яву.

Звуки лились жалобно и смиренно, одна и та же музыкальная фраза въ три такта повторялась въ минорномъ тонѣ, потомъ переходила въ руладу журчащихъ звуковъ и снова выскакивала въ концѣ музыкальной волны.

Подъ руками музыканта фортепіано вздыхало и переливалось, какъ волынка или какъ тонкая свирѣль, и Вихницкому почему-то почудилось туманное утро, холмы, поросшіе верескомъ, и дикій пастухъ, сидящій на краю обрыва надъ рѣчкой бѣгущей внизу, и изливающій свое чувство въ безыскусственныхъ звукахъ въ униссонъ журчанію волны.

— Что это, Доскинъ? — невольно спросилъ онъ, подождавъ, пока музыкантъ въ сотый разъ прожурчалъ на клавишахъ свою жалобу и, наконецъ, достигъ перерыва.

— Здравствуйте, мадамъ Томкинсъ, — прибавилъ онъ, обращаясь къ дамѣ, которая была женой Томкинса.

— Это голосъ пустынь!—сказала дама, отвѣчая на вопросъ и не обращая вниманія на привѣтствіе. Ея собственный голосъ показался Вихницкому долетѣвшимъ откуда-то изъ далекаго пространства.

Музыкантъ повернулъ лицо навстрѣчу юношѣ.

— Это индѣйская пѣсня, единеніе съ природой!—сказалъ онъ.

У него были широкія скулы, обтянутыя грубой смуглой кожей и узкіе широко разставленные глаза. Онъ былъ индѣецъ чистой крови, изъ быстро угасающаго племени сіуксовъ, и имя его даже въ англизированной формѣ *Doeskin* означало: Оленья кожа.

Нѣкогда сіуксы вели упорную борьбу съ бѣлыми переселенцами и большая часть ихъ погибла въ битвахъ. Остатки племени утратили свою воинственностъ и жили на Индійской территоріи въ полуплѣнномъ состояніи, какъ скотъ, запертый въ ограду. Нѣсколько деревень основались у озера Онтаріо близъ канадской границы. Отецъ Доскина быдъ старшиной одной изъ деревень и велъ торговлю лѣсомъ. Доскинъ былъ его единственнымъ сыномъ и онъ рѣшилъ дать ему воспитаніе въ городѣ и въ самыхъ лучшихъ школахъ. Старый индійскій вождь хотѣлъ сдѣлать изъ Оленьей Кожи инженера, но молодой индіецъ еще въ дѣтствѣ цѣнилъ выше всего свою свирѣль, выдолбленную изъ рѣчного камыша. Окончивъ среднюю школу, онъ вмѣсто техническаго института, поступилъ въ музыкальную академію.

Спеціальностью своей Доскинъ избралъ фортепіано, но проис-

хожденіе все-таки сказалось. Вмѣсто культурной музыки, онъ болѣе всего интересовался пѣснями индійскихъ племенъ, ревностно собиралъ ихъ и стремился соединить ихъ въ нѣчто цѣльное и придать имъ болѣе значительное выраженіе.

Была какая-то трагическая иронія судьбы въ томъ, чтобы одинъ изъ послѣднихъ потомковъ свирѣпаго индійскаго племени, пріобщившись культурѣ, сталъ именно музыкантомъ и мечталъ о созданіи оригинальной американской музыки изъ странныхъ и простыхъ мелодій, уцѣлѣвшихъ у остатковъ туземныхъ поколѣній въ самыхъ глухихъ углахъ Соединенныхъ Штатовъ.

— Представьте себѣ индійскаго мальчика,—заговорилъ Доскинъ.—Онъ мало живетъ подъ кровлей, съ ранняго дѣтства онъ бѣгаетъ по лѣсу и по полю. Онъ сторожитъ на берегу рѣки, какъ маленькія рыбки играютъ въ мелкой водѣ. Онъ знаетъ имена всѣхъ лѣсныхъ птицъ, его учатъ различать слѣды животныхъ. Онъ умѣетъ выбирать дерево для костра и густыя вѣтви для кровли шалаша. Изъ коры простого кедра онъ дѣлаетъ себѣ челнокъ. Онъ знаетъ, когда приходитъ время любви для земляныхъ бѣлокъ. Природа для него домъ и открытая книга. Этотъ мальчикъ въ лѣтній полдень сидитъ на берегу рѣки. Птицы поютъ, вода журчитъ, облака плывутъ надъ его головой, легкій вѣтеръ шуршитъ въ вѣтвяхъ деревьевъ. Онъ беретъ свою свирѣль и въ устахъ его рождается простая пѣснь, которая отражаетъ и ручей и облака, шелестъ листьевъ въ лѣсу и щебетъ птицъ на вѣтвяхъ.

Въ коричневыхъ глазахъ музыканта проступило меланхолически-мечтательное выраженіе. Вихницкій попробовалъ приставить къ этой характерной индійской головѣ воинственный уборъ изъ орлиныхъ перьевъ, но выраженіе лица Оленьей Кожи не соотвѣтствовало представленію о свирѣпомъ индійскомъ воинѣ.

Переведя глаза на ноты, Вихницкій къ своему удивленію увидѣлъ наверху страницы изображеніе индійца, очень похожаго на Доскина, съ ногъ до головы украшеннаго перьями, съ длиннымъ копьемъ въ рукахъ и ружьемъ за плечами.

— Это портретъ моего дѣда,—сказалъ Доскинъ, слѣдуя взглядомъ за глазами Вихницкаго.—Говорятъ, что я похожъ на него лицомъ. Но вы видите эти перья. Сосчитайте-ка, сколько ихъ! Я не имѣлъ бы права носить такой уборъ. Индійскій воинъ могъ втыкать въ свои волосы по одному перу за каждаго убитаго врага...

Присмотрѣвшись къ портрету, Вихницкій увидѣлъ, что изображенный индіецъ былъ гораздо старше музыканта, хотя онъ затруднился бы опредѣлить возрастъ Оленьей Кожи по его смуглому безбородому лицу. Перьевъ въ уборѣ стараго воина было такъ много, что изъ убитыхъ имъ людей можно было бы составить цѣлую роту

— Мой дѣдъ былъ стараго закала!—сказалъ Доскинъ.—Онъ

ненавидѣлъ бѣлыхъ людей. Вы знаете, наши земли прежде были на югѣ у Миссисипи, а потомъ насъ переселили на сѣверъ. Но лучшая часть нашего племени перешла въ Канаду, гдѣ тогда было совсѣмъ пусто. Тамъ было много рыбы и дичи, но моему дѣду климатъ не нравился. Мнѣ тогда было пять лѣтъ, и онъ мнѣ постоянно говорилъ: «Помни, бѣлые люди отняли у насъ наши теплыя земли и загнали насъ въ эти снѣга, какъ россомахъ». Былъ онъ уже лѣтъ шестидесяти. А раньше, когда онъ былъ моложе, а меня еще не было на свѣтѣ, онъ, говорятъ, ходилъ на границу съ товарищами вести мелкую войну. Пикетъ подрѣжутъ, почту перебьютъ, или разграбятъ скваттера.

— Но когда онъ умеръ, мой отецъ вернулся въ штаты!— закончилъ Оленья Кожа.

Вихницкій съ удивленіемъ выслушалъ этотъ неожиданный разсказъ.

— А какая связь между портретомъ и нотами?—спросилъ онъ вдругъ, замѣтивъ, что портретъ поставленъ у первой строки нотъ въ родѣ заглавной виньетки.

— А это его пѣсня!—сказалъ Оленья Кожа.—Когда онъ былъ совсѣмъ молодой... Зимой въ Канадѣ, когда на дворѣ снѣгъ и всѣ озера замерзли, онъ все бывало поетъ ее. «Въ нашей землѣ, говоритъ, теперь воды бѣгутъ, въ нашей землѣ, говорятъ, теперь птицы поютъ»! Мой дѣдъ былъ мастеръ пѣть старыя пѣсни и даже самъ сочинялъ новые мотивы.

Мадамъ Томкинсъ тоже повернула лицо къ юношѣ.

— Мы скоро уѣзжаемъ!—сказала она.

На лицѣ ея застыло странное трагическое выраженіе, и тонъ ея словъ былъ таковъ, какъ будто она сообщала не объ отъѣздѣ, а о похоронахъ.

Мадамъ Томкинсъ была родомъ изъ самаго сердца Новой Англіи. Она выросла въ набожной и зажиточной семьѣ и пуританскій духъ ея предковъ съ ранняго дѣтства воодушевлялъ ея. Она привыкла думать, что отъ жизни слѣдуетъ брать только терніи и не обращать вниманія на ея цвѣты. Когда ей было двадцать лѣтъ, она рѣшила уѣхать миссіонеркой въ Китай. Родители пошли на компромиссъ и послали ее вмѣсто того путешествовать по Европѣ вмѣстѣ съ старой теткой. Она прожила полгода въ Италіи и годъ въ Парижѣ и, когда она вернулась, церковь пресвитеріанской общины, къ которой принадлежала ея семья, показалась ей слишкомъ голой и тѣсной. Сомнѣніе, однако, досталось ей путемъ такой тяжелой борьбы, что она даже заболѣла и одно время врачи опасались за ея разсудокъ. Впрочемъ говорили, что въ этомъ потрясеніи участвовалъ французскій художникъ, красивый и безбожный, съ которымъ молодая пуританка познакомилась въ Па-

рижѣ, и еще третье маленькое лицо безъ рѣчей, которое исчезло почти тотчасъ же, какъ и явилось на свѣтъ.

Она провела нѣсколько лѣтъ въ тщетномъ исканіи объектовъ для своего религіознаго чувства, перебывала въ десяткахъ различныхъ обществъ, отъ вегетаріанцевъ до общества реформы женскихъ одеждъ, и опять-таки чуть не уѣхала въ Сирію лечить прокаженныхъ въ подражаніе миссъ Марсденъ.

Трудно было бы сказать, что сблизило ее съ Томкинсомъ. Благодушное ученіе автоматическаго прогресса не имѣло ничего общаго съ суровымъ символомъ первороднаго грѣха, принятымъ у старинныхъ англійскихъ диссидентовъ. Быть можетъ, самая туманность философскаго мистицизма показалась ей привлекательной послѣ догматовъ, опредѣленность которыхъ не выдержала критики здраваго смысла. Въ каждой человѣческой и тѣмъ болѣе въ женской душѣ есть стремленіе къ безконечному и надміровому и мадамъ Томкинсъ удовлетворяла ему, прислушиваясь къ запутаннымъ мистическимъ построеніямъ своего мужа.

Она, однако, старалась ввести порядокъ въ нѣдра новооснованнаго общества, хотя это ей плохо удавалось. Она работала больше всѣхъ, вела книги и счеты, писала письма, разсылала приглашенія и наполовину безсознательно стремилась къ тому, чтобы придать организаціи болѣе опредѣленную форму и превратить ее по возможности въ церковь.

Мадамъ Томкинсъ рѣдко участвовала въ преніяхъ, но слушала очень внимательно. Тайно отъ міра, она вела дневникъ, куда записывала всѣ изреченія своего мужа. Въ будущемъ, если бы ей пришлось пережить его, этотъ дневникъ могъ бы стать первой священной книгой новой секты.

Впрочемъ, сильная и методическая природа мадамъ Томкинсъ не могла назваться уравновѣшенной. Послѣ потрясенія, которое она пережила въ молодости, нервы ея не были въ полномъ порядкѣ. Время отъ времени на нее находили припадки угрюмости, когда она ни съ кѣмъ не разговаривала, не выходила и все сидѣла въ своей комнатѣ и молча смотрѣла на стѣну. Мистеръ Томкинсъ былъ настолько благоразуменъ, что оставлялъ ее въ покоѣ въ это время и даже дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ.

Другое противорѣчіе природы мадамъ Томкинсъ состояло въ томъ, что она очень любила смутную и неопредѣленную музыку новѣйшей школы. Быть можетъ, это былъ ея методъ мистическаго воспріятія Она старалась отыскивать малоизвѣстныхъ и оригинальныхъ музыкантовъ, которые уклонялись отъ общепринятыхъ путей и стремились достигнуть новыхъ результатовъ въ воспріятіи гармоніи. Она ввела въ общество Оленью Кожу и еще одного молодого композитора, по происхожденію шведа, который стре-

мился объяснять музыкой самыя запутанныя мѣста изъ драмъ Ибсена.

— Мы уѣзжаемъ! — повторила миссисъ Томкинсъ.

Вихницкій вздрогнулъ. Онъ ничего не отвѣтилъ на первое сообщеніе, но теперь слова хозяйки прозвучали для него, какъ эхо.

— Куда? — спросилъ онъ поспѣшно.

— Въ Индію!—сказала мадамъ Томкинсъ.

— Въ Индію, зачѣмъ?—машинально спросилъ Вихницкій.

— За книгой!—сказала хозяйка, подчеркивая своимъ тономъ это короткое слово. — Книга скрытыхъ чудесъ. Пундитъ Ом-Раби писалъ моему мужу, что въ монастырѣ Тиртанкара въ Дели онъ найдетъ полный списокъ. Друзья зовутъ насъ,—продолжала мадамъ Томкинсъ, — и еще Анди говоритъ, что вредно оставаться столько времени далеко отъ первоисточника мудрости.

Томкинса звали Андреемъ, но она называла его Анди. Въ ея немногихъ словахъ прошли рядомъ, но не смѣшиваясь, двѣ струи, одушевлявшія общество искателей — стремленіе къ мистическому идеалу и исканіе внѣшняго откровенія.

Группа у стола разсѣялась.

— Вонъ Анди уходитъ! сказала хозяйка.

Вихницкій повернулъ голову и увидѣлъ учителя уже въ дверяхъ, хотя онъ сдѣлалъ это такъ искусно, что не обратилъ на себя ничьего вниманія.

Вихницкій тоже сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ двери.

— Я хочу попрощаться съ вами, мистеръ Томкинсъ!—сказалъ онъ.—Еще Богъ знаетъ, когда опять встрѣтимся!

— Вотъ на!—сказалъ Томкинсъ.—Развѣ вы уѣзжаете куда?

— Вы уѣзжаете!—сказалъ Вихницкій съ легкимъ удивленіемъ.

Томкинсъ часто говорилъ такъ загадочно, что нельзя было уловить истинное состояніе его мыслей.

— Ну вотъ еще!—сказалъ Томкинсъ.—Пойдемте съ нами!— прибавилъ онъ уже изъ корридора, надѣвая пальто. Оленья Кожа тоже прошелъ мимо Вихницкаго и, въ свою очередь, сталъ надѣвать пальто. Онъ, очевидно, готовился сопровождать Томкинса.

Вихницкій наполовину машинально взялъ свою шляпу.

— Куда мы пойдемъ?—спросилъ онъ уже у входной двери.

— Въ клубъ двадцатаго вѣка! — сказалъ Томкинсъ. — Тамъ тоже собралось общество, и я хочу произнести нѣсколько словъ, а мистеръ Доскинъ произнести нѣсколько звуковъ, — прибавилъ онъ, ласково улыбаясь.

Танъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ТАЙНА ЛѢСА.

Густава Гейерстама.

Со шведскаго **К. Ж.**

Далеко было до Камышеваго озера. Сначала нужно идти густымъ лѣсомъ по узкой тропинкѣ, извивавшейся между высокими соснами и частью шедшей по голымъ косогорамъ. Тамъ, гдѣ косогоры кончались, начиналось Бѣлое болото. По кочкамъ росли крошечныя карликовыя сосны, и когда цвѣла пахучка, то воздухъ наполнялся прянымъ ароматомъ, привлекавшимъ туда насѣкомыхъ. Порядочный кусокъ приходилось пройти и по болоту, и когда снова поднималась гора, и съ ея гребня виднѣлся рѣдѣющій лѣсъ и спокойная, зеркально-чистая вода, среди поросшихъ елью береговъ, то путь все еще не былъ конченъ, потому что хуторокъ стоялъ по ту сторону воды. Пѣшкомъ нужно было дѣлать большой крюкъ. Но если стать на берегу, откуда виденъ былъ хуторокъ съ его маленькими загонами, хвойнымъ лѣсомъ вокругъ покосившагося скотнаго двора и низкой избой, если позвать достаточно громко и порядочно подождать, то на другой сторонѣ появлялся маленькій, скрюченный старичокъ, въ красной шапкѣ и шерстяной курткѣ, осторожно спускался съ каменистаго пригорка и, выпихнувъ зыбкую дубовую колоду, перевозилъ зовущаго.

Переѣзжая такимъ образомъ черезъ озеро, приходилось удивляться, почему оно называлось Камышевымъ озеромъ. Настоящаго озера, собственно, не было, а просто былъ маленькій прудокъ, отрадно дѣйствовавшій послѣ долгой ходьбы въ лѣсномъ сумракѣ подъ частыми елями, обросшими длинными, сѣрыми, косматыми лишаями. И камышей тоже сначала не видно. Берега состояли изъ твердыхъ утесовъ, подъ которыми въ спокойномъ озерѣ отражались растущія на ихъ рыхлыхъ вершинахъ ели. И только въ бухтѣ, гдѣ озеро дѣлало поворотъ за гору, къ концу лѣта возвышалась густая зеленая заросль камышей, въ которыхъ каждую весну пара утокъ свивала гнѣздо, выводила птенцовъ и всѣ они безъ помѣхи плавали по гладкому зеркалу воды.

Якобъ, сидѣвшій согнувшись, на веслахъ и перевозящій путника, никогда не могъ научиться стрѣлять изъ ружья. Такъ, по крайней

мѣрѣ, говоритъ онъ самъ; однако, это вовсе не значитъ, что такъ оно на самомъ дѣлѣ и есть.

— Въ молодости,—говоритъ онъ,—я много разъ пробовалъ. Но ничего не выходило. У меня точно былъ какой-то порокъ. Я никакъ не могъ научиться зажмуривать одинъ глазъ. Поэтому ничего и не вышло изъ стрѣльбы. Теперь-то я могу зажмуривать и одинъ глазъ, и оба. Но я ужъ слишкомъ старъ, чтобъ учиться, и пусть ужъ будетъ, какъ есть.

Утки знаютъ поэтому, что ихъ никто не потревожитъ. Не обращая вниманія на надвигающуюся лодку, насѣдка и ея проворные утята подплываютъ къ самому мостику. Тамъ они выискиваютъ рыбьи потроха и картофельную шелуху, гогочутъ, ныряютъ, разговариваютъ другъ съ другомъ и ведутъ себя совсѣмъ, какъ домашнія животныя. Якобу приходится отгонять, причаливая, самыхъ дерзкихъ.

Такимъ образомъ Якобъ перевезъ многихъ путниковъ черезъ озеро, и неудивительно, что число ихъ подъ конецъ стало такъ велико. Онъ столько времени прожилъ на хуторѣ у Камышеваго озера, что никто, да пожалуй, и онъ самъ, не могъ бы сказать, когда онъ тамъ поселился. Обыкновенно туда не часто попадаетъ кто-нибудь чужой. Путь туда слишкомъ дологъ а тотъ, кто живетъ у Камышеваго озера, не многимъ можетъ,—или правильнѣе, могъ, когда жилъ,—угостить. Теперь Якобъ давно уже умеръ, и жена его тоже. Домъ развалился, поле постепенно заростаетъ сорной травой и превращается въ пустырь. Въ такой отдаленной и глухой лѣсной мѣстности, гдѣ находится Камышевое озеро, теперь никто по собственной охотѣ не селится. Прежде на свѣтѣ было больше любителей уединенія, не боявшихся пустынь.

Якобъ и его жена были два удивительныхъ отшельника, какіе еще иногда попадаются въ глубинѣ лѣсовъ, далеко отъ всякаго жилья, и если бы они захотѣли поразсказать о своей судьбѣ, то могли бы сообщить необыкновенныя вещи. Мартина, напримѣръ, видѣла лѣсную женщину и русалокъ, знала, что значатъ блуждающіе огни, свѣтившіе на Бѣломъ болотѣ, и слышала и видѣла все, что шепчетъ и шелеститъ, стонетъ и вздыхаетъ въ лѣсу, когда звѣздная, холодная зимняя ночь лежитъ надъ замерзшимъ озеромъ. Мартина знала все это очень хорошо и могла объяснить гораздо лучше и толковѣе любое колдовство, чѣмъ разныя происшествія своей однообразной жизни. Но лучше всего были ей знакомы маленькія существа, возившіяся въ чащѣ кустовъ, которыя выводили ее на правильную дорогу въ лѣсу и разставались съ ней только тогда, когда она брала ключъ съ его многолѣтняго мѣста въ щели подъ окномъ. Тогда всѣ они быстро разбѣгались на своихъ тоненькихъ быстрыхъ ножкахъ, радуясь, что проводили ее такъ далеко. И если въ это время подъ занесенными снѣгомъ елями начиналъ завывать волкъ, то Мартина знала, кого ей благодарить за то, что цѣлой добралась до дому. Якобъ всегда молча слушалъ, когда

жена разсказывала что-нибудь подобное, и иногда случалось, что онъ кивалъ головой, какъ бы давая ея словамъ то подтвержденіе, котораго они заслуживали, или въ которомъ нуждались. Но чаще онъ сидѣлъ равнодушно, уставившись глазами передъ собой, словно видѣлъ что-то, чего не могъ видѣть никто другой, и въ такихъ случаяхъ лицо его принимало строгое, почти сердитое выраженіе, какъ будто онъ хотѣлъ сказать: «Зачѣмъ ты разсказываешь такія вещи людямъ, которые сами ничего не видали? Развѣ они знаютъ что-нибудь о лѣсѣ?»

Въ молодости Якобъ былъ угольщикомъ и тогда постоянно зарабатывалъ столько, что никому не былъ въ тягость. Мартина собирала ягоды, продавала щепныя корзины, помогала въ домахъ на деревнѣ на Рождествѣ или Пасхѣ и было хорошо извѣстна во всемъ околоткѣ. Она всегда отсыпала полную мѣру, всегда ея ягоды были свѣжи и только что сорваны, и съ нею нечего было бояться, что на днѣ лежатъ зеленыя ягоды. Корзины ея были прочны и хорошо сдѣланы, она была свѣдуща въ убоѣ скотины и мастерица стряпать, несмотря на то, что жила далеко отъ населенныхъ мѣстъ. Никогда дорога не казалась ей слишкомъ длинной, и если она не много знала изъ того, что написано въ книгахъ, зато знала много другого, что съ удовольствіемъ разсказывала всякому, кому охота была ее слушать.

Впрочемъ и Якобъ былъ не такой человѣкъ, за которымъ всякій могъ угнаться. Онъ ловилъ лѣсныхъ звѣрей капканами и стрѣлялъ ихъ изъ ружья вопреки своимъ собственнымъ словамъ. Были люди, говорившіе, что въ молодости съ Якобомъ никто не могъ сравняться по мѣткости и ловкости стрѣльбы. Свою старую берданку онъ пряталъ за кроватью, а исторія о томъ, что въ молодости онъ не умѣлъ зажмурирать одинъ глазъ, была выдумана, вѣроятно, потому, что Якобъ желалъ охотиться по своему усмотрѣнію и никакъ не могъ примириться съ ограниченіями, налагаемыми мелочными охотничьими постановленіями на его согражданъ. Словомъ, въ былыя времена Якобу жилось недурно, и изъ маленькаго домика у Камышеваго озера вышли три сына, служившіе въ работникахъ по деревнямъ, гдѣ больше можно было заработать денегъ, и гдѣ никто уже не слышалъ того, о чемъ шепчетъ лѣсъ.

Вначалѣ Якобъ и Мартина говорили объ этихъ дѣтяхъ въ длинные зимніе вечера, когда кругомъ нихъ стало такъ тихо, и никто не приходилъ навѣстить ихъ. Но годы шли своимъ чередомъ, Бѣлое болото и озеро подъ ихъ окнами замерзали много разъ, и много разъ наступало лѣто и прилетали утки. Но вокругъ обоихъ стариковъ было такъ тихо, точно никогда и не было дѣтей, игравшихъ на пригоркѣ у озера, и чѣмъ дальше эта тишина продолжалась, тѣмъ тѣснѣе Якобъ и Мартина сживались другъ съ другомъ, забывая, что существуетъ свѣтъ внѣ ихъ, и находили въ порядкѣ вещей, что никто не вспоминалъ тѣхъ, которые сами забыли почти всѣхъ.

*

Лѣсъ пѣлъ обоимъ старикамъ свою пѣсню, и то, немногое, что они требовали отъ жизни, они тоже имѣли до тѣхъ поръ, пока Якобъ однажды не долженъ былъ слечь. Что это была за болѣзнь, не зналъ ни одинъ изъ нихъ, но она началась съ того, что когда онъ долго стоялъ или ходилъ, то въ ногахъ у него поднималась какая-то странная боль, и однажды утромъ, проснувшись, онъ не могъ держаться на ногахъ и долженъ былъ остаться въ постели.

— Придется тебѣ ужъ позаботиться теперь обо всемъ, Мартина,— сказалъ Якобъ.—Когда я встану, отдохнешь.

Теперь, когда Якобъ слегъ, во многомъ начались нехватки. Изъ лѣса не появлялось дичи, а изъ озера не вылавливалось рыбы. Дрова тоже не приходили сами въ домъ, и некому было помочь вырубить прорубь во льду. Но хуже всего было съ кормомъ для коровы. Мартина брала съ собой серпъ, срѣзала и приносила домой, сколько могла, травы. Но все это было ей слишкомъ трудно и тяжело. Не разъ она по нѣскольку часовъ сидѣла въ лѣсу и плакала, потому что не хотѣла плакать дома. А Якобъ лежалъ пластомъ, и хорошо еще, что онъ былъ такъ терпѣливъ и ласковъ. А то Мартина ни за что не выдержала бы.

Въ концѣ концовъ ихъ постигло величайшее несчастье: корова въ одну зиму издохла отъ голода, и Мартинѣ ничего не оставалось, какъ ходить въ деревню побираться. Тяжело это было ей, никогда ничего не просившей у людей. Она казалась маленькой и сгорбленной, шла быстро и останавливалась только на самое короткое время, сколько требовала простая вѣжливость, потому что внѣ дома Мартина никогда не чувствовала себя спокойной. Дома лежалъ Якобъ, а онъ не могъ даже пройти нѣсколько шаговъ, чтобы развести себѣ огонь, если вечеромъ становилось слишкомъ холодно. И ѣсть, кромѣ того немногаго, что она оставляла ему, уходя, было нечего. Мартина шла печальная и озабоченная, неся въ рукахъ бутылку съ молокомъ, съ нищенской сумой на спинѣ, такъ что собаки перелетали черезъ заборы на дорогу и лаяли, когда она проходила мимо.

Два года проходила такъ Мартина, и все это время Якобу не дѣлалось лучше. Но и хуже тоже не дѣлалось. Подъ конецъ не стало уже разницы между днемъ и ночью, лѣтомъ и зимою, солнцемъ и дождемъ. Осталось одна только бѣда, которой, казалось, никогда не будетъ конца.

— Еслибъ я только могъ умереть,—говорилъ обыкновенно Яковъ.— Тогда тебѣ было бы гораздо легче.

При этихъ словахъ Мартина чувствовала такую слабость, что, несмотря на всѣ старанія, не могла удержать слезъ.

— Что же будетъ со мной, если ты умрешь?—говорила она.

Въ глубинѣ души она чувствовала, что такъ плохо, какъ теперь, никогда не можетъ быть. Но сказать это ему, такому безпомощному, она не рѣшалась.

Былъ лѣтній день, и Мартина возвращалась изъ деревни домой. Немного она несла съ собой. Люди устаютъ давать тѣмъ, которые часто просятъ ихъ помощи. А побираться—тяжелое ремесло для того, кому не мила жизнь. Котомка, которую она несла на спинѣ, была поэтому легка, и бутылка съ молокомъ въ рукѣ у старушки тоже не тяжела. Солнце сильно припекало, когда Мартина шла по Бѣлому болоту. На кочкахъ наливалась морошка, а гдѣ-то далеко въ еляхъ свистѣлъ черный дроздъ. Пройдя немного дальше, Мартина нагнулась посмотрѣть на незрѣлую бруснику. Она ходила по своимъ знакомымъ мѣстамъ, нагибалась надъ кочками и все смотрѣла и смотрѣла. О, сколько завязи было! И сколько спѣлой черники! А она не могла собирать и продавать ее какъ прежде, она ходила по деревнѣ и побиралась, потому что не могла въ одно и то же время ухаживать за больнымъ и работать за обоихъ. Какъ тутъ было тихо и пустынно. Мартина уронила суму, поставила кувшинъ и присѣла. Она такъ устала, устала отъ всей жизни. Еслибъ теперь вышла лѣсная женщина и предложила ей что-нибудь. Или тотъ, чьего имени она не хотѣла назвать даже мысленно, тотъ, который всегда наготовѣ, когда человѣкъ находится въ настоящей нуждѣ. Почему онъ не появляется теперь? Почему она ничего не видитъ? Она, видѣвшая всегда столько! Почему она даже не слышитъ малютокъ въ кустахъ, когда раньше слышала такъ много? Отчего лѣсъ молчитъ? И почему нѣтъ ни одного человѣка, который проводилъ бы ее домой, посмотрѣлъ бы, какъ ей живется, помогъ въ нуждѣ и облегчилъ бы ей немного то, съ чѣмъ она, дряхлая старуха, не можетъ справиться одна?

Но лѣсъ молчалъ вокругъ Мартины. Она слышала, какъ вдали прошумѣлъ тетеревъ, задѣвая на лету крыльями о сосновыя вѣтки. Слышала, какъ ворковали горлинки своими звонкими, переливчатыми голосами и какъ странная птица, названія которой она не знала, прокричала, словно человѣкъ въ бѣдѣ. Но кромѣ этого все кругомъ нея было тихо. Лѣсъ молчалъ, она не видѣла ничего, кромѣ деревьевъ, кустовъ, мухъ, солнечнаго свѣта, моха и сѣрыхъ лишаевъ. Воздухъ трепеталъ отъ жары, и все кругомъ нея было такъ безмолвно, такъ тихо, что ей стало страшно.

Мартинѣ, всю свою жизнь прожившей въ лѣсу, слышавшей по ночамъ, какъ кричатъ лисицы, и видѣвшей, какъ въ трескучія отъ мороза, звѣздныя зимнія ночи, волки, какъ сѣрые призраки, прокрадываются къ запертому скотному двору, въ первый разъ стало страшно одной въ лѣсу. Точно деревья обступили ее слишкомъ близко, точно стало слишкомъ тихо вокругъ нея, слишкомъ пусто, слишкомъ одиноко, слишкомъ спокойно. Дрожа, она поднялась, чтобы идти. Дрожа, повѣсила суму за плечи и взяла бутылку въ руки. Дрожа, стояла, вслушиваясь въ это глубокое молчаніе, звучавшее какъ одинъ тяжелый, не прерываемый никакимъ инымъ звукамъ, вздохъ. Неувѣренными шагами

пошла она дальше и не останавливалась, пока не дошла до берега, гдѣ лежала зыбкая колода. Поспѣшно влѣзла она въ нее и оттолкнулась отъ земли. Но Мартинѣ чудилось, что за ней тянутся точно руки, которыя схватятъ ее, если она обернется. Пни въ лѣсу, гнилушки, камни, старыя, готовыя повалиться деревья, камни, покрытые мхомъ и можевельникомъ, росшимъ круглыми, косматыми шапками по косогорамъ,—всѣ жили и всѣ молчали, молчали такъ, что наполняли воздухъ своимъ молчаніемъ и превращались въ отвратительныя видѣнія, въ каменномъ безмолвіи насмѣхавшіяся надъ ея бѣдой. Мартина быстро переправилась черезъ длинное, узкое озеро. Она слышала, какъ позади нея гоготали утки, утки, которыхъ Якобъ не имѣлъ духа стрѣлять. Но она не обернулась посмотрѣть на нихъ, вытащила колоду на берегъ и скорѣе побѣжала, чѣмъ пошла, мимо ольхъ, по берегу къ избѣ. Ей казалось, что безмолвіе лѣса кричитъ и гонитъ ее впередъ.

Въ избѣ, въ кровати, лежалъ Якобъ, какъ онъ лежалъ послѣдніе два года. Когда Мартина вошла, онъ даже не открылъ глазъ, и, еще дрожа всѣмъ тѣломъ послѣ лѣсного страха, жена подошла къ плитѣ, наложила въ нее вѣтокъ и хворосту и зажгла огонь. Въ тусклой комнатѣ, куда маленькія окошки пропускали такъ мало свѣта, посвѣтлѣло. Но до того угла, гдѣ лежалъ Якобъ, отблескъ пламени не достигалъ, и съ своего мѣста Мартина не могла разобрать, спалъ ли больной, или проснулся.

— Это ты, Мартина?—раздался вдругъ голосъ Якоба изъ угла за окномъ.—Ты долго проходила.

— Я устала и сидѣла, отдыхала въ лѣсу,—возразила жена.—Какъ ты себя чувствовалъ сегодня?

— Какъ всѣ дни.

Голосъ Якоба звучалъ такъ ясно и мягко, что Мартина подошла ближе посмотрѣть на него.

— Я, должно быть, поспалъ сейчасъ немного,— сказалъ старикъ.— Это оттого, что я такъ долго лежалъ одинъ и думалъ.

— О чемъ же ты думалъ?—спросила Мартина.

Странно! Лѣсъ точно вошелъ съ ней въ избу и внесъ съ собой страхъ.

Якобъ передвинулъ голову, чтобы лучше видѣть. Теперь свѣтъ падалъ на его лицо. Оно было худое и сѣрое, какъ у человѣка, долго не видѣвшаго солнца. Но глаза старика сіяли.

— Я хотѣлъ бы еще разъ видѣть солнце, передъ смертью,—сказалъ онъ. — Я всегда любилъ солнце и спокойное озеро, и здѣшній лѣсъ. Какъ ты думаешь, можешь ты меня вынести наружу, если я буду помогать тебѣ, насколько могу?

Мартина подошла и сѣла на край постели.

— Что же ты будешь дѣлать на улицѣ?—сказала она.

Якобъ посмотрѣлъ на нее глазами, которые вдругъ стали какъ-то удивительно прозрачны.

— Я хочу умереть,—сказалъ онъ.—И ты должна мнѣ помочь. Не бойся, что я прошу тебя. Умереть не можетъ быть тяжело. Жить я больше не въ силахъ. И когда меня не будетъ, тебѣ не нужно будетъ ходить по деревнѣ и побираться, чтобы протянуть мнѣ жизнь.

Опять Мартинѣ почудилось, что страхъ изъ лѣса пришелъ съ ней въ избу. Она стиснула руки, сухія, старыя, сморщенныя руки; она поняла, чего хотѣлъ больной; задолго до того, какъ это было сказано, Мартинѣ казалось, что она слышала, что Якобъ просилъ, какъ теперь, и въ окно она видѣла, какъ свѣтило солнце и какъ спокойно сверкало Камышевое озеро.

— Ты снесешь меня въ колоду,—сказалъ старикъ,—и вытолкнешь ее въ озеро. А потомъ ступай сюда и не смотри больше.

Глаза Якоба тревожно искали глазъ жены, какъ у ребенка, просящаго исполнить самое завѣтное его желаніе. А Мартина сидѣла, и ей казалось, что иначе это и не могло быть. Вотъ чѣмъ напугалъ ее лѣсъ, вотъ о чемъ она думала, сидя тамъ, гдѣ кончается Бѣлое болото и дорога поднимается въ гору между елями.

— Когда же ты хочешь? — сказала она, и слезы капали изъ ея старыхъ глазъ.

— Сейчасъ солнце свѣтитъ,—сказалъ Якобъ.

И голосъ его зазвучалъ опять нетерпѣливо, какъ у ребенка, не желающаго ждать.

— Я два года лежалъ и думалъ только объ этомъ.

Тогда Мартина сѣла къ окну и стала думать, напрягая всѣ силы своего ума. Она никогда много не читала книгъ и знала тоже немного. Такъ она сидѣла долго, а Якобъ лежалъ молча и не мѣшалъ ея мыслямъ.

Наконецъ, Мартина встала и увидѣла, что солнце стояло еще высоко. Тогда, не говоря больше ни слова, она взяла своего стараго мужа, съ которымъ прожила столько десятковъ лѣтъ, и подняла его на постели. Потомъ она вынесла его изъ избы и посадила на лѣстницѣ. Худой онъ сталъ, тонкій и нести его было не тяжело. И вотъ Якобъ сидѣлъ и смотрѣлъ на солнце, лѣсъ, озеро и на все, что нѣкогда принадлежало ему.

— Если можешь, снеси меня дальше,—сказалъ онъ наконецъ.

Тогда Мартина снесла калѣку внизъ на берегъ и посадила въ колоду. Но сдѣлавъ это, она вся съежилась, взяла Якоба за руку и не могла выговорить ни слова.

— Вытолкни теперь колоду,—сказалъ Якобъ тихо,—а потомъ ступай въ избу и не стой здѣсь. Возьми книгу и почитай. Богъ пойметъ и проститъ. Онъ знаетъ вѣдь, какъ намъ съ тобой жилось.

И Мартина взяла руку Якоба и пожала ее на прощаніе. Потомъ отпихнула колоду отъ берега и постояла, пока она не дошла до глубокаго мѣста. Тогда она поднялась одна на гору и, войдя въ избу, достала старую книгу и попыталась читать. Читала она не библію, а

Ѳому Кемпійскаго. Но для Мартины обѣ эти книги были одинаковы, а другихъ у нея никогда и не бывало.

Вполголоса читала старуха непонятныя слова книги. Читала медленно и часто спотыкаясь, но чуждыми казались ей попадавшіяся, хорошо знакомыя слова. Въ ея времена учились немного, и большую часть того, что Мартина учила, она давнымъ-давно перезабыла. Мысли ея уходили далеко отъ словъ, и все же она находила нѣкоторое утѣшеніе въ этихъ чуждыхъ словахъ, можетъ быть, именно потому, что такъ мало въ нихъ понимала. Почитавъ, сколько ей казалось нужнымъ, она осторожно поставила книгу обратно на полку. Затѣмъ сошла опять съ горы и увидѣла, что колода плыветъ по водѣ пустая. Тогда Мартина сѣла на берегу, и то, о чемъ она тутъ думала и что видѣла, она не могла бы хорошенько разобрать. Но Мартинѣ казалось, что она думаетъ о душѣ Якоба, о себѣ самой и обо всемъ, что они вдвоемъ пережили. Простосердечно и кротко она прочитала «Отче нашъ» надъ тихой водой, въ которой отражался лѣсъ. И сдѣлавъ это, пошла опять въ избу, завѣсила окна чистыми простынями и насыпала еловыхъ вѣтокъ по дорогѣ, ведшей отъ лѣстницы къ озеру.

Послѣ того она легла въ постель и впервые заснула одна въ избѣ у Камышеваго озера.

Когда Мартина пришла въ деревню просить помочь ей найти и похоронить тѣло Якоба, она простодушно разсказала все, какъ было на самомъ дѣлѣ. Но всѣ думали, что она разсказываетъ сказку. И только когда пошли съ ней и увидѣли, что окна завѣшаны простынямп и что отъ избы до озера дорога посыпана хвоей, то повѣрили, что разсказанная ею странная вещь—правда. И когда, въ концѣ концовъ, мертвое тѣло Якоба лежало, 'завернутое въ простыню, на той самой постели, гдѣ Якобъ самъ лежалъ столько лѣтъ больной, то вокругъ него стояло много народу, гораздо больше, чѣмъ когда-либо собиралось въ низкой избѣ.

И тутъ всѣ поняли, что того, что здѣсь случилось, никто не долженъ знать. То, что случилось, было тайной лѣса, и никто изъ знавшихъ ее, не долженъ былъ открывать того, что видѣлъ и слышалъ, и не разсказывать по другимъ деревнямъ. Потому что то, что Мартина сдѣлала, она сдѣлала по простотѣ своей и изъ нужды. А такія вещи можно было видѣть только здѣсь, гдѣ лѣсъ тянулся на десятки верстъ и гдѣ безмолвное озеро отражало лѣсъ.

РОЛЬ САНИТАРНЫХЪ МѢРОПРІЯТІЙ ВЪ БОРЬБѢ ЗА ДОЛГОЛѢТІЕ.

I.

Современныя санитарныя мѣропріятія основываются на фактахъ, установленныхъ гигіенической наукой, являются практическимъ выводомъ изъ теоретическихъ изслѣдованій въ гигіенической области и въ смежныхъ съ гигіеною наукахъ. Существуетъ тѣсная взаимная связь между гигіеной, какъ наукой о сохраненіи и улучшеніи здоровья, и санитаріей, какъ прикладной ея частью—искусствомъ охранять и улучшать здоровье. Накопленіе новыхъ фактовъ относительно причинъ заболѣваній и способовъ распространенія болѣзней, смѣна научныхъ теорій быстро и неизбѣжно сказываются на санитарныхъ мѣропріятіяхъ; эти послѣднія развиваются и совершенствуются по мѣрѣ роста теоретической гигіены и отражаютъ на себѣ ея научные успѣхи и теоретическія построенія. Въ настоящее время нѣтъ почти ни одного культурнаго государства, въ которомъ бы не велась организованная борьба, борьба болѣе или менѣе систематическая противъ внѣшнихъ и внутреннихъ условій, оказывающихъ вредное вліяніе на общественное здоровье, съ помощью спеціальныхъ предупредительныхъ мѣръ, мѣръ санитарныхъ. Интересъ къ предупрежденію болѣзней, а не только къ ихъ леченію, интересъ къ охраненію здоровья и къ развитію физическихъ силъ нашего организма растетъ съ каждымъ днемъ; этотъ интересъ въ свою очередь указываетъ на общекультурный ростъ націй, такъ какъ предусмотрительность, лежащая въ основѣ всей санитарной дѣятельности, есть одинъ изъ наиболѣе типичныхъ признаковъ культурнаго человѣка: дикарь не способенъ заботиться о будущемъ, малокультурный человѣкъ не способенъ сдѣлать даже запасовъ на зиму; только человѣкъ, достигшій извѣстной высоты развитія, дѣлается способнымъ заботиться о своемъ здоровьѣ прежде, чѣмъ сдѣлается больнымъ. Послѣднимъ обстоятельствомъ, между прочимъ, и объясняется болѣе позднее развитіе научной предупредительной медицины сравнительно съ медициною лечебной. По мнѣнію отца научной гигіены Пет-

тенкофера, по систематичности борьбы съ вредными для здоровья условіями можно до извѣстной степени судить о высотѣ общей культуры.

Какія же причины вызываютъ въ настоящее время усиленныя заботы по предупрежденію болѣзней и по охраненію общественнаго здоровья?

Причины гигіеническаго движенія многочисленны и разнообразны, мы укажемъ только на самыя общія и самыя важныя. Первая причина — это постепенно распространяющееся въ обществѣ убѣжденіе, что человѣкъ съ культурою физически слабѣетъ, постепенно вырождается и живетъ меньше, чѣмъ онъ могъ бы прожить при болѣе благопріятныхъ для его здоровья условіяхъ. Вторая причина—это не менѣе глубокое убѣжденіе, что съ помощью предупредительныхъ мѣръ, рекомендуемыхъ гигіеною, возможно устранить неблагопріятныя для жизни и здоровья условія, и тѣмъ продлить жизнь.

Слѣдующія соображенія и факты покажутъ намъ, что жизнь современнаго человѣка дѣйствительно коротка, такъ какъ въ наше время только немногіе счастливцы достигаютъ преклоннаго возраста 70 — 80 лѣтъ, который, однако, по мнѣнію извѣстнаго естествоиспытателя и мыслителя И. И. Мечникова, отнюдь нельзя считать для человѣка предѣльнымъ, а смерть въ этомъ возрастѣ физіологически необходимой, естественной. Для современнаго человѣчества указанный возрастъ, однако, является идеальнымъ. Тѣмъ не менѣе мы имѣемъ право надѣяться, что указанный преклонный возрастъ, котораго достигаютъ только единицы, съ устраненіемъ наиболѣе вредныхъ для здоровья условій будетъ удѣломъ большаго числа лицъ, можетъ быть большинства. Если бы идеалъ этотъ былъ достигнутъ и въ извѣстномъ государствѣ населеніе въ среднемъ достигало бы возраста 80 лѣтъ, то изъ каждой тысячи жителей ежегодно умирало бы около 13 человѣкъ.

Таковъ идеалъ, посмотримъ, какова дѣйствительность.

Таблица I.

Коэффиціентъ общей смертности въ европейскихъ государствахъ.

на 1.000 жителей безъ мертворожденныхъ, по Бодіо.

	1874—83 г.	1884—93 г.	Къ концу XIX вѣка.
I.			
Евр. Россія	35,5	33,5	33,1
Венгрія	34,0	32,4	28,0
Испанія	30,9	31,9	31,7
Австрія	30,6	28,8	24,9
Италія	29,1	26,9	—
II.			
Германія	26,2	24,6	20,6

III.

Швейцарія............	22,9	21,5	18,9
Финляндія............	22,4	20,8	—
Франція............	22,4	22,4	24,9
Бельгія............	21,4	20,5	17,6
Англія............	20,5	19,2	17,7
Данія............	19,4	18,8	15,6
Ирландія............	18,4	18,1	—
Швеція............	18,4	17,1	15,4
Норвегія............	17,2	16,9	15,2

Изъ приведенныхъ данныхъ (табл. I) прежде всего видно, что въ Евр. Россіи, Венгріи, Испаніи, Австріи и Италіи изъ каждой тысячи населенія умираетъ ежегодно болѣе 30 человѣкъ, то-есть слишкомъ въ два съ половиною раза больше, чѣмъ слѣдовало бы, если бы большинство людей доживало до возраста 70—80 лѣтъ.

Далѣе, рѣзко бросается въ глаза также и другое обстоятельство, а именно чрезвычайно неравномѣрное распредѣленіе смертности по различнымъ государствамъ. Въ то время, какъ у насъ въ Россіи умираетъ изъ тысячи живущихъ 33 — 35 человѣкъ, въ Норвегіи умираетъ въ два раза меньше—15—18 человѣкъ на тысячу, т.-е. смертность почти достигла того минимума, который мы приняли за идеальный (13,13$^0/_0$). Въ цѣломъ рядѣ государствъ: въ Швеціи, Англіи съ Ирландіей и въ Даніи смертность меньше 20 на тысячу; въ остальныхъ европейскихъ государствахъ: въ Бельгіи, Франціи, Швейцаріи смертность въ 1884 — 1893 г. была нѣсколько выше 20 на тысячу и въ этой группѣ наибольшая смертность за этотъ періодъ времени наблюдалась въ Германіи. Достойно вниманія, что въ Финляндіи въ теченіе десятилѣтія 1884—1893 г. смертность равнялась всего 20,8 на тысячу населенія, въ то время какъ въ Европейской Россіи умирало 33,5 на тысячу.

Различія въ силѣ смертности, наблюдаемыя въ различныхъ государствахъ одного и того же континента, нѣтъ основаній объяснять племенными особенностями населенія и еще менѣе климатическими условіями. Нѣтъ, меньшая смертность среди норвежцевъ и англичанъ, сравнительно съ австрійцами, испанцами и русскими, обусловливается особенностями ихъ жизни и внѣшней обстановки, которыя въ такой же мѣрѣ могутъ быть доступны и всѣмъ другимъ европейцамъ; здѣсь нѣтъ ничего фатальнаго!

Отмѣченная неравномѣрность въ распредѣленіи смертности выступаетъ еще съ большей яркостью, если по принятымъ въ статистикѣ пріемамъ высчитать среднюю продолжительность жизни для средняго жителя каждой страны или государства.

По Бодіо, человѣкъ, родившійся въ Россіи, имѣетъ шансы про-

жить только до 28 лѣтъ, а новорожденный шведъ—до 50 лѣтъ; датчанинъ—до 48 лѣтъ и 2 мѣс.; англичанинъ—до 45 лѣтъ и 3 мѣсяцевъ.

Если же, пользуясь тѣмъ же самымъ пріемомъ, высчитать шансы на долговѣчность для дѣтей, уже достигшихъ пятилѣтняго возраста, то шведъ, прожившій первые пять лѣтъ, можетъ расчитывать прожить до 56 лѣтъ, испанецъ и австріецъ—до 48 лѣтъ, въ большинствѣ остальныхъ европейскихъ государствахъ (за исключеніемъ Россіи) болѣе 50 лѣтъ.

Слѣдовательно, въ странахъ съ наименьшей смертностью люди уже и въ настоящее время въ среднемъ достигаютъ, если не идеальнаго возраста 80 лѣтъ, то до значительнаго возраста въ 56 лѣтъ.

Далѣе. При сравненіи цифръ, выражающихъ среднюю продолжительность жизни, нельзя не обратить вниманія на то, что шансы на долголѣтіе для дѣтей различныхъ странъ, достигшихъ пятилѣтняго возраста, значительно возрастаютъ, иными словами, наибольшую опасность для жизни дѣтей представляетъ возрастъ до одного года.

Слѣдующія данныя, указывающія на высоту смертности дѣтей до одного года, въ различныхъ странахъ, еще ярче иллюстрируютъ отмѣченную выше связь между высотой дѣтской смертности, средней продолжительностью жизни и величиной общей смертности.

Таблица II.

Дѣтская смертность на первомъ году жизни.

На сто дѣтей, рожденныхъ живыми, умирали на первомъ году жизни:

Страны:	1874—83 г.	1884—93 г.	Страны:	1874—83 г.	1883—93 г
Россія . .	*27,9*	*26,6*	Англія и Уэльсъ	14,4	14,6
Австрія .	25,1	24,9	Данія	14,1	13,4
Италія . .	20,8	19,0	Швеція . . .	12,8	10,7
Пруссія .	20,8	20,8	Шотландія . .	12,0	12,2
Нидерланды	19,2	17,5	Норвегія . . .	19,3	9,5
Финляндія	16,8	14,9	Ирландія . . .	*9,7*	*9,5*
Франція .	16,5	16,7			

Такимъ образомъ, наибольшая смертность дѣтей наблюдается именно въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ, какъ мы видѣли, наблюдается и наибольшая общая смертность; Россія по смертности дѣтей занимаетъ первое мѣсто; первое же мѣсто принадлежало ей и по общей смертности. Второе мѣсто по дѣтской смертности принадлежитъ Австріи и по общей смертности Австро-Венгрія идетъ тотчасъ послѣ Россіи.

Точно также страны съ наименьшей общей смертностью—Англія, Данія, Швеція, Норвегія—отличаются и наименьшей дѣтской смертностью: въ нихъ въ возрастѣ до одного года умираетъ отъ 14 до 10% дѣтей, между тѣмъ какъ въ странахъ первой категоріи умираетъ отъ 21 до 28% новорожденныхъ дѣтей.

Если отъ приведенныхъ среднихъ цифръ для цѣлыхъ странъ пе-

рейти къ менѣе крупнымъ территоріальнымъ единицамъ, то, напримѣръ, у насъ въ Россіи мы найдемъ мѣстности съ ужасающей дѣтской смертностью: такова Пермская губернія, въ которой дѣтская смертность достигаетъ 48%, а въ отдѣльныхъ уѣздахъ и приходахъ этой губерніи повышается до 60% (по д-ру Русскихъ) и даже до 80% (по д-ру Никольскому).

Не зависи отъ силы рождаемости, приведенные факты, касающіеся дѣтской смертности, весьма краснорѣчиво указываютъ, что санитарныя и всѣ другія мѣропріятія, имѣющія цѣлью бороться съ высокой смертностью населенія въ данной странѣ, должны быть направлены прежде всего на устраненіе причинъ, вызывающихъ высокую дѣтскую смертность. Борьба противъ чрезмѣрной дѣтской смертности, очевидно, должна занимать важное мѣсто въ общей борьбѣ человѣчества за долголѣтіе повсюду и особенно у насъ въ Россіи.

Въ предыдущемъ изложеніи мы употребляли выраженіе «борьба за долголѣтіе», понимая подъ этимъ борьбу противъ вредныхъ для здоровья условій.

Есть ли, однако, какія-нибудь основанія думать, что приведенные выше коэффиціенты общей и дѣтской смертности могутъ измѣняться въ благопріятную для населенія сторону подъ вліяніемъ сознательной дѣятельности человѣка, или цѣлой группы лицъ?

Отвѣтъ на поставленный вопросъ даетъ разсмотрѣніе измѣненія смертности отдѣльныхъ странъ во времени (табл. I).

Сравнивая общую смертность по отдѣльнымъ государствамъ за десятилѣтіе 1874—83 гг., затѣмъ за 1884—93 гг. и, наконецъ, за послѣднія 7 лѣтъ прошлаго столѣтія, мы замѣчаемъ, что въ послѣднюю четверть или даже треть XIX вѣка во всѣхъ европейскихъ государствахъ, за исключеніемъ одной Испаніи, общая смертность постепенно уменьшается, хотя и не въ одинаковой степени въ различныхъ странахъ. Напримѣръ, въ Европейской Россіи смертность за указанный періодъ времени почти не уменьшилась—уменьшилась на ничтожную цифру 35 человѣкъ на каждые сто тысячъ населенія; при томъ и это уменьшеніе шло не постепенно, а съ колебаніями: въ десятилѣтіе 1884—93 гг. вслѣдствіе эпидеміи холеры, смертность была больше, чѣмъ въ предыдущее десятилѣтіе.

Въ тотъ же промежутокъ времени въ Австріи и особенно въ Германіи смертность уменьшилась чрезвычайно рѣзко: въ Австріи съ 39,6 до 24,8, а въ Германіи съ 26,2 до 20,6 на тысячу жителей.

Чрезвычайно интересно, что общая смертность продолжаетъ уменьшаться также и въ тѣхъ странахъ, гдѣ она была сравнительно невысока и четверть вѣка назадъ, напримѣръ, въ Англіи, Швеціи и Норвегіи. Въ послѣднихъ государствахъ въ настоящее время смертность едва превышаетъ 15 на тысячу населенія, т.-е. въ два слишкомъ раза меньше, чѣмъ смертность въ Европейской Россіи.

Изъ приведенныхъ выше статистическихъ данныхъ вытекаютъ два главныхъ вывода:

1) что жизнь современнаго человѣка, дѣйствительно, слишкомъ коротка и преждевременно прерывается и

2) что подъ вліяніемъ какихъ-то причинъ въ послѣднюю треть вѣка въ большинствѣ европейскихъ государствъ смертность уменьшается, но не во всѣхъ и не одинаково.

Какія же причины вызываютъ уменьшеніе смертности среди населенія Европы? Отвѣтъ на поставленный вопросъ дастъ намъ изученіе причинъ, вызывающихъ преждевременную смерть.

Какъ извѣстно, самой частой причиной преждевременной смерти являются болѣзни. Изъ данныхъ общей баварской статистики причинъ смерти оказывается, что отъ старческой дряхлости, т.-е. отъ естественной смерти, вслѣдствіе истощенія физическихъ силъ, умираетъ не болѣе 7—10 человѣкъ изъ ста умершихъ отъ всѣхъ причинъ. (Майръ, стр. 450—451). Интересно, что цифра эта почти совсѣмъ не измѣняется во времени. Въ то же время отъ острыхъ и хроническихъ не хирургическихъ болѣзней умираетъ до 75% всѣхъ умершихъ.

По даннымъ той же баварской статистики, за пятилѣтіе 1890—94 г. приходилось умершихъ для каждой изъ слѣдующихъ важнѣйшихъ причинъ смерти слѣдующія доли:

	1890 г.	1891 г.	1892 г.	1893 г.	1894
На болѣзни развитія .	22,2	21,5	21,8	22,3	21,3
На заразныя и общія .	30,0	29,9	39,1	29,3	30,8
На мѣстныя болѣзни .	42,4	43,0	42,6	43,0	42,6

Такимъ образомъ, около одной трети всѣхъ смертныхъ случаевъ приходится на долю заразныхъ болѣзней, въ борьбѣ съ которыми, какъ мы увидимъ, гигіеническія мѣропріятія являются наиболѣя дѣйствительными.

Не вполнѣ соотвѣтствующая медицинскимъ требованіямъ группировка болѣзней въ только что приведенныхъ данныхъ о причинахъ смерти, позаимствованныхъ нами изъ общей, а не медицинской статистики, несомнѣнно уменьшаетъ количество смертныхъ случаевъ, причиной которыхъ являются заразныя болѣзни, такъ какъ, напримѣръ, не въ группу заразныхъ, а къ мѣстнымъ болѣзнямъ могли быть отнесены заразныя заболѣванія кишекъ и желудка и притомъ такія, какъ дѣтскіе поносы, которые въ общей суммѣ смертныхъ случаевъ составляютъ значительную долю. Со включеніемъ острыхъ катарровъ кишекъ, по даннымъ спеціально медицинской статистики, въ слѣдующихъ большихъ русскихъ городахъ отъ заразныхъ болѣзней умирало:

въ Москвѣ, по д-ру Остроглазову, 60% (1878—80 г.).
въ Петербургѣ, по д-ру Загорскому, 63% (1881—85 г.).
въ Варшавѣ, по д-ру Полякъ, 56% (1882—93 г.).

Слѣдуя подраздѣленію болѣзней, данному еще Дженомъ Симономъ, на неустранимыя и устранимыя, къ которымъ онъ причисляетъ заразныя болѣзни, въ нашихъ большихъ городахъ, по приведеннымъ даннымъ, отъ устранимыхъ болѣзней умираетъ двѣ трети всѣхъ умершихъ и менѣе одной трети умираетъ отъ причинъ, устранить которыя гигіена и медицина, въ широкомъ смыслѣ слова при ихъ настоящемъ состояніи не могутъ, напримѣръ, наслѣдственные пороки развитія и нѣкоторыя другія, или отъ соціальныхъ причинъ, которыя выходятъ за предѣлы ихъ компетенціи, какъ, напримѣръ, болѣзни, поддерживаемыя бѣдностью и невѣжественностью населенія.

Изъ сказаннаго видно, что въ современномъ обществѣ для гигіениста открывается широкая и плодотворная дѣятельность, и въ идеалѣ онъ можетъ надѣяться съ помощью предупредительныхъ мѣропріятій спасти отъ насильственной смерти двѣ трети преждевременно оканчивающихъ жизнь.

II.

Какъ бы ни были краснорѣчивы приведенныя данныя статистики смертности и болѣзненности, они не могли бы настолько сильно подѣйствовать на массу населенія и настолько повліять на общественные и правительственные органы, чтобы заставить ихъ принять активное участіе въ санитарныхъ мѣропріятіяхъ.

Первый толчокъ къ организованнымъ мѣропріятіямъ по предупрежденію общества отъ усиленной заболѣваемости и вызываемой этой заболѣваемостью усиленной смертности дала эпидемія холеры, разразившаяся надъ Европой въ 30—40 годахъ прошлаго столѣтія. Массовыя заболѣванія холерой и массовые смертельные случаи, безпомощность лечебныхъ мѣропріятій противъ свирѣпствующей болѣзни, уносящей каждый день сотни и тысячи жизней, все это вызвало панику въ населеніи, дискредитировало лечебную медицину и вызвало стремленіе найти новые пути и новые способы борьбы съ эпидеміями вообще.

На путь практическихъ мѣропріятій по охраненію общественнаго здоровья выступила первой Англія. Несмотря на то, что медицинская наука въ то время не имѣла точныхъ свѣдѣній о причинахъ заразныхъ болѣзней и о способахъ ихъ распространенія и могла только утверждать, что причины заразныхъ болѣзней нужно искать внѣ насъ, что заразныя болѣзни заносны, какъ холера, которая изъ Азіи дѣлаетъ на Европу набѣги,—санитарная дѣятельность въ Англіи сразу приняла вѣрное направленіе: она обратилась на оздоровленіе той внѣшней среды, среди которой живетъ человѣкъ и которая при извѣстныхъ условіяхъ становится удобной почвой для развитія заразныхъ началъ или посредникомъ въ переносѣ заразы съ больного на здоровыхъ.

По Бекэнену, санитарныя мѣропріятія, предпринятыя въ это время въ Англіи, состояли въ дренажѣ почвы, подпочвы и осушеніи домовъ; въ улучшеніи водоснабженія—въ исправленіи старыхъ и постройкѣ новыхъ водопроводовъ; въ очищеніи почвы внутри населенныхъ мѣстъ, т.-е. въ организаціи для быстраго удаленія способныхъ къ разложенію органическихъ веществъ за предѣлы селеній и въ предупрежденіи зараженія ими воды, воздуха и почвы. Съ этою цѣлью въ городахъ было устроено удаленіе нечистотъ по подземнымъ трубамъ (канализація); были улучшены выгребныя ямы, гдѣ уничтожить ихъ по мѣстнымъ условіямъ было нельзя, въ домахъ вмѣсто старыхъ отхожихъ мѣстъ были устроены водяные клозеты; кромѣ того, было обращено вниманіе на соблюденіе общественной опрятности: на мощеніе и содержаніе въ чистотѣ улицъ. Перечисленныя мѣры были пополнены реформою жилыхъ помѣщеній: были изданы распоряженія противъ скученности населенія, а также относительно содержанія меблированныхъ комнатъ и другихъ подобнаго рода учрежденій.

Всѣ такого рода мѣропріятія, направленныя на оздоровленіе внѣшней среды—почвы, воздуха, воды—были проведены одновременно, систематически и настойчиво и не замедлили сказаться на уменьшеніи смертности отъ нѣкоторыхъ наиболѣе губительныхъ и тяжелыхъ въ соціальномъ отношеніи болѣзней, напримѣръ, отъ брюшного тифа.

Смертность отъ брюшного тифа послѣ періода санитарныхъ реформъ упала въ 21 англійскихъ городахъ на 33 и даже на 75 %.

Столь блестящіе результаты, полученные въ Англіи съ помощью общихъ санитарныхъ мѣропріятій, послужили первымъ толчкомъ къ развитію санитарнаго дѣла на континентѣ Европы. Расцвѣтъ теоретической гигіены, созданной трудами Петтенкофера и его учениковъ въ Германіи; геніальныя открытія Пастера въ области этіологіи и предупрежденія заразныхъ болѣзней во Франціи; дальнѣйшее развитіе бактеріологіи подъ вліяніемъ открытій Коха и его школы—все это дало и теоретическія основанія, и практическія указанія для дальнѣйшихъ санитарныхъ мѣропріятій.

Подъ вліяніемъ гигіенической науки создалась спеціальная отрасль техники—санитарная техника, давшая и дающая цѣлый рядъ техническихъ сооруженій, преслѣдующихъ цѣль сдѣлать внѣшнюю среду—естественную и искусственную—менѣе вредной для человѣческаго здоровья, уменьшить шансы получить болѣзнь извнѣ и этимъ способствовать сохраненію и развитію нашего здоровья: таковы отвѣчающія требованіямъ гигіены частныя и общественныя жилища, хорошіе водопроводы съ чистой и здоровой водой, канализаціи для удаленія нечистотъ, печи для сжиганія мусора и т. д., и т. д.

Послѣ Англіи, начиная съ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, особенной послѣдовательностью и настойчивостью въ борьбѣ съ заразными болѣзнями, а слѣдовательно въ борьбѣ за долголѣтіе, съ по-

мощью санитарныхъ мѣропріятій отличается Германія и въ настоящее время также достигла чрезвычайно ощутительныхъ результатовъ.

Въ цѣломъ рядѣ нѣмецкихъ городовъ вслѣдъ за устройствомъ водопроводовъ и канализаціи, какъ и въ англійскихъ городахъ, смертность отъ заразныхъ болѣзней постепенно начала падать. Благодаря усиліямъ Петтенкофера, напримѣръ, г. Мюнхенъ, имѣвшій прочную репутацію города нездороваго, въ которомъ эпидеміи брюшного тифа не прекращались, сдѣлался послѣ санитарныхъ реформъ городомъ здоровымъ, свободнымъ отъ брюшнотифозныхъ эпидемій. Въ Мюнхенѣ смертность отъ брюшного тифа съ 255 случаевъ на 100.000 населенія послѣ санитарныхъ реформъ упала до 10 уже къ концу 80-хъ годовъ; въ Данцигѣ—съ 130 до 6; во Франкфуртѣ—на Майнѣ смертность отъ брюшного тифа и эпидеміи шли, постепенно уменьшаясь, по мѣрѣ того, какъ увеличивалось число домовъ, присоединившихся къ городской канализаціонной сѣти: еще въ семидесятыхъ годахъ во Франкфуртѣ—на—Майнѣ смертность отъ брюшного тифа доходила до 110 и болѣе на 100.000 жителей; по мѣрѣ развитія въ городѣ раціональнаго способа удаленія нечистотъ къ 1893 г. смертность упала до 5-ти человѣкъ на 100.000 населенія.

Въ высокой степени поучительную картину даетъ ходъ смертности отъ брюшного типа въ Берлинѣ по даннымъ, обработаннымъ докторомъ Т. Вейлемъ.

За 15 лѣтъ (съ 1858 по 1875 г.), въ теченіе которыхъ жители Берлина пользовались хорошей водой изъ водопровода, но не имѣли канализаціи, смертность отъ брюшного тифа уменьшилась съ 44 до 25 случаевъ на каждую тысячу умершихъ, но это уменьшеніе шло не равномѣрно, а прерывалось болѣе или менѣе жестокими эпидеміями, причемъ самая жестокая эпидемія тифа за этотъ промежутокъ времени вспыхнула въ 1872 г. и дала огромную цифру смертности въ 46 человѣкъ на 1.000 умершихъ. Начиная съ 1876 г., когда началась въ Берлинѣ постройка канализаціи, смертность отъ брюшного тифа стала постепенно падать и къ 1890 г. достигла ничтожной цифры 4 случаевъ изъ тысячи смертныхъ случаевъ. Въ настоящее время Берлинъ эпидемій тифа не знаетъ.

Санитарное движеніе въ Германіи началось съ конца 60-хъ годовъ и продолжаетъ развиваться до настоящаго момента, завоевывая все больше и больше симпатіи массы населенія и правящихъ сферъ, не смотря на крупныя затраты, которыя требуются на устройство основныхъ санитарныхъ сооруженій—водопроводовъ, канализаціи, устройство боенъ, хорошихъ зданій для школъ и т. д.

Разгорѣвшійся въ 70-хъ годахъ теоретическій споръ о способахъ распространенія холеры и брюшного тифа раздѣлилъ гигіенистовъ на два лагеря: одни видѣли спасеніе отъ холеры и тифа въ устройствѣ водопроводовъ (школа Коха), другіе—въ мѣрахъ, охраняющихъ отъ

загрязненія почву (школа Петтенкофера), не отрицая, однако, важности снабженія населенныхъ мѣстъ чистой и здоровой водой и другихъ санитарныхъ мѣръ. Къ счастью, теоретическія несогласія между представителями почвенной теоріи распространенія тифа и холеры—«локалистами» и «контагіонистами»—защитниками теоріи распространенія этихъ болѣзней питьевой водой, въ общемъ не вызывали важныхъ разногласій на практикѣ, и санитарныя мѣропріятія, въ большинствѣ случаевъ, направлялись и на улучшеніе водоснабженія, и на очищеніе почвы путемъ раціональной организаціи удаленія нечистотъ и дали, какъ мы видѣли, превосходные результаты.

Опытъ показалъ, далѣе, что санитарныя мѣропріятія общаго характера: улучшеніе водоснабженія, удаленія нечистотъ, улучшенія жилищъ и т. п. представляютъ не только отличное средство борьбы съ брюшнымъ тифомъ, но оказываютъ вообще благотворное вліяніе на здоровье жителей, уменьшаютъ заболѣваемость и смертность также и отъ другихъ болѣзней.

Для доказательства только что высказанной мысли достаточно привести данныя д-ра Вейля относительно уменьшенія дѣтской смертности въ Берлинѣ послѣ начала санитарныхъ реформъ.

Возрастъ	Изъ 1.000 живущихъ въ Берлинѣ умирало: 1871 г.	1875 г.	1880 г.	1885 г.	1890 г.
отъ 0 до 1 года. .	590	481	444	321	321
» 1 » 5 лѣтъ. .	189	174	139	117	107

Такимъ образомъ за послѣднее тридцатилѣтіе въ Берлинѣ смертность среди дѣтей въ возрастѣ до одного года уменьшилась почти въ два раза.

Чтобы убѣдиться, что санитарныя мѣропріятія вліяютъ на уменьшеніе смертности и болѣзненности сами по себѣ, въ извѣстныхъ предѣлахъ независимо отъ общекультурныхъ и соціальныхъ условій той или иной страны, достаточно указать измѣненіе смертности отъ брюшного тифа въ Варшавѣ. Несмотря на то, что санитарныя мѣропріятія въ Варшавѣ еще находятся въ періодѣ развитія, смертность отъ брюшного тифа съ 110 человѣкъ (1880 г.) упала до 20 на 100.000 населенія (1890 г.). При этомъ и общая смертность въ Варшавѣ съ 32 человѣкъ на каждую тысячу населенія понизилась къ 1895 г. до 25 (д-ръ Полякъ).

Не менѣе поучительную картину уменьшенія общей смертности подъ вліяніемъ двухъ важнѣйшихъ санитарныхъ сооруженій—водопровода и канализаціи—даетъ г. Одесса. Въ 1837 г. въ Одессѣ умирало 33 человѣка изъ тысячи населенія, въ 1883 г.—умирало уже только 29 чел., въ 1886 г.—28, а въ 1893 г. смертность понизилась до 25. Уменьшеніе смертности шло шагъ за шагомъ съ увеличеніемъ расхода воды изъ водопровода, т.-е. съ расширеніемъ водопроводной сѣти и съ уве-

личеніемъ числа домовъ, которые начали спускать нечистоты въ городскіе стоки (д-ръ Діатроптовъ).

Необходимо прибавить, что смертность и еще въ Одессѣ продолжаетъ уменьшаться: въ 1895 г. она равнялась уже на 22 на тысячу жителей и имѣетъ тенденцію понижаться далѣе.

Результаты санитарныхъ мѣропріятій поразительные, особенно, если принять во вниманіе, что въ 1890 г. въ Одессѣ числилось 48 съ половиною тысячъ однихъ евреевъ, находящихся въ тискахъ крайней нужды, почти нищихъ (32% всего еврейскаго населенія); условія жизни вообще и квартиры поистинѣ ужасны (Бродовскій. «Еврейская нищета въ Одессѣ». 1902 г.); кромѣ евреевъ, въ Одесскомъ портѣ круглый годъ работаютъ и живутъ тысячи «босяковъ», стекающихся сюда со всѣхъ концовъ Россіи и Сибири.

Въ настоящее время, подъ вліяніемъ санитарныхъ мѣропріятій, въ большихъ западно-европейскихъ городахъ общая смертность упала ниже 20 на тысячу, между тѣмъ какъ въ началѣ 80-хъ годовъ стояла выше 30 (Лондонъ, Берлинъ и друг.).

Не представляя собою специфическаго средства, указанныя выше общесанитарныя мѣры являются по настоящее время самымъ лучшимъ предупредительнымъ средствомъ противъ тѣхъ заразныхъ болѣзней, противъ которыхъ наука пока еще не открыла специфическихъ средствъ онѣ, способствуя развитію частной и общественной опрятности, уменьшаютъ шансы зараженія изъ окружающей насъ обстановки, укрѣпляютъ здоровье и поэтому облегчаютъ борьбу съ болѣзнями всякими другими средствами и способами. Когда идетъ рѣчь о систематическомъ оздоровленіи населенныхъ мѣстъ, необходимо начинать съ устройства хорошаго водоснабженія, съ организаціи удаленія нечистотъ, съ улучшенія жилищъ, вообще съ заботъ о доставленіи возможности жить опрятнѣе, а затѣмъ или одновременно съ этимъ организовать борьбу съ болѣзнями иными способами. Вліяніе такого рода мѣропріятій на уменьшеніе болѣзненности и смертности не только отъ брюшного тифа, но и отъ другихъ заразныхъ болѣзней не подлежитъ сомнѣнію.

Въ литературѣ, напримѣръ, имѣются данныя относительно того, что общесанитарныя мѣропріятія уменьшаютъ заболѣваемость маляріей; очевидно, что здѣсь на ослабленіе заболѣваемости вліяетъ осушеніе почвы вслѣдствіе спеціальнаго дренажа или осушеніе почвы, которое является какъ побочное слѣдствіе послѣ прокладыванія трубъ для удаленія нечистотъ. Труднѣе поддаются объясненію факты, достовѣрность которыхъ, однако, нѣтъ основаній отрицать, доказывающіе, что вслѣдъ за осушеніемъ городской почвы уменьшается болѣзненность и смертность отъ чахотки. По Боудиту въ 325 американскихъ городахъ смертность отъ чахотки уменьшилась послѣ осушенія городской почвы. О томъ же докладывалъ въ 1898 г. на международномъ конгрессѣ по гигіенѣ и демографіи д-ръ Дэвисонъ. Такое же явленіе отмѣчаетъ

д-ръ Полякъ и въ Варшавѣ. Можетъ быть, въ этихъ городахъ осушеніе почвы значительно повліяло на осушеніе подвальныхъ и другихъ жилищъ, въ которыхъ ютится бѣдная часть населенія большихъ городовъ.

Точно также подъ вліяніемъ санитарныхъ улучшеній въ большинствѣ западно-европейскихъ государствъ совершенно исчезли эпидеміи сыпного тифа—этого народнаго бича во время недородовъ и войнъ. Во время войны 1866 г. въ прусскихъ войскахъ умерло отъ ранъ 4.450, а отъ болѣзней, преимущественно отъ сыпного тифа, 6.437 солдатъ. Въ войну 1870—1871 гг. въ германской арміи не было больныхъ сыпнымъ тифомъ и вообще отъ болѣзней умерло вдвое меньше, чѣмъ отъ пуль и штыковъ,—такъ хорошо въ войскахъ была организована санитарная часть.

У насъ въ Россіи въ 1893 г. умерло отъ сыпного тифа 8.856 ч.; въ 1894 г.—6.000 ч. и въ 1895 г.—5.125 человѣкъ.

Возвратный тифъ въ настоящее время въ Германіи представляетъ большую рѣдкость, а у насъ въ Россіи не только въ деревняхъ, но и въ столицахъ нерѣдко больницы переполняются больными возвратнымъ тифомъ и ежегодно отъ него умираетъ по 3—4 тысячи человѣкъ.

Противъ сыпного и возвратнаго тифа до настоящаго времени специфическихъ предохранительныхъ средствъ не найдено; несмотря на это, эти болѣзни подъ вліяніемъ общихъ санитарныхъ мѣропріятій, почти исчезли.

Мы остановились нѣсколько подробно на значеніи общихъ мѣропріятій по оздоровленію городовъ и вообще населенныхъ мѣстъ потому что въ послѣднее время у насъ въ Россіи подъ вліяніемъ увлеченія второстепенными способами борьбы съ заразными болѣзнями нѣкоторые гигіенисты начали умалять роль старыхъ испытанныхъ способовъ, за дѣйствительность которыхъ краснорѣчиво говорятъ приведенные выше факты и опытъ большинства культурныхъ націй. Подрывать значеніе общесанитарныхъ мѣропріятій въ странѣ, гдѣ пониманіе ихъ значенія только-только начало прививаться въ обществѣ, значитъ, по нашему мнѣнію, сбивать общественное мнѣніе съ правильнаго пути и наносить вредъ общественному здоровью.

Совсѣмъ иное дѣло, если бы намъ задали вопросъ—должны ли всѣ заботы объ охраненіи общественнаго здоровья, вся санитарная дѣятельность исчерпываться вышеуказанными мѣропріятіями по оздоровленію воды, почвы, воздуха, жилищъ? Конечно, нѣтъ.

Вмѣстѣ съ ними должна быть еще организована борьба съ болѣзнетворными зародышами въ моментъ ихъ выдѣленія больными, т.-е. организована соотвѣтственнымъ образомъ изоляція больныхъ отъ здоровыхъ и дезинфекція заразительныхъ выдѣленій, жилищъ, бѣлья и другихъ предметовъ, бывшихъ въ соприкосновеніи съ больными.

Пользуясь яркимъ сравненіемъ Дюкло, нельзя отрицать, что слѣдуетъ

ловить преступниковъ на мѣстѣ преступленія, но къ сожалѣнію микробы, какъ и преступники, въ громадномъ большинствѣ случаевъ исчезаютъ гораздо раньше, чѣмъ прибудутъ на мѣсто преступленія власти для ареста виновныхъ. Только въ тѣхъ относительно немногихъ случаяхъ, когда къ больному былъ приглашенъ своевременно врачъ и своевременно былъ поставленъ правильный діагнозъ болѣзни, возможно сдѣлать своевременную, а не запоздалую дезинфекцію.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что только въ тѣхъ городахъ и селеніяхъ дезинфекція дастъ хорошіе результаты, въ которыхъ предварительно проведены необходимыя общесанитарныя мѣры по снабженію населенія хорошой водой, по удаленію нечистотъ и т. д., пріучающія населеніе къ опрятности. Общесанитарныя мѣропріятія можно сравнить съ мѣрами по распланированію селеній съ цѣлью обезопасить ихъ отъ большихъ пожаровъ, а роль дезинфекціи—съ ролью пожарныхъ командъ, необходимыхъ для тушенія начавшагося уже пожара. Тѣ люди, которые думаютъ, что можно дезинфекціей замѣнить общесанитарныя мѣры, дѣлаютъ ту же грубую ошибку, какъ и люди, которые стали бы утверждать, что не нужно заботиться о безопасной въ пожарномъ отношеніи постройкѣ селеній, а слѣдуетъ только завести въ каждомъ селеніи хорошую пожарную команду.

Далѣе, необходимо организовать санитарную статистику, которая своевременно извѣщаетъ о началѣ и ходѣ эпидемій, борьбу противъ фальсификаціи пищевыхъ продуктовъ и напитковъ, больничное дѣло и т. д. и т. д.

III.

Развитіе ученія о заразныхъ болѣзняхъ, дальнѣйшее изученіе біологическихъ свойствъ, вызывающихъ болѣзни микроорганизмовъ, которымъ наука и жизнь обязаны трудамъ Коха, Ру, Мечникова, Беринга и цѣлой плеяды бактеріологовъ, дало въ руки общественной гигіены новый могущественный способъ борьбы противъ заразныхъ болѣзней и высокой смертности. Этотъ способъ имѣетъ своимъ объектомъ не внѣшнюю среду, какъ вышеописанныя санитарныя мѣропріятія, а самого человѣка; онъ стремится съ помощью специфическихъ пріемовъ усилить или создать вновь у каждаго человѣка невоспріимчивость по отношенію къ какой-нибудь одной болѣзни, искусственно возбуждая и усиливая защитительныя способности организма.

Изученіе естественнаго и искуственнаго иммунитета создало спеціальную отрасль предохранительной медицины — предохранительныя прививки. Несмотря на то, что предохранительныя прививки противъ оспы были эмпирически найдены Дженнеромъ еще въ концѣ XVIII столѣтія (въ 1798 г.) и скоро нашли себѣ широкое практическое примѣненіе, раціональный путь для дальнѣйшихъ изслѣдованій и открытій въ этой области былъ проложенъ только со времени открытія міра

микроскопически малыхъ существъ—патогенныхъ микроорганизмовъ, только послѣ того, какъ Пастеръ выработалъ способъ предохранительныхъ прививокъ противъ бѣшенства и противъ сибирской язвы. Открытія не заставили себя ждать: въ настоящее время мы имѣемъ предохранительныя прививки противъ оспы, бѣшенства и сибирской язвы; мы имѣемъ сыворотку Беринга и Китазато противъ дифтерита, сыворотку Марморека и Мозера противъ скарлатины и заболѣваній, вызываемыхъ гноеродными кокками, напримѣръ, противъ родильной горячки и др.; прививки Хавкина противъ бубонной чумы—одного изъ страшнѣйшихъ бичей человѣчества. Нужно надѣяться, что въ этой области ближайшее будущее подаритъ человѣчеству еще новыя блестящія открытія, напримѣръ, предохранительныя прививки противъ туберкулеза, холеры, тифовъ и даже противъ сифилиса.

Можно ли въ настоящее время учесть съ цифрами въ рукахъ, какую помощь оказали предохранительныя прививки въ борьбѣ съ заразными болѣзнями?

Къ сожалѣнію, убѣдительныя данныя имѣются только по отношенію къ предохранительнымъ прививкамъ противъ оспы, потому что относительно ихъ имѣется уже болѣе, чѣмъ столѣтній опытъ.

Предохранительныя прививки противъ оспы дали поразительные результаты въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ съ наибольшей послѣдовательностью и строгостью проведенъ принципъ обязательнаго прививанія оспы, напримѣръ, въ Англіи и въ Германіи.

Въ XVIII вѣкѣ въ Лондонѣ на долю умершихъ отъ оспы приходилось около одной десятой всѣхъ смертныхъ случаевъ. Въ концѣ прошлаго XIX вѣка во всей Англіи умерло отъ оспы всего 16 человѣкъ на милліонъ населенія.

Въ Пруссіи до введенія обязательнаго оспопрививанія умирало отъ оспы до ста человѣкъ на сто тысячъ населенія, а въ 1897 году во всей Германіи, т.-е. на 56 милліоновъ жителей, умерло отъ оспы только трое.

Значительно меньшихъ результатовъ въ борьбѣ противъ оспы достигли тѣ государства, въ которыхъ прививки оспы не были обязательны: во Франціи въ пятилѣтіе 1889—94 г. умирало по 149 человѣкъ, въ Венгріи по 155, въ Бельгіи по 253, въ Австріи по 638 человѣкъ ежегодно изъ милліона населенія.

Послѣднею же причиною объясняются столь малые успѣхи оспопрививанія въ Россіи съ тою особенностью, что страшнымъ тормазомъ для развитія оспопрививанія у насъ являются безграмотность населенія и суевѣрная боязнь прививокъ (антихристова печать).

По отчету медицинскаго департамента, за 1893—95 г. смерность отъ оспы въ Россіи равнялась слѣдующимъ абсолютнымъ цифрамъ:

Въ 1893 г.	Въ 1894 г.	Въ 1895 г.
77.659	43.877	41.098

Въ послѣдніе года были сильныя эпидеміи оспы въ Петербургѣ и въ сѣверозападныхъ губерніяхъ Россіи въ городахъ и селеніяхъ, въ которыхъ оспа уже довольно давно не давала сильныхъ эпидемій.

На основаніи приведенныхъ данныхъ нельзя не согласиться съ мнѣніемъ, высказаннымъ высшимъ санитарнымъ учрежденіемъ Франціи при обсужденіи проекта закона объ обязательномъ прививаніи оспы во Франціи: «оспа должна исчезнуть окончательно изъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ подъ вліяніемъ обязательнаго оспопрививанія и ревакцинаціи», т.-е. повторныхъ прививокъ черезъ 5-6 лѣтъ.

Второе мѣсто послѣ прививокъ противъ оспы, по значенію въ общественной гигіенѣ и въ практической медицинѣ, безспорно принадлежитъ прививкамъ противъ дифтерита — этого бича дѣтскаго возраста, которыя были открыты въ 1890 г. Берингомъ и японскимъ ученымъ Китазато.

По отчетамъ иностранныхъ и нѣкоторыхъ русскихъ больницъ со времени введенія противудифтеритныхъ прививокъ (съ 1894 г.) смертность отъ дифтерита понизилась. По даннымъ, приводимымъ Мечниковымъ въ Западной Европѣ смертность отъ дифтерита подъ вліяніемъ леченія его сывороткой съ 50—60% понизилась до 12—14%.

То же самое явленіе замѣчается и въ отдѣльныхъ городахъ. Напримѣръ, въ Марсели, по проф. Л. Д'Астросъ, до введенія противудифтеритныхъ прививокъ на каждыя сто тысячъ населенія умирало отъ дифтерита по 86—198 человѣкъ ежегодно; а затѣмъ число смертей отъ дифтерита начало постепенно уменьшаться и къ 1902 г. спустилось до 13 человѣкъ на сто тысячъ населенія!

Русская статистика не даетъ, къ сожалѣнію, для оцѣнки противудифтеритныхъ прививокъ столь убѣдительныхъ данныхъ, какъ вышеприведенныя.

Въ этомъ нѣтъ однако ничего удивительнаго, если принять во вниманіе, что противодифтеритная сыворотка существенно отличается отъ противуоспенной лимфы и детрита; она принадлежитъ болѣе къ средствамъ лечебнымъ, чѣмъ предохранительнымъ; предохранительный эффектъ ея очень кратковременень—невоспріимчивость къ новому заболѣванію дифтеритомъ у привитого субъекта сохраняется только въ теченіе 2—3-хъ недѣль. По этой причинѣ районъ ея примѣненія уже ограничивается больницами и частной практикой врачей. Принявъ во вниманіе далѣе, что въ неземской Россіи одинъ врачъ приходится на сто слишкомъ тысячъ населенія, и только четыре кровати на каждыя десять тыс. жителей, не трудно себѣ представить, что у насъ еще долго огромный процентъ больныхъ дифтеритомъ останется не только безъ сывороточнаго, но и безъ всякаго леченія, а слѣдовательно очень не скоро можно ожидать у насъ замѣтнаго пониженія смертности отъ дифтерита подъ вліяніемъ предохранительныхъ прививокъ.

Въ настоящее время весь медицинскій міръ находится въ періодѣ увлеченія предохранительными прививками: лучшія научныя силы направлены на изобрѣтеніе специфическихъ сывороток противъ наиболѣе губительныхъ болѣзней—тифовъ, туберкулеза и другихъ.

Гигіенисты не составляютъ исключенія и нѣкоторые изъ нихъ ждутъ отъ этого движенія полнаго рѣшенія вопроса о борьбѣ съ заразными болѣзнями и даже всѣхъ вопросовъ общественнаго здравоохраненія.

Простой идеалъ — сдѣлать человѣческій организмъ невоспріимчивымъ ко всѣмъ или къ большинству заразныхъ болѣзней съ помощью одного или нѣсколькихъ впрыскиваній соотвѣтственной предохранительной сыворотки, по нашему мнѣнію, не можетъ и не долженъ удовлетворять мыслящаго гигіениста, несмотря на всю его кажущуюся простоту. Идеалы и задачи гигіены значительно шире, а средства къ охраненію и улучшенію здоровья разнообразнѣе. Эта мысль нуждается въ поясненіи.

Дѣло въ томъ, что искусственный иммунитетъ (невоспріимчивость), который имѣютъ цѣлью вызвать у человѣка съ помощью предохранительныхъ прививокъ, не увеличиваетъ запаса силъ въ организмѣ, а наоборотъ—ихъ расходуетъ. Онъ является ничѣмъ инымъ, какъ тяжелымъ добавочнымъ налогомъ на клѣтки организма и притомъ налогомъ на военныя надобности въ цѣляхъ обороны противъ нападенія того или другого болѣзнетворнаго микроорганизма. Клѣтки организма подъ вліяніемъ предохранительныхъ прививокъ должны производить усиленный расходъ своей потенціальной энергіи на усиленіе оборонительныхъ средствъ организма; вслѣдствіе этого на другіе потребности организма—его такъ сказать, «внутреннія дѣла», на производительную дѣятельность—энергіи останется меньше, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы клѣтки его не были обременены усиленнымъ и постояннымъ расходомъ энергіи на военныя надобности. По этой причинѣ для того, чтобы человѣческій организмъ безъ ущерба для его общаго здоровья былъ въ состояніи вынести длительный иммунитетъ отъ многихъ болѣзней, необходимо прежде изыскать средства для увеличенія количества потенціальной энергіи, запаса жизненыхъ силъ.

Въ настоящее время мы не располагаемъ другими средствами, чтобы увеличить запасъ жизненныхъ силъ въ организмѣ, кромѣ улучшенія его питанія и улучшенія всей его жизненной обстановки, начиная съ раціональнаго физическаго воспитанія грудныхъ дѣтей и кончая мѣропріятіями, имѣющими цѣлью улучшить жизнь и условія и обстановку труда взрослыхъ. Вотъ почему задачи гигіены и должны быть шире и средства ея значительно разнообразнѣе, чѣмъ предохранительныя прививки, какого бы совершенства онѣ ни достигли. Задача гигіены, по Петтенкоферу, заключается не только въ томъ, «чтобы отдалить смерть, но и сдѣлать развитіе человѣка болѣе совершеннымъ, упадокъ менѣе быстрымъ, жизнь болѣе сильною».

Нельзя не отмѣтить, что для достиженія указанныхъ цѣлей во всей ихъ полнотѣ далеко не всегда достаточно однихъ медицинскихъ и гигіеническихъ средствъ, такъ какъ многіе моменты, предрасполагающіе къ заболѣваніямъ или препятствующіе успѣшной борьбѣ съ ними, лежатъ внѣ компетенціи врача, напримѣръ, народное невѣжество, плохое питаніе, непосильный трудъ и нѣкоторые другіе. Въ этихъ случахъ гигіенистъ ищетъ себѣ союзниковъ внѣ медицинскихъ сферъ; онъ проводитъ свои идеи въ общественное сознаніе и осуществляетъ ихъ съ помощью общественныхъ учрежденій или при содѣйствіи государства, въ формѣ положительнаго закона. Гигіеническое движеніе въ послѣднее время нашло себѣ практическое выраженіе въ цѣломъ рядѣ санитарныхъ законовъ, изданныхъ въ Германіи, Австріи и во Франціи. У насъ въ Россіи оно сказалось въ развитіи земской и городской санитаріи, въ законѣ объ охранѣ труда, отчасти въ области школьной гигіены.

Въ настоящее время потребность въ сближеніи гигіенистовъ съ соціологами и съ законодательными сферами настолько созрѣла, что въ Германіи и Франціи возникла спеціальная вѣтвь гигіены, которая получила названіе «соціальной гигіены», терминъ только отчасти соотвѣтствующій нашему термину «общественная гигіена».

Нужно надѣяться, что эта отрасль гигіены соединитъ между собою дѣйствующія въ разбродъ не медицинскія и медицинскія силы, направленныя на борьбу со злѣйшими врагами человѣчества—тѣми болѣзнями, причины которыхъ лежатъ глубоко въ общихъ условіяхъ современной жизни и борьба съ которыми должна вестись не одними медико-санитарными средствами, но и при дѣятельномъ участіи болѣе широкихъ круговъ общества и государственной власти. Первое мѣсто среди такихъ болѣзней у насъ въ Россіи безспорно принадлежитъ болѣзнямъ перваго дѣтскаго возраста, а затѣмъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ—туберкулезу, сифилису и болѣзнямъ, вызываемымъ алкоголизмомъ.

Мы надѣемся, что приведенные факты, хотя отчасти, дали представленіе о томъ, какихъ ощутительныхъ, можно сказать, огромныхъ результатовъ достигла гигіена въ борьбѣ съ болѣзнями, какая видная роль принадлежитъ ей въ борьбѣ человѣчества за долголѣтіе, какіе широкіе горизонты она открываетъ для гуманной дѣятельности всякому образованному человѣку и въ особенности врачу!

Проф. **Г. В. Хлопинъ.**

КОРЬ.

I.

Передъ обѣдомъ докторъ Ильяшенко и студентъ Воскресенскій искупались. Жаркій юго-восточный вѣтеръ развелъ на морѣ крупную зыбь. Вода у берега была мутная и рѣзко пахла рыбой и морскими водорослями; горячія качающіяся волны не освѣжали, не удовлетворяли тѣла, а, наоборотъ, еще больше истомляли и раздражали его.

— Вылѣзайте, коллега,—сказалъ докторъ, поливая пригоршнями свой толстый, бѣлый животъ.—Такъ мы до обморока закупаемся.

Отъ деревянной кабинки нужно было подыматься вверхъ, на гору, по узкой тропинкѣ, которая была зигзагами проложена въ сыпучемъ черномъ шиферѣ, поросшемъ корявымъ дубнячкомъ и блѣдно-зелеными кочнями морской капусты. Воскресенскій взбирался легко, шагая рѣдко и широко своими длинными, мускулистыми ногами. Но тучный докторъ, покрывшій голову, вмѣсто шляпы, мокрымъ полотенцемъ, изнемогалъ отъ зноя и одышки. Наконецъ, онъ совсѣмъ остановился, держась за сердце, тяжело дыша и мотая головой.

— Фу! Не могу больше... Хоть снова полѣзай въ воду... Постоимъ минутку...

Они остановились на плоскомъ закругленіи между двумя колѣнами дорожки, и оба повернулись лицомъ къ морю. Взбудораженное вѣтромъ, мѣстами ослѣпительно освѣщенное солнцемъ, мѣстами затѣненное облаками,—оно все пестрѣло разноцвѣтными заплатами. У берега широко бѣлѣла пѣна, тая на пескѣ кисейнымъ кружевомъ, дальше шла грязная лента свѣтло-шоколаднаго цвѣта; еще дальше—жидкая зеленая полоса, вся сморщенная, вся изборожденная бѣлыми гребнями волнъ, и, наконецъ—могучая, спокойная синева глубокаго моря съ неправдоподобными яркими пятнами—то густо-фіолетовыми, то нѣжно-малахитовыми, съ неожиданными блестящими кусками, похожими на ледъ, зане-

сенный снѣгомъ. И вся эта живая мозаика казалась опоясанной у горизонта черной, спокойной, неподвижной лентой безбрежной дали.

— А все-таки здорово какъ! — сказалъ докторъ.—Красота, вѣдь, а?

Онъ протянулъ впередъ короткую руку, съ толстенькими, какъ у младенца, пальцами, и широко, по театральному, черкнулъ ею по морю.

— Да... ничего,—равнодушно отвѣтилъ Воскресенскій и зѣвнулъ полупритворно.—Только надоѣдаетъ скоро. Декорація.

— Та-акъ! Мы ихъ ѣли. Это, знаете, анекдотъ есть такой,—пояснилъ Ильяшенко.—Пришелъ солдатъ съ войны къ себѣ въ деревню, ну и, понятно, вретъ, какъ слонъ. Публика, конечно, обалдѣмши отъ удивленія. «Были мы, говоритъ, на Балканахъ, въ самыя, значитъ, облака забрались, въ самую середку».—«Ахъ, батюшки, да неужто-жъ въ облака?» А солдатъ этакъ съ равнодушіемъ: «А что намъ облака? Мы ихъ ѣли. Все одно, какъ стюдень».

У доктора Ильяшенка была страсть разсказывать анекдоты, особенно изъ простонароднаго и еврейскаго быта. Въ глубинѣ души онъ думалъ, что только по капризному расположенію судьбы изъ него не вышло большого актера. Дома онъ изводилъ жену и дѣтей Островскимъ, а въ гостяхъ у паціентовъ любилъ декламировать никитинскаго «Ямщика», причемъ неизмѣнно для этого вставалъ, переворачивалъ передъ собою стулъ и опирался на его спинку вывороченными врозь руками. Читалъ же онъ самымъ неестественнымъ, нутрянымъ голосомъ, точно чревовѣщатель, полагая, что именно такъ и долженъ говорить русскій мужикъ.

Разсказавъ анекдотъ о солдатѣ, онъ тотчасъ же, первый, радостно захохоталъ свободнымъ груднымъ смѣхомъ. Воскресенскій принужденно улыбнулся.

— Видите ли, докторъ... югъ,—началъ онъ вяло, точно затрудняясь въ словахъ,—не люблю юга. Здѣсь все какъ-то... масляно, какъ-то... не знаю... чрезмѣрно. Ну, вотъ, цвѣтетъ магнолія... позвольте, да развѣ это—растеніе? Такъ и кажется, что ее нарочно сдѣлали изъ картона, выкрасили зеленой масляной краской, а сверху навели лакъ. Природа! Солнце встало изъ-за моря—и жара, а вечеромъ бултыхъ за горы—и сразу ночь. Нѣту птицъ. Нѣтъ нашихъ сѣверныхъ зорь съ холодной росой, съ запахомъ молодой травки, нѣтъ поэзіи сумерокъ, съ жуками, съ соловьемъ, со стадомъ, бредущимъ въ пыли. Какая-то оперная декорація, а не природа...

— Въ ва-ашемъ до-омѣ,—сиплымъ теноркомъ запѣлъ докторъ.—Извѣстно—вы кацапъ.

— А эти лунныя ночи, чортъ бы ихъ дралъ!—продолжалъ Во-

скресенскій, оживляясь отъ давнишнихъ мыслей, которыя онъ до сихъ поръ думалъ въ одиночку.—Одно мученье. Море лоснится, камни лоснятся, деревья лоснятся. Олеографія! Цикады дурацкія орутъ, отъ луны никуда не спрячешься. Противно, безпокойно какъ то, точно тебя щекочутъ въ носу соломинкой.

— Варваръ! Зато, когда у васъ въ Москвѣ 25 градусовъ мороза и даже городовые трещатъ отъ холода,—у насъ цвѣтутъ розы, и можно купаться.

— И южнаго народа не люблю,—упрямо продолжалъ студентъ, слѣдившій за своими мыслями.—Скверный народишко—лѣнивый, сладострастный, узколобый, хитрый, грязный. Жрутъ всякую гадость. И поэзія у нихъ какая-то масляная и приторная... Вообще—не люблю.

Докторъ остановился, развелъ руками и сдѣлалъ круглые, изумленные глаза.

— Тю-тю-тю-у!—засвисталъ онъ протяжно.—И ты, Брутусъ? Узнаю духъ нашего почтеннаго патрона въ вашихъ словахъ. Русская пѣсня, русская рубаха, а? Русскій Богъ и русская подоплёка? Жидишки, полячишки и прочіе жалкіе народишки? А?

— Будетъ вамъ, Иванъ Николаичъ. Оставьте,—рѣзко сказалъ Воскресенскій. Лицо у него вдругъ поблѣднѣло и сморщилось, точно отъ зубной боли.—Тутъ смѣяться не надъ чѣмъ; вы знаете хорошо мои взгляды. Если я до сихъ поръ не сбѣжалъ отъ этого попугая, отъ этого гороховаго шута, то только оттого, что ѣсть надо, а это все скорѣе прискорбно, чѣмъ смѣшно. Довольно и того, что за двадцать пять рублей въ мѣсяцъ я ежедневно отказываю себѣ въ удовольствіи высказать то, что меня давитъ... душитъ за горло... что оподляетъ мои мысли!..

— Прелесть, ну зачѣмъ такъ сильно!

— У! Я бы ему сказалъ много разныхъ словъ!—воскликнулъ злобно студентъ, потрясая передъ лицомъ крѣпкимъ, побѣлѣвшимъ отъ судорожнаго напряженія кулакомъ. — Я бы... О, какой это шарлатанъ!.. Ну, да, ладно... Не на вѣкъ связаны.

Глаза доктора вдругъ съузились и увлажнились. Онъ взялъ Воскресенскаго подъ руку и, баловливо прижимаясь головой къ его плечу, зашепталъ:

— Слушайте, радость, зачѣмъ такъ кирпичиться? Ну что толку, если вы Завалишина изругаете? Вы его, онъ васъ—и выйдетъ шкандалъ въ благородномъ домѣ, и больше ничего. А вы лучше соедините сладость мести съ пріятностями любви. Вы бы Анну Георгіевну... а? Или уже?

Студентъ промолчалъ и дѣлалъ усилія высвободить свою руку изъ рукъ доктора, но тотъ еще крѣпче притиснулъ ее къ себѣ и продолжалъ шептать, гадко играя смѣющимися глазами.

— Чудакъ-человѣкъ, вы вкусу не понимаете. Женщинѣ 35 лѣтъ, самый расцвѣтъ, огонь... тѣлеса какія! Да будетъ вамъ жасминничать—она на васъ, какъ котъ на сало, смотритъ. Чего тамъ стѣсняться въ родномъ отечествѣ? Запомните афоризмъ: женщина съ опытомъ подобна вишнѣ, надклеванной воробьемъ—она всегда слаще... Эхъ, гдѣ мои двадцать лѣтъ?—заговорилъ онъ по театральному, высокимъ блеющимъ горловымъ голосомъ.— Гдѣ моя юность! Гдѣ моя пышная шевелюра, мои тридцать два зуба во рту и...

Воскресенскому удалось, наконецъ, вырваться отъ повисшаго на немъ доктора, но сдѣлалъ онъ это такъ грубо, что обоимъ стало неловко.

— Простите, Иванъ Николаичъ, а я... не могу такихъ мерзостей слушать... Это не стыдливость, не цѣломудріе, а... просто грязно, и... вообще... не люблю я этого... не могу...

Докторъ насмѣшливо растопырилъ руки и хлопнулъ себя по ляжкамъ.

— Очарованіе мое, значитъ, вы не понимаете шутокъ? Я самъ вполнѣ уважаю чужія убѣжденія, и, увѣряю васъ, радуюсь, когда вижу, что среди нынѣшней молодежи многіе смотрятъ чисто и честно на эти вещи, но почему же нельзя пошутить? Сейчасъ же фрр... и хвостъ вѣеромъ. Къ чему?

— Извините,—глухо сказалъ студентъ.

— Ахъ, родной мой, я же, вѣдь, это не къ тому. Но только всѣ вы теперь какіе-то дерганые стали. Вотъ и вы: здоровенный мущинище, грудастый, плечистый, а нервы, какъ у институтки. Кстати, знаете что,—прибавилъ докторъ дѣловымъ тономъ, — вы бы, сладость моя, порѣже купались. Особенно въ такую жару. А то знаете, можно съ непривычки перекупаться до серьезной болѣзни. У меня одинъ паціентъ нервную экзему схватилъ отъ того, что злоупотреблялъ моремъ.

Они шли теперь по послѣднему, почти ровному излому тропинки. Справа отъ нихъ обрывалась круто внизъ гора и безконечно далеко уходило кипящее море, а слѣва лѣпились по скату густые кусты шиповника, осыпаннаго розовыми, нѣжными цвѣтами, и торчали изъ красно-желтой земли, точно спины лежащихъ животныхъ, большіе, сѣрые, замшѣлые камни. Студентъ смущенно и сердито глядѣлъ себѣ подъ ноги.

«Не хорошо это вышло, — думалъ онъ, морщась. — Нелѣпо какъ-то. Въ сущности, докторъ славный, добрый человѣкъ, всегда внимательный, уступчивый, ровный. Правда, онъ держитъ себя немножко паяцомъ и болтливъ, ничего не читаетъ, сквернословитъ, опустился, благодаря легкой курортной практикѣ... Но все-таки онъ хорошій, а я поступилъ съ нимъ рѣзко и невѣжливо».

А Ильяшенко въ это время безпечно сбивалъ тросточкой тонкіе бѣлые цвѣточки павилики, крѣпко пахнувшей горькимъ миндалемъ, и напѣвалъ вполголоса:

Въ вашемъ д-омѣ узналъ я впервые-ые...
Сладость чистай и нѣжн-ай любви.

II.

Они вышли на шоссе. Надъ бѣлой каменной оградой, похожей своею массивностью на крѣпостную стѣну, возвышалась дача, затѣйливо и крикливо выстроенная въ видѣ стилизованнаго русскаго терема, съ коньками и драконами на крышѣ, со ставнями, пестро разрисованными цвѣтами и травами, съ рѣзными наличниками, съ витыми колонками, въ формѣ бутылокъ, на балконахъ. Тяжелое и несуразное впечатлѣніе производила эта вычурная, пряничная постройка на фонѣ сіяющаго крымскаго неба и воздушныхъ, сѣро-голубыхъ горъ, среди темныхъ, задумчивыхъ, изящныхъ кипарисовъ и могучихъ платановъ, обвитыхъ сверху донизу плющомъ, вблизи отъ прекраснаго, радостнаго моря. Но ея владѣлецъ, Павелъ Аркадьевичъ Завалишинъ—бывшій корнетъ армейской кавалеріи, затѣмъ коммиссіонеръ по продажѣ домовъ, позднѣе—нотаріусъ въ крупномъ портовомъ городѣ на югѣ, а нынѣ извѣстный нефтяникъ, пароходовладѣлецъ и предсѣдатель биржевого комитета,—не чувствовалъ этого рѣжущаго глазъ противорѣчія. «Я русскій и потому имѣю право презирать всѣ эти ренессансы, рококо и готики!—кричалъ онъ иногда, стуча себя въ грудь.—Намъ заграница не указъ. Будетъ-съ: довольно накланялись. У насъ свое, могучее, самобытное творчество, и мнѣ, какъ русскому дворянину, начихать на иностранщину!»

На огромномъ нижнемъ балконѣ уже былъ накрытъ столъ. Дожидались Завалишина, который только что пріѣхалъ изъ города и переодѣвался у себя въ комнатѣ. Анна Георгіевна лежала на креслѣ-качалкѣ, томная, изнемогающая отъ жары, въ легкомъ халатѣ изъ молдаванскаго полотна, шитаго золотомъ, съ широкими, разрѣзными до подмышекъ рукавами. Она была еще очень красива, тяжелой, самоувѣренной, пышной красотой,—красотой полной, хорошо сохранившейся брюнетки южнаго типа.

— Здвавствуйте, доктовъ,—сказала она низкимъ голосомъ, чуть-чуть картавя.—Отчего вы вчера не догадались пріѣхать? У меня была такая мигрень!

Не подымаясь съ кресла, она лѣниво протянула Ивану Николаевичу руку, причемъ свисшій внизъ рукавъ открылъ круглое, полное плечо съ бѣлой оспинкой и голубыя жилки на внутрен-

немъ сгибѣ локтя, и темную хорошенькую родинку немного повыше. Анна Георгіевна (она требовала почему-то, чтобы ее называли не Анной, а Ниной) знала цѣну своимъ рукамъ и любила ихъ показывать.

Ильяшенко приникъ къ протянутой рукѣ такъ почтительно, что ее пришлось у него выдернуть насильно.

— Вотъ видите, какой у насъ докторъ галантный,—сказала Анна Георгіевна, переводя на Воскресенскаго смѣющіеся, ласковые глаза. — А вы никогда у дамъ рукъ не цѣлуете. Медвѣдь. Подите сюда, я перевяжу вамъ галстухъ. Вы, Богъ знаетъ, какъ одѣваетесь!

Студентъ неуклюже подошелъ и нагнулся надъ ней, ощущая сквозь сильный ароматъ духовъ запахъ ея волосъ. Ловкіе, нѣжные пальцы забѣгали по его шеѣ.

Воскресенскій былъ цѣломудренный молодой человѣкъ въ прямомъ, здоровомъ смыслѣ этого слова. Конечно, еще съ первыхъ классовъ гимназіи онъ, по наслышкѣ, зналъ все, что касается самыхъ интимныхъ отношеній между женщиной и мужчиной, но его просто никогда не тянуло дѣлать то, что дѣлали и чѣмъ хвастливо гордились его товарищи. Въ немъ сказывалась спокойная и здоровая кровь устойчивой старинной поповской семьи. Но и лицемѣрнаго, ханжескаго негодованія противъ «безстыдниковъ» у него не было. Онъ равнодушно слушалъ то, что говорилось по этому поводу, и не возмущался, если при немъ разсказывали тѣ извѣстные «анекдотцы», безъ которыхъ въ русскомъ интеллигентномъ обществѣ не обходится ни одинъ разговоръ.

Онъ хорошо понималъ, что значило постоянное заигрываніе съ нимъ Анны Георгіевны. Здороваясь и прощаясь, она подолгу задерживала его руку въ своей мягкой, изнѣженной и, въ то же время, крѣпкой рукѣ. Она любила, шутя, ерошить ему волосы, звала его иногда покровительственно уменьшительнымъ именемъ, говорила при немъ рискованныя, двусмысленныя вещи. Если имъ обоимъ случалось нагнуться надъ альбомомъ или опереться рядомъ на перила балкона, слѣдя за пароходомъ въ морѣ, она всегда жалась къ нему плечомъ и горячо дышала ему въ шею, причемъ завитки ея жесткихъ курчавыхъ волосъ щекотали его щеку.

И она возбуждала въ Воскресенскомъ странное, смѣшанное чувство—боязливости, стыда, страстнаго желанія и отвращенія. Когда онъ думалъ о ней, она представлялась ему такой же чрезмѣрной, ненатуральной, какъ и южная природа. Ея глаза казались ему черезчуръ выразительными и влажными, волосы черезчуръ черными; губы были неправдоподобно ярки. Лѣнивая, глупая, безпринципная и сладострастная южанка чувствовалась въ каждомъ ея движеніи, въ каждой улыбкѣ. Если она подходила къ

студенту слишкомъ близко, то онъ сквозь одежду, на разстояніи, ощущалъ теплоту, исходящую отъ ея большого, полнаго, начинающаго жирѣть тѣла.

Двое подлѣтковъ-гимназистовъ, съ которыми занимался Воскресенскій, и три дѣвочки, поменьше, сидѣли за столомъ, болтая ногами. Воскресенскій, стоявшій согнувшись, поглядѣлъ на нихъ искоса, и ему вдругъ стало совѣстно за себя и за нихъ, и въ особенности за голыя, теплыя руки ихъ матери, которыя двигались такъ близко передъ его губами. Онъ неожиданно выпрямился съ покраснѣвшимъ лицомъ.

— Позвольте, я самъ,—сказалъ онъ хрипло.

На балконѣ показался Завалишинъ, въ фантастическомъ русскомъ костюмѣ: въ чесунчовой поддевкѣ поверхъ шелковой голубой косоворотки и въ высокихъ лакированныхъ сапогахъ. Этотъ костюмъ, который онъ всегда носилъ дома, дѣлалъ его похожимъ на одного изъ провинціальныхъ садовыхъ антрепренеровъ, охотно щеголяющихъ передъ купечествомъ широтой натуры и одеждой въ русскомъ стилѣ. Сходство дополняла толстая золотая цѣпь черезъ весь животъ, бряцавшая десятками брелоковъ и жетоновъ.

Завалишинъ вошелъ быстрыми, тяжелыми шагами, высоко неся голову и картинно расправляя обѣими руками на двѣ стороны свою пушистую, слегка сѣдѣющую бороду. Дѣти, при его появленіи, вскочили съ мѣстъ. Анна Георгіевна медленно встала съ качалки.

— Здравствуйте, Иванъ Николаичъ. Здравствуйте, Цицеронъ,—сказалъ Завалишинъ, небрежно протягивая руку студенту и доктору.—Кажется, я заставилъ себя ждать? Боря, молитву.

Боря съ испуганнымъ видомъ залепеталъ:

— Оч-чи всѣхъ на тя, Господи, уповаютъ...

— Прошу,—сказалъ Завалишинъ, короткимъ жестомъ показывая на столъ.—Докторъ, водки.

Закуска была накрыта сбоку на отдѣльномъ маленькомъ столикѣ. Докторъ подошелъ къ ней шутовскимъ шагомъ, немного согнувшись, присѣдая, подшаркивая каблуками и потирая руки.

— Одному фрукту однажды предложили водки,—началъ онъ по обыкновенію паясничать.—А онъ отвѣтилъ: «нѣтъ, благодарю васъ; во-первыхъ, я не пью, во-вторыхъ, теперь еще слишкомъ рано, а въ-третьихъ, я уже выпилъ».

— Изданіе двадцатое,—замѣтилъ Завалишинъ.—Возьмите икры.

Онъ придвинулъ доктору деревянный лакированный ушатъ, въ которомъ, во льду, стояла серебряная бадья съ икрой.

— Удивляюсь, какъ вы можете въ такую жару пить водку,—сказала, морщась, Анна Георгіевна.

Завалишинъ поглядѣлъ на нее съ серьезнымъ видомъ, держа у рта серебряную чеканную чарочку.

— Русскому человѣку отъ водки нѣтъ вреда,—отвѣтилъ онъ внушительно.

А докторъ, только что выпившій, громко крякнулъ и прибавилъ діаконскимъ басомъ:

— Во благовременіи... Что же, Павелъ Аркадьевичъ? Отецъ Мелетій велитъ по третьей?

За столомъ прислуживалъ человѣкъ во фракѣ. Прежде онъ носилъ что-то вродѣ ямщичьей безрукавки, но Анна Георгіевна въ одинъ прекрасный день нашла, что господамъ и слугамъ неприлично рядиться въ почти одинаковые костюмы, и настояла на европейской одеждѣ для лакея. Но зато вся столовая мебель и утварь отличались тѣмъ безшабашнымъ, ёрническимъ стилемъ, который называется русскимъ декадансомъ. Вмѣсто стола стоялъ длинный, закрытый со всѣхъ сторонъ ларь; сидя за нимъ, нельзя было просунуть ногъ впередъ,—приходилось все время держать ихъ скорченными, причемъ колѣни больно стукались объ углы и выступы рѣзного орнамента, а къ тарелкѣ нужно было далеко тянуться руками. Тяжелые, низкіе стулья, съ высокими спинками и растопыренными ручками, походили на театральные деревянные троны— жесткіе и неудобные. Жбаны для кваса, кувшины для воды и сулеи для вина имѣли такіе чудовищные размѣры и такія нелѣпыя формы, что наливать изъ нихъ приходилось стоя. И все это было вырѣзано, выжжено и разрисовано разноцвѣтными павлинами, рыбами, цвѣтами и неизбѣжными пѣтухами.

— Нигдѣ такъ не ѣдятъ, какъ въ Россіи,—сочнымъ голосомъ говорилъ Завалишинъ, заправляя бѣлыми, волосатыми руками уголъ салфетки за воротникъ.—Да, господинъ студентъ, я знаю, что вамъ это непріятно, но—увы!—это—такъ-съ. Во-первыхъ— рыба. Гдѣ въ мірѣ вы отыщете другую астраханскую икру? А камскія стерляди, осетрина, двинская семга, бѣлозерскій снетокъ? Найдите, будьте любезны, гдѣ-нибудь во Франціи ладожскаго сига или гатчинскую форель. Ну-ка, попробуйте, найдите, я васъ прошу. Теперь возьмите дичъ. Все, что вамъ угодно, и все въ несмѣтномъ количествѣ: рябчики, тетерки, утки, бекасы, фазаны на Кавказѣ, вальдшнепы. Потомъ дальше: черкасское мясо, ростовскіе поросята, нѣжинскіе огурцы, московскій молочный теленокъ! Да, словомъ, все, все... Сергѣй, дай мнѣ еще ботвиньи.

Павелъ Аркадьевичъ ѣлъ много, жадно и некрасиво. «А, вѣдь, онъ порядочно наголодался въ молодости», подумалъ студентъ, наблюдая его украдкой. Случалось иногда, что среди фразы Завалишинъ клалъ въ ротъ слишкомъ большой кусокъ, и тогда нѣкоторое время тянулась мучительная пауза, впродолженіи которой онъ, торопливо и неряшливо прожовывая, глядѣлъ на собесѣдника выпученными глазами, мычалъ двигалъ бровями и нетерпѣливо

качалъ головой и даже туловищемъ. Въ эти минуты Воскресенскій опускалъ глаза въ тарелку, чтобы не выдать своей брезгливости.

— Докторъ, а вина?—съ небрежной любезностью предлагалъ Завалишинъ.—Рекомендую вамъ вотъ это бѣленькое. Это Оріанда 93-го года. Демосѳенъ, вашъ стаканъ.

— Я не пью, Павелъ Аркадьевичъ. Простите.

— Эт-то уд-дивительно! Юноша, который не пьетъ и не куритъ. Скверный признакъ, молодой человѣкъ! — вдругъ строго возвысилъ голосъ Завалишинъ.—Скверный признакъ! Кто не пьетъ и не куритъ, тотъ мнѣ всегда внушаетъ подозрѣніе. Это — или скряга, или игрокъ, или развратникъ. Пардонъ, къ вамъ сіе не касательно, господинъ Эмпедоклъ. Докторъ, а еще? Это—Оріанда; право же, недурное винишко. Спрашивается, зачѣмъ я долженъ выписывать отъ колбасниковъ разные тамъ мозельвейны и другую кислятину, если у насъ, въ нашей матушкѣ Россіи, выдѣлываютъ такія чудесныя вина. А? Какъ вы думаете, профессоръ?—вызывающе обратился онъ къ студенту.

Воскресенскій принужденно и вѣжливо улыбнулся.

— У всякаго свой вкусъ...

— Де густибусъ?.. знаю-съ. Тоже учились когда-то... Чему-нибудь и какъ-нибудь, какъ выразился великій Достоевскій. Вино, конечно, пустяки, киндершпиль, но важенъ принципъ. Принципъ важенъ, да!—закричалъ неожиданно Завалишинъ.—Если я истинно русскій, то и все вокругъ меня должно быть русское. А на нѣмцевъ и французовъ я плевать хочу. И на жидовъ. Что, не правду я говорю, докторъ?

— Да-а... собственно говоря—принципъ... это, конечно, да,—неопредѣленно пробасилъ Ильяшенко и развелъ руками.

— Горжусь тѣмъ, что я русскій!—съ жаромъ воскликнулъ Завалишинъ.—О, я отлично вижу, что господину студенту мои убѣжденія кажутся смѣшными и, такъ сказать, дикими, но ужъ что подѣлаешь! Извините-съ. Возьмите такимъ, каковъ есть-съ. Я, господа, свои мысли и мнѣнія высказываю прямо, потому что я человѣкъ прямой, настоящій русопетъ, и привыкъ рубить съ плеча. Да, я смѣло говорю всѣмъ въ глаза: довольно намъ стоять на заднихъ лапахъ передъ Европой. Пусть не мы ее, а она насъ боится. Пусть почувствуютъ, что великому, славному, здоровому русскому народу, а не имъ, тараканьимъ мощамъ, принадлежитъ рѣшающее властное слово! Слава Богу!—Завалишинъ вдругъ размашисто перекрестился на потолокъ и всхлипнулъ.—Слава Богу, что теперь все больше и больше находится такихъ людей, которые начинаютъ понимать, что кургузый нѣмецкій пиджакъ уже трещитъ на русскихъ могучихъ плечахъ; которые не

стыдятся своего языка, своей вѣры и своей родины, которые довѣрчиво протягиваютъ руки мудрому правительству и говорятъ: «веди насъ!..»

— Поль, ты волнуешься, — лѣниво замѣтила Анна Георгіевна.

— Я ничего не волнуюсь,—сердито огрызнулся Завалишинъ.— Я высказываю только то, что долженъ думать и чувствовать каждый честный русскій подданный. Можетъ быть, кто-нибудь со мной не согласенъ? Что-жъ, пускай мнѣ возразятъ. Я готовъ съ удовольствіемъ выслушать противное мнѣніе. Вотъ, напримѣръ, господину Воздвиженскому кажется смѣшнымъ...

Студентъ не поднялъ опущенныхъ глазъ, но поблѣднѣлъ, и ноздри у него вздрогнули и расширились.

— Моя фамилія—Воскресенскій,—сказалъ онъ тихо.

— Виноватъ, я именно такъ и хотѣлъ сказать: Вознесенскій. Виноватъ. Такъ вотъ, я васъ и прошу: чѣмъ строить разныя кривыя улыбки, вы лучше разбейте меня въ моихъ пунктахъ, докажите мнѣ, что я заблуждаюсь, что я не правъ. Я говорю только одно: мы плюемъ сами себѣ въ кашу. Мы продаемъ нашу святую, великую, обожаемую родину всякой иностранной шушерѣ. Кто орудуетъ съ нашей нефтью?—Жиды, армяшки, американцы. У кого въ рукахъ уголь? руда? пароходы? электричество?—У жидовъ, у бельгійцевъ, у нѣмцевъ. Кому принадлежатъ сахарные заводы?—Жидамъ, нѣмцамъ и полякамъ. И, главное, вездѣ жидъ, жидъ, жидъ!.. Кто у насъ докторъ?—Шмуль? — Кто аптекарь? банкиръ? адвокатъ?—Шмуль. Ахъ, да чортъ бы васъ побралъ! Вся русская литература танцуетъ маюфисъ и не вылѣзаетъ изъ миквы. Что ты дѣлаешь на меня страшные глаза, Аничка? Ты не знаешь, что такое миква? Я тебѣ потомъ объясню. Да! Недаромъ кто-то съострилъ, что каждый жидъ—прирожденный русскій литераторъ. Ахъ, помилуйте, евреи! израэлиты! сіонисты! угнетенная невинность! священное племя! Я говорю одно,—Завалишинъ свирѣпо и звонко ударилъ вытянутымъ пальцемъ о ребро стола,—я говорю только одно: у насъ, куда не обернешься, сейчасъ на тебя такъ мордой и претъ какая-нибудь благородная, оскорбленная нація. «Свободу! языкъ! народныя права!» А мы-то передъ ними разстилаемся. «О, бѣдная, культурная Финляндія! О, несчастная, порабощенная Польша! Ахъ, великій истерзанный еврейскій народъ!.. Бейте насъ, голубчики, презирайте насъ, топчите насъ ногами, садитесь къ намъ на спины, поѣзжайте». Н-но нѣтъ!—грозно закричалъ Завалишинъ, внезапно багровѣя и выкатывая глаза.—Нѣтъ!— повторилъ онъ, ударивъ себя изо всей силы кулакомъ въ грудь.— Этому безобразію подходитъ конецъ. Русскій народъ еще покамѣстъ только чешется спросонья, но завтра, Господи благослови, завтра онъ проснется. И тогда онъ стряхнетъ съ себя блудливыхъ радикаль-

ствующихъ ин-тел-ли-гентовъ, какъ собака блохъ,и такъ сожметъ въ своей мощной длани всѣ эти угнетенныя невинности, всѣхъ этихъ жидишекъ, хохлишекъ и полячишекъ, что изъ нихъ только сокъ брызнетъ во всѣ стороны. А Европѣ онъ просто-на-просто скажетъ: тубо, старая....

— Браво, браво, браво! — голосомъ, точно изъ грамофона, подхватилъ докторъ.

Гимназисты, сначала испуганные крикомъ, громко захохотали при послѣднемъ словѣ, а Анна Георгіевна сказала, дѣлая страдальческое лицо:

— Поль, зачѣмъ ты такъ при дѣтяхъ!

Завалишинъ однимъ духомъ проглотилъ стаканъ вина и торопливо налилъ второй.

— Пардонъ. Сорвалось. Но я говорю только одно: я сейчасъ высказалъ всѣ свои убѣжденія. По крайней мѣрѣ—честно и откровенно. Пусть теперь они, т.-е. я хочу сказать господинъ студентъ, пусть они опровергнутъ меня, разубѣдятъ. Я слушаю. Это все-таки будетъ честнѣе, чѣмъ отдѣлываться разными кривыми улыбочками.

Воскресенскій медленно пожалъ плечами.

— Я и не улыбаюсь вовсе.

— Ага! Не даете себѣ труда возражать? Кон-нечно! Это сам-мое лучшее. Стоите выше всякихъ споровъ и доказательствъ?

— Нѣтъ... совсѣмъ не выше... А просто, намъ съ вами невозможо столковаться. Зачѣмъ же понапрасну сердиться и портить кровь?

— Та-акъ! Пон-ним-маю! Не удостаиваете, значитъ?—Завалишинъ пьянѣлъ и говорилъ преувеличенно громко.—А жаль, очень жаль, милый вьюноша. Лестно было бы усладиться млекомъ вашей мудрости.

Въ эту секунду Воскресенскій впервые поднялъ глаза на Завалишина и вдругъ почувствовалъ приливъ острой ненависти къ его круглымъ, свѣтлымъ, выпученнымъ глазамъ, къ его мясистому, красному и точно рваному у ноздрей носу, къ покатому назадъ, бѣлому, лысому лбу и фатовской бородѣ. И неожиданно для самого себя онъ заговорилъ слабымъ, сдавленнымъ, точно чужимъ голосомъ:

— Вамъ непремѣнно хочется вызвать меня на споръ? Но, увѣряю васъ, это безполезно. Все, что вы изволили сейчасъ съ такимъ жаромъ высказывать, я слышалъ и читалъ сотни разъ. Вражда ко всему европейскому, свирѣпое презрѣніе къ инородцамъ, восторгъ передъ мощью русскаго кулака и такъ далѣе, и такъ далѣе... Все это говорится, пишется и проповѣдуется на каждомъ шагу. Но при чемъ здѣсь народъ, Павелъ Аркадьевичъ,

этого я, признаюсь, не понимаю. Не могу понять. Народъ,—т.-е. не вашъ лакей и не вашъ дворникъ, и не мастеровой, а тотъ народъ, который составляетъ всю Россію,—темный мужикъ, троглодитъ, пещерный человѣкъ! Зачѣмъ вы его-то пристегнули къ вашимъ національнымъ мечтамъ? Онъ безмолвствуетъ, ибо благоденствуетъ, и вы его лучше не трогайте, оставьте въ покоѣ. Не намъ съ вами разгадать его молчаніе...

— Позвольте-съ, я не хуже васъ знаю народъ...

— Нѣтъ ужъ, теперь *вы* позвольте мнѣ,—дерзко перебилъ его студентъ.—Вы давеча изволили упрекнуть меня въ томъ, что я будто бы смѣюсь надъ вашими разглагольствованіями... Такъ я вамъ скажу ужъ теперь, что смѣшного въ нихъ мало, также какъ и страшнаго. Вашъ идеальный всероссійскій кулакъ, жмущій сокъ изъ народишекъ, никому не опасенъ, а просто-на-просто омерзителенъ, какъ и всякій символъ насилія. Вы — не болѣзнь, не язва, — вы — просто неизбѣжная, надоѣдливая сыпь, вродѣ кори. Но ваша игра въ широкую русскую натуру, всѣ эти ваши птицы-сирины, ваша поддёвка, ваши патріотическія слезы—да это, дѣйствительно, смѣшно.

— Такъ. Пре-красно. Продолжайте, молодой человѣкъ въ томъ же духѣ,—произнесъ Завалишинъ, язвительно кривя губы.—Чудесные полемическіе пріемы, докторъ, не правда ли?

Воскресенскій и самъ чувствовалъ въ душѣ, что онъ говоритъ неясно, грубо и сбивчиво. Но онъ уже не могъ остановиться. Въ головѣ у него было странное ощущеніе пустоты и холода, но зато ноги и руки стали тяжелыми и вялыми, а сердце упало куда-то глубоко внизъ и тамъ трепетало и рвалось отъ частыхъ ударовъ.

— Э, что тамъ пріемы. Къ чорту!—крикнулъ студентъ, и у него этотъ крикъ вырвался неожиданно такимъ полнымъ и сильнымъ звукомъ, что онъ вдругъ почувствовалъ въ себѣ злобную и веселую радость.—Я слишкомъ много намолчался за эти два мѣсяца, чтобы еще разбираться въ пріемахъ. Да! И стыдно, и жалко, и смѣшно глядѣть, Павелъ Аркадьевичъ, на вашу игру. Знаете, лѣтомъ въ увеселительныхъ садахъ выходятъ иногда дуэтисты-лапотники. Знаете:

> Разъ Ванюша, крадучися,
> Дуню увидалъ,
> И схвативши ея ручку,
> Нѣжно цѣловалъ.

Что-то мучительно-фальшивое, наглое, позорное! Такъ и у васъ. «Русскія щи, русская каша—мать наша». А вы видали эти щи когда-нибудь? Пробовали? Сегодня съ такомъ, а завтра съ нѣтомъ? Вы ѣли ихній хлѣбъ? Вы видали ихнихъ ребятъ съ распученными животами и съ ногами колесомъ? А у васъ поваръ 60 руб-

лей въ мѣсяцъ получаетъ и лакей во фракѣ, и паровая стерлядка. Такъ и во всемъ вы. Русское терпѣніе! Русская желѣзная стойкость! Да, вѣдь, какими ужасами рабства, какимъ кровавымъ путемъ куплено это терпѣніе! Смѣшно даже! Русское несокрушимое здоровье—эхъ, раззудись плечо!—русская богатырская сила!—у этого-то изможденнаго работой и голодомъ, опившагося, надорваннаго человѣка?.. И въ довершеніе всего неистовый вопль: долой сюртуки и фраки! Вернемся къ доброй, славной, просторной и живописной русской одеждѣ! И, вотъ, вы, на смѣхъ своей прислугѣ, наряжаетесь, точно на святки, въ поддевку по семи рублей за аршинъ, на муаровой подкладкѣ. Эхъ, весь вашъ національнизмъ на муаровой подкладкѣ! Господи, а когда вы заведете рѣчь о русской пѣснѣ—вотъ чепуха какая! Тутъ у васъ и море слышится, и степь видится, и лѣсъ шумитъ, и какая-то безпредѣльная удаль... И все, вѣдь, это неправда: ничего вы здѣсь не слышите и не чувствуете, кромѣ болѣзненнаго стона или пьяной икотки. И никакой широкой степи вы не видите, потому что ея и нѣтъ вовсе, а есть только потное, искаженное мукой лицо, вздувшіяся жилы, кровавые глаза, раскрытый, окровавленный ротъ...

— Вамъ, духовенству, виднѣе съ колокольни,—презрительно фыркнулъ Завалишинъ, но студентъ только отмахнулся рукой, и продолжалъ:

— Ну-съ, а теперь, изволите ли видѣть, вошло въ моду русское зодчество! Рѣзные пѣтухи, какіе-то деревянные поставцы, ковши, ендовы, подсолнечники, кресла и скамьи, на которыхъ невозможно сидѣть, какіе-то дурацкіе колпаки... Господи, да неужели же вы не чувствуете, какъ все это еще больше подчеркиваетъ страшную скудость народной жизни, узость и бѣдность фантазіи? Сѣрое, сумеречное творчество, папуасская архитектура... Игра, именно игра. Игра гнусная, если все это дѣлается нарочно, чтобы водить дураковъ и ротозѣевъ за носъ, и жалкая, если это только модное баловство. Какой-то нелѣпый маскарадъ! Все равно, если бы доктора, приставленные къ больницѣ, вдругъ надѣли бы больничные халаты и стали бы въ нихъ откалывать канканъ. Вотъ онъ что такое, вашъ русскій стиль на муаровой подкладкѣ!..

Что-то перехватило горло Воскресенскому, и онъ замолчалъ. Только теперь, спохватившись, онъ сообразилъ, что во время своей безсвязной рѣчи онъ, незамѣтно для самого себя, всталъ во весь ростъ и колотилъ кулаками по столу.

— Можетъ быть, вы еще что-нибудь прибавите, молодой человѣкъ?—съ усиленной вѣжливостью, преувеличенно мягко спросилъ весь поблѣднѣвшій Завалишинъ. Губы у него кривились и дергались, а концы пышной бороды тряслись.

— Все,—глухо отвѣтилъ студентъ,—больше ничего...

— Тогда позвольте ужъ и мнѣ послѣднее слово.—Завалишинъ

всталъ и швырнулъ салфетку на стулъ.—Убѣжденія—убѣжденіями, и твердость въ нихъ вещь почтенная, а за своихъ дѣтей я все-таки отвѣчаю передъ церковью и отечествомъ. Да. И я обязанъ ограждать ихъ отъ вредныхъ, развращающихъ вліяній. А поэтому—вы ужъ извините,—но одному изъ насъ—или мнѣ, или вамъ—придется отстраниться отъ ихъ воспитанія...

Воскресенскій молча кивнулъ головой. Павелъ Аркадьевичъ рѣзко повернулся и большими шагами пошелъ отъ стола. Но въ дверяхъ онъ остановился. Его еще душила злоба. Онъ чувствовалъ, что студентъ взялъ надъ нимъ нравственный верхъ въ этомъ безтолковомъ спорѣ и взялъ не убѣдительностью мыслей, не доводами, а молодой, несдержанной, и хотя сумбурной, но все таки красивой страстностью. И ему хотѣлось, прежде чѣмъ уйти отсюда, нанести студенту послѣднее оскорбленіе, потяжелѣе, похлеще...

— Мой человѣкъ принесетъ вамъ наверхъ деньги, которыя вамъ слѣдуетъ,—сказалъ онъ въ носъ, отрывисто и надменно.—А также, по условію, деньги на дорогу.

И вышелъ, такъ громко хлопнувъ дверью, что хрустальная посуда на столѣ задребезжала и запѣла тонкими голосами.

На балконѣ всѣ продолжительно и неловко замолчали. Воскресенскій дрожащими холодными пальцами каталъ хлѣбный шарикъ, низко наклонивъ лицо надъ столомъ. Ему казалось, что всѣ, даже шестилѣтняя Вавочка, смотрятъ на него съ любопытствомъ и брезгливой жалостью. «Пойти и дать ему пощечину?—безсвязно мелькало у него въ головѣ!—Вызвать его на дуэль? Ахъ, какъ все это вышло скверно, какъ пошло! Вернуть ему назадъ деньги? Швырнуть въ лицо? Фу, какая гадость»!

— Милый Сашенька, не придавайте такого значенія,—ласкающимъ голосомъ, точно съ маленькимъ, заговорила Анна Георгіевна.—Голубчикъ, не стоитъ. Черезъ часъ онъ самъ сознается, что былъ неправъ, и извинится. Ужъ если говорить правду, то, вѣдь, и вы ему порядочно наговорили.

Онъ не отвѣтилъ. Больше всего на свѣтѣ онъ хотѣлъ бы сейчасъ-же встать, уйти куда-нибудь подальше, спрятаться въ какой-нибудь темный, прохладный уголъ, но сложная, мучительная нерѣшительность приковывала его къ мѣсту. Докторъ заговорилъ о чемъ-то слишкомъ громко, неестестественно развязнымъ тономъ. «Это онъ оттого такъ, что ему за меня стыдно», подумалъ Воскресенскій и сталъ прислушиваться, почти не понимая словъ.

— Одинъ мой знакомый, который хорошо знаетъ арабскій языкъ, такъ онъ сравнивалъ арабскія поговорки съ русскими. И получились прелюбопытныя параллели. Напримѣръ, арабы говорятъ: «Честь это алмазъ, который дѣлаетъ нищаго равнымъ султану». А по-русски выходитъ: «что за честь, коли нечего ѣсть». Тоже насчетъ гостепріимства. Арабская пословица говоритъ...

Воскресенскій вдругъ всталъ; не глядя ни на кого, съ потупленными глазами неуклюже обошелъ столъ и торопливо сбѣжалъ съ балкона въ цвѣтникъ, гдѣ сладко и масляно пахло розами. За своей спиной онъ слышалъ тревожный голосъ Анны Георгіевны:

— Сашенька, Александръ Петровичъ, куда же вы? Сейчасъ подадутъ фрукты!..

III.

Придя наверхъ, Воскресенскій переодѣлся, вытащилъ изъ-подъ кровати свой старый, порыжѣлый, весь обклеенный багажными ярлыками чемоданъ и сталъ укладываться. Съ ожесточеніемъ швырялъ онъ въ чемоданъ книги и лекціи, съ излишней энергіей втискивалъ скомканное кое-какъ бѣлье, яростно затягивалъ узлы веревокъ и ремни. И по мѣрѣ того, какъ расходовалась его физическая сила, взбудораженная недавнимъ неудовлетвореннымъ гнѣвомъ,— онъ самъ понемногу отходилъ и успокоивался.

Покончивъ съ чемоданомъ, онъ выпрямился и оглянулся кругомъ. Внезапно ему стало жаль своей комнаты, точно въ ней оставалась часть его существа. По утрамъ, когда онъ просыпался, то ему не надо было даже приподымать голову отъ подушки, чтобы увидѣть прямо передъ собою темную, синюю полосу моря, подымавшуюся до половины оконъ; а на окнахъ въ это время тихо колебались, парусясь отъ вѣтра, легкія, розоватыя, прозрачныя занавѣски, и вся комната бывала по утрамъ такъ полна свѣтомъ, и такъ въ ней крѣпко и бодро пахло морскимъ воздухомъ, что въ первые дни, просыпаясь, студентъ нерѣдко начиналъ смѣяться отъ безсознательнаго, расцвѣтавшаго въ немъ восторга.

Воскресенскій вышелъ на балконъ. Далеко впереди выдавался въ море узкій длинный мысокъ, кончавшійся правильнымъ закругленіемъ, которое здѣсь называли батареей. Изъ-за батареи, круто огибая ее, выплывалъ маленькій паровой катеръ, и отчетливо доносилось его торопливое фырканье, похожее на дыханіе запыхавшейся собаки. Подъ полотнянымъ тентомъ можно было разглядѣть темныя человѣческія фигуры. Катеръ покачивало, но онъ бодро подымался на одну волну и, съ замедленіемъ перевалившись черезъ нее, смѣло зарывался носомъ въ слѣдующую, между тѣмъ какъ разрѣзанная имъ вода взмывала къ самымъ бортамъ. А еще дальше, какъ будто по серединѣ между берегомъ и горизонтомъ, плавно, безъ малѣйшаго звука и сотрясенія, двигалась черная, могучая громадина большого парохода съ наклоненными назадъ трубами. И тотчасъ же, сквозь легкое облачко набѣжавшей грусти, Воскресенскій почувствовалъ то сладкое и дерзкое замираніе сердца, которое онъ всегда испытывалъ при мысляхъ о дальнихъ поѣздкахъ, о новыхъ впечатлѣніяхъ, о новыхъ людяхъ—

о всей безбрежной широтѣ лежащей передъ нимъ молодой, неисчерпанной жизни.

«Завтра и я буду толкаться по пароходу вмѣстѣ съ другими, буду знакомиться, смотрѣть на берега, на море, — подумалъ онъ.—Хорошо!»

— Сашенька, гдѣ вы здѣсь? Подите ко мнѣ,—услышалъ онъ голосъ Анны Георгіевны.

Онъ быстро вернулся въ комнату, застегивая на ходу воротъ красной рубахи и поправляя волосы. Какой-то мимолетный испугъ, какое-то темное, раздражающее предчувствіе на мгновеніе шевельнулось въ его душѣ.

— Устала!—говорила Анна Георгіевна, слегка задыхаясь.— Какъ у васъ хорошо. Прохладно.

Она сѣла на подоконникъ. На фонѣ ослѣпительнаго, бѣло-голубого неба сверху и густой синевы моря снизу—ея высокая, немного полная фигура въ бѣломъ капотѣ обрисовалась съ тонкой, изящной и мягкой отчетливостью, а жесткіе, рыжеватые, противъ солнца, завитки волосъ зажглись вокругъ ея головы густымъ золотымъ сіяніемъ.

— Ну, что, сердитый воробей,—спросила Анна Георгіевна съ нѣжной фамильярностью,—еще не простыли?

— Простылъ. Сейчасъ, вотъ, ѣду,—угрюмо отвѣтилъ студентъ.

— Саша!..

Она произнесла его имя тихо и такимъ страннымъ, протяжнымъ, волнующимся звукомъ, какого Воскресенскій не слыхалъ никогда въ жизни. Онъ вздрогнулъ и пристально поглядѣлъ на нее. Но она сидѣла спиной къ яркому свѣту, и выраженіе ея лица нельзя было разсмотрѣть. Однако студенту показалось, что ея глаза блестятъ не по обыкновенному.

— Саша, родной мой, вы не уѣдете,—вдругъ заговорила она, спѣша и задыхаясь.—Нѣтъ, нѣтъ, милый, вы не уѣдете. Слышите? Подите сюда. Да сюда же, ко мнѣ... ко мнѣ, вамъ говорятъ!.. Охъ, какой безтолковый... Слышите, не смѣйте ѣхать. Я не хочу. Дорогой мой, вы останетесь...

Она схватила его руки, крѣпко сжала ихъ и, не выпуская изъ своихъ, положила къ себѣ на колѣни, такъ что онъ на секунду ощутилъ подъ легкой шершавой тканью капота, ея твердое и точно скользкое тѣло!

— Останетесь? Да?—спросила она быстрымъ шопотомъ, близко заглядывая ему въ лицо.

Онъ поднялъ глаза и встрѣтился съ ея затуманеннымъ, неподвижнымъ, жаднымъ взглядомъ. Горячая радость хлынула у него изъ сердца, разлилась по груди, ударила въ голову и забилась въ вискахъ. Смущеніе и неловкость исчезли. Наоборотъ, было жуткое, томительное наслажденіе—глядѣть такъ долго, такъ без-

стыдно и такъ близко, не отрываясь и не произнося ни слова, въ эти прекрасные, еще сіяющіе слезами, обезсмысленные страстью глаза. Потомъ онъ полусознательно почувствовалъ, что она смотритъ ниже его глазъ, и онъ самъ перевелъ глаза на ея крупныя яркія раскрытыя губы, за которыми сверкала влажная бѣлизна зубовъ. Ему вдругъ показалось, что воздухъ въ комнатѣ сталъ знойнымъ; во рту у него сразу пересохло и стало трудно дышать.

— Останетесь? Да? Правда?

Онъ обнялъ ее и тотчасъ же почувствовалъ ея большое, роскошное тѣло легкимъ, живымъ, послушнымъ каждому движенію, каждому намеку его рукъ. Какой-то жаркій, сухой вихрь вдругъ налетѣлъ и скомкалъ его волю, разсудокъ, всѣ его гордыя и цѣломудренныя мысли, все, что въ немъ было человѣческаго и чистаго. Почему-то вдругъ, обрывкомъ, вспомнилось ему купанье передъ обѣдомъ и эти теплыя, качающіяся, ненасытныя волны...

— Милый, правда? правда?—повторяла безъ конца женщина.

Онъ грубо, по-звѣрски, схватилъ ее на руки и поднялъ. Точно въ бреду онъ слышалъ, какъ она съ испугомъ прошептала:

— Дверь... ради Бога... дверь!

Онъ машинально оглянулся назадъ, увидѣлъ раскрытую настежъ дверь и темноту корридора за нею, но не понялъ ни смысла этихъ словъ, ни значенія этой двери и тотчасъ же забылъ о нихъ. Полузакрытые, черные глаза вдругъ очутились такъ близко около его лица, что очертанія ихъ стали неясными, расплывчатыми, и сами они сдѣлались огромными, неподвижными, страшно блестящими и совсѣмъ незнакомыми. Горячія, качающіяся волны хлынули на него, разомъ затопили его сознаніе и загорѣлись передъ нимъ огненными вертящимися кругами...

Потомъ онъ очнулся и услышалъ съ удивленіемъ ея точно о чемъ-то умоляющій голосъ:

— Я обожаю тебя... Мой сильный, молодой, красивый...

Она сидѣла рядомъ съ нимъ на его постели и съ покорнымъ, заискивающимъ видомъ жалась головой къ его плечу, стараясь поймать его взглядъ. А онъ глядѣлъ въ сторону, хмурился и трясущейся рукой нервно теребилъ бахрому своего пледа, висѣвшаго на спинкѣ кровати. Непобѣдимое отвращеніе росло въ немъ съ каждой секундой къ этой женщинѣ, только что отдавшейся ему. Онъ и самъ понималъ, какъ несправедливо, какъ эгоистично было это чувство, но не могъ его пересилить даже изъ благодарности, даже изъ сострадательной вѣжливости. Ему было физически гадко ея близкое присутствіе, ея прикосновеніе, шумъ ея частаго перерывистаго дыханія, и, хотя онъ во всемъ происшедшемъ винилъ одного себя, но слѣпая, неразумная ненависть и презрѣніе къ ней переполняли его душу.

«О какой я подлецъ! Какой подлецъ!» думалъ онъ и боялся

въ то же время, что она прочитаетъ его мысли и чувства у него на лицѣ.

— Милый мой, обожаемый,—растроганно говорила Анна Георгіевна.—Зачѣмъ ты отвернулся? Ты сердишься? Тебѣ непріятно? О, мой дорогой, неужели ты не замѣчалъ, что я тебя люблю? Съ самаго начала, съ самаго перваго дня... Ахъ, впрочемъ нѣтъ!.. Когда ты къ намъ пришелъ въ Москвѣ, ты мнѣ не понравился. Я думала: у какой злюка. Но зато потомъ!... милый, посмотри же на меня...

Студентъ пересилилъ себя и какъ - то сбоку, неуклюже, изъ подлобья, взглянулъ на нее. И у него даже что-то захватило горло: до того противнымъ показалось ему ея раскраснѣвшееся лицо со слѣдами пудры у ноздрей и на подбородкѣ, мелкія морщинки около глазъ и на верхней губѣ, которыхъ онъ раньше не замѣчалъ, и въ особенности, ея молящій, тревожный, полный виноватой преданности, какой-то собачій взглядъ. Содрагаясь спиной отъ гадливости, онъ отвернулся.

«Но почему же я ей не противенъ?—подумалъ онъ съ отчаяніемъ. —Почему? Ахъ я подлецъ, подлецъ!...»

— Анна Георгіевна... Нина,—сказалъ онъ, заикаясь, фальшивымъ, деревяннымъ, какъ ему самому показалось, голосомъ... Вы меня простите... я сейчасъ... Вы меня извините, я взволнованъ и не знаю, что говорю... Поймите меня и не сердитесь... Мнѣ нужно побыть одному... У меня голова кружится.

Онъ сдѣлалъ невольное движеніе, какъ бы отстраняясь отъ нея, и она поняла это. Ея руки, обвивавшія его шею, безсильно упали вдоль колѣнъ, и голова опустилась внизъ. Такъ она посидѣла еще минуту, и затѣмъ встала, молча, съ покорнымъ видомъ.

Она понимала лучше, чѣмъ студентъ, то, что съ нимъ теперь происходило. Она знала, что у мужчинъ первые шаги въ чувственной любви сопряжены съ такими же ужасными, болѣзненными ощущеніями, какъ и первыя затяжки опіумомъ для начинающихъ, какъ первая папироса, какъ первое опьяненіе виномъ. И она знала также, что до нея онъ не сближался ни съ одной женщиной, что она была для него *первой*, знала это по его прежнимъ словамъ, чувствовала это по его дикой и суровой застѣнчивости, по его неловкости и грубости въ обращеніи съ ней.

Ей хотѣлось утѣшить, успокоить его, объяснить ему въ нѣжныхъ, материнскихъ выраженіяхъ причину его страданій, такъ какъ она видѣла, что онъ страдаетъ. Но она—всегда такая смѣлая, самоувѣренная—не находила словъ; она смущалась и робѣла, точно дѣвушка, чувствуя себя виноватой и за его паденіе, и за его молчаливую тревогу, и за свои 35 лѣтъ, и за то, что она не умѣетъ, не находитъ, чѣмъ помочь ему.

— Саша, это пройдетъ,—сказала она чуть слышно.—Это прой-

детъ, успокойтесь, вѣрьте мнѣ. Только не уѣзжайте... слышите? Вы, вѣдь, скажете мнѣ, если захотите уѣхать?

— Да.... хорошо... да... да... повторялъ онъ нетерпѣливо и все оглядывался назадъ, на дверь.

Она вздохнула и тихо вышла изъ комнаты, беззвучно притворивъ за собою дверь. А Воскресенскій обѣими руками вцѣпился себѣ въ волосы, и со стономъ повалился лицомъ въ подушку.

IV.

На другой день Воскресенскій ѣхалъ въ Одессу на большомъ пассажирскомъ пароходѣ «Ксенія». Онъ позорно и малодушно сбѣжалъ отъ Завалишиныхъ, не вытерпѣвъ жестокаго раскаянія, не находя въ себѣ рѣшительности встрѣтиться лицомъ къ лицу съ Анной Георгіевной. Пролежавъ до сумерекъ въ постели, онъ какъ только стало темно, собралъ свои вещи и потихоньку, крадучись, точно воръ, заднимъ крыльцомъ вышелъ въ виноградникъ, а оттуда спрыгнулъ на шоссе. И во все время, пока онъ добрался до почтовой станціи, пока ѣхалъ въ дилижансѣ, биткомъ набитомъ молчаливыми турками и татарами, пока устраивался въ ялтинской гостинницѣ на ночь, его не оставлялъ колючій стыдъ и безпощадное омерзеніе къ себѣ самому, къ Аннѣ Георгіевнѣ, ко всему, что вчера произошло и къ собственному мальчишескому побѣгу. «Вышло такъ, какъ будто бы послѣ ссоры, изъ мести, я взялъ и укралъ что-то у Завалишиныхъ и убѣжалъ отъ нихъ», думалъ онъ, злобно стискивая зубы.

День былъ жаркій, безвѣтреный. Море лежало спокойное, ласковое, нѣжно-изумрудное около береговъ, свѣтло-синее по рединѣ и лишь кое-гдѣ едва тронутое лѣнивыми фіолетовыми морщинками. Внизу подъ пароходомъ оно было ярко-зелено, прозрачно и легко, какъ воздухъ, и бездонно. Рядомъ съ пароходомъ бѣжала стая дельфиновъ. Сверху было отлично видно, какъ они на глубинѣ могучими, извилистыми движеніями своихъ тѣлъ разсѣкали жидкую воду и вдругъ съ разбѣгу, одинъ за другимъ, выскакивали на поверхность, описавъ быстрый темный полукругъ.

Берегъ медленно уходилъ назадъ. Постепенно показывались и скрывались густые, взбирающіеся на холмы парки, дворцы, виноградники, тѣсныя татарскія деревни, бѣлыя стѣны дачъ, утонувшихъ въ волнистой зелени, а сзади голубыя горы, испещренныя черными пятнами лѣсовъ, и надъ ними тонкія, воздушныя очертанія ихъ вершинъ.

Пассажиры толпились на правомъ борту, у перилъ, лицомъ къ берегу. Называли вслухъ мѣста и фамиліи владѣльцевъ. На серединѣ палубы, около люка, двое музыкантовъ—скрипка и арфа—

играли вальсъ, и избитый, пошлый мотивъ звучалъ необыкновенно красиво и бодро въ морскомъ воздухѣ.

Воскресенскій нетерпѣливо искалъ глазами знакомую дачу въ видѣ русскаго терема. И когда она показалась, наконецъ, изъ-за густой чащи княжескаго парка, и стала вся видна надъ своей огромной, бѣлой крѣпостной стѣной, онъ часто задышалъ и крѣпко прижалъ руку къ похолодѣвшему сердцу.

Ему показалось, что онъ различаетъ на нижней террасѣ бѣлое пятно, и ему хотѣлось думать, что тамъ сидитъ теперь эта странная женщина, ставшая вдругъ для него такой таинственной, непонятной и привлекательной, и что она смотритъ на пароходъ такими же, какъ и онъ, печальными, полными слезъ глазами. Онъ представилъ себѣ самого себя, стоящаго тамъ на балконѣ, рядомъ съ ней, но не теперешняго себя, а вчерашняго, третьягодняшняго,—прежняго себя, какого уже больше никогда не будетъ. И ему стало жалко,—нестерпимо, до боли жалко той полосы жизни, которая ушла отъ него навсегда и никогда не вернется, никогда не повторится... Съ необычайной яркостью, въ радужномъ туманѣ слезъ, застилавшихъ глаза, встало передъ нимъ лицо Анны Георгіевны, но не торжествующее, не самоувѣренное, и не чувственное какъ всегда, а кроткое, съ умоляющимъ выраженіемъ, виноватое, и сама она представилась ему почему-то маленькой, обиженной, слабой и какъ то болѣзненно близкой ему, точно приросшей навѣки къ его сердцу.

И къ этимъ тонкимъ, грустнымъ, сострадательнымъ ощущеніямъ, примѣшивалось чуть слышно, какъ ароматъ тонкаго вина, воспоминаніе о теплыхъ обнаженныхъ рукахъ и о голосѣ, дрожавшемъ отъ чувственной страсти, и о прекрасныхъ глазахъ, глядѣвшихъ внизъ, на его губы...

Прячась за деревьями и дачами и опять показываясь на минутку, русскій теремъ уходилъ все дальше и дальше назадъ и вдругъ исчезъ совсѣмъ изъ виду. Воскресенскій, прижавшись щекой къ чугунному столбику перилъ, еще долго глядѣлъ въ ту сторону, гдѣ онъ скрылся. «Все сіе прошло, какъ тѣнь и какъ молва быстротечная!» вспомнился ему вдругъ горькій стихъ Соломона, и онъ заплакалъ. Но слезы его были благодатныя, а печаль молодая, свѣтлая и легкая.

Внизу, въ салонѣ, зазвонили къ завтраку. Болтливый, шумный студентъ, съ которымъ Воскресенскій познакомился еще на пристани, подошелъ къ нему сзади, хлопнулъ его по спинѣ и закричалъ радостно:

— А я васъ, коллега, ищу, ищу... Вы вѣдь съ продовольствіемъ? Айда, водку пить...

А. Купринъ.

УЗНИКЪ.

Онъ съ молоду одинъ въ темницѣ изнывалъ.
И повторялъ судьбѣ напрасные укоры,
И блѣдный лучъ небесъ въ его окно сіялъ,
Сплетая на стѣнахъ дрожащіе узоры,
И грезились ему: лѣса, долины, горы...
Такъ годы шли... И день, желанный день насталъ:
Предъ нимъ открылся міръ, свободу онъ узналъ
И путь направилъ свой въ манящіе просторы.

* * *

И жизнь извѣдалъ онъ; всѣмъ сердцемъ молодымъ
Онъ счастье призывалъ, любилъ и былъ любимъ...
Но вотъ груститъ онъ вновь, грустить, какъ въ дни былые,
И грезится ему: рѣшетка, полутьма,
На каменныхъ стѣнахъ узоры золотые...
Далекая навѣкъ, печальная тюрьма.

С. Маковскій.

Н. К. МИХАЙЛОВСКІЙ.

(Опытъ психологической характеристики).

«Похоронная процессія растянулась очень далеко. Говорятъ, со времени похоронъ Тургенева Петербургъ не видѣлъ такой толпы за гробомъ писателя... Похоронили Михайловскаго у «литераторскихъ мостковъ», недалеко отъ Успенскаго. Когда мы возвращались, среди раннихъ петербургскихъ сумерокъ, съ Волкова кладбища,—по Лиговкѣ долго еще тянулись группы людей, въ которыхъ можно было узнать провожавшихъ гробъ Михайловскаго. А навстрѣчу съ Невскаго, неслись громкіе крики. Это шла патріотическая манифестація,—второй день уже ходившая по улицамъ Петербурга съ воинственными криками. И мысль съ невольной тревогой обращалась отъ этихъ шумныхъ проявленій жизни къ спокойному величію смерти...»

Такъ заканчиваетъ В. Г. Короленко описаніе похоронъ Н. К. Михайловскаго въ замѣткѣ, посвященной памяти покойнаго его «соратника и друга»,—товарища по редакціи «Русскаго Богатства», въ февральской книжкѣ журнала.

Слова В. Г. Короленки хорошо передаютъ то ѣдкое ощущеніе одиночества и оторванности, которое я переживалъ, слѣдуя за гробомъ Н. К. Михайловскаго, хотя насъ, провожавшихъ, и было около трехъ тысячъ,—чувство оторванности нашей отъ равнодушной уличной толпы, или, пожалуй, ея оторванности отъ насъ, отъ нашего печальнаго шествія... Проходя по одной изъ малолюдныхъ улицъ, примыкающихъ къ Обводному каналу, я слышалъ такой разговоръ: какой-то лавочникъ, удивленный многочисленностью прохожихъ, толпами возвращавшихся съ кладбища, справляется у газетчика (газетчики по нынѣшнимъ временамъ самые освѣдомленныя лица уличнаго міра), кого это хоронили?—«Профессора какого-то», отвѣчаетъ газетчикъ... А на одномъ изъ вѣнковъ была надпись: «Неустанному, честному защитнику народнаго права». И, вѣдь, хорошая это была надпись, совершенно правдивая, вполнѣ заслуженная... «О rus—о Русь!», какъ восклицалъ нѣкогда Пушкинъ.

Я знаю, отлично знаю, что эта оторванность результатъ недоразумѣнія, недомыслія. Знаю и то, что за послѣднее время это недоразумѣніе, прежде царившее нераздѣльно надъ нашей Русью, съ каждымъ годомъ обнаруживаетъ все болѣе ощутительные признаки предстоящей ликвидаціи. Я вообще не склоненъ къ пессимизму. Но это не мѣшало мнѣ болѣзненно переживать ощущеніе оторванности и за насъ всѣхъ, участниковъ печальнаго шествія, и за самого

Михайловскаго. Умеръ человѣкъ, всю жизнь не покладая рукъ, бросавшій сѣмена истиннаго демократизма, истиннаго народолюбія. А тутъ—«профессоръ»... Хоть бы уже *учителемъ* назвали, хотя бы по ошибкѣ! И это случайное, по недоразумѣнію кинутое слово, еще рѣзче подчеркнуло для меня ту черту въ духовномъ обликѣ Михайловскаго, которая всегда придавала ему на мой взглядъ своеобразную привлекательность. Въ самомъ дѣлѣ, если припомнить, что̀ пережилъ за свою сорокалѣтнюю дѣятельность этотъ, до конца сохранившій свою честную дерзость, свою «благородную упрямку», труженикъ мысли; если представить себѣ, что только первое, увы очень короткое, время онъ могъ питать дѣйствительныя надежды на воплощеніе въ жизнь своей горячей проповѣди, а затѣмъ долгіе, долгіе годы переживалъ крушеніе этихъ надеждъ и поворотъ нашей исторіи въ такую сторону, въ попыткахъ миновать которую онъ видѣлъ всю задачу, весь смыслъ существованія своего и своихъ единомышленниковъ; если вспомнить, какъ красивы, какъ грандіозны и пылки были эти мечты его весны и въ какую онѣ реализовались до кошмара будничную, сѣрую, угрюмую дѣйствительность, когда уже приходилась не мечтать и не указывать путей жизни, а только упрямо и какъ бы скрѣпя сердце бросать сѣмена сознательности, безъ всякой надежды увидѣть когда-либо всходы изъ этихъ сѣмянъ;— если представить себѣ все это, то понятно станетъ, сколько трагическаго было въ изящной фигурѣ этого сѣдого, какъ лебедь бѣлаго старика, съ тонкими юношескими чертами лица и даже юношескими манерами... Да, именно что-то юношеское, всегда готовое и на откликъ сочувствія, и на отпоръ, было во всей его фигурѣ: и въ движеніяхъ, и въ этихъ остроумныхъ, усталыхъ, но ясныхъ глазахъ, и во всемъ этомъ бородатомъ лицѣ, съ прекраснымъ упрямымъ лбомъ, съ печатью блестящей мысли, съ крѣпко сомкнутыми и, казалось, всегда готовыми на сарказмъ губами;—юношеское и въ то же время трагическое. Этотъ двойственный отпечатокъ мнѣ приходилось наблюдать на всѣхъ лучшихъ людяхъ, переживших то время. Тутъ и крушеніе надеждъ, должно быть, сказывается—крушеніе, но въ то же время и былая причастность къ нимъ— и поистинѣ трагическія воспоминанія...

Г. Мякотинъ въ февральской же книжкѣ «Р. Б.» приводитъ письмо къ нему отъ покойнаго писателя, писаное за мѣсяцъ до смерти, подъ новый годъ— послѣдній новый годъ для Н. К. Михайловскаго: «Поздравляю васъ съ грядущимъ новымъ годомъ и очень пожелалъ бы, чтобы онъ принесъ и вамъ, и всѣмъ намъ что-либо получше нынѣшняго, еслибъ вѣрилъ въ возможность лучшаго. Но, кажется, слѣдуетъ ожидать всякихъ пакостей». Совершенно непонятнымъ, страннымъ диссонансомъ звучатъ поэтому на нашъ слухъ послѣднія строки стихотворенія г. Вейнберга «Памяти Н. К. Михайловскаго»:

„Жестокая насмѣшка естества
Жить въ радостяхъ и мукахъ упованія
И умереть въ минуту торжества“.

Что разумѣетъ подъ этимъ почтенный авторъ? Въ какихъ такихъ радостяхъ упованія жилъ Михайловскій, какая минута торжества для него настала?

Пожалуй, не стоило бы останавливаться на этихъ стихахъ г. Вейнберга...

У стихотворцевъ, пожалуй, чаще еще, чѣмъ у прозаиковъ, не «перомъ сердитый водитъ умъ», а наоборотъ «перо не сердитымъ умомъ», какъ остроумно перефразировалъ однажды лермонтовскій стихъ покойный Михайловскій, а къ тому же имъ приходится еще озабочиваться риѳмой... Но, во-первыхъ, въ данномъ случаѣ риѳма не при чемъ, такъ какъ нѣсколькими строками выше упоминается «пристань, показавшаяся не вдалекѣ», и говорится, что «завѣтный часъ уже пробилъ»; а во-вторыхъ, мнѣ хочется, пользуясь этимъ случаемъ, разъяснить одно недоразумѣніе относительно умершаго, въ которомъ повиненъ не одинъ г. Вейнбергъ. Я не знаю, на чемъ собственно основанъ его, г. Вейнберга, оптимизмъ, но учесть всѣ слагаемыя современности всегда дѣло не легкое, и можетъ статься, онъ даже и правъ; его бы устами да медъ пить — въ такомъ случаѣ... Ясно однако, что Михайловскій-то далеко не былъ такъ оптимистично настроенъ: объ этомъ свидѣтельствуетъ хотя бы одно только что цитированное его письмо къ г. Мякотину. Но главное, что мнѣ нужно отмѣтить это,—что «упованія», которымъ «радовался», которыми «мучился» покойный далеко не исчерпывались и не удовлетворились бы той пристанью, о близости которой говоритъ стихотворецъ. Въ извѣстной части нашей молодежи сложилось представленіе о Михайловскомъ, какъ о буржуазномъ мыслителѣ. Я слышалъ даже, что находились такіе, которые на этомъ основаніи не хотѣли жертвовать на вѣнокъ ему. Дикое и нелѣпое недоразумѣніе. Оно имѣетъ, правда, свои причины и къ нимъ мы еще вернемся въ концѣ замѣтки. (Главная причина—это, конечно, незнакомство съ произведеніями Н. К. Михайловскаго прежнихъ лѣтъ). Но мнѣ хочется указать здѣсь же, что это глубочайшая неправда, что это полнѣйшее и тоже трагическое, если хотите, для покойнаго недоразумѣніе, что по всѣмъ своимъ стремленіямъ, вкусамъ и принципамъ онъ былъ истинной противоположностью тому, что предполагаетъ такая квалификація.

«Что такое прогрессъ?»—первая большая работа Н. К. Михайловскаго, сразу завоевавшая ему видное мѣсто среди нашихъ писателей передового лагеря, была напечатана въ 1869 г. въ «Отечественныхъ Запискахъ». Трудно и представить себѣ, что нибудь болѣе анти-буржуазное. Нападки на буржуазію, отрицаніе буржуазнаго, по типу «органическаго развитія» сложившагося общества, борьба съ наукой, санкціонирующей этотъ строй, этотъ типъ развитія—вотъ основная нота этой статьи. Я бы затруднился даже найти тамъ какую-нибудь другую ноту, ибо этимъ отрицаніемъ буржуазіи почти исчерпывается все содержаніе статьи. Во вступительной главѣ къ своимъ «Литературнымъ воспоминаніямъ и современной смутѣ», т.-е. въ 1891 году, Н. К. Михайловскій говоритъ, что въ общемъ онъ всю жизнь оставался вѣренъ тому міросозерцанію, которое у него выработалось ко времени его выступленія на литературное поприще, и это, разумѣется, совершенная правда.

Въ полемикѣ съ направленіемъ, народившимся на смѣну народничеству, да и по инымъ поводамъ, Н. К. Михайловскій не разъ отрекался отъ наименованія народника. Онъ имѣлъ на это свои основанія, противополагая себя, напримѣръ, аполитическому народничеству г. В. В. или лагерю лирическаго

*

народничества, нашедшаго своего публициста въ лицѣ Юзова, а беллетристическаго истолкователя въ лицѣ Златовратскаго. Но для насъ онъ все же былъ народникомъ. Для насъ этотъ терминъ обнимаетъ всѣ направленія нашей демократической мысли, вызванныя къ жизни громаднымъ фактомъ паденія крѣпостного права. А отличительными признаками народничества для насъ являются—основная тенденція служить интересамъ *народа* (т.-е., главнымъ образомъ, крестьянства), причемъ понятіе народъ совершенно не анализируется въ соціальномъ смыслѣ, народъ признается чѣмъ-то единымъ по своимъ интересамъ—это во-первыхъ; а во-вторыхъ, признаніе существованія или возможности для нашего народа особаго пути соціальнаго развитія, отличнаго отъ пути западно-европейскаго, уже опредѣлившагося въ жизни, уже освѣщеннаго теоріей—пути классовой борьбы. Въ этомъ смыслѣ Михайловскій былъ народникомъ.

Народничество наше при всемъ его отрицаніи Запада, собственно говоря, родилось исключительно благодаря Западу и даже именно на Западѣ. Геніальный его родоначальникъ А. И. Герценъ, уѣзжая въ 1847 году изъ Россіи, увозилъ съ собою глубоко трезвое отношеніе къ народу, къ крестьянству. Въ первомъ томѣ «Былого и думъ», въ дневникѣ, относящемся къ 44 году, Герценъ характеризуетъ русскаго мужика слѣдующимъ образомъ: «Я смотрю здѣсь безпрестанно на низшій классъ, во всегдашнемъ соприкосновеніи съ нимъ; чего не достаетъ ему, чтобы выйти изъ жалкой апатіи? Умъ блеститъ въ глазахъ, вообще на десять мужиковъ навѣрное восемь не глупы и пятеро положительно умны, смѣтливы и знающіе люди»... «Они не трусы, каждый пойдетъ на волка, готовъ въ дракѣ положить жизнь, согласенъ на всякую ненужную удаль, плыть въ омутѣ, ходить по льду, когда онъ ломается, etc... А видно, какъ Чаадаевъ говоритъ въ своей статьѣ, чего-то не достаетъ въ головѣ, мы не умѣемъ сдѣлать силлогизмъ европейскій. Эта община, понимающая всю беззаконность нелѣпаго требованія, не признающая въ душѣ неограниченной власти помѣщика, трепещетъ и валяется въ ногахъ его при первомъ словѣ»... Но вотъ Европа, а съ нею и Герценъ, переживаетъ 1848 годъ; за нимъ слѣдуетъ наполеоновскій coup d'état и разгаръ реакціи, и среди душу щемящихъ страницъ, полныхъ глубокаго разочарованія въ Европѣ съ ея мѣщанствомъ, уже попадаются ноты «исправленнаго славянофильства», и взоры Герцена уже съ надеждой обращаются къ русскому народу. А дальше—надежды на нашу «весеннюю распутицу», и идеализація артели, и общины и т. д. Отъ вопросительнаго знака, поставленнаго нѣкогда надъ народомъ, и слѣда не осталось.

Разочарованіе въ Европѣ послужило, повидимому, первоисточникомъ народническихъ идей и для другого генія пассивно-анархическаго народничества—для Льва Толстого. Вспомните его чудную повѣсть «Люцернъ», гдѣ князь Нехлюдовъ такъ оскорбленъ положеніемъ шарманщика въ «свободной» Швейцаріи...

Начиная съ Герцена и до самыхъ 80-хъ годовъ передовая мысль сосредоточивалась на тѣхъ исчезнувшихъ на Западѣ, но уцѣлѣвшихъ у насъ первобытныхъ формахъ народной жизни, которыя, казалось, были чреваты такими радужными соціальными перспективами, на тѣхъ особенностяхъ русской дѣйстви-

тельности, которыми она казалась призванной обновить человѣчество. Весенній день 19-го февраля, единственный весенній день, доставшійся на долю русскаго народа за все его вѣковое многострадальное существованіе,—естественно сдѣлалъ мужика центромъ всѣхъ интеллигентскихъ помышленій, всѣхъ заботъ и надеждъ. «Изъ едва понятной и понятой субстанціи народа, нѣмецкимъ процессомъ мышленія, какъ выражался Тургеневъ, абстрагировались тѣ принципы, на которыхъ предполагалось, что онъ устроитъ свою жизнь». Абстрагировать-то абстрагировали, но, вѣдь, надо же вспомнить, что и единственной сколько нибудь реальной базой для демократическаго мышленія могли стать тогда только интересы этого народа, только интересы мужика. Другого народа не было, и ужъ слишкомъ понятно было и «увлеченіе», и готовность абстрагировать и идеализировать. Утопическое мышленіе—о да, конечно, утопическое; но есть ли хоть одно прогрессивное направленіе, хоть одна соціально-политическая программа, которая была бы абсолютно свободна отъ утопизма? Не всѣ ли онѣ подобны тѣмъ воздушнымъ замкамъ на каменномъ фундаментѣ, о которыхъ говорится въ одной изъ драмъ Ибсена? Реальный фактъ—въ видѣ фундамента, идеалистически активное настроеніе въ видѣ перваго этажа и воздушные шпицы, уходящіе въ небо—вотъ при ближайшемъ объективномъ анализѣ вѣчныя составныя части всякаго такого направленія. Каменнымъ фундаментомъ народническому воздушному замку служилъ, и только и могъ служить, освобождавшійся или только что освобожденный народъ. И если судить исторически, то правыми были, конечно, люди горячаго сердца, смѣлаго ума—Герцены и Чернышевскіе, а не умный аналитикъ и скептикъ И. С. Тургеневъ, хотя фактически оказался правымъ именно онъ.

Затѣмъ,—и это обстоятельство очень существенно для пониманія того времени,—великій актъ освобожденія былъ осуществленъ мирнымъ путемъ, былъ осуществленъ правительствомъ. Это то же было особенностью русской жизни. Въ умахъ современниковъ подобное обстоятельство должно было породить совершенно своеобразное пониманіе взаимныхъ отношеній политики и экономики въ соціальномъ процессѣ. Это прежде всего разъединило эти два совершенно соціологически неразложимыхъ начала, которыя являются лишь двумя сторонами одного и того же соціальнаго процесса; это привело къ преувеличенной оцѣнкѣ роли политической организаціи, породило несбыточныя надежды на нее. Опять несомнѣнная утопія... Но, господа, попробуйте на минуту поставить себя въ положеніе человѣка, переживающаго такой моментъ, какъ паденіе рабства; вспомните, какъ этотъ моментъ объединилъ въ одномъ чувствѣ умѣреннаго цензора Никитенку, который при вѣсти о манифестѣ опустился передъ иконой на колѣни и молился за «освободителя», съ неумѣреннымъ литераторомъ Герценомъ, изрекшимъ свое знаменитое: «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!»—и поручитесь за себя, что вы бы уберeглись отъ подобныхъ утопій! Для насъ день 19 февраля является настоящимъ ключомъ для историческаго пониманія всей эпохи, для уразумѣнія и ошибокъ и заслугъ, и плюсовъ и минусовъ дѣятелей того времени.

Н. К. Михайловскій слагался духовно именно въ весеннюю пору 60-ыхъ

годовъ. Ему было 26 лѣтъ, когда онъ выступилъ со своимъ програмнымъ profession de foi «Что такое прогрессъ?», а въ день 19 февраля онъ переживалъ свой восемнадцатый годъ. Понятно, что всѣ надежды этого времени были общи и ему. Понятно, что особенности нашей народной жизни должны были стать каменнымъ фундаментомъ и его воздушнаго замка. А въ это время наша родина вступала на путь развитія капитализма. Капиталистическій строй, всѣ ужасы ненавистнаго Герцену европейскаго мѣщанства надвигались на насъ, ступая семимильными шагами. На ряду съ этимъ, ко времени выступленія Н. К. Михайловскаго въ литературѣ, пора наивныхъ увлеченій нашей русской весной уже приходила къ концу; крестьянская реформа была осуществлена съ обидными экономическими урѣзками, а урѣзки въ гражданскихъ преобразованіяхъ, вытекавшихъ изъ этой реформы, были еще значительнѣе, еще обиднѣе. Розовое, идиллическое, молодое народничество начинало уже блѣднѣть, порывы чувства натыкались на непреоборимыя препятствія и внѣшнія, и заключавшіяся внутри того самаго народа, на который были обращены эти порывы. Однимъ настроеніемъ пробавляться было нельзя, нужна была теорія. И вотъ явился теоретикъ, сведшій въ стройную схему всѣ эти невыясненныя, смутныя чаянія и перспективы и съумѣвшій подвести подъ нихъ съ возможнымъ по тому времени реализмомъ «каменный фундаментъ».

Н. К. Михайловскій явился теоретикомъ того теченія народнической мысли, которое мы, въ отличіе отъ идиллическаго, опиравшагося на одно чувство, народничества Юзова и Златовратскаго, назвали бы народничествомъ *критическимъ*. Это было направленіе «Отечественныхъ Записокъ», Салтыкова, Глѣба Успенскаго, т.-е. всего наиболѣе интеллектуальнаго, чуткаго и талантливаго, что жило въ ту эпоху. Исходя изъ тѣхъ же стремленій и чаяній, пробужденныхъ днемъ 19 февраля, это народничество не настаивало на особенностяхъ русскаго духа и исторіи какъ таковыхъ; оно не увлекалось самобытностью, не страдало мессіанствомъ, не высказывалось категорически. Оно допускало только возможности: возможность миновать капиталистическую стадію развитія, возможность соціологическаго развитія народныхъ формъ хозяйства. Оно вездѣ ставило *если*; было чуждо лирическаго догматизма, мыслило критически. Вотъ какъ самъ Михайловскій характеризуетъ начальную пору своей дѣятельности въ статьѣ, написанной уже въ 1880 г.:

„Скептически настроенные по отношенію къ принципу свободы, мы готовы были не домогаться никакихъ правъ для себя... „Пусть сѣкутъ, мужика сѣкутъ же“—вотъ какъ, примѣрно, можно выразить это настроеніе въ его крайнемъ проявленіи. И все это ради одной возможности, въ которую мы всю душу клали: именно возможности непосредственнаго перехода къ лучшему, высшему порядку, минуя среднюю стадію европейскаго развитія, стадію буржуазнаго государства. Мы вѣрили, что Россія можетъ проложить себѣ новый историческій путь, особливый отъ европейскаго, причемъ опять-таки для насъ важно не то было, чтобы это былъ какой-то національный путь, а чтобы онъ былъ путь хорошій, а хорошимъ мы признавали путь сознательной, практической пригонки національной физіономіи къ интересамъ народа... Предполагалось, что нѣкоторые элементы наличныхъ порядковъ, сильные либо властью, либо своею многочисленностью возьмут на себя починъ проложенія этого пути“.

Допустимъ даже, что въ этой ретроспективной оцѣнкѣ элементъ критицизма нѣсколько преувеличенъ: оглядываясь на свое прошлое, человѣкъ легко поддается соблазну раціонализировать его при свѣтѣ позднѣе пріобрѣтенныхъ взглядовъ; но несомнѣнно, что, въ общемъ, это глубоко вѣрная характеристика начальной поры критическаго народничества.

Въ то время, какъ Златовратскій воспѣвалъ «устои» и «изгибы стихійной критической мысли народа», а Юзовъ, уповая на особенности народнаго духа, проповѣдывалъ приматъ чувства надъ умомъ, доказывалъ, что «не распространеніе идей о независимости, а только поступки, внушаемые чувствомъ независимости, развиваютъ и усиливаютъ это чувство», Михайловскій писалъ: «Хорошій поступокъ прекрасенъ и желателенъ, хорошее чувство тоже прекрасно и желательно, но предавать изъ-за этого всесожженію мысль, знаніе, логику, «голову», «книжку», отнюдь не приходится»... и выставлялъ свой принципъ прогресса, и создавалъ свою теорію «типовъ и степеней развитія». Повторяемъ: критическое народничество было наиболѣе интеллектуальнымъ теченіемъ того времени, а Н. К. Михайловскій являлся, пожалуй, наиболѣе интеллектуально одареннымъ изъ представителей критическаго народничества.

Родившись на Западѣ, но питаясь прежде всего отрицаніемъ Запада съ его общественной дифференціацией, народничество естественно должно было направить всѣ силы своего теоретическаго мышленія противъ надвигавшагося на насъ могучаго фактора дифференціаціи—капитализма. «Что такое прогрессъ?» представляетъ горячую критику Спенсера, его органической теоріи общества и формулы прогресса, санкціонирующей эту дифференціацію. Опираясь на законъ Бэра о физіологическомъ раздѣленіи труда между органами, какъ условіи развитія организмовъ, Н. К. Михайловскій указывалъ, что спеціализація органовъ сопровождается ихъ переходомъ отъ разнородности къ однородности и по аналогіи доказывалъ, что тѣмъ же сопровождается и общественное раздѣленіе труда между классами: переходомъ индивидуума отъ разнородности къ однородности. Онъ доказывалъ, что развитіе общества по органическому типу приводитъ къ умаленію, «помраченію» личности, и, въ противовѣсъ спенсеровой формулѣ прогресса (переходъ отъ однороднаго къ разнородному), онъ выставилъ такое положеніе:

«Прогрессъ есть постепенное приближеніе къ цѣлостности недѣлимыхъ, къ возможно полному и всестороннему раздѣленію труда между органами и возможно меньшему раздѣленію труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживаетъ это движеніе. Нравственно, справедливо, разумно и полезно только то, что уменьшаетъ разнородность общества, усиливая тѣмъ самымъ разнородность его отдѣльныхъ членовъ».

Такимъ образомъ живой индивидуумъ, цѣльная человѣческая личность поставлены въ центрѣ всѣхъ соціологическихъ оцѣнокъ и построеній, и Михайловскій не разъ съ сочувствіемъ цитируетъ Гумбольдта: «Конечная цѣль человѣка, т.-е. та цѣль, которая ему предписывается вѣчными, неизмѣнными велѣніями разума, а не есть только порожденіе смутныхъ и преходящихъ желаній, эта цѣль состоитъ въ наивозможно гармоническомъ раз-

витіи всѣхъ его способностей въ одно полное, самостоятельное цѣлое... Предметъ, къ которому каждый человѣкъ долженъ непрерывно направлять всѣ свои усилія, и который особенно должны постоянно имѣть въ виду люди, желающіе вліять на своихъ согражданъ, есть могущество и развитіе индивидуальности».

Вся исторія человѣчества дѣлится на три эпохи: объективнаго антропоцентризма, эксцентризма и субъективнаго антропоцентризма, приблизительно соотвѣтствующія тремъ періодамъ контовской соціологіи: теологическому, съ его подраздѣленіями, метафизическому и позитивному. Первый, древнѣйшій періодъ характеризуется соціальной формой *простого сотрудничества*, т.-е. временныхъ союзовъ на случай войны, охоты и пр. равныхъ во всемъ дикарей съ цѣлостнымъ и непосредственнымъ отношеніемъ къ жизни. Все въ мірѣ существуетъ для каждаго человѣка въ отдѣльности, самое большее для даннаго союза. Человѣкъ есть центръ всего міра.

„Намъ, современнымъ людямъ, трудно представить себѣ единство различныхъ сторонъ человѣческой жизни, которое царило въ доисторическую пору. Религія, философія, наука, искусство,—всѣ эти для насъ совершенно различныя и часто другъ другу противорѣчащія вещи, вещи, существующія рядомъ, несмотря на трудность и даже невозможность примиренія по многимъ пунктамъ, все это сливалось для первобытнаго человѣка въ одно цѣлое, въ непосредственныя отношенія къ природѣ. . Велѣнія боговъ, юридическая норма, правительственный кодексъ, нравы и обычаи совпадаютъ... Еслибъ принципъ простого сотрудничества восторжествовалъ, *если бы цивилизація постепенно раздвигала именно этимъ видомъ кооперацiи личное существованіе равномѣрно во всѣ стороны* *), не раздробляя индивидуальности, а пріобщая къ ней все новыя и новыя индивидуальности, столь же цѣльныя, если бы при этомъ воззрѣнія на природу путемъ коллективнаго опыта очищались отъ объективнаго антропоцентризма... я не знаю, что было бы въ такомъ случаѣ. Но этого не было и, насколько мы можемъ продумать первобытную жизнь, не могло быть. Раздѣленіе труда одолѣло. Запутанный порядокъ сложнаго сотрудничества постепенно стиралъ *непосредственность* взаимныхъ отношеній и дробилъ индивидуальную *цѣльность*“ **).

Эксцентрическій періодъ водворяется вмѣстѣ съ *раздѣленіемъ труда* и длится по сейчасъ. Родовой бытъ смѣняется общественнымъ, появляется рабство и верховная власть. «Религіозныя представленія получаютъ столь отвлеченный характеръ, непосредственныя отношенія къ природѣ нарушаются столь сильно, что становятся уже нужными посредники между людьми и богами». Рабство однихъ даетъ досугъ другимъ. Развитіе потребностей, обмѣнъ, спеціальный классъ торговцевъ, богатство, разнородность нравовъ и обычаевъ, необходимость писанаго закона, метафизика,—все это появляется одно за другимъ. «Нравы и обычаи обособляются въ деспотизмъ общественнаго мнѣнія; нравственность въ аскетическую мораль; право и справедливость даютъ начало наукѣ, провозглашающей своимъ принципомъ: fiat justitia pereat mundus, т.-е. не справедливость существуетъ для человѣка, а человѣкъ для справедливости.

*) Курсивъ мой. *М Н.*

**) Т. I, стр. 95 и сл. Курсивы и здѣсь принадлежатъ мнѣ. М. Н.

Рядомъ съ безусловною справедливостью и безусловною нравственностью выступаютъ чистая наука, чистое искусство... Бѣдняга первобытный человѣкъ думалъ, что все создано для него, оказывается, что онъ самъ созданъ для всего, кромѣ самого себя» *).

Таковъ эксцентрическій періодъ. Послѣдній, субъективно антропоцентрическій, еще не наступилъ, но признаки его пришествія Михайловскій видитъ въ позитивизмѣ:

«Опять человѣкъ становится мѣриломъ вещей, но на этотъ разъ уже сознательно... Границы науки совпадаютъ съ границами человѣка, какъ существа цѣльнаго и единаго... Нѣтъ абсолютной истины, есть только истина *для человѣка* и за предѣлами человѣческой природы нѣтъ истины для человѣка»... «Но нужно еще въ систему ввести человѣка какъ *цѣлостное недѣлимое*, центромъ не только теоретическихъ, а и практическихъ вопросовъ, т.-е. связать научнымъ образомъ вопросы о теоретической истинѣ съ вопросами о практическомъ благѣ».

Въ противоположность Спенсеру, признававшему въ соціологіи, какъ и вездѣ, научнымъ только объективный методъ, Н. К. Михайловскій, вслѣдъ за П. Л. Лавровымъ, выдвигаетъ субъективный методъ, какъ единственный законный въ соціологіи. Доказывая присутствіе предвзятости во всякомъ мышленіи, во всякомъ изслѣдованіи, онъ находитъ, что тѣмъ неизбѣжнѣе эта предвзятость въ вопросахъ такъ близко насъ касающихся, какъ вопросы соціологіи. А кромѣ того, здѣсь она не только неизбѣжна, но и нужна. Цитируемыя Н. К. Михайловскимъ слова Лаврова прекрасно выражаютъ его мысль: «Объективный элементъ въ области этики, политики и соціологіи ограничивается дѣйствіями личности, общественными формами, историческими событіями. Они подлежатъ объективному описанію и классифицированію. Но чтобы *понять* ихъ, надо разсмотрѣть *цѣли*, для которыхъ дѣйствія личности составляютъ лишь средство, *цѣли*, которыя воплощаются въ общественныхъ формахъ, *цѣли*, которыя вызвали историческое событіе. Но что такое цѣль? Это желаемое, пріятное, должное. Всѣ эти категоріи чисто субъективны и въ то же время доступны всѣмъ личностямъ. Слѣдовательно, входя въ изслѣдованія, эти явленія принуждаютъ употреблять субъективный методъ и въ то же время позволяютъ это сдѣлать вполнѣ научно».

Вотъ краткій схематическій абрисъ первой, програмной статьи Н. К. Михайловскаго. Контуры этой схемы наполнены и даже переполнены въ статьѣ горячей критикой частныхъ утвержденій Спенсера, блестящими вылазками противъ его квіэтизма и удовлетворенности всѣмъ сущимъ, яркими картинками, иллюстрирующими мысль автора, цитатами изъ сочиненій по соціологіи и біологіи... Но основная мысль хорошо передается тремя приведенными мною мѣстами. Мы выписали эти мѣста, дабы собственными устами Н. К. Михайловскаго сформулировать самыя завѣтныя его мечты, самую суть его міросозерцанія. Эти основыя мысли только дополняются и развиваются въ послѣдую-

*) Т. I, стр. 97 и сл.

щихъ теоретическихъ и публицистическихъ его произведеніяхъ. Но, въ общемъ, они почти до конца служатъ ему тѣмъ свѣтомъ у гроба Господня, отъ котораго паломники зажигаютъ свои свѣтильники и который берегутъ весь дальнѣйшій путь. Потребности живой человѣческой личности, требованіе *гармоническаго* ихъ развитія и удовлетворенія—эта идея явилась несомнѣннымъ наслѣдіемъ фурьеризма, которому, какъ извѣстно, отдавали дань и Чернышевскій, и петрашевцы; но еще несомнѣннѣе, что она подсказывалась той особенностью русской жизни, опираясь на которую, можно было надѣяться на «возможность непосредственнаго перехода къ лучшему, высшему порядку, минуя стадію буржуазнаго государства»: эта идея являлась отраженіемъ того первобытнаго общиннаго уклада, въ которомъ передовые люди того времени видѣли, выражаясь словами Успенскаго, «благообразіе крестьянской жизни», «красоту ржаного поля». Выше, въ одной изъ цитатъ мы подчеркнули слова, особенно хорошо передающія интимную сторону мыслей Михайловскаго: раздѣленіе труда, дифференцированная общественная жизнь «стирали *непосредственность* взаимныхъ отношеній и дробили индивидуальную *цѣльность*». Эта непосредственность и эта цѣльность служили предметомъ зависти и идеализаціи всѣхъ интеллигентовъ того времени. «Кающійся дворянинъ», какъ и заболѣвшій «болѣзнью совѣсти» культурный разночинецъ,—оба противопоставляли своей раздвоенности и надломленности именно эту гармоничность, цѣльность, непосредственность отношеній крестьянской жизни. Это противопоставленіе вы найдете у Толстого, начиная съ «Казаковъ» и кончая «Мыслями о городѣ и деревнѣ», полонъ имъ Успенскій, давшій настоящую эпопею «болѣзни совѣсти». Это противопоставленіе есть вообще ключъ къ уразумѣнію всей эпохи,—ключъ, который даетъ намъ въ руки все тотъ же день 19-го февраля.

Терминъ, «кающійся дворянинъ» принадлежитъ Н. К. Михайловскому. Въ полубеллетристическомъ, полу-автобіографическомъ очеркѣ «Въ перемежку» (нѣкоторыя фигуры дѣйствующихъ лицъ срисованы по памяти съ нѣкогда близкихъ автору людей) *)—Н. М. Михайловскій чудесно вскрылъ все интимное содержаніе этого покаяннаго настроенія. Пускай въ этомъ настроеніи слишкомъ властно преобладаютъ мотивы *совѣсти* надъ мотивами *чести*, говоря терминами самого Михайловскаго; пускай для насъ, современныхъ людей, радикальная формула: «пусть насъ сѣкутъ, мужиковъ сѣкутъ же», которой, какъ мы видѣли, Михайловскій характеризовалъ настроеніе того времени, кажется и дикой, и лишенной неотъемлемо присущихъ намъ теперь нравственныхъ элементовъ; но всякій, кто перечтетъ эту полубеллетристику Михайловскаго, признаетъ, сколько чистоты, безстрашной правдивости и силы было въ этихъ кающихся, больныхъ совѣстью, «снимателяхъ ризокъ»; признаетъ, что много было истинной красоты въ ихъ чистотѣ и безстрашіи; признаетъ, кромѣ того, все благородство и всю привлекательность души самого автора, на рѣдкость вылившейся въ этихъ очеркахъ... Михайловскій, не

*) Очеркъ написанъ въ 1876—77 гг. Подзаголовокъ его: „Фантазія, дѣйствительность, воспоминанія, предсказанія“.

принадлежалъ къ экспансивнымъ, легко высказывающимся натурамъ. Онъ рѣдко высказывается въ положительной формѣ; лирическихъ мѣстъ у него почти нѣтъ. Въ этомъ смыслѣ, въ немъ есть какая-то скупость, сдержанность, пожалуй— застѣнчивость очень гордой натуры, не желающей обнажать себя передъ читателемъ. Лирическихъ, положительныхъ мѣстъ у него меньше, чѣмъ у Щедрина, гораздо меньше, чѣмъ у Успенскаго. Такихъ мѣстъ немного даже въ юношескомъ «Что такое прогрессъ?», а позднѣе, ихъ съ каждымъ годомъ становится все меньше и меньше. Михайловскій предпочитаетъ полемику, критику, отрицаніе чужихъ, враждебныхъ ему взглядовъ; предпочитаетъ полемическій сарказмъ и иронію—и, скажу тутъ же, онъ съумѣлъ отточить это свое всегдашнее оружіе до необычайной остроты, выработалъ изъ себя рѣдкаго, сокрушающей силы полемиста. Но именно поэтому особенно цѣнны такія вещи, какъ «Въ перемежку». Я могу указать только на прекрасную статью «Послѣднія минуты Некрасова», да еще, до извѣстной спепени, на статью о Лермонтовѣ: «Герой безвременья», какъ на такія, которыя можно поставить рядомъ съ «Въ перемежку»: и эти двѣ вещи безъ обиняковъ, непосредственно обнаруживаютъ всю нравственную привлекательность автора, «снимаютъ ризки» съ его привыкшей прятаться души...

Но все это—такъ сказать, въ скобкахъ. Мы вели рѣчь о принципѣ гармоніи, гармоническаго развитія, какъ основной идеѣ всѣхъ писаній Михайловскаго. Слѣдующія за «Что такое прогрессъ?» статьи теоретическаго характера: «Аналогическій методъ въ общественной наукѣ» (1869 г.), «Теорія Дарвина и общественная наука» (1870 г.) и очерки «Борьба за индивидуальность» (относящіеся къ 1878 и 1877 годамъ), продолжаютъ ту же борьбу съ органической теоріей общества, съ перенесеніемъ *объективнаго метода* естествознанія въ науку объ обществѣ, словомъ съ теоретическимъ оправданіемъ общественной дифференціаціи, съ теоретическимъ оправданіемъ того, что «стирало непосредственность» и «дробило цѣльность».

Французская дарвинистка Клемансъ Ройэ, ретиво переносящая принципы «борьбы за существованіе» изъ біологіи въ соціологію и мораль и воспѣвающая привилегіи наилучше приспособленныхъ «побѣдителей»; методическій нѣмецъ Іегеръ, со спокойной увѣренностью въ своей правотѣ проводящій тѣ же принципы; наконецъ, отечественный поборникъ іерархій г. Стронинъ—получаютъ на свои головы цѣлый душъ обличительныхъ сарказмовъ. Резюме Михайловскаго таково:

„Раздѣленіе труда и конкуренція — вотъ нравственнно-политическіе столпы дарвинизма, не имъ выдуманные, не имъ впервые возведенные на степень основъ общественнаго строя и имъ только по мѣрѣ силъ укрѣпляемые. Дарвинизмъ только ярче, смѣлѣе и, да позволено мнѣ будетъ такъ выразиться, наглѣе настаиваетъ на послѣдовательномъ проведеніи началъ, уже дѣйствующихъ и господствующихъ въ современномъ обществѣ“ *).

Указывая, согласно Снэллю и Геккелю, что эволюція, на ряду съ *идеальными* (сложной организаціи) *типами* («синтетическими» или «пророческими» по Агассицу), сплошь и рядомъ создаетъ типы *практическіе*, хорошо

---

*) Т. I, стр. 291.

приспособленные къ средѣ, но упрощенные, съ атрофированными органами, Михайловскій заключаетъ:

„Человѣкъ подчиненъ тѣмъ же законамъ, что и остальная природа. И въ обществѣ человѣческомъ много званныхъ, но мало избранныхъ, и здѣсь избранными сплошь и рядомъ оказываются подслѣповатые и слабокрылые; и здѣсь существуютъ типы идеальные и практическіе въ лицѣ отдѣльныхъ, недѣлимыхъ, сословій, народовъ; и здѣсь борьба, подборъ и полезныя приспособленія дѣлаютъ свое роковое дѣло. Но человѣкъ раститъ въ себѣ древо познанія добра и зла не для того только, чтобы созерцать его плоды, а и для того, чтобы вкушать ихъ. Ему нужны правила поведенія. У него есть идеалы, стремленія, желанія, цѣли. Ему нужна санкція ихъ. Въ немъ борются мысли и чувства, ища отвѣта на категорическій вопросъ: что дѣлать? Послѣдовательные представители дарвинизма отвѣчаютъ развязно: приспособляйся къ условіямъ окружающей тебя жизни, дави неприспособленныхъ, ибо изъ этого проистечетъ вящшая выгода для общества.

„Изъ предыдущаго слѣдуетъ заключить, что возможенъ совершенно противоположный отвѣтъ: приспособляй къ себѣ условія окружающей тебя жизни, не дави неприспособленныхъ, ибо въ борьбѣ, подборѣ и полезныхъ приспособленіяхъ заключается гибель и твоя и твоего общества“ *).

Въ этихъ строкахъ звучитъ очень характерная для Михайловскаго нота— нота *активности*. Вездѣ и всегда онъ ведетъ упорную борьбу съ принципомъ «приспособленія», санкціонирующимъ, на его взглядъ, status quo; вездѣ и всегда призываетъ онъ къ активному вмѣшательству въ жизнь... Этимъ духомъ активности такъ проникнуто все имъ написанное отъ раннихъ теоретическихъ статей до послѣдней публицистической замѣтки, что я бы съ удовольствіемъ замѣнилъ его терминъ «субъективный» методъ — терминомъ *активный методъ* въ соціологіи. Это было бы не менѣе научно и въ то же время—характернѣе, опредѣлительнѣе...

Но къ этому «методу» мы еще вернемся. А теперь обратимся къ дальнѣйшимъ выводамъ изъ основного принципа—гармоніи. Самымъ существеннымъ изъ этихъ выводовъ надо признать идею о *типахъ* и *степеняхъ* развитія. Эта идея, если не ошибаемся, впервые высказана въ «Запискахъ профана» 1875 г. въ статьѣ «Десница и шуйца гр. Л. Толстого». Это очень важное для всей теоріи Михайловскаго различеніе. Подсказано оно, разумѣется, все той же необходимостью защищать «благообразіе крестьянской жизни», на которомъ основано было столько надеждъ; вытекало оно, разумѣется, изъ того же принципа гармоніи, осуществленіе котораго видѣли въ этомъ самомъ «благообразіи». Но указанное различеніе само по себѣ служило фундаментомъ для дальнѣйшихъ построеній и надеждъ. Вдумайтесь только, какъ много это значило заполучить въ свои руки—пріобрѣсти право утверждать, что да, молъ, пусть Европа далеко опередила насъ во всевозможныхъ частностяхъ и спеціальностяхъ, но она идетъ по «органическому типу» развитія, она можетъ только прогрессировать въ частныхъ областяхъ знанія и культуры, душа и жизнь ея раздроблены, и придутъ ли къ цѣлостному синтезу—это неизвѣстно; а у насъ низшая степень

*) Ibid., стр. 292.

развитія, но зато типъ—высшій... И эта по существу эстетико-моральная квалификація, казалось, уполномочивала на самыя радужные соціологическіе выводы.

„Напримѣръ, имѣя въ виду *степени экономическаго развитія* Англіи и Россіи, всякій долженъ будетъ отдать преимущество первой. Но это не помѣшаетъ мнѣ признать Англію низшимъ (въ экономическомъ отношеніи) *типомъ* развитія. Это различеніе типовъ и ступеней развитія весьма важно, оно могло бы, если бы постоянно имѣлось въ виду, избавить насъ отъ множества недоразумѣній и безплодныхъ пререканій. Я прошу читателя приложить его къ... утвержденію графа Толстого, что пѣсня о „Ванькѣ Ключникѣ" и напѣвъ „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ" выше любого стихотворенія Пушкина и симфоніи Бетховена. Безъ сомнѣнія, въ „Ванькѣ Ключникѣ" и „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ" нѣтъ той тонкости и разнообразія отдѣлки, нѣтъ даже той *односторонней* глубины мысли и чувства, какими блестятъ Пушкинъ и Бетховенъ, они ниже послѣднихъ въ смыслѣ ступеней развитія, но они принадлежатъ къ высшему *типу* развитія, находящемуся пока на низкой ступени, но могущему имѣть *свой* прогрессъ. Эту *возможность* развитія, болѣе широкаго и глубокаго, чѣмъ какими вы обладаете сами, вы отнимете, если вамъ удастся подсунуть народу Пушкина и т. д." *).

Приведенная цитата—одноизъ самыхъ яркихъ, почти парадоксальныхъ выраженій настроенія того времени. Очень характерно, что на этомъ пунктѣ сходятся такія рѣзкія противоположности, какъ Левъ Толстой и Михайловскій, эти представители двухъ полюсовъ народничества;—сходятся, какъ въ день объявленія манифеста сошлись на одномъ чувствѣ Никитенко съ Герценомъ...

Усиліемъ воли подавивъ въ себѣ всякія возраженія соціологическаго свойства, читатель, я думаю, самъ почувствуетъ сколько соблазнительнаго было въ этомъ ученіи о типахъ и степеняхъ. Эта возможность *своего* и при томъ *положительнаго* пути прогресса, болѣе глубокаго и широкаго, чѣм европейскій, возможность цивилизаціи, «раздвигающей равномѣрно во всѣ стороны человѣческое недѣлимое», какъ говорится въ «Что такое прогрессъ»?—несомнѣнно представляетъ много эстетически и морально привлекательнаго и посейчасъ; а ужъ въ тѣ годы — и говорить нечего! Въ тѣ годы, когда европейскій прогрессъ разсматривался подъ угломъ зрѣнія чисто отрицательнымъ, когда въ немъ легче и охотнѣе всего усматривали «помраченіе» человѣческой личности, когда корифеи западно-европейской науки, и экономисты, и моралисты, и біологи, санкціонировали это помраченіе принципомъ національнаго богатства, отожествленіемъ привилегій съ моральнымъ превосходствомъ и пр.; когда въ противовѣсъ не оправдавшей надеждъ Европѣ, естественно вставалъ только-что освобожденный молодой народъ съ заложенными въ немъ возможностями;—тогда, несомнѣнно, это различеніе типовъ и степеней должно было казаться не находкой, а настоящимъ открытіемъ. И оно впиталось въ общественную мысль и долго еще жило въ ней, порождая безконечные, до нашихъ дней дотянувшіеся, разговоры объ общинѣ и подворномъ владѣніи, о зачаткахъ коллективизма въ земельныхъ передѣлахъ и пр. и пр.

Объяснить способы реализаціи великихъ возможностей должна была

*) Т. III, стр. 515 и сл.

теорія «борьбы за индивидуальность». Но она осталась незаконченной, ограничилась нѣсколькими очерками, которые провозглашають принципъ этой борьбы единственнымъ прогрессивнымъ началомъ въ исторіи и прослѣживаютъ его проявленія отчасти въ первобытную пору докультурнаго человѣка, отчасти въ средніе вѣка. Больше всего мѣста удѣлено очень остроумной теоріи семьи и любви; послѣдняя разсматривается какъ стремленіе двухъ недѣлимыхъ, разорванныхъ процессомъ эволюціи, специализированныхъ въ половомъ отношеніи, къ возстановленію своего первобытнаго единства, которое существовало въ періодъ, когда наши предки, простѣйшіе организмы, не знали раздѣленія половъ... Личность, семья, родъ, общество—разсматриваются, какъ іерархія индивидуальностей; высшая, болѣе сложная индивидуальность всегда стремится подчинить себѣ и «помрачить» индивидуальность ей подчиненную. Послѣдняя можетъ или приспособляться къ этимъ требованіямъ, приспособляться къ средѣ, по аналогіи съ практическими типами въ біологіи, или бороться со средой и видоизмѣнять ее соотвѣтственно своимъ потребностямъ — гармоническаго, цѣлостнаго существованія, уподобляясь «пророческимъ», идеальнымъ типамъ. Такая борьба возможна, какъ для личности, такъ и для групповыхъ индивидуальностей, каковъ народъ по отношенію къ государству и т. д. Гнетъ высшихъ ступеней индивидуальности вызываетъ явленія «вольницы и подвижниковъ». Послѣдніе, подобно практическимъ типамъ, урѣзываютъ свое *я* до minimum'а, сокращаютъ свои потребности—это одинъ исходъ; вольница представляетъ протестъ воинствующій, активный, но при этомъ реакціонный, ибо борется большей частью за старину, «ту старину, которая еще не знала всей силы раздѣленія потребности съ условіями ея удовлетворенія»... Процессъ подавленія личности обществомъ прослѣживается въ явленіяхъ неудачнаго брака, въ нравственныхъ эпидеміяхъ эпохи цеховъ и феодальныхъ замковъ и т. д. Но мы не будемъ далѣе пересказывать мыслей автора: пересказъ, даже и удачный, всегда обезцвѣчиваетъ, лишаетъ аромата, сушитъ, особенно когда дѣло идетъ о такихъ живыхъ писательскихъ дарованіяхъ, какъ Михайловскій, каждая статья котораго переполнена сопоставленіями съ современной дѣйствительностью или ученіемъ того или другого теоретика, полемическими вылазками и вообще всякими уклоненіями въ сторону и литературы и жизни. Скажемъ только, что очерки «Борьба за индивидуальность» являются все той же социологіей съ *активнымъ* методомъ, что это сплошной призывъ къ активности, облеченной въ ризы этнологіи, біологіи, социологіи и исторіи.

Читателю, полагаемъ, уже выяснилась теоретическая физіономія Н. К. Михайловскаго, выяснялись всѣ составныя части построеннаго имъ воздушнаго замка на каменномъ фундаментѣ. Каменный фундаментъ, реалистическая база—это *высшій типъ*, который тогда видѣли въ укладѣ народной жизни, и обусловленная имъ *возможность* миновать не желательную стадію. Средній этажъ это принципъ борьбы за индивидуальность, активное демократическое настроеніе, которымъ дышитъ каждая буква, написанная въ тѣ годы его перомъ; воздушная часть постройки, шпицъ, вѣнчающій зданіе и уходящій въ небо—идеалъ гармонически развитой, цѣлостной человѣческой личности.

Намъ надо добавить къ предыдущему только одно замѣчаніе. Всѣ требованія, всѣ построенія Михайловскаго, отправляясь отъ потребностей личности, какъ онъ ихъ понимаетъ, имѣютъ цѣлью *счастье* этой личности. Счастье можетъ дать только гармоническое развитіе, всякое помраченіе ведетъ къ страданію, къ боли. Этотъ эвдемонизмъ, или утилитаризмъ очень важная сторона въ воззрѣніяхъ Михайловскаго: она объясняетъ его отношеніе ко многимъ теченіямъ мысли и жизни, не укладывающимся въ теорію эвдемонической морали.

Характеръ и составные элементы «воздушнаго замка» опредѣляли взгляды Н. К. Михайловскаго на всѣ частные вопросы. Всѣ требованія, предъявляемыя къ наукѣ, къ искусству, вытекаютъ изъ того же принципа гармоніи и цѣлостности. Пламенную діатрибу противъ «чистаго искусства» мы находимъ уже въ «Что такое прогрессъ?»... Михайловскій всю жизнь стоялъ на той же точкѣ зрѣнія и защищалъ идейную, гражданскую теорію искусства. Каждымъ своимъ дѣйствіемъ, каждымъ своимъ словомъ человѣкъ долженъ подчинять среду своимъ требованіямъ. Такова должна быть каждая буква, начертаная наукой; таково должно быть каждое слово, произнесенное поэтомъ, каждый штрихъ карандаша художника, каждая нота музыканта, еслибъ это было возможно... Эта концентрированная, напряженная гражданственность и активность характерная черта того времени. Она обусловлена не только настроеніемъ, появившихся въ эпоху 19-го февраля «кающихся дворянъ», и силою ихъ покаянія, а и той переоцѣнкой роли политики, политической организаціи, о которой мы уже упоминали; въ первые, слѣдовавшіе за актомъ 19-го февраля годы, эта переоцѣнка находила свое выраженіе въ той характерной альтернативѣ, которую мы выписали выше: «элементы, сильные *либо* властью, *либо* своей численностью»; впослѣдствіи—отъ этой альтернативы отказались, но переоцѣнка оставалась...

Такова въ общихъ чертахъ теоретическая физіономія Михайловскаго. Въ этихъ общихъ чертахъ своихъ она не измѣнялась до конца его дѣятельности, хотя, разумѣется, публицистическіе и практическіе выводы, изъ нея вытекавшіе, подъ давленіемъ исторіи претерпѣвали извѣстное измѣненіе. Это измѣненіе опредѣлялось прежде всего отказомъ отъ одного изъ представленій только что цитированной альтернативы и усложненіемъ, утонченіемъ другого; а затѣмъ—все болѣе ощутительнымъ «урѣзываніемъ» той великой возможности, допущеніе которой служило фундаментомъ всему зданію.

Закончимъ этотъ общій абрисъ Михайловскаго, какъ теоретика, его собственной характеристикой, сдѣланной имъ въ предисловіи къ послѣднему собранію его сочиненій, а затѣмъ перейдемъ къ его публицистикѣ. Нижеслѣдующая цитата не разъ приводилась въ статьяхъ о Михайловскомъ, но мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать эти прекрасныя и характерныя строки:

„Всякій разъ, какъ мнѣ приходитъ въ голову слово „правда", я не могу не восхищаться его поразительною внутреннею красотой. Такого слова нѣтъ, кажется, ни въ одномъ европейскомъ языкѣ. Кажется, только по-русски истина

и справедливость называются однимъ и тѣмъ же словомъ и какъ бы сливаются въ одно великое цѣлое. Правда въ этомъ огромномъ смыслѣ слова всегда составляла цѣль моихъ исканій. Правда-истина, разлученная съ правдой-справедливостью, правда теоретическаго неба, отрѣзанная отъ правды практической земли, всегда оскорбляла меня, а не только не удовлетворяла. И наоборотъ, благородная житейская практика, самые высокіе нравственные и общественные идеалы представлялись мнѣ всегда обидно безсильными, если они отворачивались отъ истины, отъ науки. Я никогда не могъ повѣрить и теперь не вѣрю, чтобы нельзя было найти такую точку зрѣнія, съ которой правда-истина и правда-справедливость являлись бы рука объ руку, одна другую пополняя. Во всякомъ случаѣ, выработка такой точки зрѣнія есть высшая изъ задачъ, какія могутъ представиться человѣческому уму, и нѣтъ усилій, которыхъ жалко было бы потратить на нее".

Фракцію народничества, теоретическимъ обоснователемъ и вдохновителемъ которой былъ Михайловскій, можно назвать *критическимъ* народничествомъ не только во имя критической постановки вопроса о «возможности непосредственнаго перехода къ лучшему будущему», но и въ силу того различія, которое эта фракція дѣлала между *мнѣніями* и *интересами* народа. И здѣсь мышленіе было тоже критическимъ, отношеніе гораздо болѣе культурнымъ и европейскимъ, чѣмъ у лирическихъ народниковъ. Послѣдніе готовы были, «сливаясь съ народомъ», отказаться отъ всѣхъ завоеваній европейской жизни и мысли; они учиняли нѣчто подобное тому, что, по увѣренію г. Л. Оболенскаго въ одной критической статьѣ о Достоевскомъ, учинилъ послѣдній: «Захотѣлъ вѣрить по народному, и сталъ вѣрить». Михайловскій всегда вѣрилъ *по своему* и защищалъ права личности на моральную свободу и автономность съ самыхъ первыхъ своихъ публицистическихъ статей. Полемизируя съ П. Ч., писавшимъ въ «Недѣлѣ» въ началѣ 70-ыхъ годовъ, когда она еще не успѣла сдѣлаться тѣмъ межеумочнымъ органомъ, какимъ стала впослѣдствіи, Михайловскій говорилъ: «Только сахарные Маниловы, да еще трусы и лѣнтяи, отлынивающіе отъ своихъ нравственныхъ обязанностей, могутъ ждать, что «люди деревни», вытерпѣвшіе гнетъ не однихъ Обровъ, такъ вотъ и скажутъ «надлежащее слово», даже предполагая, что они имѣютъ уже фактическую возможность его сказать»... «У мужика есть чему поучиться, но есть и намъ, что ему передать. И только изъ взаимодѣйствія его и нашего и можетъ возникнуть вождελѣнный новый періодъ русской исторіи» *).

Такимъ образомъ онъ выдвигалъ активную роль интеллигенціи, сознательныхъ элементовъ, проникшихся лишь интересами народа, выдвигалъ ее вмѣстѣ съ другимъ теоретикомъ той же фракціи, П. Л. Лавровымъ, который и называлъ такихъ интеллигентовъ «*критически* мыслящими личностями», «сынами исторіи», въ противоположность народу—«пасынку» ея.

Отношенія между интеллигенціей и народомъ, въ моральномъ смыслѣ, опредѣлялись извѣстной формулой народничества: *уплата долга народу*. Это былъ, разумѣется, главнымъ образомъ, мотивъ кающихся дворянъ: имъ хотѣлось расплатиться за права и привилегіи, которыми они или отцы ихъ пользова-

---

*) „Записки профана", 1875 г., т. III, стр. 693 и 698.

лись только вчера еще... Но изумительная черта эпохи: къ этой же моральной формулѣ, къ той же *уплатѣ* присоединились и разночинцы, интеллигентные работники, выходившіе изъ среды духовенства, мѣщанства или даже крестьянства! Имъ, казалось бы, расплачиваться было не за что; на ихъ плечахъ никакихъ долговыхъ обязательствъ не лежало, сами они, напротивъ, въ дѣтствѣ несли на этихъ плечахъ гнетъ всѣхъ «высшихъ индивидуальностей» почти въ той же мѣрѣ, какъ и самъ народъ. Но такова была сила общаго энтузіазма, общаго порыва къ новымъ формамъ жизни, что и они, отрицаясь ветхаго человѣка, каялись и расплачивались вмѣстѣ съ прочими. Михайловскій такъ объясняетъ это настроеніе:

„Мы поняли, что сознаніе общечеловѣческой правды и общечеловѣческихъ идеаловъ далось намъ только благодаря вѣковымъ страданіямъ народа. Мы не виноваты въ этихъ страданіяхъ, не виноваты и въ томъ, что воспитались на ихъ счетъ, какъ не виноватъ яркій, ароматный цвѣтокъ въ томъ, что онъ поглощаетъ лучшіе соки растенія. Но принимая эту роль цвѣтка изъ прошедшаго, какъ нѣчто фатальное, мы не хотимъ ея въ будущемъ.. Мы пришли къ мысли, что мы должники народа. Можетъ быть, такого параграфа и нѣтъ въ народной правдѣ, даже навѣрное нѣтъ, но мы его ставимъ во главу угла нашей жизни и дѣятельности, хоть, можетъ быть, не всегда сознательно. Мы можемъ спорить о размѣрахъ долга, о способахъ его погашенія, но долгъ лежитъ на нашей совѣсти и мы его отдать желаемъ“ (изъ „Литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ“ 1873 года, „Коментаріи къ „Бѣсамъ“ Достоевскаго“).

Практическое осуществленіе идеаловъ, формулированныхъ теоріей, возлагается на интеллигенцію и на народъ. Интеллигенція эта стоитъ какъ бы внѣ классовъ, ее составляютъ не принадлежащіе ни къ какой опредѣленной соціальной группѣ «кающіеся дворяне» и «разночинцы». «Каждый изъ насъ, какъ свѣдущій работникъ, приспособился къ извѣстной профессіи и болѣе или менѣе сжатъ тисками всепоглощающей высшей индивидуальности—общества». Служа своей спеціальности, научной ли, технической ли, интеллигентъ работаетъ не для себя, не для своей личности: «все это заберетъ въ свои руки высшая индивидуальность; всѣмъ этимъ воспользуется въ безпощадной борьбѣ съ нами же и изуродуетъ самихъ людей науки». У этой интеллигенціи нѣтъ иныхъ интересовъ, кромѣ интересовъ личности. Изъ вышеизложеннаго мы знаемъ, что въ *высшемъ типѣ*, который представляетъ собою укладъ деревенской жизни, заложены возможности именно гармоническаго развитія, равномѣрнаго расширенія во всѣ стороны человѣческой личности. Отсюда слѣдуетъ, что интересы народа и интересы личности—тожественны. А это даетъ Михайловскому право опредѣлять народъ такъ: «совокупность трудящихся классовъ общества», и вездѣ подставлять вмѣсто интересовъ личности интересы труда. «Если, такимъ образомъ, все зданіе правды должно быть построено на личности,—говоритъ онъ въ «Письмахъ о правдѣ и неправдѣ» (1877 г.),—то, какъ уже сказано, конкретные политическіе вопросы представляются иногда въ такой сложной формѣ, что прослѣдить въ этой сѣти за интересами и судьбами личности бываетъ очень трудно. Въ такомъ случаѣ, вмѣсто интересовъ личности, вы поставите интересы народа или, точнѣе, труда». «Народъ, въ настоящемъ смыслѣ слова, есть совокупность трудящихся классовъ общества. Служить народу значитъ

работать на пользу трудящагося люда. Служа этому народу по преимуществу, вы не служите никакой привилегіи, никакому исключительному интересу, вы служите просто труду; слѣдовательно, между прочимъ, и самому себѣ, если только вы вообще чему-нибудь служите»...

Въ другомъ мѣстѣ «Записокъ профана» Михайловскій говоритъ, что «народъ (народъ уже не въ «настоящемъ»,а въ обычномъ смыслѣ слова,—крестьянство) никогда не былъ сословіемъ. Онъ платилъ подати и періодически выдѣлялъ изъ себя единицы для пополненія рядовъ арміи; но никакой дальнѣйшей спеціализаціи въ пользу высшей индивидуальности онъ не подлежалъ, никакой корпораціи не составлялъ и профессіальному образованію не подвергался. Онъ всегда «самъ удовлетворялъ всѣмъ своимъ человѣческимъ потребностямъ», тогда какъ система сословій въ томъ именно и состоитъ, что потребности однихъ удовлетворяются другими»...

Эти приведенныя мною параллельно цитаты хорошо объясняютъ, на мой взглядъ, изъ какихъ побужденій Михайловскій отожествлялъ понятіе народа съ понятіемъ личности. Остановился я такъ подробно на этомъ пунктѣ потому, между прочимъ, что нѣкоторые критики, какъ г. Бердяевъ, которому принадлежитъ большая и очень интересная работа о Михайловскомъ, отказываются понять это отожествленіе. Для меня оно, во-первыхъ, совершенно понятно, какъ, надѣемся, понятно изъ вышеизложеннаго и читателю, а во-вторыхъ, для меня очевидно, что̀ въ этомъ отожествленіи было много заманчиваго для интеллигентовъ-народниковъ... Оно было какъ бы логическимъ хожденіемъ въ народъ, логическимъ сліяніемъ съ нимъ. И произошло это теоретическое сліяніе какъ разъ въ то время, когда внѣшнія препятствія къ практическому осуществленію этой задачи уже выросли въ громадной степени. Въ публицистикѣ Михайловскаго все сильнѣе звучитъ новая струна, струна настоящей гражданской проповѣди. Одно то обстоятельство, что «критически мыслящей личности» въ цитированныхъ статьяхъ Н. К. Михайлввскаго отводится такая видная практическая роль въ жизни, уже доказываетъ, что къ этому времени, къ серединѣ семидесятыхъ годовъ, приведенная выше альтернатива съ двумя *либо* была предана окончательному забвенію.

Къ тому же должно было повести и происходившее у него на глазахъ «урѣзываніе» той великой возможности, въ которую народники клали всю душу. Еще въ 1878 году Н. К. Михайловскій писалъ:

„Пора бы намъ перестать толковать объ отличін историческихъ путей, коимъ слѣдуетъ наше отечество, отъ тѣхъ, по которымъ шла и идетъ Европа. Еще есть, конечно, до извѣстной степени возможность позаимствовать у историческаго опыта Европы все хорошее и избѣжать дурного. Но для этого нужны энергическія усилія, а не безсмысленное закрываніе глазъ на то, что кругомъ насъ творится... У насъ сплошь и рядомъ можно услышать утѣшительные разговоры насчетъ того, что мы, такъ сказать, не отъ міра сего, объ наживѣ не думаемъ, а потому и буржуазіи вырастить изъ себя не можемъ. Хорошо бы, кабы этими устами да медъ пить. Но въ то самое время, какъ медоточивыя уста разглагольствуютъ, сборная команда купцовъ, помѣщиковъ-предпринимателей и кулаковъ-крестьянъ слагается въ совершенно опредѣленную буржуазію, хотя, конечно, на нашъ отечественный солтыкъ и притомъ пока не сомкнутую еще корпоративнымъ духомъ“ („Литературныя замѣтки“ 1878 г., „О повѣстяхъ Писемскаго“).

А черезъ два года говоря о «Дневникѣ писателя» Достоевскаго въ той же главѣ «Литературныхъ замѣтокъ», изъ которой мы сдѣлали выше цитату съ альтернативой, онъ вспоминаетъ объ этой альтернативѣ, какъ о давно изжитомъ и отвергнутомъ представленіи и даетъ слѣдующую характеристику переживаемаго момента—момента сосредоточеннаго напряженія и трагическихъ предчувствій. «Сборная команда» увеличивается еще однимъ членомъ:

„...та теоретическая возможность, въ которую мы всю душу свою клали, только на этихъ элементахъ, порознь или вмѣстѣ дѣйствующихъ, и могла быть построена... Но если между этими элементами протискивается всемогущій братскій союзъ мѣстнаго кулака съ мѣстнымъ администраторомъ, то наша теоретическая возможность обращается въ простую иллюзію, а вмѣстѣ съ тѣмъ отреченіе отъ элементарныхъ параграфовъ естественнаго права теряетъ всякій смыслъ. Очевидно, никому отъ этого отреченія ни тепло, ни холодно, кромѣ отрекающихся, которымъ холодно, и всемогущаго братскаго союза, которому тепло. Да, ему тепло и въ этомъ корень вещей. Оказывается, что если европейскія учрежденія не гарантируютъ народу его куска хлѣба и есть тамъ „милліоны голодныхъ ртовъ отверженныхъ пролетаріевъ“ рядомъ съ тысячами жирныхъ буржуа, то наши наличные порядки фактически тоже ничего не гарантируютъ, кромѣ акридъ и дикаго меду для желающихъ и не желающихъ ими питаться» *).

Великія надежды на великую возможность уже таяли. Эту возможность готовы были признать иллюзіей. Это былъ тотъ моментъ, когда интеллигенція взваливала на свои рамена всю тяжесть исторической работы, тотъ моментъ за которымъ вскорѣ послѣдовалъ періодъ уже окончательнаго душевнаго мрака, періодъ «героизма отчаянія», какъ охарактеризовалъ поэзію Матвѣя Рамшева одинъ критикъ, а затѣмъ—мертвая полоса 80-ыхъ годовъ. Мы привели эти цитаты, чтобы языкомъ самого Михайловскаго и языкомъ того времени, драматически такъ сказать, представить читателю эволюцію идей и настроенія, какъ самого Михайловскаго, такъ и передовой части нашей интеллигенціи—это синонимы, впрочемъ, ибо всегда онъ былъ во главѣ этой интеллигенціи, всегда являлся истолкователемъ и вдохновителемъ ея.

Мы далеки отъ мысли, что представили характеристику всей публицистики Михайловскаго за этотъ періодъ. Это была бы очень не легкая задача, да мы ею и не задавались: намъ хотѣлось только указать на измѣненія въ основныхъ мотивахъ этой публицистики. Какъ въ первый періодъ, въ періодъ надеждъ на «минованіе средней стадіи», онъ, главнымъ образомъ, направлялъ свои острыя стрѣлы по адресу разныхъ апологетовъ нарождающагося капитализма, отечественныхъ въ родѣ гг. Скальковскаго, гр. Орлова-Давыдова, и иностранныхъ мыслителей буржуазнаго типа, санціонкирующихъ всѣ прелести капиталистическаго строя; такъ по мѣрѣ приближенія къ 80-ымъ годамъ его вниманіе все больше сосредоточивается на новомъ членѣ «сборной команды», на параграфахъ естественнаго права.

Критики Михайловскаго упрекаютъ его въ аполитичности его теорій и публицистики. Этотъ упрекъ, несомнѣнно, основанъ на недоразумѣніи. Во-первыхъ, обвинители могли бы дѣлать этотъ упрекъ, принимая во вниманіе

*) Т. IV. стр. 957.

только произведенія первой полосы дѣятельности Михайловскаго, относящіяся къ эпохѣ великихъ надеждъ на великія возможности и признанія альтернативы съ двумя *либо*; во-вторыхъ, даже и здѣсь ошибочно, на мой взглядъ, чинить нравственный судъ и съ высоты «объективныхъ» принциповъ абсолютной морали, предавать анаѳемѣ «отказъ отъ элементарныхъ параграфовъ естественнаго права». Несомнѣнно, что надежды критическихъ народниковъ рисовали имъ лучшее будущее, непосредственный переходъ къ которому признавался возможнымъ, въ видѣ реализаціи, между прочимъ, и этихъ параграфовъ. Это только не было очереднымъ вопросомъ и отказывались отъ этихъ параграфовъ какъ бы во имя ихъ же. Такъ что, вопреки строгому приговору г. П. Струве и г. Бердяева, я считаю эту фракцію народничества повинной лишь въ ошибкахъ соціологическаго и историческаго, а отнюдь не моральнаго сужденія. Курьезно, что во время ожесточенной полемики съ марксистами въ 90-ыхъ годахъ, самъ Михайловскій и его единомышленники кидали своимъ противникамъ буквально тотъ же упрекъ: они тоже инкриминировали чрезмѣрное увлеченіе экономизмомъ въ ущербъ параграфамъ естественнаго права... Мы, впрочемъ, подобно Михайловскому, чужды абсолютовъ и объективныхъ принциповъ морали. Я тоже «релятивистъ» и полагаю, что абсолютные принципы признавались и раньше нашихъ современныхъ «идеалистовъ», что у нихъ были предшественники на этомъ поприщѣ, но при этомъ иная историческая обстановка наполняла эти принципы совершенно не тѣмъ содержаніемъ, до котораго додумались они, современные идеалисты. Поэтому вполнѣ присоединяясь къ содержанію ихъ принциповъ, я однако нахожу, что въ строгомъ приговорѣ надъ народничествомъ 70-хъ годовъ они погрѣшили сами—отсутствіемъ исторической точки зрѣнія, неумѣніемъ перенестись въ психологію того времени.

А психологія того времени опредѣлялась не только надеждами на великую «русскую» возможность; ясность соціологическаго мышленія затемнялась не только живыми, страстными мечтами о развитіи кажущагося благообразія народной жизни до ослѣпительнаго совершенства и міровой гармоніи; тутъ дѣйствовалъ еще специфическій взглядъ на Европу, пессимистическая оцѣнка ея жизненнаго уклада, оцѣнка, которую, на первый взглядъ, оправдывала капризная, то и дѣло перемежающаяся паденіями, кривая европейскаго хода развитія. Начало критическаго народничества, подобно началу нашего народничества вообще, совпало съ моментомъ сильнаго паденія этой кривой. Надо замѣтить, что взоры русскихъ людей обращались преимущественно къ Франціи, этой странѣ бурныхъ реформъ, этой странѣ съ наиболѣе драматическимъ ходомъ исторіи изъ всѣхъ европейскихъ странъ. Интересъ и вниманіе довольно понятные со стороны нетерпѣливыхъ молодыхъ душъ... Вспомните чудесныя страницы Щедрина, въ «За рубежомъ», объ этой Франціи, воплощавшей всѣ надежды его молодости и, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказавшейся Франціей Макмагоновъ, Тьеровъ и т. п. поборниковъ «свободы». Это было какъ бы второе крещеніе, полученное нашимъ народничествомъ отъ Запада. Первое было въ дни Герцена, второе въ 70-ые годы. Въ оба раза въ купели оказалась довольно студеная вода, и ребенокъ остался недовольнымъ. Прибавьте къ этому, что передовые мыслители Европы, какъ Марксъ, занимались усиленной критикой, усиленнымъ обнаруженіемъ всѣхъ язвъ капиталистическаго строя.

Сочувственныя выписки изъ Маркса о калѣченіи, которому подвергается личность пролетарія, мы находимъ у Михайловскаго уже въ 1872 году («Дарвинизмъ и общественная наука»). Легко понять, почему русская передовая мысль цѣликомъ сосредоточилась на отрицательныхъ сторонахъ капиталистическаго строя, и не видѣла сторонъ положительныхъ, творческихъ. Это была не слѣпота. Слѣпотой можно бы назвать противоположный образъ мыслей, образъ мыслей тогдашнихъ отечественныхъ либераловъ. Вѣдь и Марксъ говорилъ, что капиталистическій строй въ первоначальной своей стадіи обнаруживаетъ только отрицательныя стороны. Нравственная слѣпота господъ либераловъ позволяла имъ не видѣть этого и видѣть положительныя стороны, шедшія навстрѣчу ихъ классовымъ вожделѣніямъ. Не могу не припомнить, по этому случаю, то курьезное полемическое увлеченіе, которое побудило г. П. Струве воспѣть въ одной замѣткѣ прозорливость Боткина, уже въ 40-хъ годахъ умѣвшаго усмотрѣть положительныя стороны буржуазнаго строя. Правда, это было написано въ самый разгаръ полемики; правда, одной изъ главныхъ задачъ того времени было указать именно на культурную и прогрессивную въ соціальномъ смыслѣ роль капитализма. Но воспѣвать Боткина было все-таки совершенно не за что: вѣдь его прозорливость достигалась безусловно приложеніемъ «субъективнаго метода» къ соціологіи. Достаточно было прочесть воспоминанія о немъ Фета, гдѣ Боткинъ рисуется необычайнымъ и универсальнымъ гурманомъ, находившимъ эстетическое наслажденіе не только въ ѣдѣ и процессѣ пищеваренія, но даже въ послѣдней стадіи этого процесса...

Слѣдующая цитата хорошо уяснитъ читателю то отношеніе народничества къ его теоретической колыбели, которое привело его къ ошибкамъ соціологическаго сужденія:

„Добросовѣстный и менѣе предубѣжденный, чѣмъ г-жа Ройе, критикъ замѣтилъ бы, что Руссо желаетъ собственно возвращенія не къ первобытной жизни, а только такъ сказать, къ ея пропорціямъ, причемъ требуется не отреченіе отъ науки, техническихъ открытій и усовершенствованій, нравственныхъ идей, пріобрѣтенныхъ цивилизаціей, а только извѣстное ихъ направленіе. Преслѣдуя науку, Руссо не отрицалъ ее самое, а только требовалъ, чтобы она исполняла свою службу человѣчеству, какъ служатъ дикарю его скудныя знанія. Когда Руссо сѣтовалъ, что у насъ есть физики и геометры, а нѣтъ гражданъ, онъ желалъ не исчезновенія физиковъ и геометровъ, а обращенія ихъ въ гражданъ. Этого-то требованія возвращенія къ пропорціямъ прошедшаго г-жа Ройе и не понимаетъ, хотя стоитъ очень близко къ ключу загадки“... „Но если г-жа Ройе такъ не любитъ равенства, то взамѣнъ того она очень любитъ свободу...

„У дверей кафе сидитъ нѣсколько франтовъ. Мимо проѣзжаетъ извозчикъ.

„— Извозчикъ, вы свободны?—спрашиваетъ одинъ изъ франтовъ.

„— Свободенъ.

„— Ну, такъ кричите: да здравствуетъ свобода!

„Эту остроту я вычиталъ нынче лѣтомъ, помнится, въ Шаривари. Едва ли самъ Шаривари понималъ всю ея глубину. А она дѣйствительно глубока, и канва для нея выхвачена изъ юмора самой исторіи, самой жизни. Я знаю только одну столь же глубоко юмористическую канву,—это судьба слова и понятія „пролетарій“, что въ буквальномъ смыслѣ значитъ способный къ дѣторожденію, дѣтопроизводитель. Весь споръ соціалистовъ и либераловъ вертится около этихъ двухъ каламбуровъ исторіи, Свободный извозчикъ и дѣтопроизво-

дитель! Кричи: да здравствуетъ свобода! и не производи дѣтей,—таковъ лозунгъ либерализма. Ваша свобода душитъ свободнаго извозчика, возражаютъ либераламъ; онъ проситъ, чтобы его освободили отъ этой свободы, освободить же его можетъ только государство.—Караулъ!—кричатъ либералы. Правительственное вмѣшательство! Нарушеніе святого и плодотворнаго принципа свободы! Правительства! Не слушайте этихъ бредней и во имя святого и плодотворнаго принципа свободы запретите дѣтопроизводителямъ производить дѣтей!

„Свобода!—великое, громкое слово, тысячи разъ кровавыми буквами записанное на скрижаляхъ исторіи и въ сознаніи людей; прекрасный, но страшный сфинксъ, безжалостно пожирающій всякаго, кто не разгадаетъ его хитрыхъ загадокъ. Кто не игралъ этимъ словомъ отъ мудраго Платона до новорожденныхъ русскихъ либераловъ; кто не выворачивалъ его на всѣ лады и не предлагалъ свободному извозчику кричать: да здравствуетъ свобода! Не провозгласилъ ли Фридрихъ-Вильгельмъ IV теорію „свободныхъ народовъ и свободныхъ королей"; не провозглашаютъ ли русскіе либералы свободу отъ земли, не правъ ли публицистъ, утверждавшій, что для многихъ тысячъ людей laissez passer значитъ laissez mourir, и мало ли людей желающихъ освободиться отъ свободы?.." *).

Начиная со второй половины 80-хъ годовъ, народничество переживаетъ тяжелый періодъ полнаго разочарованія. Оно уперлось въ глухую стѣну. Отъ былыхъ надеждъ на осуществленіе великихъ возможностей не оставалось и слѣда. «О наличности какой нибудь общественной задачи, которая соединила бы въ себѣ грандіозность замысла съ общепризнанной возможностью немедленнаго исполненія, нечего въ наше время и говорить,—писалъ Н. К. Михайловскій въ 91 г., въ статьѣ о Шелгуновѣ,—нѣтъ такой задачи, но нѣтъ и гораздо меньшаго... новые таланты... немедленно получаютъ отпечатокъ тусклости и безразличія. Это-то, можетъ быть и неизбѣжное, но, во всякомъ случаѣ, печальное положеніе вещей «новое литературное поколѣніе» возводитъ въ принципъ. Придавленное, пригнетенное фактомъ, оно безсильно противопоставить ему идею. Оно косится на всякія сколько-нибудь широкіе идеалы и рѣшительно отрицаетъ «героизмъ». Оно желаетъ «реабилитировать дѣйствительность» и съ этою цѣлью ищетъ въ ней «свѣтлыхъ явленій» и «бодрящихъ впечатлѣній». Оно не способно расцѣнивать явленія жизни по ихъ нравственно-политическому значенію и эту свою неспособность возводитъ въ принципъ...» Вы чувствуете, читатель, какимъ душевнымъ мракомъ вѣетъ отъ этихъ усталыхъ, скрѣпя сердце написанныхъ строкъ? Вы видите, что грандіозная, кровавая драма пережита, что занавѣсъ опустился и что пережившій ее душою зритель сидитъ передъ этимъ опущеннымъ занавѣсомъ и, какъ бы въ оцѣпѣненіи, не знаетъ, какъ очнуться, вставать ли съ своего мѣста и куда направить свои шаги... Какъ это не похоже на смѣлыя, боевого пыла исполненныя писанія Михайловскаго прежнихъ лѣтъ. Какую неизгладимую, глубокую морщину провело въ его душѣ крушеніе былыхъ надеждъ и возможностей! Съ этого времени, т.-е. съ середины 80-хъ годовъ Михайловскій пишетъ рядъ критическихъ и публицистическихъ очерковъ, анализирующихъ явленія современной «Литературы и жизни», главнымъ образомъ, впрочемъ, литературы. Всѣ оцѣнки, всѣ опредѣленія дѣлаются съ той же общей точки зрѣнія, какая создалась въ годы надеждъ; тѣ же требованія «сконцен-

---

*) Т. I, стр. 258 и сл. „Теорія Дарвина и телеологія", 1870 г.

трированной гражданственности», какъ мы ее назвали, тотъ же принципъ гармоніи, прилагаются, какъ мѣрило всѣхъ разбираемыхъ явленій. Но уже прежняго воодушевленія и силы нѣтъ; всегда чувствуется, что реальная почва ушла изъ-подъ ногъ публициста, что и самъ онъ если не «безсиленъ», противопоставить факту идею, то все же воистину «придавленъ, пригнетенъ» этимъ фактомъ. Полагаю, что пережитая имъ историческая трагедія, въ которой онъ былъ, къ тому же не зрителемъ только, а и дѣйствующимъ лицомъ, по меньшей мѣрѣ объясняетъ это настроеніе. Да и дѣйствительность окружающая не могла ничѣмъ пособить ему, не могла привлечь его сочувствующій взоръ никакими явленіями, сколько-нибудь значительныхъ размѣровъ и сколько-нибудь отвѣчавшими его повышеннымъ, въ школѣ весенняго общественнаго идеализма воспитаннымъ требованіямъ. Это была пора «малыхъ, конкретныхъ» дѣлъ, казавшихся такими элементарными, такими ничтожными въ только что истекшую эпоху; это была пора, когда народничество отрѣшалось отъ всякихъ соціальныхъ элементовъ, уходило въ работу чисто индивидуалистическаго самосовершенствованія, доводило идею сліянія съ народомъ, носившую въ себѣ прежде столько соціальнаго энтузіазма, до толстовскаго «опрощенія», этой послѣдней логической стадіи дворянскаго покаянія; а если вѣрить А. Чехову («Моя жизнь»), опростительство заходило даже дальше: даже покаянія никакого не содержало въ себѣ, а просто было опростительствомъ an und für sich, способомъ уйти отъ скуки и сутолоки культурной жизни. Въ то же время появилось декадентство въ его болѣзненныхъ проявленіяхъ, всплыли всевозможные гг. Волынскіе, Минскіе, а за ними Мережковскіе и т. д. Все это были проявленія не смерти, а лишь остановки,—глубокаго перелома, совершавшагося въ интеллигенскомъ мышленіи; все это была лишь сыпь на младенцѣ, свидѣтельствующая о раздражимости его кожи, а вовсе не объ отсутствіи роста или о дѣйствительной внутренней болѣзни. Все это была, несомнѣнно, одна внѣшность, одна поверхность, подъ которой рождалось и набиралось жизненныхъ соковъ новое міросозерцаніе, новое общественное направленіе, новый утопизмъ, если хотите. Но, разумѣется, для Михайловскаго это были только болѣзненныя явленія; а уродливость формъ, въ какихъ это все у насъ дѣлалось, вся эта до наивности подражательная, кувыркающаяся по западно европейскимъ шаблонамъ, бальмонтовщина и мережковщина уполномочивали упорнаго поклонника цѣльности, гармоничности и концентрированной гражданственности считать все это симптомами общественнаго разложенія. И надо удивляться терпѣнію и упорству Михайловскаго-критика, надо оцѣнить ту вѣчную, неослабѣвающую энергію и живучесть таланта, которыя онъ проявилъ въ борьбѣ со всѣми этими явленіями. Какой скучной, какой убійственно-утомительной должна была казаться ему эта новая работа, эта возня съ патологическими мелочами жизни, послѣ тѣхъ грандіозныхъ перспективъ, какія онъ раскрывалъ передъ читателемъ своими статьями въ началѣ 70-ыхъ годовъ, послѣ тѣхъ горячихъ призывовъ къ переустройству жизни, которыми полна его публицистика второй половины того же десятилѣтія! Мы не будемъ останавливаться ни на критикѣ, ни на публицистикѣ его, относящейся къ этимъ мертвымъ годамъ. Она у всѣхъ на памяти (не знакомые съ ней легко могутъ доставить себѣ большое удовольствіе—

перечитать эти статьи въ его собраніи сочиненій и въ 2-хъ томахъ «Литературныхъ воспоминаній и современной смуты»); а затѣмъ, для нашей задачи состоящей, главнымъ образомъ, въ психологической характеристикѣ покойнаго писателя, достаточно и сказаннаго. Онъ нигдѣ не измѣняетъ своимъ старымъ принципамъ: ведетъ все ту же полемику съ «чистымъ искусствомъ», со всѣмъ, что противорѣчитъ его демократическимъ принципамъ, его основной идеѣ о личности, какъ центрѣ всѣхъ помышленій и всей дѣятельности человѣка. Но всѣ эти общіе принципы не облекаются въ какую-нибудь ясно очерченную общественную теорію. Отчасти, конечно, виноваты въ этомъ все тѣ же «независящія обстоятельства»; но надо признать и другую причину: «каменный фундаментъ» 70-хъ годовъ не лежитъ въ основаніи всѣхъ этихъ принциповъ и практическихъ выводовъ изъ нихъ, которые для Михайловскаго-то остаются, какъ были, безъ перемѣны; все это уже лишено окраски того соціальнаго утопизма, который придавалъ такую привлекательность и живительную силу «Отечественнымъ Запискамъ»; все это пріобрѣтаетъ неопредѣленность общедемократическаго направленія, и редактируемое съ 1892 г. Н. К. Михайловскимъ «Русское Богатство», въ глазахъ многихъ и многихъ, является только лѣвымъ флангомъ направленія «Вѣстника Европы».

Я забылъ упомянуть, что мертвые 80-ые годы легли особенной тяжестью на Михайловскаго, въ силу утраты «Отечественныхъ Записокъ», закрытыхъ въ 84-мъ году, и еще въ силу личныхъ потерь: въ концѣ 80-хъ годовъ умираютъ его соредакторы по «Отечественнымъ Запискамъ» Елисѣевъ и Салтыковъ и заболѣваетъ неизлѣчимой психической болѣзнью самый близкій ему по духу человѣкъ Г. И. Успенскій.

Чѣмъ были для своего времени «Отечественныя Записки»—это современному читателю трудно себѣ и представить. Мнѣ не разъ приходилось слышать отъ людей, переживших тѣ годы, что каждая книжка ожидалась, какъ событіе, каждая страница читалась, какъ евангеліе. Журналъ былъ истиннымъ органомъ передовой группы тогдашняго общества, былъ полонъ той руководящей публицистики, которой такъ жаждали, которая такъ вдохновляла на дѣло, такъ уясняла жизнь. Незачѣмъ и говорить, что по своему значенію «Русское Богатство», да и ни одинъ иной современной журналъ, не могутъ быть поставлены рядомъ съ органомъ критическаго народничества. Причинъ этому много, и дѣло тутъ не въ отсутствіи только талантовъ, подобныхъ Салтыкову, Успенскому. Жизнь усложнилась и «раздробилась», какъ любилъ выражаться Михайловскій, до такой степени, что даже передовыя ея теченія не направляются по одному руслу, не могутъ, я готовъ сказать, не должны слиться въ одно русло. Поэтому руководительство, подобное руководительству «Отечественныхъ Записокъ», совершенно немыслимо. Литература становится только *совѣщательнымъ* органомъ... И партій стало больше, да и литераторъ уже не является предводителемъ партіи, онъ лишь *мыслитель*, обладающій умѣніемъ письменно высказываться. Въ средѣ зрѣлаго, развитого общества найдутся, разумѣется, люди, не хуже его,—а то и гораздо лучше—разбирающіеся въ общественныхъ дѣлахъ, во всѣхъ вопросахъ жизни. Вотъ почему теперь невозможна, да и не желательна на мой взглядъ, роль литературнаго руководителя жизни для жур-

нала, роль «властителя думъ», «учителя жизни» для литератора. Отсутствіе такихъ органовъ - руководителей и учителей жизни есть признакъ не упадка литературы, а роста общественности, развитія и углубленія общественной мысли.

Но несомнѣнно, что и въ послѣдніе годы Н. К. Михайловскій стоялъ «на славномъ посту». Это былъ нѣсколько иной постъ, чѣмъ тотъ, который онъ занималъ въ 70-ые годы. Благодаря своему огромному таланту и неутомимой энергіи своей демократической мысли, онъ естественно сталъ во главѣ всего прогрессивно настроеннаго общества. И тотъ энтузіазмъ, съ которымъ чествовалось 40-лѣтіе его литературной дѣятельности въ 1900 году, свидѣтельствовалъ не только о приподнятомъ общественномъ настроеніи, а и о томъ, что славная фигура сѣдого борца 70-хъ годовъ и въ новое время являлась символомъ, олицетворяющимъ лучшія стремленія, нашего общества, что Михайловскій былъ какъ бы естественнымъ лидеромъ всей широкой, вмѣщающей массу различныхъ оттѣнковъ, пробивающей себѣ дорогу впередъ общественной мысли...

Мы не входили до сихъ поръ въ оцѣнку теоретическихъ взглядовъ Н. К. Михайловскаго по существу, мы даже намѣренно избѣгали этого, желая представить читателю, хотя въ бѣглыхъ чертахъ, эволюцію собственныхъ взглядовъ публициста-семидесятника въ связи съ эволюціей нашей дѣйствительности. Вотъ почему мы и не касались до сихъ поръ его отношенія къ передовому теченію, которое наложило свою печать на 90-ые годы и съ тѣхъ поръ, усложняясь и наполняясь новымъ этико-философскимъ содержаніемъ, но оставаясь вѣрнымъ своимъ соціологическимъ построеніямъ, продолжаетъ, на нашъ взглядъ, оставаться самымъ прогрессивнымъ направленіемъ нашей общественной мысли. По той же причинѣ не упомянули мы и объ взглядахъ его на Ницше и на все, что отъ Ницше, на всѣ тѣ, новые элементы, которые влились за послѣдніе годы въ этико - философское содержаніе марксизма. Упоминаніе объ этомъ привело бы насъ неизбѣжно къ оцѣнкѣ по существу, къ возраженіямъ и критикѣ, а мы намѣренно избѣгали ихъ. Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ и на эту тему. Подробно останавливаться на ней мы, однако, не будемъ. Критика субъективнаго метода и соціологической теоріи Михайловскаго, и очень обстоятельная критика, дана еще въ 1901 году въ книгѣ г. Бердяева «Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи» и въ предисловіи къ ней г. П. Струве. Я совершенно не раздѣляю метафизическихъ воззрѣній обоихъ авторовъ; мнѣ совершенно чужда точка зрѣнія «объективнаго нравственнаго міропорядка, объективной истины и объективнаго добра», и вообще все это проектированіе нашихъ глубоко субъективныхъ, «человѣческихъ, слишкомъ человѣческихъ», говоря языкомъ Ницше, представленій на внѣшній, объективный міръ. Но моральное содержаніе ихъ идеализма, по моему, является, почти безъ оговорокъ, тѣми высшими общественными и нравственными требованіями, къ какимъ пришла, и могла только придти, современная мысль. А съ другой стороны подъ ихъ критикой народнической соціологіи я готовъ подписаться почти безъ оговорокъ. Вѣрно, какъ указываетъ г. Бердяевъ, что соціологіи-то именно въ воззрѣніяхъ Михайловскаго почти

зываетъ г. Бердяевъ, что соціологіи-то именно въ воззрѣніяхъ Михайловскаго почти и не было *). Вѣрно, что для Михайловскаго въ «Что такое прогрессъ?»—прогресса-какъ бы не существовало до самаго времени появленія въ исторіи самого Михайловскаго. (Эта полемическая фраза примѣнима, впрочемъ, къ любому утописту, къ Фурье, къ Сенсимону, а Михайловскій былъ именно соціальнымъ утопистомъ). Совершенно правильно также замѣчаніе, что «Борьба за индивидуальность», какъ ее понималъ Михайловскій, не есть соціологическое явленіе, а только моральное: въ соціальномъ смыслѣ борется не личность съ обществомъ, а только одна общественная группа съ другой. Наконецъ, справедливо также, что имѣетъ шансы на осуществленіе въ жизни своихъ идеаловъ только такая теорія, которая опирается на какой-нибудь прогрессивный элементъ общества; а теорія народничества, признавъ такимъ элементомъ крестьянство, была тѣмъ самымъ обречена на неудачу. Все это вѣрно. Но все это относится къ той части теорій Михайловскаго, которая соотвѣтствуетъ «субъективной политикѣ» Конта, къ той части, которая сливаетъ «правду-истину» съ «правдой-справедливостью» и намѣчаетъ пути для практики жизни. Въ теоріи о трехъ періодахъ развитія, какъ мы старались подчеркнуть, достаточно ясно выступаетъ мысль о зависимости человѣческаго міросозерцанія отъ уклада жизни и именно отъ формъ кооапераціи. Идея—чисто соціологическая и очень близкая къ соціологіи марксизма. Вліяніе общественнаго положенія, принадлежности къ тому или иному классу, на наши воззрѣнія прослѣживается Михайловскимъ такъ тщательно, какъ до него никто у насъ не дѣлалъ. Это—также отъ соціологіи. Что же касается практической части, то здѣсь соціологія, дѣйствительно, уступаетъ мѣсто морали и публицистикѣ. Активная программа почти не ищетъ себѣ опоры ни въ чемъ, кромѣ субъективизма. Но не надо забывать, что въ тѣ годы, когда Михайловскій создавалъ свою теорію, прогрессивныхъ элементовъ общества, въ томъ смыслѣ какъ мы понимаемъ это слово теперь, вовсе не было; что демократу-идеалисту не на кого было опираться въ своихъ построеніяхъ, кромѣ «мелкаго собственника», «мелкаго буржуа» крестьянина.

Открыто выдвигаемый имъ «субъективный методъ» въ соціологіи можно бы, съ нашей точки зрѣнія, счесть проявленіемъ огромной «интеллектуальной честности»: Михайловскій какъ бы самъ сознавалъ и заявлялъ, что объективныхъ данныхъ для активныхъ выводовъ изъ его теорій—не было. Активность въ томъ духѣ, какой онъ только и могъ признавать, въ духѣ непосредственнаго служенія человѣческой личности, могла быть куплена только цѣною субъективнаго метода. Вотъ почему мы и предлагали выше назвать его активнымъ методомъ. Само собою разумѣется, что Михайловскій-то смотрѣлъ не по нашему: отождествивъ субъективное, въ психологическомъ смыслѣ слова, съ субъективнымъ, въ

*) Совершенно несправедливо однако утвержденіе г. Бердяева, что Михайловскій, отрицая „органическую“ теорію общества съ ея аналогіями, самъ тѣмъ не менѣе обосновывалъ свои взгляды такими же аналогіями съ организмомъ. У него это не обоснованіе, а лишь сравненія, образы. Единственное мѣсто, оправдывающее замѣчаніе г. Бердяева,—теорія семьи и любви въ „Борьбѣ за индивидуальность“, трактуетъ о фактѣ, стоящемъ какъ разъ на границѣ между біологіей и соціологіей.

смыслѣ телеологическомъ и моральномъ, онъ видѣлъ въ провозглашенномъ имъ методѣ—методъ научный.

Болѣе чѣмъ понятно, что Михайловскій не могъ приблизиться къ нашей точкѣ зрѣнія до конца своей дѣятельности. Интересы крестьянства, аграрный вопросъ, издавна стояли для него на первомъ планѣ; вниманіе къ этому вопросу, несомнѣнно, опредѣляетъ и физіономію и значеніе «Р. Б.». Для марксизма культурный и соціологическій приматъ города — основная истина, а аграрный вопросъ всегда стоялъ на второмъ планѣ. Затѣмъ, слишкомъ чуждъ былъ Михайловскому этотъ многострадальный, медленный путь развитія, который проходитъ Европа и на который вступили и мы; слишкомъ далекъ онъ былъ, со своимъ влеченіемъ къ гармоничности, отъ всѣхъ раздѣленій, которыя вноситъ въ жизнь этотъ путь, отъ представленія, что эта диференціація общества, приводя, съ одной стороны, къ однородности личности, одновременно съ тѣмъ медленно, но неуклонно создаетъ и разнородность и цѣлостность ея, не только по той причинѣ, что человѣкъ, по словамъ Зиммеля, есть существо *разностное* (Differenzwesen), и всѣ общественные контрасты обогащаютъ его психику совершенно недоступными, при иныхъ условіяхъ, чувствами и представленіями; а и потому еще, что этотъ процессъ сопровождается измѣненіемъ гражданской структуры общества, что личность привлекается къ участію въ такихъ общественныхъ интересахъ, получаетъ такую массу общечеловѣческихъ свойствъ и атрибутовъ, которые, вѣроятно, совершенно отсутствовали бы, если бы «раздѣленіе труда» не «одолѣло», еслибъ «восторжествовалъ принципъ простого сотрудничества, еслибъ цивилизація раздвигала именно этимъ видомъ кооперации личное существованіе равномѣрно во всѣ стороны» и т. д. Вы помните, что Михайловскій, дѣлая это предположеніе, останавливается на многоточіи, а затѣмъ пишетъ: «я не знаю, что бы тогда было», но, очевидно, ему рисуется нѣчто лучезарно-прекрасное. Мы можемъ ему отвѣтить, что *тогда*, пожалуй, ничего хорошаго бы не было, и жизнь стояла бы на своемъ мѣстѣ, и цивилизація ничуть не «раздвинула бы» личное существованіе *).

Мы не видимъ особенной опасности въ томъ, что науки, искусства и даже отдѣльныя вѣтви искусства, дифференцируются и спеціализируются, каждая въ своей области. Это даетъ возможность придавать имъ «одностороннюю глубину», какъ выразился Михайловскій въ приведенной выше цитатѣ о симфоніяхъ Бетховена и стихахъ Пушкина. Жизнь съумѣетъ свести, да сводитъ часто уже и теперь, всѣ эти односторонности къ необходимому синтезу; а вотъ возможно ли было бы иначе достичь нужной *глубины*, это вопросъ, на

---

*) Оцѣнивая дифференціацію не такъ односторонне, какъ Михайловскій, мы видимъ въ раздѣленіи труда одно изъ основныхъ условій роста производительныхъ силъ человѣка; вмѣстѣ съ усовершенствованіями техники и обобществленіемъ производства именно оно позволяетъ намъ надѣяться на огромную *экономію* въ затратѣ энергіи, расходуемой на удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей. Эта экономія освободитъ въ будущемъ много силъ и много времени, а эти силы и это время можно будетъ употребить на болѣе высокія цѣли, на удовлетвореніе высшихъ потребностей духа. По этому въ противоположность принципу народниковъ, принципу „трудовой нравственности“, принципу права на трудъ, мы выдвигаемъ принципъ „*права на лѣность*“.

который мы отвѣчаемъ отрицательно, ибо не можемъ обосновать утвердительнаго отвѣта на него ни одной ссылкой фактическаго характера. Но теорія «чистаго искусства», напримѣръ, такъ же чужда намъ, какъ и покойному публицисту. Мы уже доросли въ этой области до синтеза, до идеи *свободнаго искусства*, которая выставляетъ только требованія истинно-художественной концепціи (непосредственности и глубины интуиціи) и совершенства формы, ибо видитъ въ искусствѣ особую философски-пророческую отрасль человѣческой дѣятельности. Правда, что намъ почти столь же чужда и теорія гражданскаго, идейнаго искусства, которой придерживался Михайловскій: намъ чувствуется въ ней та «концентрированная гражданственность», о которой мы не разъ говорили выше; мы понимаемъ законность и цѣлесообразность ея въ извѣстныя историческія эпохи, когда гражданственность и общественность проявляютъ себя исключительно въ литературѣ, какъ во времена Добролюбова, или когда передовая мысль сосредоточивается, спеціализируется исключительно на гражданскихъ мотивахъ, какъ это было въ семидесятые годы. Но мы видимъ въ этомъ именно спеціализацію и притомъ по чужой спеціальности, такъ сказать; для насъ основная задача искусства — не проповѣдь, а истолкованіе жизни. Для проповѣди найдутся иныя, болѣе подходящія каѳедры, какъ публицистика, критика, моральная философія. А гражданственность à outrance есть, пожалуй, одинъ изъ тѣхъ идоловъ, изъ тѣхъ самодовлѣющихъ началъ, *для* которыхъ, по мнѣнію Михайловскаго, существуетъ современный человѣкъ и съ которыми онъ велъ такую упорную борьбу: для насъ, въ концѣ концовъ, гражданственность есть только форма, гарантирующая возможно свободный ростъ всѣхъ многообразныхъ побѣговъ жизни—моральныхъ, эстетическихъ, научныхъ... Они, эти побѣги, являются *содержаніемъ*, они суть физіологическіе элементы, для которыхъ гражданственность является только морфологическимъ началомъ; въ нихъ, а не въ ней—главное дѣло.

Въ ницшеанствѣ мы цѣнимъ прежде всего идею *самоцѣнности добра* и, говоря языкомъ Михайловскаго, страстную апологію *мотива чести*. Апологія мотивовъ чести пугала Михайловскаго, теоретически, потому что онъ видѣлъ въ ней нѣчто буржуазно-индивидуалистическое, противообщественное. Самъ онъ слишкомъ догло жилъ подъ тяжестью *мотивовъ совѣсти*, мотивовъ дворянскаго покаянія и теоріи объ уплатѣ долга народу; въ «письмахъ о правдѣ и неправдѣ» онъ, какъ замѣчаетъ справедливо г. Бердяевъ, пытается построить цѣлую систему морали, основанную на этомъ мотивѣ совѣсти. Но, въ его собственной фигурѣ, въ его интимномъ *я*, не было недостатковъ и въ мотивахъ *чести*: не случайность это, что онъ такъ часто возвращается къ темѣ о чести и совѣсти и не разъ опредѣляетъ моральное равновѣсіе, какъ гармонію этихъ двухъ мотивовъ; въ статьѣ объ Ибсенѣ онъ прослѣживаетъ своеобразныя сочетанія ихъ у дѣйствующихъ лицъ его драмъ... Какъ бы то ни было, онъ отрицательно отнесся къ тому преобладанію мотивовъ чести, которое звучитъ такъ сильно, является такимъ характернымъ въ молодой русской беллетристикѣ, особенно у Горькаго. Его вкусы воспитались въ эпоху 70-хъ годовъ, а каждому времени своя пѣсенка, какъ говоритъ пословица. Я лично думаю, что то «ницшеанское» преобладаніе мотивовъ чести и то творчески-индивидуалистическое

настроеніе, которое нашло свое отраженіе въ нашей литературѣ, связано тысячью нитей съ жизнью, что оно вполнѣ вытекаетъ изъ условій момента, не желающаго пренебрегать ни однимъ изъ параграфовъ естественнаго права...

Всѣ новѣйшія «идеалистическія» стремленія нашей философской литературы представляются мнѣ направленными къ одной цѣли — къ обоснованію этихъ параграфовъ общественнаго права и прежде всего къ провозглашенію лежащаго въ основѣ естественнаго права—принципа *самоцѣнности добра*, какъ начала, совершенно не нуждающагося ни въ какихъ санкціяхъ, ни въ какихъ оправданіяхъ.

Михайловскій всю жизнь искалъ сліянія добра съ истиной и именно такъ опредѣлилъ задачу своей жизни, въ цитированномъ выше мѣстѣ изъ предисловія къ собранію его сочиненій. Я совершенно не понимаю необходимости такого синтеза, такого сліянія. Здѣсь не мѣсто аргументировать и развивать мою мысль. Скажу только, что я убѣжденный поборникъ «раздѣленія труда» и въ этой области. Для меня и истина и добро самоцѣнны; они приводятся къ единству, сливаются только психологически и практически въ дѣятельности человѣка. Я поэтому не присоединяюсь къ сочувственной оцѣнкѣ идеи «двуединой правды» Михайловскаго, какую дали въ своей книгѣ гг. Бердяевъ и Струве. Повторяю—я, конечно, могу ошибаться—но мнѣ, вопреки утвержденіямъ самихъ авторовъ, видится даже въ ихъ метафизическихъ построеніяхъ только горячая пропаганда идеи о *самоцѣнности* добра, хотя они и назвали его добромъ «абсолютнымъ» и пытались дать метафизическое «объективное» оправданіе его... Михайловскій *теоретически* былъ чуждъ этой идеи о самоцѣнности добра. Онъ родился и выросъ въ вѣкъ утилитаризма, въ эпоху расцвѣта естествознанія, и ничего нѣтъ удивительнаго, что онъ проглядѣлъ эту идею у Ницше. Онъ всегда старался поставить знакъ равенства между добромъ и счастьемъ и даже свой моральный идеалъ гармоническаго развитія личности обставилъ физіологическими параллелями. Но что эта идея самоцѣнности совсѣмъ не была чужда ему по безсознательному чувству, по инстикнту правды, такъ сказать, объ этомъ свидѣтельствуетъ прекрасная отповѣдь народникамъ, преклонявшимся предъ *мнѣніями* народа и отказывавшимся отъ автономности въ области мысли и морали, которую мы приведемъ сейчасъ. Инстинктъ правды, подсказавшій Михайловскому эту чудесную тираду, вмѣстѣ съ его антропоцентризмомъ, т.-е. стремленіемъ все трактовать съ точки зрѣнія человѣка, все цѣнить по отношенію къ человѣку, признавать истину только для человѣка, и горячимъ неподкупнымъ демократизмомъ,—представляютъ самыя близкія намъ, самыя цѣнныя для насъ стороны его взглядовъ.

„У меня на столѣ стоитъ бюстъ Бѣлинскаго, который мнѣ очень дорогъ, вотъ шкафъ съ книгами, за которыми я провелъ много ночей. Если въ мою комнату вломится русская жизнь со всѣми ея бытовыми особенностями и разобьетъ бюстъ Бѣлинскаго и сожжетъ мои книги, я не покорюсь и людямъ деревни; я буду драться, если у меня, разумѣется, не будутъ связаны руки. И если бы даже меня осѣнилъ духъ величайшей кротости и самоотверженія, я все-таки сказалъ бы по малой мѣрѣ: прости имъ, Боже милости и справедливости, они не знаютъ, что творятъ! Я все-таки, значитъ, протестовалъ бы. Я и самъ съумѣю разбить бюстъ Бѣлинскаго и сжечь книги, если когда-нибудь дойду до мысли, что ихъ надо бить и жечь; но пока онѣ мнѣ дороги,

я ни для кого ими не поступлюсь. И не только не поступлюсь, а всю душу свою положу на то, чтобы дорогое для меня стало и другимъ дорого, вопреки, если случится, ихъ бытовымъ особенностямъ". („Записки профана" 1875 г.)

Интересно отмѣтить, что въ своихъ полемическихъ статьяхъ Михайловскій давно указалъ на нѣкоторые пункты, сближающіе марксизмъ съ ницшеанствомъ. Онъ характеризовалъ марксистовъ съ ихъ приглашеніемъ «вывариться въ котлѣ капитализма», какъ приверженцевъ идеи «любви къ дальнему». Никто изъ марксистовъ того времени, кажется, и не помышлялъ еще о Ницше. Оказывается, что ярые враги бываютъ иногда столь же чутки, какъ самые интимные друзья. Я думаю, никто изъ современныхъ послѣдователей этого лагеря не откажется теперь отъ этой прекрасной этической формулы. Михайловскій видѣлъ въ ней элементы жестокости къ ближнему; мы съ своей стороны можемъ истолковать такое пониманіе лишь филантропической и эвдемонистической тенденціей, которой въ извѣстной степени были проникнуты всѣ поборники «непосредственнаго перехода къ лучшему будущему», противопоставлявшіе *положительный* типъ развитія *отрицательной* фазѣ, намечтанный ими путь расширенія во всѣ стороны наличныхъ, живыхъ человѣческихъ личностей—многострадальному пути дѣйствительнаго человѣческаго прогресса *). Отмѣчу еще, что въ годы полемики между обоими направленіями, Михайловскій являлся центромъ полемической мысли его литературныхъ враговъ. На него направлялись почти всѣ возраженія, отъ имъ высказанныхъ мыслей исходили, съ нимъ, прежде всего, боролись. Онъ самъ иронически жаловался на слишкомъ щедрое вниманіе со стороны противниковъ. Это совершенно понятно: помимо его значенія, какъ перворазряднаго таланта, онъ былъ вѣдь главнымъ теоретикомъ критическаго народничества, систематизаторомъ всей этико-философской мысли этого направленія.

Невозможность приблизиться къ новой точкѣ зрѣнія обусловлена была въ Михайловскомъ и еще одной причиной, помимо уже указанныхъ: страстной приверженностью его къ памяти 70-хъ годовъ и къ памяти дѣятелей этой эпохи. Приверженность болѣе чѣмъ понятная, придававшая ему въ моихъ глазахъ привлекательность благородной глубины и прочности идейныхъ привязанностей... Вы помните эти сжимающія душу своимъ мрачнымъ трагизмомъ строки изъ стихотворенія г. П. Я.:

„Тихо спятъ мертвецы; безотвѣтно глядятъ
Ихъ глаза неподвижно раскрытые.
Словно блѣдная тѣнь, словно призракъ нѣмой,

*) Непониманіе новой точки зрѣнія было тѣмъ естественнѣе, что въ марксовой схемѣ, съ теоріей Zusammenbruch'а въ ея концѣ, вѣдь дѣйствительно какъ бы намѣчается отрицательный путь къ положительнымъ цѣлямъ. Она до извѣстной степени, формально какъ бы утверждаетъ: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Теорія Zusammenbruch'а отвергнута лишь въ самые послѣдніе годы, хотя у насъ среди русскихъ марксистовъ процессъ развитія давно мыслился, какъ накопленіе положительныхъ элементовъ. Этимъ мы обязаны, пожалуй, въ извѣстной степени именно народничеству и Михайловскому съ ихъ безпощадной враждой къ капиталистической фазѣ. Но мыслилось-то это мыслилось, а въ литературѣ высказано чуть ли не впервые г. Бердяевымъ, въ упомянутой работѣ о Михайловскомъ.

Обхожу я поляны ужасныя
И считаю, не зная зачѣмъ, мертвецовъ,
И гляжу на ихъ лица безстрастныя...
— О, все милыя лица! Все братья, друзья,
Все черты дорогія и близкія"!... *).

Мнѣ всегда вспоминались эти строки, когда Михайловскій съ запальчивостью, иногда даже несправедливой, нападалъ на литературнаго врага, въ которомъ почувствовалъ или только заподозрилъ хоть тѣнь недостаточнаго почтенія къ дорогимъ ему годамъ.

Мнѣ вспоминались часто эти строки и при простомъ взглядѣ на его прекрасное и юношеское, несмотря на сѣдины, и трагическое въ то же время лицо.

Однажды, помню, въ день его именинъ, въ началѣ 90-хъ годовъ (двери его демократической квартиры не запирались въ этотъ день, и посѣтители забирались къ нему въ несмѣтномъ количествѣ) къ нему явился какой-то молодой весьма малограмотный марксистъ и съ положительной наглостью допрашивалъ Михайловскаго, какъ это онъ не переходитъ на его, марксиста, точку зрѣнія, правильность коей достаточно, казалось бы, очевидна... Михайловскій не прогналъ этого господина, хотя онъ вполнѣ того заслуживалъ, а отошелъ въ сторону, гдѣ случился и я, и со слезами на глазахъ проговорилъ: «Странный народъ, требуютъ, чтобы мы отреклись отъ того, чѣмъ жили всю жизнь— вотъ такъ, однимъ почеркомъ пера, возьми и отрекись»... Сценка эта глубоко запечатлѣлась въ моей памяти и многое объясняла мнѣ въ дѣятельности Михайловскаго за послѣдніе годы... Но будетъ о послѣднихъ годахъ, вернемся лучше къ столь дорогимъ ему 70-мъ годамъ и приведемъ характеристику его значенія въ то время, изъ статьи одного ученика его и единомышленника:

«Лично я обязанъ очень многимъ Н. К. Михайловскому: на его сочиненіяхъ я пробуждался къ сознательной жизни, и онъ былъ однимъ изъ немногихъ «добрыхъ учителей», которые оставили наиболѣе прочный слѣдъ на моемъ міровоззрѣніи въ періодъ его выработки... Н. К. Михайловскій является все время чуткимъ выразителемъ и философскимъ обоснователемъ общественныхъ стремленій наиболѣе передовой части русской интеллигенціи. При этомъ онъ смотритъ настолько шире и дальше этой группы, взятой въ ея цѣломъ, что въ данный моментъ та или иная фракція ея... считаетъ своимъ долгомъ быть несогласной съ Михайловскимъ, ополчается противъ мыслителя-публициста... а потомъ, смотришь, оказывается присоединившеюся къ авангарду прогрессивной арміи. Я говорю это не съ чужого голоса, а по собственному опыту и личнымъ воспоминаніямъ...»

Да, въ ту эпоху Н. К. Михайловскій былъ истиннымъ «добрымъ учителемъ»,— «учителемъ жизни», въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова; былъ философомъ, какъ были философами Бѣлинскіе, Чернышевскіе... Философія всегда есть прежде всего приведенная въ систему жизнь; приводятъ же въ систему жизнь лишь общественные элементы, идейно и активно въ жизни участвующіе. Такимъ элементомъ у насъ была только интеллигенція. Вотъ почему въ зачаточномъ своемъ видѣ философія и явилась у насъ, какъ дѣло рукъ властителей думъ передо-

*) Стихотворенія, т. I-ый, четвертое изданіе, стр. 33.

вого общества. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же признать русской философіей тупыя компиляціи какого-либо Владиславлева или другіе учебники нашихъ профессіоналовъ философіи. Единственнымъ совершенно одиноко стоящимъ исключеніемъ является Вл. Соловьевъ... Мнѣ думается, что теперь намъ не долго придется ждать появленія философовъ и въ настоящемъ смыслѣ этого слова: громадный интересъ къ философскимъ вопросамъ, наблюдаемый въ послѣднее время, служитъ въ томъ порукой. Новыхъ же «учителей жизни», какъ мы уже говорили выше, мы врядъ ли дождемся: ихъ синтетическая роль теперь дифференцирована между представителями спеціальныхъ наукъ, «раздроблена» наличностью различныхъ направленій. Многіе изъ поклонниковъ Михайловскаго видятъ въ немъ научнаго мыслителя и почти сожалѣютъ, что жизнь не давала ему привести въ стройную систему свои теоріи. Я думаю, что это ошибочное мнѣніе. Мнѣ кажется, что онъ былъ типичнымъ, кровнымъ, прирожденнымъ публицистомъ. Публицистъ это писатель, прежде всего воздѣйствующій на волю своей аудиторіи. Н. К. Михайловскій обладалъ этой способностью въ огромной степени. При ближайшемъ разсмотрѣніи всѣ его теоріи оказываются именно публицистикой—я намѣренно употребляю рѣзкое выраженіе: только облеченной въ образы, заимствованные изъ біологіи и соціологіи. Все это концентрированная гражданская проповѣдь, мораль, публицистика, а не наука. Но что это былъ громадный и свѣтлый умъ и громадный, незамѣнимый литературный талантъ—это безспорно. Совершенно справедливо, въ этомъ смыслѣ говоритъ, г. Пѣшехоновъ въ февральской книгѣ «Р. Б.»: что «нѣтъ ему смѣны на славномъ посту».

Стоя у гроба Николая Константиновича на панихидѣ, въ небольшой рабочей его комнатѣ, увѣшанной портретами Чернышевскаго, Герцена, Щедрина; любуясь въ послѣдній разъ на его красивое лицо, вполнѣ сохранившееся (точно онъ и вправду только «задремалъ случайно», какъ отмѣтилъ въ своемъ стихотвореніи г. П. Я.), я думалъ: вотъ онъ лежитъ здѣсь передъ нами, а уже пріобщился къ этимъ «учителямъ жизни», къ этимъ дорогимъ для всякаго интеллигентнаго русскаго человѣка покойникамъ, изображеннымъ на портретахъ. Не одна благоговѣйная рука повѣситъ и его портретъ рядомъ съ этими интеллигентскими *манами*—съ изображеніями этихъ провозвѣстниковъ нашихъ лучшихъ думъ, нашихъ лучшихъ надеждъ, и не одинъ благодарный взоръ будетъ вглядываться въ эти славныя черты...

Г. Пѣшехоновъ пишетъ: «Я и теперь не съумѣю сказать, кого мы лишились, я знаю одно лишь: умеръ Михайловскій». Нашей статьей мы по мѣрѣ силъ старались отвѣтить на этотъ поставленный г. Пѣшехоновымъ вопросъ. Умеръ послѣдній «учитель жизни»,—умеръ огромнаго таланта публицистъ, уже въ силу одного этого таланта стоявшій во главѣ всего передового нашего общества, какъ живое олицетвореніе лучшихъ его стремленій... И я повторю здѣсь слова, которыя не разъ произносились въ тотъ день, когда мы хоронили Николая Константиновича, — произносились съ какою-то обидой, со скорбною досадой: «Какъ не во время онъ умеръ»...

М. Невѣдомскій.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Въ области женскаго вопроса: „Проѣздомъ", раз. В. Вересаева; „Тучки" В. Дмитріевой; „Полуживотное" Елены Белау; „Трудъ" Ил. Фрапанъ, и др.—Отчего страдаетъ современная женщина.—Излишняя жалость и необходимость быть жестокой. — Выходъ одинъ: отстаивать свое право, быть личностью во что бы то ни стало.

Женскій вопросъ давно уже утратилъ ту остроту, съ которой онъ трактовался нѣкогда обѣими заинтерессованными сторонами, но что онъ далеко не сошелъ со сцены, показываетъ художественная литература. Въ будничномъ строѣ жизни, когда часъ за часомъ уноситъ частицу бытія незамѣтно, но неумолимо и безвозвратно, мы какъ-то не видимъ за примелькавшимися явленіями, сколько въ нихъ таится страданія, которое поглощаетъ все лучшее, свѣтлое, жизнерадостное въ жизни цѣлой половины человѣческаго рода. И только художники отъ времени до времени вскрываютъ намъ тотъ или иной уголокъ женской души, чтобы показать, что не все здѣсь обстоитъ благополучно, что многое, сдѣланное и достигнутое въ этой области, далеко еще не рѣшаетъ вопроса, и женская личность еще не стоитъ на той высотѣ, которой она въ правѣ себѣ требовать, чтобы чувствовать себя не только женщиной, но и человѣческой личностью, прежде всего. Художественной литературѣ мы обязаны тѣмъ, что женскій вопросъ, все разростаясь и углубляясь, заставляетъ задумываться и равнодушныхъ къ нему зрителей, и участниковъ въ общей борьбѣ за лучшее будущее. Изъ цѣлаго ряда художественныхъ произведеній послѣдняго времени, затрогивающихъ женскій вопросъ, мы остановимся на нѣкоторыхъ, гдѣ онъ поставленъ въ болѣе чистомъ, безпримѣсномъ видѣ и потому съ особою силою бьетъ по нервамъ.

Въ этомъ отношеніи безспорно на первомъ мѣстѣ мы должны поставить небольшой, но полный жгучаго страданія очеркъ, скорѣе даже бѣглый эскизъ, картинку, схваченную на лету, г. Вересаева. «Проѣздомъ» *)—она такъ и называется, какъ бы съ цѣлью подчеркнуть, что предъ нами явленіе, примелькавшееся автору, какое мы можемъ наблюдать на каждомъ шагу, почему и не стоитъ его расписывать: достаточно его указать, и каждый самъ дополнитъ все недостающее въ картинѣ изъ личныхъ наблюденій. Важно одно—дать главный пунктъ въ картинѣ, отмѣтить центральную точку, изъ которой исхо-

*) „Образованіе", № 1.

дятъ лучи, освѣщающіе и осмысляющіе все остальное. И въ этомъ смыслѣ картина г. Вересаева вполнѣ законченное произведенье, представляющее цѣлую драму человѣческой жизни, одной изъ многихъ, можно не обинуясь сказать— безчисленныхъ жизней.

Даны два особо выпуклыхъ момента въ жизни женщины—сначала предъ нами «она» невѣстой, затѣмъ «она» женой и матерью. Въ противопоставленіи эти двухъ моментовъ и выясняется драма. Студентъ Ширяевъ и его невѣста Катерина Николаевна, оба сверкающіе всѣми красками молодого чувства и жизнерадостности, и докторъ со своей женой Марьей Сергѣевной, подавленные и отцвѣтшіе, какъ растенія, которыхъ осенью хватилъ ранній морозъ. А между тѣмъ оба они еще молоды, но кажутся какъ бы не въ расцвѣтѣ силъ, а въ концѣ жизненнаго пути, когда тяжкіе итоги давятъ плечи и сгибаютъ спину. Вначалѣ—поэзія, блескъ, игра бьющей черезъ край отъ полноты силъ души. Спустя десять лѣтъ вотъ какое настроеніе, вызывающее слѣдующіе разговоры.

«— Скажи, пожалуйста, ты видѣлъ книгу... Какъ ее, Викторъ Михайловичъ? Да, «Проблемы идеализма»... Видѣлъ ее?—спросила Марья Сергѣевна доктора.

«— Видѣлъ,—неохотно пробурчалъ докторъ.

«— Удивительное дѣло!—нервно засмѣялась Марья Сергѣвна.—А я даже и не знала ничего, ничего даже и не слыхала про нее.

«— Кто же въ этомъ виноватъ?—докторъ пожалъ плечами.

«— Вотъ и подумай, кто въ этомъ виноватъ... Отъ кого я что-нибудь могу услышать, кромѣ тебя? Весь день торчу въ кухнѣ и дѣтской, забочусь, чтобъ тебѣ обѣдъ былъ во время и чтобы дѣти тебѣ не мѣшали спать послѣ обѣда... Откуда же я могу узнать?

«— Ну, пошло́!—нахмурился докторъ и тяжело вздохнулъ.

«— Да, пошло́!.. «Общеніе», «совмѣстная духовная жизнь»... Какія красивыя слова, какъ пріятно употреблять ихъ въ умныхъ разговорахъ! Со стороны можно подумать, какой новый человѣкъ, съ какими новыми требованіями отъ брака! А на повѣрку выходитъ—обыкновенный мягкотѣлый интеллигентъ, нужно только все прежнее.

«Она говорила нервнымъ, спѣшащимъ голосомъ, какъ-будто нарочно старалась не дать себѣ времени одуматься. Ширяеву было неловко. Въ глазахъ доктора загорался мрачный неврастеническій огонекъ, онъ тоже уже терялъ желаніе замять ссору и не дать ей разгорѣться хоть при чужомъ человѣкѣ.

«— Скажи, пожалуйста, причемъ тутъ мягкотѣлость?—спросилъ онъ, враждебно глядя на жену.

«— Нужно только все прежнее,—продолжала Марья Сергѣевна.—Чтобъ жена рожала дѣтей, заботилась о провизіи и о дровахъ и устраивала уютъ, а чтобъ самому спокойно пользоваться жизнью... Господи, настоящіе пауки, право. Приникнутъ къ женщинѣ и сосутъ, и высасываютъ умъ, запросы, всю духовную жизнь. И остается отъ человѣка одна родильная машина».

Смущенный этими горькими рѣчами, студентъ Ширяевъ «смотрѣлъ на Марью Сергѣевну и думалъ: вѣдь, были же, были у нея эти ясные, славные

глаза, съ какими она снята на группѣ... Обманывала ли ими жизнь, какъ она обманываетъ людей мимолетною дѣвическою прелестью, или тутъ погибло то, что не могло и не должно было погибнуть? И почему тогда оно погибло такъ легко и такъ безвозвратно?»

И счастливый влюбленный студентъ, ругнувъ про себя доктора «русакомъ проклятымъ», увѣренъ, что въ «ихъ» жизни ничего подобнаго не повторяется. «Люди ищутъ новаго счастья и ждутъ, что къ нему притти также легко, какъ къ старому; а жизнь густа и дремуча, и не раздвигается сама собой въ гладкую дорожку; кто хочетъ новыхъ путей, долженъ выходить не на прогулку, а на работу».

Также, какъ эта докторша, чахнетъ въ повѣсти г-жи Дмитріевой («Рус. Бог.», январь — февраль) «Тучки» кончившая консерваторію, жена земскаго начальника «Барбарисыча», Евгенія Ивановна. Правда, ее хоть дѣти утѣшаютъ, но и она чувствуетъ, какъ жестоко дѣйствительность разошлась съ мечтами ея дѣвическихъ лѣтъ.

«— Вотъ, Дора, вы все гоните, гоните меня на сцену... Развѣ можно отъ нихъ (дѣтей) уйдти?

«Дора Яковлевна смутилась, покраснѣла и брови ея нахмурились

«— Я и не говорила никогда, что вамъ надо уйдти отъ нихъ,—рѣзко возразила она.—Развѣ артистка должна быть непремѣнно монахиней? Вотъ ужс несогласна и несогласна! Это мужчины выдумали, что ужъ если женщина вышла замужъ, такъ и сиди на привязи у семейнаго очага, а сами-то они преспокойно женятся и плодятъ дѣтей, да вѣдь не мѣшаетъ же имъ это быть и учеными, и писателями, и артистами, и... земскими начальниками!—неожиданно прибавила она и сама разсмѣялась.

«Евгенія Ивановна тоже улыбнулась, но улыбка у нея вышла какая-то неловкая, точно ей совсѣмъ не было смѣшно и нужно было только показать, что смѣшно, и что она сама не прочь надъ собой посмѣяться.

«— Вы еще совсѣмъ не понимаете жизни, Дора,—сказалао на, поглядывая то на Дору, то на Надежду Григорьевну своими красивыми, немножко усталыми глазами.—Хотя вы обѣ и ученыя дѣвицы, но ничего-ничего вы не понимаете. Ахъ, милыя мои, я тоже мечтала, когда мнѣ было 20 лѣтъ. Мы познакомились съ Борисомъ Борисычемъ въ вагонѣ желѣзной дороги... Я ѣхала въ консерваторію, а онъ въ университетъ. Ахъ, какъ мы хорошо говорили, если бы вы знали!.. Мы не спали всю ночь, и какіе были планы, какія мечты, какія огромныя дѣла мы хотѣли дѣлать!.. А вотъ прошло 10 лѣтъ... и Борисъ Борисычъ—земскій начальникъ, а я мать троихъ дѣтей... и только!..»

«Быть экономкой и нянькой—и больше ничего!.. Мать троихъ дѣтей—и только!» Эти и имъ подобныя жалобы, какъ заключительный аккордъ, звучатъ въ массѣ произведеній, посвященныхъ женской жизни не только въ русской литературѣ. Припомнимъ мать и сестру героини романа Елены Белау «Полуживотное», напр., гдѣ съ особой рѣзкостью и горечью авторъ подчеркиваетъ этотъ обидный конецъ женской жизни. Или въ романѣ «Сотрудница», гдѣ попытки жены стать товарищемъ мужа тоже кончаются неудачей.

*

Мы слышали эти жалобы столько разъ, что онѣ успѣли уже достаточно намъ наскучить, и уже не обращаемъ на нихъ вниманіе. Но въ послѣднее время начинаютъ звучать уже и новыя нотки, на которыхъ стоило бы остановиться.

Кто же виноватъ? Жизнь такъ устроена, говоритъ докторъ въ очеркѣ г. Вересаева. Надо искать новыхъ путей, замѣчаетъ про себя влюбленный студентъ. Какіе же эти пути? Намекъ на нихъ есть въ упомянутомъ романѣ Белау, въ которомъ Изольда не подчиняется общей дорогѣ для дѣвушекъ—выдти замужъ, рожать дѣтей—и только. Ей удается отвоевать себѣ свой уголокъ въ мірѣ искусства и она увлекается гордыми мечтами о самостоятельномъ творчествѣ. Но ей помогло отчасти счастливое обстоятельство—неожиданное богатство, а также искра таланта, не давшая ей опошлѣть и опуститься. Авторъ, однако, не довелъ ея жизни до полнаго завершенія и удовлетворенія, заставивъ ее трагически покончить съ жизнью, хотя и съ гордой надеждой, что въ конечномъ итогѣ побѣда останется за женщиной, которая съумѣетъ сама проложить свою дорогу къ счастью.

Не у каждой, однако, обстоятельства такъ счастливо слагаются, какъ у Изольды. И богатство, и талантъ—даръ случая, и не на нихъ можетъ строить женщина зданіе своего лучшаго будущаго, гдѣ бы ни материнство не становилось для нея проклятьемъ, ни замужество не преображало ихъ въ насѣдокъ и кухарокъ. Такой опорой можетъ служить только *личность*, разъ сознавшая себѣ цѣну и понявшая, что выше, важнѣе и цѣннѣе нѣтъ ничего на свѣтѣ. Такое пониманіе не дается разомъ, не можетъ быть вычитано хотя бы изъ самой умной книги,—оно является какъ результатъ долгой и упорной борьбы съ жизнью, съ самимъ собой, съ людьми. И понемногу это пониманіе себя, какъ самоцѣнной личности, пролагаетъ себѣ дорогу въ жизни, хотя съ великими усиліями и огромной подчасъ болью.

Въ романѣ Ильзы Фрапанъ «Трудъ» мы видимъ такую болѣзненную и тяжкую дорогу въ борьбѣ за свою личность. Жизнь Іозефины Гейеръ сложилась вначалѣ по обычному порядку. Она замужемъ, мать четырехъ дѣтей и пока только жена и мать. Но вотъ разражается надъ семьей громовой ударъ, въ видѣ преступленія, совершеннаго мужемъ, ударъ, разбивающій все. Обычный порядокъ готовъ придти на помощь со своими столь же обычными рецептами—скрыться гдѣ-нибудь, въ тихій уголокъ, гдѣ можно укрыть отъ постороннихъ свой позоръ и свое горе, и тамъ тихо исчахнуть вдали отъ людей. Но въ эту-то минуту и просыпается въ Іозефина нѣчто, что заставило ее всѣмъ существомъ противиться уговорамъ любящаго отца и сестеръ уѣхать, покинуть городъ и заняться всецѣло только воспитаніемъ дѣтей, всю себя и весь остатокъ еще не изжитыхъ силъ пожертвовать дѣтямъ и несчастному преступнику. Это «нѣчто»—пока еще полусознательное представленіе, что жизнь вовсе не заключается въ жертвѣ собою, что есть что-то болѣе цѣнное, хотя и неизмѣримо болѣе трудное, чѣмъ любая жертва. Это—борьба за свое человѣческое достоинство во имя неустаннаго совершенствованія себя и черезъ себя—всего, что со мною такъ или иначе связано и соприкасается. И Іозефина вы-

ходитъ на эту дорогу борьбы, тяжкую для всѣхъ, вдвойнѣ тяжелую для женщины вообще и въ ея положеніи въ особенности. Медленно и постепенно, путемъ тяжкаго личнаго опыта она добивается сравнительнаго благополучія, когда возвращеніе мужа чуть-было не губитъ всѣхъ результатовъ ея трудовой жизни. Но борьба не даромъ такъ тяжела вообще,—она закаляетъ людей, и тамъ, гдѣ другіе падаютъ, привычный къ борьбѣ можетъ устоять. И героиня въ концѣ концовъ сумѣла отстоять себя и увидѣть, что ея героическія усилія не пропали даромъ.

Мы не послѣдуемъ за нею далѣе, не въ ней дѣло,—мы хотѣли только отмѣтить новую постановку женскаго вопроса, этого коренного вопроса не только современности. Потому что, пока не будетъ рѣшенъ вопросъ о достойномъ существованіи цѣлой половины рода человѣческаго, онъ, какъ гири на ногахъ, будетъ мѣшать дальнѣйшему ходу впередъ. А рѣшить его можетъ только сама женщина, и никто ей въ этомъ помочь не въ силахъ.

Напрасно поэтому такъ раздражается жена доктора въ очеркѣ г. Вересаева. «Интеллигентъ мягкотѣлый», ругаетъ она своего мужа. «Присосутся къ женщинѣ, какъ пауки, и сосутъ, и высасываютъ умъ, запросы, всю духовную жизнь»,—бросаетъ она безпощадное обвиненіе по адресу всѣхъ мужчинъ. Такъ ли, однако? Было ли что высасывать, эти самые запросы и духовная жизнь? А если и были, то почему же она позволила ихъ высосать? Глядя на ея дѣвичью карточку, снятую на голодѣ, гдѣ наша докторша славно поработала и воспоминаніями о томъ времени она молодитъ свою сѣрую жизнь,—Ширяевъ тоже задается почти такимъ же вопросомъ: «вѣдь были же у нея эти ясные, славные глаза... Обманывала ли ими жизнь, или тутъ погибло то, что не могло и не должно было погибнуть?» Можетъ быть, инымъ это покажется жестоко, но мы думаемъ, что не было, и что тутъ ничего въ сущности цѣннаго не погибло. Были, пожалуй, мечты, преувеличенная оцѣнка себя, столь свойственная молодости вообще, когда «міръ кажется тѣсенъ» и отъ накопившихся силъ кажется себѣ человѣкъ чуть не титаномъ. А только столкнулся съ горькой дѣйствительностью—и титанъ превратился въ самаго обычнаго сѣраго нытика. Была, словомъ, обычная молодая иллюзія, но цѣннаго ядра, существа человѣческаго, гордой силы—не было.

Такъ-то оно такъ, въ правѣ возразить намъ, но, можетъ быть, она пожертвовала этими силами мужу, дѣтямъ. Ахъ, сколько разъ приходится и читать, и слышать походя про ту или иную «жертву» семейной жизни, и всякій разъ намъ хочется сказать въ отвѣтъ: «Да нужна ли еще была эта жертва?» И позвольте спросить—кому? Начнемъ хотя бы съ мужа, съ этого злого «паука», — что же, сладко ему живется? Онъ очень счастливымъ себя чувствуетъ оттого, что высосалъ запросы и все прочее? Отвѣтъ можетъ быть только отрицателенъ. Онъ-то больше всѣхъ, можетъ быть, несчастенъ, если только есть въ немъ хоть искра человѣчности и способности понимать чужія страданія. Разъ предъ нимъ жена-жертва, значитъ онъ—палачъ, а это во всякомъ случаѣ сознаніе не изъ пріятныхъ. Да и выслушивать такія признанія, какъ выше приведенныя, согласитесь—какое ужъ тутъ счастье? Вы-

ходитъ, стало быть, «пауку» жертва не доставила ни малѣйшаго счастья, а вѣрнѣе—наоборотъ: отравила жизнь въ конецъ. Остаются дѣти. Мать, жертвующая собою для дѣтей, это ли не священнѣйшее призваніе женщины? Жена доктора боится съ нянькой оставить дѣтей на ночь, сама съ ними спитъ, и потому всегда чувствуетъ себя не выспанной (этимъ отчасти объясняется ея дурное расположеніе). Очень прискорбное обстоятельство, за которымъ многомного другихъ, по мѣрѣ роста дѣтей, предвидится впереди, вплоть до унизительныхъ компромиссовъ съ честью и совѣстью, все ради дѣтей, какъ мы слышимъ сплошь и рядомъ въ жизни. Это ли не святыя жертвы? Нѣтъ, будь онѣ прокляты, и эти жертвы!—съ полнымъ правомъ могли бы отвѣтить дѣти. Да и отвѣчаютъ подчасъ, замѣтимъ въ скобкахъ. Принижая себя, свою личность, отказываясь ради дѣтей отъ своихъ правъ на полное и яркое существованіе, такія матери прежде всего губятъ своихъ дѣтей, которымъ онѣ создаютъ жизнь такую же нудную, сѣрую, никчемную, какъ и своя собственная, почему лучшія изъ дѣтей и начинаютъ самостоятельную жизнь съ разрыва съ своими «отцами», т.-е. съ семьей. Все это настолько старыя и печальныя истины, что развивать ихъ, надѣемся, нѣтъ надобности.

Жертва еще не оправданіе. А если это жертва своимъ человѣческимъ достоинствомъ, то и того хуже,—это уже осужденіе. «Милости хочу, а не жертвы», давно это сказано, и не даромъ сказано. Потому что жертва убиваетъ жизнь, а только жизнь имѣетъ цѣну. И потому не жертвовать собой, своей личностью надо, а всегда быть самимъ собой. Вотъ тогда и скажется то, что было въ насъ и что не должно погибать. Конечно, на повѣрку очень часто оказывается, что ничего и не было въ душѣ, кромѣ иллюзій, а подчасъ и прямой дрянности, только прикрытой громкими словами, какъ, смѣемъ думать, и случилось съ несчастной женой нашего доктора или земской начальницей въ разсказѣ г-жи Дмитріевой. На голодѣ она чувствовала себя превосходно, въ воронежской библіотекѣ и того превосходнѣе. Почему? Потому что боролась, помогала, учила. Но что же ей помѣшало и дальше бороться? Мужъ и дѣти? Странно это слышать. Если велика была въ ней потребность борьбы, мужъ и дѣти только усилили бы эту потребность, послужили бы новымъ толчкомъ, новымъ стимуломъ для борьбы съ жизнью, съ тѣмъ же голодомъ, физическимъ и духовнымъ, съ тѣми условіями, которыя создаютъ этотъ голодъ. Но вышло совсѣмъ иное, и вмѣсто борца предъ нами кислая дама, изливающая свои «горя» передъ первымъ встрѣчнымъ, дама, какихъ тысячи. Всѣхъ ихъ въ сущности жаль, но и слезы, и жалобы ихъ—праздное занятіе. Отъ нихъ ни имъ, ни окружающимъ не становится легче. Только скучно и имъ самимъ, и съ ними.

Не знаемъ, обратили ли наши читатели вниманіе въ повѣсти г. Тана «За океаномъ» на поразительное различіе въ томъ, какъ чувствуютъ себя въ Америкѣ переселившіяся туда интеллигентныя женщины и простыя русскія бабы. Первыя въ буквальномъ смыслѣ изныватютъ въ тоскѣ и чахнутъ отъ неумѣнья, куда имъ приложить свои силы. Въ нихъ развиваются нездоровые аппетиты, ихъ дразнитъ роскошная жизнь большихъ городовъ и онѣ незамѣтно для себя

опускаются. Совсѣмъ иначе чувствуютъ и живутъ вторыя. Какая-нибудь Авдотья или Ѳеня, у себя на родинѣ сознававшая себя развѣ на одну ступень выше домашняго животнаго, тутъ развертываются въ человѣка. Начинается это не только съ повышенія простыхъ житейскихъ потребностей, съ новыхъ привычекъ—лучше ѣсть, чище одѣваться и быть какъ «всѣ», но и сознательная человѣческая душа очень быстро оживаетъ. Подавленная у себя на родинѣ нуждой и приниженностью, душа женщины въ новыхъ условіяхъ быстрѣе, чѣмъ мужчины, подымается и крѣпнетъ, какъ растеніе, выбившееся изъ-подъ снѣга. Жена рабочаго Усольцева, врядъ ли мечтавшая дома о чемъ-либо, кромѣ того, какъ быть сытой и дѣтей накормить, здѣсь упрекаетъ мужа и его товарищей, почему они не устроятъ дежурствъ на островѣ, гдѣ временно задерживаются эмигранты, чтобы помогать пріѣзжимъ: «насъ люди тоже выручали!» Просыпается чувство товарищества, благожелательства и взаимной поддержки. Отчего же происходитъ это, что интеллигентная женщина, нѣкогда всю себя отдававшая голодающимъ, библіотекамъ и прочимъ высокимъ предметамъ,—здѣсь превращается въ даму, мечтающую о тысячныхъ нарядахъ и со злостью протестующую, когда на одно доску ставятъ ее съ прислугой. «Нѣтъ, скажите пожалуйста! Почему она лѣзетъ ко мнѣ въ подруги? Я совсѣмъ иначе устроена. У меня другія потребности, другія мысли. Ей совсѣмъ не къ чему сидѣть со мною за однимъ столомъ». Вотъ какъ разсуждаетъ, можетъ быть, бывшая народница, во время оно кипѣвшая горячимъ желаніемъ «слиться съ народомъ», и не только кипѣвшая, а дѣйствительно приносившая все въ жертву ради этого сліянія. Въ жертвѣ—въ этомъ вся разгадка. Жертва—это своего рода гипнозъ, опьянѣніе, подымающее ее до подвига, эту бѣдную русскую интеллигентную женщину. А здѣсь, въ Америкѣ не надо жертвы, никто ея не проситъ, да и не приметъ. Жизнь такъ устроена въ этомъ новомъ мірѣ, что каждому, если есть въ немъ силы, находится свое мѣсто и возможность развернуться, проявить себя, если только есть что проявить. Послѣднее—главное. Мы сильно сомнѣваемся, во что превратилась бы тамъ жена нашего доктора,—не стала ли бы она лѣтъ черезъ десять въ Америкѣ тоже жаловаться, что Америка у нея все «высосала, всѣ запросы, всю духовную жизнь».

И не она одна. Безконечной вереницей проходятъ онѣ, эти славныя русскія дѣвушки, которыя тысячами устремляются на голодъ, въ народныя библіотеки, въ учительницы, въ сестры милосердія, словомъ, всюду, гдѣ нужда, мракъ, страданіе. Кажется, какая бездна силъ, сколько энергіи, чтобы весь міръ перевернуть. И потомъ—какое быстрое превращеніе въ мокрыхъ курицъ, въ насѣдокъ и нервныхъ дамъ! Тутъ есть надъ чѣмъ призадуматься. Куда дѣвалось все старое, и откуда взялось это новое? И кто виноватъ въ неожиданномъ превращеніи? Прежде всего виноватъ «онъ», бывшій герой, нѣкогда увлекавшій «ее» пылкими рѣчами.

Спору нѣтъ, «онъ» вообще тоже виноватъ, не меньше во всякомъ случаѣ, чѣмъ она, и г. Вересаевъ правдиво обнажаетъ намъ бывшаго героя, заставляя его дать такую реплику на упрекъ въ «высасываніи».

«— Ты скажи мнѣ, при чемъ тутъ мягкотѣлость... Ну, укажи мнѣ,—вотъ

я спрашиваю тебя, какъ иначе устроить нашу жизнь? Самъ я не могу заботиться объ обѣдѣ, потому что до обѣда мнѣ нужно принять сто человѣкъ больныхъ, послѣ обѣда мнѣ нужно поспать, а то я вечеромъ не въ состояніи буду ѣхать къ больному. Если я вздумаю слѣдить за дровами и провизіей, то не въ состояніи буду зарабатывать на дрова и провизію. Ребятъ мнѣ няньчить некогда... Въ чемъ же я могу тебя облегчить? Ну, скажи, укажи, въ чемъ?

«— Вотъ, вотъ, это самое и выходитъ: будь экономкой и нянькой, и больше ничего!— засмѣялась Марья Сергѣевна.

«—Это самое и выходитъ: будь экономкой и нянькой,—угрюмо вызывающе подтвердилъ докторъ.—Оно такъ въ дѣйствительности и есть въ каждой семьѣ, да и не можетъ быть иначе. Только интеллигентный человѣкъ стыдится этого и старается скрыть отъ постороннихъ, какъ какую-то тайную дурную болѣзнь. Почему же этого прямо не признать? Если люди женятся для бездѣтнаго разврата, то вопросъ, конечно, рѣшается легко; но тогда зачѣмъ жениться? А въ противномъ случаѣ женщина только и можетъ быть матерью и хозяйкой.

«— Вотъ какъ!—протянула Марья Сергѣевна.—Я это отъ тебя въ первый разъ слышу.

«— Да. И всѣ нынѣшнія... общественныя формы, что ли, таковы, что иначе и не можетъ быть. Мы теоретически выработали себѣ идеалъ, который соотвѣтствуетъ совсѣмъ другому общественноюу строю, болѣе высокому, и идемъ съ этимъ идеаломъ въ настоящее, гдѣ онъ не примѣнимъ, и всѣ только мучаются, надсаживаются, проклинаютъ свою жизнь».

Но довольно. Бѣдный докторъ виновенъ и не заслуживаетъ ни малѣйшаго снисхожденія. Тѣмъ не менѣе, да будетъ позволено часть вины, и очень значительную, перенести и на «нее». Какъ могло это случиться, что только теперь «она» услышала такое признаніе, что «женщина только и можетъ быть матерью и хозяйкой», т.-е. «полуживотнымъ», по энергическому опредѣленію Елены Белау? А очень просто.—«Она» всю жизнь жила по чужой указкѣ, сама же ничего своего не вносила въ жизнь. Сначала эта указка заключалась въ «умной книгѣ», въ «новомъ направленіи», которому она беззавѣтно отдавалась. Непремѣнно беззавѣтно, т.-е. безъ критики, безъ думы о томъ, насколько оно отвѣчаетъ ея личности, ея силамъ и запросамъ. Чужія мысли, чужія настроенія она принимала за свои, съ тѣмъ большей охотой, что это страшно облегчало жизнь. Вѣдь такъ трудно вырабатывать свое, отстаивать его и тѣмъ паче проводить на практикѣ. Затѣмъ выступаетъ въ роли руководителя и «учителя жизни»—онъ, самъ такой же несамостоятельный, весь изъ чужихъ мыслей и настроеній состряпанный, свято вѣрующій, какъ влюбленный студентъ Ширяевъ, что у «нихъ» все будетъ по иному. Далѣе уже вмѣстѣ они отдаются безвольно теченію жизни, не замѣчая, какъ черезъ десять лѣтъ она—«только мать и хозяйка», а онъ—волъ подъяремный. И тогда наступаетъ катастрофа.

А впрочемъ—никакой катастрофы не бываетъ. Ибо для катастрофы тоже

сила нужна, оригинальность, нѣчто свое, т.-е. именно то, чего въ нашихъ герояхъ и не было съ самаго начала; тѣмъ менѣе можно ихъ ожидать въ концѣ.

Гдѣ же выходъ? И есть ли онъ вообще? Или же женщинѣ только и остается ждать, что придетъ кто-то и все передѣлаетъ по-новому, по-хорошему? Нѣтъ, никто не придетъ, никто ничего не передѣлаетъ. Только *она* сама можетъ это сдѣлать.

Въ разсказѣ г-жи Шапиръ «Дунечка» есть любопытный разговоръ, имѣющій прямое отношеніе къ нашей темѣ. Ѣдущая по дорогѣ съ Дунечкой, Юлинька, разбитая жизнью интеллигентная дѣвушка, направляющаяся въ глухой уголокъ Сибири учить дѣтей и тамъ сложить свою не нашедшую нигдѣ пристанища бѣдную голову, задаетъ Дунечкѣ вопросъ:

«— Вы развѣ замужъ вовсе не собираетесь? Зарокъ?—спросила она ласково.

«Дунечка не сразу отвѣтила. Сняла свою шубку, шапочку и завернулась въ теплый платокъ.

«— Коли я замужъ зря выскочу—ну, тогда, значитъ, душа коротка оказалась. Сборы только большіе.

«— Это какъ же понимать надо—зря?.. Безъ любви, что ли?

«Усмѣхнулась и снисходительно поглядѣла на барышню.

«— Можно и по любви, да зря. Не изъ-за чего жизнь-то ломать. Развѣ для любви стоитъ ломать, что ужъ сдѣлано?.. Сколько труда, усилій... Надолго ея хватитъ, любви этой!

«— Ну... разная тоже любовь бываетъ, это вы напрасно, — возразила Юлинька.

«— Ничего не разная. У васъ это, у дворянъ, о любви невѣсть что воображаютъ... да чего только и не натерпятся черезъ нее! Воображаютъ, будто она сильнѣе всего на свѣтѣ.

«— Да вы, Дунечка, вѣрно и влюблены-то никогда еще не были?.. Недосугъ... отъ большого прилежанія.

«Дунечка нахмурилась и помолчала нѣсколько минутъ.

«— Была, не безпокойтесь... Въ студента. Давно уже... Гдѣ-то онъ теперь мыкается несчастный? Вотъ ужъ кому тоже нянька нужна, все равно какъ вамъ!..

«— Отчего же такъ?—подсказала Юлія Николаевна.

«— Выслали его тогда. Больной... за душой ни гроша... Нигдѣ ни души... Умеръ, должно быть. Да и лучше.

«— Фу, что вы говорите! А еще любили!

«Дунечка вспыхнула и насупилась.

«— Потому и говорю, что жалко. Кромѣ мученья всякаго, этотъ человѣкъ ничего для себя въ жизни не найдетъ. Горе его обойдетъ, такъ онъ и самъ въ догонку за нимъ пустится. Тутъ люби не люби—все одно.

«— Вотъ что! Такихъ людей немало, Дунечка, для которыхъ жизнь мученье. Неушто всѣхъ ихъ въ гробъ заколотить?..

«Дунечка сердито дергала бахрому сѣраго платка.

«— Не понимаете, что я говорю... Странно даже!

«— Понимаю, понимаю! Благополучные люди—прекрасные люди. А кто мучается, тотъ и другимъ жизнь портитъ... Зрѣлище непріятное! Не вы одна такъ думаете, Дунечка! Вамъ Богъ проститъ... совсѣмъ вы юная. Не потому, сколько лѣтъ, а всѣмъ... сырая вы еще совсѣмъ! Мнѣ оттого на васъ смотрѣть весело—весною вѣетъ. А только слушать васъ жутко подчасъ.

«Дунечка, смущенная, силилась понять. Не первый разъ она такое слышитъ... Пусть хоть бы разъ одинъ человѣкъ объяснилъ понятно: почему точно какъ *стыдно* быть счастливой? Коли ты всего сама добилась, повезло тебѣ, неужто это все равно, будто ты чужое отняла?!. Да съ какой же стати, Господи, кто это выдумываетъ?

«Дунечка не могла успокоиться.

«— Вотъ я васъ не понимаю... для чего въ дикую глушь пропадать тащитесь черезъ силу? Въ Сибирь...

«— Тамъ у меня знакомые живутъ. Къ хорошимъ людямъ поближе.

«— Да жизнь-то какая же тамъ съ вашимъ-то здоровьемъ? Какъ ужъ тогда и жить, не понимаю. По моему, каждый человѣкъ долженъ все выше и выше карабкаться, коли силы хватаетъ,—только это и жизнь. Тогда всѣмъ хорошо и будетъ, когда на худое никто соглашаться не захочетъ, развѣ не правда?»

Такъ разсуждаетъ, главное, такъ чувствуетъ здоровая, непосредственная натура, родная сестра Ѳени, которая въ Америкѣ, встрѣтивъ подходящія условія, тоже карабкается выше, коли силы хватаетъ, и не понимаетъ, чѣмъ такъ недовольны «барыни», пріѣхавшія изъ Россіи. Стремленіе карабкаться выше всегда идетъ рука объ руку съ стремленіемъ развить всѣ возможности, въ каждомъ изъ насъ заложенныя, не подчиняясь и не поддаваясь слабости и безволью другого. Юлинька этого не понимаетъ, она бы пожалѣла бѣднаго студента и вмѣстѣ съ нимъ мыкалась бы въ погонѣ за горемъ, пока въ одинъ прескверный день не увидѣла бы, что жизнь его и ея ушла между рукъ. А то, можетъ быть, услышала бы, что женщина только и можетъ быть сидѣлкой, ибо таково ея назначеніе, и, услышавъ, возмутилась бы. Да поздно, жизни назадъ не воротишь.

Намъ кажется, поэтому, что не надо жертвовать своей личностью изъ жалости къ кому бы то ни было и къ чему бы то ни было. Это фальшивая жертва. Человѣческая личность—такое высокое достояніе, что погубить ее въ себѣ—грѣхъ противъ Духа Святого. И не высокаго калибра та жалость, которая заставляетъ приносить подобныя жертвы. Въ ней есть что-то унизительное для обѣихъ сторонъ. Не изъ жалости должна проистекать готовность давать нѣчто другимъ, а изъ непобѣдимаго внутренняго влеченія, несущаго въ себѣ самомъ удовлетвореніе. Женщинѣ столько натвердили про высокую роль какой-то всеобщей сестры милосердія, что изъ-за нея она проглядѣла высшее назначеніе человѣка—никогда и ни для чего не поступаться своимъ человѣческимъ достоинствомъ. Ей самой столько довелось изъ-за этого выстрадать, что если теперь она проявитъ немножко жестокости, то отъ этого мы всѣ будемъ въ выигрышѣ. Даже если она сама отъ этого будетъ страдать, потому что быть жестокимъ вовсе не сладко. Но «нѣтъ исхода, нѣтъ спасенія, нѣтъ дру-

гой радости, кромѣ радости, рожденной страданіемъ». Это единственная радость, которой не стыдно, какъ смутно предчувствуетъ Дунечка, когда ее смущаетъ мысль о завоеванномъ собственными силами счастьи.

Но не надо жертвовать и ради блага другихъ, тѣхъ, кому жертвы приносятся. Онѣ ихъ развращаютъ и дѣлаютъ безвольными и безсильными, пріучаютъ надѣяться на другихъ, а не на себя, поддерживаютъ обманъ, что кто-то другой можетъ дать мнѣ то, чего я самъ взять не въ силахъ. Это одна изъ самыхъ опасныхъ иллюзій, потому что она съ особой цѣпкостью держится за душу слабаго человѣка, который не можетъ собственными силами завоевать себѣ мѣсто въ жизни, и все ждетъ и надѣется, что кто-то придетъ и все устроитъ для него...

Главное, конечно, остается стремленіе впередъ, къ совершенствованію жизни, въ неустанномъ желаніи «карабкаться» выше и выше, какъ выражается Дунечка,—подыматься надъ жизнью, не давая изъ себя «высасывать» запросы и духовную жизнь тому или иному «пауку». Въ этомъ и заключается борьба съ обычной пошлостью будничной жизни, гдѣ не приходится совершать подвиговъ, а вести стойкую и постоянную мелочную борьбу, не давая себя засосать всякому житейскому вздору. Вотъ тутъ-то и сказывается, есть ли дѣйствительно въ душѣ запросы, или былъ только юношескій самообманъ, переоцѣнка силъ, которыхъ въ нужный моментъ и не оказывается вовсе, какъ и бываетъ, къ сожалѣнію, слишкомъ-слишкомъ часто. Самообманъ не можетъ вѣчно длиться, наступаетъ минута проясненія и тогда раздаются жалобы на «паука», на «среду» и прочія страшилища, не давшія расцвѣсть тѣмъ яко бы недюжиннымъ силамъ, которыя таились будто бы въ душѣ героини. И это, конечно, тоже иллюзія, съ которой особенно горько разставаться. Не этой ли горечью сознанія, что не «мягкотѣлый интеллигентъ», а собственная дряблость и «мягкотѣлость» повинны въ ничтожествѣ жизни,—и объясняется раздражительность нашей докторши? Когда-то юношескій порывъ увлекъ ее на голодъ, кормить голодающихъ. Но собственный голодъ духовный она такъ и не сумѣла утолить. Конечно, то былъ прекрасный порывъ, доказавшій, что въ ней было когда-то живое зерно, но все-таки это былъ только порывъ. Долгаго твердаго напряженія воли онъ не требовалъ. Не то, что постоянно держать зажженнымъ свой «свѣтильникъ» и свѣтить себѣ и другимъ,—это, дѣйствительно, трудная задача. И когда такая подававшая во время оно надежды «докторша» начинаетъ изливаться на счетъ загубленной жизни, намъ всегда хочется отвѣтить ей: никто не виноватъ, кромѣ васъ самихъ. Что же помѣшало ей во-время спохватиться, уйти отъ «мягкотѣлаго интеллигента» и поискать иной дороги, иныхъ задачъ? Голодающихъ у насъ, слава Богу, нечего искать, и библіотеки не только въ Воронежѣ, если ужъ ничего другого ей не видится въ жизни. Но и оставаясь въ семьѣ, разъ ей дороги и мужъ, и дѣти, развѣ умная, энергичная, интеллигентная женщина, настоящій живой человѣкъ съ запросами и богатой духовной жизнью, допуститъ мерзость запустѣнія, уйдетъ въ пеленки, кухню, въ устроительство «уюта» и только? Такая женщина слишкомъ ясно видитъ, что это не уютъ, не семья, а могила, гдѣ безвозвратно хоро-

нятся лучшія силы, надежды, все, чѣмъ жизнь красна, и сумѣетъ охранить себя и дорогихъ ей лицъ отъ жалкой участи—быть заживо похороненными. Или семья удесятеритъ силы такой женщины, потому что въ кругѣ дорогихъ и любимыхъ лицъ она находитъ ежечасно новый источникъ для ума и души, или же она броситъ семью, если видитъ, что не можетъ дать ей счастья даже цѣною собственной гибели. А что счастья нѣтъ, это мы уже указывали. Такой выходъ—для всѣхъ спасеніе, и прежде всего для нея самой. Но прожить чуть не полъ-жизни и только тогда спохватиться, что душа опустошена и никому не легче отъ этого,—значитъ, что въ душѣ-то врядъ ли было что опустошать, и злобная ссылка на «паука»—просто одинъ отводъ глазъ, новый самообманъ, послѣдняя и самая жалкая иллюзія.

Тѣмъ и отличается современная постановка женскаго вопроса, что никто уже, кромѣ допотопныхъ ихтіозавровъ, не оспариваетъ правъ женщины на самостоятельное человѣческое существованіе. Эти права ею отвоеваны. Надо только умѣть ими пользоваться. И въ каждомъ конфликтѣ жизни, гдѣ приходятъ въ столкновенія права человѣка и обязанности жены и матери, женщина должна, не колеблясь, отстаивать прежде всего первыя. Прежде человѣкъ, а потомъ уже жена, потомъ уже мать, и никогда наоборотъ,—и потому такъ, что только женщина-человѣкъ въ высшемъ и всеобъемлющемъ значеніи слова можетъ быть и истинной женой, и истинной матерью. Достаточно мы имѣемъ женъ-кухарокъ и матерей-насѣдокъ, и счастья онѣ еще никому не дали. Тогда и «мягкотѣлый интеллигентъ» пойметъ, что женщина можетъ быть не только хозяйкой и матерью, а еще кое-чѣмъ, весьма цѣннымъ въ семейномъ быту. Ему и въ голову не придетъ изрекать такія «истины» и недоумѣло вопрошать, какъ примѣнить къ жизни высшіе идеалы семейственности и общественности. Потому и не придетъ, что ему прежде всего самому придется преобразиться изъ мягкотѣлаго тоже въ человѣка, иначе не видать ему ни жены, ни семьи. Тогда и дѣтямъ не придется начинать самостоятельную жизнь съ разрыва съ «отцами», потому что не будетъ такой пропасти между ихъ идеалами и той семьей, какую устроитъ новая женщина.

Задача трудная, требующая долгой борьбы и многихъ страданій, но кто «ищетъ новыхъ путей, долженъ выходить не на прогулку, а на работу»...

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

НА РОДИНѢ.

Въ московскомъ земствѣ. Московское губернское земское собраніе въ засѣданіи 11-го февраля обсуждало, по словамъ московскихъ газетъ, вопросъ о мелкой земской единицѣ. Докладъ вызвалъ долгія пренія, въ результатѣ которыхъ были приняты слѣдующія положенія:

1) Въ цѣляхъ приближенія земскихъ учрежденій къ населенію и возможно успѣшнаго исполненія ими лежащихъ на нихъ задачъ, является необходимымъ и своевременнымъ образованіе — въ дополненіе къ губернскимъ и уѣзднымъ земскимъ учрежденіямъ—новой, меньшей, чѣмъ уѣздъ, земской единицы.

2) Мелкая земская единица должна быть союзомъ обязательнымъ, а не добровольнымъ.

3) Она должна быть союзомъ, объединяющимъ мѣстныхъ жителей безъ различія сословій.

4) У нея должна быть опредѣленная территорія.

5) Вся территорія уѣзда, за исключеніемъ городовъ, дѣлится на мелкія земскія единицы.

6) Опредѣленіе территоріальныхъ границъ мелкихъ земскихъ единицъ должно быть предоставлено уѣзднымъ земскимъ собраніямъ, которымъ при этомъ не должно быть вмѣняемо въ обязанность придерживаться существующихъ административныхъ или церковныхъ дѣленій уѣзда: волостей, приходовъ и т. п.

7) Въ кругъ вѣдомства мелкой земской единицы должны входить всѣ задачи, предоставленныя вѣдѣнію губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій.

8) Учрежденіе мелкой земской единицы ни въ какомъ случаѣ не должно вести къ ограниченію компетенціи или умаленію правъ губернскаго или уѣзднаго земства.

9) Мелкая земская единица не должна быть подчинена руководству и контролю уѣзднаго или губернскаго земства, но, при сохраненіи за ней самостоятельности, уѣздному земству должны быть предоставлены по отношенію къ ней нѣкоторыя преимущественныя права, подобно тому, какъ нынѣ таковыя предоставлены губернскому земству по отношенію къ уѣзднымъ.

10) Разграниченіе компетенцій мелкой земской единицы и уѣзднаго зем-

ства должно быть предоставлено земскому собранію на тѣхъ же основаніяхъ, какъ предоставлено нынѣ губернскому земскому собранію разграниченіе компетенцій губернскаго и уѣздныхъ земствъ (ст. 63 п. 1).

11) Мелкая земская единица должна имѣть право самообложенія, ограниченное извѣстнымъ максимальнымъ процентомъ, опредѣляемымъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ.

12) Сборы въ пользу мелкой земской единицы взимаются на основаніи оцѣнокъ, установленныхъ уѣзднымъ земствомъ для взиманія уѣзднаго земскаго сбора.

13) Въ основу представительства въ мелкой земской единицѣ должно быть положено обладаніе недвижимымъ имуществомъ извѣстнаго размѣра, доходности или цѣнности, обложенныхъ земскимъ сборомъ.

14) Имущественный цензъ, означенный въ предыдущемъ пунктѣ, долженъ быть значительно ниже ценза, требуемаго для участія въ выборѣ гласныхъ въ уѣздное земское собраніе.

15) Женщины участвуютъ въ представительствѣ мелкой земской единицы и въ завѣдываніи ея дѣлами на одинаковыхъ правахъ съ мужчинами.

16) Организація мелкой земской единицы слагается изъ собранія, представляющаго мѣстное населеніе, и изъ исполнительнаго органа, избираемаго собраніемъ и подлежащаго его контролю.

17) Собраніе состоитъ изъ лицъ, избираемыхъ личными собственниками и юридическими лицами (сельскими общинами, товариществами, обществами и проч.), удовлетворяющими условіямъ ценза, но въ тѣхъ случаяхъ, опредѣляемыхъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, когда, по малому количеству личныхъ собственниковъ въ районѣ, окажется невозможнымъ организовать въ средѣ ихъ выборы, собраніе можетъ состоять непосредственно изъ всѣхъ личныхъ собственниковъ даннаго района и изъ выборныхъ представителей сельскихъ общинъ и другихъ, обладающихъ цензомъ юридическихъ лицъ.

18) Предсѣдатель собранія избирается самимъ собраніемъ изъ своей среды.

19) Исполнительный органъ можетъ быть коллегіальнымъ или единоличнымъ по усмотрѣнію собранія мелкой земской единицы.

20) Званіе предсѣдателя собранія несовмѣстимо съ отправленіемъ обязанностей исполнительнаго органа.

Въ вопросѣ о возбужденіи надлежащаго ходатайства, относительно организаціи мелкой земской единицы, собраніе раздѣлилось на двѣ части: одни гласные находили такое ходатайство въ данный моментъ несвоевременнымъ, другіе—считали его необходимымъ.

При баллотировкѣ большинство гласныхъ примкнуло къ первому взляду. Такимъ образомъ, указанныя положенія имѣютъ лишь принципіальный характеръ.

При возбужденіи ходатайства, они будутъ развиты, подкрѣплены новымъ матеріаломъ, и собранію придется къ этому вопросу возвратиться. Для дальнѣйшей обработки «положеній» избрана особая коммиссія.

Читальня для босяковъ. Такая читальня существуетъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Носитъ она наименованіе городской пушкинской безплатной читальни и служитъ, главнымъ образомъ, для босяковъ, населяющихъ трущобы нижней части города. Содержится эта читальня на средства города и управляется особымъ комитетомъ. На-дняхъ вышелъ отчетъ о дѣятельности читальни за 1903 г., съ которымъ мы, пользуясь извлеченіемъ изъ него, помѣщеннымъ въ «Нижегор. Листкѣ», считаемъ не лишнимъ познакомить и нашихъ читателей.

Содержаніе читальни въ 1903 г. обошлось въ 1.865 р. 60 к. На пріобрѣтеніе книгъ израсходовано 186 р. 87 к., на выписку газеты 106 р. 60 к. и журналовъ 130 р. Въ среднемъ читальню посѣщали ежедневно болѣе 100 человѣкъ при колебаніи максимума (зимой) 239 человѣкъ и минимума (лѣтомъ) 9 человѣкъ. Составъ посѣтителей въ процентномъ отношеніи выражается въ такихъ цифрахъ: сословный: крестьянъ 54,3, мѣщанъ 36,7, дворянъ 2,5, чиновниковъ 2,4, почетныхъ гражданъ 2,3, цеховыхъ 1,8. По возрасту и полу: мужчинъ 91,89, мальчиковъ 7,99, дѣвочекъ 0,08, женщинъ 0,04. По образованію: низшаго 85,77, домашняго 11,12, средняго 3,07, высшаго 0,04. По роду занятій: чернорабочихъ 56,5, мастеровыхъ 25,4, прислуги 6,1, занимающихся письмоводствомъ 5,4, учащихся 3,4, торговцевъ 3,2.

Требованія на книги, журналы и газеты идутъ въ такомъ порядкѣ: педагогика и учебныя 0,2, законовѣдѣніе, общія юридическія науки 0,34, исторія литературы 0,36, медицина и гигіена 0,53, ремесла, производства, справочныя 0,59, духовнаго содержанія 1,46, географія, этнографія и путешествія 1,5, естествознаніе и сельское хозяйство 1,53, исторія и біографія 1,54, беллетристика 12,04, журналы 2,58, иллюстрированные журналы 14 проц., газеты столичныя 11,32, мѣстныя 52,01.

Главный контингентъ посѣтителей читальни — тѣ же обитатели нижнебазарныхъ трущобъ, бездомный оборванный людъ, босяки, такъ называемая «золотая рота». Въ отчетномъ году читальню стали болѣе посѣщать учащіеся, подростки и дѣти—золоторотцы. Послѣдніе забираются въ читальню и проводятъ въ ней почти весь день за чтеніемъ. По поводу прочитаннаго они много говорятъ со своими товарищами въ ночлежкѣ, увлекаютъ ихъ своими разсказами настолько, что и тѣ въ свою очередь являются въ читальню съ просьбой дать книжечку.

Крестьяне, приходящіе изъ деревни въ городъ на заработки, обыкновенно обращались съ просьбой дать почитать какую-нибудь книжку, такъ какъ сами они мало читали и затрудняются въ выборѣ. Въ такихъ случаяхъ имъ предлагали мелкіе и интересные по содержанію разсказы Засодимскаго, Чехова, Мамина-Сибиряка, Л. Толстого, «Книжка за книжкой» Слѣпцовой («Колдуны и вѣдьмы»), Рубакина, Лункевичъ («Громъ и молнія») и др. Заинтересовавшись чтеніемъ, посѣтители спрашивали еще и еще такихъ же книжекъ. Просили также почитать что-нибудь о деревенской, крестьянской жизни, хлѣбопашествѣ и т. п.

Спросъ на беллетристику преобладалъ. Съ большимъ интересомъ читали

сочиненія: Л. Н. Толстого, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Гончарова, Писемскаго, Мельникова, Островскаго, Чехова, Короленко, Потапенки, Мамина-Сибиряка. Изъ иностранныхъ писателей—В. Гюго («Отверженные»), Сенкевича («Камо грядеши?», «Потопъ», «Огнемъ и мечомъ»), Золя. Жюль-Верна, Майнъ-Рида и Фенимора Купера читали по преимуществу подростки. Дѣти спрашивали больше сказки Андерсена, Гриммаи Аѳанасьева, разсказы изъ естественной исторіи Водовозовой. О романахъ Гюго приходилось слышать такіе отзывы: «не такъ легко его читать, какъ Чехова: нужно нѣкоторое усиліе, чтобы вникнуть въ суть его романовъ, но ужъ зато потомъ просто не оторвешься, весь уходишь въ книгу и забываешь, что дѣлается кругомъ—такъ хорошо онъ пишетъ». О произведеніяхъ Достоевскаго отзывались такъ: «его романы оставляютъ такое сильное и тяжелое впечатлѣніе, что послѣ не скоро опомнишься, такъ и мерещится все во снѣ и на яву». О Тургеневѣ говорили: «ужъ такъ онъ хорошо и просто пишетъ, точно самъ все это переживаешь». О разсказахъ Чехова отзывались такъ: «очень интересно и живо пишетъ». Интересовались также біографіями Пушкина, Лермонтова, Л. Н. Толстого, Никитина и друг. и говорили, что «хотѣлось бы узнать, какъ прошло ихъ дѣтство и какъ научились они такъ занимательно писать».

Нѣкоторые спрашивали исключительно историческія книги и на вопросъ, «почему ихъ такъ интересуетъ исторія», отвѣчали: «любопытно знать, какъ люди жили прежде, какъ жили и живутъ иностранцы, ихъ нравы и обычаи. Учиться намъ не пришлось, такъ, по крайней мѣрѣ, хоть изъ книжекъ что-нибудь узнаемъ». Спрашивали больше Іегера, Соловьева, Петрушевскаго, Карамзина, Сиповскаго, Разина и Лапина.

Затѣмъ особеннымъ спросомъ по географіи, этнографіи и путешествіямъ пользовались «Живописная Россія» (прил. къ «Нови»), «Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ»—Водовозовой, Реклю, Мечь и др.

По естествознанію съ большимъ интересомъ читали: «Книжка за книжкой»—Слѣпцовой («Колдуны и вѣдьмы»), Лункевича («Громъ и молнія»), Рубакина, «Астрономическіе вечера»—Клейна, о которыхъ всегда отзывались съ большой похвалой.

Интересовались также популярной медициной и читали приложенія къ «Народному здравію», Флоринскаго, Бока, Добеля, Крафта-Эбинга и друг.

Спрашивали также законы, уложеніе о наказаніяхъ и другія книги по законовѣдѣнію.

Большой спросъ былъ на послѣднія произведенія Л. Н. Толстого, полное собраніе сочиненій Некрасова, Гл. Успенскаго, Салтыкова, Максима Горькаго, Чирикова и другихъ новѣйшихъ писателей. Спрашивали между прочимъ, философію Канта, Фихте, Шопенгауера, Ницше, книги по политической экономіи, исторіи и соціологіи, но требованія эти не могли быть удовлетворены, такъ какъ произведенія эти не входятъ въ каталогъ книгъ, допущенныхъ въ народныя читальни.

Въ концѣ года для читальни пріобрѣтена витрина съ восемью подвижными рамами, въ которыя вставляются картины изъ разныхъ иллюстрирован-

ныхъ журналовъ по исторіи, географіи, естествознанію и текущимъ событіямъ съ объясненіемъ картинъ или указаніемъ, въ какой книгѣ можно получить о нихъ объясненія. Картины эти мѣняются. Публика ими очень интересуется и около витрины всегда толпится народъ. Пріобрѣтены также картины Булгаковскаго «Пьянство и его послѣдствія», которыя висятъ на стѣнѣ.

За все время пропало только двѣ книги, которыя въ скоромъ времени были доставлены въ читальню, одна В. А. Рукавишниковымъ, другая г. Лютовымъ. Книги эти пріобрѣтены ими случайно и возвращены тотчасъ же, какъ только замѣченъ былъ штемпель Пушкинской читальни. Отъ полученія денегъ за доставленныя книги и тотъ и другой отказались.

Комитетъ принималъ всѣ мѣры къ возможно широкому распространенію книгъ среди читателей, тѣмъ не менѣе приходится констатировать весьма печальный фактъ—уменьшеніе количества требованій на книги. Явленіе это наблюдается и во многихъ другихъ народныхъ читальняхъ. Объясняется это крайнею ограниченностью каталога книгъ, допущенныхъ въ народныя читальни. Каталогъ этотъ не можетъ удовлетворить взрослыхъ городскихъ жителей, которые по развитію стоятъ выше сельскаго населенія. Чуть не каждый день приходилось отказывать посѣтителямъ въ книгахъ, газетахъ и журналахъ, которые свободно выдаются во всѣхъ остальныхъ читальняхъ, не имѣющихъ названія «народныхъ». Вотъ почему въ настоящее время многія общественныя учрежденія и земства, въ томъ числѣ и наше нижегородское, возбудили ходатайство о расширеніи каталога для народныхъ читаленъ. Комитетъ пушкинской читальни къ этому безусловно присоединяется и находитъ, что только при благопріятномъ разрѣшеніи этого ходатайства возможно нормальное развитіе ея дѣятельности.

Несмотря на эти, крайне неблагопріятныя условія, пушкинская читальня за три года своего существованія оказала не малую услугу городу въ смыслѣ умственнаго и нравственнаго оздоровленія того района, въ которомъ она находится. Все это не подлежитъ сомнѣнію. Стоитъ только вспомнить, какъ рабочій людъ проводилъ свой досугъ въ этой мѣстности прежде, до открытія читальни, и какъ проводитъ онъ его теперь.

Два доклада. Въ засѣданіи постоянной коммиссіи, состоящей при московскомъ «Музеѣ содѣйствія труду», были заслушаны два интересныхъ сообщенія: 1) О. Б. Гальдовскаго—«О положеніи желѣзнодорожныхъ служащихъ» и 2) Н. М. Быкова—«Рабочіе на городской службѣ въ Москвѣ». Авторъ перваго доклада коснулся, по словамъ корреспондента «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», стараго, но вѣчно новаго вопроса о непомѣрно длинномъ рабочемъ днѣ желѣзнодорожныхъ служащихъ и объ общественной безопасности, мало гарантируемой хронически переутомленнымъ персоналомъ низшихъ агентовъ желѣзнодорожной службы. Пользуясь обширнымъ матеріаломъ, собраннымъ лично «черезъ посредство представителей желѣзнодорожнаго міра», авторъ рисуетъ яркую картину невыносимо тяжелаго положенія огромной арміи тружениковъ, доходящей до 400 тысячъ человѣкъ. Предъ умственнымъ взоромъ слушателя безконечной

вереницей проходятъ тысячи замученныхъ непосильнымъ трудомъ кондукторовъ, кочегаровъ, смазчиковъ, стрѣлочниковъ; сотни крушеній съ тысячами невинныхъ жертвъ безъ вины виноватыхъ «агентовъ». Въ докладѣ приведенъ бывшій на одной изъ желѣзныхъ дорогъ случай, дающій наилучшую характеристику бытового положенія многихъ тысячъ низшихъ служащихъ.

Вслѣдствіе осадки пути, къ одному мѣсту линіи былъ приставленъ сторожъ съ сигнальнымъ фонаремъ для своевременной остановки поѣзда, который проходилъ означенное мѣсто медленно.

Продежуривъ безконечное число часовъ безъ смѣны, сторожъ почувствовалъ непреодолимое желаніе соснуть. Не будучи въ силахъ держаться на ногахъ, онъ ложится головой на рельсы въ надеждѣ услышать шумъ приближающагося поѣзда. Цѣною жизни несчастный купилъ часъ желаннаго отдыха.

Помимо отсутствія какихъ-либо заботъ объ охранѣ трудовыхъ интересовъ служащихъ, докладчикъ констатируетъ и совершенную необезпеченность служебнаго персонала дорогъ въ смыслѣ надлежащей врачебной помощи. Расходы на этотъ предметъ въ области желѣзнодорожнаго хозяйства считаются излишними и непроизводительными. Врачи безсильны ввести какія-либо улучшенія въ организацію медицинскаго дѣла. Наибольшіе шансы на продолжительную службу и высокіе оклады имѣютъ врачи, сознательно закрывающіе глаза на самыя вопіющія нужды служащихъ, ограничивающіе свою дѣятельность перепиской, отпиской и проч.

На Николаевской жел. дорогѣ, дающей 34 тыс. р. валового дохода на версту, стоимость охраны здоровья каждаго служащаго равняется 6 р. 77 к. На Самаро-Златоустовской ж. д., при валовомъ доходѣ съ версты 12 тыс. р., расходъ на врачебную часть выражается въ 7 руб. 32 коп. на служащаго. Московско-Брестская ж. д., при 13 тыс. дохода, тратитъ на тотъ же предметъ 6 р. 37 к. Въ отдѣльномъ корпусѣ пограничной стражи, состоящемъ въ вѣдѣніи министерства финансовъ, на охрану здоровья каждой лошади тратится 4 р. 85 к., между тѣмъ какъ на многихъ дорогахъ расходъ на медицинскую часть выражается въ суммѣ 80—90 коп. на человѣка.

Въ заключеніе своего обширнаго доклада, авторъ указываетъ на слабыя и пока безрезультатныя попытки къ урегулированію въ законодательномъ порядкѣ условій жизни и труда многотысячной массы желѣзнодорожныхъ служащихъ.

Н. М. Быковъ въ своемъ докладѣ далъ любопытныя свѣдѣнія о числѣ рабочихъ, занятыхъ въ городскихъ учрежденіяхъ Москвы. За исключеніемъ нѣсколькихъ тысячъ лицъ, работающихъ временно, сезонно, число постоянныхъ рабочихъ, состоящихъ на городской службѣ, составляетъ около 7 тысячъ. На содержаніе всѣхъ служащихъ въ различныхъ учрежденіяхъ и предпріятіяхъ городъ тратитъ 1.200.000 р. въ годъ. При такой массѣ рабочаго люда, занятаго въ городскихъ учрежденіяхъ, естественно было бы ожидать проявленія со стороны городскаго управленія какихъ-либо заботъ о санитарныхъ, жилищныхъ и другихъ нуждахъ низшаго городского персонала. Изъ заявленій, сдѣланныхъ отдѣльными членами собранія, близко стоящими къ городскимъ дѣламъ, явствуетъ, что въ этомъ смыслѣ ничего не сдѣлано.

Авторъ ограничился лишь числовыми данными о рабочихъ по отдѣльнымъ учрежденіямъ и, къ сожалѣнію, совершенно не коснулся условій внутренняго быта городскихъ рабочихъ. Нѣкоторые члены собранія указали на чрезмѣрную продолжительность рабочаго дня въ нѣкоторыхъ городскихъ учрежденіяхъ (напр. конка), низкую оплату труда и проч. Косвенное подтвержденіе этихъ указаній находится въ самомъ докладѣ, констатирующемъ частую смѣну служебнаго персонала въ городскихъ предпріятіяхъ. Въ докладѣ, напримѣръ, устанавливается, что 34,2 проц. всѣхъ городскихъ рабочихъ остается на службѣ менѣе одного года. Коммиссія выразила пожеланіе, чтобы городское самоуправленіе, въ виду развивающейся муниципализаціи городскихъ предпріятій, занялось разработкой вопроса объ условіяхъ жизни и труда городскихъ рабочихъ. Если бы они оказались неудовлетворительными, на обязанности города, въ отличіе его отъ частныхъ предпринимателей, лежитъ забота объ охранѣ здоровья и труда значительной массы людей, служащихъ городу.

Прошлое соловецкой тюрьмы. Въ февральской книгѣ «Міра Божія» (см. «Изъ русскихъ журн.») мы познакомили читателей съ интересной статьей г. Мартынова о соловецкой тюрьмѣ. Теперь г. А. Пругавинъ разсказываетъ въ «Правѣ» о соловецкой тюрьмѣ, прекратившей нынѣ свое существованіе.

Ссылка въ Соловки, пишетъ онъ, особенно широко примѣнялась во все продолженіе царствованія императора Николая Павловича, который охотно прибѣгалъ къ этому наказанію, подвергая монастырскому заточенію: сектантовъ, раскольниковъ, офицеровъ, монаховъ, студентовъ, священниковъ, помѣщиковъ, крестьянъ, чиновниковъ, купцовъ, солдатъ и т. д.

Преступленія, которыя карались ссылкою въ Соловки и заточеніемъ въ монастырской тюрьмѣ, отличались необыкновеннымъ разнообразіемъ и разнохарактерностью. Однако, не можетъ подлежать сомнѣнію, что огромное большинство арестантовъ соловецкой тюрьмы составляли такъ называемые религіозные преступники, т.-е. преступники противъ господствующей религіи и церкви.

Чаще всего монастырскому заключенію въ Соловкахъ подвергались вожаки и руководители раскола - старообрядчества, а также основатели и главные дѣятели разныхъ сектъ, въ родѣ извѣстнаго безпоповца, костромского купца Папулина, эсаула донского войска Евлампія Котельникова, извѣстнаго мистика, игумена Селентинскаго монастыря Израиля, основателя Деснаго братства, артиллерійскаго капитана Ильина, «духовнаго царя» прыгуновъ Рудометкина, пермскаго купца Адріана Пушкина, наставника саратовскихъ молоканъ Петра Плеханова, знаменитаго въ лѣтописяхъ секты бѣгуновъ или странниковъ Никиты Семенова Киселева и т. д.

Рядовые же, обыкновенные раскольники и сектанты ссылались въ Соловки большею частью тогда, когда они были обличены или же только заподозрѣны въ распространеніи раскола или сектантства. Несоблюденіе тѣхъ или иныхъ таинствъ православной церкви точно также каралось соловецкой тюрьмой. Такъ

напримѣръ, трое солдатъ были сосланы въ Соловки «за несогласіе крестить дѣтей своихъ по обряду православной церкви».

Всѣ арестанты всегда присылались подъ строгимъ секретомъ, причемъ весьма часто причины ссылки и заточенія того или другого лица указывались лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, напримѣръ, въ такомъ родѣ: высылается «за противозаконныя и крайне вредныя по расколу дѣйствія», или же: «за пребываніе въ ереси и отрицаніе таинствъ исповѣди и святого причащенія», или: «за распространеніе вредныхъ толковъ о вѣрѣ и богопротивныя дѣянія», или: «за надругательство надъ св. иконами», или: «за вторичное обращеніе изъ православія въ расколъ», или: «за духовное преступленіе, въ которое онъ (штабсъ-капитанъ Щеголевъ) былъ вовлеченъ безнравственностью и невѣжествомъ» и т. д.

Но и такого рода краткія характеристики дѣлались далеко не всегда, нерѣдко же причины заточенія опредѣлялись еще болѣе лаконически и въ то же время еще болѣе неопредѣленно, какъ, напримѣръ: «за раскольничество», «за старообрядчество», «за раскольническую ересь» и т. д. Наконецъ, въ числѣ заключенныхъ въ монастырской тюрьмѣ были и такіе, относительно которыхъ даже само монастырское начальство было въ полной неизвѣстности о причинахъ, вызвавшихъ ихъ заточеніе.

Множество лицъ ссылалось въ Соловки «за отпаденіе отъ православія» и «за совращеніе въ расколъ или ересь». Чиновникъ 8-го класса Крестинскій былъ заключенъ въ соловецкую тюрьму «за совращеніе себя (!), жены своей и дѣтей въ раскольническую ересь безпоповщины». Съ особенною же строгостью преслѣдовалось совращеніе въ расколъ нижнихъ воинскихъ чиновъ.

Довольно часты были случаи, когда въ Соловки ссылали за отказъ отъ военной службы; такіе отказы большею частью происходили по мотивамъ религіознаго характера. Такъ, рекрутъ изъ крестьянъ Московской губерніи, молоканинъ Иванъ Шуруповъ, 19 лѣтъ, по принятіи на службу, «отказался дать присягу, несмотря на всевозможныя принужденія». Свой отказъ онъ мотивировалъ тѣмъ, что, по слову Божію, нужно служить одному Богу, а потому служить государю онъ не желаетъ и присягу принять отказывается, опасаясь быть клятвопреступникомъ.

Кому случалось лично бывать въ Соловкахъ, тотъ навѣрное никогда не забудетъ того тяжелаго, удручающаго впечатлѣнія, какое неизмѣнно на всѣхъ производила монастырская тюрьма, извѣстная у мѣстныхъ жителей подъ именемъ «острога» и «темницы».

Старинное, мрачное зданіе въ три этажа высилось надъ каменной стѣной, которая отдѣляла его отъ другихъ монастырскихъ зданій. Особенно ваше вниманіе приковывали къ себѣ ряды маленькихъ темныхъ оконъ съ тусклыми, позеленѣвшими отъ времени стеклами, съ толстыми тройными рамами и двойными желѣзными рѣшетками.

Тюрьма состояла изъ тѣсныхъ, полутемныхъ казематовъ, пропитанныхъ затхлой сыростью и зловоніемъ «парашекъ» и лишенныхъ всякой вентиляціи. Вообще, здѣсь никто не думалъ ни о необходимости вентиляціи, ни о соблю-

денiи другихъ, не менѣе важныхъ и элементарныхъ требованiй гигiены и санитарiи. Соловецкая тюрьма, какъ и всѣ вообще монастырскiя тюрьмы, стояла внѣ всякаго контроля судебныхъ и тюремныхъ учрежденiй и находилась въ полномъ и единоличномъ завѣдыванiи настоятеля монастыря, который и считался ея «комендантомъ». Пища была грубая и скудная. Арестанты радовались, какъ дѣти, когда имъ приносили свѣжiй, мягкiй хлѣбъ.

Тяжесть положенiя лицъ, заточенныхъ въ монастырѣ, особенно усиливалась благодаря климатическимъ, совершенно исключительпымъ условiямъ Соловецкаго острова: постоянные туманы, плотно окутывающiе землю, холодное, нелюдимое море, длинныя, полярныя ночи, безконечныя суровыя зимы, тьма и мракъ, жестокiя пурги и лютые морозы—вотъ что окружало узниковъ, томившихся въ сырыхъ и смрадныхъ казематахъ монастырской тюрьмы долгiе-долгiе годы, а зачастую и цѣлые десятки лѣтъ.

Долгое время глубокая тайна скрывала все то, что касалось заточенiя людей въ монастырскiя тюрьмы. Долгое время русская печать не имѣла возможности касаться вопроса о монастырскихъ заточенiяхъ и въ частности вопроса о соловецкой тюрьмѣ и условiяхъ содержанiя въ ней заключенныхъ. Только въ 1880 г., благодаря тѣмъ совершенно случайнымъ и кратковременнымъ облегченiямъ, которыя получила паша печать при Лорисъ-Меликовѣ, явилась возможность заговорить о соловецкой тюрьмѣ, поднять вопросъ о необходимости освобожденiя лицъ, содержащихся въ ней и, наконецъ, поставить вопросъ о настоятельной необходимости возможно скорѣе и разъ навсегда покончить съ этой давно отжившей формой наказанiя, отъ которой такъ и вѣетъ средними вѣками.

Окончательному упраздненiю соловецкой тюрьмы, какъ говорятъ, не мало содѣйсгвовалъ бывшiй военный министръ А. Н. Куропаткинъ, лично посѣтившiй Соловки лѣтомъ 1902 года. Какъ бы то ни было, но въ слѣдующемъ 1903 году состоялась передача правительствомъ тюремныхъ зданiй въ собственность соловецкаго монастыря. Кромѣ главнаго зданiя, въ которомъ была тюрьма, монастырю переданъ также и двухъэтажный каменный флигель, гдѣ помѣщались караульныя команды и офицеръ.

Къ дѣлу В. М. Дорошевича. Въ дополненiе къ помѣщенному въ свое время на страницахъ «Мiра Божiя» дѣлу по обвиненiю В. М. Дорошевича въ клеветѣ, помѣщенъ краткiй отчетъ о разсмотрѣнiи кассацiонной жалобы бывшаго сахалинскаго смотрителя Фельдмана. Это дѣло было заслушано въ четвертомъ отдѣленiи департамента Правительствующаго Сената 13 февраля Предсѣдательствовалъ сенаторъ Г. К. Рѣпинскiй. Изъ доклада, сдѣланнаго сенаторомъ К. В. Постовскимъ видно, что г. Фельдманъ привлекъ къ судебной отвѣтственности г. Дорошевича за то, что послѣднiй въ помѣщенныхъ имъ газетныхъ фельетонахъ и сообщенiяхъ изъ Сахалина оклеветалъ Фельдмана, который, по словамъ Дорошевича, кормилъ арестантовъ недоброкачественнымъ хлѣбомъ изъ желанiя экономировать на припекѣ и слишкомъ жестоко обращался съ арестантами.

Одесскій окружный судъ, гдѣ было предъявлено обвиненіе,—ссылаясь на показанія свидѣтелей, удостовѣрявшихъ, что при тѣхъ деньгахъ, которыя отпускались для арестантовъ, хлѣбъ, отпускаемый имъ, могъ быть лучшаго качества, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности, а равно ознакомившись съ приложенными къ дѣлу документами и брошюрою г. Дриля и другими обстоятельствами удостовѣрявшими слова г. Дорошевича,—призналъ послѣдняго невиновнымъ.

Мнѣніе одесскаго окружнаго суда раздѣлила также и одесская судебная палата. Фельдманъ въ своей кассаціонной жалобѣ призналъ рѣшеніе одесской судебной палаты неправильнымъ, во-первыхъ, потому, что палатой не были разсмотрѣны всѣ обстоятельства, на которыя указывалъ обвинитель для доказательства вины Дорошевича, во-вторыхъ, потому, что показаніе одного изъ свидѣтелей было извращено.

Защитникъ Дорошевича, помощникъ присяжнаго повѣреннаго М. Л. Гольдштейнъ, сослался на слова заключенія одесской судебной палаты, изъ которыхъ видно, что палатой при рѣшеніи дѣла приняты были во вниманіе всѣ обстоятельства дѣла, и на рѣшеніе сената по аналогичному дѣлу, изъ котораго слѣдуетъ, что извращеніе показанія одного свидѣтеля не можетъ служить поводомъ къ кассаціи, если другой свидѣтель показываетъ подтвержденіе фактовъ, послужившихъ основаніемъ для того или другого постановленія суда, и просилъ сенатъ утвердить рѣшеніе одесской судебной палаты.

Представитель обвинительной власти, товарищъ оберъ-прокурора С. М. Зарудный настаивалъ на отмѣнѣ рѣшенія одесской судебной палаты, не принявшей во вниманіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ дѣла, доказывающихъ вину Дорошевича. Сенатъ послѣ продолжительнаго совѣщанія постановилъ: рѣшеніе одесской судебной палаты отмѣнить и поручить той же палатѣ вновь разсмотрѣть дѣло.

Переходъ общества въ другое вѣдомство. На состоявшемся 27-го февраля засѣданіи совѣта общества содѣйствія народному образованію въ Ярославской губ. было выслушано, какъ сообщаютъ «Русск. Вѣдомости», въ числѣ другихъ дѣлъ сообщеніе ярославскаго губернатора о переходѣ общества изъ вѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія.

Присутствовавшій на засѣданіи директоръ народныхъ училищъ П. Н. Мочульскій предъявилъ совѣту требованіе о скорѣйшемъ доставленіи ему отчета о дѣятельности общества, совѣта и состоящихъ при немъ коммиссій за 1903 г. Много преній на засѣданіи возбудилъ вопросъ относительно порядка разсмотрѣнія списковъ книгъ, предназначенныхъ для выписки коммиссіей по продажѣ и изданію книгъ. Директоръ народныхъ училищъ настаивалъ на томъ, чтобы пріобрѣтались исключительно книги, разрѣшенныя и одобренныя имъ или его помощникомъ—инспекторомъ народныхъ училищъ Ѳ. И. Носиловымъ. Большинство членовъ совѣта находило, что одобреніе списковъ составляетъ право совѣта въ полномъ его составѣ, а потому и не можетъ быть ограничено согласіемъ одного лица, которое, однако, не лишено возможности высказывать свое мнѣніе въ совѣтѣ при обсужденіи списковъ книгъ. По уставу общества ди-

ректоръ народныхъ училищъ состоитъ постояннымъ членомъ совѣта. Затѣмъ на засѣданіи былъ выслушанъ отказъ кн. Д. И. Шаховскаго, А. П. Крылова (предсѣдатель губернской земской управы) и С. А. Мусина-Пушкина (членъ губернской управы) отъ званія членовъ совѣта. Совѣтъ постановилъ назначить въ возможно непродолжительномъ времени общее собраніе.

Послѣдователи г. Крушевана. Корреспондентъ «Южной Россіи» изъ м. Новый-Бугъ указываетъ на громадное распространеніе въ этомъ мѣстечкѣ идей г. Крушевана. Энергія мѣстныхъ антисемитовъ, въ виду близкаго наступленія праздниковъ, по словамъ корреспондента, чрезвычайно усилилась, и ихъ, почти совершенно открытая, агитація среди мѣстнаго населенія за устройство маленькаго Кишинева принимаетъ угрожающіе размѣры.

Эти достойные мѣстные дѣятели, не довольствуясь однимъ распространеніемъ изданій въ родѣ «Бессарабца» и «Знамени», воспользовались для своихъ цѣлей и русско-японской войной. Эксплоатируя патріотическое чувство, охватившее народъ, они стараются направить это чувство противъ еврейскаго населенія, распространяя слухи о милліонахъ, будто бы пожертвованныхъ евреями Японіи, о флотѣ, созданномъ тѣми же евреями для той же Японіи. Распространяютъ они эти слухи оригинальнымъ образомъ. Проходя по мѣстечку, встрѣчаешь то тутъ, то тамъ кучки крестьянъ, слушающихъ что-то со вниманіемъ: это «патріотъ» читаетъ имъ «Знамя» или что-нибудь подобное, развивая попутно свои мысли, дѣлая соотвѣтственныя замѣчанія и весьма не двусмысленныя указанія. Понятно, какое дѣйствіе производятъ на простолюдина эти слухи, выставляющіе евреевъ—измѣнниками, и эти указанія, выводы, подкрѣпляемые печатнымъ словомъ, имѣющимъ неотразимое вліяніе на умы крестьянъ. Даже тѣ, которые не вполнѣ довѣряютъ этимъ слухамъ, должны сдаться передъ неотразимымъ аргументомъ: «Коли-бъ это было неправдою, то печатать не дозволили бы».

И результаты этой работы начинаютъ уже сказываться: то здѣсь, то тамъ появляются симптомы, указывающіе на обостреніе отношеній между еврейской и христіанской частью населенія, до сихъ поръ уживавшихся мирно между собою.

И эти результаты достигнуты, несмотря на крайнюю малочисленность дѣйствующихъ у насъ подстрекателей. Послѣдніе большей частью преслѣдуютъ свои личныя интересы съ цѣлью—уничтожить конкурентовъ-евреевъ. Нѣкоторые изъ нихъ дѣйствуютъ съ такою энергіею, что даже мужики удивляются и спрашиваютъ:

— Что сдѣлали имъ евреи?

А дѣло объясняется просто: оставаясь побѣжденными въ борьбѣ съ единичными евреями на той же почвѣ, подстрекатели переносятъ свою злобу на всѣхъ евреевъ и превращаются въ самыхъ дѣятельныхъ гонителей. Несчастному еврейскому населенію остается единственная надежда на административную власть, которая не преминетъ сдѣлать надлежащее внушеніе подстрекателямъ и напомнить имъ, какая серьезная судебная кара ожидаетъ виновныхъ въ подобнаго рода дѣятельности.

Женскій вопросъ въ петербургской думѣ. Вопросъ этотъ возникъ по нижеслѣдующему поводу.

Ревизіонной комиссіи показалось, что женскому персоналу начинаетъ отводиться въ канцеляріи управы и комиссій слишкомъ уже много мѣста, и ревизоры нашли нужнымъ проектировать мѣры къ ограниченію наплыва женщинъ въ городскія канцеляріи. Опасаясь, какъ бы женщины совсѣмъ не вытѣснили мужчинъ съ городской службы, ревизіонная комиссія предлагала установить правиломъ, что число служащихъ женщинъ въ канцеляріяхъ не должно превышать половины общаго состава канцелярій. При этомъ женщинамъ предлагалось предоставлять исключительно низшія должности нештатныхъ писцовъ, а всѣ штатныя должности замѣщать исключительно только мужчинами. Противъ такого ограниченія женскаго труда возстала городская управа. Свидѣтельствуя о томъ, что служащія въ канцеляріяхъ управы и думы женщины отличаются въ общемъ вполнѣ добросовѣстнымъ отношеніемъ къ своимъ обязанностямъ; что большинство этихъ служащихъ женщинъ обладаетъ образовательнымъ цензомъ, какого не имѣютъ многіе изъ служащихъ мужчинъ; что нѣкоторыя (пока немногія) женщины съ достоинствомъ и пользой для дѣла занимаютъ впродолженіи многихъ уже лѣтъ и штатныя должности, городская управа категорически выразилась какъ противъ установленія какого-либо максимальнаго процентнаго отношенія служащихъ женщинъ къ служащимъ мужчинамъ, такъ и противъ запрещенія женщинамъ двигаться по городской службѣ дальше должности простыхъ переписчицъ. Городская дума всецѣло стала на точку зрѣнія городской управы, и ограничительныя тенденціи ревизіонной комиссіи потерпѣли полное фіаско. При постановкѣ на открытую баллотировку предложенія ревизіонной комиссіи, за принятіе его всталъ одинъ предсѣдатель ревизіонной комиссіи Н. Н. Азарьевъ. Единогласно (за исключеніемъ г. Азарьева) рѣшивъ, что женщины могутъ быть принимаемы на городскую службу безъ опредѣленія ихъ числа, дума также категорически высказалась и за предоставленіе женщинамъ права, наравнѣ съ мужчинами, занимать и высшія канцелярскія должности, но для занятія ихъ отъ женщинъ требуется такой же образовательный цензъ, какой установленъ теперь думой для мужчинъ. На должности дѣлопроизводителей могутъ быть назначены лишь женщины съ высшимъ образованіемъ, на должности помощниковъ дѣлопроизводителей—лица съ образованіемъ не ниже средняго, и только писцами, но уже никуда далѣе не двигаясь, могутъ быть получившія образованіе и ниже средняго.

Полицейскіе стражники въ Орловской губерніи. Въ корреспонденціи изъ Орла, помѣщенной въ «С.-Пет. Вѣд.», сообщаются свѣдѣнія о дѣятельности въ Орловской губерніи полицейскихъ стражниковъ.

«Недавно введенная у насъ низшая сельская полиція въ видѣ стражниковъ,—пишетъ корреспондентъ,—никакъ не можетъ установить нормальныхъ отношеній съ крестьянскимъ населеніемъ. Причиной этого служитъ отчасти недружелюбное отношеніе со стороны самихъ крестьянъ къ стражникамъ, какъ къ вторгшемуся въ ихъ жизнь постороннему элементу, такъ какъ стражниками

назначаются или жители другихъ уѣздовъ, или того же уѣзда, но отдаленныхъ волостей, психологія крестьянства, исторически свыкшагося съ выборнымъ характеромъ сельскихъ полицейскихъ должностей, причемъ объективность и умѣренность функціонированія этихъ агентовъ гарантировалась зависимостью отъ избирающаго ихъ сельскаго общества, не можетъ примириться съ мыслью о томъ, что новая реформа поставила стражниковъ внѣ ихъ вліянія. Съ другой стороны, и сами стражники не вполнѣ усвоили предѣлы своей компетенціи, чувствуя себя зависимыми лишь отъ высшей администраціи и передъ ней одной отвѣтственными, считаютъ себя «начальствомъ» надъ ввѣреннымъ ихъ охранѣ крестьянствомъ; отчасти въ силу такого взгляда на свои права, отчасти же изъ чрезмѣрнаго стремленія угодить начальству и водворить порядокъ и благоустройство по своему разумѣнію въ деревнѣ,—стражники вмѣшиваются въ личную и хозяйственную жизнь населенія, что вызываетъ крупныя недоразумѣнія и ведетъ нерѣдко къ инцидентамъ. Такъ, въ Дмитровскомъ уѣздѣ одинъ изъ стражниковъ, тотчасъ по вступленіи въ должность, распорядился, чтобы бабы топили печи рано и къ разсвѣту кончали топку.

«Привыкшіе всегда подчиняться приказаніямъ начальства, крестьяне и на этотъ разъ передали своимъ бабамъ приказаніе стражника, предполагая, что оно исходитъ отъ высшаго начальства.

«Одна баба почему-то замѣшкалась и опоздала топить печь; такъ что когда начальство вышло «дѣлать обходъ» и скользнуло контролирующимъ взоромъ по крышамъ, чтобы убѣдиться въ исполненіи своего распоряженія, то... о ужасъ! отъ крыши одной избы отчетливо отдѣлился дымъ.

«Тогда стражникъ вошелъ въ хату и, ни слова не говоря, взялъ кочергу и началъ хозяйничать по своему: выгребъ весь жаръ на полъ и началъ его топтать и заливать водой.

«Испуганная баба подняла вой, заплакали и ребята; хозяинъ же въ это время ходилъ по воду; возвратившись домой и услыхавъ крики, онъ бросился въ избу, набросился на стражника—и завязалась драка. На шумъ и крики сбѣжались сосѣди и, по словамъ очевидца, «еще надбавили» стражнику.

«Въ нѣкоторыхъ деревняхъ Орловскаго уѣзда все Рождество и всю масляницу царило на улицахъ мертвое уныніе; не слышно было ни пѣсенъ съ гармоникой, ни игръ, ни такъ называемыхъ «улицъ». Все это явилось результатомъ строжайшаго воспрещенія со стороны стражниковъ нарушать общественную тишину и порядокъ деревни какими бы то ни было проявленіями шума, хотя бы въ формѣ обычныхъ и самыхъ невинныхъ праздничныхъ пѣснопѣній и различныхъ забавъ деревенской молодежи. При малѣйшихъ попыткахъ собраться и попѣть смѣльчаки немедленно разгонялись съ угрозой, въ случаѣ повторенія, привлечь къ строгой отвѣтственности».

Бакинскіе фабриканты. Въ лодзинской газетѣ «Rozwoj» появилось объявленіе слѣдующаго содержанія:

«Ткацкая фабрика кавказскаго акціонернаго общества Тагіева въ Баку ищетъ опытныхъ ткачей въ большомъ числѣ. Вознагражденіе большее, чѣмъ

на московскихъ и другихъ фабрикахъ въ Россіи. Рабочіе получаютъ квартиру, отопленіе и освѣщеніе. При фабрикѣ есть баня и школа для дѣтей рабочихъ, лавка, въ которой продаются всѣ продукты по умѣреннымъ цѣнамъ, и за все это каждый рабочій уплачиваетъ по 1 рублю въ мѣсяцъ. Дѣтей рабочихъ принимаютъ на фабрику въ качествѣ учениковъ. Деньги на проѣздъ выдаются въ Лодзи, а впослѣдствіи вычитаются изъ заработка умѣренными суммами, согласно съ указаніями фабричной инспекціи. О подробныхъ условіяхъ справиться тамъ-то».

Бакинскій корреспондентъ газеты «Glos» замѣчаетъ, что объявленіе это совершенно не соотвѣтствуетъ истинѣ.

Здѣшніе ткачи зарабатываютъ 16—20 руб. въ мѣсяцъ, — заработокъ гораздо ниже, чѣмъ въ московскихъ и лодзинскихъ фабрикахъ; жилище для рабочихъ составляетъ одно общее зданіе безъ пола, содержимое въ ужасной, поистинѣ восточной грязи; въ этомъ зданіи помѣщаются вмѣстѣ холостые и женатые съ семьями; баня есть, но такая, въ которой зимой можно сидѣть развѣ только въ полушубкѣ. Школа также существуетъ, но безъ учителя, и теперь она служитъ жилищемъ для рабочихъ-татаръ; что же касается до лавки, то цѣны на продукты въ ней чрезвычайно высоки, да и о качествѣ товара можно бы многое сказать. Сама фабрика находится въ степи, въ разстояніи 12-ти верстъ отъ города, и рабочій, желаетъ ли онъ этого, или нѣтъ, принужденъ обращаться къ услугамъ лавки, переплачивая за всѣ съѣстные припасы.

Приведенное объявленіе возымѣло дѣйстіе, и въ Баку пріѣхало въ общемъ 160 ткачей, среди которыхъ было слишкомъ 20 обремененныхъ семьями. Разумѣется, обѣщанный рай оказался весьма неподходящимъ для лодзинскаго рабочаго, и въ результатѣ произошли недоразумѣнія съ администраціей Тагіева и съ нимъ самимъ. Всѣ пришельцы, за исключеніемъ 18-ти, очутились на улицѣ въ весьма плачевномъ положеніи; изъ нихъ около 100 человѣкъ пустились на удачу въ путь изъ Баку въ Лодзь пѣшкомъ. Ткачъ Ешке впалъ въ помѣшательство. Въ настоящее время остается въ Баку безъ работы слишкомъ 40 ткачей съ семьями, не имѣющихъ средствъ для отъѣзда.

Кстати будетъ умѣстнымъ сообщить, что рабочая биржа въ Баку находится въ весьма угнетенномъ состояніи: около 2.000 рабочихъ самыхъ разнообразныхъ профессій не находятъ работы и живутъ со дня на день почти-что милостыней. Это—пришлые рабочіе изъ центральныхъ губерній; многихъ изъ нихъ городъ за свой счетъ отправляетъ на родину.

Въ харьковскомъ земствѣ. 22-го февраля открылось чрезвычайное харьковское губернское земское собраніе, на разсмотрѣніе котораго управой внесены 73 доклада. Такое количество послѣднихъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе изъ докладовъ не были разсмотрѣны послѣднимъ очереднымъ собраніемъ. А между тѣмъ, среди нихъ имѣются, по словамъ «Русск. Вѣд.», весьма важные. Къ числу таковыхъ принадлежитъ, напримѣръ, весьма обстоятельный докладъ губернской управы «Объ измѣненіи нормъ

опредѣляющихъ право участія въ земскихъ избирательныхъ себраніяхъ по положенію 12-го 1890 г.»

Сводя всѣ пожеланія уѣзныхъ земствъ Харьковской губерніи, губернская управа привела ихъ къ нижеслѣдующимъ шести тезисамъ: 1) необходимо понизить существующій земскій избирательный цензъ, какъ для землевладѣльцевъ, такъ и для владѣльцевъ, прочихъ недвижимыхъ имуществъ, причемъ пониженіе это желательно произвести до половины установленнаго нынѣ дѣйствующимъ закономъ размѣра; вмѣстѣ съ тѣмъ желательно уравненіе стоимости земельнаго ценза со стоимостью ценза для прочихъ недвижимыхъ имуществъ; 2) необходимо увеличить число гласныхъ отъ второго избирательнаго собранія; 3) необходимо измѣнить систему представительства сельскихъ обществъ въ смыслѣ устраненія существующаго порядка избранія кандидатовъ въ гласные и назначенія гласныхъ отъ сельскихъ обществъ административною властью; 4) необходимо предоставить сельскимъ обществамъ право избирать гласныхъ не только изъ своей среды, но и изъ лицъ другихъ сословій, причемъ лица эти должны обладать образовательнымъ цензомъ не ниже средняго, 5) необходимо увеличить число гласныхъ отъ сельскихъ обществъ по крайней мѣрѣ до числа волостей; 6) вообще необходима коренная реформа земскаго представительства, установленнаго полож. о земск. учрежд. 1890 г., на началахъ, принятыхъ государственнымъ совѣтомъ въ основаніе Земскаго Положенія 1-го января 1864 г. Такого рода тезисы, являющіеся прямымъ выводомъ изъ постановленій уѣздныхъ земскихъ собраній, привели харьковскую губернскую земскую управу къ такимъ заключеніямъ: а) одно уменьшеніе земскаго избирательнаго ценза, безъ связи съ коренными измѣненіями полож. о земск. учрежд. 12-го іюня 1890 г., не можетъ оказать сколько-нибудь благотворнаго вліянія на ходъ земскаго хозяйства; б) самымъ желательнымъ и необходимымъ измѣненіемъ должно признать введеніе представительства территоріальнаго, пропорціонально числу владѣльцевъ и стоимости имуществъ, находящихся на данной территоріи, безъ всякой зависимости отъ сословнаго дѣленія владѣльцевъ этихъ имуществъ. Затѣмъ, какъ «переходную ступень» къ этому наиболѣе справедливому способу представительства мѣстныхъ нуждъ и интересовъ, губернская управа признаетъ: 1) возвращеніе къ принципу безсословности земскаго представительства, принятому въ основаніе положенія о земскихъ учрежденіяхъ 1-го января 1864 г.; 2) установленіе трехъ избирательныхъ собраній: а) личныхъ землевладѣльцевъ, б) городовъ и владѣльцевъ прочихъ видовъ недвижимыхъ имуществъ и в) сельскихъ обществъ; 3) соединеніе всѣхъ личныхъ землевладѣльцевъ, къ какому бы сословію они ни принадлежали, въ одно избирательное собраніе; 4) соединеніе всѣхъ владѣльцевъ прочихъ видовъ недвижимыхъ имуществъ (фабрикъ, заводовъ и пр.) и горожанъ въ одно избирательное собраніе, причемъ изъ горожанъ должны быть исключены лица, участвующія въ городскихъ выборахъ по 2-му п. ст. 24-й Город. Полож., т.-е. владѣльцы промышленныхъ и торговыхъ заведеній, не обладающіе недвижимою собственностью,—доколѣ имущества ихъ не будутъ подлежать земскому налогу по раскладкѣ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и недвижи-

мыя имущества; 5) производство выборовъ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ по участкамъ чрезъ особыхъ уполномоченныхъ отъ сельскихъ обществъ, причемъ число уполномоченныхъ отъ каждаго общества должно соотвѣтствовать количеству принадлежащихъ обществу полныхъ земельныхъ цензовъ, а лица, выбранныя на собраніи уполномоченныхъ большинствомъ голосовъ, должны считаться земскими гласными въ силу акта избранія, безъ всякаго послѣдующаго утвержденія административною властью; 6) предоставленіе крестьянскимъ земельнымъ товариществамъ, составившимся изъ крестьянъ другихъ уѣздовъ или губерній, права участвовать въ избраніяхъ, подобно совладѣльцамъ нераздѣльнаго имѣнія, принадлежащимъ къ другимъ сословіямъ или хотя бы къ акціонернымъ компаніямъ; 7) опредѣленіе права на участіе въ избирательныхъ собраніяхъ по совокупности всѣхъ видовъ недвижимой собственности каждаго лица, подлежащей земскому обложенію въ предѣлахъ уѣзда; 8) опредѣленіе количества гласныхъ для каждаго уѣзда пропорціонально числу владѣльцевъ и количеству полныхъ цензовъ, состоящихъ въ уѣздѣ, причемъ количество гласныхъ отъ каждаго избирательнаго собранія должно быть пропорціонально участію владѣній въ земскомъ обложеніи; въ виду этого законодательнымъ путемъ должно быть установлено только отношеніе, въ какомъ слѣдуетъ избирать гласныхъ, а не абсолютное число ихъ; 9) опредѣленіе числа гласныхъ отъ уѣздовъ въ губернскомъ земскомъ собраніи въ соотвѣтствіи съ общею цѣнностью имуществъ уѣзда, облагаемыхъ губернскимъ земскимъ сборомъ; 10) предоставленіе всѣмъ лицамъ, обладающимъ не менѣе $^1/_{20}$ полнаго ценза, не исключая и женщинъ, права выдавать довѣренности для участія въ избирательныхъ съѣздахъ всякому лицу, удовлетворяющему требованіямъ закона, хотя бы и не обладающему цензомъ, причемъ въ послѣднемъ случаѣ — при условіи проживанія на территоріи уѣзда не менѣе трехъ лѣтъ и обладаніи образовательнымъ цензомъ не ниже средняго; 11) предоставленіе женщинамъ, владѣлицамъ полнаго ценза, такого же права на выдачу довѣренности для участія въ избирательномъ собраніи; 12) при оставленіи нормы земскаго избирательнаго ценза, опредѣляемой по цѣнности имущества, 15.000 руб., соотвѣтственное пониженіе нормы земельнаго ценза, чтобы тотъ и другой цензъ были равноцѣнны; 13) присоединеніе къ числу лицъ, которыя не могутъ быть избираемы въ земскіе гласные, и лицъ, занимающихъ должности земскихъ начальниковъ. «Во всякомъ случаѣ, — заканчиваетъ докладъ управа, — необходимо ходатайствовать, чтобы къ участію въ окончательномъ установленіи новыхъ основаній земскаго представительства были привлечены и земскія собранія».

За мѣсяцъ. 24-го февраля въ 1-мъ уголовномъ департаментѣ тифлисской судебной палаты слушалось дѣло по обвиненію девяти рабочихъ тифлисскихъ мастерскихъ Закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ въ томъ, что они вмѣстѣ съ другими, слѣдствіемъ не обнаруженными, лицами приняли участіе въ безпорядкахъ, имѣвшихъ мѣсто 16-го іюня 1903 года, и оказали сопротивленіе полиціи. Приговоромъ суда изъ девяти обвиняемыхъ были признаны винов-

ными лишь Ив. Манджгаладзе, Алек. Кахадзе и Мих. Ботковели и приговорены: первые двое—къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на одинъ годъ каждый, а Ботковели—безъ лишенія правъ къ тюремному заключенію на восемь мѣсяцевъ. По протесту прокурора окружнаго суда въ отношеніи шести подсудимыхъ, оправданныхъ судомъ, и по жалобѣ другихъ обвиняемыхъ на приговоръ суда дѣло перешло на разсмотрѣніе палаты. Палата замѣнила наказанія подсудимымъ: Манджгаладзе и Кахадзе—двухъмѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ, подсудимому Мих. Ботковели—арестомъ при полиціи на двѣ недѣли и приговорила подсудимаго Селивана и Павла Стуруа къ аресту при полиціи на двѣ недѣли каждаго. Въ отношеніи же четырехъ остальныхъ подсудимыхъ, оправданныхъ окружнымъ судомъ, палата утвердила приговоръ суда.

— Тверской губернаторъ предложилъ губернской управѣ и уѣзднымъ управамъ Тверской губерніи: «вслѣдствіе отношенія хозяйственнаго департамента отъ 14-го сего января за № 335, 497, основаннаго на приказаніи г. министра внутреннихъ дѣлъ, предлагаю земской управѣ представить мнѣ для доставленія въ названный департаментъ по прилагаемой при семъ формѣ точный перечень всѣхъ дѣйствительно существующихъ какъ постоянныхъ, такъ и временныхъ коммиссій, совѣтовъ и другихъ подобныхъ имъ коллегіальныхъ установленій, состоящихъ при земской управѣ, съ указаніемъ ихъ личнаго состава, ихъ правъ и обязанностей, а равно тѣхъ постановленій, на коихъ сіи права и обязанности основаны. Означенныя свѣдѣнія должны быть представлены въ 2 экз. не позднѣе 15-го февраля с. г. и тщательно провѣрены. Независимо отъ сего, если къ участію въ упомянутыхъ комиссіяхъ приглашались за послѣдніе три года лица, не состоящія гласными или земскими избирателями, то подлежитъ указать, кто именно былъ приглашаемъ этимъ путемъ въ названныя комиссіи».

— Всѣми земскими управами Полтавской губ. получено на-дняхъ циркулярное предложеніе губернатора князя Н. П. Урусова представить ему въ возможно скоромъ времени точнѣйшія свѣдѣнія о всѣхъ комиссіяхъ, совѣтахъ и др. подобнаго рода коллегіальныхъ установленіяхъ, дѣйствующихъ при земскихъ управахъ, съ указаніемъ состава этихъ учрежденій и сообщеніемъ свѣдѣній о ихъ дѣятельности.

— На основаніи ст. 154 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV, изд. 1890 года, министръ внутреннихъ дѣлъ 6 марта опредѣлилъ: пріостановить изданіе газеты «Орловскій Вѣстникъ» на четыре мѣсяца.

ИЗЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

(„Русская Старина"—мартъ. „Русская Мысль"—февраль. „Русское Богатство"—февраль).

Печатающіяся въ «Русской Старинѣ» статьи г. Дубровина подъ общимъ названіемъ «Послѣ отечественной войны» становятся все болѣе и болѣе интересными. Интересъ этотъ, помимо внѣшнихъ достоинствъ статей, происходитъ и оттого, что авторъ пользуется для своей работы мало кому доступными матеріалами, хранящимися въ государственномъ архивѣ. Въ мартовской книжкѣ «Русской Старины» г. Дубровинъ описываетъ яркими красками положеніе Россіи, отъ котораго въ буквальномъ смыслѣ слова стонало изъ конца въ конецъ ея многомилліонное населеніе и которое привело, наконецъ, передовую часть русской военной молодежи къ мысли покончить съ такимъ положеніемъ однимъ рѣшительнымъ coup de main. Нѣсколько приводимыхъ г. Дубровинымъ примѣровъ ярко иллюстрируютъ эту мысль.

Елисаветоградскій помѣщикъ Клейстъ «заковывалъ крестьянъ въ желѣзо, колодки и рогатки, содержалъ ихъ въ погребѣ безъ свѣта и воздуха, употреблялъ ихъ на работы въ воскресные дни скованными. Два мальчика, родные братья, были скованы вмѣстѣ такъ, что меньшой могъ только ползать на корточкахъ». Крестьяне Устюжскаго уѣзда жаловались, что помѣщикъ ихъ Павелъ Толстой позволялъ имъ жениться не иначе, какъ съ условіемъ, чтобы молодая прямо отъ вѣнца шла къ нему «для блудодѣянія». «Если же,—писали крестьяне, по переѣздѣ куда-либо вотчины нашей въ деревню, то беретъ отъ мужей женъ и дѣвушекъ лѣтъ 12-ти насильно же».

Вышневолоцкій помѣщикъ капитанъ Корсаковъ сѣкъ своихъ крестьянъ такъ: двое, по его приказанію, били батогами, а третій—онъ самъ,—вдоль спины кнутомъ. Помѣщикъ Симбирскаго уѣзда полковникъ Николай Демидовъ, вмѣстѣ съ женою, сѣкли въ одинъ день по нѣсколько разъ; сѣкли кнутомъ толщиною въ палецъ горничныхъ въ дѣвичьей, причемъ Демидовъ часто говорилъ, что сѣкшій худо бьетъ.

— Дѣвичья комната тѣсна,—отвѣчалъ сѣкшій,—неудобно размахнуться.

«Такія наказанія производились обыкновенно за то, что горничная не хорошо расчесала барынину любимую собачку; за то, что дурно былъ заштопанъ чулокъ, барыня сама била палкою по голому тѣлу. По щекамъ били до крови за то, что горничныя роняли нечаянно какую-нибудь вещь и тѣмъ пугали барыню».

Бѣлозерскій помѣщикъ Волоцкой имѣлъ въ своемъ домѣ подполье, въ которомъ держалъ прикованными къ стѣнѣ провинившихся крестьянъ. Наказываемымъ связывали руки назадъ и затѣмъ за шею приковывали такъ, что можно было только сидѣть или лежать. Въ такомъ положеніи ихъ держали до 4-хъ недѣль; отъ долгаго пребыванія въ такомъ положеніи дѣлались параличи въ рукахъ.

Жившіе въ Петербургѣ генералъ-майоръ Ласкинъ и его супруга занима-

лись систематически истязаніемъ, именно истязаніемъ своихъ крѣпостныхъ. «У трехъ дѣвочекъ волосы на головѣ были вырваны. Одной изъ дѣвочекъ было приказано въ наказаніе вымыть руки кипяткомъ; случалось, что баринъ сѣкъ дѣвочекъ до крови, а барыня приказывала слизывать эту кровь съ пола языкомъ».

И всѣ эти случаи были не только не исключительными, а скорѣе наоборотъ. «Архивы министерства юстиціи и внутреннихъ дѣлъ,—пишетъ г. Дубровинъ, *переполнены* дѣлами подобнаго рода; но надо при этомъ припомнить, что девять десятыхъ помѣщиковъ, при помощи полиціи и даже предводителей дворянства, скрывали свои преступленія, не доходившія до свѣдѣнія правительства. Злоупотребленіе помѣщичьею властью было такъ велико и обще, что помѣщикъ мало-мальски снисходительный къ своимъ крестьянамъ поощрялся наградою».

Съ крестьянами помѣщики обращались страшно жестоко. Сентиментальный Карамзинъ, надъ чувствительными произведеніями котораго проливали столько слезъ наши бабушки, писалъ въ одномъ письмѣ къ Дмитріеву:

«Вчера былъ возмущенъ развратомъ и пьянствомъ людей своихъ, такъ что отослалъ одного въ полицію для наказанія и велѣлъ отдать въ рекруты. Это же безпрестанно умножается: отъ рабства ли? Но рабы нашихъ отцовъ не спивались съ кругу. Есть, видно, другая причина, но я недогадливъ».

Поведеніе и разсужденія—достойныя главы сентиментальной школы въ литературѣ и «великаго» исторіографа.

Конечно, крестьяне не переносили вполнѣ безропотно свое положеніе. Вскорѣ послѣ отечественной войны развились въ огромномъ количествѣ побѣги крестьянъ отъ помѣщиковъ, бродяжничество и организованное разбойничество. «Партіи разбойниковъ,—пишетъ г. Дубровинъ,—появились въ губерніяхъ Симбирской, Гродненской, Черниговской, Новгородской, Тамбовской, Нижегородской, Астраханской и другихъ. Бродяжничество, увеличивающееся съ года на годъ, дошло до того, что всѣ мѣста, куда по закону всѣ бродяги посылались для исправленія, были настолько переполнены ими, что начальство, какъ военное такъ и гражданское, отказывалось принимать ихъ». Оставшіеся на мѣстахъ жительства крестьяне, притѣсняемые помѣщиками, волновались, бунтовали и нерѣдко убивали своихъ владѣльцевъ. Бунты крестьянъ происходили во все время царствованія императора Александра и по всему пространству имперіи».

Для характеристики одного изъ «бунтовъ» г. Дубровинъ приводитъ подлинное донесеніе коммиссіи, посланной въ 1815 году въ имѣніе дѣйствительнаго статскаго совѣтника Кочубея, въ деревню Кочубеевку, Херсонской губерніи. Вотъ этотъ интересный документъ.

«Никакая экзекуція,—доносила коммиссія,—не можетъ произвесть толико сильнаго состраданія о человѣчествѣ, какъ теперешнее состояніе крестьянъ. Дома у нихъ пусты, безъ крышъ, безъ оконъ и даже безъ дверей. Хлѣбопашествомъ въ семъ году не занимались ни для помѣщика, ни для себя; хлѣба вовсе не имѣютъ; во дворахъ нѣтъ ни скота, ни птицы. Малолѣтнія дѣти изнурены нуждою и пищею. Незадолго передъ симъ крестьяне болѣли изволько».

Тронутые такимъ состояніемъ крестьянъ, члены коммиссіи, прежде чѣмъ приступить къ экзекуціи, пытались уговаривать ихъ придти въ повиновеніе помѣщику, но встрѣтили полный отказъ. Крестьяне единогласно обрекли себя на всѣ бѣдствія и отказались повиноваться Кочубею.

«Позвольте ваше превосходительство,—писали члены коммиссіи херсонскому гражданскому губернатору, утвердить сіе очевидными доказательствами. Когда палачъ приготовился наказывать кнутомъ крестьянина Караульнаго, то туда же была подведена и его жена. Стоявшія подлѣ нея прочія женщины приказывали ей, чтобы она не плакала, и Караульная съ равнодушіемъ смотрѣла на наказаніе мужа. Когда палачъ, по наказаніи, грозилъ всему обществу тою же участью, то никто тѣмъ не тронулся и всѣ изъявили непреклонность къ повиновенію. Когда дочь Караульнаго подошла къ нему, чтобы проститься, то онъ не допустилъ ее къ себѣ. Наконецъ, когда при наказаніи прочихъ плетьми за каждымъ ударомъ спрашивано было, будетъ ли повиноваться помѣщику, каждый отвѣчалъ: «не буду».

«При такомъ упорствѣ крестьяне сохранили одно только смиреніе и не показали никакой дерзости ни при исполненіи экзекуціи, ни при внушеніяхъ. Но когда уполномоченный отъ Кочубея коллежскій ассессоръ Степановъ предложилъ имъ хлѣбъ и другія нужныя вспомоществованія съ тѣмъ, что и впредь, по волѣ Кочубея, будутъ ими пользоваться, то они отказались что-либо принять, полагаясь на волю Божію и на судьбу».

Война 1812 года потребовала огромнаго напряженія народныхъ силъ, а блистательное ея окончаніе поселило въ народѣ мечты и на свободу внутри отечества. Мечтамъ этимъ, однако, не суждено было сбыться и это породило, естественно, большой ропотъ.

«— Мы проливали кровь,—говорили крестьяне,—а насъ опять заставляютъ потѣть на барщинѣ. Мы избавили родину отъ тирана, а насъ вновь тиранятъ господа».

«— Вы видѣли,—говорилъ С. Н. Глинка актеру С. Н. Сандунову,—съ какимъ самоотверженіемъ благословляли крестьяне сыновъ своихъ на брань и съ какимъ рвеніемъ отдавали себя и все свое. Не во всемъ, до этого времени, я былъ согласенъ съ вами касательно преобразованія крестьянскаго быта. Но теперь, судя по направленію народнаго духа, твердо увѣренъ, что люди русскіе способны къ нравственному образованію. Дѣло въ томъ, какое дадутъ ему направленіе и уравняютъ ли его съ нынѣшними необычными событіями».

«Къ сожалѣнію,—пишетъ г. Дубровинъ,—ничего не было сдѣлано въ этомъ направленіи. Императоръ Александръ вознаградилъ всѣ сословія за участіе въ борьбѣ и изгнаніи враговъ изъ отечества, а относительно крестьянъ было сказано въ манифестѣ, что они получатъ «мзду свою отъ Бога», и крестяне продолжали нести на себѣ тяжелое иго помѣщичьей власти».

Все это подѣйствовало самымъ опредѣленнымъ образомъ на воспріимчивыя души молодыхъ людей изъ передового общества. На это существуютъ прямыя письменныя указанія самихъ декабристовъ.

Причиною основанія тайнаго общества, пишетъ В. К. Кюхельбекеръ, было

«угнетеніе истинно ужасное (говорю не по слухамъ,—прибавляетъ Кюхельбекеръ,—а какъ очевидецъ, ибо живалъ въ деревнѣ не мимоѣздомъ), въ которомъ находится большая часть помѣщичьихъ крестьянъ».

«Служа большею частью въ арміи,—писалъ въ своемъ показаніи декабристъ М. М. Спиридоновъ,—квартируя въ домахъ у самихъ крестьянъ, признаюсь, что, входя въ подробный разборъ ихъ положенія, видя обращеніе съ ними господъ, часто и ужасался и причину сего я находилъ въ принадлежности ихъ» (закрѣпощеніи помѣщикамъ).

«Всѣ почти помѣщики,—писалъ И. Д. Якушкинъ,—смотрѣли на крестьянъ своихъ, какъ на собственность, вполнѣ имъ принадлежащую, и на крѣпостное состояніе, какъ на священную старину, до которой нельзя было коснуться безъ потрясенія самой основы государства. По ихъ мнѣнію, Россія держалась однимъ только благороднымъ сословіемъ, а съ уничтоженіемъ крѣпостнаго состоянія уничтожалось и самое дворянство. Но по мнѣнію тѣхъ же старовѣровъ, ничего не могло быть пагубнѣе, какъ приступить къ образованію народа».

«Поведеніе русскихъ дворянъ,—писалъ въ своемъ показаніи А. А. Бестужевъ,—въ этомъ отношеніи (въ отношеніи обращенія ихъ съ крестьянами) ужасно. Негры на плантаціяхъ счастливѣе многихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Продавать въ розницу семьи, похитить невинность, развратить женъ крестьянскихъ считается ни во что и дѣлается явно. Не говорю уже о барщинѣ и оброкахъ; но есть изверги, которые раздаютъ борзыхъ щенковъ для прокормленія грудью крестьянокъ!»

Таковъ основной фонъ, на которомъ жизнь вышила дальнѣйшіе узоры въ настроеніи многихъ изъ дѣятелей общественнаго движенія александровской эпохи. А жизнь, если не жизнь Россіи, то жизнь Европы, давала многочисленные импульсы и въ дальнѣйшей работѣ прогрессивной мысли. На вопросъ П. И. Пестелю, «какимъ образомъ революціонныя мысли появились и разрастались въ умахъ», онъ, какъ сообщаетъ г. Дубровинъ на основаніи знакомства съ хранящимися въ государственномъ архивѣ дѣлами, писалъ:

«Происшествія 1812—1815 годовъ, равно какъ и предшествовавшихъ временъ, показали столько престоловъ низверженныхъ, столько другихъ поставленныхъ, столько царствъ уничтоженныхъ, столько революцій совершенныхъ, столько переворотовъ произведенныхъ, что всѣ сіи происшествія ознакомили умы съ революціями, съ возможностями и удобствами ихъ производить. Къ тому же имѣетъ каждый вѣкъ свою отличительную черту. Нынѣшній ознаменовывается революціонными мыслями. Отъ одного конца Европы до другого видно вездѣ одно и то же, отъ Португаліи до Россіи, не исключая ни единаго государства, даже Англіи и Турціи, сихъ двухъ противоположностей. То же самое зрѣлище представляетъ и вся Америка. Духъ преобразованій заставляетъ, такъ сказать, вездѣ умы клокотать. Вотъ причины, полагаю я, которыя породили революціонныя мысли и правила и укоренили оныя въ умахъ».

Дарованіе императоромъ Александромъ Первымъ конституціи Царству Польскому заставило многихъ русскихъ молодыхъ людей заняться серьезносамо-

образованіемъ, дабы приготовить себя къ будущей дѣятельности и въ свободныхъ учрежденіяхъ самой Россіи, которыя, какъ показали въ началѣ эти молодые люди, она получитъ также въ видѣ добровольнаго дара свыше.

«Конституція, данная государемъ императоромъ Царству Польскому,—писалъ князь С. П. Трубецкой,—учрежденіе или обѣщаніе конституцій различными государями Германіи, мнѣніе многихъ, что государь Александръ Павловичъ намѣренъ приготовить подвластную Его Величеству имперію ко введенію въ оной такого же рода правленія, побудили меня изучаться правиламъ, на коихъ основаны таковыя правленія, изыскивать, отчего конституція революціоннаго правленія во Франціи состояться не могла и отчего произошли ужасы французской революціи. Сильно было во мнѣ чувство любви къ отечеству. Я старался пріобрѣтать познанія, какія могли приготовить меня къ служенію ему съ пользою».

Подобно Трубецкому, къ изученію политическихъ вопросовъ обратились и многіе другіе изъ его современниковъ.

«Двукратное пребываніе за границей,—писалъ въ своемъ показаніи декабристъ генералъ-майоръ М. А. фонъ-Визинъ,—открыло мнѣ много идей политическихъ, о которыхъ я прежде не слыхивалъ. Возвратясь въ Россію, въ свободное время отъ службы продолжалъ я заниматься политическими сочиненіями разнаго рода и иностранными газетами. Въ это время, читая разныя теоріи политическія, дерзалъ въ мечтаніяхъ моихъ желать приноровленія оныхъ къ Россіи».

«Свободный образъ мыслей,—писалъ также въ своемъ показаніи А. А. Бестужевъ, — я заимствовалъ наиболѣе изъ книгъ и, восходя постепенно отъ мнѣнія къ другому, пристрастился къ чтенію публицистовъ французскихъ и англійскихъ до того, что рѣчи въ палатѣ депутатовъ занимали меня какъ француза и англичанина. Изъ новыхъ историковъ болѣе всѣхъ дѣлалъ на меня вліяніе Геренъ, а изъ публицистовъ—Бентамъ».

Общіе теоретическіе интересы и общее же желаніе видѣть свое отечество не угнетеннымъ скоро сблизили многихъ изъ этихъ людей между собою. Обмѣнъ мыслей по всѣмъ интересовавшимъ вопросамъ принесъ свои плоды и скоро отъ разговоровъ въ области чистой теоріи сдѣлалось необходимымъ перейти и къ вопросамъ жизненной практики. Въ русской жизни повѣяло чѣмъ-то новымъ.

«Молодые люди, занимавшіеся сими предметами,—писалъ въ своемъ показаніи С. И. Муравьевъ-Апостолъ,—скоро почувствовали желаніе видѣть въ отечествѣ своемъ представительное устройство, сообщали другъ другу свои мнѣнія, соединялись единствомъ желаній и вотъ зародышъ тайнаго общества политическаго».

Статья г. Дубровина еще далеко не кончена и съ ней мы навѣрно еще не разъ будемъ ознакомлять нашихъ читателей.

О томъ, что такое шахты и каково положеніе работающихъ въ нихъ «шахтеровъ» въ нашей литературѣ, кое-какія свѣдѣнія имѣются, но что такое

«мужицкія шахты», на этотъ вопросъ отвѣтятъ едва ли многіе изъ читателей журналовъ. Именно этому вопросу посвятилъ въ февральской книжкѣ «Русской Мысли» интересную статью г. Р. Ш. «У насъ существуетъ не одна тысяча рабочихъ,—говоритъ г. Р. Ш.,—которые живутъ и трудятся при исключительныхъ условіяхъ и о которыхъ почти ничего неизвѣстно, какъ будто ихъ не существуетъ совсѣмъ. Это чернорабочіе на крестьянскихъ шахтахъ или мужицкихъ «шахтахъ», какъ ихъ называютъ въ Донецкомъ камено-угольномъ бассейнѣ вообще и въ частности въ Екатеринославской губерніи».

Крестьянскія шахты—это прежде всего шахты мелкія по размѣрамъ и по количеству добываемаго въ нихъ угля. Это ведетъ за собою, разумѣется, крайнюю примитивность технической стороны дѣла, что въ свою очередь вызываетъ значительное количество несчастныхъ случаевъ съ рабочими. «Ближайшей причиной обваловъ и другихъ несчастныхъ случаевъ въ крестьянскихъ шахтахъ,—пишетъ авторъ цитируемой статьи,—служитъ отсутствіе правильнаго надзора за работами въ нихъ. Не только надзора со стороны горнаго инженера, но и постояннаго наблюденія штейгера фактически тамъ не бываетъ. Правда, шахтовладѣльцы отъ себя нанимаютъ штейгера, который собственно и является отвѣтственнымъ лицомъ на шахтахъ, наблюдаемыхъ имъ, но много ли можетъ сдѣлать, позволительно спросить, одинъ штейгеръ, завѣдующій нерѣдко 200 — 300 крестьянскими шахтами, разбросанными на десяткахъ верстъ? Такой штейгеръ, даже при добросовѣстномъ отношеніи своихъ обязанностей, сумѣетъ побывать въ каждой изъ завѣдуемыхъ имъ шахтой не болѣе двухъ разъ въ году. Зачастую же бываетъ такъ, что штейгеръ не лазитъ въ шахту до тѣхъ поръ, пока тамъ не случится какое-либо несчастіе». Такимъ образомъ de facto крестьянскія шахты лишены всякаго надзора, а отсюда ясно, что положеніе трудящагося въ нихъ люда находится въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ ему при подобныхъ условіяхъ и быть надлежитъ. Возьмемъ хоть работу такъ называемыхъ «саночниковъ», т.-е. рабочихъ, занимающихся перетаскиваніемъ угля. На обязанности рабочихъ этихъ лежитъ перетаскиваніе ящиковъ съ углемъ въ 6—7 пудовъ каждый, иногда на 60—100 саженное разстояніе, передвигаясь на четверенькахъ! И такой трудъ «саночниковъ» продолжается не болѣе-не менѣе, какъ по двѣнадцати часовъ каждыя сутки! «Отъ сырости и постоянно согнутаго положенія,—пишетъ г. Р. Ш.,—у саночниковъ нѣкоторые отдѣлы мышцъ буквально окоченѣваютъ». Саночники рѣдко уживаются на шахтѣ болѣе одного—двухъ мѣсяцевъ. На большихъ шахтахъ вмѣсто ящиковъ-санокъ заведены вагонетки, катящіяся по спеціально проложеннымъ для того рельсамъ, но рѣчь идетъ именно о такихъ «мужицкихъ» шахтахъ, гдѣ всѣ усовершенствованія техники прививаются съ огромнымъ трудомъ.

А вотъ условія труда такъ называемыхъ рабочихъ «стволовыхъ». «Обязанность его (стволоваго),—пишетъ г. Р. Ш.,—заключается въ перегрузкѣ содержимаго санокъ въ бадью, въ подачѣ сигналовъ верховому и въ подъемѣ воды изъ шахты. Главный *недостатокъ* (г. Р. Ш. вообще выражается очень мягко) службы стволоваго состоитъ въ томъ, что ему *все время* приходится

стоять подъ *непрерывнымъ дождемъ*, льющимся со стѣнъ шахты («недостатокъ»!). Отъ постояннаго притока воды колодецъ переполняется, выходитъ изъ своихъ границъ, такъ что стволовой *вынужденъ стоять по колѣно въ водѣ* (и такъ изо дня въ день!) Конечно, вредное вліяніе сырости въ значительной степени можно было бы уменьшить, если бы шахтовладѣльцы, какъ и рудники, снабжали своихъ стволовыхъ непромокаемою одеждою, но, къ сожалѣнію, эта профилактическая мѣра не практикуется на крестьянскихъ шахтахъ, и стволовые вынуждены или справлять довольно дорогую одежду на свой счетъ или, что чаще бываетъ, работать въ рваной и старой одеждѣ, какъ и всѣ прочіе горнорабочіе, и рисковать (дѣйствительно «рисковать»!) заболѣть какою-либо простудною болѣзнью! Работа «погонщиковъ» считается самою легкою и на нее берутъ обыкновенно подростковъ 12—15 лѣтъ. Продолжается она 12 часовъ въ сутки и состоитъ вотъ въ чемъ: «все это время они (погонщики) находятся на ногахъ, погоняя лошадей и дѣлая вмѣстѣ съ ними концентрическія движенія вокругъ ворота, не взирая на осеннюю и зимнюю погоду. Эта однообразная и утомительная работа требуетъ отъ нихъ большого вниманія, такъ какъ при несвоевременной остановкѣ лошадей можетъ опрокинуться бадья вмѣстѣ съ содержимымъ обратно въ шахту, что влечетъ за собою, кромѣ безполезной траты труда и времени,—иногда смерть или изувѣченіе стволоваго. Да и вообще, при всякой малѣйшей неаккуратности со стороны погонщиковъ, верховой нападаетъ на нихъ съ площадной бранью, а иногда щедро надѣляетъ ихъ подзатыльниками. Вотъ почему, несмотря на грязь, особенно осенью и зимою, и тяжелую одежду, въ которую одѣваются погонщики,—они стараются всегда успѣвать бѣгать за лошадьми, чтобы во-время ихъ остановить при командѣ верховаго: стой, ворочь назадъ!»

Въ какихъ же экономическихъ и правовыхъ условіяхъ живутъ, какую заработную плату получаютъ эти люди за свой поистинѣ каторжный трудъ? А вотъ въ какихъ:

«Всѣ рабочіе, при поступленіи своемъ, договариваются съ шахтовладѣльцами словесно и не получаютъ отъ нихъ никакихъ разсчетныхъ книжекъ. Отсутствіе письменнаго документа о наймѣ и правилъ, которыя бы урегулировали отношенія между хозяевами шахтъ и рабочими въ нихъ, ведетъ къ полной зависимости этихъ послѣднихъ отъ шахтовладѣльцевъ. Они обращаются съ ними грубо, налагаютъ штрафы за малѣйшій пустякъ и часто отказываютъ отъ службы, не только не предупредивъ за двѣ недѣли по закону, но нерѣдко не выдавъ даже полнаго разсчета. Еще въ худшемъ положеніи находятся рабочіе, заболѣвшіе на шахтахъ и особенно дальніе рабочіе. Болѣе или менѣе организованной медицинской помощи на крестьянскихъ шахтахъ не существуетъ, и больные рабочіе обращаются за помощью въ рудничныя и земскія больницы, которыя часто имъ отказываютъ, какъ лицамъ, не участвующимъ въ расходахъ на медицину на рудникахъ или въ мѣстномъ земствѣ. Выходитъ то, что больные на ногахъ или посѣщаютъ то одну, то другую амбулаторію, или же обращаются къ знахарямъ и колдунамъ, или же, наконецъ, терпѣливо переносятъ свои болѣзни до тѣхъ поръ, пока не свалятся съ ногъ. Въ по-

слѣднемъ случаѣ сердобольные хозяева стараются какъ можно скорѣе отправить больныхъ на родину, гдѣ вмѣстѣ съ ихъ прибытіемъ очень часто вспыхиваютъ эпидеміи тифа, дифтеріи и т. под. Больные рабочіе на шахтахъ мало того, что лишены надлежащей медицинской помощи, но они еще и теряютъ заработокъ во все время болѣзни, такъ что въ этомъ отношеніи имъ гораздо хуже, чѣмъ рабочимъ на большихъ рудникахъ, гдѣ они получаютъ «харчевыя» въ размѣрѣ трети или половины заработка своего. Въ силу того, что рабочіе крестьянскихъ шахтъ поступаютъ на работы безъ предварительнаго медицинскаго освидѣтельствованія, то среди нихъ часто попадаются съ заразными, какъ сифилисъ и трахома, болѣзнями. Совмѣстный сонъ, ѣда изъ однѣхъ тарелокъ, тѣснота жилищъ и антисанитарное состояніе ихъ, невѣжество — все вмѣстѣ способствуетъ быстрой передачѣ заразительныхъ болѣзней среди рабочихъ на крестьянскихъ шахтахъ».

Заработная плата: бурильщикъ получаетъ отъ 90 к. до 1 р.; отгребщикъ— отъ 60 до 90 к.; саночникъ—отъ 80 до 1 р.; стволовой—отъ 80 до 90 к.; верховой—80 к.; откатчикъ—отъ 50 до 60 к. и погонщики—отъ 30 до 40 к.

Эта нищенская плата нерѣдко выдается, сверхъ того, не наличными деньгами, а товарами изъ кладовыхъ шахтовладѣльцевъ, по очень повышеннымъ цѣнамъ.

Правила, касающіяся жилищныхъ условій для рабочихъ, на крестьянскихъ шахтахъ абсолютно не соблюдаются. Любопытно сравнить въ этомъ отношеніи законъ съ практикой. Изданныя 4-го іюня 1894 года на основаніи Высочайше утвержденнаго 9-го марта мнѣнія Государственнаго Совѣта обязательныя постановленія присутствія по горнозаводскимъ дѣламъ при горномъ департаментѣ «о мѣрахъ къ охраненію жизни, здоровья и нравственности рабочихъ на горныхъ заводахъ и промыслахъ» заключаютъ въ себѣ, между прочимъ, слѣдующія требованія относительно жилыхъ помѣщеній для рабочихъ: помѣщенія для рабочихъ должны быть свѣтлы, сухи и устраиваться на мѣстахъ возвышенныхъ и сухихъ. На каждаго, живущаго въ казармахъ, рабочаго должно приходиться не менѣе $1^1/_2$ куб. саж. воздуха (§ 2). Нары для спанья рабочихъ допускаются только въ одинъ ярусъ и должны быть устроены изъ досокъ съ гладкою поверхностью, безъ щелей, съ поддержками для подушекъ въ изголовныхъ концахъ, съ разгородками не менѣе четырехъ вершковъ вышины между отдѣльными мѣстами, которыя должны быть не менѣе $2^3/_4$ арш. длины и 18 вершковъ ширины (§ 4). Помѣщенія для безсемейныхъ рабочихъ должны быть для мущинъ и женщинъ отдѣльныя (§ 6). Всѣ помѣщенія для рабочихъ и ихъ принадлежности должны содержаться въ опрятности. Стѣны ихъ должны быть очищаемы, окрашиваемы или выбѣливаемы, по меньшей мѣрѣ, одинъ разъ въ годъ. Для сушки одежды и обуви рабочихъ должны быть отводимы особыя отъ спаленъ помѣщенія (§ 7). Хлѣбопекарни и кухни при казармахъ не должны быть устраиваемы въ помѣщеніяхъ для спанья рабочихъ (§ 18). Воздухъ въ жилыхъ помѣщеніяхъ для рабочихъ долженъ быть чистъ и освѣжаемъ цѣлесообразными приспособленіями (форточки, печи, отдушины, вытяжныя трубы, вентиляторы) (§ 9). Отхожія мѣста при жилыхъ по-

мѣщеніяхъ должны быть устроены надлежащимъ образомъ, согласно подробнымъ указаніямъ правилъ (§ 11—13). При всѣхъ промыслахъ должны быть бани (§ 14).

Такъ гласитъ законъ. А вотъ что, по сообщенію Р. Ш., гласитъ подлинная дѣйствительность:

«Всѣ рабочіе въ крестьянскихъ шахтахъ помѣщаются въ землянкахъ, безъ половъ и потолковъ. Стѣны землянокъ почти цѣликомъ сидятъ въ землѣ и только незначительная часть землянокъ строится на землѣ. Крыши въ землянкахъ держатся на подпоркахъ, установленныхъ въ самой избѣ вдоль ея длины. Сверху на крышу накладывается дернъ, который долженъ предохранять отъ течи. Окна размѣромъ очень маленькія и число ихъ ограничено. Во многихъ же землянкахъ всего два окна, по одному въ щитныхъ стѣнахъ, почему тамъ всегда темно».

Въ дождевое время особенно осенью и зимой тающій на крышахъ снѣгъ просачивается сквозь дернъ въ землянку, чѣмъ поддерживается въ ней постоянно сырость. Тонкія стѣны землянокъ, сложенныя изъ невыжженнаго саманнаго кирпича, состоящаго изъ смѣси глины, навоза и соломы, легко впитываютъ въ себя влагу почвы и окружающей ихъ земли,—также способствуетъ развитію сырости въ помѣщеніяхъ для рабочихъ. Кромѣ того, отъ присутствія влаги кирпичъ этотъ легко растрескивается, образуя щели въ стѣнахъ, черезъ которыя пробивается вѣтеръ, дождь и снѣгъ. Отдѣльныя помѣщенія для столовой, кухни и спальни не существуютъ. Посреди землянки обыкновенно помѣщается плита съ разнымъ кухоннымъ скарбомъ, а рядомъ съ нею — лавка или кровать, на которой спитъ кухарка; тутъ же недалеко находится неплотно сбитый столъ, въ щеляхъ котораго валяются разные остатки пищи, привлекающіе массу насѣкомыхъ, мухъ, таракановъ и т. п. У стѣнъ находятся нары, на которыхъ спятъ рабочіе. Никакихъ перегородокъ и подставокъ на нарахъ не имѣется, и рабочіе спятъ вплотную, часто по двое на одномъ сѣнникѣ, укрываясь однимъ одѣяломъ или тулупомъ. Въ гигіеническомъ отношеніи такой совмѣстный сонъ вреденъ, такъ какъ болѣзни одного легко могутъ передаваться другому, особенно заразительныя болѣзни. Форточекъ въ большинствѣ землянокъ не имѣется, а тамъ, гдѣ онѣ и есть, ихъ рѣдко открываютъ, и въ землянкахъ воздухъ всегда переполненъ испареніями отъ сырого и грязнаго платья, стѣнъ и потолка, табачнымъ дымомъ отъ махорки и запахомъ пота. Въ холодное время, какъ зимою и осенью, рабочіе стараются какъ можно лучше закупорить свои «казармы», и воздухъ настолько пресыщается вредными для дыханія газами, что непривычный къ нему человѣкъ даже послѣ кратковременнаго пребыванія въ немъ буквально ошеломляется. Конечно, при такихъ условіяхъ для очищенія воздуха въ «казармахъ» мало было бы и самыхъ лучшихъ вентиляціонныхъ приспособленій, даже при соблюденіи требованія, чтобы въ помѣщеніи на каждаго рабочаго приходилось $1^1/_2$ куб. саж. Наружныя пристройки, какъ сараи, конюшни, въ большинствѣ шахтъ находятся рядомъ съ жилымъ помѣщеніемъ, что безусловно вредно въ санитарномъ отношеніи. *Бань нѣтъ ни на одной шахтѣ*, да и воды мало, почему рабочіе

очень рѣдко моютъ свое тѣло. Даже и такъ помыться послѣ работы въ шахтѣ, чтобы перемѣнить бѣлье, негдѣ. Они или моются въ землянкѣ на глазахъ у всѣхъ, или же прямо во дворѣ, гдѣ ихъ часто можно видѣть даже зимою съ обнаженною по поясъ грудью и наклоненными надъ ушатомъ или тазомъ съ водой. Вслѣдствіе недостатка воды и обстановки, не позволяющей, особенно въ холодъ, долго заниматься своимъ туалетомъ, рабочіе едва ли успѣваютъ вымыть чисто лицо; а на груди только размачиваютъ грязь; въ результатѣ масса кожныхъ и простудныхъ заболѣваній. Отхожихъ мѣстъ во многихъ шахтахъ вовсѣмъ не имѣется, и рабочіе отправляютъ свои естественныя потребности, гдѣ попало, на дворѣ, у землянокъ; а имѣющіяся—содержатся всегда грязно и не выгребаются никогда».

Таковы матеріальныя условія жизни тысячей людей не гдѣ-нибудь въ Туруханскихъ или Обдорскихъ тундрахъ, а въ Екатеринославской губерніи! А духовныя потребности этого люда,—онѣ какъ удовлетворяются? Можно ли ставить подобнаго рода вопросъ? Если ни одинъ изъ шахтовладѣльцевъ не устроилъ для своихъ рабочихъ даже бани, то гдѣ ужъ тутъ говорить о библіотекахъ, читальняхъ, театрахъ? Духовыя потребности горнорабочихъ районовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, не удовлетворяются вовсе, да и едва ли кто-нибудь подозрѣваетъ о самомъ ихъ существованіи.

И несутъ эти люди безвѣстные
Неисходное горе въ сердцахъ...

Весьма интересную статью посвятилъ въ февральской книжкѣ «Русскаго Богатства» М. Б. Ратнеръ громкому дѣлу Золотовой. Извѣстно, какъ дѣло это взволновало въ свое время русское общественное мнѣніе, извѣстно и то, какъ подъ вліяніемъ этого возбужденія министерствомъ юстиціи былъ изданъ обширный томъ въ 800 страницъ, озаглавленный «предварительное слѣдствіе прозведенное судебнымъ слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ при с.-петербургскомъ окружномъ судѣ Бурцевымъ по дѣлу о насильственномъ лишеніи жизни румынской подданной Татьяны Золотовой». Извѣстно, наконецъ, что насильственнаго лишенія жизни Золотовой въ дѣйствительности никакого не оказалось, и дѣло было направлено къ прекращенію. Волноваться, стало быть, обществу было рѣшительно не изъ-за чего, отравилась тамъ какая-то задержанная по подозрѣнію въ кражѣ проститутка т.-е. произошелъ такой случай, какихъ вездѣ и всюду происходятъ тысячи, слѣдствіе выяснило все это досконально и значитъ все обстоитъ благополучно. Все обстоитъ благополучно! Но такъ ли это? Таковъ ли выводъ изъ опубликованнаго во всеобщее свѣдѣніе предварительнаго слѣдствія по дѣлу Золотовой,—вотъ вопросъ, который ставитъ въ своей статьѣ г. Ратнеръ. Пусть факта насильственнаго лишенія жизни Золотовой дѣйствительно не было, но развѣ этимъ и исчерпывается вся разыгравшаяся въ Тихорѣцкой станицѣ трагедія? И вотъ, г. Ратнеръ, ознакомляя шагъ за шагомъ читателей съ главнѣйшими данными, добытыми предварительнымъ слѣдствіемъ, по дѣлу Золотовой, прочно устанавливаетъ то положеніе, что вывода все обстоитъ благополучно тутъ никакъ сдѣлать нельзя и что дѣло несчаст-

ной Золотовой обнаружило такія «маленькія несовершенства» нашего общественнаго механизма, надъ которыми приходится тяжело призадуматься всякому, не совсѣмъ равнодушному ко всему вокругъ него происходящему.

За что была арестована Золотова? За кражу мужского зонтика и шпаги. Имѣла ли тутъ мѣсто дѣйствительно кража? Въ качествѣ отвѣта на этотъ вопросъ г. Ратнеръ приводитъ напечатанное въ дѣлѣ показаніе свидѣтеля Ильченко, заявившаго слѣдующее: «я направился въ свой вагонъ, сосѣдній съ вагономъ II класса. При этомъ я увидѣлъ что Золотова стояла на площадкѣ вагона II класса, гдѣ съ нею стоялъ и разговаривалъ какой-то чиновникъ въ судейской формѣ, полный, блондинъ, средняго роста, лѣтъ подъ 30, въ форменномъ пиджакѣ съ длинными погонами, кажется съ сумкою черезъ плечо». Когда же чиновникъ этотъ, который былъ никто иной, какъ Добровольскій, обнаружилъ исчезновеніе своихъ вещей, онъ обратился къ стоявшей на площадкѣ вагона II класса со словами: «слышите! отдайте! вы пошутили, вамъ оно не нужно!»

«Не ясно ли,—справедливо говоритъ по этому поводу г. Ратнеръ,—что и самому Добровольскому сразу не пришла въ голову мысль о кражѣ, а поступокъ Золотовой имъ самимъ былъ истолкованъ какъ шутка дѣвушки, съ которою онъ незадолго до того разговаривалъ. Впрочемъ, интересно и характерно то, что послѣ приведеннаго показанія Ильченко Добровольскій, почему-то «явившійся къ слѣдователю», «изъявилъ желаніе дополнить» свое первоначальное показаніе и теперь объяснилъ слѣдующее: «категорически утверждаю, что до обнаруженія пропажи моего свертка и до указанія Козинцевымъ на Золотову, я съ послѣдней ни минуты не разговаривалъ».

«Весь ходъ приведенныхъ данныхъ и показаній, — продолжаетъ г. Ратнеръ,—мнѣ кажется совершенно достаточенъ для разрѣшенія вопроса о степени доказанности обвиненія Золотовой въ кражѣ. Какъ не согласиться послѣ всего приведеннаго съ мнѣніемъ, высказаннымъ даже въ «конфиденціальномъ» представленіи прокурора Екатеринославскаго окружного суда прокурору Тифлиской судебной палаты отъ 31-го мая 1902 года, въ которомъ было сказано, что «Золотова была арестована за кражу мужского зонтика и шпаги, можетъ быть, взятыхъ ею не съ корыстною цѣлью, а просто въ видѣ шутки, вслѣдствіе опьяненія». Тѣмъ болѣе, что таково же было общее впечатлѣніе лицъ, производившихъ по настоящему дѣлу многочисленныя дознанія и разслѣдованія. Такъ, напримѣръ, начальникъ жандармскаго отдѣленія на ст. Тихорѣцкой Иваненко показалъ въ качествѣ свидѣтеля: «фактъ кражи зонтика и шпаги мнѣ показался весьма страннымъ, что я и высказалъ вахмистру, на что онъ мнѣ отвѣтилъ, что, конечно, тутъ какое-то недоразумѣніе, что задерживать не стоило, но судья и «нашъ» слѣдователь этого непремѣнно требовали».

Итакъ, дѣвушка была арестована при обстоятельствахъ, казавшихся «странными» даже людямъ, видавшимъ, надо полагать, всякіе виды... Уже одно это мало гармонируетъ съ формулою «все обстоитъ благополучно». Но развѣ это и все? Развѣ однимъ этимъ дѣло и кончилось, «недоразумѣніе» быстро разъяснилось и Золотова была немедленно освобождена? Нѣтъ, случи-

лись немножко иначе. Арестованную Золотову тотчасъ же помѣстили въ «казачью», гдѣ и «легли спать» вмѣстѣ съ нею четыре казака. «Мы легли спать на нарахъ,—разсказывалъ казакъ Бѣлыхъ.—Ближе всѣхъ къ Золотовой легли Абрамовъ, затѣмъ возлѣ него я, возлѣ меня Кокоткинъ и наконецъ Кисель»... Но и это были еще только цвѣтики. Ягодки состояли въ томъ, что, очутившись такъ сказать, хозяевами молодой и красивой арестантки, казаки стали продавать ее по недорогой цѣнѣ всѣмъ того желающимъ. Золотова говорила, что казаки ею торговали, «пускали къ ней по 20 коп. человѣкъ по 50 въ день»... И все это было, разумѣется, всей станицѣ извѣстно и всѣмъ тѣмъ, кому вѣдать надлежитъ, но никто, рѣшительно никто не обратилъ вниманія на происходившія въ «казачьей» издѣвательства съ одной стороны и страданія съ другой. Въ результатѣ самоубійство Золотовой. Убивать ее никто не убивалъ, она сама покончила съ собой,—чего же больше нужно, значитъ, дѣйствительно, «все обстоитъ благополучно»... Анализомъ этого-то «благополучія» и занялся въ своей статьѣ г. Ратнеръ. Мы не будемъ слѣдить за его анализомъ, рекомендуя читителямъ прочесть статью въ подлинникѣ, но считаемъ полезнымъ привести тутъ же заключительныя строки статьи.

«Подведемъ итоги, — говоритъ г. Ратнеръ, — они будутъ очень кратки... Предпринятое подъ давленіемъ сильнаго общественнаго мнѣнія и серьезныхъ событій мѣстной жизни предварительное слѣдствіе по дѣлу «о насильственномъ лишеніи жизни румынской подданной Татьяны Золотовой» кончилось тѣмъ, что дѣло направлено было къ прекращенію «за отсутствіемъ въ немъ указаній на признаки преступленія». Пусть такъ. Но развѣ на этомъ можетъ успокоиться общественная совѣсть? Развѣ этимъ уничтожается все огромное значеніе слѣдственнаго матеріала, опубликованнаго во всеобщее свѣдѣніе министерствомъ юстиціи? Преступленіе отдѣльнаго человѣка, какъ бы безобразно, страшно, чудовищно оно ни было само по себѣ, всегда остается индивидуальнымъ дѣяніемъ, мыслимымъ, въ видѣ исключенія, даже при совершенныхъ формахъ общежитія. Но страшнѣе преступленій отдѣльныхъ лицъ тѣ постоянныя язвы общественной жизни, которыя невидимо для поверхностнаго глаза всасываются въ организмъ народа, разрушая его здоровье, подтачивая его силы, лишая его необходимыхъ условій умственнаго и нравственнаго совершенствованія».

Въ слѣдственномъ матеріалѣ по дѣлу Золотовой собрано много данныхъ для постановки правильнаго діагноза надъ состояніемъ нашей общественности и сужденія о ея многочисленныхъ дефектахъ. «Недостатокъ уваженія къ человѣческому достоинству, игнорированіе интересовъ человѣческой личности, отсутствіе гарантій къ огражденію ея кровныхъ и законныхъ правъ—вотъ какъ именуются эти дефекты. И разобранный матеріалъ несомнѣнно бросаетъ яркій свѣтъ на всѣ эти явленія. Чрезвычайно неосторожное отношеніе къ предъявленію обвиненія только потому, что «обвиняемымъ» оказывается никому невѣдомая дѣвушка, а «потерпѣвшимъ» должностное лицо; легкомысленно-пикантная игра тамъ, гдѣ дѣло требуетъ внимательнаго, вдумчиваго отношенія и серьезнаго исполненія тяжелаго служебнаго долга; проявленіе самаго непозволитель-

наго формализма даже тогда, когда отъ этого страдаютъ интересы живого человѣка; наконецъ,—самыя ужасныя условія содержанія подслѣдственныхъ арестантовъ, становящихся игрушкой въ рукахъ необузданной и похотливой стражи, топтаемыхъ въ грязь и на каждомъ шагу и въ концѣ концовъ приводимыхъ къ самоубійству, — вотъ тѣ страшные факты, о которыхъ намъ краснорѣчиво говорятъ страницы лежащаго передъ нами слѣдственнаго производства, хотя на нихъ и не нашлось указаній на «признаки преступленій».

Таковъ результатъ анализа, произведеннаго г. Ратнеромъ надъ слѣдственнымъ производствомъ по громкому «дѣлу Золотовой». Можно ли не согласиться съ правильностью этого анализа?

НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ.

II.

Манчжурія.

Манчжуріей *) называется одна изъ составныхъ частей китайской имперіи, лежащая между 38°40′ и 53°25′ с. ш. и 90° и 105° в. д. отъ Пулкова. Это названіе страны, происходящее отъ имени господствующаго племени, употребляется только европейцами. У китайцевъ же она извѣстна подъ именемъ Дунъ-сань-тэнъ, т.-е. «три восточныхъ провинціи». На сѣверѣ, сѣв.-западѣ и сѣв.-востокѣ Манчжурія граничитъ съ Россіей, причемъ граница почти на всемъ протяженіи естественная (рр. Аргунь, Амуръ, Уссури и Сунгача); на юго-вост. отъ Кореи она отдѣляется рр. Ялу и Тумень, а въ промежуткахъ между ними хребтомъ Чанъ-бо-шан'емъ; на югѣ Манчжурію омываютъ воды Желтаго моря; съ запада же она условной границей отдѣляется отъ Монголіи.

Пространство Манчжуріи точно неизвѣстно, и показанія путешественниковъ на этотъ счетъ отличаются большимъ разногласіемъ. Позднѣевъ, взявъ среднее изъ этихъ показаній, даетъ цифру 684.000 кв. километра.

Въ орографическомъ отношеніи вся Манчжурія раздѣляется невысокимъ водораздѣльнымъ хребтомъ на двѣ покатости: сѣверную, имѣющую стокъ въ бассейнъ р. Амура, и южную, съ коей воды стекаютъ въ Корейскій и Ляодун'скій заливы.

Сѣверная Манчжурія—страна по преимуществу гористая, на сѣверѣ сплошь заполненная системами Большого и Малаго Хингановъ, которые своими широкими массивами заходятъ далеко на югъ отъ р. Амура. Къ Б. Хингану на западѣ примыкаетъ Хулунбуирскоо нагорье, получившее свое наименованіе отъ озеръ Хулунъ (Далайноръ) и Буиръ-норъ, расположенныхъ на немъ, и представляющее по своимъ естественнымъ свойствамъ окраину большой монгольской возвышенности. На югѣ возвышается горная система Чанъ-бо-шань, отдѣленная отъ Хингана долиною р. Сунгари.

*) При составленіи настоящаго очерка главнымъ источникомъ послужилъ капитальный трудъ Д. М. Позднѣева: „Описаніе Манчжуріи".

Б. Хинганъ *), простирающійся почти по меридіану въ длину на 1.070 килом. при ширинѣ въ 300 килом., на всемъ своемъ протяженіи представляетъ рядъ горообразныхъ возвышенностей, не образуя нигдѣ сколько-нибудь выдающихся вершинъ и не достигая снѣговой линіи. Высшія точки его достигаютъ всего 1.100—1.200 метровъ и расположены по главной оси хребта. Со стороны Манчжуріи Б. Хинганъ вдвое выше, на ½ шире и на ⅓ круче, чѣмъ съ монгольской. На всемъ своемъ протяженіи Б. Хинганъ имѣетъ цѣлый рядъ отроговъ, приблизительно параллельныхъ хребту и этимъ обусловливающихъ террасообразное строеніе страны. Изъ отроговъ назовемъ восточный отрогъ Ильхури-алинь, связывающій системы Б. и М. Хингановъ. Вся сѣверная часть Хингана лежитъ въ области сплошныхъ лѣсовъ и покрыта отчасти сплошной тайгой (воцзи), состоящей ихъ березы, осины, ольхи, а повыше изъ лиственницы и частью сосны; отчасти же встрѣчаются просто богатые лѣса, которые вполнѣ удовлетворяютъ потребности мѣстнаго населенія и даже составляютъ предметъ промысла нашихъ казаковъ, перебирающихся въ Манчжурію и занимающихся на Хинганѣ рубкой лѣса, гонкой дегтя и т. п. По направленію къ югу древесная растительность уступаетъ мѣсто степной.

Малый Хинганъ (по-кит. Доусэ-алинь), начинаясь отъ Ильхури-алин'я, слѣдуетъ по правому берегу Амура до впаденія въ него Сунгари. Постепенно понижаясь къ югу, М. Хинганъ переходитъ въ песчано-глинистую равнину, кое-гдѣ пересѣченную рядами небольшихъ плоскихъ холмовъ. Высота М. Хингана незначительна—до 350 метровъ. На сѣверѣ ширина его 160—185 килом., а на югѣ доходитъ до 550 кил. Въ геологическомъ отношеніи М. Хинганъ замѣчателенъ тѣмъ, что на западномъ склонѣ его въ верховьяхъ р. Немера находится вулканъ Уюнъ-Холдонги (по-китайски Лю-хуань-шань — «сѣрныя горы»), который по китайскимъ свѣдѣніямъ производилъ изверженія въ XVIII-мъ столѣтіи, именно въ 1721 и 1722 гг. Изверженіямъ предшествовали землетрясенія въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ 1720 г. Это единственный вулканъ не только въ Манчжуріи, но и во всей центральной Азіи. Съ легкой руки Гумбольдта, принявшаго каменноугольные пожары за изверженія вулкановъ, убѣжденіе въ богатствѣ центральной Азіи вулканами долго царило въ наукѣ, пока не было опровергнуто позднѣйшими изслѣдователями.

На юго-востокѣ Манчжуріи находится хребетъ Чанъ-бо-шань (длинныя бѣлыя горы), отдѣляющій ее отъ Кореи. Чань-бо-шань представляетъ собою невысокую, довольно обширную горную страну, расположенную между долинами рр. Сунгари и Уссури съ одной стороны, Кореей и Ляо-дун'скимъ полуостровомъ съ другой. Простираясь своими отрогами на западъ и сѣверъ, Чанъ-бо-шань и является водораздѣломъ, дѣлящимъ Манчжурію на двѣ вышеупомянутыя покатости. Наибольшей вышины Чанъ-бо-шань'ская система достигаетъ въ вершинѣ Бай-тоу-шань (по-корейски Пекъ-ту-сань), высотою около 2.650 метр., принадлежащей къ числу потухшихъ вулкановъ. По склонамъ она покрыта

*) Б. Хинганъ принадлежитъ Манчжуріи лишь сѣверной частью, южная же находится въ Монголіи.

роскошной альпійской растительностью, а внизу древесными зарослями. На вершинѣ ея находится озеро Лунъ-ванъ-тань («озеро царя драконовъ») около 10 килом. въ окружности. Являясь самой крупной во всей Манчжуріи, эта вершина издавна считалась у окрестныхъ жителей священною, въ настоящее же время она оффиціально признана запретной и посвящена, вмѣстѣ съ окружающей мѣстностью, предкамъ нынѣ царствующей въ Китаѣ манчжурской династіи. Бай-тоу-шань является узломъ, отъ котораго расходится нѣсколько хребтовъ какъ въ Манчжурію, такъ и въ Корею.

Южная Манчжурія широкой долиной р. Ляо дѣлится на двѣ части—восточную и западную. Восточная извѣстна подъ именемъ Ляо-дунъ («востокъ отъ р. Ляо»), а для западной въ разговорной рѣчи употребляется названіе Ляо-си («западъ отъ р. Ляо») въ параллель Ляо-дун'у. И восточная, и западная часть Ю. Манчжуріи въ большей своей части заполнены невысокими горными массами.

Что касается минеральныхъ богатствъ, то надо замѣтить, что точныхъ данныхъ въ этомъ отношеніи для Манчжуріи имѣется очень мало. Долгое время въ Манчжуріи дѣйствовали законы, совершенно воспрещавшіе всякія развѣдки полезныхъ ископаемыхъ и занятіе горнымъ промысломъ: «счастливую землю, въ которой начала благополучно править нынѣ царствующая династія, нельзя безпокоить». Лишь за послѣднее время правительство не только разрѣшаетъ частнымъ лицамъ разработку полезныхъ ископаемыхъ, но даже и само взялось за это дѣло.

Изъ полезныхъ ископаемыхъ прежде всего назовемъ золото. Мѣсторожденія золота извѣстны въ Манчжуріи въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Изъ этихъ мѣсторожденій наибольшей извѣстностью пользуются мѣсторожденія по рч. Желтугѣ, притоку Албазихи, впадающей въ Амуръ. Золото здѣсь было извѣстно давно, но лишь въ 1883 г., послѣ находки здѣсь случайно большого самородка золота, слухи о богатствѣ Желтуги распространились далеко и привлекли сюда массу русскихъ и китайскихъ хищниковъ и авантюристовъ, число которыхъ къ 1885 г. достигало уже 13.000 человѣкъ. Скоро образовался здѣсь поселокъ съ массой лавокъ, гостинницъ, бань и т. д. Собравшіеся хищники образовали Желтугинскую республику съ выборнымъ президентомъ во главѣ, организовали самоуправленіе, суды, издали законы, по своей строгости вполнѣ заслуживавшіе названіе драконовыхъ. Существовала эта республика до 1886 г., когда китайскія войска заняли поселокъ, разогнали всѣхъ хищниковъ, а самый поселокъ уничтожили. Съ 1888 г. китайское правительство взяло на себя разработку этихъ пріисковъ. Золото здѣсь залегаетъ гнѣздами, содержаніе его различное, но очень высокое. Въ цвѣтущую эпоху Желтугинской республики встрѣчались мѣста съ содержаніемъ золота въ 20 золотн. *) и выше, разработка

---

*) Содержаніе золота считается обыкновенно въ золотникахъ на 100 пудовъ пустой породы. Для показанія богатства желтугинскихъ пріисковъ укажемъ на то, что въ богатѣйшемъ Витимско-Олекминскомъ золотоносномъ районѣ Якутской обл. разрабатываются съ выгодой мѣсторожденія съ содержаніемъ 1—3½ золотн. въ среднемъ.

песковъ съ содержаніемъ золота менѣе 5 золотн. считалась невыгодной. Всего за время существованія республики было намыто до 500 пуд. золота. Кромѣ Желтуги, золото извѣстно еще по нѣсколькимъ притокамъ Амура, въ бассейнѣ р. Суйфуна, въ округѣ Нингута, въ урочищѣ Цзяо-пи-гоу, въ окрестностяхъ Гирина и въ другихъ мѣстахъ.

Желѣзныя руды добываются въ довольно значительныхъ количествахъ, главнымъ образомъ въ южныхъ частяхъ Манчжуріи. Каменный уголь встрѣчается также во многихъ мѣстахъ страны. Самыя богатыя и наиболѣе, эксплуатируемыя залежи находятся къ востоку отъ г. Ляо-янъ. Вообще же качества манчжурскаго угля, повидимому, не высоки.

Кромѣ этихъ ископаемыхъ, встрѣчаются еще серебро, свинецъ, мѣдь, сѣра, но точныхъ свѣдѣній о нихъ не имѣется. На равнинѣ между рр. Нонни и Сунгари ведется въ значительныхъ количествахъ добыча соды по берегамъ многочисленныхъ здѣсь небольшихъ озеръ. Качества и очистка добываемой соды не высоки, зато и стоитъ она не дорого.

Какъ Сѣверная, такъ и Южная Манчжурія орошены вообще очень обильно, благодаря большимъ количествамъ осадковъ, приносимыхъ муссонами. Обиліе лѣсовъ на горахъ Сѣверной Манчжуріи, регулирующихъ испареніе воды, и другія благопріятныя обстоятельства способствуютъ образованію въ рѣчныхъ долинахъ почти сплошныхъ болотъ, пополняющихъ убыль воды въ рѣкахъ послѣ прекращенія періода дождей. Рѣки всѣ довольно полноводны. Всѣ рѣки Сѣверной Манчжуріи имѣютъ два половодья—весеннее, производимое таяніемъ снѣговъ и льда, и лѣтнее, зависящее отъ лѣтнихъ дождей.

Громаднѣйшей рѣкой Сѣверной Манчжуріи является Амуръ, къ бассейну котораго принадлежатъ почти всѣ ея рѣки. Но гораздо большее значеніе для жизни страны имѣютъ притоки Амура—Сунгари и Уссури, чѣмъ самъ Амуръ, протекающій по мѣстности, сплошь заполненной горами, покрытыми дремучими лѣсами.

Амуръ, на пространствѣ 1.800 килом., составляетъ границу между Россіей и Манчжуріей. Горы то идутъ по самому берегу его, то отступаютъ отъ него. Большая ширина Амура и множество острововъ и подводныхъ камней дѣлаютъ затруднительнымъ плаваніе по нему. Сильно умаляется его значеніе еще и потому, что онъ въ теченіе пяти мѣсяцевъ въ году бываетъ покрытъ льдомъ. Самыми значительными притоками Амура въ Манчжуріи являются Сунгари и Уссури.

Сунгари, длиною около 1.700 килом., составляется изъ р. Гиринь-ула и р. Эръ-дао-цзянъ, берущихъ начало отъ главной вершины Чанъ-бо-шан'я—Байтоу-шань. Въ верхнемъ теченіи до г. Гириня—Сунгари изслѣдована мало, но, повидимому, не пригодна для плаванія даже мелкосидящихъ судовъ. Рѣка течетъ вообще излучинами, имѣетъ очень извилистый фарватеръ и дѣлится часто на рукава. Судоходна для судовъ съ осадкою не свыше 4 фут. до г. Бодунэ, а въ высокую воду даже до Гириня. Съ корейскихъ горъ сплавляютъ по Сунгари много лѣса. Естественныя произведенія Сунгарскаго края очень разнообразны: лѣсъ, хлѣбъ, скотъ, дичь и проч. Кромѣ того, во всѣхъ рѣч-

кахъ бассейна Сунгари водится моллюскъ (жемчужная перловница—Anodonta plicata), имѣющій свойство вырабатывать жемчугъ, служащій здѣсь предметомъ довольно значительнаго промысла. Со своимъ значительнымъ лѣвымъ притокомъ Нонни, Сунгари имѣетъ большое значеніе для Манчжуріи, какъ естественный водный путь.

Уссури образуется въ Приморской области отъ сліянія рр. Дауби-хэ и Ула-хэ, берущихъ начало съ хребта Сихотэ-аминь. Общее направленіе ея съ юга на сѣверъ, длина 770 килом. Въ верхнемъ и нижнемъ теченіи Уссури преобладаютъ равнины, а въ среднемъ—горы подходятъ къ самому берегу. Долина Уссури, покрытая богатѣйшей растительностью, была бы пригодна для колонизаціи, если бы не періодически повторяющіяся наводненія. Судоходна отъ устья до сліянія рр. Дауби-хэ и Ула-хэ. Самый значительный притокъ Уссури въ Манчжуріи — Сунгача, вытекающая изъ озера Ханки.

Изъ рѣкъ, не принадлежащихъ бассейну Амура, наиболѣе выдаются Суйфунъ, принадлежащій Манчжуріи, впрочемъ, только верхнимъ своимъ теченіемъ, и р. Тумень-ула.

Тумень-ула, служащая границей между Кореей и Манчжуріей, беретъ начало около главной вершины Чанъ-бо-шан'я и впадаетъ въ Японское море. Общая длина ея неизвѣстна. Теченіе ея очень быстрое, средняя ширина 100—150 метровъ, а при устьѣ до 1 килом. Входъ въ рѣку затрудняется баромъ, на которомъ наименьшая глубина достигаетъ 5 фут. Судоходна на разстояніи около 100 килом. отъ устья.

Южная Манчжурія, благодаря обильнымъ осадкамъ, приносимымъ муссонами, очень богата проточной водой, но близость водораздѣльныхъ высотъ къ морю не позволяетъ принять рѣкамъ сколько-нибудь значительные размѣры. Уровень воды въ рѣкахъ подверженъ весьма значительнымъ колебаніямъ, благодаря отсутствію регуляторовъ водоснабженія—растительности и снѣговыхъ горъ. Въ періодъ дождей рѣчки вздуваются, становятся непроходимыми и обращаются въ бурные потоки мутной и грязной воды. Въ сухое же время многія изъ нихъ даже совершенно пересыхаютъ. Изъ рѣкъ Южной Манчжуріи самыя большія—р. Ляо и р. Ялу.

Р. Ляо, извѣстная въ верхнемъ теченіи подъ именемъ Шара-мурень, беретъ начало въ горахъ Чжилийской провинціи собственнаго Китая и впадаетъ въ Ляо-дун'скій заливъ. Течетъ среди ровныхъ песчаныхъ береговъ, которые образовались отъ отложенія песка, приносимаго рѣкою съ верховьевъ, гдѣ она течетъ по лёссовой почвѣ.

Р. Ялу беретъ начало у подножія главной вершины Чанъ-бо-шан'я, недалеко отъ истоковъ Сунгари. Въ верхнемъ теченіи протекаетъ среди крутыхъ обрывистыхъ береговъ, почти лишенныхъ растительности. До г. Ы-чжоу долина нижней части рѣки очень узка, и высоты, сопровождающія ее, опускаются почти прямо въ воду. У г. Ы-чжоу горы отступаютъ отъ лѣваго берега, образуя большую открытую низину, по правому же берегу продолжаются еще до г. Ань-дун'а. Передъ устьемъ ширина Ялу достигаетъ $^1/_2$ килом.

Хотя широта Манчжуріи соотвѣтствуетъ широтѣ средней и отчасти южной

Европы, но по климату она рѣзко отличается отъ только что названныхъ странъ, что обусловливается тѣмъ, что Манчжурія, вмѣстѣ съ Кореей и Амурскимъ кремъ, находится въ области восточно-азіатскаго муссона. Здѣсь смѣняются сѣверо-западный сухой и холодный вѣтеръ зимою и юго-восточный теплый и дождливый лѣтомъ. Даже на югѣ Манчжуріи зима весьма сурова, превосходя въ этомъ отношеніи, напримѣръ, петербургскую. Зимою рѣки всѣ замерзаютъ. Весна и осень въ Манчжуріи очень непродолжительны. Лѣто теплѣе, чѣмъ подъ тѣми же широтами въ Уссурійскомъ краѣ, такъ какъ она дальше отъ холоднаго Японскаго моря и ближе къ жаркимъ степямъ Монголіи. Въ горахъ и на сѣверѣ Манчжуріи годъ и лѣто значительно холоднѣе. О температурѣ даютъ нѣкоторое понятіе слѣдующія цифры:

		Годовая.	Январь.	Апрѣль.	Іюль.
Нью-чжуанъ...	40° с. ш.	+8,4° С.	—12,3°	+ 8,6°	+25,4°.
Мукденъ......	42° с. ш.	+6,9°	—15,8°	+10,4°	+26,4°.
Харбинъ......	45° с. ш.	+4,0°	—16,0°	+ 5,9°	+22,9°.

Зимою количество осадковъ незначительно, но къ лѣту оно сильно возрастаетъ. Дождливыхъ періодовъ обыкновенно два: одинъ незначительный въ маѣ и другой очень значительный въ іюлѣ и августѣ. Въ Мукденѣ за годъ выпадаетъ до 700 mm. осадковъ, причемъ лѣтомъ выпадаетъ около половины, а зимою всего 50 mm. Туманы поздней весной и ранней осенью постоянно господствуютъ на южномъ побережьи, въ долинѣ Сунгари и особенно въ Хунчунскомъ фудутунствѣ. Въ общемъ, климатъ Манчжуріи довольно здоровый, вредно вліяютъ лишь рѣзкія перемѣны температуры въ жаркіе лѣтніе дни съ закатомъ солнца. Страшнымъ бичомъ Манчжуріи является «гнусъ», т.-е. насѣкомыя (оводы, слѣпни, мелкая мошка и комары), появляющіяся лѣтомъ, особенно въ концѣ лѣта *).

Въ климатѣ сѣверной и южной Манчжуріи существуетъ сильная разница, настолько значительная, что въ южной провинціи Шэнь-цзинъ, защищенной отрогами Чанъ-бо-шан'я отъ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ съ успѣхомъ воздѣлывается рисъ, индиго, виноградъ и др.

Флора сѣверной и южной Манчжуріи имѣетъ разницу, но провести какія-либо опредѣленныя границы въ этомъ отношеніи трудно. Манчжурія представляетъ единственную область Китая, гдѣ дѣвственные лѣса занимаютъ обширныя пространства, такъ, напримѣръ, лѣсами покрыты восточный склонъ Б. Хингана и М. Хинганъ. Изъ деревьевъ встрѣчаются лиственница, береза, осина, ольха, дубъ, орѣшникъ и др. Особенными характерными представителями манчжурской флоры являются манчжурскій орѣшникъ, достигающій иногда значительной высоты и образующій цѣлыя рощи, пробковое дерево, трава ула изъ рода осоки, составляющая, по народной пословицѣ, вмѣстѣ съ соболемъ и жень-шенемъ, три драгоцѣнности Манчжуріи; трава эта отличается мягкостью

*) Составителю настоящаго очерка пришлось лѣтомъ 1903 г. испытать нападенія этого „гнуса": пребываніе въ открытомъ полѣ дѣлается положительной пыткой изъ за этихъ мелкихъ насѣкомыхъ.

и худой проводимостью тепла, почему и прокладывается въ сапоги. Затѣмъ слѣдуетъ знаменитый жень-шень (Panax Ginsend изъ семейства араліевыхъ), корни котораго считаются въ китайской медицинѣ лекарствомъ отъ всѣхъ болѣзней. Растетъ главнымъ образомъ въ Кентейскомъ хребтѣ, свойственъ исключительно Южной Манчжуріи и Кореѣ. Добывается по особымъ разрѣшительнымъ свидѣтельствамъ, выдаваемымъ мѣстной администраціей. Весь добытый корень доставляется обязательно ко двору. Цѣны на него баснословно дороги *).

Фауна Манчжуріи еще болѣе, чѣмъ флора, отличается обиліемъ контрастовъ: наряду съ представителемъ крайняго сѣвера, высоко цѣнящимся соболемъ, встрѣчается и величайшій хищникъ южныхъ странъ—тигръ; западно-европейскій ежъ и летучая мышь живутъ рядомъ съ японскимъ кротомъ. Изъ болѣе крупныхъ, имѣющихъ промышленное значеніе млекопитающихъ встрѣчаются: изюбрь, рога котораго высоко цѣнятся въ китайской медицинѣ, косуля или дикая коза, встрѣчающаяся повсемѣстно въ значительномъ количествѣ, кабарга, соболь, выдра, лисица, волкъ, медвѣдь и тигръ. Въ южной Манчжуріи водятся еще и барсъ. Рыбы очень много въ Амурѣ и Уссури, вѣроятно, и въ Сунгари. Наибольшее значеніе изъ рыбъ имѣютъ лососевыя, составляющія главную пищу инородческаго населенія, живущаго по берегамъ рѣкъ.

Для сужденія о численности манчжурскаго населенія нѣтъ никакихъ точныхъ данныхъ. Позднѣевъ, основываясь на разныхъ соображеніяхъ, даетъ цифру 12 милліоновъ. Цифру эту слѣдуетъ увеличить, такъ какъ колонизація Манчжуріи китайцами все еще продолжается и за послѣднее время, повидимому, еще усилилась, кромѣ того, за время, протекшее съ изданія Позднѣевымъ своего «Описанія Манчжуріи» (1897 г.), проведена по Манчжуріи Восточно-Китайская ж. д., вызвавшая усиленную колонизацію края русскими. За это время, напримѣръ, успѣлъ вырасти г. Харбинъ, насчитывающій уже около 25.000 жителей. Но въ какой мѣрѣ слѣдуетъ увеличить цифру, даваемую Позднѣевымъ, сказать трудно, даже невозможно. Принимая во вниманіе цифры другихъ авторовъ, а также естественный приростъ населенія и колонизацію, мы можемъ въ среднемъ считать населеніе Манчжуріи равнымъ 15—16 милліонамъ. Средняя плотность населенія, слѣдовательно, около 22 человѣкъ на 1 кв. килом. Исключая мѣстности, почти не населенныя, мы должны эту цифру, по крайней мѣрѣ утроить.

Населеніе Манчжуріи состоитъ изъ трехъ народностей — тунгузской, монгольской и китайской. Къ первой относятся: манчжуры, дауры, орочёны, манегры, бирары, гольды, солони и корейцы; ко второй — буряты, чипчины и элёты, а къ третьей—китайцы.

Манчжуры впервые появились на аренѣ политическихъ событій въ XVI в., когда они подчинили себѣ сосѣднія племена, а въ началѣ XVII в. вступили въ войну съ Китаемъ, которую побѣдоносно закончили въ 1644 г. воцареніемъ

*) Изслѣдованія, произведенныя европейскими врачами, не показали какихъ-либо цѣнныхъ для медицины свойствъ жень-шеня.

въ Пекинѣ нынѣ царствующей Дайцинской манчжурской династіи. Въ настоящее время манчжуры составляютъ очень незначительную часть населенія Манчжуріи, всего лишь около 5%. Въ составъ сельскаго населенія входятъ они лишь въ двухъ сѣверныхъ провинціяхъ. Въ составѣ городского населенія они распространены по всей странѣ, занимая должности въ различныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ и входя въ составъ знаменныхъ войскъ. Главнымъ образомъ живутъ по правому берегу Сунгари до Амура и по берегамъ р. Мудань-цзяна. Главными причинами незначительнаго количества манчжуровъ среди населенія Манчжуріи являются и численный перевѣсъ китайцевъ, и ихъ многовѣковая культура, помощью которой они подчинили себѣ явившихся дикарей-манчжуровъ, хотя послѣдніе и завоевали Китай. Этому же способствовало еще и то, что манчжуры вторглись въ Китай безъ своихъ женщинъ и, побѣдивъ китайцевъ, сами были побѣждены врагомъ въ образѣ женщины. Ассимиляція манчжуръ зашла настолько далеко, что они утратили свою религію (шаманизмъ), забыли свой языкъ, переняли многіе китайскіе обычаи и нравы. Самый типъ ихъ сильно измѣнился подъ вліяніемъ китайской крови. Религіей ихъ въ настоящее время являются религіи, распространенныя въ Китаѣ, т.-е. буддизмъ (фо), конфуціанство и даосизмъ, языкомъ служитъ китайскій. Кромѣ военной службы, на нихъ возложены еще нѣкоторыя особенныя повинности: они служатъ матросами при перевозкѣ по Сунгари казеннаго провіанта, на казенныхъ почтовыхъ станціяхъ, казенными охотниками, получающими изъ казны жалованіе, припасы и охотничьи принадлежности, но обязанными за это часть добычи вносить въ пользу казны. За всѣ перечисленныя обязанности они пользовались раньше нѣкоторыми привилегіями: всѣ они получали въ возрастѣ отъ 14 до 40 лѣтъ жалованье въ размѣрѣ отъ 1 до 2 лановъ (1 р. 25 к.—2 р. 50 к.) въ мѣсяцъ, владѣли землей, не платя за нее никакихъ налоговъ, изъ нихъ же назначались всѣ должностныя лица по управленію краемъ. Съ введеніемъ въ краѣ гражданскаго управленія, наряду съ военнымъ, китайцы сравнены въ правахъ съ манчжурами, такъ что всѣ эти привилегіи почти исчезли. Въ мирное время манчжуры занимаются земледѣліемъ, а отчасти и другими промыслами.

Изъ прочихъ народностей тунгузскаго корня въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ въ Манчжуріи встрѣчаются лишь корейцы (въ 1897 г. ихъ было до 50.000), спасавшіеся главнымъ образомъ отъ преслѣдованій и притѣсненій своего правительства. Изъ остальныхъ племенъ орочёны, манегры, гольды, бирары находятся еще въ стадіи охотничества и рыболовства, другіе же дауры и солоны—отчасти уже занимаются скотоводствомъ и даже земледѣліемъ. Численность всѣхъ этихъ племенъ незначительна.

Главной составной частью населенія Манчжуріи являются китайцы, составляющіе не коренной, а пришлый элементъ населенія страны. Колонизація Манчжуріи китайцами началась еще до завоеванія Китая манчжурами. Привлекаемые плодородіемъ долины р. Ляо китайцы переселялись туда, но попадали подъ власть дикарей-манчжуровъ, въ свою очередь покоряя ихъ впослѣдствіи превосходствомъ своей культуры. Въ эпоху завоеванія Китая войско

манчжурское состояло не изъ однихъ манчжуровъ—въ немъ были и китайцы, получившіе потомственное названіе хань-цзюнь. Послѣ воцаренія въ Китаѣ манчжурская династія рѣшила охранять свою родовую землю отъ китайцевъ и съ этой цѣлью издало цѣлый рядъ законовъ и предписаній, такъ, напримѣръ, право владѣть землей предоставлено было только манчжурамъ, администрація назначалась только изъ манчжуровъ, китайскимъ женщинамъ былъ воспрещенъ переходъ через Великую китайскую стѣну въ Манчжурію. Но колонизація, вызываемая густотой населенія въ Китаѣ, безысходной нуждой, голодовками, продолжалась и даже увеличивалась. Сперва она совершалась тайно и съ опаской, но мало-по-малу китайское правительство, видя, что съ этимъ явленіемъ трудно справиться, стало оффиціально допускать китайцевъ въ опредѣленныя мѣста Манчжуріи. Особеннаго же развитія колонизація достигла въ серединѣ XIX-го вѣка, въ эпоху европейскихъ войнъ и внутреннихъ смутъ въ Китаѣ. Къ этому времени относятся первыя пріобрѣтенія китайцами земель въ Манчжуріи. Кромѣ мирнаго населенія, привлекаемаго въ Манчжурію плодородіемъ почвы и вообще богатствомъ страны, стекались сюда еще бѣглые преступники, различнаго рода авантюристы и вообще подонки общества, которые переселялись въ Манчжурію, надѣясь легко и быстро обогатиться добычей женьшеня и золота. Но когда въ большинствѣ случаевъ разсчеты ихъ не оправдывались, и имъ приходилось чуть не умирать съ голоду, они стали соединяться въ шайки и заниматься грабежомъ, наводя страхъ на окрестныхъ жителей. Постепенно усиливаясь, эти разбойники (хунъ-ху-цзы) дошли, наконецъ, до того, что стали осаждать цѣлые города. Правительство принимало противъ нихъ различныя мѣры, но ничего не могло съ ними подѣлать, и хунгузы существуютъ и понынѣ.

За послѣднее время правительство оффиціально отмѣнило всѣ стѣсненія для китайской колонизаціи. Такъ, въ Манчжуріи учреждено особое гражданское управленіе, которому подчинены китайцы, а манчжуры оставлены въ вѣдѣніи военной администраціи; китайцы и манчжуры сравнены въ правахъ относительно пріобрѣтенія земли въ собственность, отмѣнено запрещеніе китаянкамъ переходить черезъ Великую стѣну и т. д. Главной причиной этихъ реформъ была боязнь усиливающагося могущества Россіи и желаніе противопоставить этому могуществу населенную, сильную своимъ тѣснымъ единеніемъ съ Китаемъ страну.

Въ настоящее время китайцы населяютъ сплошь всю Шэнъ-цзинскую провинцію, составляютъ до 60% общаго числа населенія въ Хэй-лунъ-цзянской провинціи и разсѣяны по всей Гиринской. Китайцы занимаются главнымъ образомъ торговлей и ремеслами, но среди нихъ есть много также земледѣльцевъ и скотоводовъ. Главный контингентъ китайскаго населенія—выходцы изъ провинцій Чжи-ли, Шань-дунъ и Шань-си. Преобладаютъ выходцы изъ Шань-дуна, составляющіе осѣдлый земледѣльческій классъ населенія; ихъ-то нарѣчіе, нравы и обычаи почти всецѣло и усвоены манчжурами.

Въ городахъ довольно значительный процентъ населенія составляютъ китайцы-магометане (хой-хой или дунъ-ганъ). Они занимаются промышленностью

и въ общемъ очень зажиточны. По внѣшности отличаются отъ прочихъ китайцевъ своимъ здоровымъ видомъ, такъ какъ они не пьютъ крѣпкихъ напитковъ и не курятъ ни табаку, ни опіума.

Христіанство въ Китаѣ появилось въ срединѣ XIX-го в., когда въ 1838 г. французское католическое общество (Société des Missions etrangères) начало свои попытки распространенія въ Манчжуріи ученія Христа. Съ открытіемъ въ 1861 г. порта Нью-чжуанъ для европейской торговли примѣру этого общества послѣдовали другія миссіи. Въ настоящее время насчитывается въ Манчжуріи до 20.000 христіанъ.

Монгольское племя въ Манчжуріи представлено бурятами, чипчинами и элётами, кочующими въ сѣверо-западномъ углу ея по сосѣдству съ Забайкальской областью.

Какъ страна съ самымъ разнообразнымъ населеніемъ и формами быта, Манчжурія естественно имѣетъ и весьма разнообразное административное устройство.

Вся Манчжурія раздѣляется на три провинціи: Шэнъ-цзин'скую или Мукденскую, Цзи-линь-шэнъ или Гиринскую и Хэйлунъ-цзян'скую или Амурскую. Провинціи въ свою очередь раздѣляются на департаменты (фу), отдѣленія департаментовъ (тинъ), округа (чжоу) и уѣзды (сянь). Во главѣ каждой провинціи находится цзянъ-цзюнь (генералъ-губернаторъ), причемъ мукденскому цзянъ-цзюню предоставлены права какъ бы вице-короля Манчжуріи. Во главѣ департаментовъ стоятъ фу-ду-туны и чжи-фу, изъ которыхъ первые обладаютъ большей долей самостоятельности, чѣмъ вторые. Тинами завѣдуютъ тунъ-чжи или тунъ-пани, чжоу ввѣрены чжи-чжоу, а сяни — чжи-сянямъ. Въ пограничныхъ мѣстностяхъ имѣются еще дао-таи, на обязанности которыхъ лежитъ вести сношенія съ иностранцами. Въ Мукденской провинціи, напоминающей копію цѣлаго Китая, находятся еще министерства (бу), учрежденныя вторымъ императоромъ нынѣшней Дай-цинской династіи въ 1626 г. Во главѣ этихъ министерствъ стоятъ ши-ланы, товарищи министровъ (въ Пекинѣ министры называются шанъ-шу). Этихъ министерствъ всего 5: финансовъ (ху-бу), церемоній и просвѣщенія (ли-бу), военное (бинъ-бу), судебное (синъ-бу) и общественныхъ работъ (гунъ-бу). Несмотря на такую сложную сѣть административныхъ учрежденій, въ странѣ не господствуетъ порядка. Постоянная вражда китайскихъ и манчжурскихъ властей, корыстолюбіе и продажность чиновниковъ, процвѣтающая здѣсь система шпіонства и доносовъ — вотъ тормоза, мѣшающіе правильному развитію жизни въ странѣ.

Городовъ въ Манчжуріи много и среди нихъ есть довольно многолюдные. Главнымъ городомъ Маньчжуріи является Мукденъ — древнѣйшая столица Манчжуріи, въ настоящее время — одинъ изъ наиболѣе торговыхъ и промышленныхъ городовъ края съ 250.000 жителей. Ляо-янъ-чжоу нѣкогда былъ столицей южной Манчжуріи, въ 60 килом. къ югу отъ Мукдена. Извѣстенъ производствомъ мебели и гробовъ. Жителей до 70.000 человѣкъ. Нью-чжуанъ лежитъ близъ лѣваго берега р. Ляо, раньше лежалъ у самаго устья этой рѣки. Въ 1858 г. былъ открытъ для иностранной торговли, которая, впрочемъ, уже

*

давно перешла изъ него въ Инъ-цзы. Инъ-цзы или Инкоу (у европейцевъ извѣстенъ подъ именемъ Нью-чжуанъ) лежитъ у самаго устья р. Ляо. Жителей до 60.000. Одинъ изъ важныхъ портовъ Китая. Для понятія о размѣрахъ торговли въ Инъ-цзы могутъ служить слѣдующія цифры: общая сумма ввоза (за 1901 г.) 10.231.780 таэлей *), вывоза 6.282.533 таэлей. Вывозятся наиболѣе бобы, бобовые остатки и бобовое масло, затѣмъ идутъ просо, шелкъ-сырецъ и др. Изъ предметовъ ввоза первое мѣсто занимаютъ хлопчатобумажные товары, затѣмъ идутъ металлы, керосинъ и др.

Изъ другихъ городовъ Мукдэнской провинціи пользуются болѣе или менѣе извѣстностью Синь-минь-тинъ, являющійся однимъ ивъ главныхъ и наиболѣе оживленныхъ рынковъ по дорогѣ изъ Пекина въ Мукденъ. Тѣ-линъ—чрезвычайно оживленный городъ, благодаря развившемуся въ немъ желѣзному производству. Очень важны еще, какъ центры торговли, Цзинь-чжоу-фу и И-чжоу.

Главнымъ городомъ Гиринской провинціи является г. Гиринъ, наиболѣе многолюдный и промышленный центръ провинціи, хотя въ настоящее время значеніе его начинаетъ сильно падать. Бодунэ, извѣстный теперь подъ именемъ Синь-чэнъ, т.-е. «новый городъ»—бойкій торговый центръ, къ которому тяготѣетъ лежащая къ западу монгольская степь со своимъ болѣе чѣмъ 100-тысячнымъ населеніемъ. Съ проведеніемъ Китайской Восточной желѣзной дороги возникъ г. Харбинъ, насчитывающій уже около 25.000 жителей.

Въ Хэй-лунъ-цзянской провинціи главный городъ—Цицикаръ, съ 60—70 тысячами жителей, значительный торговый и промышленный центръ. Хайларъ (Амбань-хото)—административный центръ приангунскаго округа Манчжуріи.

Главное занятіе населенія Манчжуріи—земледѣліе. Благодаря трудолюбію, невзыскательности и выносливости китайцевъ, каждый годный для земледѣлія клочокъ земли обращенъ подъ посѣвы. Земледѣліе пользуется въ Китаѣ большимъ почетомъ и покровительствомъ правительства. Оно имѣетъ даже спеціальное божество, считающееся однимъ изъ главныхъ въ китайской религіи. Въ Манчжуріи земледѣліе развито исключительнымъ образомъ по рр. Ляо, Сунгари и Нонни. Земледѣльческія орудія весьма несложнаго устройства, но многовѣковой опытъ китайцевъ замѣняетъ имъ научную агрономію. По количеству посѣвовъ первое мѣсто занимаютъ различные виды проса: высшіе сорта его называются сяо-мидза и гоанъ-мидза, а низшій—гао-лянъ. Затѣмъ слѣдуютъ бобовыя растенія, третье мѣсто занимаетъ макъ. Страшное распространеніе куренія опіума и дороговизна привознаго повлекли за собою усиленное развитіе культуры мака. Въ громадныхъ количествахъ разводится также табакъ, считающійся лучшимъ изъ всѣхъ табаковъ, разводимыхъ въ Китаѣ. Двѣ сѣверныя провинціи богаты также пшеницей (май-цзы), вывозимой отчасти въ порты Южной Манчжуріи, а оттуда въ Китай. Повсемѣстно разводится также кукуруза (бао-ми). Въ небольшихъ количествахъ разводится рисъ, ячмень, овесъ, гречиха, конопля, клещевина, а въ южной Манчжуріи, кромѣ того, жень-шень, индиго и хлопчатникъ.

---

*) 1 таэль=1 р. 20 к.—1 р. 30 к.; тоже, что ланъ.

Большимъ подспорьемъ въ хозяйствѣ служатъ овощи—свекла, огурцы, капуста, картофель и др., разводимыя почти повсемѣстно. Въ довольно широкихъ размѣрахъ мѣстами культивируются и плодовыя деревья—груши, абрикосы, вишни и др., плоды которыхъ отчасти служатъ даже предметомъ вывоза. Дикій виноградъ растетъ повсемѣстно въ горахъ, но пользуются имъ лишь миссіонеры, выдѣлывая довольно хорошее вино.

Полуостровъ Ляо-дунъ является средоточіемъ шелководства въ Манчжуріи, главными центрами котораго служатъ города Фу-чжоу, Сю-янь, Гай-чжоу и Сюнъ-іо. Шелковичные черви вскармливаются, главнымъ образомъ, листьями различныхъ сортовъ дуба, отчасти листьями айлантусовыхъ деревьевъ. Тутовое же дерево хотя и встрѣчается, но довольно рѣдко, и въ мелкомъ шелководствѣ не играетъ почти никакой роли. Шелковыя ткани мѣстнаго производства отличаются грубостью своей выдѣлки. Въ 1898 г. изъ Инкоу было вывезено 43.521 пуд. шелку, а въ 1899 г.—76.244 пуда.

Скотоводствомъ въ Манчжуріи занимаются исключительно монгольскія племена, кочующія въ сѣверо-западномъ углу ея. Скотъ разводится почти исключительно для цѣлей земледѣлія и извознаго промысла, часть же его служитъ предметомъ вывоза въ Приамурскій и Приуссурійскій края. Молочное хозяйство въ Манчжуріи неизвѣстно, на убой скота идетъ очень мало. Быки и коровы употребляются для землепашества, а потому уваженіе, питаемое къ земледѣлію, распространяется и на нихъ. Существуетъ даже особый законъ, запрещающій употреблять ихъ мясо въ пищу. Самое распространенное въ Манчжуріи животное—свинья, мясо которой разрѣшается ѣсть. Хэй-лунъ-цзянская провинція снабжаетъ весь Приамурскій край убойнымъ скотомъ. По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ газетою «Дальній Востокъ», въ 1903 г. было ввезено въ Приамурскую область около 12.000 свиней и около 7.500 барановъ.

Звѣроловство, довольно распространенное, благодаря обилію лѣсовъ, является почти единственнымъ средствомъ къ существованію инородческихъ племенъ на сѣверѣ въ Манчжуріи. Предметами охотничьяго промысла служатъ соболи, изюбри, рога которыхъ (панты) очень цѣнятся въ китайской медицинѣ, бѣлки, лисицы, волки, медвѣди и даже тигры. Для живущихъ по берегамъ рѣкъ важнымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ является также рыболовство.

Размѣры горной промышленности въ Манчжуріи точно неизвѣстны, но надо думать, что они довольно значительны.

Обрабатывающая промышленность развита въ Манчжуріи очень мало, только производство водки и бобоваго масла распространены почти повсемѣстно и въ довольно значительныхъ размѣрахъ. Центромъ этихъ производствъ является сунгарійскій районъ. Прочія производства имѣютъ болѣе или менѣе кустарный характеръ и служатъ исключительно для мѣстнаго потребленія. Въ городахъ почти повсюду имѣются кирпичные, гончарные, кожевенные заводы, заводы для приготовленія вермишели и крахмала и т. п. Важнымъ предметомъ такой промышленности является приготовленіе грубой синей бумажной матеріи. Въ нѣкоторыхъ городахъ встрѣчаются писчебумажныя фабрики. Въ Цицикарѣ и Гиринѣ существуютъ фабрики для приготовленія табакерокъ, мундштуковъ и

разныхъ мелкихъ вещицъ изъ камня (сердоликъ, халцедонъ, нефритъ). Въ мѣстахъ добычи желѣзныхъ рудъ имѣются небольшіе чугунно-литейные и желѣзодѣлательные заводы. Вообще данныхъ о промышленности въ Манчжуріи очень немного и, по словамъ путешественниковъ, надо думать, что она находится еще въ зачаточномъ состояніи.

Условія торговли до сихъ поръ въ Манчжуріи были довольно неблагопріятны, благодаря отсутствію хорошихъ путей сообщенія, отсутствію правильной монетной системы и недостатку денежныхъ знаковъ въ обращеніи, а также поборамъ мѣстныхъ административныхъ органовъ и обилію шаекъ хунхузовъ. Въ настоящее время эти условія сильно измѣнились съ проведеніемъ Восточно-Китайской желѣзной дороги и занятіемъ края русскими, но въ какую сторону и въ какой степени, сказать пока невозможно за отсутствіемъ какихъ-либо данныхъ по этому вопросу. Слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что на вывозъ Манчжурія пока ничего не давала. Хлѣбъ, ея главное достояніе, обрабатывается въ количествѣ, необходимомъ для мѣстнаго потребленія. Небольшіе избытки хлѣба, очень незначительные, служили для мѣстнаго обмѣна, отчасти продавались русскимъ. Но разсчитывать на большое количество хлѣба нельзя, ибо всѣ удобныя земли распаханы, и только при измѣненіи всей хлѣбной культуры можетъ быть увеличено производство хлѣбовъ (пшеницы, главнымъ образомъ). Въ зависимости отъ этого главнаго предмета добывающей промышленности находится и вся торговля Манчжуріи.

Что же дала Манчжурія до сихъ поръ Россіи и на что можно надѣяться въ будущемъ? До сихъ поръ, кромѣ хлопотъ, громадныхъ денежныхъ затратъ и войны, Манчжурія не дала Россіи ничего. Въ будущемъ же надѣяться на что-нибудь трудно, въ виду отдаленности края и той громадной конкурренціи, которую Россія встрѣтитъ тамъ со стороны неприхотливыхъ, выносливыхъ и энергичныхъ китайцевъ, а также въ лицѣ иностранныхъ предпринимателей, бороться съ которыми будетъ болѣе чѣмъ затруднительно.

А. Ст—вичъ.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Беллетристика въ германскомъ рейхстагѣ. — Соціальная политика Германіи и научная поѣздка германскихъ рабочихъ. Характернымъ симптомомъ современнаго положенія Германіи служитъ, безъ сомнѣнія, необычайное наводненіе книжнаго рынка романами изъ военнаго быта, большинство которыхъ представляетъ рѣзкую критику существующихъ порядковъ въ германской арміи. Послѣ книги Бильзе «Изъ маленькаго гарнизона», произведшей большую сенсацію, потому что она послужила поводомъ къ судебному процессу, появилось нѣсколько аналогичныхъ произведеній и даже театральныхъ пьесъ, но всѣ эти романы изъ жизни маленькихъ и большихъ гарнизоновъ не вызвали все-таки такого широкаго впечатлѣнія и такихъ оживленныхъ толковъ, какъ романъ Бейерлейна «Іена или Седанъ?»,

который даже послужилъ предметомъ весьма горячихъ дебатовъ въ германскомъ рейстагѣ. Вопросъ, выдвинутый авторомъ, не сходитъ съ очереди. Германская печать съ большимъ жаромъ и всестороннимъ образомъ обсуждаетъ положеніе и условія арміи, ея вліяніе на гражданскую жизнь и т. п., стараясь опредѣлить, насколько казарменные нравы дѣйствительно оказываютъ вліяніе на нравы и порядки въ странѣ и могутъ отразиться на ея боевой готовности. Вполнѣ естественно поэтому, что вопросъ этотъ былъ затронутъ и въ германскомъ парламентѣ, такъ какъ германское общество слишкомъ имъ заинтересовано. Во время обсужденія военнаго бюджета между военнымъ министромъ генералъ фонъ-Эйнемъ и Бебелемъ завязался очень интересный споръ. Въ своей рѣчи Бебель по обыкновенію очень краснорѣчиво и убѣдительно доказывалъ несостоятельность германской военной администраціи. Военный министръ сказалъ, что второй номеръ Форбаха, описаннаго поручикомъ Бильзе, не можетъ существовать въ Германіи, на что Бебель возразилъ ему приведеніемъ цѣлаго ряда фактовъ, заимствованныхъ изъ военной «chronique scandaleuse» только за самое послѣднее время, указывающихъ, что такое положеніе дѣлъ, какое описано поручикомъ Бильзе, ограничивается не однимъ только гарнизономъ въ Форбахѣ. Затѣмъ Бебель перешелъ къ вопросу о томъ, насколько высота умственнаго и нравственнаго уровня арміи можетъ отражаться на ея боевыхъ качествахъ и технической подготовкѣ. Цитируя различныя научныя сочиненія и произведенія военной беллетристики, Бебель старался доказать необходимость иного отношенія къ солдатамъ, чѣмъ то, которое существуетъ въ арміи, и иныхъ взглядовъ на обязанности и долгъ офицеровъ. Необходима дисциплина, но не безсмысленная дрессировка и ученія, которыя въ концѣ концовъ деморализуютъ офицеровъ и притупляютъ у нихъ всякія умственныя стремленія. Гуманное отношеніе къ человѣку, чувство товарищества, все это исчезаетъ и замѣняется только суровою командой и безсловеснымъ повиновеніемъ. Нравственный и умственный уровень арміи не можетъ не понизиться при такихъ условіяхъ и никакія затраты на разныя военныя сооруженія, пушки, крейсера и т. п. не приведутъ къ побѣдѣ, если положеніе вещей не измѣнится.

Генералъ фонъ-Эйнемъ, обязанный своимъ возвышеніемъ на постъ военнаго министра отчасти своей репутаціи искуснаго оратора, въ своемъ отвѣтѣ, разумѣется, старался опровергнуть Бебеля, и еслибъ Бебель основывалъ свои доказательства только на романахъ или разсказахъ, то это бы, конечно, ему удалось. Но Бебель приводилъ историческія справки, доказывавшія, что положенія Бейерлейна, высказанныя имъ въ романѣ «Іена или Седанъ?», совершенно справедливы и что дѣйствительно униженіе Пруссіи при Іенѣ было результатомъ ея общественныхъ условій. Съ этой стороны Бебель былъ неуязвимъ, и хотя генералъ фонъ-Эйнемъ очень пространно доказывалъ, что Іена, составляющая прискорбную страницу германской исторіи, не запятнала все-таки чести прусской арміи, что виною всему были космополитизмъ и отсутствіе патріотизма въ интеллигентныхъ и зажиточныхъ кругахъ, которые и вызвали паденіе государства. Затѣмъ военный министръ довольно наивно обратился къ Бебелю съ вопросомъ, въ самомъ ли дѣлѣ онъ думаетъ, что условія, описан-

ныя Бейерленомъ въ его романѣ и другихъ подобныхъ же произведеніяхъ, дѣйствительно существуютъ въ арміи? Со всѣхъ сторонъ раздались утвердительные возгласы, и тогда, очевидно нѣсколько растерявшійся вслѣдствіе такого неожиданнаго результата, военный министръ вдругъ объявилъ, что въ такомъ случаѣ соціалъ-демократы напрасно считаются революціонною партіей, такъ какъ если бы дѣйствительно существовали подобныя условія въ арміи, то имъ достаточно было бы пошевелить пальцемъ, чтобы осуществить свой идеалъ «государства будущаго», а они этого не дѣлаютъ, значитъ... Это заявленіе военнаго министра вызвало взрывъ хохота, но консерваторы и сторонники правительства, конечно, были недовольны и находили, что военный министръ лучше бы сдѣлалъ, если бы помолчалъ. Консервативныя газеты также не одобряютъ рѣчи министра и находятъ, что онъ скорѣе далъ новое оружіе врагамъ существующаго порядка своею защитой, нежели оградилъ армію отъ новыхъ нападокъ, а въ печати все громче раздаются голоса, что перемѣны безусловно нужны.

Нѣмецкія газеты печатаютъ отчетъ о дѣятельности соціальной политики за послѣдній годъ, изъ котораго слѣдуетъ, что Германія въ области страхового законодательства опередила другія государства, хотя къ коренной реформѣ страхованія рабочихъ еще не было приступлено и сдѣланы только попытки расширить область страхованія, внесеніемъ новыхъ параграфовъ въ существующіе уже законы страхованія противъ болѣзни и обезпеченія семействъ умершихъ рабочихъ. Что касается страхованія отъ безработицы, то пока еще вопросъ этотъ находится на разсмотрѣніи коммиссіи, которой поручено изслѣдовать представленный императорскимъ статистическимъ бюро матеріалъ. Къ осени вопросъ этотъ будетъ, вѣроятно, рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ.

Что касается другихъ странъ, то нѣмецкія газеты выставляютъ на видъ, что, напр., въ Австро-Венгріи никакихъ успѣховъ въ области рабочаго страхового законодательства не замѣтно. Уже многіе годы вопросъ о страхованіи рабочихъ противъ старости, болѣзни и смерти стоитъ на очереди, но, несмотря на періодическія заявленія министра, что онъ будетъ подвергнутъ обсужденію въ самомъ непродолжительномъ времени, обсужденіе это до сихъ поръ еще не наступило, что отчасти объясняется внутренними неурядицами, постоянно отвлекающими вниманіе министерства.

Большимъ шагомъ впередъ въ Германіи является новый законъ, касающійся дѣтскаго фабричнаго труда, и различныя мѣропріятія въ области фабричной гигіены. Нагляднымъ доказательствомъ того, что сдѣлано въ этомъ направленіи, служитъ постоянная выставка, устроенная въ Шарлоттенбургѣ, гдѣ сосредоточено все, что имѣетъ отношеніе къ благосостоянію рабочихъ. Между прочимъ эту выставку посѣтили 77 баденскихъ рабочихъ, поѣздка которыхъ въ Берлинъ состоялась по иниціативѣ баденскаго фабричнаго инспектора д-ра Биштманна, хорошо знакомаго со скептическимъ отношеніемъ рабочихъ ко всякого рода предохранительнымъ мѣрамъ, которыя должны оградить ихъ отъ вредныхъ послѣдствій нѣкоторыхъ отраслей промышленнаго труда. Мысль фабричнаго инспектора увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Рабочіе, принадлежащіе къ

различнымъ партіямъ и стоящіе на разномъ уровнѣ развитія, съ одинаковымъ интересомъ отнеслись къ выставкѣ и охотно согласились на предложеніе инспектора изложить свои впечатлѣнія и взгляды на тѣ мѣропріятія, съ которыми они познакомились на выставкѣ. Д-ръ Биштманнъ собралъ всѣ эти отзывы рабочихъ и издалъ книгу «Eine Arbeiter Reise», въ которой наглядно доказалъ, какъ благотворно дѣйствуютъ на расширеніе умственнаго кругозора рабочихъ такого рода научныя поѣздки. Рабочій гораздо лучше поучается тѣмъ, что онъ видитъ, нежели какими то ни было длинными разсужденіями и теоретическими доказательствами пользы тѣхъ или другихъ мѣропріятій, имѣющихъ цѣлью его благосостояніе и борьбу съ промышленными и эпидимическими болѣзнями. Книга д-ра Биштманна и его коментаріи къ отзывамъ рабочихъ произвели большое впечатлѣніе въ печати, и, вѣроятно, примѣръ баденской фабричной инспекціи вызоветъ подражанія.

Германскій императоръ молчитъ. Давно уже не слышно его рѣчей и, по выраженію одной изъ газеты, въ политикѣ стало скучнѣе. Его поѣздку въ Средиземное море ставятъ въ связь съ его болѣзнью и въ германскомъ обществѣ несомнѣнно существуютъ большія опасенія, что болѣзнь императора Вильгельма очень серьезна.

Двойственная политика англійскаго кабинета. Злобу дня въ Англіи составляетъ теперь положеніе кабинета Бальфура. У всѣхъ невольно возникаетъ вопросъ: долго ли продержится кабинетъ, сильно пошатнувшійся послѣ послѣднихъ парламентскихъ инцидентовъ и необыкновенно жаркихъ преній, доказавшихъ самымъ неопровержимымъ образомъ, что Бальфуръ не рѣшался прямо и открыто преслѣдовать опредѣленную политику, а постоянно лавировалъ между различными теченіями, не желая ни открыто порывать съ друзьями Чэмберлена, ни терять поддержку консерваторовъ, приверженцевъ свободы торговли, ни возбуждать недовѣріе имперіалистовъ. Бальфуръ поддерживалъ систему довольно умѣреннаго протекціонизма, надѣясь, безъ сомнѣнія, что, разъ вступивъ на этотъ путь, потомъ уже можно будетъ, безъ особенныхъ затрудненій, методически подвигаться впередъ и достигнуть такимъ образомъ чэмберленовскаго идеала. Однако эта тактика Бальфура привела лишь къ тому, что одновременно возбудила недовѣріе и въ лагерѣ консерваторовъ - фритредеровъ и въ лагерѣ имперіалистовъ, такъ что и тѣ и другіе угрожаютъ лишить Бальфура своей поддержки. Въ палатѣ общинъ разыгрался даже довольно любопытный инцидентъ по этому поводу. Депутату министерской партіи Уартону было поручено внести предложеніе, устанавливающее рѣзкое различіе между протекціонизмомъ Чэмберлена и протекціонизмомъ Бальфура, что вызвало сильное неудовольствіе имперіалистовъ, увидѣвшихъ въ такомъ предложеніи окончательное отреченіе министерства отъ чэмберленовской точки зрѣнія. Бальфуръ, подъ предлогомъ нездоровья, давно не присутствовавшій на засѣданіяхъ палаты общинъ, какъ разъ явился въ парламентъ и имперіалисты тотчасъ же предъявили ему ультиматумъ. Двѣнадцать депутатовъ заявили ему требованіе, чтобы онъ высказался категорически и измѣнилъ бы формулу, предложенную

Уартономъ. Какъ всегда, Бальфуръ послушно повиновался и формула была измѣнена, но зато возмутились фридридеры, и въ концѣ концовъ, чтобы примирить обѣ стороны, предложеніе было взято назадъ и такимъ образомъ глава британскаго кабинета ясно показалъ, что въ въ такомъ важномъ вопросѣ, волнующемъ всю британскую націю, какъ фискальный вопросъ, отъ котораго зависитъ въ значительной степени и будущность страны, нынѣшнее британское правительство не въ состояніи высказаться рѣшительно и открыто стать на ту или другую сторону.

Поведеніе Бальфура вызываетъ критику и въ консервативной печати. Судя по этимъ разсужденіямъ англійскихъ газетъ, можно придти къ заключенію, что въ странѣ окончательно подорвано всякое довѣріе къ главѣ кабинета. Впрочемъ, Бальфуръ никогда не пользовался особеннымъ личнымъ авторитетомъ и, какъ говорятъ, былъ сдѣланъ первымъ министромъ только потому, что представлялось нежелательнымъ поручать Чэмберлену освободившееся наслѣдіе лорда Салисбюри. Въ сущности министерство Бальфура носило только временный характеръ и должно было подготовить возвращеніе къ власти либераловъ. Но, безъ сомнѣнія, кабинетъ могъ бы просуществовать еще до конца года, еслибъ Чэмберленъ не перепуталъ всего своею протекціонистскою программой. Въ настоящее же время всѣ признаютъ положеніе кабинета безнадежнымъ и волей-неволей придется прибѣгнуть къ распущенію и къ общимъ выборамъ. Результаты же частныхъ выборовъ въ послѣднее время не оставляютъ никакихъ сомнѣній въ томъ, какая будущность ожидаетъ министерство. Съ тѣхъ поръ, какъ Чэмберленъ началъ свою протекціонистскую пропаганду, было произведено 13 дополнительныхъ выборовъ въ разныхъ округахъ, изъ нихъ только три находились въ рукахъ либераловъ и десять считались обезпеченными консерваторамъ, но теперь фритредеры отбили у торіевъ еще четыре мѣста и число либеральныхъ голосовъ увеличилось на 18,221, тогда какъ тори пріобрѣли всего лишь 680 голосовъ. Газеты приводятъ латинскую поговорку «Qui non proficit deficit» въ назиданіе торіямъ. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что вѣтеръ повернулъ теперь въ другую сторону; это, впрочемъ, сознаютъ и въ консервативномъ лагерѣ.

Чэмберленъ находится теперь въ Египтѣ, куда онъ поѣхалъ для поправленія своего здоровья, но злые языки увѣряютъ, что его поѣздка была вызвана желаніемъ удалиться съ политической арены, чтобы время и отсутствіе могли изгладить нѣкоторые его безтактныя выходки. Говорятъ, напримѣръ, что король Эдуардъ очень недоволенъ организаціей чэмберленовской тарифной коммиссіи, на которую онъ смотритъ какъ на посягательство на права и прерогативы короны. А тутъ еще произошелъ другой фактъ, который не только не понравился королю, но и многихъ возбудилъ противъ Чэмберлена, хотя послѣдній, быть можетъ, и не былъ тутъ виноватъ. Дѣло въ томъ, что при входѣ его въ Гильдъ-голлъ, на митингъ, оркестръ привѣтствовалъ его національнымъ гимномъ. Послѣ этого всѣ сатирическіе листки начали именовать Чэмберлена «его величество Джо». Неудивительно, что «Джо» почувствовалъ потребность на время удалиться и подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья уѣхалъ въ Египетъ.

Парламентскіе выборы въ Америкѣ. — Американскій идеалъ по Рузвельту. Въ концѣ этого года въ Соединенныхъ Штатахъ должны быть президентскіе выборы, и весьма возможно, что они совпадутъ съ общими выборами въ Великобританіи. Въ обѣихъ странахъ уже начали готовиться къ этому генеральному сраженію, и, во многихъ отношеніяхъ, избирательные методы въ обѣихъ англо-саксонскихъ странахъ одинаковы. Но въ одномъ они отличаются; въ то время какъ въ Англіи постоянно упоминается о кандидатахъ рабочей партіи на предстоящихъ общихъ выборахъ, въ Америкѣ ни такихъ кандидатовъ, ни такой партіи совсѣмъ не существуетъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ отдѣльной рабочей партіи и нѣтъ ни одного представителя рабочихъ въ конгрессѣ. Это тѣмъ болѣе странно, что нигдѣ трудъ не обладаетъ такимъ значеніемъ и силой, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, а между тѣмъ онъ совсѣмъ не пользуется тѣми преимуществами, какія могло бы предоставить ему представительство въ конгрессѣ, и представители его ограничиваются лишь тѣмъ, что вступаютъ въ ряды одной изъ двухъ большихъ и главныхъ политическихъ партій Соединенныхъ Штатовъ. Теперешняя палата представителей состоитъ изъ 386 членовъ, изъ которыхъ 209 республиканцы, а 175 демократы и только два члена называютъ себя рабочими демократами. Эти два члена были выбраны городомъ Санъ-Франциско, гдѣ ихъ кандидатура, выставленная рабочею партіей, была проведена демократическою партіей. Одинъ изъ этихъ кандидатовъ получилъ на шесть тысячъ голосовъ больше своего республиканскаго оппонента. Другой получилъ всего на 141 голосъ больше и поэтому его избраніе теперь оспаривается, а такъ какъ рѣшеніе этого вопроса въ конгрессѣ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ политическихъ предубѣжденій, господствующихъ въ немъ, то никакого нѣтъ сомнѣнія, что избраніе депутата рабочей партіи будетъ объявлено недѣйствительнымъ и партія будетъ имѣть только одного представителя въ конгрессѣ. Однако даже то, что два члена рабочей партіи могли баллотироваться на выборахъ, было случайнымъ явленіемъ, вызваннымъ тѣмъ обстоятельствомъ, что отношенія между рабочими и работодателями сильно обострились за послѣдній годъ. Благодаря такому положенію вещей явилась мысль организовать рабочую политическую партію, которая имѣла бы своихъ представителей въ конгрессѣ. Въ обоихъ округахъ Санъ-Франциско преобладаетъ республиканская партія и демократы могли только разсчитывать на нѣкоторый успѣхъ, еслибъ ихъ кандидаты объявили себя кандидатами рабочей партіи и получили ея поддержку. Такъ и было сдѣлано. Одинъ изъ выбранныхъ кандидатовъ въ сущности гораздо больше принадлежитъ къ демократической, нежели къ рабочей партіи. Это журналистъ, участвующій въ желтой прессѣ, и только другой кандидатъ дѣйствительно принадлежитъ къ классу рабочихъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ давно уже дѣлались попытки образованія отдѣльной рабочей партіи, независимой отъ другихъ политическихъ партій, но всегда эти попытки кончались неудачей. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда такъ называемые «рыцари труда» находились на вершинѣ своей власти и терроризировали одновременно и трудъ, к капиталъ, можно

было ожидать, что они сдѣлаются активнымъ факторомъ въ политическихъ дѣлахъ и дадутъ почувствовать свою силу. Однако, эти ожиданія не оправдались, рыцари труда оказались неспособными образовать стойкую и независимую политическую группу и въ настоящее время хотя они и сохраняютъ еще свое громкое названіе, но не пользуются ровно никакимъ вліяніемъ въ американской политической жизни. Очень характерно то, что американскіе рабочіе, прекрасно сознающіе свою силу, страннымъ образомъ всегда противятся организаціи труда въ политическую ассоціацію и избранію рабочихъ кандидатовъ въ конгрессъ. Они находятъ, что имъ невыгодно подавать голоса какъ отдѣльная политическая единица, и поэтому ихъ вожди рѣшительно возстаютъ противъ всякой политической организаціи. Повидимому, рабочіе не вполнѣ увѣрены, что ихъ собственные политики не будутъ держать ихъ «въ плѣну», какъ они выражаются, и тогда ихъ свобода дѣйствій будетъ нарушена. Одинъ англійскій журналистъ, бесѣдовавшій по этому поводу съ наиболѣе интеллигентными американскими рабочими, говоритъ, что они выражали ему сожалѣніе, что невозможно организовать рабочую политическую партію въ Америкѣ, и когда онъ спросилъ о причинѣ, то ему сказали, что американскій рабочій, смотря по обстоятельствамъ, бываетъ то демократомъ, то республиканцемъ и не хочетъ стѣснять своей свободы, присоединяясь къ какому-нибудь опредѣленному политическому принципу. Притомъ же среди американскихъ рабочихъ замѣчается слѣдующее: наиболѣе искусные изъ нихъ и получающіе хорошій заработокъ всегда склоняются въ пользу республиканской партіи, потому что эта партія придерживается протекціонизма, выгоднаго для рабочихъ и обусловливающаго ихъ высокій заработокъ. Но зато чѣмъ ниже рабочіе спускаются по соціальной лѣстницѣ, тѣмъ скорѣе они примыкаютъ къ демократической партіи, и обыкновенно всѣ неученые рабочіе, американцы и иностранцы, работающіе въ угольныхъ копяхъ, присоединяются къ демократамъ на выборахъ и поддерживаютъ ихъ кандидатовъ, и въ настоящее время рабочіе не выказываютъ никакого намѣренія отказаться отъ своей традиціонной политики и, повидимому, не будутъ выбирать своихъ представителей, но до сихъ поръ еще нельзя сказать навѣрное, будутъ ли они подавать свои голоса за демократическаго кандидата, или же будутъ поддерживать Рузвельта. Однако преобладаетъ мнѣніе, что громадное большинство рабочихъ, вотировавшихъ за Макъ-Кинлея четыре года тому назадъ, не откажется и теперь отъ своихъ политическихъ взглядовъ и поэтому будетъ поддерживать республиканскую партію. Шансы Рузвельта, такимъ образомъ, стоятъ довольно высоко, и онъ, по всей вѣроятности, будетъ избранъ.

Рузвельтъ постоянно заставляетъ говорить о себѣ не только въ Соединенныхъ Штатахъ, но и за границей. Его рѣчи, также какъ и его дѣйствія, постоянно обращаютъ на себя вниманіе. Много толковъ вызываетъ также и опубликованная имъ книга, въ которой онъ говорилъ объ американскомъ политическомъ идеалѣ. Этотъ идеалъ долженъ быть активнымъ, такъ какъ пассивная добродѣтель не представляетъ особенной трудности. Самъ Рузвельтъ подалъ примѣръ такого активнаго стремленія къ идеалу. Онъ былъ примѣрнымъ

студентомъ гарвардскаго университета, одинаково способнымъ къ занятіямъ классическими науками и къ спорту. Его учителя до сихъ поръ съ восторгомъ вспоминаютъ его успѣхи въ наукахъ и его побѣды въ состязаніяхъ въ силѣ и ловкости. Заручившись дипломомъ, молодой Рузвельтъ, вмѣсто того чтобы спокойно шествовать по протоpенной дорожкѣ административной карьеры, отправился въ преріи запада и вступилъ въ ряды погонщиковъ скота (cowboy). Тамъ онъ познакомился съ бытомъ простыхъ людей, сдѣлался лихимъ наѣздникомъ и охотникомъ, и его энергія и сила закалились въ опасностяхъ и суровыхъ условіяхъ жизни этихъ пастуховъ. Послѣ того онъ выступилъ на поприще общественной дѣятельности и занималъ весьма отвѣтственныя должности, а когда вспыхнула испано-американская война, то онъ организовалъ отрядъ изъ своихъ товарищей пастуховъ и отправился съ ними на Кубу. Онъ охотился, по своему обыкновенію, въ горахъ Канады, когда смерть Макъ-Кинлея неожиданно поставила его во главѣ республики, и съ этого момента вся его жизнь и поступки стали у всѣхъ на виду.

Несмотря на такую жизнь, полную приключеній, Рузвельтъ, какъ оказывается, много размышлялъ о разныхъ вопросахъ: о воспитаніи юношества, объ отношеніяхъ политики и нравственности и о вѣчномъ и всегда животрепещущемъ вопросѣ войны и мира. Вотъ эти-то размышленія и выводы онъ и излагаетъ въ своей книгѣ. Прежде всего онъ обращается къ молодежи, пользующейся благами высшаго образованія. Онъ говоритъ имъ объ ихъ гражданскихъ обязанностяхъ и призываетъ ихъ на общественную службу. Въ особенности же онъ предостерегаетъ ихъ отъ того, чтобы не гнушались политикой на томъ основаніи, что имъ не нравится сообщество грубыхъ политиканствующихъ людей или что имъ выгоднѣе заниматься собственными дѣлами. Они должны помнить, что когда какая нибудь группа гражданъ становится чуждой національной жизни, то она перестаетъ быть полезной странѣ. Рузвельтъ настаиваетъ на томъ, что гражданинъ страны не имѣетъ права думать только о своихъ дѣлахъ, что онъ долженъ служить обществу, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ недостоинъ называться гражданиномъ. Истинно полезное дѣло можетъ дѣлать только тотъ, кто не держится въ сторонѣ отъ битвы, не относится презрительно къ политикѣ и политическимъ дѣятелямъ и не боится выступать на арену избирательныхъ собраній и политическихъ митинговъ. Но прежде всего онъ долженъ обладать мужествомъ, нравственнымъ и физическимъ. Политическій дѣятель долженъ быть безкорыстенъ и быть преданнымъ высокимъ идеаламъ. «Мы должны быть сильны тѣломъ и духомъ, говоритъ Рузвельтъ,—мы должны быть способны переносить трудную борьбу, умѣть пользоваться уроками и, при случаѣ, расплачиваться за нихъ съ процентами Мирная и коммерческая нація всегда рискуетъ потерять мужественныя качества, безъ которыхъ она, однако, ничего не въ состояніи будетъ достигнуть, каковы бы ни были утонченность ея культуры, богатство и благосостояніе».

Разсуждая о войнѣ и мирѣ, Рузвельтъ открыто заявляетъ, что лучшею гарантіей является подготовленность къ войнѣ, и поэтому онъ предлагаетъ американцамъ больше возлагать свои упованія на первоклассный флотъ, не-

жели на всѣ третейскіе суды на свѣтѣ. Онъ рѣшительно возстаетъ противъ завоевательныхъ войнъ и допускаетъ только войну оборонительную и имѣющую цѣлью гарантировать спокойствіе и мирное развитіе страны. Въ особенности же онъ предостерегаетъ отъ сохраненія такого мира, который оправдываетъ преступленія и разрѣшаетъ всевозможныя жестокости. Результаты такого мира бываютъ, по его мнѣнію, хуже, чѣмъ результаты войны. Систематическое поддержаніе подобнаго мира заставляетъ проливать крови больше, чѣмъ любая война, прибавляетъ онъ и въ примѣръ приводитъ то, что миръ Европы былъ сохраненъ въ то время, какъ турки рѣзали беззащитныхъ армянъ и удерживали Критъ въ тяжеломъ рабствѣ. Со временъ Ватерлоо еще ни одна европейская война не вызвала столько страданій; столько насилій надъ несчастными женщинами и столько пролитія крови невинныхъ дѣтей, какъ поддержаніе этого мира! «Тысячу разъ лучше,—восклицаетъ Рузвельтъ, выказывать излишнее стремленіе бороться, нежели выносить оскорбленія и быть безстрастнымъ свидѣтелемъ бѣдствій притѣсняемыхъ!» Излагая свои взгляды на американскій идеалъ, президентъ Рузвельтъ излагаетъ въ тоже время и свою политическую программу; американскій же идеалъ Рузвельтъ отожествляетъ съ греко-римскимъ идеаломъ древняго міра. Раздѣляетъ ли этотъ взглядъ американская демократія—это покажутъ предстоящіе президентскіе выборы.

Итоги клерикальной политики въ Бельгіи. Результаты школьной политики клерикаловъ, какъ оказывается, лучше всего можно наблюдать въ Бельгіи. Со времени революціи 1830 года, благодаря которой Бельгія стала самостоятельнымъ государствомъ, клерикалы и либералы сначала по очереди управляли страной, но съ 1884 года клерикалы непрерывно находятся у власти. Въ Бельгіи, какъ и во всѣхъ другихъ странахъ, гдѣ клерикаламъ удавалось захватить бразды правленія въ свои руки, они первымъ дѣломъ позаботились о томъ, чтобы завладѣть школой. Въ сущности, французскій школьный законъ Фаллу, который, подъ маскою свободы преподаванія, отдавалъ школу въ полное владѣніе клерикаламъ, былъ только сколкомъ съ бельгійскаго школьнаго закона 1842 года, имѣвшаго цѣлью не столько воспитаніе дѣтей, сколько клерикальную пропаганду. Результаты этого не заставили себя ждать и вынудили либераловъ поставить во главѣ своей программы новый школьный законъ. Послѣ своей побѣды въ 1878 году они могли, подъ руководствомъ Фрера Орбана, осуществить свои желанія и либеральный школьный законъ 1879 года, отдѣливъ школу отъ церкви и возстановивъ авторитетъ государства въ дѣлѣ школьнаго воспитанія, воспретилъ общинамъ предоставлять свои школы конгрегаціямъ. Но какъ только клерикалы въ 1884 году отстранили отъ власти либераловъ, то немедленно постарались отмѣнить и либеральный школьный законъ и замѣнили его клерикальнымъ, который, въ общихъ чертахъ, явился повтореніемъ закона 1842 года и продолжаетъ дѣйствовать до сихъ поръ, причемъ съ 1884 года его клерикальное направленіе было еще усилено постановленіемъ выдачи государственныхъ субсидій клерикаль-

нымъ школамъ. Въ настоящее время депутатомъ Вандервельдомъ въ бельгійской палатѣ были представлены отчеты, цифры которыхъ указываютъ на результаты такой школьной политики. Въ главнѣйшихъ промышленныхъ округахъ по крайней мѣрѣ треть дѣтей рабочихъ не получаетъ школьнаго воспитанія. Въ деревняхъ дѣти перестаютъ посѣщать школу тотчасъ послѣ конфирмаціи, т.-е. на одиннадцатомъ или двѣнадцатомъ году, и забываютъ, такимъ образомъ, все, чему учились. Не болѣе 20-ти процентовъ дѣтей посѣщаютъ школу полныхъ шесть лѣтъ, остальные же 80 процентовъ посѣщаютъ школу только шесть мѣсяцевъ въ теченіе трехъ лѣтъ. 121.000 дѣтей совсѣмъ не ходятъ въ школу. Итогъ получается слѣдующій: изъ 100 дѣтей въ возрастѣ отъ 6-ти до 13-ти лѣтъ 12 совсѣмъ не получаютъ никакого школьнаго воспитанія, 69 получаютъ его въ очень недостаточной степени и только 19 учатся какъ слѣдуетъ. Это подтверждается и на рекрутахъ. Изъ 12.280 молодыхъ людей призыва 1901 года 1.610 не умѣли ни читать, ни писать, 709 умѣли только читать и лишь 1.452 знали немного больше простой грамоты и имѣли познанія въ ариѳметикѣ. Однимъ словомъ, 18 проц. были совсѣмъ невѣжественны и только 12 проц. обладали кое-какими знаніями. Учительскій персоналъ также оставляетъ желать очень многаго. Несомнѣнно, что уровень развитія клерикальныхъ учителей очень низокъ. Клерикальныя семинаріи выпускаютъ очень большое количество учителей и скоро наполняютъ ими всѣ школы. Изъ 4.664 учителей 1.600 не имѣютъ никакого диплома. Преподаваніе въ школахъ поставлено очень низко, и цѣли, которыя оно преслѣдуетъ, съ достаточной ясностью выражены въ слѣдующихъ цитатахъ, взятыхъ изъ школьныхъ тетрадей и прочитанныхъ въ палатѣ однимъ изъ депутатовъ: «Принципы современнаго либерализма противны человѣческому разуму». «Принцы либерализма безбожны, потому что они проповѣдуютъ равенство религій и религіозную терпимость. Это атеизмъ, старающійся устранить вліяніе истинной религіи на бюргерское правительство». Учениковъ не только заставляютъ списывать въ тетради такого рода цитаты, но и заучивать ихъ наизусть, возбуждая въ нихъ религіозную нетерпимость и фанатизмъ. Клерикалы до сихъ поръ и слышать не хотятъ объ обязательной школьной повинности. Въ палатѣ они открыто высказываются противъ обязательнаго школьнаго обученія и поэтому, пока они будутъ находиться у власти, до тѣхъ поръ нечего и помышлять о какихъ-либо перемѣнахъ къ лучшему въ этомъ отношеніи. Министръ внутреннихъ дѣлъ оправдывался тѣмъ, что и въ другихъ государствахъ есть неграмотные. Въ отвѣтъ на это депутатъ Вандервельдъ представилъ ему слѣдующій списокъ: на тысячу рекрутъ приходится неграмотныхъ: въ Германіи—0,7; въ Швеціи—0,8; Даніи—2; Швейцаріи—20; Голландіи—23; Англіи (включая Ирландію)—37; Франціи—46; Бельгіи—101; Италіи—338 и Россіи—617. Вандервельдъ обратилъ вниманіе на то, что во главѣ списка стоятъ протестантскія страны, которыя даютъ наименьшій процентъ неграмотныхъ, затѣмъ идутъ католическія, старающіяся освободиться изъ-подъ вліянія клерикаловъ. Кромѣ того, Вандервельдъ указалъ, что и въ отдѣльныхъ странахъ клерикальные и антиклерикальные слои населенія взаимно

отличаются и въ клерикально-фламандской части Бельгіи число неграмотныхъ гораздо больше, нежели въ либерально-валлонской, совершенно также, какъ и въ Швейцаріи, гдѣ въ католическихъ кантонахъ просвѣщеніе находится гораздо болѣе позади, нежели въ протестантскихъ кантонахъ. Эти цифры, конечно, очень убѣдительны и противники клерикальной школьной политики надѣются, что они произведутъ должное впечатлѣніе на избирателей и общественное мнѣніе страны.

Дѣло Дрейфуса въ послѣдней стадіи. Когда-то столь сильно волновавшее умы во Франціи и за границей дѣло Дрейфуса снова выплываетъ на поверхность, но теперь оно, повидимому, не вызываетъ больше ни волненій, ни горячихъ споровъ, ни взрыва страстей. Очевидно уже время его миновало. Но между тѣмъ, то, что теперь обнаруживается въ этомъ дѣлѣ, представляетъ огромный интересъ въ нравственномъ, соціальномъ и юридическомъ отношеніяхъ. Газеты ограничиваются, однако, только приведеніемъ голыхъ фактовъ и между ними уже не завязывается болѣе никакихъ горячихъ споровъ, касающихся виновности или невиновности Дрейфуса. Впрочемъ, относительно послѣдняго пункта не остается болѣе никакихъ сомнѣній. Докладчикъ кассаціоннаго суда Бойе, генеральный прокуроръ Бодуэнъ и адвокатъ Дрейфуса, Морнаръ, занялись необыкновенно тщательнымъ изслѣдованіемъ всѣхъ уликъ и доказательствъ вины Дрейфуса, и вотъ Бодуэнъ въ очень горячей и убѣдительной рѣчи заявилъ, что, пересмотрѣвъ всѣ самыя мельчайшія подробности дѣла, онъ не открылъ ничего такого, что давало бы право говорить о виновности Дрейфуса. Онъ сказалъ, что приступилъ къ пересмотру дѣла, питая все-таки увѣренность, что тутъ не могло быть судебной ошибки, но чѣмъ больше изучалъ его, тѣмъ болѣе колебалась его увѣренность, улики и доказательства теряли свое значеніе, расшатывались и тѣмъ сильнѣе укрѣплялось въ немъ страшное подозрѣніе и являлась мысль, что ни одинъ человѣкъ, находясь на военной службѣ, не можетъ быть гарантированъ отъ того, что онъ не очутится въ положеніи Дрейфуса, на Чортовомъ островѣ, если только судебное слѣдствіе будетъ вестись такимъ же точно образомъ, какъ его вели относительно Дрейфуса. Бодуэнъ откровенно заявляетъ, что когда онъ пересмотрѣлъ всѣ жалкіе документы, составлявшіе секретное досье, на которомъ основывалось все обвиненіе, то его обуялъ ужасъ при мысли, что человѣкъ могъ быть осужденъ на такихъ шаткихъ основаніяхъ. Но въ особенности Бодуэна поразило сплетеніе всевозможныхъ интригъ, лжесвидѣтельствъ и настоящихъ подлоговъ, которые понадобились для того, чтобы оправдать приговоръ надъ Дрейфусомъ. Даже такія лица, какъ генералы Гонзъ, Мерсье и Буадефръ не гнушались подобными средствами, только бы добиться осужденія Дрейфуса реннскимъ судомъ. Мерсье и Буадефръ давали даже завѣдомо ложныя показанія на судѣ относительно записки Шварцкоппена, которую въ главномъ штабѣ помѣтили 1894 годомъ, съ цѣлью представить ее, какъ неотразимое доказательство вины Дрейфуса, тогда какъ она была перехвачена въ 1898 году, слѣдовательно, въ то время, когда Дрейфусъ уже находился на Чортовомъ островѣ, и слѣдовательно эта

записка никакимъ образомъ не могла къ нему относиться. Кромѣ того раскрылись и другія продѣлки лицъ, заинтересованныхъ въ осужденіи Дрейфуса. Генералъ Гонзъ, какъ оказывается, собственноручно участвовалъ въ фабрикаціи подложнаго документа. Дѣло въ томъ, что обвинители Дрейфуса ссылались на подавляющія показанія какого-то высокопоставленнаго дипломата, друга Франціи. Этимъ другомъ Франціи оказался никто иной, какъ нѣкій маркизъ Валькарлосъ, аташе испанскаго посольства, на самомъ дѣлѣ исполнявшій для военнаго министерства обязанности простого сыщика и получавшій за свои услуги 400 фр. въ мѣсяцъ. Жалованье это заносилось въ приходо-расходную книгу, на имя Валькарлоса, но во время разбирательства процесса главный штабъ испугался, какъ бы не обнаружилась истинная роль этого господина, и тогда свидѣтельство его противъ Дрейфуса, разумѣется, должно было бы потерять всякую цѣну. Поэтому, съ согласія Гонза, рѣшено было переписать заново приходо-расходную книгу, замѣнивъ имя Валькарлоса разными другими именами и дѣло это было поручено Грибелену, а Гонзъ, чтобы придать подложной книгѣ больше достовѣрности, ставилъ въ ней свою визу въ концѣ каждаго мѣсяца. Теперь эта продѣлка обнаружена. Такимъ образомъ оказывается, что директоръ важнаго и самаго отвѣтственнаго и конфиденціальнаго отдѣленія генеральнаго штаба прибѣгалъ къ подлогу, чтобы обмануть правосудіе. «Это невѣроятное, неслыханное дѣло!—восклицаетъ Бодуэнъ.—Новый пересмотръ дѣла Дрейфуса становится уже слѣдствіемъ не надъ нимъ, а надъ Гонзомъ, Мерсье и ихъ приспѣшниками». «Правда, всѣ подлоги и лжесвидѣтельства по дѣлу Дрейфуса прикрываются интересами арміи, но необходимо вывести на свѣжую воду всѣ эти продѣлки. Дѣло должно принять окончательный характеръ и полумѣрами ограничиваться уже нельзя».

На этотъ разъ общественное мнѣніе Франціи спокойно ожидаетъ дальнѣйшаго развитія дѣла и только одни націоналисты шумятъ. Но очевидность настолько уже бросается въ глаза, что никакія ихъ инсинуаціи не въ состояніи остановить ходъ правосудія. Кассаціонный судъ абсолютно ни отъ кого не зависитъ и не побоится, какъ видно, представить доказательства, что измѣна, приписываемая Дрейфусу, въ дѣйствительности были произведена Гонзомъ, Мерсье, Анри и Эстергази, которые и совершили подлогъ. Замѣчательно, что несмотря на всѣ усиліи скрыть истину, она все-таки обнаружилась, благодаря упорству, съ которымъ общественное мнѣніе Франціи настаивало на ея раскрытіи. Одинъ изъ журналистовъ справедливо замѣтилъ, что дѣло Дрейфуса заключаетъ въ себѣ «безславіе и славу Франціи»—славу потому, что оно доказало силу общественнаго мнѣнія и печатнаго слова въ странѣ, передъ которыми оказались безплодны всѣ попытки сильныхъ міра сего потушить это дѣло.

Дорого стоющія телеграммы. Если въ обыкновенное время суммы, которыя тратятъ большія европейскія и американскія газеты на телеграммы, достигаютъ значительныхъ размѣровъ, то при исключительныхъ обсто-

ятельствахъ, напр., во время войны, цифра расходовъ на телеграфныя сообщенія повышается очень сильно. Публика желаетъ быть немедленно освѣдомленной обо всѣхъ событіяхъ, совершающихся даже въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ земного шара, и поэтому газеты, желающія быть на уровнѣ современныхъ требованій, понуждаются къ подобнымъ расходамъ.

Обычай пользоваться подводнымъ телеграфнымъ кабелемъ возникъ съ 1858 года, когда былъ проложенъ кабель черезъ Атлантическій океанъ. Но еще раньше большія англійскія газеты «Times» и др. пользовались телеграфомъ, чтобы получить сообщенія о важныхъ событіяхъ на континентѣ. Эти телеграммы были, впрочемъ, всегда очень краткаго содержанія и подвергались тщательной переработкѣ и дополненіямъ въ редакціяхъ. Первая телеграмма, которую можно уже причислить къ дорого стоющимъ, была послана королевою Викторіей президенту Соединенныхъ Штатовъ, когда былъ проложенъ кабель. Эта телеграмма заключала въ себѣ поздравленіе и стоила 500 фунтовъ стерлинговъ. Президентъ отвѣчалъ на нее такою же дорого стоющей телеграммой. Послѣ того кабель была предоставленъ въ распоряженіе публики, но отправка каблеграммъ все-таки стоила очень дорого: десять словъ—20 ф. стерлинговъ. Затѣмъ плата постепенно стала уменьшаться, сначала 10, потомъ пять и наконецъ, долгое время она держалась на одномъ фунтѣ. Въ настоящее же время за каблеграмму въ Англіи уплачивается по одному шиллингу за слово, такъ что телеграмма въ десять словъ стоитъ уже наполовину дешевле.

Большія американскія газеты широко пользуются кабелемъ и не скупятся на расходы. Въ шестидесятыхъ годахъ владѣлецъ газеты «Newyork Herald» Гордоннъ Беннеттъ уплатилъ тысячу фунтовъ за телеграмму, сообщавшую подробности одного состязанія между двумя знаменитыми борцами, и притомъ общество подводнаго телеграфа въ виду необычайной длины телеграммы сдѣлало сбавку съ обыкновенной цѣны. Это была первая американская газета начавшая пользоваться въ широкихъ размѣрахъ трансатлантическимъ телеграфомъ для полученія телеграфныхъ корреспонденцій изъ разныхъ мѣстъ. Послѣ битвы при Кениггрецѣ газета заплатила семь тысячъ долларовъ золотомъ за телеграмму, въ которой заключалось подробное описаніе битвы и дословная передача приказа войскамъ короля Вильгельма.

Лѣтъ тридцать тому назадъ произошло страшное изверженіе вулкана въ Новой Зеландіи и «Times» тотчасъ же обратился по телеграфу къ редакціи наиболѣе значительной газеты въ Аукледѣ, прося телеграфировать самое подробное описаніе катастрофы и предоставляя въ распоряженіе новозеландской газеты восемь тысячъ фунтовъ на расходы по отправкѣ телеграммъ.

Во время зулусской и бурской войнъ лондонскія газеты затратили также громадныя суммы на телеграммы. Корреспондентъ газеты «Standard» прислалъ по телеграфу описаніе битвы при Мэдэрюбѣ и за эту телеграмму газета уплатила 800 фунтовъ стерлинговъ. Конечно, и за тѣ телеграфныя сообщенія, которыя появлялись въ лондонскихъ газетахъ во время суданской войны, были уплочены не меньшія суммы.

Когда въ 1881 году произошло въ Соединенныхъ Штатахъ покушеніе на жизнь президента Гарфильда, то всѣ лондонскія газеты немедленно потребовали отъ своихъ корреспондентовъ самыхъ подробныхъ сообщеній объ этомъ событіи и рекордъ былъ побитъ газетою «Standard», тотчасъ же напечатавшей длинную телеграмму въ шесть столбцовъ съ описаніемъ всѣхъ подробностей, присланную однимъ американскимъ журналистомъ. За эту телеграмму газета уплатила 1.000 ф. ст. Какъ извѣстно, несчастный Гарфильдъ въ теченіе одиннадцати недѣль боролся со смертью и въ теченіи всего этого времени лондонскія газеты получали ежедневно подробныя сообщенія о его состояніи и обо всемъ, что происходило въ Соединенныхъ Штатахъ.

Но не однѣ только газеты тратятъ такія большія деньги на каблеграммы. Очень много расходуется на это посланниками и консулами всѣхъ странъ. Въ 1867 году, напр., происходили очень важныя дипломатическіе переговоры между Франціей и Соединенными Штатами и обѣ державы обмѣнялись многочисленными каблеграммами. Одна изъ такихъ депешъ заключала въ себѣ четыре тысячи словъ и по тогдашней цѣнѣ, 10 шиллинговъ за слово, обошлась конечно, очень дорого. На передачу ея понадобилось четыре часа времени, такъ какъ по кабелю нельзя передать больше десяти словъ въ минуту. Всякаго рода осложненія, смуты, возникающіе въ разныхъ мѣстахъ земного шара, стихійныя катастрофы и т. п. все это вызываетъ усиленное пользованіе кабелями и большія затраты какъ со стороны редакцій, такъ и правительствъ, потому что огромное большинство кабелей проложены частными кампаніями и правительственныхъ линій очень немного.

Когда въ Лондонѣ появился романъ лорда Биконсфильда «Лотаръ», то извѣстная издательская фирма «Harpers and'C°» въ Нью-Іоркѣ, купившая право на изданіе этой книги и желавшая какъ можно скорѣе ее выпустить, т.-е. раньше, чѣмъ въ Нью-Іоркѣ появится лондонское изданіе, обратилась съ просьбою протелеграфировать ей романъ отъ перваго до послѣдняго слова, но когда сдѣланъ былъ разсчетъ, то оказалось, что издателю пришлось бы заплатить за такую телеграмму не болѣе, не менѣе какъ 175.000 долларовъ. Онъ подумалъ, подумалъ и... отказался отъ такого грандіознаго плана.

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Ницще и его болѣзнь.—Защита американскихъ женщинъ.—Абиссинскій способъ открытія преступленій.

Французскій психіатръ д-ръ Мишо печатаетъ въ журналѣ «Clinique générale de chirurgie» очень интересный очеркъ, въ которомъ тщательно изучаетъ всѣ мельчайшія подробности болѣзни Ницше и отыскиваетъ аналогію между его психологіей и психологіей человѣка, страдающаго прогрессивнымъ параличемъ. Критики, писавшіе о Ницше, далеко не согласны между собою насчетъ

*

времени, когда обнаружились у него первые признаки ужасной болѣзни, унесшей его въ могилу. По мнѣнію однихъ, напримѣръ, Мёбіуса и Макса Нордау, Ницше всю свою жизнь былъ психически больнымъ, другіе же находятъ, что всѣ произведенія Ницше были продуктами вполнѣ здороваго ума. Друзья и почитатели философа увѣряютъ, что умственныя потемки наступили у него только послѣ апоплексическаго приступа, который былъ у него въ 1888 г., послѣ этого Ницше уже болѣе не творилъ ничего. Д-ръ Мишо находитъ эти оба мнѣнія крайними и стоитъ какъ разъ посрединѣ. По его мнѣнію, болѣзнь начала свое разрушительное дѣло въ 1881 году, когда Ницше писалъ «Morgenröte». Его произведенія «Geburt der Tragädie aus dem Geiste der Musik» и «Unzeitgemässen Betrachtungen», хотя и носитъ на себѣ отпечатокъ истеричности и разстроенныхъ нервовъ, но все же это сочиненія, написанныя человѣкомъ, владѣющимъ всѣми своими умственными способностями. Только послѣ опубликованія этихъ двухъ произведеній у Ницше появились первые признаки прогрессивнаго паралича. Съ этого момента мозгъ его уже не функціонировалъ нормально. Къ числу признаковъ болѣзни д-ръ Мишо присоединяетъ то, что Ницше уже больше не старается согласовать свои мысли со взглядами своихъ знаменитыхъ предшественниковъ и излагаетъ ихъ безъ всякой преимственной связи и затѣмъ, что онъ выражается только афоризмами, такъ что всѣ его дальнѣйшія творенія уже не представляютъ логическаго цѣлаго, а кучу нанизанныхъ другъ на друга, безъ всякаго плана, идей. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше онъ начинаетъ повторяться, тѣмъ чаще у него встрѣчаются противорѣчія и онъ словно вертится въ какомъ-то заколдованномъ кругу мыслей, постоянно прибѣгая къ краткимъ, сухимъ изреченіямъ. Въ этомъ д-ръ Мишо видитъ признаки наступающей амнезіи и сходство съ безпорядочными рѣчами паралитиковъ. Затѣмъ, безчисленныя новыя слова, постоянно изобрѣтаемыя Ницше, являются, по мнѣнію д-ра Мишо, указаніемъ на наступающее ослабленіе памяти. Это особая форма слабости памяти: Ницше не можетъ отыскать подходящихъ словъ для выраженія своихъ мыслей и поэтому придумываетъ новыя слова, причемъ онъ выбираетъ слова, не столько руководствуясь ихъ смысломъ, сколько ихъ созвучіемъ. Послѣ «Morgenröte», Ницше становится необыкновенно продуктивнымъ; Заратустра и «Fröliche Wissenschaft» были изданы имъ почти одновременно. Онъ написалъ три первыя части Заратустры въ десять дней и закончилъ это произведеніе въ промежутокъ времени между ноябремъ 1881 г. и январемъ 1882 года, притомъ постоянно переѣзжая съ мѣста на мѣсто. Втеченіе своего профессорства, Ницше сравнительно мало написалъ и страсть къ писательству у него внезапно вспыхнула тогда, когда онъ вдругъ бросилъ избранную имъ самимъ профессію, однимъ словомъ, въ тотъ моментъ, когда онъ становится больнымъ и отправляется путешествовать ради поправленія здоровья. Психіатрамъ приходилось не разъ наблюдать у паралитиковъ такое внезапное проявленіе мозговой энергіи; больной, бывшій до того времени апатичнымъ и пассивнымъ, вдругъ становится дѣятельнымъ, совершаетъ значительныя работы и пускается въ такія спекуляціи, на которыя онъ бы никогда не рѣшился въ нормальномъ состояніи. Съ Ницше наб-

людается аналогичное явленіе; имъ овладѣваетъ лихорадочная потребность работать и онъ пишетъ необыкновенно скоро и легко. Потребность переѣзжать съ мѣста на мѣсто, также какъ неудержимая страсть писать и писать, представляетъ уже достаточно ясно выраженный симптомъ болѣзни. Но д-ръ Мишо и въ произведеніяхъ Ницше находитъ нѣкоторые характерные симптомы, напримѣръ, гипохондріи и главнымъ образомъ манію величія. Гипохондрія обнаруживается, впрочемъ, въ позднѣйшихъ произведеніяхъ, но манія величія проявляется уже въ «Morgenröte» и достигаетъ высшей точки въ Заратустрѣ. Заратустра, говорилъ Мишо, — сверхчеловѣкъ, это самъ Ницше и въ этой теоріи «сверхчеловѣковъ» слѣдуетъ видѣть особенную форму мегаломаніи. Такимъ образомъ, согласно д-ру Мишо, всѣ произведенія, появившіяся вслѣдъ за «Morgenröte», уже написаны Ницше въ болѣзненномъ состояніи и въ этомъ состояніи между его психологіей и психологіей паралитиковъ существуетъ много сходства.

Англійскій журналъ «The Ninetenth Century» помѣщаетъ статью, авторъ которой доказываетъ вредное вліяніе американскаго воспитанія на женщинъ и рѣзко критикуетъ американокъ. По его словамъ, американки вовсе не представляютъ высшаго типа и въ сущности это созданія, подверженныя дегенераціи. Авторъ оплакиваетъ судьбу американскихъ мужчинъ и говоритъ, что условія американской жизни носятъ совершенно противоестественный, декадентскій характеръ, такъ какъ мужчина, вмѣсто того, чтобы быть главой семьи и женщины, становится ея рабомъ. Онъ горячо нападаетъ на американокъ, на ихъ страсть къ роскоши, къ внѣшнему блеску, на полное отсутствіе у нихъ семейныхъ добродѣтелей и т. д., и т. д., но всѣ эти нападки англійскаго журналиста только подтверждаютъ подозрѣніе, что онъ въ дѣйствительности знакомъ только съ богатыми американскими наслѣдницами, пріѣзжающими въ Европу въ поискахъ за блестящими партіями и громкими титулами, или женами американскихъ богачей, проводящими сезонъ въ Лондонѣ, Парижѣ и на Ривьерѣ. Авторъ впадаетъ въ ошибку многихъ европейскихъ писателей, которые составляютъ свое сужденіе объ американскомъ обществѣ по масштабу космополитическаго и совершенно не американскаго нью-іорскаго общества. Типичныхъ американокъ, конечно, слѣдуетъ искать въ образованномъ среднемъ кругу. Но для этихъ послѣднихъ поѣздка въ Европу большею частью бываетъ невозможна. Въ защиту американскихъ женщинъ выступаетъ одинъ нѣмецкій журалистъ, долго прожившій въ Америкѣ. Въ противоположность англійскому журналисту, нѣмецкій журналистъ говоритъ, что настоящихъ американокъ, пожалуй, слѣдовало бы назвать самыми здоровымъ и въ интеллектуальномъ и физическомъ отношеніи женщинами и притомъ самыми простыми и естественными. Американка посѣщаетъ такія же школы, какъ и мужчины, и такъ какъ въ американскихъ школахъ не только развиваютъ умъ, но и тѣло, то женщина становится равной мужчинѣ какъ въ интеллектуальномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи. До самаго поступленія въ

университетъ американка принимаетъ участіе во всѣхъ видахъ спорта, которыми занимаются ея сверстники въ школахъ. Случается, что она становится невѣстой одного изъ всѣхъ своихъ коллегъ по ученію, но это не мѣшаетъ ея занятіямъ; она получаетъ такой же дипломъ, какъ и онъ, и можетъ принимать участіе во всѣхъ его работахъ, если это нужно. Но гораздо чаще она исключительно посвящаетъ себя своему домашнему очагу и воспитанію дѣтей. У американки средняго круга, не владѣющей милліонами, очень много дѣла въ домѣ, такъ какъ въ Америкѣ очень трудно достать прислугу и стоитъ она втрое дороже, чѣмъ въ Европѣ. Ученая степень, однако, не мѣшаетъ американкѣ заниматься хозяйствомъ и исполнять всѣ домашнія работы; она не считаетъ это для себя унизительнымъ. Дѣти всегда находятся при ней, въ обществѣ взрослыхъ, и въ Америкѣ нѣтъ обычая, существующаго въ Англіи, держать дѣтей въ дѣтской до извѣстнаго возраста. Американская дѣвочка выростаетъ на такой же свободѣ, какъ и мальчикъ, и такъ какъ она привыкаетъ къ независимости, къ самостоятельности, къ товарищескимъ отношеніямъ съ мальчиками, то, становясь взрослою дѣвушкой, не смотритъ на бракъ, какъ на единственную цѣль жизни; зато и американскія матери не бываютъ озабочены судьбою своихъ незамужнихъ дочерей. Американка выходитъ замужъ, въ большинствѣ случаевъ, по склонности, она съ дѣтскихъ лѣтъ изучила характеръ мужчины, и поэтому американскіе браки, въ общемъ, бываютъ счастливѣе европейскихъ и мужъ уважаетъ свою жену, какъ равное существо, а не смотритъ на нее сверху внизъ, снисходя къ ея слабостямъ, какъ это часто наблюдается въ Европѣ. Что же касается разводовъ, на которые указываютъ въ Европѣ, какъ на доказательство легкомысленности американокъ и непрочности американскихъ браковъ, то они, по мнѣнію нѣмецкаго журналиста, доказываютъ какъ разъ обратное, т.-е., что ни мужчина, ни женщина въ Америкѣ не находятся въ положеніи рабовъ и не считаютъ нужнымъ влачить цѣпи, которыя ихъ тяготятъ, и поддерживать союзъ, потерявшій всякій смыслъ. Нѣмецкій журналистъ считаетъ американцевъ болѣе нравственными, нежели какой бы то ни было другой народъ на свѣтѣ, и объясняетъ это именно тѣмъ, что женщины въ Америкѣ стоятъ на одинаковомъ уровнѣ съ мужчинами, и американцы справедливо гордятся своими женщинами, которыя, по ихъ мнѣнію, всего болѣе приближаются къ идеалу интеллигентнаго, здороваго, сильнаго и въ то же время истинно естественнаго существа, твердо стоящаго на своихъ ногахъ и сознательно пользующихся своими правами. Американка наслѣдовала эти права, какъ нѣчто вполнѣ естественное, и ей не надо вести изъ за нихъ борьбу и добиваться ихъ постепенно, какъ, напр., германскимъ женщинамъ, которыя находятся теперь въ переходной стадіи и, не чувствуя твердой почвы подъ своими ногами, легко впадаютъ въ крайности. Къ сожалѣнію, германская широкая публика не понимаетъ этого, смѣется надъ женскимъ движеніемъ, надъ его подчасъ уродливыми проявленіями и не хочетъ видѣть въ немъ переходной ступени и возвышеннаго стремленія женщинъ завоевать себѣ человѣческія права.

По словамъ швейцарскаго инженера Ильга, состоящаго при дворѣ Менелика, гипнотизмъ играетъ очень важную роль въ Абиссиніи при производствѣ судебнаго слѣдствія. Ильгъ разсказываетъ, какъ сообщаетъ «Revue», что для этой цѣли спеціально дрессируются дѣти, лѣтъ десяти, которыхъ называютъ «лабаша». Этихъ дѣтей гипнотизируютъ и внушаютъ имъ, что они должны открыть, гдѣ укрывается тотъ или другой преступникъ, котораго разыскиваетъ правосудіе. Такого рода розыски, какъ увѣряетъ Ильгъ, большею частью бываютъ успѣшны. Недавно такимъ образомъ былъ открытъ одинъ поджигатель въ Аддисъ Абебѣ. Полиція долго напрасно разыскивала его. Наконецъ, прибѣгли къ «лабашѣ». Загипнотизированный ребенокъ сначала долго бродилъ по улицамъ, потомъ вдругъ взялъ за руку одного рабочаго, копавшаго землю. Тотъ былъ такъ напуганъ неожиданностью, что тотчасъ же во всемъ сознался. Въ другой разъ маленькій «лабаша» такъ же открылъ опаснаго убійцу. Эти факты подтверждаются и научными журналами. Между прочимъ во французской медицинской газетѣ сообщается аналогичный случай примѣненія абиссинскаго метода открытія преступниковъ во Франціи: одинъ французскій судья прибѣгнулъ къ этому способу для того, чтобы вырвать признаніе у обвиняемаго въ преступленіи въ Пембёфѣ. Французская печать, однако, очень осуждаетъ такой способъ открытія преступленій, приравнивая его къ средневѣковымъ методамъ, и вообще предостерегаетъ отъ излишняго увлеченія «абиссинскими методами», не совсѣмъ пригодными для цивилизованной страны. Въ научныхъ же журналахъ высказываютъ мнѣніе, что факты, передаваемые Ильгомъ, требуютъ научной провѣрки и что гипнотизмъ, какъ пособіе слѣдствія, можетъ быть допустимъ только въ строгонаучной обстановкѣ.

НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

О туберкулезѣ. Успѣхи эмбріологіи.

I.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ теорія, признающая тожественность туберкулеза человѣка и млекопитающихъ, была, казалось, одной изъ неоспоримыхъ научныхъ истинъ со времени первыхъ опытовъ Вильэмана и затѣмъ работъ Шово, Герлаха, Боллингера и др., доказавшихъ, что туберкулезъ человѣка можетъ быть передаваемъ рогатому скоту. Но, какъ извѣстно уже читателямъ нашего журнала *), въ 1901 г. Робертъ Кохъ на лондонскомъ медицинскомъ конгрессѣ заявилъ, что туберкулезъ человѣка отличенъ отъ туберкулеза рогатаго скота и не можетъ быть передаваемъ этимъ животнымъ; передача же туберкулеза рогатаго скота человѣку явленіе настолько рѣдкое, что не стоитъ противъ него принимать какія бы то ни было санитарныя мѣры. Къ такому заключенію привели Коха опыты его въ сотрудничествѣ съ Шютцомъ надъ 34 животными (телятами, баранами и свиньями), которымъ былъ привитъ туберкулезъ человѣка; 30 изъ нихъ остались совершенно здоровыми, 4-же дали сомнительный результатъ. Съ другой стороны, всѣ животныя, которымъ былъ привитъ туберкулезъ рогатаго скота, оказались пораженными общимъ туберкулезомъ въ тяжелой формѣ. Всѣ эти факты подтверждали старые опыты Пютца въ Германіи (1893 г.), Смита и другихъ въ Америкѣ (1898—1899 гг.), и, казалось, говорили, что ни телята, ни овцы, ни свиньи нечувствительны къ туберкулезной бациллѣ человѣка, тогда какъ такія же бациллы быка вызываютъ у нихъ крайне сильное зараженіе.

Но, если обратить вниманіе на упомянутые выше 4 случая съ сомнительнымъ результатомъ, среди которыхъ одинъ сопровождался положительными признаками мѣстнаго туберкулеза, то было бы вѣрнѣй, какъ то замѣчали нѣкоторые ученые, заключить изъ опытовъ Коха и Шютца только о сильной ядовитости туберкулезныхъ бациллъ быка и слабой ядовитости таковыхъ же бациллъ человѣка по отношенію къ животнымъ, подвергшимся опыту. Практическіе выводы Коха встрѣтили страшную оппозицію еще на лондонскомъ конгрессѣ и явились затѣмъ отправной точкой цѣлаго ряда контрольныхъ опытовъ

*) „М. Б.“ 1901 г. Научный обзоръ. Борьба съ туберкулезомъ. Октябрь.

во всѣхъ странахъ въ теченіе болѣе 2-хъ лѣтъ. Результаты, къ которымъ они привели, Д'Эспинъ резюмируетъ слѣдующимъ образомъ («Archives des Sciences physiques et naturelles de Genève»). Если вѣрить опытамъ Іонга (Iong изъ Лейдена), что туберкулезъ быка, привитый рогатому скоту, вызываетъ болѣе острую форму заболѣванія и болѣе тяжелое теченіе, чѣмъ прививка туберкулеза человѣка тѣмъ же животнымъ, то нельзя сомнѣваться въ томъ, что туберкулезъ человѣка можно привить всѣмъ животнымъ — быкамъ, баранамъ, козамъ, обезьянамъ, собакамъ при условіи впрыскиванія туберкулезныхъ бациллъ въ вену и притомъ въ значительныхъ дозахъ.

Изъ опытовъ многихъ ученыхъ, говоритъ Д'Эспинъ, несомнѣнно, что различныя поколѣнія туберкулезныхъ бациллъ человѣка различны и по своей ядовитости; этимъ можно объяснить и упомянутые выше противорѣчивые результаты опытовъ. Вообще же туберкулезная бацилла быка является, по мнѣнію Беринга, наиболѣе ядовитой изъ всѣхъ туберкулезныхъ бациллъ, взятыхъ отъ другихъ животныхъ и человѣка въ томъ числѣ. Такъ, прививка туберкулеза *человѣка* большимъ животнымъ дала 56 отрицательныхъ результатовъ на 171 животное; аналогичные же опыты съ туберкулезными бациллами *быка* дали всего 7 отрицательныхъ результатовъ на 106 животныхъ, взятыхъ для опыта.

Второе положеніе Коха о непередаваемости туберкулеза быка человѣку также опровергнуто, и большинство ученыхъ утверждаетъ теперь, что въ виду необычайной ядовитости бациллы бычьяго туберкулеза онъ представляетъ страшную опасность зараженія, въ особенности для дѣтей.

Все это доказывается, во-первыхъ, опытами, такъ сказать не прямыми, надъ человѣкоподобными обезьянами, которымъ былъ привитъ съ успѣхомъ туберкулезъ быка Грюнбаумомъ, Нокаромъ, Равенелемъ, Гратіа, Циполино и другими. Циполино удалось даже заразить обезьяну туберкулезомъ, давая ей коровье молоко, содержащее бациллы; у этой обезьяны развился общій туберкулезъ, безъ кишечныхъ пораженій. Случайныя прививки туберкулеза быка человѣку на кожѣ или въ подкожную клѣтчатку представляютъ второй рядъ доказательствъ противъ положенія Коха. Сюда относятся всѣ тѣ случайные уколы и царапины мясниковъ и ветеринаровъ при вскрытіи больныхъ животныхъ, уколы, послѣдствіемъ которыхъ являются мѣстныя туберкулезныя пораженія; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ поражались, кромѣ того, сухожилія и лимфатическія железы. Къ этой же категоріи непосредственнаго зараженія относится и извѣстный случай Гарно, который сознательно самъ себѣ привилъ туберкулезъ быка. Констатированы также случаи смерти отъ туберкулеза легкихъ, развившагося благодаря зараженію черезъ кожу.

Ученые, считающіе туберкулезъ человѣка отличнымъ отъ туберкулеза рогатаго скота, считаютъ доказательствомъ въ свою пользу «доброкачественность», въ большинствѣ случаевъ, у человѣка зараженій черезъ кожу; но на это противники имъ возражаютъ, что и у рогатаго скота зараженія черезъ кожу рѣдко ведутъ къ общему зараженію, обыкновенно же ограничиваются также, какъ и у человѣка, мѣстными пораженіями.

Наконецъ, существуетъ третій рядъ фактовъ, доказывающихъ передаваемость туберкулеза животныхъ человѣку—это зараженія черезъ пищеварительные органы. Кохъ не вѣритъ въ возможность зараженія черезъ пищеварительные органы, такъ какъ, по его мнѣнію, нельзя утверждать, что въ каждомъ данномъ случаѣ совершенно исключена возможность зараженія отъ человѣка.

Но существуетъ много наблюденій, которыя говорятъ противъ мнѣнія Коха. Таково, напр., наблюденіе Hills'а: «Ребенокъ 21-й недѣли, котораго кормили втеченіе недѣли молокомъ туберкулезной коровы, умеръ черезъ 3 мѣсяца послѣ этого отъ туберкулеза кишекъ. Другой же ребенокъ, въ той же семьѣ, котораго кормили стериллизованнымъ молокомъ, остался живъ». Hills считаетъ, что въ данномъ случаѣ всякій другой путь зараженія можно совершенно исключить.

Анатомо-патологическія изслѣдованія подтверждаютъ клиническія наблюденія. Преобладаніе туберкулеза кишекъ въ раннемъ дѣтствѣ—фактъ неоспоримый. Д'Эспинъ утверждаетъ, что его отецъ еще 60 лѣтъ тому назадъ доказалъ, что смертность отъ туберкулеза брюшныхъ органовъ достигаетъ своего максимума между 1 и 3-мя годами. Затѣмъ, нужно сказать, что не такъ ужъ рѣдки случаи кишечнаго туберкулеза, находимаго при вскрытіяхъ, какъ говорятъ сторонники Коха. Статистика послѣдняго времени болѣе богата такими случаями, такъ какъ теперь, вслѣдствіе интереса, возбужденнаго данной полемикой, обращаютъ особое вниманіе на эту сторону вопроса. Такъ, Geil на 198 вскрытій туберкулезныхъ дѣтей находитъ у 11-ти первичный туберкулезъ кишекъ; въ серіи же предпринятой позже онъ находитъ уже 12 случаевъ на 90 вскрытій и объясняетъ это своимъ болѣе пристальнымъ изслѣдованіемъ кишечника. Геллеръ (въ Килѣ) въ своей работѣ, вышедшей въ 1903 г., говоритъ о 5 случаяхъ первичнаго туберкулеза кишекъ и брыжжеичныхъ железъ на 11 вскрытій дѣтскихъ труповъ между 1 и 15-ю годами.

Фибигеръ въ своемъ докладѣ брюссельскому конгрессу по гигіенѣ говоритъ о 4-хъ случаяхъ (изъ 24 вскрытій туберкулезныхъ вскрытій дѣтей) первичнаго туберкулеза кишекъ и брыжжеичныхъ железъ, несомнѣнно имъ констатированныхъ; легкія же были здоровы. Въ 2-хъ случаяхъ исторія болѣзни ясно показала зараженіе молокомъ. Такъ, напр., въ одномъ изъ нихъ ребенка кормили въ теченіе 4-хъ лѣтъ сырымъ молокомъ; родные его туберкулезомъ не страдали; ребенокъ же умеръ отъ туберкуленаго воспаленія брюшины, развившагося вслѣдствіе туберкулезныхъ язвъ кишечника. Въ той же семьѣ младшій братъ умершаго ребенка, никогда не пившій сырого молока, совершенно здоровъ.

Д'Эспинъ склоняется къ тому мнѣнію, что вообще число случаевъ первичныхъ туберкулезныхъ изъязвленій кишечника, находимыхъ при вскрытіяхъ, гораздо меньше дѣйствительнаго числа зараженій чрезъ кишечникъ. Теперь доказано, говоритъ онъ, что у молодыхъ субъектовъ эпителій слизистой оболочки кишечника гораздо хуже защищаетъ его отъ внѣдренія бациллъ, чѣмъ у взрослыхъ. Берингу удалось заразить туберкулезомъ молодыхъ морскихъ свинокъ, заставляя ихъ съѣдать туберкулезныя бациллы; слизистая же оболочка не представляла никакихъ мѣстныхъ пораженій. Можно, слѣдовательно, признать, что значительное число заболѣваній туберкулезомъ дѣтей нужно отнести къ зара-

женію черезъ кишечникъ, а не черезъ дыхательные пути, не смотря на то, что у такихъ дѣтей при вскрытіи были найдены туберкулезныя пораженія легкихъ или бронхіальныхъ железъ.

Фибигеръ и Іенсенъ заражали телятъ прививкой туберкулезныхъ брыжжеичныхъ железъ, взятыхъ отъ дѣтей, умершихъ отъ общаго туберкулеза, вслѣдствіе кормленія ихъ сырымъ молокомъ, причемъ ученые эти нашли, что въ данныхъ случаяхъ ядовитость туберкулезныхъ бациллъ человѣка была близка къ ядовитости туберкулезныхъ бациллъ быка.

По мнѣнію д'Эспина, среди туберкулезныхъ дѣтей отъ 1-го до 5-ти лѣтъ въ 20% туберкулезъ имѣетъ своей причиной кормленіе ихъ сырымъ молокомъ.

Если у скептиковъ послѣ всего вышеизложеннаго могутъ остаться нѣкоторыя сомнѣнія относительно полной тождественности туберкулезныхъ бациллъ человѣка и таковыхъ же рогатаго скота, то сомнѣнія эти, по словамъ д'Эспина, должны совершенно разсѣяться передъ данными, почерпнутыми изъ біологіи, которыя можно резюмировать въ слѣдующихъ 2-хъ положеніяхъ:

1) Дѣйствіе туберкулина тожественно, все равно происходитъ ли онъ отъ бациллъ человѣка, или же отъ туберкулезныхъ бациллъ рогатаго скота.

2) Возможность предохранить телятъ отъ туберкулеза вспрыскиваніемъ ослабленныхъ культуръ туберкулезныхъ бациллъ человѣка.

Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ о туберкулинѣ.

Туберкулинъ—это глицериновая вытяжка изъ культуръ туберкулезныхъ бациллъ. Нокаръ первый сталъ употреблять его какъ средство для опредѣленія туберкулеза *у рогатаго скота*; съ этой цѣлью пользуются обыкновенно туберкулиномъ, полученнымъ отъ туберкулезныхъ бациллъ *человѣка*.

Можно смѣло утверждать, что туберкулинъ, происходитъ ли онъ отъ бациллъ человѣка или отъ бациллъ рогатаго скота, вызываетъ однѣ и тѣ же специфическія реакціи у всѣхъ безъ различія туберкулезныхъ животныхъ и при всѣхъ формахъ туберкулеза.

Предохранительныя противотуберкулезныя прививки, употребляемыя Берингомъ съ успѣхомъ у молодого рогатаго скота, являются еще однимъ доказательствомъ тожества туберкулеза человѣка и рогатаго скота. Берингъ послѣ неудачныхъ попытокъ получить противотуберкулезную сыворотку изъ токсиновъ туберкулезныхъ бациллъ, изъ самихъ бациллъ и пр., остановился наконецъ на методѣ, который онъ назвалъ «дженнеризаціей». Методъ этотъ состоитъ «въ прививкѣ ядовитаго начала вызывающаго туберкулезъ, но сдѣланнаго безвреднымъ для индивидуумовъ, подвергаемыхъ иммунизаціи». Съ этой цѣлью Берингъ для иммунизаціи пользуется туберкулезными бациллами человѣка, которыя онъ въ теченіе 8 лѣтъ выдерживаетъ въ своей лабораторіи на искусственныхъ средахъ, не пропуская ни разу черезъ животный организмъ. Благодаря такому способу, ядовитость туберкулезныхъ бациллъ сильно ослабляется. Иммунизацію Берингъ производитъ въ два пріема.

Для 1-го вспрыскиванія онъ высушиваетъ при обыкновенной температурѣ въ безвоздушномъ пространствѣ культуру туберкулезныхъ бациллъ человѣка, выдержанныхъ въ лабораторіи, какъ это было сказано выше, и посѣянныхъ

на сывороткѣ. 0,004 миллиграмма такой высушенной культуры, разведенной 4-мя кубич. сантим. 1% соленой воды, Берингъ вспрыскиваетъ въ вену.

Второе вспрыскиваніе дѣлается Берингомъ черезъ мѣсяцъ послѣ перваго, но для него берется ужъ 0,01 сантиграм. *свѣжей*, не *высушенной* культуры.

Первое вспрыскиваніе не производитъ никакого дѣйствія на животныхъ здоровыхъ, у животныхъ же, страдающихъ какимъ бы то ни было туберкулезнымъ пораженіемъ, это вызываетъ реакцію въ видѣ сильной лихорадки.

Берингъ убѣдился, что эти вспрыскиванія, дѣлаемыя здоровымъ животнымъ *не старше 12-ти мѣсяцевъ*, совершенно безвредны и позволяютъ послѣ этого переносить вспрыскиванія въ дозахъ смертельныхъ для контрольныхъ животныхъ.

Съ цѣлью убѣдиться, смогутъ ли противостоять животныя, подвергнутыя опыту, естественному зараженію такъ же хорошо, какъ и искусственному, Берингъ помѣстилъ нѣсколько сотенъ такихъ животныхъ въ стойла, зараженныя туберкулезомъ, среди туберкулезныхъ животныхъ и продержалъ ихъ тамъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Опытъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ.

Съ тѣхъ поръ предохранительныя прививки Беринга съ успѣхомъ употреблялись въ Германіи, въ Австро-Венгріи, въ Швеціи, въ Россіи и требованія на матеріалъ для вспрыскиванія возросли настолько, что для приготовленія его былъ учрежденъ спеціальный институтъ (Зиберта и Цигенбайна въ Марбургѣ).

Теперь Берингъ занятъ изученіемъ возможности примѣнить предохранительныя прививки и къ человѣку. Конечно, тутъ не можетъ быть и рѣчи о вспрыскиваніи культуръ туберкулезныхъ бациллъ, какъ бы ослаблены онѣ ни были. Многіе опыты наводятъ на мысль, что молоко коровъ, сильно иммунизированныхъ противъ туберкулеза, содержитъ антитоксины противъ туберкулезнаго зараженія. Рѣчь, произнесенная Берингомъ на съѣздѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей въ Касселѣ (въ сентябрѣ, 1903 г.), подаетъ надежду, что будетъ найдено, наконецъ, средство, предохраняющее дѣтей отъ туберкулеза, уносящаго столько же жертвъ, сколько всѣ заразныя болѣзни, взятыя вмѣстѣ.

Во всякомъ случаѣ успѣхъ противотуберкулезныхъ прививокъ животнымъ является несомнѣнной научной истиной, доказывающей тождественность туберкулеза человѣка и рогатаго скота и опровергающей положенія, высказанныя Кохомъ на лондонскомъ конгрессѣ.

Брюссельскій конгрессъ (въ сентябрѣ 1903 г.), слѣдовательно, имѣлъ полное право требовать отъ всѣхъ государствъ принятія мѣръ противъ возможности зараженія человѣка отъ туберкулезныхъ животныхъ.

Здѣсь умѣстно будетъ сказать нѣсколько словъ о ядовитыхъ веществахъ, вырабатываемыхъ туберкулезной бациллой. Извѣстно, что эта бацилла дѣйствуетъ не только своимъ присутствіемъ въ томъ или другомъ органѣ, но и развитіемъ веществъ, чрезвычайно вредно вліяющихъ на данный организмъ. Яды эти дѣйствуютъ различнымъ образомъ, смотря по тому, находятся ли они въ непосредственномъ соприкосновеніи съ центральной нервной системой, съ клѣтчаткой или съ кровеносными сосудами. До сихъ поръ удалось открыть 2

рода ядовитыхъ веществъ, выдѣляемыхъ туберкулезными бациллами: 1) ядовитыя вещества, дѣйствующія мѣстно; 2) токсины въ собственномъ смыслѣ этого слова. Ядовитыя вещества, дѣйствующія мѣстно, состоятъ изъ различныхъ жирныхъ веществъ, содержащихся въ тѣлѣ туберкулезныхъ бациллъ; ихъ можно выдѣлить изъ этихъ послѣднихъ съ помощью различныхъ растворителей. Такъ, эфиромъ можно выдѣлить вещество, производящее творожистое перерожденіе данной ткани; хлороформъ же выдѣляетъ вещество, способствующее развитію соединительной ткани, такъ называемый ядъ склерозирующій.

Если привести въ соприкосновеніе яды, дѣствующіе мѣстно, съ центральной нервной системой, то сначала не наблюдается никакихъ измѣненій въ функціи этихъ центровъ. Черезъ нѣсколько же дней, если количество вспрыснутыхъ веществъ достаточно для того, чтобы вызвать сильное воспаленіе, можно наблюдать припадки эпилепсіи, смотря, конечно, по мѣсту, куда было сдѣлано вспрыскиваніе; яды эти не производятъ общаго отравленія, но только вызываютъ различныя явленія въ зависимости отъ мѣстъ пораженія. Слѣдовательно, яды, дѣйствующіе мѣстно, не оказываютъ никакого вліянія ни на нервную клѣтку, ни на другіе элементы нервной ткани; они дѣйствуютъ на нервные центры только механическимъ путемъ, благодаря гипертрофіи тканей, вызываемой ими.

Токсины въ собственномъ смыслѣ этого слова обыкновенно называются *туберкулиномъ*. Туберкулинъ не есть опредѣленное вещество, составъ его очень сложенъ. Если вспрыснуть туберкулинъ собакѣ, то вначалѣ дѣйствіе его незамѣтно, но черезъ часъ или 2 собака впадаетъ въ оцѣпенѣніе, избѣгаетъ свѣта и лежитъ въ темнотѣ; она остается нечувствительной къ внѣшнимъ раздраженіямъ—шуму, зову; если поставить ее на ноги, то она начинаетъ раскачиваться; наконецъ, животное слѣпнетъ, хотя зрачки реагируютъ еще на свѣтъ, но все слабѣе и слабѣе. Смерть наступаетъ при все увеличивающемся оцѣпенѣніи. Слѣдовательно, туберкулинъ вызываетъ явленія, аналогичныя и другимъ ядамъ нервной клѣтки.

Какъ извѣстно, по количеству уносимыхъ жертвъ туберкулезъ—«чахотка» является самой страшной болѣзнью. Въ Россіи, напр., ежегодно умираетъ отъ чахотки около полумилліона людей, во Франціи—150.000; въ Германіи нѣсколько менѣе—около 130.000; въ одной Москвѣ въ среднемъ умираетъ ежегодно отъ чахотки легкихъ—около 3½ тысячъ. Холерная эпидемія въ 1892 г. унесла въ Россіи 300.000 человѣческихъ жизней, все же гораздо меньше чахотки.

Скученность населенія влечетъ за собою и увеличеніе смертности отъ чахотки; такъ, напр., въ Пруссіи эта смертность въ городахъ равняется 3,5 на 1.000, въ деревняхъ—2,8%; казалось бы, что съ ростомъ населенія должна бы расти и смертность отъ чахотки, но здѣсь вступаетъ въ борьбу новый факторъ—прогрессивное улучшеніе гигіеническихъ условій, которое, въ концѣ концовъ, пересиливаетъ даже неблагопріятное вліяніе скученности населенія.

Такъ, берлинское статистическое бюро опубликовало недавно работу д-ра

Mayet, изъ которой видно, что заболѣваній туберкулезомъ въ Германіи постепенно становится все меньше. Вотъ цифры для городовъ съ числомъ жителей болѣе 15.000. На 10.000 жителей констатировано смертей отъ туберкулеза:

отъ 1877 г. до 1881		357,7	человѣкъ.
» 1882 » » 1886		346,2	»
» 1887 » » 1891		304	»
» 1892 » » 1896		255,5	»
» 1897 » » 1901		218,7	»

Цифры эти подтверждаютъ мнѣніе Mayet, что заболѣванія туберкулезомъ уменьшаются благодаря мѣрамъ, предпринятымъ въ Германіи противъ этой страшной болѣзни.

Каково же вліяніе скученности при полномъ пренебреженіи гигіеническими требованіями, показываютъ слѣдующія цифры: въ московскомъ тюремномъ замкѣ ежегодно умираетъ отъ чахотки на тысячу—92 человѣка, въ комитетѣ нищихъ—28 человѣкъ, въ московскомъ гарнизонѣ—6.

Обыкновенно утверждаютъ, что туберкулезъ одинаково часто встрѣчается и въ теплыхъ, и въ холодныхъ странахъ, но послѣднія работы д-ра Кассаньона, повидимому, показываютъ, что туберкулезъ въ Гваделупѣ развивается быстрѣе, чѣмъ въ странахъ съ умѣреннымъ климатомъ; очень часто можно констатировать развитіе симптомовъ 3-го періода уже черезъ годъ или полтора отъ начала болѣзни. Повидимому также, метисы и индѣйцы гораздо болѣе подвержены заболѣванію туберкулезомъ, чѣмъ европейцы и акклиматизировавшіеся негры. Бо́льшая заболѣваемость среди индѣйцевъ объясняется ихъ поселеніемъ въ нездоровой мѣстности и неполнымъ акклиматизированіемъ, благодаря новой пищѣ и крайне плохимъ жилищамъ.

Что же касается метисовъ, то ихъ предрасположеніе къ туберкулезу объясняется тѣснотою и вообще антигигіеническими условіями ихъ жилищъ, гдѣ они проводятъ бо́льшую часть времени, вслѣдствіе необыкновенной продолжительности дождливаго періода; негры же, благодаря своимъ открытымъ жилищамъ, несмотря на свою большую бѣдность по сравненію съ метисами, гораздо менѣе предрасположены къ туберкулезу, чѣмъ эти послѣдніе.

Но главной причиной, предрасполагающей къ туберкулезу, является, по мнѣнію д-ра Кассаньона, сильное развитіе въ Гваделупѣ алкоголизма: въ госпиталяхъ почти всѣ больные туберкулезомъ—алкоголики.

Можетъ быть, благодаря высокой температурѣ и сырости на островѣ Гваделупѣ, туберкулезныя бациллы находятся здѣсь въ условіяхъ особенно благопріятныхъ для своего развитія, давно уже было отмѣчено сильное развитіе туберкулеза во всѣхъ жаркихъ и влажныхъ странахъ, но все же и здѣсь первую роль играетъ пренебреженіе гигіеническими требованіями: ослабленіе алкоголизма и улучшеніе гигіеническихъ условій должны и въ Гваделупѣ понизить среднюю заболѣваемость туберкулезомъ.

II.

Ростъ совершается прежде всего на счетъ потребленія питательныхъ запасовъ, заключенныхъ въ молодомъ организмѣ; при этомъ скорость роста пропорціональна интенсивности окислительныхъ процессовъ, но нужно отмѣтить, что существуетъ и много веществъ которыя играютъ очень важную роль въ ростѣ и его напряженности. Изъ нихъ хорошо изучены вода, оксидазы, калій и лейцитины.

Наблюденія показываютъ, что количество воды въ организмѣ тѣмъ больше, чѣмъ активнѣе совершаются ростъ и вообще развитіе организмовъ.

Вода, хотя и обладаетъ небольшимъ количествомъ энергіи, но имѣетъ значеніе какъ растворитель многихъ веществъ, и играетъ роль своимъ осмотическимъ давленіемъ. Это послѣднее мало еще изучено, но является тѣмъ не менѣе чрезвычайно важнымъ факторомъ въ развитіи зародыша.

Шпрингеръ думаетъ, что въ явленіяхъ роста не крови, но лимфѣ принадлежитъ первенствующая роль; и дѣйствительно, во весь періодъ развитія и роста зародыша лимфатическіе органы преобладаютъ, и даже, какъ это было недавно открыто, нѣкоторые изъ нихъ существуютъ только во время зародышевой жизни человѣка.

Этотъ ученый предполагаетъ, что оксидазы—одни изъ необходимыхъ факторовъ роста, разносятся по организму лимфатическими органами. Портье же показалъ, что оксидазы заключаются главнымъ образомъ въ лейкоцитахъ. Роль оксидазъ (дѣйствующихъ находящимся въ нихъ марганцемъ) въ явленіяхъ роста заключается въ усиленіи интенсивности химическихъ реакцій, изъ которыхъ, въ свою очередь, развивается «жизненная энергія».

Присутствіе калія способствуетъ тому, что всѣ продукты жизненнаго метаморфоза клѣточекъ непрерывно діализируютъ въ плазму крови и лимфы, и потому количество калія пропорціонально силѣ роста индивидуумовъ.

Что же касается лейцитиновъ, то всѣ работы послѣдняго времени доказали самымъ точнымъ образомъ, какое сильное возбуждающее дѣйствіе оказываютъ на ростъ лейцитины яйца. Максуэлемъ то же самое было доказано и для лейцитиновъ, находящихся въ сѣменахъ растеній. Шпрингеръ, съ цѣлью узнать, не будутъ ли лейцитины растительныя играть такую же роль и для роста животныхъ, началъ кормить 2-хъ-мѣсячныхъ щенятъ отваромъ сѣмянъ злаковъ, прибавляя его къ ихъ пищѣ въ количествѣ отъ одного до двухъ литровъ. Черезъ четыре мѣсяца эти щенята переросли повѣрочныхъ на $^1/_3$ и даже на $^1/_2$.

Опыты Тангля показали, что количество химической энергіи, потребленной во время развитія, прямо пропорціонально росту зародыша; на поддержаніе же организованной матеріи энергіи затрачивается гораздо менѣе, чѣмъ на созиданіе новой. Главнымъ источникомъ этой энергіи являются жиры, заключенные въ яйцѣ; количество же энергіи, необходимой для развитія, напр., цыпленка исчисляется въ 48 калорій. Изъ нихъ 16 калорій были потреблены на работу созиданія организма: на развитіе мускуловъ пошло 28% (16-ть колорій), кости—22,4%,

кожи и всѣхъ органовъ, развившихся изъ нея 21,4%, нервной системы 3,1%, внутренностей 17,6%. Послѣ окончанія развитія зародыша у цыпленка, слѣдовательно, остается еще 32 калоріи (48—16).

Энергіи химическія, скрытыя въ питательныхъ запасахъ яйца, превращаются въ живомъ организмѣ, главнымъ образомъ, въ энергію тепловую—въ животную теплоту, которая въ сущности является результатомъ множества посредствующихъ процессовъ: внутриклѣточныхъ окисленій, разложеній, синтезовъ. Всѣ же эти химическія явленія сопровождаются развитіемъ электричества или поглощеніемъ его. Развитіе электричества внутри клѣтки—чрезвычайно важное біологическое явленіе; жаль, что его до сихъ поръ такъ мало изучаютъ. Шпрингеръ началъ работать и въ этомъ направленіи; электризируя животныхъ и дѣтей, онъ могъ констатировать значительное увеличеніе ихъ роста и вѣса.

Здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ объ аналогичныхъ опытахъ, произведенныхъ надъ растеніями.

Въ 1746 г. шотландецъ Mainbray впервые началъ изучать вліяніе электричества на растенія. Ему пришла мысль электризовать мирты; онъ замѣтилъ, что при этомъ онѣ достигли несравненно большей величины и гораздо скорѣе, чѣмъ обыкновенно. Съ тѣхъ поръ много было сдѣлано работъ по данному вопросу, самая лучшая изъ нихъ принадлежитъ гельсингфорскому профессору Лемштрему. Еще въ 1885 г. этимъ финляндскимъ ученымъ было замѣчено, что если электризовать сѣмена злаковъ, то они даютъ растенія чрезвычайно развитыя и сильныя. Перенося затѣмъ свои опыты изъ лабораторіи на поле, Лемштремъ получилъ излишекъ урожая въ 35% для сѣмянъ овса и въ 57% для сѣмянъ ржи.

Но электричество является благопріятнымъ не только для питанія вообще, но также и для воспроизводительной дѣятельности растеній. Такъ, три горшка клубники, подвергнутые Лемштремомъ дѣйствію отрицательнаго электричества, дали зрѣлые плоды черезъ 33 дня, электризованные положительнымъ электричествомъ черезъ 22 дня; повѣрочные же только черезъ 54 дня.

Недавно Plowman опубликовалъ результаты аналогичныхъ опытовъ въ ботаническомъ саду гарвардскаго университета. Онъ пропускалъ электричество черезъ пространство, занятое сѣменами Lupinus albus; электродами служили уголь или платина. Опыты этого ученаго показали, что сѣмена, находящіяся въ сосѣдствѣ анода, были убиты черезъ 20 часовъ токами сильнѣе 0,003 ампер.; сѣмена же, находящіяся у катода, остались нетронутыми или даже производительность ихъ была повышена.

Въ прошломъ «Научномъ фельетонѣ» мы кратко упоминали объ опытахъ Ж. Бонна надъ дѣйствіемъ лучей радія на организмы. Теперь мы остановимся нѣсколько подробнѣе на результатахъ этихъ опытовъ. Для своихъ опытовъ Ж. Боннъ взялъ 80 зародышей и личинокъ жабъ и лягушекъ. Его опыты показали, что если ростъ идетъ медленно, какъ это наблюдается у личинокъ, то беккерелевскіе лучи еще болѣе задерживаютъ ростъ; когда же ростъ идетъ быстро, какъ это наблюдается у зародышей, то лучи или убиваютъ ткани,

или задерживаютъ ихъ ростъ, или же, наконецъ, ускоряютъ его, смотря по роду тканей и ихъ мѣсту. Эпителій, напр., подъ вліяніемъ беккерелевскихъ лучей растетъ быстрѣе. Если же держать зародышей моложе трехъ дней въ теченіе трехъ часовъ въ сосудѣ съ небольшимъ количествомъ воды, гдѣ плаваетъ трубка съ нѣсколькими сантиграммами очень активнаго бромистаго радія, то вначалѣ зародыши развиваются нормально, никогда не замѣчается немедленнаго дѣйствія радія. Когда же зародыши эти превращаются въ головастиковъ, т.-е. черезъ значительный промежутокъ послѣ дѣйствія радія, начинаютъ развиваться уродства, въ видѣ, напр., атрофіи хвоста, появленія съуженія позади головы и пр.

Если, дѣйствительно, уродства эти являются слѣдствіемъ дѣйствія радія, какъ это думаетъ Боннъ, то, слѣдовательно, достаточно, чтобы лучи радія проникали въ организмъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, чтобы ткани его пріобрѣли какія-то новыя свойства. Свойства эти могутъ оставаться въ скрытомъ состояніи въ продолженіи долгаго періода и потомъ вдругъ проявиться въ моментъ, когда ростъ тканей усиливается. Въ томъ же направленіи работали уже раньше и другіе ученые; они показали, что достаточно, напр., подвергнуть гусеницу дѣйствію цвѣтныхъ лучей, чтобы получилась куколка такого же цвѣта. И сходство дѣтей и родителей можно, по мнѣнію Бонна, объяснить нѣкоторыми свойствами, находящимися какъ бы въ скрытомъ состояніи въ яйцѣ и зародышѣ и проявляющимися только въ извѣстный моментъ.

Въ другой серіи своихъ опытовъ надъ яйцами и зародышами одного изъ видовъ морскихъ ежей Боннъ показалъ, что лучи радія оказываютъ дѣйствіе и на хроматинъ ядра; смотря по продолжительности этого дѣйствія, лучи радія или усиливаютъ дѣятельность хроматина, или же уничтожаютъ его. Лучи радія убиваютъ сперматозоидовъ, но усиливаютъ дѣятельность хроматина, заключеннаго въ яйцѣ, вызывая такимъ образомъ партеногенезисъ.

Теперь мы перейдемъ къ вопросу о различіяхъ въ развитіи зародышей мужского и женскаго. Луазель *) старался выяснить сравнительное увеличеніе въ вѣсѣ и длинѣ мужскихъ и женскихъ зародышей. Работы его показали, что до 4-го мѣсяца внутриутробной жизни всѣ органы тѣла, какъ-то: внутренности, мышцы, скелетъ, у женскаго зародыша тяжелѣе, чѣмъ у мужского. Позже у этого послѣдняго вѣсъ нѣкоторыхъ органовъ дѣлается больше, чѣмъ у женскаго зародыша. Мозгъ же, органы пищеваренія и выдѣлительные органы все же остаются тяжелѣе у женскаго зародыша. Слѣдовательно, если, съ одной стороны, сердце, почки, подпочечныя железы и въ особенности печень гораздо болѣе развиты у женскихъ зародышей, то съ другой—можно утверждать, что эти послѣдніе лучше упитаны и лучше очищаются, благодаря большему развитію выдѣлительныхъ органовъ, чѣмъ мужскіе организмы.

Но по наблюденіямъ акушеровъ, при рожденіи мальчики тяжелѣе дѣвочекъ; это справедливо, но только по отношенію къ абсолютному вѣсу и то начиная

*) При составленіи даннаго очерка успѣховъ эмбріологіи мы пользовались главнымъ образомъ, статьями M. G'Loisel „Revue annuelle d'Embryologie". Revue génerale des sciences pures et appliquées, 1904 г.

съ конца 4-го мѣсяца внутриутробной жизни, когда мышечная система начинаетъ брать перевѣсъ надъ всѣми остальными.

То же самое можно сказать и объ увеличеніи длины тѣла зародыша, которой выражается, главнымъ образомъ, развитіе скелета. До средины 4-го мѣсяца длина женскаго зародыша превышаетъ длину мужского, съ 4-го до середины 5-го мѣсяца длина ихъ одинакова, съ 5-го же мѣсяца длина женскаго зародыша дѣлается меньше, чѣмъ мужскаго.

Большая же жизнедѣятельность мужского организма, являющаяся однимъ изъ характерныхъ признаковъ его, объясняется накопленіемъ бóльшаго количества раздражающихъ веществъ, обыкновенно выдѣляемыхъ изъ организма; эти вещества у индивидуумовъ мужского пола уничтожаются или выдѣляются слабѣе, чѣмъ у женскаго. Мнѣніе это вполнѣ совпадаетъ съ фактомъ бóльшаго развитія органовъ выдѣленія у женскаго пола; оно согласуется также съ данными, хорошо извѣстными статистикѣ, которыя говорятъ намъ о бóльшей живучести женщинъ, начиная съ самаго рожденія. Эта бóльшая живучесть существуетъ у женскаго пола и до рожденія, такъ какъ, напр., за 1902 г. мертворожденныхъ мальчиковъ было 23.026, дѣвочекъ же только 17.192; согласуется это мнѣніе и съ наблюденіями, показывающими намъ, что во всемъ животномъ мірѣ самки живутъ дольше самцовъ.

Сравненіе развитія организмовъ мужского и женскаго половъ послѣ рожденія приходится, конечно, брать изъ міра животныхъ.

Таковы работы Гуссейя надъ развитіемъ цыпленка послѣ рожденія. У курицы внутренніе органы (аналогично тому, какъ это Луазель нашелъ у женщины) вѣсятъ больше, чѣмъ у пѣтуха, иногда абсолютно, иногда же относительно, т.-е. по отношенію къ вѣсу всего тѣла. Нужно исключить изъ этого только вѣсъ сердца и легкихъ, которыя всегда тяжелѣе у пѣтуха. Къ тѣмъ же результатамъ приходитъ и Ноэ, сравнивая организмъ самокъ и самцовъ ежа. Здѣсь легкія, сердце, селезенка тяжелѣе у самца; у самокъ же—желудокъ, кишечникъ, поджелудочная железа и печень.

Химическій анализъ, который уже предпринятъ многими, покажетъ, дѣйствительно ли организмъ самокъ заключаетъ въ себѣ меньше ядовъ, чѣмъ организмы мужскіе, какъ это принимается теперь. Нѣкоторые авторы считаютъ, что голодъ и самоотравленіе уменьшаютъ питаніе и ростъ. Какъ бы тамъ ни было, но изъ всѣхъ изслѣдованій ясно вытекаетъ, что самоотравленіе организма — фактъ несомнѣнный и постоянный, что и оно является даже однимъ изъ жизненныхъ условій. Самоотравленіе, какъ и тяжесть и даже больше, чѣмъ эта послѣдняя, ограничиваетъ, по мнѣнію Гуссейя, ростъ животныхъ и происходитъ не только при патологическихъ процессахъ, но и при всѣхъ физіологическихъ и морфологическихъ явленіяхъ. Луазель наблюдалъ въ своихъ опытахъ, что и у простѣйшихъ самоотравленіе является однимъ изъ факторовъ развитія, могущимъ обусловить и совокупленіе.

Но существуютъ и другіе факторы, задерживающіе ростъ животныхъ и ставшіе намъ извѣстными, благодаря введенію въ біологію механики.

Такъ, Шюдои, сходя изъ понятія о тяжести, математическими вычисленіями

показываетъ, что для каждаго даннаго типа существуетъ максимумъ роста и что тѣ животныя, которыя приближаются къ этому максимуму, стоятъ на болѣе низкой ступени развитія.

Геометрическіе и механическіе законы намъ говорятъ, что, если поверхность тѣла растетъ въ квадратѣ, то объемъ этого тѣла увеличивается въ кубѣ. При этихъ условіяхъ тяжесть и питаніе опредѣляютъ каждому типу животнаго извѣстный максимальный вѣсъ. И дѣйствительно, сила мускула пропорціональна поперечному сѣченію этого мускула, а не его длинѣ; но сѣченіе это, будучи поверхностью, увеличивается въ квадратѣ, т.-е. медленнѣй, чѣмъ объемъ самого тѣла; слѣдовательно, долженъ наступить моментъ, когда вѣсъ тѣла не будетъ уже находиться больше въ гармоническихъ соотношеніяхъ съ силой мускуловъ.

Всякое животное, приближающееся по своему вѣсу къ максимуму, уже по одному этому стоитъ на болѣе низкой ступени развитія (Шюдо). Животное это передвигается съ бо́льшимъ трудомъ, находитъ меньше пищи, хотя для него требуется больше; питаніе, слѣдовательно, совершается хуже, ростъ все медленнѣе и медленнѣе и, наконецъ, останавливается совершенно.

Другой выводъ напрашивается самъ собой: чѣмъ больше животное растетъ, тѣмъ существованіе для него становится тяжелѣе.

Этимъ объясняется, скажемъ мимоходомъ, исчезновеніе видовъ, представленныхъ животными громадной величины,—исчезновеніе, которое продолжается еще и въ наши дни.

Одинъ изъ французскихъ докторовъ — Годэнъ прослѣдилъ развитіе 100 вполнѣ здоровыхъ юношей съ $13^1/_2$ лѣтъ до $17^1/_2$ лѣтъ. Между 15-ю и 16-ю годами измѣняются цвѣтъ волосъ и глазъ. Волосы начинаютъ темнѣть, по сравненію съ цвѣтомъ, какой у нихъ былъ въ 13 л., но это явленіе наблюдается только у 28 изъ 100 юношей. Цвѣтъ же радужной оболочки глаза дѣлается свѣтлой у 45% и темнѣе у 18%.

Явленія же, наиболѣе характерныя для времени наступленія половой зрѣлости, относятся къ увеличенію вѣса тѣла и роста его. Ростъ увеличивается, главнымъ образомъ, около $15^1/_2$ л., что согласуется и съ мнѣніемъ большинства антропологовъ. Въ моментъ половой зрѣлости, слѣдовательно, происходитъ задержка въ ростѣ, затѣмъ ростъ усиливается около 16 лѣтъ, съ 17 же лѣтъ уменьшается снова. Увеличеніе вѣса тѣла совершается тоже ритмически, правильно чередуясь съ усиленіемъ роста, такъ что увеличенію роста тѣла всегда соотвѣтствуетъ уменьшеніе вѣса его.

Однимъ изъ признаковъ, отличающихъ сперматозоида отъ яйца, является степень живучести ихъ. Сперматозоиды морского ежа, выведенные наружу, могутъ жить гораздо дольше, чѣмъ неоплодотворенныя яйца. Успѣхъ оплодотворенія зависитъ отъ того, сколько прошло времени отъ начала кладки. Наилучшіе результаты дали яйца не моложе 1-го часа и не старше 4-хъ часовъ. Въ яйца моложе 1-го часа проникало обыкновенно много сперматозоидовъ, результатомъ чего было ихъ неправильное развитіе.

При оплодотвореніи яицъ старше 4-хъ часовъ развитіе было также непра-

*

вильное. Американскіе ученые Лёбъ (Loeb) и Левисъ (Lewis) нашли, что яйцо морского ежа, содержимое въ морской водѣ, можетъ не только быть оплодотворено, но достигнуть даже стадіи личинки (pluteus) (при температурѣ въ 20° С). Яйца же, со времени кладки которыхъ протекло отъ 24-хъ час. до $32^1/_2$ часовъ, развиваются только до стадіи гаструла, да и то не всѣ; послѣ же этого времени оплодотвореніе ихъ не можетъ совершиться; они склеиваются между собой, принимаютъ желтовато-грязную окраску и разлагаются. Изрѣдка, впрочемъ, наблюдалось оплодотвореніе яицъ, пробывшихъ въ морской водѣ болѣе 48 час.; но развитіе ихъ не идетъ дальше первыхъ фазъ сегментаціи.

Слѣдовательно, прониканіе сперматозоидъ въ яйцо останавливаетъ или видоизмѣняетъ тѣ процессы, которые безъ этого ведутъ его обыкновенно къ смерти. Частичное поднятіе воды, ціанистый калій, угольная кислота дѣйствуютъ на яйцо въ томъ же направленіи.

Лебъ и Левисъ показали, что, помѣщая *неоплодотворенныя* яйца морского ежа въ растворъ изъ 100 частей морской воды и изъ одной части слабаго раствора ціанистаго калія и уменьшая затѣмъ концентрацію раствора ціанистаго калія, можно получить pluteus отъ яицъ, со времени кладки которыхъ прошло 112 час., и сегментацію въ возрастѣ 168 часовъ (при температурѣ въ 20° С).

Отсутствіе кислорода не увеличиваетъ совсѣмъ или же крайне слабо продолжительность жизни неоплодотворенныхъ яйцъ. Пониженіе температуры дѣйствуетъ не такъ энергично, какъ прибавленіе къ морской водѣ ціанистаго калія.

Но двое другихъ американскихъ ученыхъ, Gorham и Tower, считаютъ, что ціанистый калій не самъ по себѣ сохраняетъ жизнь яйцъ, а дѣйствуетъ не прямымъ путемъ, очищая среду отъ бактерій, которыя обыкновенно вредятъ яйцамъ, и что ціанистый калій можетъ явиться ядомъ не только для бактерій, но и для яицъ. По наблюденіямъ этихъ ученыхъ, въ морской водѣ, лишенной совершенно бактерій, яйца сохраняются въ теченіе 11 дней, сохраняя способность оплодотворяться и давать личинку (pluteus).

Послѣ этихъ возраженій Лёбъ снова занялся даннымъ вопросомъ, на этотъ разъ ставя опыты съ яйцами морскихъ звѣздъ. Его изслѣдованія показали, что въ морской водѣ неоплодотворенныя и спѣлыя яйца умираютъ скорѣй, чѣмъ неоплодотворныя и незрѣлыя; быстрая смерть ихъ зависитъ отъ внутриклѣточныхъ условій, а не отъ бактерій, находящихся въ морской водѣ; они умираютъ такъ же быстро и въ водѣ, безусловно лишенной бактерій.

Лёбъ думаетъ, что внутреннія условія, ведущія яйцо къ смерти, находятся въ тѣсной связи съ явленіями, приводящими его къ созрѣванію, и старается найти тѣхъ дѣятелей, которые вліяютъ на это послѣднее. Онъ утверждаетъ, что кислородъ ускоряетъ созрѣваніе, чѣмъ, можетъ быть, объясняется, почему яйца морскихъ звѣздъ созрѣваютъ только послѣ кладки; наоборотъ, отсутствіе кислорода и присутствіе кислотъ препятствуютъ созрѣванію яицъ.

Въ то же самое время работы Делажа показали, что дѣйствіе кислотъ не только удлиняетъ жизнь яицъ морскихъ звѣздъ, но и позволяетъ имъ сегментироваться и вообще вести себя, какъ будто они были бы оплодотворены.

Делажъ помѣщаетъ яйца морскихъ звѣздъ въ реактивъ, состоящій изъ сельтерской и морской воды, въ моментъ изверженія яйцами полярныхъ тѣлецъ. При этомъ дѣленіе ядра, ведущее къ образованію этихъ послѣднихъ, останавливается тотчасъ же. Если, напр., продержать яйцо часъ въ реактивѣ и затѣмъ помѣстить его въ морскую воду, то угольная кислота быстро выдѣляется, яйцо начинаетъ проявлять свою дѣятельность, но вмѣсто дѣленія на неравныя части и отдѣленія полярнаго тѣльца совершается дѣленіе на равныя части и затѣмъ продолжается сегментація, какъ и при нормальныхъ условіяхъ.

Делажъ полагаетъ даже, что угольная кислота является такимъ же сильнымъ факторомъ въ развитіи яйца, какъ и самъ сперматозоидъ.

Въ его опытахъ, дѣйствительно *всѣ* яйца, подвергнутыя дѣйствію угольной кислоты, развились партогенетическимъ путемъ. При аналогичныхъ же опытахъ, когда имъ брались разныя другія вещества, яйца дали только 30%, 40% сегментаціи и только 10% дошли до стадіи гаструла. Прид дѣйствіи же углекислоты ихъ было 100%, и при оставленіи имъ зоологической станціи Роскова, гдѣ онъ работалъ, личинки морскихъ звѣздъ, яйца которыхъ подверглись дѣйствію угольной кислоты, были въ стадіи, напоминающей личинку «auricularia» голотурій, въ возрастѣ 32 дней, и походили совершенно на зародыши, происшедшіе отъ оплодотворенія.

Несмотря на большой интересъ всѣхъ этихъ опытовъ и наблюденій, они все же не выясняютъ тѣхъ процессовъ, которые ведутъ къ смерти неоплодотворенное яйцо и сперматозоидовъ, предоставленныхъ самимъ себѣ.

По мнѣнію Луазеля не достаточно сказать, какъ это дѣлаютъ Лёбъ (Loeb) и Левисъ (Levis), что смерть яицъ является результатомъ самоперевариванія (или другихъ дѣйствій энзимовъ), скорѣе можно утверждать, что и яйца, и сперматозоидъ несутъ въ самихъ себѣ причину смерти. Внутреннія причины смерти, конечно, чрезвычайно сложны; но, какъ думаетъ Луазель, между ними есть одна, которой принадлежитъ, можетъ быть, наиболѣе важная роль,—это присутствіе въ яйцахъ и сперматозоидахъ ядовитыхъ веществъ, которыя изучены и распознаны и въ нихъ и въ половыхъ железахъ нѣкоторыхъ рыбъ. Недавно Луазель приступилъ къ изученію половыхъ железъ морскихъ ежей и нашелъ въ нихъ не только токсальбумины, но и алколоиды, убивающіе большихъ кроликовъ въ нѣсколько минутъ.

Физаликсъ замѣтилъ также, что яичникъ жабы въ моментъ кладки наполняется ядомъ, который былъ также найденъ въ снесенныхъ яйцахъ, но исчезъ затѣмъ во время развитія яицъ.

Яды, находящіяся въ яйцѣ, дѣйствуютъ, вѣроятно, на него возбуждающимъ образомъ. Въ партогенетическихъ яйцахъ эти яды имѣютъ такой составъ или находятся въ такомъ количествѣ, что могутъ повести къ образованію новаго индивидуума — зародыша. Въ обыкновенныхъ же яйцахъ, наоборотъ, возбуждающія вещества таковы, что они ведутъ яйцо къ смерти, если по крайней мѣрѣ часть изъ нихъ не превращается веществами, содержащимися въ сперматозоидахъ, или какими-нибудь другими—въ вещества безвредныя.

В. А.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Апрѣль. 1904 г.

Содержаніе: — Беллетристика. — Критика и исторія литературы и искусствъ. — Политическая экономія и соціологія. — Естествознаніе и медицина.—Образованіе.—Новыя книги, поступившія для отзыва.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

В. Буренинъ. „Театръ" т. I.— *Шелли*. „Полное собраніе сочиненій".

В. Буренинъ. Театръ, томъ I. Спб. 1904 г. Г. Буренинъ уже неоднократно дѣлалъ попытки доказать, что онъ умѣетъ писать вполнѣ литературно. Лежащій передъ нами томъ театральныхъ пьесъ представляетъ одну изъ подобныхъ попытокъ. Тутъ мы попадаемъ въ мечтательный міръ сказочныхъ образовъ, былинныхъ богатырей, античной древности. Но, видно, и надъ театральными пьесами г. Буренина витаетъ духъ его нововременскихъ фельетоновъ и пародій: то же неуваженіе къ литературѣ, та же безцеремонность по отношенію къ авторамъ и порою удивительный недостатокъ чутья ко всему, что выше фарса и оперетки. Изъ шести пьесъ, вошедшихъ въ разсматриваемый сборникъ, только одна «Забава Путятишна» не есть передѣлка *чужого* произведенія, но это не увеличиваетъ ея оригинальныхъ достоинствъ. Какихъ, какихъ только былинныхъ мотивовъ не вплелъ авторъ въ свой сюжетъ: тутъ и Соловей Будиміровичъ, и Ставръ Годиновичъ, и Чурило, и ссора Ильи Муромца съ Владиміромъ, но весь этотъ тяжелый баластъ ни къ чему. Ни на минуту читатель не чувствуетъ себя въ сферѣ народныхъ и тѣмъ менѣе древне-русскихъ представленій. Не говоримъ уже о хронологическихъ и бытовыхъ несуразностяхъ, въ родѣ того, что Соловей, котораго г. Буренинъ дѣлаетъ венеціанцемъ (въ дѣйствительности онъ вѣроятнѣе сѣверный викингъ, исландецъ, «съ острова Леденца»), описываетъ Венецію десятаго вѣка такою, какою она могла быть только во времена Тиціана и Паоло Веронезе; въ примѣчаніи авторъ оговариваетъ этотъ анахронизмъ, но, вѣдь, это не помогаетъ правдоподобію описанія. Тотъ же витязь X вѣка носитъ на шеѣ медаліонъ («складень») съ миніатюрнымъ портретомъ своей мамаши, уже безъ всякой оговорки автора. Это, конечно, мелочи, но онѣ характеризуютъ «легкій» способъ писанія г. Буренина. Гораздо хуже впечатлѣніе производитъ анахронизмъ языка: князь Владиміръ и его богатыри разговариваютъ языкомъ «Князя Серебрянаго», который въ извѣстной литературной средѣ считается обще-древне-русскимъ языкомъ. Словечки въ родѣ «княжой», «учнетъ», «вѣжество» считаются особенно колоритными, причемъ г. Буренинъ дѣлаетъ иногда прямо ошибки: если бы онъ помнилъ хотя баллады того же гр. А. Толстого, то не говорилъ бы «гридня» вмѣсто гридень. Но всего меньше вяжется самый сюжетъ съ именами дѣйствующихъ лицъ. Обставлять былинными богатырями банальнѣйшую водевильную интрижку все равно, что играть на шарманкѣ съ аккомпаниментомъ оркестра. Соловей ухаживаетъ за Забавой, она съ нимъ кокетничаетъ и не прочь выйти за него замужъ, но вдругъ увлекается переодѣтой въ мужское платье женой Ставра; происходитъ

игра ревности со стороны Соловья, но затѣмъ дѣло разъясняется, и Забава возвращается къ Соловью. Рядомъ съ этимъ чувствительнымъ сюжетомъ тянется другой, комическій, какъ всегда бываетъ въ опереткахъ; героями его являются старый, глупый, обманутый мужъ Бермята, его жена и Чурило. О характерахъ, конечно, нѣтъ и рѣчи, все это шаблонныя театральныя маски.

Если «Забава Путятишна» только неудачное произведеніе, то остальныя пьесы г. Буренина представляетъ весьма вольное обращеніе съ чужой собственностью. Просто переводить кажется ему слишкомъ труднымъ и неинтереснымъ,— онъ перекраиваетъ иностранныя произведенія по своему усмотрѣнію, словомъ «приспособляетъ для русской сцены», какъ дѣлаютъ въ провинціальныхъ театрахъ. Особенно пострадалъ несчастный «Потонувшій колоколъ», которому вообще не везетъ на переводчиковъ. Нельзя не пожалѣть, что переводъ (?) г. Буренина утвердился на русскихъ сценахъ, и такимъ образомъ наша публика имѣетъ во многихъ отношеніяхъ совершенно невѣрное представленіе объ этомъ прославленномъ произведеніи. Если его переводъ г. Бальмонта обнаруживаетъ порой неумѣстную вычурность, то переводъ г. Буренина обнаруживаетъ развязную безцеремонность, достойную Алексиса Жасминова. Это собственно не переводъ, а вольный пересказъ съ добавленіями, гдѣ, по мнѣнію г. Буренина, надо было подбавить «сочности», съ пропусками, и даже съ искаженіями, въ тѣхъ случаяхъ, когда переводчикъ не могъ совладать съ передачей подлинника или невѣрно его понималъ. Въ старыя времена такъ французы переводили иностранныхъ писателей, считая при этомъ, что они еще оказываютъ услугу переводимымъ авторамъ, «исправляя» ихъ согласно правиламъ хорошаго парижскаго вкуса. Какъ у г. Бальмонта, такъ и у г. Буренина хуже всѣхъ, конечно, достается старухѣ Виттихѣ, силезское нарѣчіе которой оба они одинаково плохо понимаютъ. Драма Гауптмана написана сплошь стихами, но г. Буренина это ни мало не стѣсняетъ,—онъ произвольно переходитъ къ прозѣ, гдѣ ему это кажется удобнѣе. Въ другихъ случаяхъ онъ передѣлываетъ прозу въ стихи, а также повѣсти въ драму. Такъ онъ передѣлалъ романъ Пьера Луи (P. Louys), извѣстнаго сентиментально-порнографическаго автора, въ драму. Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, французской литературѣ нечего было терять отъ передѣлки г. Буренина, не обогатившаго ею и родную литературу. Также стихами передѣлана одна изъ новеллъ Бокачіо, тоже безъ пользы для русской литературы, но съ большимъ ущербомъ для стараго итальянскаго разсказчика: въ драматическомъ произведеніи, конечно, не могли быть сохранены нѣкоторые черезчуръ откровенные для современныхъ читателей моменты фабулы, поэтому пришлось ввести неправдоподобныя натяжки, которыя, впрочемъ, прибавлены г. Буренинымъ и тамъ, гдѣ онѣ совершенно ничѣмъ не вызывались. Разумѣется г. Буренинъ владѣетъ стихотворной техникой: стихи его вообще гладки. Поэтому всѣ его «неточности» нельзя объяснить неумѣніемъ, а невольно въ нихъ усматривается лишь пренебреженіе къ авторской личности передѣлываемыхъ писателей: свой братъ, что съ ними церемониться! *Е. Дегенъ.*

Шелли. Полное собраніе сочиненій, въ переводѣ К. Д. Бальмонта. Новое трехтомное переработанное изданіе. Томъ первый. Изданіе т-ва «Знаніе». Спб. 1903 г. Репутація г. Бальмонта, какъ переводчика, началась съ Шелли. Это одинъ изъ великихъ иностранныхъ поэтовъ, который дольше всѣхъ оставался чуждъ русской читающей публикѣ: очень мало кто изъ нашихъ переводчиковъ рѣшался приняться за его произведенія, особенно за его лирику, которая по своей музыкальной гармоніи и воздушности и вмѣстѣ съ тѣмъ по глубинѣ мысли представляетъ почти непреодолимыя трудности для перевода. Г. Бальмонтъ первый сдѣлалъ этотъ смѣлый шагъ, и смѣлость его во многихъ отношеніяхъ увѣнчалась успѣхомъ. Нѣкоторыя изъ самыхъ трудныхъ стихотвореній англійскаго поэта переданы имъ такъ удачно, какъ до него никто ихъ не

умѣлъ передать. Звучность и гибкость стиха г. Бальмонта не подлежитъ сомнѣнію, и изъ-за этихъ качествъ читатели и критики охотно прощали ему попадающіяся тамъ и сямъ шероховатости, нерусскіе обороты, неясныя мысли: во всякомъ крупномъ предпріятіи неизбѣжны и извинительны частныя погрѣшности, а кромѣ того возлагалась надежда и на молодость переводчика—опытъ, трудъ, уваженіе къ переводимому автору и къ читателю должны же были вести его по пути къ совершенствованію. Со времени первыхъ выпусковъ Шелли прошло около десяти лѣтъ; г. Бальмонтъ за это время выпустилъ цѣлый рядъ переводовъ и оригинальныхъ лирическихъ сборниковъ. Однако, какъ переводчикъ онъ не вполнѣ оправдалъ возлагаемыя на него надежды и все безцеремоннѣе обходится съ переводимыми авторами. Шероховатости, которыя прежде казались недосмотрами и исключеніями, становятся чуть что не общимъ правиломъ и начинаютъ преобладать надъ гладкими мѣстами; неясности мысли словно идутъ въ разрѣзъ со здравымъ смысломъ. И когда послѣ этихъ печальныхъ наблюденій надъ дѣятельностью г. Бальмонта, перечитываешь его переводы Шелли, собранные въ новомъ изданіи, невольно бросаются въ глаза не наиболѣе удачныя мѣста, а тѣ несовершенства, которыя и тогда должны были бы предостеречь отъ слишкомъ снисходительныхъ сужденій.

Что въ стихахъ г. Бальмонта встрѣчаются такія небывалыя формы, какъ «умеревши» (стр. 16) или «утонченнѣйшій» (стр. 15) и т. п., это еще дѣйствительно не большая бѣда, если бы общій строй его рѣчи былъ естественъ и благозвученъ. Но этого очень часто и нѣтъ. У Шелли встрѣчается, напр., сравненіе, что доска неслась по горному потоку, «какъ пушокъ репейника на парусахъ вихря»; переводчикъ передаетъ эту фразу слѣдующимъ страннымъ оборотомъ (стр. 30):

Такъ на вѣтрахъ, воздушнѣй вздоха
Витаетъ цвѣтъ чертополоха.

Нельзя назвать эту рѣчь художественной, равно какъ и слѣдующее четверостишіе (стр. 49):

Онъ пришелъ Ненавистникомъ, сѣлъ надъ канавой,
Взялъ разбитую лютню и скошеннымъ ртомъ
Пѣсню пѣлъ,—и не пѣлъ,—крикъ бросалъ онъ гнусавый
Противъ женщины, бывшей скотомъ.

Это образчики неблагозвучія, а вотъ примѣръ затемненія смысла (стр. 28):

И чу! раздался звонъ усталый,
И вотъ она глядитъ вокругъ,
Возникло-ль что, иль этотъ звукъ
Лишь кровь висковъ и нѣжныхъ рукъ.

Казалось бы, что «кровь висковъ и нѣжныхъ рукъ» никакъ не можетъ быть звукомъ. И дѣйствительно, въ оригиналѣ все выражено очень просто, понятно и красиво: «она услышала какой-то невнятный, слабый (а не усталый) звонъ и смотрѣла вокругъ, чтобы понять, не стучитъ ли это просто кровь въ ея собственныхъ жилахъ». Приведемъ еще примѣръ совершенно безцеремоннаго обращенія съ подлинникомъ, результатомъ чего является подмѣна одного изъ прекрасныхъ, полныхъ мысли стихотвореній наборомъ словъ, безъ глубины содержанія и безъ изящества (стр. 154):

Смерть всюду, всегда неизмѣнно. *Неразлучна съ ней жизнь золотая.*
Смертью дышетъ небесная твердь,
И все, что живетъ, что трепещетъ, на зарѣ расцвѣтая,
И въ насъ пріютилася смерть.
Сперва умираютъ восторги, а потомъ опасенья, надежды,—
И ужъ не на что больше смотрѣть;
И прахъ наклоняется къ праху, *закрываются вѣжды,*
И мы, мы должны умереть, и т. д.

Подчеркнутыхъ фразъ совершенно нѣтъ у Шелли, да и какая ихъ поэти-

ческая цѣнность? Нѣсколько стиховъ подлинника совсѣмъ не переведено, а переданное неправильно видоизмѣнено. Такъ, напримѣръ, у Шелли «прахъ призываетъ къ себѣ прахъ», а не наклоняется къ праху. «Сначала умираютъ радости,—говоритъ онъ,—затѣмъ надежды, а затѣмъ страхи»; эта послѣдовательность—глубокая мысль: сначала человѣкъ беретъ отъ жизни всѣ радости, какія можетъ; когда онѣ измѣняютъ, онъ не хочетъ съ этимъ примириться и надѣется, что онѣ вернутся; опытъ разрушаетъ надежду, впереди больше нѣтъ ничего, но остается еще безсознательная привязанность къ жизни и страхъ конца; только когда исчезнетъ этотъ страхъ, когда человѣкъ равнодушно ждетъ послѣдняго удара, тогда онъ созрѣлъ для могилы. Все это содержаніе г. Бальмонтъ уничтожилъ, поставивъ «опасенія» впереди «надеждъ». И подобныхъ отступленій не мало. Въ предисловіи г. Бальмонтъ утверждаетъ: «ни одно изъ стихотвореній Шелли не было переведено мною безъ любви къ нему». Казалось бы, что любовь должна приводить къ большему уваженію къ мыслямъ и образамъ поэта. То обстоятельство, что г. Бальмонтъ умѣлъ хорошо передать нѣкоторыя стихотворенія своего любимца, дѣлаетъ его болѣе отвѣтственнымъ за его небрежности въ другихъ случаяхъ. Впрочемъ, мы уже сдѣлали оговорку, что, указывая нѣкоторыя недочеты переводовъ г. Больмонта, вполнѣ признаемъ за ними и значительныя достоинства. *Е. Дегенъ.*

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВЪ.

Мих. Лемке. „Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики".—*Н. Фидейнзенъ.* „М. И. Глинка".—*В. П. Авенаріусъ.* „Создатель русской оперы. М. И. Глинка"

Мих. Лемке. Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія. Спб. 1904 г. Стр. 427. Цѣна 3 р. Книга г. Лемке состоитъ изъ четырехъ очерковъ: «Эпоха обличительнаго жара», «Эпоха цензурнаго террора», «Русское Bureau de la presse» и «Ѳаддей Булгаринъ». Первый изъ этихъ очерковъ посвященъ русской сатирической журналистикѣ шестидесятыхъ годовъ; второй—дѣятельности знаменитаго негласнаго цензурнаго комитета, учрежденнаго 2 апрѣля 1848 года и давившаго русскую мысль до конца 1855 года. Третій очеркъ излагаетъ исторію кратковременнаго существованія особаго, также негласнаго, «комитета по дѣламъ книгопечатанія», учрежденнаго 24 января 1859 года для неоффиціальнаго надзора за русской прессой и для сообщенія ей направленія, соотвѣтствовавшаго видамъ правительства. Наконецъ, четвертый очеркъ посвященъ, главнымъ образомъ, закулисной дѣятельности Булгарина. Всѣ эти статьи первоначально были напечатаны въ журналахъ «Русское Богатство» и «Міръ Божій», но для отдѣльнаго изданія онѣ значительно пополнены. Такъ, статья «Эпоха обличительнаго жара», напечатанная въ лѣтнихъ книжкахъ нашего журнала за 1903 годъ подъ заглавіемъ: «Изъ исторіи русской сатирической журналистики», увеличена почти вдвое. Число же каррикатуръ увеличено даже больше, чѣмъ вдвое, хотя нѣкоторыя каррикатуры воспроизведены въ меньшемъ масштабѣ, чѣмъ въ «Мірѣ Божіемъ».

Всѣ очерки г. Лемке представляютъ большой интересъ и даютъ массу весьма цѣннаго матеріала по исторіи русской цензуры и русской журналистики въ наиболѣе мрачную и въ наиболѣе свѣтлую эпохи нашего общественнаго развитія. Кромѣ печатныхъ источниковъ, почти недоступныхъ обыкновенному читателю, г. Лемке воспользовался еще цензурными дѣлами, хранящимися въ рукописномъ отдѣленіи публичной библіотеки. Факты, извлеченные изъ этого интереснѣйшаго архивнаго матеріала, и основанные на нихъ выводы придаютъ особенную цѣнность очеркамъ г. Лемке по исторіи русской цензуры. Осталь-

ные два очерка составлены почти исключительно на основаніи печатныхъ матеріаловъ, тѣмъ не менѣе и эти очерки являются въ русской литературѣ единственными въ своемъ родѣ по интересу и полнотѣ собраннаго въ нихъ матеріала. Полнота эта, конечно, относительная, такъ какъ г. Лемке не имѣлъ возможности исчерпать весь находившійся въ его распоряженіи матеріалъ, онъ желалъ познакомить читателей только съ наиболѣе выдающимися фактами по исторіи русской цензуры и журналистики. Можно указать кое-какіе пропуски въ очеркахъ г. Лемке, но, въ общемъ, они не существенны. Такъ, напримѣръ, приводя жалобы Никитенки и даже Булгарина на цензуру 1848—1855 годовъ, г. Лемке умолчалъ объ интересномъ письмѣ Сенковскаго къ Загоскину отъ 15 декабря 1850 года.

Изъ другихъ недочетовъ въ очеркахъ г. Лемке можно указать его пристрастіе къ перепечаткѣ оффиціальныхъ документовъ, занимающихъ иногда цѣлыя страницы. Такая щедрость безъ особенной нужды увеличила объемъ книги и придала отдѣльнымъ очеркамъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ излишнюю сухость. Далѣе, отдѣльныя мнѣнія г. Лемке можно упрекнуть въ излишней рѣзкости и несправедливости.

Нельзя принять безъ оговорки мнѣніе г. Лемке о службѣ Булгарина въ III-мъ отдѣленіи. Г-нъ Лемке считаетъ этотъ фактъ неопровержимымъ, потому что въ одной оффиціальной бумагѣ гр. Бенкендорфа сказано, что, по его усмотрѣнію, Булгаринъ «былъ употребляемъ по письменной части на пользу службы» (стр. 386). Относительно этой службы Булгарина «по письменной части» пока достовѣрно извѣстно, что онъ исполнялъ такія порученія гр. Бенкендорфа, какъ составленіе реляціи о началѣ польскаго возстанія или изображеніе въ розовыхъ и идиллическихъ краскахъ жизни петербургскихъ водоносовъ (стр. 417). Но г. Лемке, какъ кажется, склоненъ думать, что «приватная служба» Булгарина въ III-мъ отдѣленіи состояла въ выслѣживаніи либерализма въ русскихъ журналахъ и въ доносахъ на русскихъ писателей. Онъ прямо называетъ Булгарина «чиновникомъ особыхъ порученій» и «ходатаемъ по дѣламъ стѣсненія печатнаго слова». Что Булгаринъ занимался доносительствомъ, это не подлежитъ никакому сомнѣнію: объ этомъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ современниковъ. Вопросъ только въ томъ, дѣлалъ ли Булгаринъ доносы по долгу своей «приватной службы», согласно какому-нибудь спеціальному порученію, или же ради своихъ личныхъ интересовъ, т.-е. ради того, чтобы зажать ротъ своему противнику, или уничтожить опаснаго конкурента для «Сѣверной Пчелы», или, наконецъ для того, чтобы заявить о своей благонамѣренности.

Преувеличеніемъ страдаетъ и та страница очерка, посвященнаго Булгарину, гдѣ говорится о страхѣ русскихъ писателей передъ издателемъ «Сѣверной Пчелы». «Неужели не ясно,—говоритъ г. Лемке,—что боялись не пера Булгарина, а его языка, работавшаго внѣ листовъ редактируемыхъ имъ изданій?.. Какова же, значитъ, была увѣренность въ страшномъ мщеніи, если вся литература не рѣшалась печатно открыть глаза обществу на «чиновника особыхъ порученій». (стр. 391). На самомъ же дѣлѣ, если бы кому и пришло въ голову желаніе разоблачить позорную закулисную дѣятельность Булгарина, этому помѣшала бы прежде всего цензура, а не страхъ булгаринскаго мщенія. Этотъ страхъ трудно согласить какъ съ многочисленными эпиграммами на Булгарина, которыя иногда попадали въ печать, такъ и съ открытыми нападками на него, отличавшимися довольно рѣзкимъ характеромъ. Сколько крови испортилъ Булгарину одинъ Бѣлинскій своими безпощадными отзывами о его романахъ и даже намеками на его внѣ литературныя дѣянія! А сколько еще болѣе рѣзкихъ статей и отзывовъ по адресу Булгарина не было пропущено придирчивой цензурой! Можно возразить, что такой невинный младенецъ, какимъ былъ въ

житейскихъ дѣлахъ Бѣлинскій, могъ такъ смѣло издѣваться надъ Булгаринымъ потому, что не зналъ о его закулисныхъ связяхъ. Но это трудно допустить уже потому, что, живя въ Петербургѣ, Бѣлинскій поддерживалъ сношенія со своимъ бывшимъ учителемъ Поповымъ, который служилъ въ III-мъ отдѣленіи. Не допустилъ бы и Краевскій въ своемъ журналѣ выходокъ Бѣлинскаго противъ Булгарина, если бы булгаринскаго мщенія боялись такъ сильно, какъ думаетъ объ этомъ г. Лемке. Если бы издатель «Сѣверной Пчелы» былъ такимъ страшилищемъ, какимъ онъ изображенъ у г. Лемке, не рѣшился бы и Некрасовъ въ своемъ альманахѣ «1-е апрѣля» напечатать эпиграмму. «Онъ у насъ восьмое чудо» *).

Къ Булгарину, конечно, трудно быть справедливымъ, но г. Лемке не всегда справедливъ и по отношенію къ другимъ несимпатичнымъ личностямъ. Погодина, напримѣръ, онъ называетъ «сухой коркой» (стр. 273), хотя «герой» безконечной эпопеи, составляемой г. Барсуковымъ, отличался скорѣе чрезмѣрной экспансивностью и даже чувствительностью. Блудовъ, по мнѣнію г. Лемке, никогда не отличался либерализмомъ (стр. 361), равно какъ и кн. Вяземскаго «ужъ никто не заподозритъ въ либеральномъ образѣ мыслей» (стр. 391). Не вѣритъ г. Лемке и заявленіямъ барона Корфа, что ему было очень тяжело и непріятно засѣдать въ бутурлинскомъ комитетѣ. Краевскому приписывается «угодливость до доносительства включительно». Вообще, говоря о мрачномъ періодѣ русской исторіи, г. Лемке не пожалѣлъ черныхъ красокъ, но онъ наложилъ ихъ гуще, чѣмъ это можетъ быть допущено исторической справедливостью.

Фактическіе недосмотры и публицистическія увлеченія подобнаго рода не мѣшаютъ, конечно, «Очеркамъ» г. Лемке быть книгой цѣнной и полезной, Цѣна книги, напечатанной на хорошей бумагѣ in 8⁰ большого формата и заключающей кромѣ текста, 81 каррикатуру и 19 потретовъ, главнымъ образомъ, сановниковъ, державшихъ въ своихъ рукахъ судьбы русской печати, — не можетъ быть признана дорогою. *С. Ашевскій.*

1) **Ник. Финдейзенъ Михаилъ Ивановичъ Глинка. Очеркъ его жизни и музыкальной дѣятельности. Съ 36 портретами, снимками и факсимиле. Ц. 50 к. Изд. Юргенсона.** 2) **В. П. Авенаріусъ. Создатель русской оперы, Михаилъ Ивановичъ Глинка. Біографическая повѣсть для юношества. Съ 20-ю портретами и рисунками. Ц 1 р. 50 к. Изд. П. В. Луковникова.** Приближающаяся столѣтняя годовщина со дня рожденія геніальнаго нашего композитора (20-го мая 1804 г.) нѣсколько оживила нашу скудную музыкальную литературу. Оживленіе, сказать правду, пока довольно незначительное. Небольшая брошюра и одна книга для юношества *)—вотъ и все покамѣстъ. Наша музыкальная литература, впрочемъ, вообще поражаетъ своей бѣдностью. До сихъ поръ нѣтъ хорошей біографіи Глинки, которая достойнымъ образомъ воспроизвела бы личность композитора и современную ему общественную и музыкальную обстановку.

И нельзя сказать, чтобы за семьдесятъ слишкомъ лѣтъ со дня постановки «Жизни за Царя» было написано мало хорошихъ статей о Глинкѣ. Такія

---

*) Кстати объ этой эпиграммѣ. Г-нъ Лемке называетъ ее „стихотвореніемъ и до сихъ поръ неизвѣстнаго автора“, а въ подстрочномъ примѣчаніи говоритъ, что эпиграмма приписывается Некрасову. Въ статьѣ г. Измайлова „Къ некрасовскимъ днямъ“ (Биржевыя Вѣдомости 1902 г. № 336) устанавливается несомнѣнная принадлежность этой эпиграммы Некрасову.

**) Можемъ упомянуть еще объ одной книгѣ: *В. Г. Вальтеръ.* „Опера М. И. Глинки „Русланъ и Людмила“. 1) Содержаніе и техническій разборъ оперы (съ нотными примѣрами). 2) Исторія „Руслана“. 3) Значеніе „Руслана“ въ исторіи оперы. Съ портретомъ М. И. Глинки. Ц. 80 к. *Ред.*

статьи были и значеніе Глинки оцѣнено въ нашей литературѣ достаточно ярко. Но самое важное, что о немъ написано, почти или вовсе недоступно публикѣ. Самыя важныя съ музыкальной стороны статьи о Глинкѣ Г. А. Лароша хранятся въ книжкахъ «Русскаго Вѣстника» за 1867 г. и не изданы до сихъ поръ отдѣльно. Статьи В. Стасова, статьи А. Сѣрова переизданы вновь только въ большомъ и дорогомъ полномъ собраніи ихъ сочиненій.

Изъ отдѣльныхъ книгъ, написанныхъ о Глинкѣ, нужно здѣсь упомянуть о книгѣ *П. Веймарна.* М. И. Глинка. Біографическій очеркъ. Ц. 1 р. 50 к. Спб. 1892 г. Изд. Юргенсона. Эта книга, достаточно богатая по матеріаламъ, страдаетъ, однако, двумя существенными недостатками: тяжелый языкъ и отсутствіе самостоятельности въ сужденіяхъ автора. Сужденія эти сшиты (съ указаніемъ источниковъ) изъ отрывковъ упомянутыхъ выше музыкальныхъ критиковъ и являются чисто компилятивной работой. Такая бѣдность книжной литературы о Глинкѣ объясняется вполнѣ удовлетворительно ничтожнымъ спросомъ нашей публики на книги о музыкѣ.

Достаточно указать, что автобіографическія «Записки М. И. Глинки» (вмѣстѣ съ его письмами), изданныя Суворинымъ въ 1887 году, еще не дождались второго изданія. А между тѣмъ это любопытнѣйшая и чрезвычайно интересная книга, въ высшей степени характерная для ея автора.

Нельзя не пожелать, чтобы знаменательная годовщина 20-го мая этого года ознаменовалась не только скульптурнымъ памятникомъ Глинкѣ, сооружаемымъ на площади Маріинскаго театра въ Петербургѣ, но и литературнымъ памятникомъ въ видѣ хорошей біографіи М. И. Глинки, а также сборникомъ лучшихъ о немъ статей.

Что касается брошюры *Н. Финдейзена*, то она представляетъ собою довольно подробный біографическій очеркъ жизни и дѣятельности Глинки, во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно интересной и поучительной. Къ сожалѣнію, авторъ почти не касается общественно-музыкальной жизни того времени, и потому смыслъ геройскаго подвига Глинки, творившаго свои созданія въ густой атмосферѣ общественной и музыкальной пошлости, отравившей послѣдніе годы его жизни, смыслъ этотъ остается невыясненнымъ. Большимъ украшеніемъ книги является множество хорошо отпечатанныхъ снимковъ съ портретовъ Глинки, съ карикатуръ на него и др.

Книга В. П. Авенаріуса, опытнаго составителя нравоучительныхъ повѣстей изъ жизни великихъ людей, доставила мнѣ мало удовольствія. У насъ, къ счастью, не прививаются нравоучительныя книжки для юношества. Въ нихъ всегда чувствуется какая-то фальшь, дѣланность, и беллетристическая форма не спасаетъ читателя, даже юнаго, отъ скуки.

Въ данномъ случаѣ авторъ воспользовался подлинными словами Глинки, взятыми изъ его записокъ, придѣлалъ къ нимъ много длинныхъ разговоровъ яко бы Глинки и другихъ лицъ, и вышла повѣсть. И среди этой длинной повѣсти совершенно исчезла яркая личность Глинки, а вмѣсто нея явилась стереотипная фигура великаго человѣка, созданнаго богомъ, повидимому, главнымъ образомъ, для поученія юношества.

Обращаясь къ фактической сторонѣ повѣсти, необходимо указать на нѣкоторыя неточности. Глинка былъ назначенъ капельмейстеромъ императорской пѣвческой капеллы, но не «на мѣсто Львова, композитора нашего гимна», какъ пишетъ Авенаріусъ, а подъ его начальство. Глинка пробылъ подъ этимъ начальствомъ всего 2 года, но конкуренція композиторовъ изъ высшаго свѣта (Львова, Вьельгорскаго) съ Глинкой продолжалось гораздо дольше, и была бы очень забавна, если бы не была такъ горько для Глинки, котораго эти композиторы фактически вытѣсняли изъ концертовъ и оперы. Опускаю нѣкоторыя

другія, чисто музыкальныя неточности, происходящія отъ недостаточно близкаго знакомства Авенаріуса съ музыкой.

Отмѣчу его непонятныя измѣненія въ подлинныхъ словахъ Глинки, допущенныя Авенаріусомъ въ нѣсколькихъ и очень существенныхъ мѣстахъ повѣсти.

Еще болѣе странными кажутся мнѣ слова Авенаріуса въ началѣ послѣдней главы: «Русланомъ» завершилось творчество Глинки, какъ создателя русской оперы; а потому о дальнѣйшихъ годахъ его жизни мы можемъ ограничиться немногими словами. Этотъ отрывокъ обнаруживаетъ полное непониманіе Авенаріусомъ связи между творчествомъ Глинки и гибельнымъ на него вліяніемъ окружающей обстановки. «Русланъ» поставленъ былъ въ 1842 году, когда Глинкѣ было всего 38 лѣтъ (Глинка умеръ въ 1857 г.).

Какимъ образомъ Авенаріусъ можетъ думать, что творчество такого генія могло завершиться въ эти годы! Неужели Авенаріусъ не знаетъ, что творчество Глинки было подорвано не физическими недугами, какъ, повидимому, думаетъ Авенаріусъ, а отношеніемъ къ нему соотечествениковъ. Въ 1855 году Глинка пишетъ своему другу Энгельгардту: «Досада, огорченія и страданія меня убили, я рѣшительно упалъ духомъ». Глинкѣ, дѣйствительному творцу русской національной оперы, приходилось бороться съ злѣйшимъ врагомъ генія, съ пошлостью, царившей тогда во всѣхъ музыкальныхъ сферахъ, съ пошлостью, властно поддерживаемой театральнымъ начальствомъ: «Жизнь за царя» давалась какъ бы на затычку, при самой жалкой обстановкѣ, а «Русланъ», выдержавшій въ сезонъ 1842—1843 года 32 представленія, вскорѣ былъ снятъ со сцены, и появился вновь только послѣ смерти Глинки. Вотъ что подрѣзало крылья русскому генію. *В. Вальтеръ.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СОЦІОЛОГІЯ.

„Marx-studien". — *Алланъ Кларкъ.* „Фабричная жизнь въ Англіи". — *Генрихъ Дюмоларъ.* „Японія въ политическомъ, экономическомъ и соціальномъ отношеніи".

Marx-studien. Herausgegeben von Dr. M. Adler und Dr. R. Hilferding (Hilferding, Böhm-Bawerks Marx-Kritik; Karner, Die sociale Funktion der Rechtsinstitute; M. Adler, Kausalität und Teleologie im Streiie um die Wissenschaft) Wien. 1904. 433 стр. Лежащій передъ нами объемистый томъ представляетъ собою попытку разобрать и систематизировать въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ монографій основные элементы доктрины Маркса. Авторы этого коллективнаго труда являются послѣдователями ученія Маркса, послѣдователями, ставящими своею цѣлью не повтореніе аргументаціи учителя, а дальнѣйшую разработку его ученія.

У нѣкоторыхъ, читаемъ мы въ предисловіи, явится вопросъ—принадлежимъ ли мы къ ортодоксамъ или ревизіонистамъ? Во всякомъ случаѣ, отвѣчаетъ редакція коллективнаго труда, даже и ортодоксы не должны бы забывать словъ самого Маркса: «Я не стою за то, чтобы мы держались за знамя догмы, наоборотъ... Мы не объявляемъ доктринерски міру новый принципъ, говоря: вотъ передъ тобою истина, преклони передъ нею колѣни». И неужели же, резонно спрашиваетъ редакція, вспоминая объ этихъ словахъ Маркса, мы, его ученики, можемъ дѣлать изъ его ученія догму, передъ которой остается лишь смиренно преклонить колѣни? Причисляя себя къ сторонникамъ ученія Маркса, но вмѣстѣ съ тѣмъ признавая его незаконченность, редакція сборника «Marx-Studien» ставитъ своею цѣлью въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ монографій, такъ сказать,

ассимилировать марксизму новѣйшія завоеванія научной мысли, ввести марксизмъ, выражаясь языкомъ юристовъ, во владѣніе богатыми завоеваніями человѣческой мысли и дѣятельности за послѣдніе полувѣка.

Въ первой очень интересной статьѣ Гильфердинга идетъ рѣчь объ экономической доктринѣ Маркса и критикѣ ея австрійскою школою экономистовъ. Какъ справедливо подчеркиваетъ авторъ, споръ между марксизмомъ и австрійскою школою не есть споръ фактическій, разногласія между этими двумя крупнѣйшими теченіями современной экономической науки коренятся въ различіи пониманія основныхъ задачъ политической экономіи, основныхъ признаковъ всякаго экономическаго явленія.

Глава австрійской школы Бемъ-Баверкъ, справедливо замѣчаетъ Гильфердингъ, въ своей критикѣ экономической системы Маркса забываетъ о той особенной, специфической точкѣ зрѣнія, съ которой политическая экономія изслѣдуетъ окружающія явленія. Товаръ самъ по себѣ, какъ «вещь», безусловно представляетъ одновременно и потребительную и мѣновую цѣнность, обѣ эти цѣнности въ немъ представляютъ нѣчто цѣлое, единое, и только мы, вооруженные специфическими точками зрѣнія обособившихся самостоятельныхъ наукъ, раздваиваемъ этотъ предметъ, съ точки зрѣнія естественныхъ наукъ видя въ немъ объективную вещь, съ опредѣленными природными качествами, а съ точки зрѣнія политической экономіи видя въ немъ лишь выраженіе извѣстныхъ общественныхъ отношеній. На этой-то послѣдней точки зрѣнія и стоитъ экономическая наука, видя въ мѣновыхъ отношеніяхъ между вещами-товарами вещное выраженіе общественныхъ отношеній людей-товаропроизводителей.

Въ противоположность только что намѣченной отправной точкѣ зрѣнія, австрійская школа, наоборотъ, исходитъ не изъ мѣновой, а изъ потребительной цѣнности товара, не изъ его общественныхъ, а изъ природныхъ свойствъ товара, изъ анализа не общественныхъ отношеній людей въ прогрессѣ производства, а индивидуальныхъ отношеній даннаго лица къ данному товару. Такая постановка вопроса не исторична и не соціальна—она не въ состояніи намъ выяснить исторической эволюціи экономическихъ явленій, ибо индивидуальныя взаимоотношенія между человѣкомъ и вещью, удовлетворяющей ѳдну изъ его потребностей, не измѣняются и нисколько не характеризуютъ различные фазисы общественнаго развитія.

Точно также и трудъ, какъ предметъ экономическаго анализа, представляетъ собою не простую затрату физіологической энергіи, а извѣстное общественное явленіе. И беря исходною точкою общественно-необходимый трудъ, экономическая наука вскрываетъ своимъ дальнѣйшимъ анализомъ внутренній механизмъ общества, опирающагося на частную собственность и раздѣленіе труда. И въ мѣновыхъ отношеніяхъ товаровъ съ этой точки зрѣнія проявляется не различіе индивидуальныхъ экономическихъ оцѣнокъ, а единство, цѣлостность исторически-данной организаціи производительныхъ силъ. И только при этой данной организаціи производительныхъ силъ, какъ въ вещный символъ человѣческаго труда, вещи превращаются въ товары.

Установивъ ту общую точку зрѣнія, съ которой школа Маркса подходитъ къ изслѣдованію окружающихъ явленій, авторъ переходитъ затѣмъ къ разбору чрезвычайно запутаннаго вопроса о средней нормѣ прибыли, о прибавочной цѣнности и т. д.

Разобравъ критическія возраженія Бемъ-Баверка и набросавъ общій очеркъ экономическаго міровоззрѣнія Маркса, Гильфердингъ заканчиваетъ свою статью мѣткимъ противопоставленіемъ школы Маркса и школы австрійскихъ экономистовъ. У Маркса основнымъ понятіемъ экономической науки является данная организація производительныхъ силъ общества. Эволюція экономическаго строя причинно обусловлена эволюціей производительныхъ силъ. При этомъ діалекти-

ческій ходъ развитія понятій и системъ отражаетъ собою ходъ развитія реальныхъ отношеній производства. Параллельность этихъ двухъ процессовъ и представляетъ строгое эмпирическое доказательство вѣрности теоріи. Исходной точкой анализа по необходимости является форма товара, въ которой общественныя отношенія людей принимаютъ характеръ объективнаго отношенія вещей, что и придаетъ столь мистическій видъ экономическимъ проблемамъ.

Австрійская же школа, наоборотъ, исходной точкой анализа беретъ индивидуальныя отношенія человѣка къ вещи, разсматривая эти отношенія какъ подчиненные естественному неизмѣнному закону. Австрійской школѣ остается совершенно чуждымъ пониманіе особенной закономѣрности экономическихъ явленій и ихъ соціальной закономѣренности. Эта теорія означаетъ отрицаніе экономической науки какъ самостоятельной науки.

Всѣ эти указанія Гильфердинга не новы, конечно, и въ частности у насъ въ Россіи г. Булгаковъ въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ «Науч. Обозр.», если не ошибаюсь, въ 1897 г., указывалъ на эту методологическую путаницу теорій австрійскихъ экономистовъ, на то, что они, какъ экономисты, совершаютъ самоубійство, отрицая особую закономѣрность экономическихъ явленій.

За статьей Гильфердинга слѣдуетъ статья Карнера «Соціальныя функціи правовыхъ институтовъ», гдѣ внимательно прослѣживается эволюція института частной собственности и вскрывается реальное соціальное ядро различныхъ юридическихъ институтовъ и установленій.

Наиболѣе общій интересъ представляетъ третья и послѣдняя статья— статья М. Адлера о научномъ значеніи и примѣненіи точки зрѣнія причинности и точки зрѣнія цѣлесообразности. Въ статьѣ этой затронуты всѣ общіе вопросы, связанные съ дальнѣйшей разработкой общаго философскаго міросозерцанія Маркса.

Авторъ вполнѣ основательно указываетъ на необходимость серьезной гносеологической переработки основныхъ понятій марксизма. Теорія познанія вообще составляетъ еще наименѣе законченную и наиболѣе уязвимую часть марксизма и только въ новѣйшее время стали появляться серьезныя попытки связать міросозерцаніе Маркса съ опредѣленной разработанной теоріей познанія. Авторъ далѣе совершенно справедливо подчеркиваетъ существенное различіе между характеромъ закономѣрности соціальныхъ явленій и характеромъ закономѣрности явленій естественныхъ. Классификація наукъ составляетъ совсѣмъ уже не тронутую марксизмомъ область, и, останавливая вниманіе читателей на основыхъ вопросахъ, связанныхъ съ построеніемъ классификаціи наукъ, М. Адлеръ оказываетъ очень большую услугу плодотворному дальнѣйшему развитію марксизма.

Авторъ внимательно останавливается на разныхъ теченіяхъ современной философской мысли, пытаясь ассимилировать ихъ марксизму. Нельзя только не пожалѣть, что авторъ не остановился подробно на эмпиріокритицизмѣ, философской системы, на фундаментѣ которой многіе, въ особенности русскіе, послѣдователи Маркса пытаются обосновать свое міросозерцаніе.

Статья Адлера какъ нельзя лучше показываетъ, что ученики Маркса теперь все больше начинаютъ понимать философскую незаконченность, недодѣланность системы своего учителя и отсюда необходимость серьезной обработки и переработки философскихъ основъ марксизма. Тѣ философскія основы, на которыхъ исторически возникъ и выросъ марксизмъ, не могутъ быть въ настоящее время приняты цѣликомъ, хотя, какъ вполнѣ справедливо указываетъ Адлеръ, уже у самого Маркса мы можемъ найти зародыши современныхъ философскихъ идей критическаго реализма.

Въ общемъ лежащій передъ нами первый томъ серіи монографій, посвященныхъ Марксу, производитъ очень хорошее впечатлѣніе. Авторы одинаково

далеки и отъ ортодоксальной нетерпимости, и отъ легкомысленной погони за самоновѣйшими теченіями, они стремятся къ дальнѣйшему обоснованію и развитію марксизма, къ ассимилированію ему новѣйшихъ прочныхъ завоеваній человѣческой дѣятельности и человѣческой мысли. *П. Б—инъ.*

Алланъ Кларкъ. Фабричная жизнь въ Англіи. Съ англійскаго перевелъ А. Н. Коншинъ. Съ предисловіемъ академика И. И. Янжула. Изданіе «Посредника» (для интеллигентныхъ читателей). М. 1904 г. Стр. 115. Ц. 60 к. Непритязательный разсказъ рабочаго о личныхъ впечатлѣніяхъ и наблюденіяхъ надъ фабричной жизнью можетъ иногда пролить больше свѣта на соціальныя проблемы, чѣмъ многіе томы кабинетно-научныхъ измышленій и статистическихъ таблицъ. Въ «Русскомъ Богатствѣ» за прошлый годъ были помѣщены записки рабочаго, подъ заглавіемъ «Заводскія будни», которыя смѣло можно признать цѣннымъ вкладомъ въ русскую литературу рабочаго вопроса, болѣе цѣннымъ, чѣмъ многія и многія ученыя сочиненія. Авторъ новой книги, изданной фирмой «Посредникъ», Алланъ Кларкъ, тоже бесѣдуетъ съ читателемъ, какъ бывшій рабочій, желающій подѣлиться личными наблюденіями, личными впечатлѣніями и настроеніями. Но, къ сожалѣнію, личнымъ наблюденіямъ удѣлено въ его книжкѣ слишкомъ мало мѣста, а личному чувству—слишкомъ много. У автора очень хорошія намѣренія: онъ ненавидитъ современную фабричную жизнь, требуетъ облегченія участи фабричныхъ рабочихъ, особенно женщинъ и дѣтей, а въ качествѣ радикальнаго средства противъ золъ фабричной системы предлагаетъ полное ея уничтоженіе и возвращеніе къ патріархальному земледѣльческому быту. Книжкѣ вредитъ не то, что авторъ ея предается несбыточнымъ мечтамъ, а то, что онъ не умѣетъ найти необходимыхъ границъ между правами мечтателя, обязанностями добросовѣстнаго изслѣдователя и задачами учителя-реформатора. Личнымъ наблюденіямъ, какъ уже сказано, удѣлено не много мѣста. Большая же часть книги наполнена нравоучительными разсужденіями и историко-статистическимъ матеріаломъ изъ различныхъ источниковъ; матеріалъ этотъ подобранъ безъ системы, безъ критической провѣрки и носитъ случайный характеръ. Большая часть приводимыхъ авторомъ свѣдѣній относится къ фабрикамъ Ланкашира. Цѣль статистическихъ доказательствъ автора—доказать гибельныя послѣдствія фабричной системы въ Ланкаширѣ. Но эта цѣль плохо достигается, потому что самъ авторъ не отдаетъ себѣ отчета, съ чѣмъ именно онъ сравниваетъ свой родной Ланкаширъ. Сообщается, напримѣръ, что ростъ мальчиковъ въ фабричныхъ городахъ Ланкашира «на три-четыре дюйма ниже средняго уровня» (76). А что подразумѣвается подъ «среднимъ уровнемъ», объ этомъ умалчивается: читателю предоставляется самому угадывать, имѣется ли тутъ въ виду ростъ мальчиковъ въ Ланкаширѣ вообще (со включеніемъ сельскаго населенія) или въ другихъ городахъ Англіи, или во всей Англіи вообще. Авторъ безусловно правъ, когда говоритъ, что «цифры даютъ самое слабое представленіе объ отвратительной истинѣ. На таблицахъ нельзя изобразить блѣдныя лица, плохое здоровье, головныя боли» (67). Это справедливо даже относительно научно обработаннаго и добросовѣстно провѣреннаго статистическаго матеріала. Тѣмъ менѣе пригодна для изображенія «отвратительной истины» диллетантская игра въ статистику. Что же касается нравоучительныхъ разсужденій автора, то они подкупаютъ своей искренностью, но иногда вызываютъ и довольно жалкое впечатлѣніе излишней претенціозностью. Напримѣръ: «Маленькій корсиканскій пѣтухъ, Наполеонъ, сдѣлался, между прочимъ, косвеннымъ образомъ, отвѣтственнымъ за новѣйшую фабричную систему» (16). «Мы гораздо человѣчнѣе относимся къ нашему скоту, чѣмъ къ нашимъ женщинамъ» (65). «Ни одинъ дикій звѣрь не обращается со своими дѣтенышами

такъ, какъ обращаются со своими дѣтьми отцы и матери въ Ланкаширѣ» (75).

При всѣхъ своихъ недостаткахъ книжка Кларка читается съ интересомъ и можетъ быть полезной. Русскимъ чатателямъ, болѣе знакомымъ съ политической стороной рабочаго вопроса на Западѣ, чѣмъ съ внутреннимъ міромъ западно-европейскихъ рабочихъ, полезно будетъ услышать живую рѣчь рабочаго-энтузіаста, котораго взгляды такъ плохо укладываются въ обычныя у насъ формулы и подраздѣленія. А. Кларкъ жестоко нападаетъ и на капиталистовъ, и на своихъ товарищей-рабочихъ. Онъ выноситъ обвинительный приговоръ всему существующему строю, но ждетъ спасенія не отъ переворота и не отъ классовой борьбы, а отъ распространенія болѣе здравыхъ понятій среди всѣхъ классовъ населенія. Своихъ товарищей онъ упрекаетъ и въ консерватизмѣ, и въ классовомъ эгоизмѣ: съ одной стороны, рабочіе, по мнѣнію Кларка, слишкомъ довѣрчиво относятся къ капиталистамъ и къ существующему порядку (стр. 96), съ другой—ихъ борьба за лучшія условія труда носитъ узко-эгоистическій характеръ. «Трэдъ-юніонизмъ», по словамъ А. Кларка — «коллективный эгоизмъ... То же самое можно сказать и про кооперативныя движенія...» (98). «Цѣли чартистовъ были гораздо шире и великодушнѣе... чартисты... были люди съ извѣстными идеалами: они любили природу, поэзію, философію и мечтали о счастьи всего міра въ единодушной братской любви...» (тамъ же). Упреки Кларка своимъ товарищамъ не носятъ, однако, злобно-обличительнаго характера, ибо причину зла онъ видитъ въ фабричной системѣ, убивающей въ рабочихъ не только тѣло, но и душу. И даже страстныя нападки на фабричную систему смягчаются многочисленными оговорками, которыя, очевидно, диктуются автору добросовѣстностью и живой любовью къ людямъ. Такъ, онъ неоднократно указываетъ, вступая въ явное противорѣчіе со своими излюбленными теоріями—на улучшенія, происшедшія въ послѣднее время въ ненавистной ему фабричной жизни (35, 82, 100, 115), и допускаетъ, что дальнѣйшія улучшенія могутъ быть достигнуты и при сохраненіи фабричной системы (103). И увѣряя, что «Англія теряла свою душу по мѣрѣ того, какъ пріобрѣтала золото» (18), онъ въ другомъ мѣстѣ успокаиваетъ читателя слѣдующими поэтическими строками: «Я люблю мой народъ за ослабѣвшую, но не умершую добродѣтель, которая у многихъ силится пробиться, какъ пробивается травка и цвѣты изъ-подъ покрытыхъ пепломъ рельсъ желѣзной дороги, за тѣ душевныя свойства, которыя, не взирая на привитый фабричною жизнью эгоизмъ, выражаются въ добротѣ и состраданіи къ ближнимъ, за способность жертвовать собой ради общаго блага и, наконецъ, за юмористическій духъ, отъ котораго я ожидаю въ будущемъ очень многаго» (104).

Предисловіе академика И. Янжула, въ которомъ дается краткое изложеніе и критика сочиненія А. Кларка, заканчивается указаніемъ на несбыточность мечтаній автора, на невозможность для Англіи «вернуться опять къ земледѣльческой идилліи добраго стараго времени». Къ этимъ словамъ издатели присоединили оговорку отъ своего имени, въ которой выражаютъ свое несогласіе съ г. И. Янжуломъ. Намъ кажется, что вмѣсто этого двухголоснаго «pro domo sua» полезнѣе было бы помѣстить въ предисловіи болѣе подробныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности А. Кларка. Самъ онъ говоритъ о себѣ слѣдующее: «Я убѣжденъ, что сѣверный фабричный народъ, который плакалъ и смѣялся, читая мои скромные разсказы, который вырѣзывалъ изъ газетъ мои стихотворенія и баллады, затверживая наизусть мои юмористическіе очерки на мѣстномъ діалектѣ, чьи дѣти забавлялись многіе годы моими сказками,—тотъ на родъ не возненавидитъ своего вѣрнаго, доброжелательнаго сотоварища, отецъ и мать котораго работали, а братья и сестры и до сихъ поръ работаютъ

на фабрикѣ, за то, что онъ раскрываетъ передъ ихъ глазами истину и молится о ихъ спасеніи» (113). Если вѣрить этимъ словамъ, нашъ авторъ соединилъ въ себѣ качества плохого экономиста и хорошаго поэта. *А. Рыкачевъ* *).

Генрихъ Дюмоларъ. Японія въ политическомъ, экономическомъ и соціальномъ отношеніяхъ. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1904 г. Цѣна 1 р. 50 к. Книга г. Дюмолара даетъ много интересныхъ данныхъ о томъ, что представляетъ собой въ настоящее время Японія, эта мало извѣстная и мало понятная для европейцевъ страна. На протяженіи жизни одного поколѣнія какимъ-то непостижимымъ образомъ это, на первый взглядъ, типичное восточное государство, не знакомое Европѣ и не желавшее знать ее, заняло мѣсто на ряду съ крупными европейскими державами. Невольно рождается вопросъ, что же дало ей право на именованіе культурной страной, въ европейскомъ смыслѣ слова? И если она, дѣйствительно, имѣетъ его, какимъ чудомъ завоевала она его въ какихъ-нибудь 40 лѣтъ? Г. Дюмоларъ собралъ много матеріала для отвѣта на первый вопросъ. Второй остается совершенно не затронутымъ въ его работѣ, и даже болѣе, по прочтеніи его книги, онъ выступаетъ еще настоятельнѣе, становится еще непонятнѣе.

На протяженіи 323 страницъ небольшого формата г. Дюмоларъ развертываетъ передъ нами картину того, что достигнуто Японіей въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій въ политической, экономической и соціальной области. И нельзя сказать, чтобы картина получалась черезчуръ поверхностная. Наоборотъ, множество фактовъ, цифръ, статистическихъ таблицъ даютъ читателю возможность самому оцѣнивать тотъ матеріалъ, съ которымъ оперируетъ авторъ. Это очень облегчаетъ пользованіе книгой и дѣлаетъ честь добросовѣстности г. Дюмолара, тѣмъ болѣе, что сообщаемые имъ факты очень часто могутъ привести непредубѣжденнаго читателя къ выводамъ совершенно обратнымъ тѣмъ, какіе дѣлаетъ авторъ.

Наиболѣе интересной и, пожалуй, наиболѣе фантастичной въ изложеніи г. Дюмолара представляется картина промышленнаго роста Японіи въ теченіе трехъ послѣднихъ десятилѣтій. «Въ области промышленности, какъ и во многихъ другихъ областяхъ, японскимъ народомъ за послѣднія 15—20 лѣтъ затрачена масса труда.—Такъ заключаетъ г. Дюмоларъ свою главу о торговомъ

---

*) ПОПРАВКА. Въ мартовской книжкѣ „Міра Божія", въ „Библіографическомъ отдѣлѣ", на стр. 118 (отзывъ о книгѣ „Періодическая печать на Западѣ") пять строчекъ (12—16 стр. сверху) попали не на свое мѣсто. Нужно читать это мѣсто такъ:

„Авторы не устанавливаютъ различіе между такими недостатками печати, за которые отвѣтственна сама печать, сами журналисты, и такими, за которые отвѣтственность падаетъ на общество, на правительство, на внѣшнія обстоятельства,—всѣ недостатки смѣшиваются въ одну кучу и читатель не знаетъ, кого за нихъ винить и отъ кого ждать помощи въ будущемъ. Сами авторы, не задумываясь надъ отвѣтственностью журналистовъ, склонны преувеличивать значеніе внѣшнихъ обстоятельствъ и окружающей среды. Можно, пожалуй, сказать, что такая точка зрѣнія—самая естественная для русскаго публициста, ибо въ Россіи внѣшнія обстоятельства, дѣйствительно, играютъ совершенно исключительную роль. Но чѣмъ тяжеле бремя внѣшнихъ обстоятельствъ, тѣмъ интенсивнѣе должна бы идти внутренняя работа и тѣмъ большаго вниманія заслуживаютъ заслуги и грѣхи самой журналистики. И въ разбираемомъ „Сборникѣ" признается, что «въ силу особыхъ условій, на нашей прессѣ лежитъ гораздо болѣе всеобъемлющая и отвѣтственная роль, чѣмъ на европейской или американской прессѣ" (33). Если такъ, то русскимъ публицистамъ менѣе всего пристало успокаиваться на дешевыхъ соціологическихъ обобщеніяхъ, гласящихъ, что пресса—зеркало общества, что нечего обществу на зеркало пенять, что недостатки прессы суть недостатки всего общества или всего современнаго строя. А между тѣмъ, почти всѣ статьи „Сборника" проникнуты желаніемъ свалить грѣхи журнализма на голову все того же пресловутаго „капитализма".

А. Р.

и промышленномъ развитіи Японіи.—Но не слѣдуетъ преувеличивать достигнутыхъ результатовъ... Активъ японской промышленности заключается только въ дешевизнѣ рабочихъ рукъ. Но и тутъ надо замѣтить, что заработная плата повышается вмѣстѣ съ повышеніемъ стоимости жизни, которая увеличивается съ каждымъ днемъ. Пассивъ же ея гораздо больше. Онъ состоитъ въ отсутствіи капиталовъ, въ ужасныхъ нравахъ, укоренившихся въ торговлѣ, плохомъ качествѣ рабочихъ рукъ, недостаткѣ технической опытности управленія и т. п.». Въ другомъ мѣстѣ г. Дюмоларъ выражается еще сильнѣе: «Въ концѣ концовъ,—говоритъ онъ,—на фабрикахъ нѣтъ ни способныхъ директоровъ, ни мастеровъ, ни даже рабочихъ». Но и то, и другое говоритъ самъ г. Дюмоларъ. Посмотримъ теперь, что говорятъ приводимыя имъ цифры. Въ 1872 г. началась въ Японіи постройка желѣзныхъ дорогъ. Въ настоящее время страна имѣетъ 3.600 миль уже эксплоатируемыхъ желѣзнодорожныхъ линій. Не надо при этомъ забывать относительно небольшую территорію Японіи (363.000 квадратныхъ километровъ) и ея островной характеръ, вслѣдствіе чего особенное значеніе имѣютъ тамъ пароходные пути сообщенія. Торговый флотъ Японіи достигъ за это же время очень внушительныхъ размѣровъ. Его грузоспособность достигаетъ до 500.000 тоннъ. Размѣры внѣшней торговли Японіи выражались въ 1901 г. въ слѣдующихъ цифрахъ: ввозъ Японіи въ іенахъ *) равнялся 327.435.401, вывозъ—181.123.214. При этомъ вывозъ продуктовъ обрабатывающей промышленности, занимаетъ въ торговлѣ страны все больше мѣста по отношенію къ вывозу сырья. Въ настоящее время продукты японской промышленнности составляютъ уже 80% всего вывоза страны. Соотвѣтственно съ этимъ уменьшается количество ввозимыхъ продуктовъ иностранной промышленности. Еще въ 1890 г. они составляли 87% всего ввоза. Въ 1901 г. процентъ этотъ упалъ уже до 62. И та и другая цифра ясно указываютъ на быстрый ростъ національной промышленности въ странѣ. То же самое подтверждаютъ и цифры, касающіяся размѣровъ роста отдѣльныхъ отраслей промышленности Японіи. Такъ, хлопчато-бумажная промышленность, развившаяся тамъ въ самое послѣднее время, въ настоящее время приняла уже очень значительные размѣры. Ею занимаются 70 промышленныхъ компаній, на фабрикахъ работаетъ около $1^1/_2$ милліоновъ веретенъ, вырабатывающихъ 34.723.113 кванъ, т.-е. около 125 милліоновъ килограммовъ хлопчато-бумажной пряжи. Не будемъ приводить другихъ примѣровъ, во множествѣ разсѣянныхъ въ книгѣ г. Дюмолара и ясно доказывающихъ, какихъ громадныхъ результатовъ достигла крупная японская промышленность, не существовавшая еще до 1870 г. Остановимся только еще на одномъ пунктѣ. Мы уже указывали ранѣе, что единственнымъ преимуществомъ японской промышленности г. Дюмоларъ считаетъ дешевизну рабочихъ рукъ. Не будемъ говорить уже о сомнительной цѣнности такого преимущества, во всякомъ случаѣ авторъ самъ отмѣчаетъ, что за послѣдніе годы оно все убываетъ, такъ какъ заработная плата имѣетъ очевидную тенденцію возрастать. Благодаря своей обычной цифровой добросовѣстности, г. Дюмоларъ приводитъ въ доказательство этого большую таблицу, показывающую сравнительные размѣры поденной платы рабочимъ въ 30-ти различныхъ видахъ промышленности за 1898, 1899, 1900 и 1901 гг. Оказывается, поденная плата за послѣдніе четыре года возросла, въ среднемъ, на 10 сенъ. Прибавка за такой короткій срокъ, дѣйствительно, очень значительная. Не можемъ только согласиться съ г. Дюмоларомъ въ оцѣнкѣ этого факта. Намъ кажется, что ростъ заработной платы, независимо отъ его абсолютной желательности, служитъ несомнѣнно положительнымъ симптомомъ для японской промышленности.

---

*) Іена немногимъ меньше 1 рубля; сена—около копейки.

*

Вообще японскій рабочій, такъ недавно выступившій на арену фабричнаго труда, представляетъ уже теперь,—по словамъ г. Дюмолара, — значительную силу, съ которой приходится очень и очень считаться предпринимателямъ. «Движеніе расширяется съ каждымъ днемъ: образуются рабочія ассоціаціи, принципъ кооперации завоевываютъ себѣ все новыхъ и новыхъ приверженцевъ, бюро труда основываются на каждомъ шагу и для самыхъ разнообразныхъ разрядовъ пролетаріата. Въ одномъ только Токіо ихъ сотни... Возьмемъ одинъ изъ союзовъ, одинъ изъ самыхъ слабыхъ,—союзъ носильщиковъ. Въ одномъ Токіо онъ имѣетъ 60.000 членовъ» (стр. 185, 186). Нѣсколько странными поэтому являются постоянныя соболѣзнованія г. Дюмолара по поводу ужаснаго положенія японскаго рабочаго новаго времени, которое онъ противопоставляетъ безпечальной жизни японскаго простолюдина до 1868 г. «Одно и тоже поколѣніе, — пишетъ г. Дюмоларъ, — могло знать и жизнь до реставраціи 1868 г.—простую, монотонную, но спокойную и въ достаткѣ, и лихорадочное существованіе настоящаго времени, съ новыми нуждами, страстями, эгоизмомъ и необузданною ненавистью. И если,—какъ говоритъ Данте,—«воспоминаніе о счастливыхъ временахъ самое тяжелое изъ страданій несчастныхъ», то каковы же должны быть мученія и озлобленіе этихъ паріевъ японской промышленности». Не знаемъ, на сколько эпитетъ паріевъ подходитъ къ теперешнимъ японскимъ рабочимъ, но думаемъ, что врядъ ли они испытываютъ особыя муки при воспоминаніи о своемъ прежнемъ блаженствѣ. Блаженство это, даже по немногимъ даннымъ весьма благосклоннаго къ тому счастливому времени автора, представляется довольно-таки сомнительнымъ. Сельскохозяйственные рабочіе, составлявшіе въ ту эпоху большинство, находятся въ наихудшемъ положеніи изъ всѣхъ рабочихъ. «Земледѣльческіе рабочіе-мужчины зарабатываютъ въ общемъ три коку *) риса въ годъ. За это вознагражденіе они работаютъ цѣлый годъ и имѣютъ только нѣсколько полудней отдыха во время большихъ праздниковъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ имъ разрѣшается провести часть января мѣсяца въ своихъ семьяхъ. 1-го февраля они должны вернуться къ своимъ хозяевамъ; это они называютъ — «вернуться къ чорту въ лапы». Что касается положенія ремесленниковъ до реставраціи, то о немъ мы не находимъ въ книгѣ г. Дюмолара никакихъ данныхъ. Только одна маленькая черточка позволяетъ намъ предположить, что оно было все-таки довольно далеко отъ райскаго блаженства. Въ примѣръ прекрасныхъ, истинно-патріархальныхъ отношеній, господствовавшихъ среди этихъ ремесленниковъ, онъ приводитъ положеніе ремесленныхъ учениковъ. «Въ первые годы ученичества его обязанности заключались, главнымъ образомъ, въ уборкѣ дома, магазина или мастерской и въ исполненіи порученій... 13-ти лѣтъ ученикъ дѣлался такъ называемымъ hanning-mayé, т.-е. получеловѣкомъ... Вмѣстѣ съ своими младшими товарищами онъ продолжалъ исполнять домашнія работы, но въ то же время начиналъ изучать ремесло. Ученикъ дѣлался настоящимъ рабочимъ только тогда, когда онъ давалъ доказательство своей профессіональной ловкости». Трудно предположить, чтобы при такихъ условіяхъ это происходило особенно скоро. И вообще подобныя условія ученичества, хотя они и дѣйствительно патріархальны, едва ли можно считать особенно завидными.

Къ политическому строю Японіи авторъ относится крайне неодобрительно. «Что касается ея внутренняго положенія, будемъ ли мы разсматривать его съ точки зрѣнія политической или экономической,—оно то же далеко не блестяще», говоритъ онъ. «Что особенно господствуетъ надъ всѣмъ,— замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—это несомнѣнно появленіе новой, до сихъ поръ неизвѣстной расы людей—расы политикановъ. Невѣжественные, тщеслав-

*) Коку—около 11 пудовъ.

ные, подкупные до послѣдней степени, японскіе политиканы являются блестящими представителями теперешняго порядка вещей» (стр. 41). Но нѣсколько ниже мы находимъ утвержденіе, которое довольно трудно согласить съ приведенными только что словами. «Указавъ на то, что преувеличено въ изображеніи роста Японіи, нельзя, однако, усомниться, что успѣхи ея на пути прогресса за послѣднія нѣсколько лѣтъ все же весьма значительны; и надо, не колеблясь, признать, что наибольшей долей этого успѣха страна обязана своему правительству, которое безпрестанно поощряло и способствовало этому успѣху своей денежной поддержкой. И въ самомъ дѣлѣ всѣ отдѣльныя части японской администраціи съ большимъ вниманіемъ слѣдятъ за прямымъ или косвеннымъ улучшеніемъ промышленныхъ знаній народа и заботятся о развитіи внѣшней торговли страны. Министерство земледѣлія и торговли имѣетъ главной задачей направить всѣ свои усилія въ эту сторону, но и всѣ другія вѣдомства не упускаютъ ни малѣйшей возможности быть полезными странѣ въ этомъ направленіи... Почта и телеграфъ функціонируютъ очень правильно и дешево; наконецъ благодаря усиліямъ правительства въ странѣ часто устраиваются промышленныя выставки» (стр. 134). Такимъ образомъ шайка политикановъ, захватившая въ свои руки все политическое вліяніе, не мѣшаетъ все-таки правительству выполнять свои функціи. Если оно тѣмъ не менѣе плохо достигаетъ своихъ цѣлей, то виновато тутъ не оно, и даже не подкупные политиканы, а сама нація. «Въ общемъ правительство самымъ добросовѣстнымъ образомъ, дѣлаетъ все отъ него зависящее, и если, несмотря на все это японцы еще далеки отъ конечной цѣли своихъ вожделѣній, то въ этомъ они должны винить самихъ себя, свои собственные недостатки, которые почти всегда дѣлаютъ изъ нихъ плохихъ работниковъ, неумѣлыхъ организаторовъ и сомнительныхъ торговцевъ» (стр. 135). Съ нѣкоторымъ удивленіемъ послѣ этого категорическаго утвержденія мы читаемъ на страницѣ 234 слѣдующія слова: «Въ области мирной политики Японія быстро шла впередъ. Эксплоатація экономическихъ богатствъ страны совершалась если и не совсѣмъ необходимымъ въ этомъ дѣлѣ благоразуміемъ и осторожностью, то съ изумительнымъ увлеченіемъ и рвеніемъ. Причинъ этого поразительнаго прогресса слѣдуетъ искать въ стремленіи всего японскаго народа вывести Японію изъ ея полуцивилизованнаго состоянія... Это стремленіе объединяло весь народъ—отъ простого крестьянина до важнаго сановника—будило народныя силы, двигало націю по пути прогресса и цивилизаціи. Японцы съ удивительной энергіей добивались осуществленія своихъ цѣлей».—Чему же вѣрить?

Японская образованность тоже встрѣчаетъ въ г. Дюмоларѣ очень суроваго критика. Въ прежнія времена по его словамъ образованіе было очень широко распространено въ Японіи и его благами пользовались не только высшіе классы, но и большинство народа. Реставрація 1868 года, совершенно разрушила прежнюю систему воспитанія. Не входя въ оцѣнку сравнительныхъ достоинствъ старой и новой системъ, для чего работа г. Дюмолара не даетъ данныхъ, позволимъ себѣ привести только нѣсколько цифръ относительно развитія народнаго образованія за самые послѣдніе годы. Въ 1897 году общее количество народныхъ школъ въ Японіи равнялось 25.375. Въ 1901 году ихъ—28.404. Число учащихся въ нихъ въ 1897 году было 3.285.710; въ 1901 году—4.030.973. Наконецъ, процентное отношеніе дѣтей обоего пола, посѣщающихъ школу, ко всѣмъ дѣтямъ школьнаго возраста въ 1897 году было 55,14; въ 1901 году—64, 22. За двадцать же послѣднихъ лѣтъ этотъ процентъ для мальчиковъ повысился съ 40 до 79 и для дѣвочекъ съ 15,5 до 47,5. Въ доказательство неудовлетворительной постановки народныхъ школъ г. Дюмоларъ приводитъ чрезвычайно низкіе размѣры учительскаго жалованья. Дѣйствительно, на взглядъ европейца они просто изумительны, въ среднемъ, если

рить автору, около 1. іенъ, т.-е. около 9 рублей. Не надо, конечно, забывать, что жизнь въ Японіи до сихъ поръ все-таки несравненно дешевле чѣмъ въ Европѣ. И министры въ Японіи получаютъ на нашъ взглядъ весьма скромное жалованье не выше 6.000 іенъ, т.-е. около 6.000 рублей. Отъ старой системы образованія новая Японія унаслѣдовала только свой ужасный алфавитъ. Какъ извѣстно, тамъ и до сихъ поръ господствуетъ китайская система письма, при которой ученику приходится запоминать тысячи отдѣльныхъ знаковъ. Это особенно затрудняетъ тамъ при печатаніи газетъ. Наборщикамъ приходится орудовать съ 9 или 10 тысячами значковъ. Удивительно даже, какъ при такихъ условіяхъ могла до такой степени развиться тамъ періодическая печать. Въ настоящее время въ Японіи по словамъ г. Дюмолара насчитывается до 1.500 періодическихъ изданій, изъ нихъ 400 ежедневныхъ газетъ. И стоимость этихъ газетъ очень низка отъ 20 до 50 сенъ въ мѣсяцъ или въ среднемъ около копейки за отдѣльный номеръ.

Вотъ эти-то любопытныя данныя, во множествѣ сообщаемыя г. Дюмоларомъ, и дѣлаютъ его книгу цѣнной, несмотря на значительныя противорѣчія, встрѣчающіяся въ ней, и на явную односторонность автора. Если резюмировать вкратцѣ его характеристику Японіи и японцевъ, то получится нѣчто въ родѣ слѣдующаго: народъ въ Японіи невѣжествененъ, неспособенъ и лѣнивъ, торговый классъ недобросовѣстенъ и лживъ, образованные слои склонны къ грубому подражанію и тоже невѣжественны, а во главѣ—кучка подкупныхъ политикановъ. Какимъ же чудомъ, повторимъ, достигла Японія того изумительнаго прогресса, для доказательства котораго г. Дюмоларъ собралъ въ своей книгѣ такой богатый матеріалъ?

Что касается перевода и изданія, то не можемъ не отмѣтить, что и то, и другое сдѣлано, видимо, торопливо и нѣсколько небрежно. Встрѣчаются ошибки и опечатки, искажающія смыслъ. Такъ, въ таблицѣ на стр. 153 вмѣсто сенъ всюду фигурируютъ іены, разница получается довольно существенная, такъ какъ сена немного меньше копейки, іена же около рубля. На стр. 208 мы читаемъ: «японскіе учащіеся имѣютъ невѣроятно легкую и загроможденную память». Оборотъ самъ по себѣ довольно странный и, кромѣ того, во французскомъ текстѣ ничего подобнаго слову «загроможденная» нѣтъ. Тамъ сказано: «les écoliers japonais ont une facilité de memoire inoïe et deconcertante», т.-е. «обладаютъ неслыханной и приводящей въ смущеніе легкостью памяти». Такихъ ошибокъ и опечатокъ разсѣяно на страницахъ русскаго изданія не малое количество. *Т—а Б—чъ.*

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И МЕДИЦИНА.

В. Раевскій. „Ботаническія экскурсіи“.—*А. Уоллесъ.* „Научныя и соціальныя изслѣдованія“.—*А. Додель.* „Жизнь и смерть“.—*А. Зауэръ.* „Минералогическій атласъ“.—*Д-ръ мед. Молль.* „Врачебная этика. Обязанности врача во всѣхъ отрасляхъ его дѣятельнасти“.

В. Раевскій. Ботаническія экскурсіи. Книжка для образовательныхъ прогулокъ съ дѣтьми. Москва. 1902 г. Цѣна 2 р. въ папкѣ. Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Константиновичу посвящаетъ эту книгу ботаническихъ экскурсій авторъ. Изданіе К. И. Тихомирова. «Обращаюсь къ вамъ, имѣющимъ дѣтей, читатель или читательница... вы, можетъ быть, холостой человѣкъ или дѣвица, но—учитель или учительница? тогда все равно, у васъ есть значитъ дѣти...»

Такой не вполнѣ складной фразой начинается предисловіе къ книжкѣ,

заглавіе и посвященіе которой мы выписали. Затѣмъ авторъ переходитъ къ разсужденіямъ о томъ, какъ и чѣмъ занять дѣтей, чтобы, съ одной стороны, имъ не было скучно, а съ другой—чтобы они не обратились въ подобіе — даже «подобіе»—«уличныхъ мальчишекъ». Свои мысли объ этомъ предметѣ авторъ подкрѣпляетъ ссылкой на европейскіе авторитеты—Бертло, «бывшій министромъ народнаго просвѣщенія во франціи» (поясняетъ авторъ), Джемсъ Селли (не былъ министромъ, но произведенія его въ русскомъ переводѣ были изданы тою же фирмой К. И. Тихомирова, что и разсматриваемая нами книга), проф. Тимирязева и нѣкоторыхъ другихъ. Всѣ эти авторитеты согласны съ авторомъ, хотя ни одинъ изъ нихъ ничего не говоритъ про «уличныхъмальчишекъ...»

Отъ этихъ авторитетовъ составитель переходитъ къ существующей популярной ботанической литературѣ, перечисляетъ нѣсколько сочиненій, пропустивъ еще большее ихъ число, и приходитъ къ выводу, что «*дѣтской* книжки—нѣтъ... т.-е. такой дѣтской книжки, которую можно было бы... руководителю прогулокъ примѣнить къ дѣлу на мѣстѣ». На нашъ взглядъ, для «руководителя» нужна книжка не дѣтская, а именно одна изъ названныхъ авторомъ или, скорѣе, изъ числа имъ пропущенныхъ...

Не будемъ останавливаться на остальныхъ частяхъ «предисловія»; оставимъ безъ разсмотрѣнія вопросъ о томъ, почему разсматриваемая книга не называется «маленькій ботаникъ» или «*прогулки* съ дѣтьми за растеніями». Пропустимъ и главу «вмѣсто предисловія дѣтямъ», перейдемъ прямо къ экскурсіямъ. Всѣхъ экскурсій 35.

Въ первой экскурсіи рекомендуется отправиться въ лѣсокъ и найти два цвѣтка (т.-е. растенія, хочетъ сказать авторъ): первоцвѣтъ и чистотѣлъ. Ну, чистотѣлъ, можетъ быть, лучше искать не въ лѣсочкѣ, а гдѣ-нибудь на сорныхъ мѣстахъ, но это не важно. Затѣмъ, по указанію автора, надо «усѣсться гдѣ-нибудь поуютнѣе, поудобнѣе, подъ тѣнью какого-нибудь дерева или куста»; затѣмъ ужъ надо изслѣдовать собранныя растенія, или, какъ совершенно неправильно выражается авторъ, «произвести анатомію» цвѣтка...

Можно было бы думать, что авторъ дастъ указанія, какъ *опредѣлить* эти растенія, какъ узнать ихъ названія, но этого въ оглавленіи экскурсіи 1-ой мы не видимъ; авторъ ограничивается указаніями, какъ *засушить* растенія эти для гербарія, и въ концѣ прилагаетъ образецъ ярлычка, какой должно, по мнѣнію автора, приложить къ засушенному растенію, на ярлычкѣ этомъ какъ разъ нѣтъ важнѣйшихъ данныхъ растеній—нѣтъ его научнаго названія и нѣтъ мѣстонахожденія, такъ что приведенный ярлычокъ можетъ служить лишь образцемъ того, какъ не слѣдуетъ писать ярлычковъ.

Было бы утомительно останавливаться на всѣхъ замѣченныхъ нами недосмотрахъ въ отдѣльныхъ «экскурсіяхъ». Нѣкоторыя вещи, однако, совершенно невозможно пройти молчаніемъ.

Въ экскурсіи 3-ьей авторъ дастъ странныя и совершенно ненужныя указанія для составленія какого-то «ботаническаго альбома».

Въ экскурсіи 8-ой авторъ называетъ всѣ цвѣтки безъ завязи—*пустоцвѣтомъ*...

Въ экскурсіи 11-ой авторъ сообщаетъ удивительныя свѣдѣнія о процессѣ оплодотворенія у растеній. Впрочемъ, авторъ называетъ этотъ процессъ «чудомъ» (стр. 30) и потому, конечно, здѣсь у него своя точка зрѣнія. Но все-таки слѣдовало бы ознакомиться хотя съ популярной («не дѣтской») литературой по этому вопросу.

Въ экскурсіи 17-ой начинается поэзія: здѣсь по поводу васильковъ приводится двустишіе какого-то «древняго поэта»:

„Вѣйте вѣнки изъ колосьевъ златистыхъ
Да не забудте ціанъ голубыхъ“ (стр. 51).

«Ціаны—это и есть именно васильки», поясняетъ намъ авторъ. Я долженъ сознаться въ своемъ невѣжествѣ и не знаю, каково имя этого «древняго поэта», есть ли это Вергилій или Анакреонъ. Странно, однако, слѣдующее обстоятельство: тѣ же самые стихи напечатаны въ этой книгѣ и еще разъ (на стр. 183), но тамъ они подписаны «(Авт.)», т.-е. г. Раевскій приписываетъ ихъ себѣ. Интересно было бы выяснить, гдѣ же истина, есть ли г. Раевскій, дѣйствительно, «древній поэтъ», или что этотъ сонъ вообще означаетъ?

Однако, довольно объ отдѣльныхъ экскурсіяхъ. За ними слѣдуютъ еще опытъ опредѣленія растеній по таблицамъ—таблица родовъ семействъ мотыльковыхъ таблицы видовъ клевера и гречихи, таблицы для опредѣленія тѣхъ растеній, которыя изображены на приложенныхъ къ книгѣ крашеныхъ рисункахъ.

Всѣ эти таблицы являются, на нашъ взглядъ, совершенно ненужнымъ балластомъ въ книгѣ, которая, въ общемъ, не представляетъ изъ себя *опредѣлителя* растеній.

На этомъ, однако дѣло, еще не кончается. «Вмѣсто заключенія» авторъ даетъ еще цѣлый, отдѣлъ «поэтическіе моменты прогулокъ»—длинный рядъ различныхъ стихотвореній разнообразныхъ авторовъ, русскихъ и иностранныхъ, стихотвореній, въ которыхъ воспѣваются красоты природы; нѣкоторыя изъ поэтическихъ произведеній, повидимому, принадлежатъ автору книги, по крайней мѣрѣ, подписаны «(авт.)», въ другихъ же, написанныхъ Пушкинымъ, Жуковскимъ и др. поэтами, авторъ сдѣлалъ всѣ необходимыя измѣненія, исправленія и дополненія. Въ концѣ приложены ноты для пѣнія нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ стихотвореній.

Нашъ отзывъ слишкомъ затянулся, но мы считали своимъ долгомъ отмѣтить хотя бы нѣкоторыя изъ слабыхъ сторонъ книги, которая, опасаемся, однимъ вселить рядъ невѣрныхъ свѣдѣній по ботаникѣ, а у другихъ отобьетъ всякій къ ней интересъ. *Б. А. Федченко.*

Научныя и соціальныя изслѣдованія Альфреда Уоллеса. Въ 2-хъ томахъ. Томъ I-ый съ 89 рисунками и картой. Переводъ съ англійскаго Л. Лакіера. Изд. Ф. Павленкова. Спб. Цѣна I р. 75 к. 514 стр. Альфредъ Уоллесъ (род. въ 1822 г.)—знаменитый англійскій естествоиспытатель, является однимъ изъ тѣхъ послѣднихъ могиканъ естествоиспытателей-энциклопедистовъ, передъ геніальной разносторонностью, удивительной энергіей и колоссальнымъ трудолюбіемъ которыхъ современный ученый останавливается съ какимъ - то благоговѣйнымъ удивленіемъ. Какъ могъ сдѣлать столько одинъ человѣкъ, какъ могъ онъ работать заразъ въ столькихъ научныхъ областяхъ, собрать столько новыхъ фактовъ и освѣтить, связать ихъ оригинальными теоріями и гипотезами—невольно думается, когда читаешь Дарвина или Уоллеса. Они были и географами, и геологами, и ботаниками, и зоологами, и этнографами, они разрабатывали самые общіе вопросы біологіи, а Уоллесъ занимался даже и соціальными изслѣдованіями.

Книга Уоллеса, заглавіе которой мы привели выше, появилась на англійскомъ языкѣ въ 1900 году и представляетъ собою сборникъ статей, помѣщавшихся авторомъ въ теченіе 35 лѣтъ (главнымъ образомъ въ девяностыхъ годахъ) въ различныхъ англійскихъ журналахъ. 1-й томъ, появившійся въ русскомъ переводѣ въ концѣ прошлаго года, раздѣленъ на 23 главы и заключаетъ статьи по физической географіи и геологіи (главнымъ образомъ по ледниковому періоду), по описательной зоологіи (обезьяны, мимикрія у насѣкомыхъ), по географіи растеній и животныхъ; центральная часть сборника посвящена вопросамъ эволюціи (пять главъ), три главы—антропологіи (полинезійцы; Новая Гвинея и ея обитатели; родство и происхожденіе австралійской и полинезійской расъ); въ послѣднихъ двухъ статьяхъ авторъ занимается проблемами инстинкта и человѣческаго подбора.

Всѣ статьи являются результатомъ, главнымъ образомъ, собственныхъ наблюденій Уоллеса и полны интересныхъ фактовъ и оригинальныхъ мыслей; несмотря на это, изложеніе общедоступное, языкъ образный, яркій и простой. Рѣдко кто изъ современныхъ ученыхъ пишетъ такъ общедоступно и красиво просто.

Здѣсь не мѣсто излагать взгляда Уоллеса; напомнимъ только читателямъ, что Уоллесъ одновременно съ Дарвинымъ развилъ и обосновалъ теорію естественнаго отбора, но расходился съ послѣднимъ по многимъ существеннымъ вопросамъ эволюціи, напр., по вопросу о происхожденіи человѣка; не признаетъ также Уоллесъ и наслѣдственность такъ называемыхъ пріобрѣтенныхъ признаковъ, въ чемъ сходится съ Вейсманомъ. Отрицательно относится авторъ также и къ значенію въ процессѣ образованія видовъ тѣхъ внезапныхъ, рѣзкихъ, но относительно рѣдкихъ уклоненій отъ типа, которыя впослѣдствіи де-Фризъ назвалъ мутаціями, но здѣсь нужно отмѣтить, что значенія работъ де-Фриза Уоллесъ не могъ оцѣнить даже и въ концѣ девяностыхъ годовъ, такъ какъ изслѣдованія явились въ болѣе или менѣе законченной формѣ уже послѣ 1900 года.

Въ 1-мъ томѣ авторъ почти не касается соціальныхъ проблемъ, но для характеристики его общественныхъ идеаловъ я позволю привести себѣ слѣдующую выписку *): «Мое глубокое убѣжденіе,—говоритъ Уоллесъ,—состоитъ въ томъ, что когда намъ удастся очистить авгіеву конюшню нашей существующей общественной организаціи и создать такой порядокъ, при которомъ всѣ будутъ принимать участіе въ физическомъ и умственномъ трудѣ и всякій рабочій будетъ получать *полное* и равноцѣнное вознагражденіе за свою работу,—будущее нашей расы будетъ обезпечено тѣми законами человѣческаго развитія, которые ведутъ медленно но неуклонно къ прогрессу высшихъ качествъ человѣческой природы. Когда мужчины и женщины получатъ возможность свободно отдаваться своимъ лучшимъ побужденіямъ; когда бездѣлье и порочная или безполезная роскошь, съ одной стороны, и подавляющій трудъ и нищета, съ другой, одинаково исчезнутъ изъ общества, когда всякій будетъ получать наилучшее и полное образованіе и когда вліятельное общественное мнѣніе будетъ устанавливаться лучшими и мудрѣйшими людьми и систематически руководить молодымъ поколѣніемъ,—тогда мы увидимъ, что система подбора сама по себѣ начнетъ дѣйствовать и неуклонно выбрасывать низшіе и вырождающіеся типы людей и, слѣдовательно, постепенно повышать уровень человѣческой расы».

Все это утѣшительно и даже благодушно, несмотря на неумолимость естественнаго подбора, но кто же, когда и какъ «очиститъ авгіевы конюшни»?!

Мы убѣждены, что безъ всякой рекомендаціи книга Уоллеса найдетъ читателя въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ и «общества», и народа.

Переводъ сдѣланъ вполнѣ удовлетворительно, кромѣ нѣкоторыхъ научныхъ терминовъ; напримѣръ, вмѣсто выраженій *ледниковый* періодъ, *ледниковыя поля* переводчикъ почему-то говоритъ: *ледяной* вѣкъ, *ледяныя полотна*. Но такихъ уклоненій отъ общепринятой терминологіи очень мало.

В. Агафоновъ.

Проф. А. Додель. Жизнь и смерть. Популярныя лекціи и статьи по біологіи. Переводъ съ нѣмецкаго П. Быстрицкаго съ предисловіемъ автора. Саратовъ. 1904 (1903?) 224 стр. Цѣна 1 р. Книжечка проф. Доделя могла бы быть небезполезной для большой публики, если бы не была столь претенціозной и не выдавала бы гипотезъ въ родѣ геккелевскаго дерева жизни за общепризнанные научные факты. Послѣднее тѣмъ болѣе опасно, что переводчикъ предназначаетъ данную книжечку «преимущественно для рабочихъ и простого

---

*) Стр. 501.

народа», г. Быстрицкому было бы желательно, чтобы она «достигла самыхъ низшихъ слоевъ русскаго пролетаріата и тѣмъ хоть отчасти способствовала поднятію культурнаго уровня нашихъ рабочихъ».

Популяризація вообще, а для такого круга читателей и подавно, должна быть осторожна и строга и въ выборѣ фактовъ, и въ обобщеніи; нельзя преподносить такому читателю гипотезу и выдавать ее за символъ вѣры современной науки.

Переводчикъ разсчитываетъ также на читателя и изъ интеллигенціи... Ну за этихъ мы не боимся, они, вѣроятно, почувствуютъ претенціозность уже въ самомъ предисловіи автора, который, наприм., такъ рекомендуетъ свое произведеніе: «...оно содержитъ базисъ (?) того строгаго, проникнутаго единствомъ міровоззрѣнія, которое *должно* было замѣнить мнѣ старое отжившее метафизическое ученіе о сущности природы и вселенной, и, къ счастію, дѣйствительно *замѣнило*... Мы сдѣлались строгими послѣдователями критическаго *научнаго* міровоззрѣнія... Познавая законъ природы и уясняя себѣ смыслъ совершающихся во вселенной явленій, мы чувствуемъ себя счастливыми, даже больше—это пониманіе превращаетъ нашу жизнь въ земной рай, такъ какъ эти міровые законы въ своей совокупности учатъ о всеобъемлющемъ *единствѣ*, предъ которымъ исчезаетъ всякій дуализмъ, вносящій въ нашу душу мучительный разладъ...

«Въ сочиненіи «Жизнь и смерть» я старался подчеркнуть *единство жизни* въ растительномъ и животномъ царствѣ, включая и человѣка. Отсюда само собой вытекаетъ и единство смерти всѣхъ живыхъ созданій. Это даруетъ намъ душевное спокойствіе и примиряетъ со всякой судьбой».

Мало же нужно г. Доделю для примиренія съ терніями профессорской дѣятельности. Какая туманная, нехорошая пышность и какое удивительное самодовольство! Тѣмъ болѣе нехорошо, что это откровеніе проф. Доделя просто старый матеріализмъ и пережевываніе Геккеля.

Не понимаемъ также, зачѣмъ было прилагать къ книжкѣ портретъ далеко не знаменитаго автора; развѣ для того, впрочемъ, чтобы демонстрировать то райское самодовольство, которое охватило великаго біолога, установившаго великій законъ единства жизни и единства смерти.

Въ текстѣ помимо тенденціозности встрѣчаются и неточности, хотя бы, напр., высказываемое якобы физиками и химиками мнѣніе, что «атомы уже больше недѣлимы» (стр. 26), или утвержденіе, что ученые не въ состояніи приготовить искусственныхъ минераловъ и горныхъ породъ (стр. 222). *В. Аг.*

Минералогическій атласъ, состоящій изъ 24-хъ хромолитографическихъ таблицъ съ краткимъ текстомъ. Сост. профессоръ минералогіи докторомъ Ад. Зауэръ. Изд. В. В. Думнова. Москва. 1904 г. Цѣна 3 р. 75 к. Минералогическій атласъ менѣе всѣхъ другихъ естественно-историческихъ атласовъ (ботаника, зоологія) можетъ замѣнить коллекціи. Изобразить минералъ въ краскахъ такъ трудно, что въ лучшемъ случаѣ такое изображеніе можетъ только напомнить *уже знакомый* минералъ, но не можетъ дать человѣку, не видавшему этого камня и, представленія о немъ. Другое дѣло, напр., атласъ бабочекъ или звѣрей, или растеній, — по нимъ, дѣйствительно, можно учиться, они, дѣйствительно, могутъ въ крайнемъ случаѣ замѣнить и коллекціи, и даже живые объекты.

Такое узкое примѣненіе минералогическаго атласа зависитъ не только отъ носовершенства изображеній минераловъ, но и отъ другихъ причинъ. Во-первыхъ, отъ того, что самая окраска большинства минераловъ не есть нѣчто постоянное не только для вида, но и для разновидности и часто окраски совершенно различны для образцовъ одной и той же разновидности изъ разныхъ мѣсторожденій; во-вторыхъ, самая форма кусковъ, друзъ, сростковъ, прежде

всего бросающаяся въ глаза профану, тоже не есть нѣчто типическое, характерное для даннаго минеральнаго вида, для него характерна та или иная геометрическая форма, а ее, конечно, легче примѣтить на образцѣ, который можно разсматривать со всѣхъ сторонъ, чѣмъ на перспективномъ рисункѣ въ краскахъ. Но эти, такъ сказать, основныя трудности не совсѣмъ исключаются и при изученіи минераловъ по коллекціямъ, они здѣсь только ослаблены.

Несовершенство изображенія минераловъ проявляется, главнымъ образомъ, на прозрачныхъ минералахъ, въ которыхъ получаются цвѣтовые эффекты зависящіе отъ явленій преломленія и отраженія свѣта и, конечно, не только не характерные для даннаго вида, но и измѣняющіеся въ одномъ и томъ же образцѣ, въ зависимости отъ той или иной постановки его и отъ освѣщенія. Не смотря на эти неизбѣжные недостатки, минералогическій атласъ можетъ оказать все же нѣкоторую услугу при преподаваніи минералогіи, но только какъ дополненіе къ коллекціямъ, при повтореніи пройденнаго, для воспоминанія уже просмотрѣнныхъ образцовъ минераловъ.

Атласъ проф. Зауэра выполненъ весьма недурно и выборъ рисунковъ и ихъ исполненіе нужно признать удачными, но «краткій текстъ», видимо, переведенъ лицомъ, мало знакомымъ съ минералогіей. Текстъ этотъ состоитъ только изъ названій минераловъ, указаній на цвѣтъ, блескъ, сложеніе и кристаллографическій характеръ, причемъ терминологія переводчика сильно хромаетъ. Такъ, напр., онъ говоритъ о «радіусообразныхъ (?) жилкахъ малахита (табл. 3, № 9), о «формѣ роста зубчато-кристаллической» (?) (табл. 3, № 2), о «мелкодрузовой пленкѣ на плотной цинковой рудѣ» (табл. 4, № 12), о «совершенной основной спайности» (табл. 8, № 16) и т. д. Впрочемъ, эти неточности и недосмотры и немногочисленны, и незначительны, и потому атласъ Зауэра все же можно спокойно рекомендовать лицамъ, интересующимся описательной минералогіей. *В. Аг.*

Д-ръ мед. Молль. Врачебная этика. Обязанности врача во всѣхъ отрасляхъ его дѣятельности. Для врачей и публики. Перев. съ нѣмецкаго, обработалъ и снабдилъ примѣчаніями д-ръ мед. Левенсонъ. Съ приложеніемъ статьи М. С. Уварова о положеніи общественной медицины въ Россіи. С.-Петербургъ. 1903 г. Въ 8°. XII+414. Изд. А. Ф. Маркса. Предметъ книги, внѣ всякаго сомнѣнія, не только серьезный по существу, но и интересный для каждаго: каждому изъ насъ суждено время отъ времени «ввѣрять» себя врачу. Каковы этическіе взгляды послѣдняго, каковы его «нравы», какихъ отъ него можно ждать «поступковъ»—все это вопросы не спеціально групповые, а затрогивающіе живо каждаго изъ насъ. Съ другой стороны, врачебное дѣло, если взять его въ общемъ, какъ дѣло оздоровленія человѣчества, является безусловно дѣломъ съ міровыми задачами. И опять, каково же «должно быть» отношеніе къ врачебному дѣлу врача, какіе идеалы должны имъ руководить, какія перспективы будущаго «должны» врача къ себѣ манить—вопросы, очевидно, первостепенные по своему значенію.

Книга Молля, къ большому сожалѣнію не можетъ удовлетворить запросамъ читателя въ этомъ отношеніи, запросамъ, естественно вызываемымъ самимъ содержаніемъ трактуемаго предмета. Въ этомъ легко убѣдиться при чтеніи уже первыхъ страницъ книги. Вотъ какъ д-ръ Молль устанавливаетъ исходныя точки для своихъ построеній этики врача. Сказавъ нѣсколько словъ (всего на 2½ стран.) о философскихъ основахъ морали: системѣ міровой эволюціи и утилитаризмѣ, авторъ дѣлаетъ заключеніе, что ни та, ни другая система не могутъ быть положены въ основу для выработки врачебной этики. «Ясно, что системы нравственной философіи,—говоритъ Молль,—надо оставить въ сторонѣ» (стр. 7). Упомянувъ кстати о богословской морали и признавъ ее также неподходящей въ данномъ случаѣ, авторъ считаетъ «бо-

лѣе правильнымъ избрать другой путь, который гораздо вѣрнѣе приведетъ насъ къ желанной цѣли. Путь этотъ—практика жизни» (стр. 7). «Наше внутреннее чувство шепчетъ намъ въ многочисленномъ рядѣ случаевъ, что то то дурно, а то-то хорошо...» (стр. 7). «Независимо отъ разныхъ философскихъ системъ нравственности, *извѣстное этическое чувство свойственно природѣ человѣка* (курсивъ автора) и этого,—говоритъ д-ръ Молль,—для насъ достаточно» (стр. 8). Поясняя свои мысли далѣе, авторъ выставляетъ такое положеніе: «безнравственнымъ признается то, что ощущается какъ таковое большинствомъ» (стр. 8).

Вотъ онѣ—основы врачебной этики!

Д-ръ Молль на первыхъ же страницахъ книги откровенно преклоняется предъ силой «общаго теченія». «Нельзя требовать отъ отдѣльныхъ лицъ, чтобы они себѣ въ ущербъ шли *противъ общаго теченія* (курсивъ мой), нельзя этого требовать и отъ одного какого-либо сословія, стало быть и отъ врачей. Слѣдуетъ только наблюдать, чтобы люди въ своемъ эгоизмѣ не заходили черезъ-чуръ далеко» (стр. 13). Д-ръ Молль совершенно игнорируетъ то, что это «черезъ-чуръ далеко»—черезъ-чуръ растяжимо и неопредѣленно.

«Что дѣлать, говоритъ онъ,—мы должны къ такимъ компромиссамъ относиться снисходительно, такъ какъ во всѣхъ дѣлахъ житейскихъ въ настоящее время невозможно удержаться на высотѣ идеальныхъ нравственныхъ требованій» (стр. 12). «Врачи такіе же люди--человѣки какъ и представители другихъ профессій. Они не апостолы и не призваны своимъ примѣромъ заботиться о нравственномъ совершенствованіи рода человѣческаго. Пусть врачи стараются по мѣрѣ силъ о нравственномъ подъемѣ своего сословія, но стать выше окружающей среды они не въ силахъ, *да этого и не нужно*» (курсивъ мой) (стр. 13—14). Д-ръ Молль, точно спохватившись, что устанавливаемая имъ принципіальная точка зрѣнія никуда не годится по своей непрочности, снова пытается нащупать точку опоры для своихъ дальнѣйшихъ сужденій, но уже другую, онъ ищетъ ее въ понятіяхъ о цѣли медицины и задачахъ врачебной дѣятельности вообще.

«Цѣль настоящей книги,—говоритъ д-ръ Молль,—доказать, что никакакой спеціальной этики для руководства врачамъ быть не можетъ и не должно, что забота добросовѣстнаго врача должна быть направлена къ тому, чтобы провести принципъ общечеловѣческой этики въ примѣненіи къ потребностямъ каждаго частнаго случая въ своей практикѣ... Невозможно дать какой-либо шаблонъ, который бы годился для всѣхъ случаевъ. Постараемся поэтому дать хоть нѣсколько общихъ точекъ зрѣнія, которыя облегчатъ врачу задачу найти наилучшій выходъ изъ своихъ сомнѣній. А для этого необходимо условиться въ томъ, кого именно мы называемъ врачомъ. Точное опредѣленіе этого термина для всего нашего труда дѣло первостепенной важности, и мы на немъ нѣсколько остановимся» (стр. 16). Д-ръ Молль пишетъ далѣе курсивомъ: «Врачъ есть человѣкъ, приготовившійся къ своей дѣятельности изученіемъ медицины» (стр. 16).

Нечего говорить, что изъ такого опредѣленія, невѣрнаго и по существу дѣла, никакихъ рѣшительно выводовъ для этики врачебной сдѣлать нельзя. Упустивъ изъ вида самое существенное, что врачъ есть прежде всего довѣренное лицо общества, д-ръ Молль бросаетъ скоро и эту новую попытку создать для своихъ сужденій общую, болѣе или менѣе прочную, принципіальную основу и прямо переходитъ къ разсужденію о частныхъ сторонахъ врачебной дѣятельности, въ составъ которой, по словамъ Молля, входятъ 5 различныхъ задачъ, а именно: леченіе болѣзней, предупрежденіе болѣзней, экспертиза общественная и частная по вопросамъ, касающимся здоровья, обученіе будущихъ поколѣній врачей и научное изслѣдованіе.

Дальнѣйшія этическія разсужденія д-ра Молля, разсужденія, нужно замѣтить, очень многословныя, планируются имъ сообразно указаннымъ сейчасъ подраздѣленіямъ. Но отсутствіе твердаго этическаго принципа сказывается постоянно на всемъ протяженіи книги во всѣхъ разсужденіяхъ автора, на всѣхъ ихъ лежитъ печать компромисса и приспособляемости къ «средней морали», нѣтъ въ нихъ ни рѣшительности, ни силы, очень часто нѣтъ даже опредѣленности.

Признаніе моральнымъ авторитетомъ мнѣнія большинства ведетъ автора къ совершенно извращеннымъ представленіямъ о благѣ общемъ, какъ цѣли моральной дѣятельности! Впрочемъ, объ общемъ благѣ и нравственныхъ обязанностяхъ человѣка д-ръ Молль, говоритъ, напримѣръ, слѣдующее: «Несомнѣнно высокой похвалы достоинъ тотъ, кто по мѣрѣ силъ заботится о благѣ другихъ людей, но такой нравственной обязанности не существуетъ». Это буквально сказано на стр. 23.

Въ трудныхъ случаяхъ врачебнаго дѣла авторъ совершенно не можетъ разобраться и обнаруживаетъ полное безсиліе своего этическаго сужденія, готовый всякими способами увильнуть отъ рѣшительнаго мнѣнія, *готовый отдать* рѣшеніе научнаго вопроса, напр., на волю больной женщины.

Одной изъ тяжелыхъ коллизій для врача является такъ называемая перфорація на живомъ плодѣ, т.-е. прободеніе головки и умерщвленіе ребенка въ цѣляхъ спасенія жизни матери и ея здоровья. Разбирая такой случай, когда врачъ колеблется, сдѣлать ли ему въ въ такомъ случаѣ такъ называемое кесарево сѣченіе (т.-е. выниманіе ребенка живымъ чрезъ брюшные покровы матери путемъ сложной операціи надъ матерью), или сдѣлать прободеніе головки плода и вынуть его мертвымъ (но путемъ болѣе легкой операціи), авторъ говоритъ: «Возможныя колебанія врача должны исчезнуть во всякомъ случаѣ, если мать сама настоятельно требуетъ примѣненія перфораціи» (стр. 190).

Цѣлые съѣзды спеціалистовъ-акушеровъ и врачей все энергичнѣе постановляютъ исключить перфорацію на живомъ плодѣ изъ числа акушерскихъ операцій, замѣняя ее или чревосѣченіемъ или другими, несмертельными для плода пріемами, а д-ръ Молль весь вопросъ ставитъ на рѣшеніе больной женщины, которая въ большинствѣ случаевъ, конечно, не въ состояніи даже понять хорошенько своего положенія, которая мучится отъ болей и на нихъ только фиксируетъ свое больное сознаніе!

Какъ бы для округленія своихъ мыслей и приданія большей законченности своей «этикѣ врача», авторъ въ концѣ книги говоритъ: «Студенты едва ли стали бы усердно посѣщать лекціи этики, *и я вообще не думаю, чтобъ можно было теоретически научиться врачебной этикѣ, хоть сколько-нибудь пригодной для практическаго примѣненія къ жизни*» (стр. 400).

Сказано, конечно, «черезчуръ» энергично. Если же согласиться съ авторомъ, то спрашивается, стоило ли труда автору писать свою «этику врача»?

Къ книгѣ приложена статья д-ра М. С. Уварова о русской общественной медицинѣ, статья, состоящая изъ общихъ свѣдѣній, не дающая ничего новаго и не использовавшая какъ слѣдуетъ и того матеріала, который имѣется по данному вопросу въ русской литературѣ. Врачъ *В. Сиземскій.*

ОБРАЗОВАНІЕ.

„С.-Петербургскіе высшіе женскіе курсы за 25 лѣтъ 1878—1903 гг.“—*Екатерина Янжулъ.* „Американская школа“.

С.-Петербургскіе высшіе женскіе курсы за 25 лѣтъ. 1873—1903. Очерки и матеріалы. 1903 г. Ц. 2 р. Очеркъ исторіи высшихъ женскихъ курсовъ,

составленный г-жой Анненской къ двадцатипятилѣтію курсовъ, представляетъ одну изъ любопытнѣйшихъ страничекъ въ исторіи развитія русской общественности. Слѣдя шагъ за шагомъ за медленнымъ и полнымъ всякихъ препятствій развитіемъ высшаго женскаго образованія въ Россіи, какъ оно изложено въ сжатомъ очеркѣ г-жи Анненской, испытываешь въ концѣ концовъ глубокое нравственное удовлетвореніе, не только отъ сознанія побѣды, но главнымъ образомъ отъ того, что это—побѣда, достигнутая исключительно усиліями *самого* общества, женской части его преимущественно. Начатое при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, съ ничтожными средствами и слабыми наличными силами, дѣло высшаго женскаго образованія росло и развивалось само изъ себя, медленно, но непрестанно расширяясь и преодолѣвая одно внѣшнее препятствіе за другимъ, причемъ изъ каждаго затрудненія, изъ каждаго столкновенія оно выходитъ окрѣпшимъ, сильнѣе и увѣреннѣе въ себѣ, въ своихъ задачахъ и въ практической ихъ постановкѣ. Эта сплошная борьба за существованіе, въ высшей степени интересная сама по себѣ, получаетъ особое значеніе, если вдуматься въ то время, когда она шла. Возникнувъ, какъ и все у насъ, въ эпоху великихъ освободительныхъ реформъ, идея высшаго женскаго образованія не встрѣчаетъ вначалѣ ни особо широкаго сочувствія, ни особыхъ препятствій. Съорганизовавшись въ довольно скромныхъ формахъ вначалѣ, высшіе женскіе курсы въ Петербургѣ, затѣмъ и въ другихъ большихъ умственныхъ центрахъ—въ Москвѣ, Кіевѣ, Казани, переживаютъ свой первый періодъ—семидесятые годы—сравнительно благополучно. Затѣмъ наступаетъ второй періодъ—время сплошной реакціи, восмидесятые и отчасти девяностые годы, когда, казалось, все задалось цѣлью, чтобы покончить не только съ существующими уже организаціями курсовъ, но и похоронить самую идею высшаго женскаго образованія если не навсегда, то на очень и очень долгіе годы. Тѣмъ болѣе, что въ другихъ областяхъ русской общественной жизни реакція одерживала одну побѣду за другой. Въ университетѣ явился пресловутый уставъ 84 г., остановившій всякое развитіе и давшій несомнѣнный ходъ назадъ, отъ послѣдствій котораго университеты и теперь не могутъ освободиться. То же самое мы видимъ и въ области самоуправленія, напр. На развитіи женскаго высшаго образованія такое общее направленіе русской жизни, конечно, не могло не отразиться тоже печальнымъ образомъ. Постепенно закрываются еще не окрѣпшія организаціи курсовъ въ Кіевѣ и Казани, а въ Петербургѣ пріостанавливается пріемъ на первые курсы съ предстоящимъ общимъ ихъ закрытіемъ, когда послѣдній курсъ закончится. И тѣмъ не менѣе, этого не только не случилось, но курсы выросли, упрочились, получили общее признаніе и начинаютъ теперь вновь возникать, кромѣ Петербурга и Москвы, и тамъ, гдѣ они раньше были и закрылись, и тамъ, гдѣ они еще не были, напр. въ Одессѣ. Рекціонный періодъ, какъ это ни странно на первый взглядъ, отразился на высшемъ женскомъ образованіи благотворно. Однихъ изъ своихъ прежнихъ враговъ идея высшаго женскаго образованія примирила съ собой, другихъ заставила замолчать, третьихъ убѣдила въ безплодности борьбы и тѣмъ побудила сложить оружіе. Женщина отстояла свое право на высшее просвѣщеніе и развитіе, завоевала свое мѣсто на ряду съ мужчиной въ области знанія и практическаго его примѣненія и сдѣлала все это въ то время, когда ея и болѣе сильный, и болѣе опытный товарищъ терпѣлъ одно пораженіе за другимъ и пока ничего лучшаго сравнительно съ прежнимъ не добился, а кое въ чемъ,—и немаломъ,—уступилъ, сдался и покорно поплелся назадъ.

Въ очеркѣ г-жи Анненской эта знаменательная и поучительная борьба изложена шагъ за шагомъ, со многими высоко интересными подробностями и полными драматизма эпизодами. Красною нитью черезъ всю исторію проходитъ

непобѣдимая вѣра въ правду своего дѣла и въ самихъ себя, одушевлявшая первыхъ борцовъ за дѣло женскаго образованія, которую они передали и своимъ послѣдовательницамъ. Начавъ дѣло буквально безъ гроша, съ небольшимъ контингентомъ слушательницъ и учителей, они доводятъ его черезъ двадцать пять лѣтъ до милліонныхъ оборотовъ, съ наличнымъ числомъ слушательницъ почти въ 1.500 человѣка и учебнымъ персоналомъ почти въ сто человѣкъ. Вотъ нѣкоторыя данныя о ростѣ доходовъ и расходовъ за двадцать пять лѣтъ. Общій приходъ въ 1878—1879—45.831 р.; въ 1902—1903 г.—240.695 р. Расходъ за тѣ же годы: 21.404 р. и 240.302 р. За всѣ двадцать пять лѣтъ приходъ—2.906.538 р., расходъ 2.906.317 р. Изъ этой суммы прихода только 74.500 р. поступило въ видѣ субсидій отъ министерства народнаго просвѣщенія и 65.000 р. отъ города С.-Петербурга; остальное—плата за слушаніе лекцій и частныя пожертвованія. Иными словами—курсы существовали и существуютъ почти исключительно на общественныя и частныя средства: государство и общественныя управленія почти не принимали и не принимаютъ въ ихъ устройствѣ и содержаніи никакого участія. Что касается общественныхъ учрежденій, то земства и думы неоднократно пытались оказывать курсамъ помощь, но безуспѣшно, такъ какъ всѣ ихъ назначенія на высшіе курсы были опротестованы губернаторами и потому не могли быть приведены въ исполненіе. Только личная энергія и инициатива членовъ комитета общества для доставленія средствъ курсамъ и неизмѣнная отзывчивость русскаго общества на дѣло просвѣщенія женщинъ—вотъ на чемъ основаны курсы. Теперь, когда, можно думать, главныя препятствія устранены, курсы упрочены въ общественномъ мнѣніи и будущности ихъ ничто не угрожаетъ, остается только пожелать, чтобы ихъ средства также росли, какъ ростетъ потребность въ высшемъ просвѣщеніи. Едва ли можно сомнѣваться, что русское общество съ своей стороны всегда поддержитъ это первое высшее учебное учрежденіе для женщинъ, достаточно доказавшихъ, что всякая затрата на этотъ предметъ возмѣщается сторицей. Между прочимъ, настоящіе «Очерки и матеріалы» изданы комитетомъ на усиленіе средствъ общества. Горячо рекомендуя «Очерки», какъ интереснѣйшую, въ особенности для женщинъ, страницу исторіи развитія женскаго движенія у насъ, мы не сомнѣваемся, что значительная затрата, соединенная съ изданіями такого рода, будетъ съ избыткомъ возмѣщена читательницами: вѣдь имъ посвящена эта книга, о нихъ идетъ въ ней рѣчь, о ихъ энергіи, о ихъ просвѣщеніи и—побѣдѣ.

Книга представляетъ большой томъ въ тридцать почти печатныхъ листовъ, распадающійся на двѣ главныя части. Въ первой, большей и самой существенной, данъ историческій очеркъ возникновенія и дѣятельности «Общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсомъ въ С.-Петербургѣ» за двадцать пять лѣтъ, составленный извѣстной писательницей А. Н. Анненской. Очеркъ читается съ неослабнымъ интересомъ, благодаря массѣ новаго, до сихъ поръ не опубликованнаго матеріала. Далѣе идетъ рядъ таблицъ по приходу и расходу средствъ курсовъ, по составу слушательницъ и т. д. Эти данныя даютъ возможность прослѣдить неизмѣнный ростъ средствъ и число слушательницъ, что лучше всякихъ словъ убѣждаетъ въ живой потребности, которой удовлетворяли курсы. Во-второй части помѣщены историческіе обзоры каѳедръ всѣхъ научныхъ предметовъ, читаемыхъ на курсахъ. Изъ этихъ обзоровъ, составленныхъ профессорами, можно видѣть, какъ постепенно расширялись программы курсовъ, достигнувъ въ настоящее время уровня университетскихъ. Наконецъ, въ той же второй части приложенъ интересный отчетъ «Общества вспоможенія окончившихъ высшіе женскіе курсы», изъ котораго можно видѣть, какова послѣдующая дѣятельность бывшихъ слушательницъ. Лыбопытно, между прочимъ, какъ великъ процентъ изъ нихъ занимающихся литературной дѣя-

тельностью: около ста человѣкъ на 2.000 окончившихъ, т.-е. почти 5%. Едва ли столько оканчивающихъ высшія мужскія учебныя заведенія посвящаютъ себя этого рода дѣятельности. Правда, въ спискѣ этихъ писательницъ мы пока не встрѣчаемъ особо выдающихся извѣстностей. Область литературы, въ которой онѣ работаютъ, преимущественно переводная и компилятивная, какъ оно, впрочемъ, и слѣдовало ожидать на первыхъ порахъ. Таланты идутъ всегда особой, имъ одной свойственной дорогой, здѣсь же мы имѣетъ результаты того, что даютъ знанія, вынесенныя съ курсовъ, и умѣнье прилагать ихъ къ жизни.

Книга снабжена, кромѣ того, еще многочисленными планами и видами зданій курсовъ, аудиторій, кабинетовъ, библіотеки, обсерваторіи и проч. Принимая во вниманіе объемъ книги и рисунки, нельзя не признать цѣну книги 2 р. весьма умѣренной. *А. Б.*

Американская школа. Очерки методовъ американской педагогіи. Екатерины Янжулъ. Второе измѣненное и дополненное изданіе. Спб. 1904. Ц. 2 р. Несмотря на свой педагогическій характеръ, очерки г-жи Янжулъ имѣютъ интересъ и значеніе не только для педагоговъ, учителей въ узкомъ смыслѣ этого слова. Они даютъ гораздо больше и могутъ заинтересовать и увлечь всякаго читателя, которому дороги интересы народнаго просвѣщенія вообще. А кому они не дороги теперь, когда жажда просвѣщенія охватила у насъ самые широкіе круги, проникая въ глубину народныхъ массъ? Знакомство съ тѣмъ, какъ поставлено дѣло просвѣщенія въ народной школѣ одной изъ самыхъ передовыхъ странъ міра, несомнѣнно имѣетъ общій, а не чисто-педагогическій характеръ. «Можно смѣло сказать,—говоритъ г-жа Янжулъ,—что по разносторонности образованія, которое дается въ народной школѣ, Америка превзошла всѣ другія государства, намъ въ этомъ отношеніи извѣстныя, а мы имѣли случай изучить школы нѣмецкія, французскія и англійскія. Несмотря на скромный, повидимому, циклъ предметовъ, значащихся въ учебномъ планѣ американской начальной школы, она далеко не ограничивается, даже въ первые годы ученія, грамотой и счетомъ, а въ связи съ ними гораздо больше другихъ школъ знакомитъ съ явленіями природы, съ событіями исторіи, съ данными изъ географіи, съ понятіями изъ области геометріи, съ отечественной литературой и ея представителями; и, наконецъ, изъ формальныхъ знаній, кромѣ умѣнія читать и писать, школьникъ очень часто научается прекрасно рисовать (даже съ натуры), а иногда и работать по глинѣ, дереву и металлу» (стр. 54). Какъ же достигается такой блестящій результатъ? Отвѣтить на этотъ вопросъ и ставить своею цѣлью г-жа Янжулъ, къ интересной книгѣ которой и отсылаемъ читателя. Здѣсь же, оставляя въ сторонѣ рядъ чрезвычайно остроумныхъ пріемовъ американской школы при обученіи основамъ чтенія, письма, счета, рисованія и т. д., отмѣтимъ, такъ сказать, основу основъ американской педагогіи—уваженіе къ личности ученика и ту высокую цѣнность, которую придаетъ эта педагогія самостоятельности ученика. Учителю ставится постоянно на видъ, что его задача—развить по возможности всѣ силы ученика, какъ умственныя и нравственныя, такъ и физическія, не путемъ насилія, а посредствомъ свободнаго отношенія къ нему. Это начинается съ посадки его въ школѣ, гдѣ ему отводится его мѣсто, на которомъ онъ можетъ сидѣть, какъ ему угодно, вставать, двигаться, лишь бы не мѣшалъ товарищамъ. И несмотря на такую свободу, порядокъ сохраняется самый образцовый, благодаря тому напряженному интересу, съ какимъ учитель ведетъ занятія. Поддерживать неослабно этотъ интересъ къ ученію—такова основа американской школьной дисциплины, которая не допускаетъ ни наказаній, ни похвалъ. Тѣлесныя наказанія, не говоря уже о розгѣ, не допускаются ни въ какомъ видѣ: строго

воспрещается ставить на колѣни, выталкивать изъ класса, ставить въ уголъ, заставлять стоять, когда всѣ сидятъ, и т. п. Предписывается избѣгать гласныхъ порицаній или осмѣянія, ибо «эта опасная мѣра ведетъ къ потери самоуваженія учащагося». «Избѣгайте брани,—говорится въ наставленіи для учителей.—Рѣзкій тонъ не нуженъ и нецѣлесообразенъ. Никогда не грозите. Рѣзкія слова, грубое обращеніе и наказаніе учениковъ, употребляемое для водворенія порядка и для достиженія извѣстныхъ результатовъ въ ученіи, въ сущности разрушаютъ чувство чести въ классѣ и подрываютъ настоящее уваженіе къ учителю». «Учителя, изучайте вашего плохого ученика, оказывайте ему сочувствіе, стремитесь вліять на него, управляйте имъ, но не отчаивайтесь въ немъ». «Отыскивайте лучше доброе и старайтесь играть на этихъ добрыхъ инстинктахъ» и т. д., вотъ что читаемъ мы въ правилахъ, *обязательныхъ* для американскаго педагога. Какъ все это дико и странно звучитъ для насъ, пріученныхъ къ началамъ совершенно иного рода! Уваженіе къ ученику, какъ къ личности, красной нитью проходитъ черезъ всю школу, объединяя всѣ ея принципы и методы. Такъ, не допускается стаднаго, если можно такъ выразиться, отношенія къ обученію, отъ учителя требуется самое подробное ознакомленіе съ каждымъ ученикомъ въ отдѣльности, и на этомъ основана система группировки учениковъ по отдѣленіямъ, сообразно съ силами и успѣхами каждаго. Иногда классъ разбивается на пять, на шесть комнатъ, гдѣ учатся разныя группы. Благодаря такой системѣ, ученики могутъ проходить курсъ на два, на три года скорѣе или дольше, смотря по обнаруженнымъ ими способностямъ. Какъ подробна такая группировки, видно, напр., изъ того, что есть начальныя школы, гдѣ число классовъ доходитъ до 19 и даже 22, а обыкновенно ихъ бываетъ отъ 12 до 15. «Дѣти развиваются разно, и общественная школа должна дать просторъ всѣмъ особенностямъ интеллектуальной жизни ребенка»,—такова задача истинной школы: не министерской, не церковно-приходской и даже не земской, а *народной*, какою и является школа въ Америкѣ. Но такая школа и можетъ существовать только тамъ, гдѣ она создается не по рецепту того или иного «направленія» или «вѣянія», а самимъ народомъ, соотвѣтственно своимъ нуждамъ и взглядамъ.

А. Б.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

от 15-го февраля по 15-ое марта 1904 г.

Берта фонъ-Зутнеръ. Въ цѣпяхъ. Спб. 1904 г. Изд. Поповой. Ц. 80 к.

В. Немировичъ-Данченко. Родная темень. Романъ. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 25 к.

Гумайюнъ-Намэ. Басни и притчи Востока. Перев. С. М. Спб. 1904 г. Ц. 50 к.

А. Петрищевъ. Бернадотъ. Драм. поэма въ 4 д. Изд. «Оріонъ». Спб. 1904 г. Ц. 50 к.

Магометъ-Якубъ, эмиръ Кашгарскій. Истор. повѣсть временъ покоренія русскими Средней Азіи. Пер. съ франц. И. Г. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

С. Зелексонъ. Эсфирь и Мардохей. Трагедія въ 4-хъ дѣйств. съ эпилогомъ. Одесса. 1904 г. Ц. 20 к.

Л. Линевичъ. Безъ разсвѣта. Драма въ 5 актахъ. Спб. 1904 г. Ц. 50 к.

И. Путилинъ. Записки Ивана Дмитріевича Путилина. Книга I и кн. II. Спб. 1904 г. Ц. по 60 к.

Танъ. Очерки и разсказы. Т. I. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

М. Радловъ. Живыя фотографіи. Разсказы. М-ва. 1904 г. Ц. 30 к.

Н. Анненкова-Бернардъ. Бабушкина внучка. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

Ник. Т—о. Тихія пѣсни. Спб. 1900 г. Ц. 1 р.

Георгъ фонъ-Омптеда. Разсказы. Пред. З. Венгеровой. Изд. «Оріонъ». Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

А. Апраксинъ. Тернистый путь. Романъ въ 2-хъ ч. Изд. П. Сойкина. Спб. Ц. 2 р.

Б. П. Никоновъ. Голосъ сердца. Стихотворенія. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

А. Вольскій. Подъ грозой. Ром. въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

М. Георгіевскій. Японія и японцы. М-ва. 1904 г. Ц. 5 к.

Жоржъ Дари. Электричество во всѣхъ его примѣненіяхъ. Съ многочисл. иллюстр. Пер. и доп. К. Дебу. Спб. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к., въ переп. 3 р. 50 к.

К. Келлеръ. Жизнь моря. Животный и растительный міръ моря, его жизнь и взаимоотношенія. Вып. 1 и 2-й. Изд. Девріена. Спб. 1904 г. Все сочин. выход. въ 5-ти вып. по 1 р. 60 к. за вып.

Вселенная и человѣчество. Чудеса природы и произведенія человѣка. Исторія изслѣдованія природы и приложенія ея силъ на службу человѣчеству. Подъ общ. ред. Г. Крэмера. Изд. «Просвѣщеніе». Вып. 6—8 и 9—11. Т. I. Выход. въ 100 вып. по 40 к.

Г. Дюмоларъ. Японія въ политическомъ, экономическомъ и соціальномъ отношеніи. Изд. Пантелѣева. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Г. Ибсенъ. Полное собраніе сочиненій. Пер. А. П. Ганзенъ. Т. VI. Изд. Р. Скримунта. М-ва. Ц. 1 р. 20 к.

Э. Бергманъ. Первая хирургическая помощь. Пер. д-ра О. Лурье. Подъ ред. проф. К. Сапѣжко. Кіевъ. 1904 г. Ц. 50 к.

В. Умановъ-Каплуновскій. Лучи и тѣни. Второй сборникъ разсказовъ. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

М. Черняева. Когда и какъ стала Волга русскою рѣкой. М-ва. 1904 г. Ц. 20 к.

Вопросы воспитанія и обученія. Труды Педагогическаго общества, сост. при Императ. Московск. университетѣ. Изд. Д. Тихомирова. М-ва. 1904 г. Ц. 1 р.

«Сельскій трудъ». Изд. С.-Петербургскаго собранія сельск. хозяевъ. **И. Абозинъ.** Какъ улучшить крестьянское куроводство. Съ 3 рис. Ц. 5 к. **С. Дремцовъ.** Луга и ихъ улучшеніе. Съ 32 рис. Ц. 7 к. **А. Новиковъ.** Объ улучшеніяхъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ нечноземной Россіи. Ц. 6 к.

Д. Овсянико-Куликовскій. Этюды о творчествѣ И. С. Тургенева. Спб. 1904 г. Изд. 2-ое испр. и дополн. Ц. 1 р. 25 к. Изд. «Оріонъ».

Лили Браунъ. Женскій вопросъ, его экономическое развитіе и его экономическая сторона. Пер. съ нѣм. А. Ачкасова и I. Кугеля. М-ва. 1904 г. Ц. 2 р.

Ѳ. Булгаковъ. Сто шедевровъ искусства. Лучшія картины первоклассныхъ художниковъ изъ знаменитыхъ картинн. галлерей съ біографіями художниковъ и описаніемъ ихъ картинъ. Спб. 1903 г. Ц. 4 р., въ пер. 5 р.

Л. Долло. Великія эпохи исторіи земли. Съ

6 рис. Изд. И. Сафонова. Спб. 1904 г. Ц. 50 к.

А. Нечаевъ. Очеркъ психологіи для воспитателей и учителей. Ч. I. Процессы умственной жизни. Изд. 2-ое. Спб. 1904 г. Ц. 50 к.

Жизнь и сочиненія Максима Горькаго въ оцѣнкѣ западно - европейск. критики, пер. съ англ. А. Бѣлова. Спб. 1904 г. Ц. 50 к.

Л. Шахъ-Пароніанцъ. Лирика Жуковскаго, Пушкина и Лермонтова. Спб. 1904 г. Ц. 20 к.

Н. М. Федорова. Дальній Востокъ. Японія, Корея, Манчжурія. Спб. 1904 г. Ц. 10 к.

Б. Малевичъ. Лѣсъ и лѣсоустройство. Очеркъ изъ практики лѣсоустроительныхъ и оцѣночныхъ работъ. Москва. 1904 г.

Орисонъ Светъ-Марденъ. Пробивайтесь впередъ! Пер. гъ анг. Шишмаревой. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 20 к.

А. В. Лонгиновъ. Мирные договоры русскихъ съ греками, заключенные въ X вѣкѣ. Одесса. 1904 г.

С. А. Чистяковъ. Исторія Петра Великаго. Изд. Вольфа. Спб. 1904 г. Ц. 5 р.

П. Головачевъ. Иркутское лихолѣтье 1758—1760 гг. М-ва. 1904 г. Ц. 40 к.

А. Догановичъ. Дѣдъ Игнатъ. Разсказъ. М-ва. 1904 г. Ц. 35 к.

Плято Ф. Рейсснеръ. Русско-нѣмецкій самоучитель. Новѣйшая метода для обученія въ 3 мѣс. нѣм. чт. письму и разговору безъ помощи учителя. Низшій курсъ. XXIII изд. 1 вып. Ц. 20 к.

Гаретъ П. Сервиссъ. Астрономія съ биноклемъ. Популярное введеніе къ изученію звѣзднаго неба. Изд. Поповой. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

В. Поленцъ. Страна будущаго. (Какъ живутъ американцы). Сокр. пер. О. Поповой. Съ 12 рис. Спб. 1904 г. Ц. 30 к.

Э. Арнольдъ. Свѣтило Азіи. (Въ краткомъ изложеніи). Изд. О. Поповой. Спб. Ц. 15 к.

Беранже. Полное собраніе пѣсенъ въ переводѣ русскихъ поэтовъ съ иллюстр. и автобіографіей. Т. I. Спб. 1904 г.

В. Желѣзновъ. Очерки политической экономіи. 2-ое изд. Спб. 1904 г. Ц. 3 р.

А. Берри. Краткая исторія астрономіи. Спб. 1904 г. Ц. 2 р. 50 к.

А. Поворинскій. Систематическій указатель русской литературы по гражданскому праву. Спб. 1904 г. Ц. 4 р. 50 к.

І. И. Иллюстровъ. Сборникъ россійскихъ пословицъ и поговорокъ. Кіевъ 1904 г. Ц. 3 р.

А. Лебедевъ. Дѣтская и народная литература. Вып. I и II. 4-е доп. изд. Н. Новгородъ. 1904 г. Ц. по 50 к.

С. Котляревскій. Ламеннэ и новѣйшій католицизмъ. М-ва. 1904 г. Ц. 3 р.

П. Викторовъ. Ученіе о личности и настроеніяхъ. Вып. 2-ой. М-ва. 1904 г. Ц. 1 р. 20 к.

В. Язвицкій. Болѣзнь духа. Драма въ 5 дѣйств. Казань. 1904 г. Ц. 60 к.

Н. Тимковскій. Тьма. Драма въ 4 дѣйств. Дѣло жизни. Сцена въ 5 дѣйств. М-ва. 1904 г. Ц. 1 р.

Н. Юринъ. Крестьянскія сельско-хозяйственныя общества. Саратовъ. 1904 г. Ц. 15 к.

А. Плетневъ. Taedium vitae. Спб. 1904 г. Ц. 10 к.

А. Энгельмейеръ. Волкъ. Комедія въ 3-хъ дѣйств. изъ народнаго быта. Рязань. 1904 г. Ц. 50 к.

Его-же. Холера. Театр. шутка въ 1 дѣйств. Рязань. 1904 г. Ц. 35 к.

И. Вороновъ. Народное хозяйство и народное здравіе. Воронежъ. 1904 г.

І. Шерръ. Всеобщая исторія литературы. 2-ое доп. изд. подъ ред. П. И. Вейнберга. Вып. V и VI. К. 3-я. М-ва. 1904 г. Подп. цѣна. 5 р.

А. Гиллерсонъ. Защитительныя рѣчи по дѣламъ уголовнымъ. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 25 к.

Д-ръ Кейра. Извращеніе половой идеи. Перев. съ франц. Н. Спиридонова. М-ва. 1904 г. Ц. 10 к.

Отчетъ о дѣятельности Педагогическаго общества при Импер. Московск. университетѣ за 1902—1903 г. Москва. 1904 г.

А. Балакшинъ. Отчетъ по Министерству земледѣлія и Госуд. Имущ. за 1903 г. Спб. 1904 г.

Д-ръ И. Пантюковъ. Куреневка. Медико-антропологическій очеркъ. Кіевъ. 1904 г.

Д-ръ Б. Козловскій. Одиннадцатилѣтній отчетъ о дѣятельности Софійской больницы гр. Бобринскихъ въ м. Смѣлѣ. Кіевъ. 1904 г.

Г. Риманъ. Музыкальный словарь. Пер. съ 5-го нѣм. изд. Б. Юргенсона подъ ред. Ю. Энгеля. Вып. XVI. М-ва. 1894 г. Ц. при подп. 6 р.

В. Зелинскій. Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію. Изд. 4-ое. Москва. 1904 года. Ц. 1 р.

В. Залѣсскій. Сводная таблица расположенія лекцій на Юридическомъ факультетѣ Казанск. Императ. университета за время съ 14-го февраля 1805 г. по 1 мая 1903 года. Казань 1903 г.

К. Козловскій. Венерическія и кожныя болѣзни въ общедоступномъ изложеніи. Изд. 2-е знач. дополненное. Спб. 1904 г. Ц. 80 к.

М. Быстровъ. Учебный курсъ исторіи русской литературы. Сборникъ чтеній для учениковъ старшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«La Philosopfie ancienne et la critique historique» par Ch. Waddington de l'Institut, professeur honoraire de philosophie à la Sorbonne (*Hachette*). (*Древняя философія и историческая критика*). Это солидное критическое изслѣдованіе, заключающее въ себѣ много прекрасныхъ и оригинальныхъ мыслей и притомъ написанное такимъ простымъ и яснымъ языкомъ, что прочтеніе его не требуетъ спеціальнаго философскаго образованія. Особенно интересна глава о скептикахъ и скептцизмѣ, въ которой авторъ доказываетъ, что какъ въ Греціи, такъ и въ другихъ мѣстахъ религіозный скептицизмъ всегда предшествовалъ философскому.

(Journal des Débats).

«The Worship of the Dead» or the origin, Nature and History of Pagan Idolatry by Col. I. Garnier R. E. With 5 Fullpage Ilustrations and numerous Pictures in the Text. 12 s. (*Chapman and Hall*) (*Культъ мертвыхъ или происхожденіе, характеръ и исторія языческаго идолопоклонства*). Тѣсная связь, существующая между древнимъ язычествомъ и раннею исторіею человѣчества, а также вліяніе язычества на судьбы человѣческой расы придаетъ особенный интересъ и значеніе изслѣдованію его происхожденія и характера языческихъ вѣрованій. Факты, собранные въ этомъ трудѣ и подвергнутые серьезному критическому анализу, бросаютъ совершенно новый свѣтъ на раннюю исторію Египта и Вавилоніи и имѣютъ спеціальное отношеніе ко многимъ важнымъ вопросамъ современной эпохи, волнующимъ современное человѣчество.

(Athaeneum).

«Jreland in the New Century» by Horace Plunkett (*Murray*) *5 s.* (*Ирландія въ новомъ вѣкѣ*). Эта книга представляетъ чрезвычайно солидное и безпристрастное изслѣдованіе ирландскаго вопроса, какъ съ практической, такъ и съ теоретической точки зрѣнія. Авторъ подробно изучаетъ жизнь и характеръ ирландскаго народа, изслѣдуетъ все, что было сдѣлано для улучшенія его участи, и указываетъ причины неуспѣха многихъ мѣропріятій, вытекающія изъ условій народной жизни въ Ирландіи и характера мѣстности. Его книга представляетъ цѣнный вкладъ въ исторію этого жгучаго вопроса.

(Athaeneum).

«Reden und Aufsätze» von Adolf Harnack. 2 vols. (*Ricker*) *Gûssen* (*Рѣчи и статьи*). Профессоръ Гарнакъ, пользующійся такою большою извѣстностью какъ писатель по разнымъ вопросамъ исторіи церкви и религіи, печатаетъ кромѣ статей, еще нѣкоторыя изъ своихъ рѣчей, которыя еще нигдѣ не были опубликованы. Въ первомъ томѣ особенно обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія статьи: «Легенды какъ историческіе источники», «Монашество, его идеалы и его исторія» и «Мартинъ Лютеръ и его значеніе для исторіи науки и образованія». Огромная трудиція автора и сила его критики особенно ярко выражены въ первой статьѣ, въ которой онъ изслѣдуетъ всю область христіанской исторіи и приводитъ легенды изъ разныхъ мѣстъ, доказывая, что многія изъ этихъ легендъ узурпировали мѣсто исторіи. Очень интересенъ, съ религіозной точки зрѣнія очеркъ, озаглавленный: «Чему мы должны бы учиться у римской церкви и чему нѣтъ».

(Berlin. Tag.).

«Outlines of English industrial History» by W. Cunningham and Ellen A. Mc Arthur (*Cambridge historical Serees*) (*Очерки англійской промышленной исторіи*). Въ книгѣ заключается сжатый, но въ тоже время вполнѣ обстоятельный обзоръ промышленной жизни Англіи, ея экономическаго развитія, денежнаго обращенія и кредита, а также состоянія ея сельскаго хозяйства и результатовъ расширенія ея торговыхъ сношеній съ другими націями.

(Daily News).

«Zur jüungsten deutschen Vergangenheit» von Karl Lamprecht (*Hermann Heyfelder*) (*Къ исторіи недавняго прошлаго Германіи*). Авторъ поставилъ себѣ задачей излѣдованіе тѣхъ политическихъ и экономическихъ превращеній, посредствомъ которыхъ германскій народъ достигъ своего теперешняго положенія среди остальныхъ наро-

довъ земного шара. Особенно заслуживаютъ вниманія главы, посвященныя авторомъ политическимъ партіямъ и обстоятельному изслѣдованію тѣхъ превращеній, которымъ они подвергались, а также вліяній, оказываемыхъ измѣнившимися условіями на личность партійныхъ дѣятелей. Въ своихъ изслѣдованіяхъ, авторъ пользуется психологическимъ методомъ, посредствомъ котораго можно лучше и скорѣе уяснить себѣ многія событія политической жизни, нежели посредствомъ простого изученія политическихъ фактовъ, безъ всякой психологической подкладки. Въ этомъ отношеніи книга представляетъ особенный интересъ, такъ какъ она можетъ быть названа въ нѣкоторомъ смыслѣ философіей новой и новѣйшей исторіи Германіи.

(Berlin. Tag.).

«Aus der indischen Kulturwelt» von D-r Artur Pfungst. (F. Fromman). Stuttgart (*Изъ индійскаго культурнаго міра*). Въ цѣломъ рядѣ очень увлекательно написанныхъ очерковъ, авторъ знакомитъ читателя съ древнѣйшими религіозными и философскими системами индусовъ и показываетъ, какъ постепенно народъ переросъ своихъ боговъ и началъ насмѣхаться надъ ними. Чрезвычайно интересны главы, въ которыхъ авторъ изслѣдуетъ точки соприкосновеніи между христіанствомъ и буддизмомъ, и глава, посвященная индійской сказочной литературѣ и легендамъ.

(Berlin. Tag.).

«Nature et Sciences naturelles» par Frédéric Houssay (Flammarion) (*Природа и естественныя науки*). Это сочиненіе можетъ быть названо исторіей тѣхъ усилій, которыя дѣлались человѣкомъ, чтобы познать и понять природу. Авторъ разсматриваетъ различныя теоріи, объясняющія явленія жизни, и дѣлаетъ имъ критическую оцѣнку.

(Journal des Débats).

«Humanism» S. Schiller (Macmillan and C°) 8 s. 6 d. (*Гуманизмъ*). Для огромнаго большинства читателей, которые, не будучи спеціалистами, все таки интересуются философіей, эта книга можетъ быть очень полезна, такъ какъ служитъ хорошимъ подспорьемъ при изученіи философіи гуманизма и ея вліянія на человѣчество.

(Daily News).

«Men and Manners of the third Republic» by Albert D. Vandam. With. portraits. (Chapman and Holl) 15 s. (*Люди и нравы третьей республики*). Очень интересная книга, въ которой описаны первые дни существованія третьей республики и чрезвычайно живо изображены нѣкоторыя изъ руководящихъ дѣятелей этого періода, напримѣръ, Гамбетта, Тьеръ, Жюль Симонъ. Къ тексту приложены хорошо исполненные портреты дѣятелей.

(Athaeneum).

«Ruskin in Oxford and other Studies» by G. W. Kitchin. Wit. illustrations, 12 s. (Murray) (*Рёскинъ въ Оксфордѣ*). Наиболѣе содержательный очеркъ въ этой книгѣ, тотъ, который относится къ Рескину и заключаетъ въ себѣ личныя воспоминанія автора. Остальные очерки носятъ болѣе или менѣе антикварный характеръ, но читаются все таки съ большимъ интересомъ.

(Daily News).

«The Life of Daniel O'Connell» by Michael Macdonagh (Cassell) (*Жизнь Даніеля О'Коннелля*). Авторъ заслуживаетъ самой искреней похвалы за прекрасно написанную и безпристрастную біографію ирландскаго дѣятеля. Немногіе изъ политическихъ вождей являются такими сложными натурами, какъ О'Коннелль, въ характерѣ котораго заключается много чисто ирландскихъ національныхъ чертъ. Исторія его жизни тѣсно связана съ исторіей ирландскаго національнаго движенія и поэтому представляетъ особенный интересъ.

(Athaeneum).

«Schiller und die neue Generation» von Ludwig Fulda (Cotta) (*Шиллеръ и новое поколѣніе*). Авторъ излѣдуетъ причины перемѣны, которая произошла во взглядахъ современнаго германскаго поколѣнія на Шиллера, столѣтіе рожденія котораго праздновалось раньше, какъ національный праздникъ. По мнѣнію автора, надо искать причину этой перемѣны въ измѣненіи взлядовъ политическихъ, образовательныхъ, нравственныхъ и эстетическихъ. Политическіе идеалы единства и свободы, носителемъ которыхъ былъ Шиллеръ, въ большей или меньшей степени достигнуты теперь Германіей, современные же идеалы искусства большею частью противоположны искусству Шиллера и его школы.

(Berlin. Tag.).

«An Essay on western civilisation in its Economic Aspects» by W. Cunningham With Maps. 2 vols. 8 s. 12 d. (Cambridge Historical series) (*Очерки западной цивилизации съ экономической точки зрѣнія*). Первый томъ этого прекраснаго изслѣдованія соціальной и экономической исторіи посвященъ древнимъ временамъ, а второй среднимъ вѣкамъ и современной эпохѣ. Сжатость изложенія нисколько не вредитъ интересу книги, очень богатой содержаніемъ, тѣмъ болѣе что она написана легко и просто, несмотря на серьезность предмета, и, очевидно, имѣетъ въ виду болѣе широкій кругъ читателей.

(Daily News).

«Napoléon et son fils» par Frédéric Masson (Ollendorff) (*Наполеонъ и его сынъ*). Очень увлекательно написанная исторія герцога Рейхштадтскаго, изобилующая подробностями и фактами. Авторъ развертываетъ передъ читателемъ блестящую картину послѣднихъ лѣтъ царствованія На-

полеона, его необычайныя старанія создать около своего сына весь декорумъ старинной монархіи, выражающіяся въ томъ вниманіи, которое онъ выказывалъ ко всѣмъ мелочамъ, касающимся ребенка, церемоніи крестинъ и его воспитанія. Авторъ описываетъ старанія Наполеона возстановить обычаи стариннаго двора и его заботливость, чтобы придворный этикетъ не былъ нарушенъ. Онъ говоритъ о строгости этого этикета, о положеніи Маріи-Луизы и подробно останавливается на печальной судьбѣ мальчика, который не наслѣдовалъ генія своего отца, не обладалъ выдающимся умомъ, не былъ въ сущности ни французомъ, ни австрійцемъ, и къ тому же еще страдалъ туберкулезомъ.

(Revue).

«*Un philanthrope d'autrefois. La Rochefoucauld-Liancourt*» *par Ferdinand Dreyfus* (*Plon Nourrit*) (*Филантропъ прежнихъ временъ*). Это интересная монографія одного филантропа временъ революціи, который не только мечталъ объ улучшеніяхъ участи несчастныхъ, но и пытался реализировать свои мечты. Въ исторіи онъ извѣстенъ былъ до сихъ поръ только своимъ отвѣтомъ Людовику XVI, которому онъ пришелъ сообщить о взятіи Бастиліи. Король спросилъ: «Это бунтъ?» —«Нѣтъ, сиръ,—отвѣчалъ Ліанкуръ—это революція». Ліанкуръ былъ авторомъ многихъ гуманитарныхъ реформъ и всю свою жизнь положилъ на борьбу за свои гуманитарныя идеи.

(Revue).

«*A Study of British Genius*» [*by Hovelock Ellis* (*Hurst and Blackett*). *7 s. 6 d.* (*Изслѣдованіе британскаго генія*). Авторъ, много лѣтъ занимающійся психологіей половъ и уже посвятившій этому вопросу три тома, теперь приступилъ къ изслѣдованію британскаго генія и составилъ списокъ 971 геніальныхъ мужчинъ и 55 геніальныхъ женщинъ, которыхъ онъ и изучилъ съ біологической точки зрѣнія. Прежде всего онъ занимается вопросомъ, откуда они происходили, кто были ихъ родители и въ какомъ соціальномъ классѣ чаще всего встрѣчается геній. Затѣмъ онъ переходитъ къ вопросу о семейномъ положеніи геніальныхъ людей. Остаются ли геніальные люди преимущественно холостыми или они чаще бываютъ женатыми и имѣютъ ли они большія семьи? Имѣютъ ли они темные или свѣтлые волосы и происходятъ ли они изъ города или изъ деревни? Однимъ словомъ, изслѣдуя геніевъ, онъ ставитъ интересные вопросы, какіе обыкновенно ставятъ себѣ натуралисты, когда сталкиваются съ новымъ и доселѣ неизвѣстнымъ для нихъ видомъ въ царствѣ животныхъ. Но далѣе авторъ изслѣдуетъ чрезвычайно интересныя и важныя проблемы геніальности, ея отношенія къ физическому здоровью, наслѣдственности, окружающей обстановкѣ и т. п.

(Review ot Reviews).

Издательница М. К. Куприна-Давыдова. Редакторъ Ѳ. Д. Батюшковъ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.


UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 117734274